

О.А. ВАЛЬКОВА

ШТУРМУЯ
ЦИТАДЕЛЬ НАУКИ

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Новое
Литературное
Обозрение

И С Т О Р И Я   Н А У К И

В книге рассмотрен процесс постепенной интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности в России с конца XVIII века и на протяжении всего XIX века, захватывавший с течением времени все большее количество участниц.

Ольга Валькова

**Штурмуя цитадель
науки. Женщины-ученые
Российской империи**

«НЛО»

Валькова О. А.

Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи /
О. А. Валькова — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1058-3

Монография О.А. Вальковой посвящена истории научной деятельности женщин в Российской империи в период с конца XVIII и до начала XX века включительно. В книге рассмотрен процесс постепенной интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности в России с конца XVIII века и на протяжении всего XIX века, захватывавший с течением времени все большее количество участниц. Какие формы и виды принимала в этот период научная работа женщин? Какие законодательные акты влияли на нее? Какие существовали способы взаимодействия женщин-любительниц наук с профессиональным научным сообществом? Как относились широкие слои образованного общества к женщинам-ученым и их занятиям? Эти и многие другие вопросы поднимаются в книге. Исследование основано на обширном круге исторических источников, прежде всего архивных, впервые вводимых в научный оборот. Автором был также найден и использован уникальный, ранее неизвестный статистический материал, характеризующий российских женщин, занимавшихся естественными науками во второй половине XIX — начале XX века. О. А. Валькова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

ISBN 978-5-4448-1058-3

© Валькова О. А.

© НЛО

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	66
Глава 6	70
Глава 7	80
Часть 2	85
Глава 1	85
Глава 2	93
Глава 3	100
Часть 3	110
Глава 1	110
Глава 2	130
Глава 3	141
Глава 4	162
Глава 5	166
Глава 6	206
Часть 4	238
Глава 1	238
Глава 2	272
Глава 3	284
Глава 4	308
Часть 5	342
Глава 1	342
Глава 2	347
Глава 3	352
Глава 4	372
Глава 5	374
Глава 6	380
Глава 7	391
Список сокращений	394
Приложение 1	395
Приложение 2	396
Приложение 3	397
Приложение 4	399
Приложение 5	402
Приложение 6	405
Список иллюстраций	407

О. А. Валькова

Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи

Предисловие

До настоящего времени в нашем обществе сохранилось немало предрассудков, определяющих модель социального поведения женщины, в том числе устойчивые представления о том, что является и что не является «женским делом» и (или) достойным занятием (образом жизни) женщины. Даже наоборот, некоторые из этих клише, побледневшие и, казалось, почти забытые за время активной феминистской пропаганды XX века (хоть ее так никогда и не называли в СССР), в последние годы вновь возникли и усиленно обсуждаются и пропагандируются в средствах массовой информации. Они безусловно влияют на стандарты воспитания подрастающих поколений, как девочек, так и мальчиков, ориентацию и жизненные приоритеты молодых женщин, парадигмы поведения людей в семье и обществе. Тем не менее даже поверхностное сравнение сферы возможной (и обычной) для женщины деятельности, жившей, например, в середине XVIII века, и нашей современницы (с экономической, юридической, моральной и социальной точки зрения), деятельности, которая разрешается, поддерживается и допускается (если не одобряется) обществом, выявит поразительные отличия. Всего за двести пятьдесят лет (срок очень маленький по историческим меркам) в некоторых отношениях положение женщины изменилось кардинально, а ее возможности значительно расширились. И прежде всего это касается интеллектуальных сфер деятельности, поскольку, насколько нам известно, никто никогда не протестовал против занятия женщин тяжелым физическим трудом, будь то в сфере сельского хозяйства, обслуживания или ремесла (по крайней мере до начала Новейшего времени). Хотя, конечно, некоторая специализация и разделение женских и мужских обязанностей и профессий безусловно существовали и в области физического труда, но сам факт того, что женщина может и должна им заниматься, общество не оспаривало. Крестьянки, служанки, прачки, ткачихи... общество не считало, что эти занятия не подобают женщине, противоречат ее физиологии, отвлекают ее от заботы о семье и способствуют падению уровня нравственности в обществе. Совсем другое дело – умственный труд. Для того чтобы отвоевать себе право зарабатывать на жизнь не только тяжелым, вредным для здоровья, а зачастую и опасным физическим трудом, разумеется плохо и крайне мало оплачиваемым, потребовались те самые двести пятьдесят лет, о которых мы упомянули выше. И если с точки зрения глобального исторического процесса подобный срок – это сущий пустяк, то с точки зрения жизни человека – это жизни более десяти поколений, потраченные на достижение одной цели. А это уже совсем, совсем не мало. Хотя опять-таки, как мы уже упоминали, даже сегодня найдутся люди (и мужчины, и женщины), отрицающие подобное право женщины, причем их аргументы, как правило, не отличаются от тех, которые можно было услышать лет сто пятьдесят тому назад.

Научная деятельность представляет собой всего лишь одну из разновидностей интеллектуального труда, в праве на который общество отказывало представительницам женского пола не только в XVIII, но и в XIX веке и которая в настоящее время является вполне привычным и для них, и для самого общества видом деятельности. По данным современных исследователей, к 80-м годам XX века женщины составляли около 40 % научных сотрудников Российской Федерации¹. Если учесть, что в первый год XX века по законам Российской империи

---

¹ Агамова Н. М., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие

женщины не имели права поступать в университеты империи, получать научные степени и звания, а также занимать должности научных сотрудников в государственных учреждениях, то можно с уверенностью утверждать, что перемена, произошедшая в XX веке в сфере профессионально-научной занятости женщин в России, была стремительной по историческим меркам. Однако, как свидетельствует опыт исторического развития, подобные перемены не происходят, как правило, одномоментно: подготовительные процессы, приводящие к ним, могут протекать в течение предшествующих десятилетий и даже столетий.

Именно таким был процесс постепенной интеграции женщин в профессиональную научную деятельность, процесс, занявший около двухсот лет. Изучение истории превращения блестящей и элегантно-аристократки, любительницы и покровительницы наук, которую можно было иногда встретить на заседании Академической конференции в XVIII веке, в строго одетого и делового доктора наук, профессора и руководителя научно-исследовательского учреждения, которую можно было найти в коридорах научных институтов уже в первой четверти века XX, является целью настоящего исследования. Несомненно, нельзя не признать, что слом устоявшихся стереотипов и моделей социального поведения людей – один из сложнейших и интереснейших для изучения исторических процессов, происходящих в обществе. Тем более слом поведенческих стереотипов женщины (и восприятия происходящих изменений обществом как таковым), поскольку этот конкретный процесс затрагивает жизнь всех без исключения людей, влияя в том числе и на повседневную жизнь наших современников. Тем более странно, что ранее в отечественной историографии подобные попытки не предпринимались. В имеющихся же немногочисленных исследованиях появление в России первых профессиональных женщин-ученых часто относят уже ко второму десятилетию XX века, что, безусловно, не соответствует действительности. В несколько более многочисленных работах, посвященных истории высшего женского образования в России, стремление к которому ярко проявилось среди российских женщин с конца 50-х – начала 60-х годов XIX века, существует традиция связывать воедино историю высшего женского образования и историю профессиональной научной деятельности женщин, что также не выдерживает проверки фактами, по крайней мере в том, что касается 60–80-х годов XIX века.

Итак, в книге, которую вы держите перед собой, впервые в историографии отечественной истории науки предпринята попытка проследить удивительную метаморфозу ученой дамы в доктора наук и члена-корреспондента Императорской академии наук; изучить процесс постепенной интеграции российских женщин в ряды профессионального научного сообщества, неспешно протекавший в России с конца XVIII и вплоть до начала XX века; написать историю российских женщин-ученых, историю, в которой были свои герои, свои победители и неудачники, мученики и злодеи; написать историю штурма крепости, стоящей на высоченном утесе и казавшейся неприступной, насмешливо манившей издали светом своих огней, но тем не менее поддавшейся многолетней осаде, отчаянным и безумным штурмам и в конце концов распахнувшей свои двери перед желающими войти...

Часть 1

Женщины – любительницы наук в России в конце XVIII – первой половине XIX века

Глава 1

Дамы – любительницы наук в России в XVIII веке – миф или реальность?

*Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери, внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет.
Господин Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. 1793 г.*

Сведения, которыми мы сегодня располагаем о российских женщинах, увлекавшихся, интересовавшихся и тем более систематически занимавшихся естественными и математическими науками во второй половине XVIII века, очень скудны. Однако в исторической литературе XIX века бытовало мнение, что женщины, имевшие подобные интересы, не только существовали, но что число их было не так уж мало. Например, в 1895 г. писатель Владимир Осипович Михневич (1841–1899), посвятивший целую главу своей книги «Русская женщина XVIII столетия» «писательницам и ученым», заявлял: «В течение означенного периода мы встретим не мало женщин-писательниц *и даже ученых*², – и далее объяснял характер их занятий следующим образом: – Но все они упражняются в сочинительстве, в науках и искусствах не по профессии, а исключительно, как “любительницы”-дилетантки. Это все хорошо обеспеченные барыни, прекрасно образованные, начитанные, нередко талантливые, исполненные искренней любви к науке³, к литературе и искусству, но занятия сими последними – для них не более, как забава, развлечение или предмет суетного тщеславия. Тут нет места ни системе, ни серьезным целям, ни сознанию общественного долга, как не может быть им места во всякой личной, хотя бы и очень изящной и остроумной прихоти. Оттого-то так тощи и ничтожны в итоге плоды умственно-художественной производительности русской образованной женщины за времена минувшие». И после небольшого отступления продолжал: «Труда⁴, именно, и не хватало предшествовавшим поколениям русской образованной женщины, пробовавшей свои творческие силы на поприще литературы, науки и искусства! Мы говорим о *профессиональном*⁵ труде, подчиняющемся духовным потребностям общества и одушевленном общественными идеалами. Отсутствие такого труда низводит самое прилежное, самое утонченное занятие наукой и искусством на степень эстетического переливания из пустого в порожнее. К сожалению, таков был, в большинстве случаев результат женской производительности в упомянутой области до последнего почти времени»⁶. (Заметим в скобках, что единственное исключение В. О. Михневич делал для актрис, труд которых он также признавал интеллектуальным и весьма выдающимся⁷.)

---

² Курсив наш. — О. В.

³ Курсив наш. — О. В.

⁴ Курсив автора. — О. В.

⁵ Курсив автора. — О. В.

⁶ Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990 (репринтное издание 1895 г.). С. 242–243.

⁷ Там же. С. 243.

К сожалению, В. О. Михневич, кратко перечислив нескольких писательниц, переводчиц и поэтесс, деятельность которых с тех пор многократно изучалась, назвав несколько известных светских дам – покровительниц наук и художеств, также неоднократно привлекавших внимание исследователей, не назвал *ни одного* имени женщины-ученой, кроме, конечно, Е. Р. Дашковой. Таким образом, не очень понятно, на чем же основывалось его утверждение о большом количестве женщин-ученых в России второй половины XVIII века и на основании чего он давал такую детальную характеристику их социального положения, уровня образования и, главное, характера занятий науками. Возможно ли, что В. О. Михневич ошибался или дал волю писательской фантазии? Посмотрим на этот предмет несколько подробнее.

13 октября 1717 года по личному приглашению Петра I прибыла в Петербург Доротея Мария Генриетта Графф (1678–1743), дочь знаменитой художницы, путешественницы, энтомолога Марии Сибиллы Мериан (1647–1717). Она получила место преподавателя в Фигурной палате Академии наук, обучая первых российских граверов и художников рисованию и живописи, но этим не ограничивался круг ее деятельности. Доротея Мария ухаживала за своей знаменитой матерью в последние годы ее жизни. Она же была распорядителем ее наследства, прежде всего научного. Как пишет биограф Марии Сибиллы Т. А. Лукина, «своей главной задачей она сочла завершение третьей части “Книги о гусеницах”. Мария Сибилла в последние годы жизни была особенно заинтересована в этой работе, так как хотела включить в нее свои новые наблюдения и исправить вкравшиеся ошибки. Книга вышла в свет в год смерти ее создательницы. На титульном листе значилось: “Третья и последняя часть “Происхождения и питания гусениц” Марии Сибиллы Мериан. Приложение содержит некоторых суринамских насекомых. Их наблюдала ее старшая дочь Иоганна Елена Херолт во время пребывания в Суринаме. Все вместе нарисовала и издала в свет младшая дочь Доротея Мария Хенрика”. Пятьдесят гравюр этой части были выполнены по рисункам Марии Сибиллы. Ею же был написан и пояснительный текст»⁸. В России Доротея Мария помимо преподавания рисовала экспонаты Кунсткамеры, в основном птиц. Она многое сделала для развития музейного дела в нашей стране. «То, что дочь Марии Сибиллы без колебаний согласилась переселиться в далекую, не известную ей страну, в город, который только еще строился, подтверждает ее смелость и решительность, – пишет Лукина. – Она была достойна своей матери. Доротея Мария, или “Гзельша”, считалась в стенах Петербургской Академии авторитетом не только в вопросах художеств, но и во всем, что касалось Южной Америки: ведь, подобно своей матери, она побывала там среди первых исследователей Суринама, первооткрывателей его животного и растительного мира (более ранние исследователи Южной Америки, жившие в России, неизвестны)»⁹. По имеющимся на сегодняшний день сведениям, Доротея Мария Графф являлась первой женщиной, принятой на службу в Петербургскую Академию наук. Второй стала через шесть с лишним десятилетий княгиня Е. Р. Дашкова.

В одном В. О. Михневич был, безусловно, прав: говоря о женщинах, интересовавшихся наукой в последние десятилетия XVIII века, никак нельзя обойти молчанием деятельность светлейшей княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810). Директор Петербургской академии наук (1783–1796), создатель и президент Российской Академии (1783–1796), она давно и с полным правом признана выдающимся организатором науки своего времени¹⁰. Из собственных записок княгини широко известны ее увлечения философией, музыкой, архитектурой, художественной литературой. Однако сведений о ее отношении к естественным и точным наукам (здесь мы имеем в виду личный интерес к естествознанию) почти нет, да и исследо-

⁸ Лукина Т. А. Мария Сибилла Мериан. 1647–1717. Л.: Наука, 1980. С. 123.

⁹ Там же. С. 149–150.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.; Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб.: Росток, 2006. 359 с. и др.

ватели жизни и творчества Е. Р. Дашковой не обращали особого внимания на этот вопрос. Тем не менее отдельные замечания, разбросанные по страницам «Записок» княгини, позволяют предположить, что и эта сфера человеческого знания входила в круг ее интересов. Рассказывая, например, о своем пребывании в Брюсселе во время второго заграничного путешествия (1775–1782), она пишет: «Каждое утро мы отправлялись с доктором Бюртенем в окрестности города и составляли гербарий из растений, не виданных мною у нас»¹¹. Во Флоренции она осматривала не только картинную галерею, церкви, библиотеки, но и «великогерцегский кабинет естественной истории». И не просто осматривала, поскольку, по ее словам, «его королевское высочество приказал дать мне все дублеты, которые я пожелаю иметь, вследствие чего я получила много окаменелостей и не только местных, но со всего земного шара...»¹². Описывая собор города Пизы, Е. Р. Дашкова отмечает: «*Любитель естественной истории*¹³ заметит, что одна из маленьких колонн, поддерживающих кафедру, составлена из кусочков разных сортов порфира, соединенных между собой пастой из простого порфира»¹⁴. Во время пребывания в Вене Екатерина Романовна посещает императорский музей, причем замечает, что император Иосиф «... мне предложил выбрать из его кабинета какие угодно дублеты и простился со мной, заявив, что, зная мою любовь к естественным наукам, не решается дальше отнимать у меня драгоценное время», – чем Е. Р. Дашкова не преминула воспользоваться: «Я выбрала кое-какие образцы минералов Венгрии и других провинций», – пишет она¹⁵. В Праге княгиня купила «очень дешево» «коллекцию окаменелостей различных пород деревьев и образцы мрамора»¹⁶. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что как сама Е. Р. Дашкова, так и окружающие причисляли ее к «любителям наук» и что собирание естественно-научных коллекций, несомненно, было одним из ее увлечений. Правда, основываясь на материале «Записок», трудно определить глубину этого интереса, поскольку приведенные нами упоминания отрывочны. Кроме того, известно, что Е. Р. Дашкова совершала свое путешествие с целью завершить образование сына (во всяком случае, так она заявляла), так что посещение естественно-научных музеев и кабинетов могло быть частью образовательной программы, составленной ею для сына, а отнюдь не данью собственным увлечениям. Можно ли с полным правом назвать Е. Р. Дашкову «натуралистом», как это делает в своей работе Л. Я. Лозинская¹⁷? Было ли ее занятие коллекционированием всего лишь данью моде? В нашем распоряжении недостаточно фактов, чтобы ответить на эти вопросы. Однако некоторые факты, подтверждающие мнение Л. Я. Лозинской, все-таки имеются. Так, в 1783 году, заняв пост директора Академии, Е. Р. Дашкова стала инициатором чтения академиками бесплатных популярных курсов математики и естественной истории (1785–1802). Современные исследователи очень высоко оценивают их, относя к числу «крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е. Р. Дашковой в Академии наук»¹⁸. Рассказывая об этом начинании, Е. Р. Дашкова писала: «Я часто присутствовала на лекциях...»¹⁹ Также не раз и не два на страницах своих «Записок» Е. Р. Дашкова упоминает сады, в создании которых она принимала непосредственное участие. В ее собственном саду, распланированном ею, «каждое дерево и каждый куст были посажены» по ее выбору и на ее глазах²⁰. По просьбе брата, А. Р. Воронцова, она занималась планировкой

¹¹ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1985. С. 106.

¹² Там же. С. 114.

¹³ Курсив наш. — О. В.

¹⁴ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 115.

¹⁵ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 129.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лозинская Л. Я. Указ. соч. С. 3.

¹⁸ См.: Смагина Г. И. Указ. соч. С. 95.

¹⁹ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 149.

²⁰ Там же. С. 157, 180, 199 и др.

и обустройством его сада и пр.²¹ Помимо этого Е. Р. Дашкова вскользь замечает, что имела «некоторые познания в медицине»²². Таким образом, подводя краткий итог, можно сказать, что княгиня Е. Р. Дашкова занималась собиранием естественно-научных коллекций, причем в создании некоторых (например, гербариев) принимала личное участие. За границей она посещала естественно-научные музеи и кабинеты, а в России – академические лекции по математическим и естественным наукам и несомненно увлекалась садоводством. Все это подразумевает, что она имела достаточно широкий кругозор в области естественных наук.

Рис. 1. Портрет княгини Е. Р. Дашковой. 1808 г. Неизвестный художник с оригинала 1790-х гг.

Однако для нашего исследования важен ответ на вопрос: насколько типичными для своего времени или, наоборот, нетипичными были познания и увлечения княгини Е. Р. Дашковой? В своих «Записках» Е. Р. Дашкова как-то упоминает церемонию раздачи премий в Академической конференции: «День, назначенный для раздачи премий, был объявлен заранее в газетах, и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы...» – пишет она²³. Было ли появление «дам» в Конференции Академии событием чрезвычайным,

---

²¹ Там же. С. 179.

²² Там же. С. 197.

²³ Там же. С. 157.

вполне заслуживавшим эпитета «даже»? Трудно сказать. Е. Р. Дашкова, по ее собственным словам, «не любила появляться в научных конференциях»²⁴, так могла ли она знать о том, кто там бывал регулярно? Вполне возможно. К сожалению, из отчетов академиков, читавших публичные лекции, нельзя понять, посещали ли их женщины. Никто из них об этом не упоминает, так же как и сама княгиня²⁵.

Однако при внимательном изучении литературных источников можно встретить отрывочные и мимолетные упоминания о современницах княгини Е. Р. Дашковой, так или иначе проявивших свой интерес к естественным наукам. Например, в № 13 «Дамского журнала» за 1830 год в рубрике под названием «Материалы для истории русских женщин-авторов» появилась краткая информация о сестрах, княжнах Анне Михайловне (впоследствии – Грессер, 1776 (?) – 1827) и Екатерине Михайловне (впоследствии – Кожина, 1777–1834) Волконских, дочерях бригадира князя М. П. Волконского, опубликовавших в 1792 г. выполненный ими перевод книги «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств»²⁶. К этому времени в русской литературе уже были известны имена нескольких дам и девиц переводчиц. Но никто из них раньше, кажется, не обращал внимания на научную и научно-популярную литературу. «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств» представляли собой в соответствии с современной терминологией «книгу для чтения» или, можно сказать, хрестоматию, содержащую отрывки из сочинений по естественным наукам, астрономии, письму и книгопечатанию, а также из политических и «моральных» наук. Как замечал анонимный автор «Дамского журнала»²⁷, сестры перевели и напечатали «весьма полезную для Натуральной Истории книгу... <...> Профессор Озерецковский²⁸ и многие другие из наших ученых естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость счастливому выбору переводчиц и хвалили самый перевод их, не затрудненный даже и при технических выражениях – науки, столь много замечательной, в особенности под пером женщины!»²⁹ Чем был вызван выбор княжон Волконских: личным интересом, желанием угодить кому-то из родственников и друзей, случайностью – неизвестно. Однако, как заметил в 1874 году писатель и историк Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) в книге «Русские женщины нового времени», «надо отдать честь этим девушкам, что их не остановила трудность такой работы, как перевод ученого и весьма капитального в то время сочинения»³⁰. Д. Л. Мордовцев считал необходимым добавить от себя несколько слов по поводу «ученой терминологии», которая «была несравненно менее установлена и выработана, чем в настоящее время: известно, как ученая терминология и теперь затрудняет наших современных переводчиков и переводчиц», – писал он³¹. Автор «Дамского журнала» передал также слова, якобы сказанные по поводу работы сестер Волконских Д. И. Фонвизиним некоему приятелю: «Прочти перевод княжен Волконских; его скоро напечатают, и ты увидишь, что при изображении моей *последней Софьи* я еще весьма мало задал ей учености: наши Россиянки начали уже и сами знакомить нас с Бонетами³² и Бюффонами»³³. Вообще,

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Материалы об организации и проведении в Академии наук публичных лекций (1784–1796) // Смагина Г. И. Указ. соч. С. 315–322.

²⁶ Волконская А. М., Волконская Е. М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / Пер. Ч. 1–2. СПб., 1792.

²⁷ С большой долей вероятности можно предположить, что рубрику вел сам издатель журнала, князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852).

²⁸ Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) – естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук.

²⁹ Княжна Катерина Михайловна Волконская: Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение) // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197–198.

³⁰ Цит. по изданию: Мордовцев Д. Л. Замечательные исторические женщины 2-ой пол. 18-го столетия: Репринт. Калининград, 1994. С. 179.

³¹ Там же.

³² Видимо, имеется в виду естествоиспытатель, философ, юрист, иностранный член Петербургской академии наук Шарль

кажется, публикация перевода княжон Волконских не прошла незамеченной. По словам графа Дмитрия Ивановича Хвостова, приславшего некоторые дополнения и исправления в редакцию «Дамского журнала», перевод этот был показан княгине Е. Р. Дашковой, которая в свою очередь передала его императрице Екатерине II. Екатерина пожелала познакомиться с переводчиками лично, и Е. Р. Дашкова представила ей их во время одного из петергофских маскарадов. «Императрица изволила приласкать юных переводчиц пред всею публикою», – замечал Д. И. Хвостов³⁴.

То, что научный перевод требует от переводчика не только свободного владения иностранным языком (что было в тот период вполне обычным для русской аристократки), но и понимания сути предмета, не вызывает сомнений. Чтобы создать перевод, вызвавший такие похвалы, сестры Волконские просто не могли не иметь какого-то естественно-научного образования, хотя бы и самого поверхностного. Поэтому можно предположить, что выбор объекта перевода был обусловлен их собственной заинтересованностью и любопытством или, возможно, на этот выбор оказало влияние европейское увлечение того времени. Материалы Международного симпозиума «Посредники наук: женщины – переводчики научных текстов 1600–1850»³⁵, прошедшего в рамках XXIII Международного конгресса по истории науки и техники «Идеи и инструменты в социальном контексте», свидетельствуют о том, что занятие женщин переводами научных текстов в XVIII веке встречалось достаточно часто в различных европейских странах, в том числе во Франции, в Неаполитанском королевстве, в Испании³⁶.

Хотя это, конечно, не больше чем предположение. Однако, несмотря на то что мотивы сестер Волконских остаются для нас неясными, они – первые русские женщины (насколько это известно на сегодняшний день), выступившие в печати с научным (научно-популярным) сочинением, пусть пока что только переводным. Кроме того, что описанная работа свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России в последние десятилетия XVIII века женщин, достаточно серьезно интересовавшихся науками, она представляет собой первый опыт профессии, в будущем давшей занятие и заработок многим российским образованным женщинам. Как, на наш взгляд, совершенно справедливо заметил Д. Л. Мордовцев, «к чести “россиянок” прошлого века следует отнести, что они являются как бы прототипами тех *полезных*³⁷ женщин-писательниц нашего времени, которые своею переводческою деятельностью значительно пополняют недостаточность научной подготовки русской читающей публики»³⁸.

На страницах «Дамского журнала» нам удалось отыскать еще одно женское имя, связанное с занятием точными и естественными науками в XVIII столетии. В уже упоминавшейся рубрике этого журнала «Материалы для истории русских женщин-авторов», помимо сведений о писательницах, поэтессах и переводчицах, журнал поместил заметку о некоей Маргарите Николаевне Струйской, дочери небезызвестного дворянина, прозаика и стихотворца, а также типографа Николая Еремеевича Струйского (1749–1796). Как и другие дамы, Маргарита Николаевна пробовала свои силы в переводах, и в 1791 году один из них увидел свет³⁹, но

Бонне (1720–1793). Несколько его работ были опубликованы по-русски, например: «Созерцание природы» (Смоленск, 1804); «Физиологические начала о первой причине и действии оной» (СПб., 1805).

³³ Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 198.

³⁴ Дополнения к изданным материалам для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30. № 21. С. 121.

³⁵ «Mediators of Sciences. Women Translators of Scientific Texts 1600–1850».

³⁶ См., например: *Guerre Corinna*. Mariangela Ardinghelli: Poetry and electricity in 18th-century Naples // XXIII International congress of history of science and technology. Ideas and instruments in social context. Book of abstracts & list of participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 246; *Tiggelen Van Brigitte*. M-me Thiroux D'Arconville and the uses of translation: anonymity, autonomy and authorship in women's contribution to chemistry in the XVIIIth century // Ibid. P. 247; *Serrano Elena*. Women translating science in the Spanish Enlightenment // Ibid. P. 248 и др.

³⁷ Курсив наш. — О. В.

³⁸ Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 179.

³⁹ *Грегори Дж.* Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным г. доктором Григорьем в Единбурге и

не это привлекло наше внимание. Редактор «Дамского журнала» пишет о ней: «...разделяла литературные труды со своим родителем, не скучала его философическою жизнью и не редко препровождала с ним целые недели на *обсерватории*⁴⁰, устроенной тогда в их Пензенской вотчине⁴¹»⁴². Источник этих крайне интересных сведений нам установить, к сожалению, не удалось, так же как и найти какие-либо подробности.

«Русский биографический словарь» также сообщает о нескольких представительницах рода Голицыных, живших во второй половине XVIII века и интересовавшихся науками. Так, в статье, посвященной княгине Екатерине Дмитриевне Голицыной (1720–1761), дочери молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира и княжны (в девичестве) Анастасии Ивановны Трубецкой, Н. Чулков писал, что княгиня воспитывалась в доме матери под наблюдением ее брата, известного отечественного деятеля Ивана Ивановича Бецкого, и «считалась одной из образованнейших русских женщин своего времени»⁴³. Он также сообщал: «...Голицына интересовалась медициной и по духовному завещанию оставила 22 000 р. в пользу страждущего человечества, с тем, чтобы на проценты с этого капитала были отправляемы Московским воспитательным домом чрез каждые 6 лет трое молодых людей в возрасте 15–18 лет, природные русские или родившиеся в России, для изучения медицинских наук в иностранных университеты, преимущественно в Страсбургский, славившийся в то время лучшим преподаванием повивального искусства»⁴⁴. По сведениям Н. Чулкова, именно на эти средства получили образование первые представители отечественного акушерства, в том числе, по выражению историков медицины XX века, признанный «отец» русского акушерства⁴⁵ Н. М. Максимович-Амбодик⁴⁶, А. М. Шумлянский⁴⁷ и др.⁴⁸

Еще одна княгиня Голицына, широко известная своим интересом к наукам и упомянутая в «Русском биографическом словаре», – княгиня Амалия Самуиловна Голицына, урожденная Шметтау (1748–1806)⁴⁹, дочь прусского графа, генерал-фельдмаршала и президента Берлинской академии наук Самуила Шметтау (1684–1751). Амалия Шметтау вышла замуж за любителя естественных наук князя Дмитрия Алексеевича Голицына (1734–1803), большую часть жизни проведшего в Европе⁵⁰. Хотя после замужества Амалия Шметтау носила россий-

---

переведенное Маргаритою [Николаевною] Стр[уйскою]. СПб., 1791.

⁴⁰ Курсив наш. — О. В.

⁴¹ Село Рузаевка Пензенской губернии Инсарского уезда.

⁴² Маргарита Николаевна Струйская // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197.

⁴³ Чулков Н. Голицына, княгиня Екатерина (Смарагда) Дмитриевна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 215.

⁴⁴ Там же. С. 215–216.

⁴⁵ См.: Дроздова З. А. Нестор Максимович Максимович-Амбодик (отец русского акушерства). Л., 1950.

⁴⁶ Максимович-Амбодик Нестор Максимович (1744–1812) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал повивальное искусство в различных госпиталях С.-Петербурга; помимо прочего опубликовал книгу: Максимович-Амбодик Н. М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле, на пять частей разделенная и многими рисунками снабденная... Для пользы повивальных российских бабок и лекарей сочинил врачебной науки доктор и повивального искусства профессор Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1784–1786. Ч. 1–6.

⁴⁷ Шумлянский Александр Михайлович (1748–1795) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал в различных медицинских заведениях Москвы и С.-Петербурга; с 1793 г. – преподаватель московской акушерской школы. Автор нескольких научных работ и переводов.

⁴⁸ Чулков Н. Указ. соч. С. 216.

⁴⁹ Adelheid Amalia von Golizyn (Gräfin von Schmettau).

⁵⁰ Н. Чулков пишет о нем: «Он жил преимущественно умственными интересами и всю жизнь чему-нибудь учился. Главными предметами его изучения были электричество и минералогия. Его общество составляли философы, ученые, художники. Близкий ко многим энциклопедистам, он переписывался с Вольтером, издавал произведения Гельвеция; в особенности был дружен с Дидро...» (Чулков Н. Голицын, князь Дмитрий Алексеевич // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 162). Д. А. Голицын был почетным членом Петербургской, Стокгольмской, Брюссельской и Берлинской академий наук, членом Петербургской академии художеств, а также Вольно-экономического, Лондонского королевского и Эрфуртского полезных знаний обществ; председателем Йенского минералогического общества, которому и завещал свои минералогические коллекции (Там же. С. 162).

скую фамилию Голицына, бывала в России (по крайней мере, она была представлена при дворе Екатерины II), тем не менее ее трудно причислить к *российским* женщинам – любительницам наук. Однако, поскольку, по мнению автора биографической статьи историка Павла Пирлинга, дом княгини «служил средоточием высшего общества» и в гостях у нее бывала «русская знать»⁵¹, она могла оказывать значительное влияние на мировоззрение, а также увлечения российских дам – своих гостей. Поэтому мы считаем необходимым сказать здесь о ней несколько слов. Уже после замужества и рождения двоих детей княгиня решила заняться самообразованием. По словам Пирлинга, «...с редкою энергиею и неутомимым усердием княгиня взялась за изучение математики, философии, греческого языка и вместе с тем, обдумав широкий план и усвоив себе надлежащие приемы, она стала сама преподавать детям первоначальные знания»⁵². Проживая в швейцарском Мюнстере, она собрала вокруг себя кружок ученых и увлекавшихся науками людей, ставший известным по всей Германии под именем *familiasacra*. Как пишет П. Пирлинг, «ежедневно, по вечерам, в ее доме велись научные разговоры. В них участвовали университетские профессора, местные ученые, высшие сановники»⁵³. Княгиня А. С. Голицына состояла в переписке со многими известными учеными своего времени. Первая часть дневниковых записок княгини была опубликована в Штутгарте в 1868 году под названием «*Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang*»⁵⁴. Продолжение вышло в Мюнстере в 1874–1876 годах. На русский язык они никогда не переводились⁵⁵.

В упоминавшейся выше книге В. О. Михневича приведен еще один пример женщины-ученой, оставшейся, однако, безымянной. В. О. Михневич взял его из работы «Н. М. Карамзин» журналиста и редактора Альберта Викентьевича Старчевского (1818–1901). Это история воспитания братом Н. М. Карамзина Василием Михайловичем Карамзиным (1751–1827) «одной девочки», у которой им были замечены «необыкновенные способности». «Эта редкая женщина выучилась даже латинскому языку»⁵⁶ и считалась ученойшею в своем околке, не выезжая из пределов Симбирской губернии», – приводит В. О. Михневич цитату из работы А. В. Старчевского и добавляет: «К сожалению, г. Старчевский, сообщая эти сведения, <...> не указывает их источника и не называет даже имени этой “редкой женщины” – ученой»⁵⁷. Тем не менее он не подвергает сомнению данное свидетельство.

Конечно, несколько найденных имен не может свидетельствовать о положении дел в целом. Однако в нашем распоряжении имеются и другие, объективные данные о существовании интереса к точным и естественным наукам среди российских женщин последних десятилетий XVIII века.

По сведениям современного специалиста по истории отечественной книги XVIII века, доктора исторических наук А. Ю. Самарина, изучившего подписные листы различных научных

⁵¹ Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 205.

⁵² Там же.

⁵³ Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 206.

⁵⁴ *Golitsyna Amaliia Samuilovna*. Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang. 1868.

⁵⁵ Подробнее о княгине Амалии Голицыной см.: *Hügel Pauline freiherrin von*. A Royal Son and Mother. Notre Dame, Ind.: The Ave Maria Loretto press, 1902.

⁵⁶ Знание женщиной латинского языка вызывало искреннее удивление и преувеличенное восхищение почти всех авторов XIX в., которым когда-либо приходилось в печати упоминать об этом. Одновременно не вызывало ни малейшего удивления вполне обычное для конца XVIII – первой половины XIX в. (и даже для более позднего периода) владение девушкой-аристократкой как минимум двумя, а чаще тремя современными иностранными языками. Наоборот, подобное умение считалось общепринятым стандартом женского аристократического образования. Современники, кажется, не замечали этого парадокса: латынь – язык науки, доступный лишь избранным, поэтому владевшая ею женщина воспринималась как нечто необыкновенное.

⁵⁷ Михневич В. О. Указ. соч. С. 260.

изданий, только с 1787 по 1800 год женщины подписались, как это следует из таблицы 1, на следующие научные книги:

Таблица 1. Женщины – подписчицы математических и естественно-научных изданий (1787–1800)

Название книги	Количество женщин-подписчиц
Войтховский Е. Д. Теоретический и практический курс чистой математики. Т. 1–3. М., 1787.	1
Пиль Р. Понятие о совершенном живописце. СПб., 1789.	1
Лангер К. Г. Полный географический лексикон. Ч. 1–3. М., 1794.	3
Ертов И. Д. Начертание естественных законов, происхождения вселенной. Т. 1–2. СПб., 1798–1800.	1

Конечно, как мы видим, число подписчиц очень невелико. Как замечает А. Ю. Самарин, «особенно плохо женщины подписывались на книги по естественным наукам и технике. Две трети изданий такого рода, имеющих печатные списки подписчиков, женщины вообще не заказывали»⁵⁸. Следует заметить, что гораздо большее число женщин выписывали в тот же период книги исторического (103 человека) и философско-религиозного (36 человек) содержания⁵⁹. Однако одними только книгами не могло ограничиваться чтение образованного человека. К сожалению, ученые и учено-литературные периодические издания не часто печатали списки подписчиков. Тем не менее мы можем отметить, что среди подписчиков периодических изданий, имеющих то или иное отношение к точным и естественным наукам и опубликовавших списки своих читателей, были и женщины. Так, в 1780 году 20 женщин выписывали журнал «Экономический магазин», в 1792 году одна дама подписалась на «Санкт-Петербургские врачебные ведомости», в 1794 году 2 женщины выписывали «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную» и, наконец, в 1799 году 9 дам подписались на «Журнал о земледелии для Всероссийской империи»⁶⁰.

Безусловно, приведенные выше данные более чем относительны. Если дама сама не выписывала журнал или книгу, то это мог сделать кто-нибудь для нее по ее просьбе. Например, среди подписчиков издававшейся в Тобольске «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной» поименованы две дамы: «девица Марья Ивановна Протасова» (в Орловском наместничестве)⁶¹ и «стат[ского] сов[етника] Осипа Дмитриевича Лукина дочь Анна Осиповна» (в Рязанском наместничестве)⁶². Однако помимо них упомянут Яков Баженов «его сиятельства господина генерал-поручика, действительного камергера и разных орд[енов] кавалера Михайла Михайловича Голицына супруги княгини Анны Александровны урожденной баронессы Строгановой служитель» (из Пермского наместничества)⁶³. Выписывал ли он журнал для себя или для своей сиятельной патронессы? На этот вопрос нет ответа. Точно так же некоторые подписчицы могли действовать по поручению родственников или друзей-мужчин и совершенно не интересоваться тем, что они выписывали.

Кроме того, конечно, человек, серьезно занимавшийся наукой в последние десятилетия XVIII века, не мог ограничиваться только отечественными изданиями. Скорее наоборот: число выписываемых им зарубежных специальных сочинений должно было бы преобладать. Вполне возможно, что плохо, а иногда вообще не читавшие по-русски аристократки просто не обра-

⁵⁸ Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154.

⁵⁹ Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154–155.

⁶⁰ Там же. С. 156.

⁶¹ Имена особ, кои по предъявленному в Тобольском Приказе Общественного Призрения подпискам получали сию книгу Ученая Библиотека, со означением из места пребывания // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1794. Ч. 12. С. 8.

⁶² Там же. С. 9.

⁶³ Там же. С. 8.

щали внимания на русскоязычные книги и переводы, предпочитая им иностранные оригиналы. А в том, что это были именно аристократки, нет никаких сомнений. По сведениям А. Ю. Самарина, «социальный состав женщин-подписчиков более аристократичен, чем подписчиков-мужчин. Среди них практически отсутствуют представительницы недворянских сословий, а значительная часть (более трети) принадлежит к титулованной аристократии и генералитету»⁶⁴.

Однако меньше ли было число женщин – читательниц научных изданий по сравнению с приведенными выше данными или, наоборот, больше, не особенно важно для нас. Достаточно самого факта: подобные женщины существовали. И хотя, по-видимому, их было мало, но сам факт того, что уже в последние десятилетия XVIII века некоторые российские аристократки проявляли интерес к наукам, не подлежит сомнению. И, как мы видели выше, не все они ограничивались исключительно чтением.

Свидетельством, косвенно подтверждающим наши выводы, может также служить одна крайне любопытная журнальная публикация. В 1793 году журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал статью француза по фамилии Гартиг, переведенную на русский язык Михаилом Вышеславцевым⁶⁵, под названием: «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках». Это не была первая статья в истории отечественной журналистики, посвященная ученым женщинам. Еще в 1759 году миллеровские «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» опубликовали «Известие о некоторой ученой девице в Англии», представлявшее собой биографию английской писательницы и переводчицы Елизаветы Картер (1717–1806) с сопутствовавшими рассуждениями о пользе учения как для самих девиц, так и для их семейств⁶⁶.

Статья не подписана, непонятно, перевод ли это или оригинальное сочинение отечественного журналиста. Любопытно, что безымянный автор относится к занятиям своей героини с полным одобрением и с энтузиазмом объясняет самим девицам и их родным, как увлечение науками может быть полезно для всех заинтересованных сторон. «Женскому полу служить может немалым ободрением к упражнению в науках, когда узнают, что без дальнего труда могут приобрести довольные знания к пользе и увеселению жизни человеческой способствующия; ибо едва ли есть один род учения, в котором бы не прославились женщины в различные веки, – писал он. – Ежели число оных не весьма велико, то всякой сам может себя уверить, что сие происходит не от недостатку женского разума: но с того, что не было довольно случаев изощрять оной; потом стали и представлять ученых женщин в комедиях, яко бы оне все легкомысленны, горды и педантки, – указывал автор, очевидно ссылаясь на знаменитую пьесу Мольера «Ученые женщины», замечая, правда, – что однако не более об них, как о мужеском поле сказать можно». Автор признавал, конечно, что подобные занятия вовсе необязательны: «Правда, что состояние, к которому божие провидение определило женщин, не требует того, чтоб оне знали высокие науки и чтобы разумели ученые языки: однако ж сие не препятствует пользоваться им всеми возможными случаями, для просвещения их разума и для исправления их нраву». И продолжал далее, выдавая аргумент в пользу женского образования, которым на протяжении последующих полутора столетий будут пользоваться все радетели за женское образование в России: «Сие учение есть великой важности, как для них самих, так и для их фамилии, тем наипаче, что большая часть детей получают от женщин, а особливо от матерей, первые понятия, с которых следы во всю жизнь у них остаются». Но этот аргумент не был единственным: «Сверх того, – отмечал журналист, – склонность к добру, которая основана только на внешних, нетвердых и минуемых приятностях, бывает недолговечна, и многократно

---

⁶⁴ Самарин А. Ю. Указ. соч. С. 155.

⁶⁵ Вышеславцев Михаил Михайлович (1758–1830-е) – переводчик, литератор, преподаватель французского и других языков.

⁶⁶ Известие о некоторой ученой девице в Англии // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Май. С. 470–475.

подвержена печальным переменам: напротив того здравый разум, подкрепленный непоколебимыми основаниями и просвещенный приятными знаниями, есть такое увеселение, которое на всякой час услаждает и не прежде как с самою жизнью окончивается»⁶⁷. Таким образом, автор середины XVIII века считал женское занятие науками полезным не только для общества, но и для самих женщин.

---

⁶⁷ Известие о некоторой ученой девице в Англии. ... С. 470–471.

СОЧИНЕНІЯ

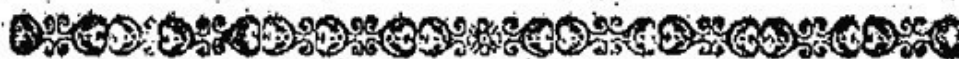
и

ПЕРЕВОДЫ,

къ пользѣ и увеселенію

служащія

Май, 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

Рис. 2. Титульный лист журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». 1759 г. Май

III.

ИЗВѢСТІЕ

О нѣкопороу ученой дѣвѣ вицѣ въ Англіи

Женскому полу служить можетъ немалымъ ободреніемъ къ упражненію въ наукахъ , когда узнаютъ , что безъ дальнаго труда , могутъ пріобрѣсти довольныя , знанія къ пользѣ и увеселенію жизни человѣческой способствующія ; ибо едва есть ли одинъ родъ ученія , въ которомъ бы не прославились женщины въ различные вѣки. Ежели число оныхъ не весьма велико , то всякой самъ можетъ себя увѣрить , что сіе происходитъ не отъ недостатку женскаго разума : но отъ того , что не было довольно случаевъ изощрять оной ; попомъ стали и представлять ученыхъ женщинъ въ комедіяхъ , яко бы онѣ всѣ легкомысленны , горды и педантки , что однако не болѣе объ нихъ , какъ о мужескомъ полѣ , сказать можно. Правда , что состояніе , къ которому божіе провидѣніе опредѣлило женщинъ , не требуетъ того , чтобъ онѣ ;
зна

Рис. 3. Первая страница статьи «Известие о некоторой ученой девице в Англии» (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Май. С. 470)

Статья господина Гартига, увидевшая свет на 34 года позднее, во многом, однако, перекликается с этой ранней безымянной публикацией. Господин Гартиг подробно рассматривает способность или неспособность женщин к занятию различными науками и искусствами, приводя в пример знаменитых европейских дам, прославившихся своими познаниями или даже заслугами в науке, и приходит к выводу, что никаких препятствий, обусловленных «природой» женщины, для занятий этим видом деятельности не существует: «...каковы б ни были <...> препятствия, сей род наук (имеются в виду «отвлеченные понятия», требующие тщательного изучения и логического мышления. — *О. В.*) соразмерен разуму женщин; многие с успехом упражнялись в них», — пишет он и добавляет: «Во всех веках были женщины, которые с успехом упражнялись в самых трудных науках; оне умели преодолеть своим мужеством и проницанием все препятствия, которые природа, повидимому, противопоставила им только, чтобы сделать торжество их гораздо блистательнее. Что касается до тех познаний, которые зависят от памяти, то я не вижу причины, которая б препятствовала женщинам быть к оным способными; способность содержать в памяти понятия им столько ж свойственна, как и нам; и если мы внимательно о сем рассудим, то может быть выгода будет еще на их стороне»⁶⁸. Таким образом, единственное, что служит, по мнению автора статьи, помехой и преградой, мешающей женщинам заниматься наукой, — существующие в обществе предрассудки. Почему же женщины не наслаждаются «благополучием», которое приносит, по утверждению философов, занятие науками, спрашивает автор? «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» — задает он вопрос. И сам же отвечает: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуются тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных»⁶⁹.

Далее автор приводит различные доводы, стремясь убедить женщин в том, что занятие науками может быть им очень приятно и полезно, объясняя, почему невежество превращает всю их жизнь в «цепь огорчений и страданий». Не довольствуясь собственными доводами, он призывает на помощь древних, в том числе Плутарха и Цицерона, цитируя знаменитое высказывание последнего о пользе наук: «Науки, говорит Римской Оратор, образуют юношество, и составляют утехи зрелого возраста; щастие украшается ими, нещастие получает от них облегчение; в своем доме, в домах чужих, в путешествиях, в уединении, всегда и везде оне составляют сладость нашей жизни», — пишет он⁷⁰. Высказывание это к 1793 году уже хорошо известно в России и существует на русском языке, включенное М. В. Ломоносовым в его знаменитую «Оду на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» — «Науки юношей питают...»:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,

⁶⁸ *Гартиг*. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. (Пер. с франц. Михайло Вышеславцева) // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 55, 57–58.

⁶⁹ Там же. С. 63–64.

⁷⁰ Там же. С. 66–67.

Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

И, по некоторому совпадению, М. В. Ломоносов в свое время также адресовал эти слова женщине, хотя, конечно, не столько призывая ее заняться наукой *лично*, сколько убеждая в необходимости высочайшего *покровительства* наукам и ученым. Впрочем, автор статьи 1793 года также не предлагает женщинам *профессиональное* занятие наукой, поскольку, по его мнению, это приносит мало радости: «...судьба упражняющихся в науках для славы видеть себя в печати, и предавать мысли свои потомству, по истине, не есть самая щастливая. Слава их почти всегда отравляется ядом ненависти. Судьба простаго и безкорыстнаго любителя подлинно предпочтительнее», – пишет он⁷¹. И, взывая на этот раз к авторитету Вольтера, продолжает: «Г. Волтер говорит, что один есть судия (то есть любитель. — *О. В.*), а другой подсудимый (то есть профессионал. — *О. В.*): я предлагаю женщинам судьбу перваго; она лучше б была скучной праздности. Какое удовольствие может для них быть больше сего удовольствия, когда оне умеют отличать те красоты, которых непосвященные не могут видеть, и которых приятное впечатление есть сокровище для тех, кои способны к принятию онаго! О когда б все вы могли познать сие благополучие! Сколь приятны были б тогда для вашего вкуса те творения, в которых разум изливает нежнейшие лучи свои!» – восклицает он⁷².

Завершается статья пылким, можно сказать, пламенным призывом к женщинам заниматься наукой: «Прелестной и столь часто обманываемый пол, таков плод просвещения! Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках; они будут составлять ваше отдохновение и вашу подпору; предохранят вас от скуки и от прельщения; соделают сердце ваше твердейшим, а разум основательнейшим; самая любовь найдет в них новыя удовольствия. Разум подкрепит ваши прелести, и когда, достигнув тех лет, в которыхя время пожинает их, вы будете ежедневно видеть разрушение ваше, когда останется вам одно печальное воспоминание того, что вы были; то укрываясь в их объятия, вы можете ополчиться против самой старости. Они подадут вам силу сносить мужественно лишение красоты вашей, и доставят вам удовольствия, которые никогда не кончатся, разве с вашею жизнью. Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет. А вы, которые преступили пределы, в коих вас содержали, вы, которых число к сожалению весьма ограничено, не уstraшайте усилий невежества; будьте довольны одобрением существ мыслящих, и сохраняйте для себя способ которой некогда зделает вас младыми в глазах самых хулителей ваших»⁷³.

К сожалению, пока не удалось определить, кем был господин Гартиг, подлинное ли это имя или только псевдоним, скрывший... кого? Может быть, одну из тех женщин-ученых, любительниц наук, о которых писал В. О. Михневич? В любом случае статья вряд ли появилась на «пустом месте» и соответствовала общему духу благосклонности к «ученым» дамам. Эта благосклонность, несомненно, подпитывалась европейскими примерами. Так, еще в 1785 году издательство Новикова выпустило в свет очередную часть сочинения знаменитого французского писателя, аббата Антуана Франсуа Прево (1697–1763), «История о странствиях вообще по всем краям земного круга», на страницах 511–562 которой был помещен свободный перевод с французского книги упомянутой нами выше немецкой художницы, гравера, издателя и... натуралиста, энтомолога, путешественницы Марии Сибиллы Мериан «Суринамские насеко-

---

⁷¹ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. ... С. 67–68.

⁷² Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. ... С. 68.

⁷³ Там же. С. 70–72.

мые», сделанный М. И. Веревкиным⁷⁴. Превосчел нужным предварить эту часть своей работы коротким рассказом об оригинальном авторе текста: «...для значительной части этого раздела, – писал он, – взята небольшая выдержка из “Собрания суринамских насекомых”, изображенных с необыкновенным изяществом одной молодой немкой, которая специально в 1699 г. предприняла путешествие в эту голландскую колонию, и изданных в семидесяти двух таблицах; экземпляры его можно найти теперь только в кабинетах редкостей»⁷⁵. С большой долей вероятности можно предположить, что это первая научная книга, посвященная естественным наукам и написанная женщиной, опубликованная в России на русском языке.

В 1790 году, за три года до опубликования статьи господина Гартига, в типографии Московского университета было предпринято издание биографического словаря, в название которого специально вынесено упоминание ученых женщин: «Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцов, министров и градоначальников; богов и ироев древняго язычества; пап римских, учителей церковных; философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцов, ораторов, богословов, юристов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; *ученых женщин*⁷⁶, искусных живописцов и прочих художников, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских и монархов своих и отечества особ». Всего в 1790–1798 годах вышло 14 частей словаря. Даже поверхностное его чтение показывает достаточно примеров знаменитых ученых женщин, принадлежавших к разным странам и эпохам, чтобы оправдать все рассуждения господина Гартига. Среди них, например, биография знаменитой женщины-математика Гипатии: «Ипатия, дочь славного Феона, философа и математика Александрийского, обучалась у своего отца. Она превзошла его в знании математики, а особливо в геометрии, которою более всех занималась, – говорится в словарной статье. – Для усовершенствования себя в знаниях отправилась она в Афины, где столь много успела, что сделали ее профессором на место славного Фотина, профессора Александрийского. Слава об ней разнеслась повсюду, и из всех мест стекались ее слушать. Она была чрезвычайно хороша, и всяк, кто бы на нее ни смотрел, пленялся ею». История гибели Гипатии от рук христианских фанатиков описана кратко, с указанием на то, что отчасти это было недопонимание и что церковная власть ни в коем случае этого не одобряла: «Действие сие по словам историка привело в великое подозрение Св. Кирилла и всю Александрийскую церковь: потому что насилия сии ни мало не совместимы с христианством». Заканчивается статья следующим сообщением: «Ипатия написала много сочинений, кои не дошли до нас. Жизнь ее сочинил аббат Гужет»⁷⁷. В биографии Анны Дасье (1654–1720)⁷⁸ последовательно перечислены все ее работы и сделанные ею переводы античных сочинений, ее дискуссии с современными критиками и учеными. Так же как и ста-

⁷⁴ *Мериан Мария Сибилла*. Суринамские насекомые // *Превос* [А.-Ф.] История о странствиях вообще по всем краям земного круга. Ч. XIII. М., 1785. С. 511–562.

⁷⁵ Цит. по.: *Лукина Т. А.* Мария Сибилла Мериан. 1647–1717. Л.: Наука, 1980. С. 127.

⁷⁶ Курсив наш. — *О. В.*

⁷⁷ Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцов, министров и градоначальников; богов и ироев древняго язычества; пап римских, учителей церковных; философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцов, ораторов, богословов, юристов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; ученых женщин, искусных живописцов и прочих художников, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских и монархов своих и отечества особ. М.: В Университетской типографии у В. Огорокова, 1790–1798. Ч. 6: [№ 72–105, 1–5. Жавень – Карл]. М., 1791. С. 165–166.

⁷⁸ Дасье Анна (Anne Dacier, урожденная Лефевр, Lefèvre, 1654–1720) – французский филолог-классик и переводчик; дочь французского филолога-классика Таннеги Лефевра, супруга его ученика Андре Дасье.

тв, посвященная Гипатии, статья о госпоже Дасье проникнута искренним уважением: «Будучи столь же достойна уважения за свои свойства, как и за дарования, она не менее заставила себе удивляться за свою добродетель, твердость, равнодушие, великодушие, скромность как и за свои сочинения»⁷⁹.

Помимо печатных изданий и также вслед за своими европейскими современницами женщины, интересующиеся точными и естественными науками, начинают появляться и на художественных полотнах. Современный историк, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Е. В. Пчелов пишет об этом: «Итак, в европейской живописи XVIII века дамы оказываются постепенно вовлеченными в научные опыты и работы, приобщаются к ним – от обычных зрительниц до участия в экспериментах и даже собственных занятий наукой. Иконография движется от аллегоричности к реальности, отражая распространение научных знаний в обществе. А как обстоят дела в русской живописи того же времени? – задает он вопрос и отвечает: – Первые изображения женщин с инструментами (имеются ввиду научные инструменты. — О. В.) или около них относятся к середине XVIII века. Эти картины носят аллегорический характер, однако представляют и некоторый интерес как отражение реальности»⁸⁰. Е. В. Пчелов предполагает, что первой российской картиной, на которой изображены дамы, занимающиеся астрономическими наблюдениями в компании кавалеров, является десюдепорт Б. В. Суходольского «Астрономия», созданный около 1754 года и хранящийся сегодня в Государственной Третьяковской галерее. «При всей аллегоричности композиции, – пишет Пчелов, – нельзя не отметить, что изображения кавалеров и дам в современных художнику костюмах передают реалии своего времени – нет ничего удивительного в демонстрации астрономических наблюдений, в том числе и дамам, в ту эпоху. Показательно, что помимо глобуса и армиллярной сферы символами астрономии на картине выступают телескоп, наугольник и измеритель»⁸¹. Е. В. Пчелов описывает еще одно художественное произведение, близкое по времени к работе Б. В. Суходольского, – панно А. И. Бельского «Астрономия», созданное в 1756 году для украшения интерьера Московского университета: «В руках у женской фигуры, олицетворяющей астрономию, измеритель, а за спиной помогающего ей путти виднеется армиллярная сфера. Это, безусловно, самое раннее в русской живописи дошедшее до нас аллегорическое изображение астрономии в образе Урании», – подчеркивает автор⁸². Самым ранним по времени изображением реальной русской женщины, занятой науками, стал, по мнению Пчелова, портрет смолянки девицы Е. И. Молчановой, созданный Дмитрием Григорьевичем Левицким в 1776 году, сегодня находящийся в собрании Государственного Русского музея.

«Бесспорно самой известной картиной русской живописи XVIII века, изображающей “Ученую даму”, является “Портрет Екатерины Ивановны Молчановой” <...>. В отличие от всех остальных смолянок Левицкого, занятых искусствами, Молчанова сидит у стола со стоящим на нем вакуумным насосом, использовавшимся при обучении физике в Смольном институте. Она держит в левой руке книгу... Слева от нее расположен большой глобус. Итак, перед нами реальная женщина, символизирующая обучение наукам и научные занятия в Смольном институте, однако показательно, что в этом портрете дама остается “один на один” с научными приборами, здесь вообще нет никаких других, в том числе и мужских фигур. Наука сама по себе оказывается делом, возможным для женщины, и можно думать, что это первый пример

⁷⁹ Словарь исторический или сокращенная библиотека... Ч. 5: [№ 41–71. Дабильон – Ехинады]. М., 1791. С. 68.

⁸⁰ Пчелов Е. В. Дама у приборов: репрезентация научных наблюдений и опытов в живописи XVIII века // Архив науки и техники. VI (XV) / Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М.; Л.: Изд-во АН СССР; М.: Наука. Вып. VI. Отв. ред. С. С. Илизаров. М.: Янус-К, 2018. С. 157–158.

⁸¹ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 159.

⁸² Там же.

подобного рода в живописном искусстве»⁸³. Следовало ли в данном случае искусство за реальностью или пыталось эту реальность конструировать? Возможно, то и другое.

Рис. 4. Д. Г. Левицкий. **Портрет Е. И. Молчановой** (1758–1809). 1776 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

В целом выявленные факты позволяют сделать вывод о том, что последние два десятилетия XVIII века в России ознаменовались если не расцветом женской образованности и занятий науками, то по крайней мере высочайшим поощрением подобных увлечений со стороны монархии: от назначения княгини Е. Р. Дашковой в 1783 году директором Петербургской академии наук до публикации в 1785 году типографией Новикова перевода научного труда немецкой естествоиспытательницы Марии Сибиллы Мериан; от издания биографического словаря, включившего в свой словник имена ученых женщин, в 1790–1798 годах до публикации первого труда российских девушек, посвященного предметам натуральной истории, в 1792 году и публичного признания их заслуг Екатериной II. На этом фоне статья господина Гартига 1793 года смотрится вполне органично. Она свидетельствует о том, что в образованной части российского общества проблемы женского «занятия науками» обсуждались, возможно, вызы-

---

⁸³ Там же. С. 160–161.

вали споры, что идея о необходимости женского просвещения и «занятия науками» не только была произнесена вслух, но и получила своих защитников и противников. Она также может свидетельствовать о существовании в этот период некоторого количества «женщин-ученых», достаточного для того, чтобы вызвать общественный интерес и общественную дискуссию. Если бы их вообще не было, как иногда представляется нам сегодня, то и обсуждать было бы нечего.

Глава 2

«Ученая женщина», «философка», «женщина со вкусом»... Новые понятия в русском литературном языке начала XIX века

И что такое... ученая женщина, философка, женщина со вкусом?
К. Пучкова. *О женщинах* // *Аглая*. 1810

Подтверждением распространения среди российских женщин интереса к наукам в конце XVIII – начале XIX века может служить появление в русском языке уже в первое десятилетие XIX века понятий «философка», «ученая женщина», употреблявшихся по отношению к некоторым дамам. Например, Ф. Ф. Вигель (1786–1856), описывая в мемуарах историю своего знакомства с некоей девицей А. А. Турчаниновой, имевшую место примерно на рубеже XVIII и XIX веков, говорит о ней: «...у нас ее знали под именем философки»⁸⁴. В 1810 году писательница Екатерина Наумовна Пучкова (1792–1867) в одной из своих статей вкладывает следующий вопрос в уста героя, точнее, антигероя повествования: «И что такое... – спрашивает он, – ученая женщина, философка, женщина со вкусом?»⁸⁵ В последующие 1811–1815 годы употребленные в различных контекстах словосочетания «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становятся вполне привычными и часто встречаемыми на страницах отечественных журналов⁸⁶. Естественно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение какого-то уже заметного в обществе явления, а именно на появление женщин, открыто интересовавшихся различными науками.

Однако уже в начале 1810-х годов словосочетание «ученая женщина» перестает быть нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 году задавался следующим вопросом: «Удивительно, почему прилагательное *ученый*⁸⁷ – в женском роде, щекотливо для уха мужчин...?»⁸⁸ Несколько лет, предшествовавших Отечественной войне 1812 года, были ознаменованы целым потоком статей в общественно-литературной периодической печати, обсуждавших проблемы женской учености, женского образования, отношения женщин к наукам. Тема стала настолько привычной, что, например, автор упомянутой статьи «О учености прекрасного пола» нашел возможным начать ее следующими словами: «*Беспрестанно*⁸⁹ спорят о том, и никто еще не решил сего спора, способны ли женщины к знаниям и наукам, и какой род учености наиболее приличен им?»⁹⁰ Стилистические жанры этих публикаций достаточно разнообразны. Они представлены как серьезными, написанными в академическом стиле работами, рецензиями и псевдорецензиями на иностранные труды по теме, так и ярко полемическими статьями, содержащими известную долю язвительности, а также краткими, можно сказать энциклопедическими, биографиями известных ученых и просвещенных женщин, принадлежавших к разным странам и временам. Содержание их

⁸⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Т. 1. С. 107.

⁸⁵ Пучкова К. О женщинах // *Аглая*. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

⁸⁶ См., например: Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38–43; Вестник Европы. 1811. Ч. LVII (57). № 9. С. 58–59; Кабинет Аспазии. Литературный журнал. 1815. Кн. 2. С. 76–84 и др.

⁸⁷ Курсив автора. — О. В.

⁸⁸ О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 42.

⁸⁹ Курсив наш. — О. В.

⁹⁰ О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38.

гораздо менее разнообразно. В сухом остатке мнения авторов делились между двумя лагерями: противников и защитников женской учености. Причем не всегда можно с легкостью определить, сторонники какой из двух позиций сохраняли за собой преимущество в тот или иной период времени.

Конечно, существовали и разные оттенки. Так, некоторые авторы, как, например, автор статьи «О учености прекрасного пола», писавший: «Я не вхожу в решение спора между поносителями и защитниками их. Non nostrum componere lites (не наше дело столько примирять!)»⁹¹, – формально претендовали на беспристрастность, несмотря на то что при чтении произведения усомниться в их позиции было невозможно. Другие, отзываясь отрицательно об ученых женщинах как таковых, считали нужным сделать исключение для некоторых особых разделов знания, например для русскоязычной литературы. К этим последним, по мнению Ю. М. Лотмана, принадлежал и Н. М. Карамзин, признававший развитие языка и словесности главными рычагами прогресса, а женщин – главными, если можно так сказать, двигателями этих последних: «В этих условиях особая надежда возлагалась на женщин, – писал Ю. М. Лотман. – Дамский вкус делался верховным судьей литературы...»⁹² Вообще мнение о том, что именно великосветские женщины должны приучить российское общество говорить и читать, а потом и писать по-русски, достаточно широко бытовало в российской журнальной критике указанного периода. Однако оказалось вдруг, что для выполнения подобной задачи женщинам пришлось бы выйти из строго очерченного для них как законом, так и общественным мнением круга семейной жизни, и здесь-то выяснилось, что цель оправдывает средства и что женщины могут стодиться для чего-то помимо приятного времяпрепровождения, супружества и материнства.

Характерный пример подобного отступления от строгих правил женского поведения являла, например, речь сатирика и журналиста Александра Федоровича Воейкова (1779–1839), опубликованная в 1810 году в «Вестнике Европы». Речь эта, посвященная влиянию женщин на развитие изящных искусств, по словам автора, была произнесена им в обществе, собиравшемся в доме одной дамы. Время здесь проводили в чтении и обсуждении литературных произведений, особенно переводов, сравнивая эти последние с оригиналами. Начав с заявления о том, что «...нет ничего невозможного для женщин»⁹³, автор перечислял знаменитые деяния россиянок, далекие от скромной роли прилежной супруги и матери: «Наши Бытописания сохранили нам знаменитые опыты женского патриотизма. Женщина ввела в Россию Христианскую веру. Женщина спасла нам Петра Великого и не допустила Россию погрузиться в прежний мрак невежества и бессилия. Женщина украсила, возвеличила, прославила Россию, дала законы Государству и права гражданам, ввела вкус и вежливость при Дворе своем, потрясла Константинополь и Стокгольм громом победоносного своего оружия, покорила Крым и Польшу. *Женщина недавно занимала в Академии нашей первое место между учеными*⁹⁴. Женщинам отчасти обязана Россия освобождением от Польского ига...» – восклицает он⁹⁵. Но для чего автор так, можно сказать, яростно воспекает успехи женщин на общественном, политическом и научном поприще? Совсем не для того, чтобы призвать государство к введению женского равноправия. Просто есть дело, с которым, по мнению А. Ф. Воейкова, могут справиться только женщины. Но для того чтобы они захотели этим делом заняться, им следует объяснить, что их жизненное предназначение несколько шире узких рамок семейной жизни, что чувства патриотизма, ревности к славе своего отечества не должны быть им чужды. Объяснить, используя исторические прецеденты, конечно. И только после этого может быть постав-

⁹¹ Там же. С. 38–39.

⁹² Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. С. 360.

⁹³ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 272.

⁹⁴ Курсив наш. – О. В.

⁹⁵ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 275–276.

лена задача: «Милостивые Государыни! Вы должны учить нас языку и вкусу. В наши времена вам не нужно быть мученицами за Веру; не нужно поощрять воинов к сражению с неприятелями Отечества, или и самим сражаться; не нужно посылать рыцарей к защищению невинности от злых волшебников; в наши времена народы соревнуют друг другу в успехах просвещения; Государства хотят быть славны открытиями и пережить века в произведениях изящных художеств. Продолжайте, Милостивые Государыни! Любить Словесность; ее слава неразлучна с вашею славою, со славою Отечества»⁹⁶.

Но существуют свидетельства того, что точка зрения А. Ф. Воейкова и Н. М. Карамзина по поводу роли, которую призваны были сыграть женщины в развитии русскоязычной литературы и, более широко, русского языка, разделялась далеко не всеми. В журнале «Аглая» за тот же 1810 год была опубликована статья писательницы Екатерины Наумовны Пучковой (1792–1867), описывающая обсуждение описанной выше «речи» А. В. Воейкова, имевшее место во время одного из светских мероприятий. По ее свидетельству, три или четыре женщины, пять или шесть мужчин обсуждали лежавший на столе «Вестник Европы» и читали вслух «прекрасную речь» А. Ф. Воейкова⁹⁷. «Все хвалили мысли и слог Сочинителя, – пишет Е. Н. Пучкова, – все желали вместе с ним размножения *женщин – любительниц наук и искусств*⁹⁸. Разговор сделался живее; похвала женщинам гремела во всех устах»⁹⁹. Но вот нашелся один мужчина, решившийся противоречить общему мнению: «И что такое... – сказал он, — *ученая женщина, философка, женщина со вкусом?*¹⁰⁰ Чем разнятся оне от обыкновенных женщин? Сии просты, скучны, сварливы, а другие притворны, хитры и мстительны: вот плоды просвещения»¹⁰¹. По словам Е. Н. Пучковой, присутствующие были возмущены подобным заявлением, но все молчали, и только одна из дам (из контекста понятно, что это – сама Е. Н. Пучкова) решилась возразить. Тактика этой защиты довольно любопытна. Прежде всего, дама (в статье автор называет ее Всемила) признается, что сама имеет «ограниченные познания в словесности» и не участвует «в хитростях женщин»: «...не будучи ни философкою, ни ученою, даже не имея славы назваться *женщиною со вкусом*¹⁰², – говорит она, – смею однако ж заметить, что рассудок и просвещение равно нужны как мужчинам, так и женщинам»¹⁰³. А далее следует аргумент, который впоследствии будет повторен в десятках, если не сотнях статей, посвященных образованию женщин: «Природа, как нежная мать, всех равно наделяет своими дарами. Мужчины лучше нас пользуются ими; виноваты ли мы в том? Их наставляют в твердости духа, в терпении; разум их стараются обогащать познаниями. *А у нас отнимают все способы к приобретению сведений*¹⁰⁴; можно сказать, что с первою каплею молока поселяют в нас обо всем ложные понятия и притворство»¹⁰⁵.

Мы наблюдаем здесь создание алгоритма, которому в течение последующих лет будут следовать споры о характере женского образования. Объяснение неспособности женщин к какому-либо профессиональному труду крайне поверхностным характером женского образования, а также тем, что у женщин «отнимают все способы к приобретению сведений», станет очень популярным в 50–60-е годы XIX века. Оно вполне согласуется и с фразой, сказанной Е. Н. Пучковой в завершение и, возможно, предназначавшейся для утешения самолюбия ока-

⁹⁶ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 276.

⁹⁷ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 43–44.

⁹⁸ Курсив автора. — О. В.

⁹⁹ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 44.

¹⁰⁰ Курсив автора. — О. В.

¹⁰¹ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

¹⁰² Курсив автора статьи. — О. В.

¹⁰³ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 48.

¹⁰⁴ Курсив наш. — О. В.

¹⁰⁵ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 51–52.

завшегося на тот момент в меньшинстве противника, а возможно, отражавшей истинную точку зрения автора: «С женщинами, как с детьми, должно уметь обходиться, забавлять их; – оне, как дети, полюбят вас всем сердцем, и вы можете делать из них все, что вам угодно»¹⁰⁶. Впоследствии эта мысль также будет просматриваться у многих авторов-мужчин, выступавших по вопросам женского образования в середине – второй половине XIX века.

К 20-м годам XIX века (а возможно, что и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобретает некоторый неодобрительный оттенок. Как будто соединение этих слов означает нечто стыдное, что-то, чего следует избегать по мере сил, а уж если не удалось, то скрывать от окружающих, как неприличную болезнь. Так, например, филолог-лингвист барон Адольф-Андре Мериан (1772–1828)¹⁰⁷, постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792–1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение общества, писал ей, предположительно в 1825 году: «Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения *ученой женщины*, оставьте его дурнушкам – но на него Вам укажут при первой же возможности; [храни Вас] от этого *бесцветного вздора*, который тем хуже, чем более завоевывает видимого расположения, которое на деле ничего не значит. Не будьте ученой, – восклицает Мериан, – пусть ученые будут в Вашем распоряжении, поощряйте их в создании трудов для Вас и обогащайте свой вкус и редкую восприимчивость сокровищами, которыми они Вас одарят. Ничто не мешает Вам оставаться юной, прекрасной, в высшей степени любезной – и в то же время быть *покровительницей новой системы*, которая образовывается и распространяется, или, вероятнее, *всего древнего*, что поднимается из бездны... Вы будете богиней истины и простоты... – она пренебрегла Олимпом. Специально для тех, кто не желает, чтобы княгиня занималась филологией»¹⁰⁸. Таким образом, даже благожелательно относящийся к образованной и увлеченной научными предметами женщине человек предостерегает ее от звания «ученой».

Биограф поэтессы и переводчицы Елизаветы Борисовны Кульман (1808–1825), известной своими феноменальными способностями к изучению языков, пошел еще дальше, чувствуя необходимость тем или иным способом оправдать хоть и выдающиеся, но не совсем подobaющие способности девушки: «Ее часто видели задумчивую, иногда вдохновенную, но всегда почти скромную, любезною девицею, чуждою всяких притязаний на отличие. Особенно никто не мог предполагать в ней сочинительницы: она хранила под покровом глубочайшей тайны плоды своих поэтических восторгов: один г[осподин] Гроссгейнрих (ее преподаватель. — О. В.) слышал, как билось, как звучало сердце ее в часы священного жертвоприношения Искусству. *Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна была и умереть, чтобы не сделаться ею*¹⁰⁹. Это было просто прекрасное создание, только поставленное на высшей ступени человечества. Она писала от избытка сил душевных; она хотела, чтобы ее некогда прочли и поняли: кто же и из ангелов не хотел бы, чтобы прочли и поняли его сердце? Так! Она была ангелом на земли, и умерла в семнадцать лет, чтобы не перестать быть им», – пишет литературный критик, редактор, цензор, в будущем доктор философии и профессор, а также известный мемуарист Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) в 1835 году¹¹⁰.

Конечно, предположение, что девушка должна была умереть, дабы не сделаться в глазах своих знакомых «ученой женщиной», выглядит несколько преувеличенно и немного излишне

¹⁰⁶ Там же. С. 53.

¹⁰⁷ André Merian. Краткую информацию о нем см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публикация М. Цявловского // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. М., 1934. С. 690.

¹⁰⁸ Цит. по: Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005. С. 23–24.

¹⁰⁹ Курсив наш. — О. В.

¹¹⁰ Никитенко А. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 8. С. 77.

патетически. Тем не менее подобное высказывание кажется вполне логичным, хоть и доведенным до абсурда завершением концепции, в соответствии с которой излишнее образование, а тем более интерес к наукам противоестественны в женщине.

Тем не менее в первой четверти XIX века упоминания об «ученых женщинах» начинают мелькать не только в частных письмах и публицистике, но и в художественной литературе, и в театре. Так, 28 ноября 1810 года на сцене одного из петербургских театров был сыгран небольшой отрывок из пьесы Мольера «Ученые женщины»¹¹¹. Этот же отрывок вскоре был опубликован в «вольном переводе» в «Сочинениях» Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837)¹¹² под названием «Триссотин и Вадиус». Пьеса Мольера «Ученые женщины», впервые сыгранная в Париже в театре Пале-Рояль 11 марта 1672 года и опубликованная через год, в 1673 году¹¹³, представляет собой злую и язвительную пародию как на «ученых» женщин, так и на ученых мужей (хоть и в меньшей степени). И. И. Дмитриев как раз перевел диалог между двумя героями-мужчинами, являвшийся сатирой скорее на ученых мужей, чем на ученых дам. Но сама постановка и последовавшая публикация могли привлечь внимание публики к пьесе, никогда ранее не шедшей в России, в то время как Мольер (как в переводах, так и в оригинале) был чрезвычайно популярен в стране в начале XIX века. Известный французский исследователь, автор монографии «Мольер в России» Ю. Патуйе писал об этом: «Театр в это время пользуется все возрастающим успехом. Пушкин бредит им со времен Царского Села, Грибоедов и его друзья пробуют свои силы в области драматургии; театралы с жаром спорят об авторах, пьесах и исполнителях»¹¹⁴, – отмечая, что Мольер служил «драгоценным источником» для театральных постановок и бенефисов, поскольку в нем не было ничего «ниспровергающего основы»¹¹⁵. По данным Ю. Патуйе, между 1802 и 1850 годами «...можно перечислить внушительное количество переводов, как полных, так и в отрывках, подражаний и переделок наиболее известных пьес Мольера». Патуйе также утверждал, что «образованные люди читают его в подлиннике, знакомство с его произведениями обязательно входило в программу воспитания дворянских детей; дед Пушкина, говорят, знал его наизусть; и когда сам Пушкин в стихотворении *Городок*, 1814 г., говорит об “исполине Мольере”, он высказывает не только свое личное, но и общепризнанное мнение»¹¹⁶.

20 августа 1818 года состоялось первое полное представление пьесы «Ученые женщины» Мольера на российской сцене, в Большом театре С.-Петербурга. Пьеса шла в переводе Ал. Гав. Волкова и была, по сведениям историка отечественного театра Пимена Николаевича Арапова (1796–1861), «...обставлена лучшими артистами»¹¹⁷. Таким образом, со знаменитой сцены в столице России устами лучших артистов было озвучено мнение любимого и уважаемого всеми автора о том, какое именно учение прилично женщине, в частности следующий монолог на эту тему одного из главных героев – Кризалья, с которым он обращается к своей супруге:

Все книги вечные, – на кой они нам бес?
Плутарх – ну, тот хоть толст, – для брыжей славный пресс.
Давно пора вам сжечь весь этот скарб ученый,
Науку завещав профессорам Сорбонны,
И, образумившись, освободить чердак

¹¹¹ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 207.

¹¹² Дмитриев И. И. Триссотин и Вадиус. Отрывок из Мольеровой Комедии: *Les Femmes savantes* // Дмитриев И. И. Сочинения Дмитриева. М.: в Универ. тип., 1810. С. 76–80.

¹¹³ Бояджиев Г. Н. Комментарии // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 699.

¹¹⁴ Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин, 1924. С. 28.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин, 1924.

¹¹⁷ Арапов П. Указ. соч. С. 267.

От длинной той трубы, что всех пугает так,
От сотни разных штук (смотреть на них досада!);
В дела луны совсем мешаться вам не надо.
Заботить должен вас хотя б немного дом,
Где все давным-давно уже идет вверх дном.
Не принято у нас (тому причин немало),
Чтоб девушка росла, учась, и много знала.
В привычках честности воспитывать детей,
Прислугой управлять и кухнею своей
И с экономией сводить свои расходы, —
Такой науки ей должно хватить на годы.

И далее по тексту¹¹⁸. Конечно, эти слова вложены в уста недалекого ретрограда, но при этом ретрограда доброго и здравомыслящего. Так что автор если и не разделял его точку зрения, то вполне мог ее одобрять. Кроме того, с момента написания пьесы до петербургской постановки 1818 года прошло 146 лет и та «мода на ученость» во Франции, над которой посмеялся Мольер, имела мало отношения к российской действительности. Однако учитывала ли все эти нюансы российская публика? Или просто смеялась, с удовольствием принимая пьесу любимого автора? Или постановка оказалась не такой уж успешной и оскорбила примерно половину из числа присутствовавших зрителей, то есть женщин? Как ни странно, но это последнее вполне возможно, в особенности потому, что после 1818 года пьеса Мольера «Ученые женщины» не ставилась на сцене петербургских театров вплоть до 1890 года. В Москве, правда, в Малом театре она была поставлена вновь несколько раньше, в 1877 году¹¹⁹, и, заметим, не переводилась на русский язык. Уже в 1872 году писатель, основатель и секретарь «Общества русских драматических писателей» Владимир Иванович Родиславский (1828–1885) мог смело утверждать, говоря о переводе А. Г. Волкова: «Это единственный, сколько нам известно, перевод комедии *Les femmes savants* на русском языке. На Московской сцене он не шел и не был напечатан. К сожалению, я не имел в руках этого перевода и ничего не могу сказать о нем»¹²⁰.

Но оказала ли постановка 1818 года влияние на убеждения молодых светских людей, завсегдатаев светских балов и салонов, молодых поэтов, писателей, публицистов, создававших своими насмешливыми высказываниями и язвительными публикациями «общественное мнение»? Очень даже может быть, что и оказала.

В феврале – октябре 1824 года А. С. Пушкин работает над третьей главой «Евгения Онегина»¹²¹, в которую включает знаменитую XXVIII строфу:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!

в одночасье сделав образ «академика в чепце» смешным в глазах своих читателей, то есть всего образованного общества. Но кто были эти женщины, подвергавшиеся насмешкам молодых светских щеголей за свои «неженские» увлечения науками? Можно ли сегодня восстановить их имена? Сохранились ли какие бы то ни было следы их деятельности?

¹¹⁸ Мольер Ж.-Б. Ученые женщины / Пер. М. Тумповской // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 556 и др.

¹¹⁹ Бояджиев Г. Н. Комментарии... С. 699.

¹²⁰ Родиславский В. И. Мольер в России // Русский вестник. 1872. № 3. С. 65.

¹²¹ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

Некоторые современные филологи, в том числе доктор филологических наук Н. В. Забурова, предполагают, что А. С. Пушкин изобразил математика княгиню Евдокию Ивановну Голицыну (1780–1850)¹²². С другой стороны, Ю. М. Лотман полагал, что в данном отрывке речь идет о поэтессе Анне Петровне Буниной (1774–1828)¹²³. Не вступая в прения с профессиональными мнениями филологов (хоть и столь различными), рискнем все же предположить, что в упомянутой строфе А. С. Пушкин мог создать *собирательный* образ светской дамы, интересы которой простирались дальше нарядов, сплетен и балов. Будучи знакомым и с Е. И. Голицыной, и с А. П. Буниной, конечно, зная о З. А. Волконской (если к этому моменту еще не был с ней знаком лично), об увлекавшейся естественными науками А. А. Турчаниновой и, вполне может быть, о других, поэт со свойственной ему наблюдательностью и проницательностью заметил и зафиксировал явление, видимо еще новое для российского общества, но, несомненно, уже присутствовавшее в его жизни и обращавшее на себя внимание окружающих, – появление «ученой дамы». В его стихах отразилось скептически-насмешливое отношение общества к богатым, прекрасно образованным светским красавицам, пожелавшим выйти из образа дамы, чье главное предназначение – служить изысканным украшением гостиной. Это к ним можно отнести высказывание В. О. Михневича, объяснявшего полное, на его взгляд, отсутствие литературных «памятников нерукотворных», созданных российскими женщинами, следующим образом: «Это <...> следует объяснить не недостатком талантливости и умственного развития в среде образованных русских женщин минувшего столетия, а тем, что женщинам даровитым, умным и развитым, которые могли бы, при других условиях, прославить свои имена плодотворной творческой деятельностью, совершенно чужда была тогда сама идея женского профессионального труда на каком бы ни было поприще и всего более – на научно-литературном. Вследствие этого, дарования и знания либо заглушались в выдающихся, богато одаренных природой женских натурах суетной светской жизнью, либо растрачивались на дилетантские пустяки»¹²⁴. И в этом жестком и хлестком высказывании, как нам кажется, есть приличная доля истины. Сама обстановка жизни светской дамы – безусловно модной красавицы и души литературного и светского салона, изысканной, блестящей и безупречной – придавала ей в глазах окружающих оттенок некоторой поверхности, несерьезности. Ее повседневную жизнь сковывали десятки неписаных, но при этом жестких правил поведения, пренебрежение которыми могло дорого обойтись.

И тем не менее именно среди русских аристократок (преимущественно титулованных) в первые десятилетия XIX века появляется интерес к науке, возможно поверхностный, но при этом декларируемый открыто. Они не просто приглашают в свои салоны ученых и слушают их речи, поощряя рассказчика доброжелательной улыбкой. Нет. Они не стесняются высказывать собственное мнение по предметам очень специальным. Они заходят даже так далеко, что публикуют свои собственные книги, и не романтические повести или печальные стихи, к которым общество сумело уже как-то привыкнуть, а философские и математические размышления. Привыкнув к созданному самим обществом образу «прекрасных и всевластных королев», они осмеливаются дискутировать с академиками, совершенно не желая понимать, что их власть заканчивается за дверью их гостиной. Неудивительно, что подобное поведение встречается с неодобрением, что титул «ученой дамы», еще такой новый, приобретает презрительный и пренебрежительный оттенок. Неудивительно, что ученые мужи рекомендуют своим сиятельным патронессам избегать этого прозвания. Тем не менее неодобрение светского общества не

---

¹²² Забурова Н. Ночная княгиня // RELGA – научно-культурологический журнал. 1999. № 18 [24]. URL: <http://www.relga.ru>.

¹²³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

¹²⁴ Михневич В. О. Указ. соч. С. 244.

помешало российским женщинам заниматься науками, и занятия эти, как мы увидим далее, принимали самые разнообразные формы.

Глава 3

«Мы все учились понемногу...», или Естественно-научное образование российской благородной барышни в первой половине XIX века

Г. Медер имел двух дочерей... Ему была обязана Елисавета уроками рисования, танцевания и музыки, и уроками ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам.

К. Гросгейрих. Елисавета Кульман и ее стихотворения. 1849

Однако, чтобы проявлять более или менее серьезный интерес к естественным и математическим наукам, необходимо иметь соответствующее образование. В фундаментальных работах историка женского образования XIX века Е. О. Лихачевой самым подробным образом рассмотрены как существовавшие концепции женского образования, так и программы средних женских учебных заведений – пансионов, различных институтов благородных девиц. К сожалению, не из воспитанниц институтов вышли известные нам любительницы наук первой половины XIX века – это были представительницы аристократии, получавшие домашнее образование, о составе которого известно на сегодняшний день гораздо меньше. Конечно, «художественная» часть этого обязательного образования обсуждалась достаточно подробно – изучение иностранных языков, музыки и танцев, рукоделия, но вот об изучении предметов естественно-научного цикла и математических в курсах домашнего женского образования обычно не упоминается. Значит ли это, что их не изучали? Рассмотрим этот предмет несколько более подробно.

Именно публицистические статьи, публиковавшиеся в общественно-политических журналах, так же как и художественные произведения начала – первой четверти XIX века повлияли в том числе и на современные представления о характере образования, получавшегося российскими женщинами дворянского происхождения на протяжении всего XIX века (кроме, может быть, последних его десятилетий). В общественном мнении современников, перешедшем с течением времени на страницы исторических исследований, образование молодых благородных женщин соответствовало их будущей жизненной роли хозяйки дома, супруги и матери и поэтому просто не могло не быть крайне поверхностным. Больше других мы обязаны этими нашими представлениями Александру Сергеевичу Грибоедову.

В сентябре 1823 года А. С. Грибоедов впервые читал свою только что написанную комедию «Горе от ума» в литературных кругах Москвы. Летом 1824 года – в аристократических и литературных салонах Петербурга¹²⁵. И знаменитое поныне высказывание Фамусова:

Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!¹²⁶

стало всеобщим источником информации о том, чему именно учили московских барышень в первые десятилетия XIX века и, по экстраполяции, всех вообще российских женщин

¹²⁵ Пиксанов Н. К. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука, 1969. Литературные памятники. С. 255.

¹²⁶ Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука. С. 15. Стб. 130–135.

благородного происхождения. Отголоски этих представлений попали не только в многочисленные публицистические статьи второй половины XIX века, но даже в исторические исследования ученых века XX. Например, крупный историк декабризма Элеонора Александровна Павлюченко в своей замечательной монографии «Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер» пишет о занятиях ссыльных декабристов науками: «Женщины воодушевляли мужчин на творчество, и в этом их немалая заслуга перед историей. <...> конечно, к “серьезным занятиям” (историей, физикой, фортификацией и т. д.) женщины не допускались. Да они и не были к этому подготовлены»¹²⁷. «Не допускались» и «не были подготовлены» – две совершенно разные вещи. Для Э. А. Павлюченко «не были подготовлены» представляется чем-то само собой разумеющимся, хотя несколькими страницами ранее она сама замечает по другому поводу: «Случалось, укрощало администрацию и уголовников само обаяние молодых образованных¹²⁸ женщин»¹²⁹. Так «образованных» или «не подготовлены»?

Кажется, что некоторая неразбериха в этом вопросе присутствовала уже в самом начале XIX века. В той же знаменитой комедии «Горе от ума» Фамусов (и мы все, знающие его высказывания с детства) прекрасно осведомлен, чему именно он учил свою дочь. Но вот всего через несколько страниц, когда Чацкий начинает ругать пристрастие москвичей к учителям-иностранцам, вдруг выясняется, что у несомненно считающегося образованным мужчины и юной девушки были, оказывается, одни и те же учителя и, более того, учились-то они вместе:

Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?¹³⁰ —

обращается Чацкий к Софье. А если учились они вместе, то и образование у них должно быть примерно одинаковым: Чацкий ведь не оканчивал университетов, по окончании домашнего воспитания он служил в гвардии.

Действительно, в различных воспоминаниях, оставшихся нам от первой четверти XIX века, можно встретить упоминания о том, что при доминировавшем в этот период домашнем образовании, по разным причинам, родные, двоюродные братья и сестры, а иногда и просто соседские дети обучались вместе. Так, знаменитый впоследствии ученый, академик Императорской академии наук К. М. Бэр (1792–1876) писал, что при большом количестве в семье разновозрастных детей все они по необходимости учились вместе вначале у одной гувернантки, а потом у одного учителя. В своей автобиографии он вспоминал об этом преподавателе: «Господин Штейнгрюбер так любил математику и обладал такими педагогическими дарованиями, что заинтересовал курсом математической географии даже обеих девочек, хотя моя двоюродная сестра не отличалась ни интересом к знаниям, ни способностями»¹³¹. Екатерина Ивановна Раевская (1817–1899), по возрасту принадлежа уже к следующему поколению, вспоминала, что обучалась вместе с братом, потому что таково было желание ее матери Софьи Гавриловны Бибиковой (1787–1856). «Брат старший, Александр, воспитывался со мною, – пишет

¹²⁷ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 31.

¹²⁸ Курсив наш. — О. В.

¹²⁹ Павлюченко Э. А. Указ. соч. С. 29.

¹³⁰ Грибоедов А. С. Указ. соч. С. 26. Стб. 100–105.

¹³¹ Бэр К. М. Автобиография. Б.м.: Изд. АН СССР, 1950. С. 57.

она, – вместе мы играли, вместе учили уроки. Брат учился математике, латинскому языку, и я с ним по собственной охоте всему этому училась»¹³².

Так какое же образование получали благородные российские барышни? Похоже, их современники-мужчины, повлиявшие и на нашу точку зрения по этому вопросу, сами находились в замешательстве. Причем А. С. Грибоедов не был единственным. Другой наш великий поэт и общепризнанный эксперт во всем, что касалось нравов его эпохи, А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине» об увлечениях юной, еще незамужней Татьяны Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо¹³³.

Ю. М. Лотман, комментируя эти строки, счел нужным остановиться на том, кем был английский романист Самуил Ричардсон (1689–1761), создатель знаменитого литературного героя, заслужившего титул «идеала всех мужей», Грандисона, однако не посчитал необходимым прокомментировать пассаж о Руссо, ставя тем самым этих двух деятелей литературы на одну доску. Что довольно-таки странно, поскольку вряд ли можно сопоставить, во всяком случае в образовательном плане, чтение сентиментальных романов и чтение романов Руссо, не говоря уже о других произведениях этого последнего.

Таким образом, если допустить осторожное предположение, что в первой четверти XIX века начальное и среднее домашнее образование дворянских мальчиков и девочек, по крайней мере в отдельных случаях, могло быть примерно одинаковым, то распространенный миф о «недостаточном» по сравнению с мужчинами образовании дворянских девушек был не чем иным, как именно мифом, порожденным официальной пропагандой, а также опасениями, которые, на наш взгляд, блестяще сформулировал автор «Вестника Европы» в рецензии на очередную книгу графини де Жанлис¹³⁴ в 1811 году: «Упражнение в науках и словесности есть ли необходимая принадлежность женщины? Власть ее не ограничивается ли кругом домашнего хозяйства и семейственных обязанностей? <...> Ученая женщина захочет ли заниматься мелочами домашнего хозяйства? Имея мужа, не столь как сама просвещенного¹³⁵, не вздумает ли иногда нарушить закон, предписывающий ей почтение и покорность?»¹³⁶

Вообще мысль о том, что молодые дворянские девушки *более* образованны, чем их ровесники-мужчины, мелькает в публицистических статьях первого десятилетия XIX века. И, как правило, в одном и том же контексте: «Скажите мне, как можно хотеть, чтобы девица, которая провела первые годы свои посреди искусств, посреди художников, посреди похвал и ласкательств, не была горда и тщеславна? Как хотеть, чтобы она повиновалась мужу, *не столь как она сама обработавшему свои способности*¹³⁷, потому что юношеские годы свои провел он в армии?»¹³⁸ Следует ли понимать, что в то время, как молодой человек призван служить своему отечеству, молодая девушка имеет возможность получать образование и развивать свои спо-

¹³² Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1898. Декабрь. С. 945.

¹³³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах // Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. Л.: Сов. писатель, 1954. Т. 3. С. 55. Строфа XXIX.

¹³⁴ Genlis de. De l'influence des femmes sur la littérature Française comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes Françaises les plus célèbres. Par M-me de Genlis. Un Vol. A. Paris, 1811.

¹³⁵ Курсив наш. — О. В.

¹³⁶ Краткая история славнейших Французских женщин // Вестник Европы. 1811. Ч. LIX (59). № 17 (сентябрь). С. 47.

¹³⁷ Курсив наш. — О. В.

¹³⁸ Л. а. Д... а. О воспитании женщин // Вестник Европы. 1811. Ч. LVII (57). № 10. С. 149.

собности? Конечно, публицисты здесь немного лукавят: в том возрасте, в котором дворянские юноши отправлялись служить в армию, дворянские девушки уже выходили замуж и вскоре становились матерями. Тем не менее такое ли уж поверхностное образование получали юные аристократки, особенно в области естественных и математических наук, как это принято было считать? К сожалению, наши источники по этому предмету более чем скудные, особенно в том, что касается первой четверти XIX века.

В отличие от казенных и даже частных учебных заведений при домашнем обучении, как правило, не создавалось никакой делопроизводственной документации, которая могла бы быть нам полезна. Часто сохранившиеся сведения фрагментарны и очень кратки. Прекрасный пример этому представляют сведения об образовании, полученном известной поэтессой Анной Петровной Буниной (1774–1828), известной в обществе своим интересом к наукам и эксцентричностью поведения. Принадлежа по рождению к одному из древнейших российских дворянских родов, она рано осталась сиротой, все детство жила в деревне, не получив никакого образования, кроме самого элементарного (что бы это ни означало). Однако по достижении совершеннолетия, получив доступ к завещанному отцом состоянию, она в 1802 году переехала в Петербург и потратила практически все имевшиеся у нее деньги на учителей. Как пишут современные биографы А. П. Буниной, она «...стала изучать английский, французский, немецкий языки, *физику, математику*¹³⁹, П. И. Соколов, известный профессор филологии¹⁴⁰, преподавал ей литературу, так же как и Борис Бланк¹⁴¹, ее племянник и коллега-поэт»¹⁴². Источник этих сведений, правда, не совсем ясен. Историк-славист Константин Яковлевич Грот (1853–1934) в биографическом очерке, посвященном А. П. Буниной, отмечал, что помимо ее собственных обращенных к А. С. Шишкову стихов,

Достигши совершенных лет,
 Наследственну взяла от братьев долю,
 Чтоб жить в свою мне волю.
 Тут музы мне простерли руки!
 Душою полюбя науки,
 Лечу в Петров я град,
 Наместо молодцов и франтов,
 Зову к себе педантов.
 Но ах! науки здесь сребролюбивы,
 Мой бедный кошелек стал пуст.
 Я тотчас оскудела¹⁴³.

¹³⁹ Курсив наш. — О. В.

¹⁴⁰ Петр Иванович Соколов (1764–1835) – писатель и журналист; с 1793 г. – член Российской академии, с 1802 г. – ее непреременный секретарь; с 1819 г. – библиотекарь Петербургской академии наук. А. П. Бунина не была единственной ученицей П. И. Соколова. Например, он преподавал русский язык и литературу будущему поэту и декабристу князю А. И. Одоевскому (1802–1839). Вот что пишет биограф этого последнего, И. А. Кубасов: «П. И. Соколов, – человек, если и не отличающийся даровитостью, то обладавший солидными знаниями и языка, и литературы, в своем роде человек универсальный и начитанный; без сомнения, он мог научить Одоевского языку и вообще дать немало разносторонних познаний; Одоевский писал безукоризненно грамотно и излагал свои мысли на русском языке не хуже, чем на французском, которым владел блестяще» (*Кубасов И. А. А. И. Одоевский (Биографический очерк) // Одоевский А. И. Стихотворения и письма. Воспоминания об А. И. Одоевском. М., 2003. С. 12*).

¹⁴¹ Бланк Борис Карлович (1769–1826) – поэт. В 1930 г. К. Я. Грот писал о нем, делая доклад в Обществе древней письменности: «Борис Карлович был небезызвестным, очень плодовитым, “неистощимым”, как его прозывали, но довольно беспетальным стихотворцем уже вырождавшейся сентиментальной школы: он был всего на 5 лет старше А. П. [Буниной], но, конечно, мог быть ее руководителем в литературных сферах» (*Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128, 129, 137–186. http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm*).

¹⁴² Dictionary of Russian Women Writers / Edited by M. Ledkovsky, C. Rosental, M. Zirin. London, 1994. P. 108.

¹⁴³ *Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // С.-Петербургский*

у нас нет никаких сведений об этом периоде жизни А. П. Буниной: «Подробнее об условиях и обстоятельствах детства А. П., а также ее учения мы, к сожалению, почти ничего не знаем», – пишет и К. Я. Грот¹⁴⁴. Однако само стремление А. П. Буниной к образованию не подлежит сомнению. По сведениям близкого друга ее племянников Эразма Ивановича Стогова (1797–1880), историка Сибири и автора воспоминаний, это стремление учиться не покинуло ее и в последующие годы. Э. И. Стогов пишет: «Могу засвидетельствовать, что она не переставала учиться»¹⁴⁵. Мы не располагаем информацией о том, сохранился ли ее юношеский интерес к физике и математике в более зрелом возрасте (если предположить, что сведения биографов точны и такой интерес вообще имел место). Тем не менее впоследствии она серьезно и профессионально занималась литературой, в том числе и теорией литературы. Так, в 1808 году А. П. Бунина перевела с французского и опубликовала работу аббата Шарля Батте (1713–1780) «Правила поэзии», добавив к ней сведения о российском стихосложении¹⁴⁶, бесспорно заслужив звание «ученой».

А. П. Бунина, безусловно, была человеком выдающимся, выбивающимся из ряда. Интереснее было бы, наверно, посмотреть на женщину, исполнявшую в жизни роль супруги и матери, предписанную ей общественной моралью, не блиставшую никакими особыми талантами. Какое образование получала она?

К нашей радости, сохранились, например, некоторые учебные материалы и записи Марии Николаевны Толстой, рожденной княжны Волконской (1790–1830), прославившейся только тем, что она была матерью Л. Н. Толстого (!), позволяющие в общих чертах судить о ее обучении. В частности, сохранились две тетради, первая из которых озаглавлена: «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества в сельце Ясной Поляне»; и вторая, несколько большая по объему: «Примечания о Математической, Физической и Политической Географии»¹⁴⁷. С. Л. Толстой описывает ее содержание следующим образом: «На обложке, по видимому рукой Николая Сергеевича»¹⁴⁸, написано: «Для княжны Волконской». Сначала идет вступление: § 1. География есть описание земли. § 2. Земля (шар земной) есть тело почти шарообразное, считающееся между планетами и т. д. § 3. География разделяется на 3 части: 1) на математическую, 2) на физическую, 3) на политическую и т. д. Затем идет Отделение первое – «о математической географии», «о начале разделения Астрономии в разных системах мира». Тут же даются определения системам мира: Пифагора, Платона и Птолемея, система Египтян, система Коперника, Тихо-Багрова¹⁴⁹. Затем даются объяснения по Копернику – «О звездах», «о планетах», «о земле». Следующий отдел посвящен «Политической географии». В § 1 говорится: «Государства управляются владетелями или светскими или духовными: а) между светскими примечания достойны Императоры, Короли, Князья, Курфюсты, Ерцгерцоги» и т. д., б) между духовными: Папа со своими кардиналами, Архиепископы, Епископы, Аббаты или Игумены». Затем идут характеристики «деспотического или самодержавного правления», «монархического или самодержавного», «аристократического» и «демократического или народного», в

филиал Архива Российской академии наук. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128, 129, 137–186. http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ *Стогов Э.* Очерки, рассказы и воспоминания Эразма Стогова. VI: П. Н. Семенов и А. П. Бунина // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1879. Т. 24. № 1–4. С. 52.

¹⁴⁶ *Баттё Ш.* Правила поэзии. Сокр. пер. аббата Батё. С присовокуплением российского стопосложения. СПб., 1808.

¹⁴⁷ *Толстой С. Л.* Мать и дед Л. Н. Толстого. Очерки жизни, дневники, записки и письма по неизданным материалам. М., 1928. С. 42.

¹⁴⁸ Имеется в виду Н. С. Волконский, отец М. Н. Толстой.

¹⁴⁹ Так в тексте. — *О. В.*

котором «законодательная власть зависит от всего народа». Кончаются записки кратким описанием Европы и России¹⁵⁰.

Так же сохранилась и опубликована «Дневная запись для собственной памяти», сделанная М. Н. Толстой во время ее поездки в С.-Петербург летом 1810 года, из которой видно, что во время своего первого пребывания в столице империи молодая княжна вместо посещения светских мероприятий и модных лавок посетила Биржу, Эрмитаж, Кунсткамеру, шпалерную фабрику, Бертову фабрику, где осмотрела паровую машину, чугунный мост, дом под названием «паноптикум», в котором работало несколько тысяч мастеровых и также помещалась паровая машина и другие механизмы, стеклянную фабрику, фарфоровую фабрику, Александровскую чулочную фабрику, Петропавловскую крепость, Петергоф, где осматривала сады и фонтаны, и, наконец, Академию художеств¹⁵¹.

Современные литературоведы не сомневаются, что прототипом одной из главных героинь романа Л. Н. Толстого «Война и мир», княжны Марьи Болконской, является мать писателя Мария Николаевна Толстая, урожденная Волконская, а знаменитая сцена с описанием урока княжны Марьи, который дает ей отец (часть 1, раздел XXII), написана на основании реально происходивших событий¹⁵². Напомним, действие происходит в 1812 году. Старый князь Николай Андреевич Болконский, который, по словам Л. Н. Толстого, считал, «что есть только две добродетели: деятельность и ум», сам занимался воспитанием дочери и, «чтобы развить в ней обе главные добродетели, давал ей уроки *алгебры и геометрии*¹⁵³ и распределял всю жизнь ее в беспрерывных занятиях»¹⁵⁴.

И похоже, что случай М. Н. Толстой был не единственным. Екатерина Ивановна Раевская (1817–1899) посчитала нужным описать необычные для ее времени и окружения (как ей казалось) образование и образ мыслей своей матери, Софьи Гавриловны Бибиковой (1787–1856), почти ровесницы М. Н. Толстой. Вторая дочь из семнадцати детей екатерининского генерала, вышедшего в отставку в 1783 году в чине генерал-майора Гаврилы Ильича Бибикова (1743–1803) и его супруги Екатерины Александровны, урожденной Чебышевой (1767–1833), Софья Гавриловна, как и все остальные дети в семье, обучалась у иностранных гувернанток, но не только у них. «Пока дедушка был жив, – пишет Е. И. Раевская, – он следил за уроками, даже некоторые уроки старшим двум дочерям давались при нем, в его кабинете. Но после него вряд ли кто о них заботился. Из всех дочерей одна матушка опередила свой век. Она мне говорила, что умный и образованный отец ее, которого она лишилась на четырнадцатом году от рождения, до тех пор постоянно держал ее при себе, и что его влиянию она обязана *любовью своей к науке*¹⁵⁵»¹⁵⁶. Трудно понять, что подразумевает здесь Е. И. Раевская под словом «наука». Правда, некоторые ее последующие высказывания позволяют отчасти расшифровать это. «С молодых лет матушка училась сама, – пишет далее Е. И. Раевская, – а впоследствии обучала меньших сестер и брата Илью... Будучи молодой девушкой, матушка читала все тогдашние исторические и философские книги, за что и выносила немало насмешек от родных. Конечно, это было уже после смерти любившего ее образованного отца»¹⁵⁷. По словам мемуаристки, род-

¹⁵⁰ Толстой С. Л. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁵¹ Волконская М. Н. Дневная запись для собственной памяти // Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 78–109.

¹⁵² См., например: Толстой С. Л. Указ. соч. С. 43; Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 44–45.

¹⁵³ Курсив наш. — О. В.

¹⁵⁴ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1955. Т. 1. С. 113.

¹⁵⁵ Курсив наш. — О. В.

¹⁵⁶ Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. Ноябрь. С. 548.

¹⁵⁷ Там же.

ственники даже прозвали ее мать «Вольтером», что звучало в их устах очень обидно. Однако молодая женщина не обращала на это внимания: «Но матушку не смущали эти насмешки и пересуды: она продолжала твердо идти своим путем», – пишет ее дочь¹⁵⁸. В другом месте она добавляет: «В свободное время матушка круглый год много читала, всего более исторических, философских книг, из литературы же только выдающихся писателей. Пустых романов я у нее в руках никогда не видала. <...> Отец в шутку нам говаривал: “O! maman sait tout et encore quelque chose” (“О! мама знает все и еще кой-что в придачу”»)¹⁵⁹, подчеркивая в то же самое время, что любимое занятие матери было скорее редким исключением среди ее ровесниц, чем правилом: «Тогдашние же барыни аристократки не занимались рукоделием по примеру прабабушек своих, сидевших за прялками в высоких теремах. И чтением они не особенно интересовались; матушка моя была в свое время редким исключением», – замечает она¹⁶⁰.

Но так ли это? Анна Петровна Бунина (1774–1828), Софья Гавриловна Бибикина (1787–1856), Мария Николаевна Толстая (1790–1830)... Возможно, этот ряд можно продолжить, было бы желание.

Существуют данные, указывающие, что уже при жизни следующего поколения, то есть дочерей упомянутых нами дам и их ровесниц, преподавателями женщин-аристократок, случалось, выступали академики и университетские профессора.

Например, сохранились подробные сведения об образовании, полученном начинающей поэтессой Елизаветой Борисовной Кульман (1808–1825), к сожалению очень рано умершей. Возможно, именно поэтому люди, хорошо ее знавшие, захотели оставить подробное описание ее жизни, а поскольку жизнь эта главным образом состояла из обучения, то мы имеем в нашем распоряжении очень полный и дотошный отчет. Ее преподавателями были доктор права Карл-Фридрих фон Гроссгейнрих (1783–1860), а также специалист в области геологии и горного дела Петр Иванович Медер (1769–1826), бывший в 1818–1826 годах командиром Горного кадетского корпуса в С.-Петербурге.

У Е. Б. Кульман рано проявился талант к языкам. По воспоминаниям К.-Ф. фон Гроссгейнриха, она исключительно по собственному желанию и с минимальной посторонней помощью изучила почти все древние и новые европейские языки, свободно говорила и писала на них, делала переводы. Уже к шести годам она говорила и читала бегло по-немецки и по-русски, чем была обязана своей матери¹⁶¹. На одиннадцатом-двенадцатом году жизни она изучала английский, французский и итальянский языки, читая сочинения классических писателей, а также занималась латынью и древнеславянским языком со знакомым священником¹⁶². Тогда же К.-Ф. фон Гроссгейнрих предложил ей изучать древнегреческий язык¹⁶³. В тринадцать лет Е. Кульман «уже перевела Анакреона, в прозе на пяти языках, а белыми стихами на трех любимых ею языках: русском, немецком и итальянском; прочла уже много из Гомера, знала от начала до конца путешествие Анахарсиса Младшего, Бартеlemi, и Павсаниево описание Греции...»¹⁶⁴. Вскоре она начала изучать (и вполне успешно) еще три языка (одновременно): испанский, португальский и новогреческий¹⁶⁵. Она не только свободно читала классические произведения на всех языках, но и писала на них, делала переводы с одного языка на другой в стихах и в прозе.

Тем не менее, несмотря на выдающийся талант к языкам, Е. Кульман изучала не только их. «Не было травки, даже самой ничтожной, которую любознательная девочка не хотела

¹⁵⁸ Раевская Е. И. Указ. соч. С. 548.

¹⁵⁹ Там же. С. 953.

¹⁶⁰ Там же. Ноябрь. С. 555.

¹⁶¹ Гроссгейнрих К. Елисавета Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849. С. 25.

¹⁶² Там же. С. 50.

¹⁶³ Там же. С. 52.

¹⁶⁴ Там же. С. 55.

¹⁶⁵ Там же. С. 81.

бы знать по имени, и странно бывало слышать, как она целый ряд растений называла одни немецкими, другие английскими, а иные и латинскими именами, потому что *учитель ботаники*¹⁶⁶ Елисаветы был англичанин, изъяснявшийся изрядно по-немецки, но плохо по-русски», – пишет К.-Ф. фон Гроссгейнрих¹⁶⁷. Преподаватель или наставник, как называет сам себя К.-Ф. фон Гроссгейнрих, в какой-то период опасался чрезмерного воображения девушки. «Желая восстановить необходимое между воображением и рассудком равновесие, наставник полагал, что пора познакомить Елисавету с действительным подлунным миром, т. е. учить ее Истории и Географии. <...>, – рассказывает он и продолжает: – Надобно видеть радостное изумление Елисаветы при первом ее взгляде на ландкарты. Наставник купил у приятеля своего пять карт, представлявших вид земли в целом и четыре части света отдельно и подарил их своей ученице в осьмой день ее рождения»¹⁶⁸.

Вместе с дочерьми П. И. Медера Е. Кульман изучала предметы искусства и... естественно-исторического цикла. К.-Ф. фон Гроссгейнрих пишет: «Г. Медер имел двух дочерей, одну ровесницу с Елисаветою, другую годом моложе. Этот достойный отец, окончив свои служебные занятия, остальное время посвящал воспитанию своих дочерей. Поведение Елисаветы и уже тогда приметные великие дарования ее снискали ей в такой высокой мере благосклонность его, что он вскоре дозволил ей учиться вместе с его дочерьми всему, что им преподавали. Ему была обязана Елисавета уроками рисования, танцевания и музыки, и *уроками ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам*¹⁶⁹. Сверх того обе дочери его сделали ее подругами и оставались ими до самой смерти Елисаветы; она же имела удовольствие отплатить хотя отчасти своим подругам за благодеяния, которыми осыпал ее человеколюбивый отец их. Обе дочери в обращении с Елисаветою усовершенствовались в немецком языке, и выучились у нее итальянскому и английскому»¹⁷⁰. К.-Ф. фон Гроссгейнрих следующим образом описывал вечера, проводимые дамами Кульман в семействе П. И. Медера: «... если господин Медер бывал дома и ничем не занят, он с своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за стол и начинал с ними *беседу, о предметах, касающихся географии, истории и физики, нередко восходил со своими юными слушательницами на высоты астрономии, или углублялся в таинства геологии*¹⁷¹. Между тем эти академические заседания, как называли их дамы, составлявшие общество бабушки (господин Медер был вдов), не всегда бывали серьезные, но по временам оживлялись рассказом какого-нибудь забавного приключения с путешественником»¹⁷². Рассказывая об одном особенно памятном вечере, К.-Ф. фон Гроссгейнрих замечает: «В тот вечер господин Медер беседовал о минералогии, одной из любимых наук его и Елисаветы»¹⁷³.

О любви Елизаветы Кульман к минералогии упоминал и другой ее биограф – литературный критик, редактор, цензор, в будущем доктор философии и профессор Александр Васильевич Никитенко (1804–1877), основывавшийся не только на сведениях, почерпнутых из «бумаг» Е. Кульман, но и на «словесных показаниях особ, знавших ее лично»¹⁷⁴: «Учась Естественной Истории, она часто посещала богатый минералогический кабинет в Горном Корпусе.

¹⁶⁶ Курсив наш. — О. В.

¹⁶⁷ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 12.

¹⁶⁸ Там же. С. 33.

¹⁶⁹ Курсив наш. — О. В.

¹⁷⁰ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 43–44.

¹⁷¹ Курсив наш. — О. В.

¹⁷² Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 128.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Никитенко А. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 8. Прим. к с. 41.

Кто бы мог подумать, смотря там на эту прекрасную девицу, прилежно всматривающуюся в каждый камушек, что она делает это не для одной забавы?» – удивлялся биограф¹⁷⁵.

И К.-Ф. фон Гроссгейнрих, и А. В. Никитенко подчеркивали, что овдовевшая мать Е. Кульман не обладала состоянием и была бедна (по меркам «общества», надо полагать). Именно поэтому, писал К.-Ф. фон Гроссгейнрих, возник вопрос о том, что Е. Кульман должна выбрать себе профессию, дабы иметь возможность зарабатывать на жизнь. И она выбрала профессию воспитательницы. Очень любопытные слова, якобы сказанные Е. Кульман по этому поводу, приводит К.-Ф. фон Гроссгейнрих: «Я рассмотрела звание воспитательницы со всех сторон, и нашла, что могу без большого труда приобрести необходимые для того качества. *Языки, история, география, естественная история, физика, математика, литература главнейших европейских народов, вот, мне кажется, главные предметы, которые требуются от учительницы, и это те самые предметы, которыми я до сих пор преимущественно занималась*¹⁷⁶; я также знаю музыку, рисование и рукоделия; а сколько я приметила, часто и того не требуют»¹⁷⁷. Действительно ли это было мнением юной шестнадцатилетней девушки или самого почтенного доктора права, но этот перечень дает представление об образовательных требованиях, предъявлявшихся к российским дворянкам.

В данном случае мы видим еще одного отца, а также друга семьи (каким был К.-Ф. фон Гроссгейнрих для семьи Кульман), занимавшихся обучением своих девочек. Но сохранились сведения о том, что некоторые аристократические семьи *нанимали* в преподаватели дочерям профессиональных ученых. Например, в краткой биографии Анны Михайловны Раевской (1820–1883) читаем: «Она... получила очень тщательное домашнее образование; между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям к математике»¹⁷⁸. Речь здесь идет об известном математике Михаиле Васильевиче Остроградском (1801–1861), с 17 декабря 1828 года бывшим адъюнктом по прикладной математике Императорской академии наук, 21 декабря 1831 года ставшем ординарным академиком по прикладной математике, а с 15 июня 1855 года – по чистой математике.

Следует отметить, что некоторые публицисты 30-х годов XIX века, в противовес общепринятому стереотипу, пишут об *избыточности* женского образования: «Юные девицы выучивают сперва французский, немецкий, английский, итальянский языки: сии четыре языка суть главная основа здания; потом история, география, хронология, арифметика, правила поэзии, музыка вокальная и инструментальная, рисование, живопись, декламация и танцы; урок за уроком следует беспрестанно; исключая часы обеда и время прогулки, летом юныя жертвы совершенства работают с шести часов утра до самого ужина», – писал оставшийся анонимным автор в статье «О воспитании женщин в России» в 1831 году¹⁷⁹, замечая, правда, что подобное обучение не приносит никакой пользы, кроме вреда¹⁸⁰. Так что дело было, видимо, не в наличии (или отсутствии) у мужчин свободного времени для получения образования, а в распроstrаненном комплексе неполноценности, не позволявшем мужскому самолюбию пережить мысль о более умной, чем он, и образованной женщине. Эта мысль прямо и ясно, без малейших обиняков высказана в одном из произведений графини де Жанлис «Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис», опубликованном в 1802 году в «Вестнике Европы». Выясняя вопрос о том, почему женщина не должна быть публикующимся автором, точнее, почему общество не допу-

¹⁷⁵ Там же. С. 49.

¹⁷⁶ Курсив наш. – О. В.

¹⁷⁷ Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁸ [Анучин Д. Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1896. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. С. 513.

¹⁷⁹ Ш-а. К-а. Н-я. О воспитании женщин в России (из L'Hermiten Russie) // Дамский журнал. 1831. Ч. XXXVI. № 42. С. 33–34.

¹⁸⁰ Там же. С. 35.

стит, чтобы женщина могла быть публикующимся автором, графиня, сама опубликовавшая несколько десятков произведений (если не более), устами своих героинь говорит следующее: «Разумею: ты думаешь, что женщина, делаясь Автором, *переряжается* и бросает перчатку мужчинам...» – спрашивает дерзкая Эмилия. «Без сомнения, – отвечает сестре благоразумная Доротея и поясняет: – Они сражаются на этой сцене, дорожат победою, и не уступят лавров своим бедному, слабому *получеловеку*¹⁸¹»¹⁸².

Уже граф Сегюр, описывая свое пребывание при дворе Екатерины II в 80-е годы XVIII века, замечал: «Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии. Между тем мужчины, исключая сотню придворных, каковы например: Румянцевы, Разумовские, Строгоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгоруковы и прочие, большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества»¹⁸³.

И еще господином Гартигом в 1793 году была высказана мысль, что единственная причина отрицательного отношения к образованию женщин и к образованным женщинам – выгода, извлекаемая мужчинами из их невежества. «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» – задает он вопрос. И сам же отвечает: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, *что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных*¹⁸⁴»¹⁸⁵.

Этот вывод хорошо перекликается с замечанием, записанным в 1810 году в свой собственный альбом А. П. Буниной в ответ на ремарку Александра Семеновича Шишкова (1754–1841)¹⁸⁶ следующего содержания: «Всего похвальнее в женщине кротость, в мужчине справедливость»¹⁸⁷. Как замечает К. Я. Грот, опубликовавший записи из альбома А. П. Буниной, «последнее изречение Шишкова очевидно задело за живое Бунину...»¹⁸⁸. Видимо, действительно так оно и было, поскольку А. П. Бунина написала: «Кротость в женщине бывает двоякая: одна есть драгоценнейший ее монист, другая бесславие. Унижая себя, теряет она главное и единственное пола своего преимущество. Мужчине не противна бывает сия двоякая женщин кротость. Пользуясь ею, покушаются они на все и делаются самовластными господами. Помещику не бывает противно иметь многих слуг. Чем их более, тем более для него и выгод; но спросим у сих слуг, не пожелают ли они сделать некотораго с помещиком своим условия»¹⁸⁹.

В целом же, исходя из небогатых источников, имеющихся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что домашнее образование девушек-аристократок первой половины XIX века

¹⁸¹ Курсив автора. — О. В.

¹⁸² *Жанлис де*. Женщина-Автор. Сказка госпожи Жанлис // Вестник Европы. 1802. Ч. V. № 20. С. 250–251.

¹⁸³ *Сегюр, граф*. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 32–33.

¹⁸⁴ Курсив наш. — О. В.

¹⁸⁵ *Гартиг*. Указ. соч. С. 63–64.

¹⁸⁶ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – государственный деятель, адмирал, президент Российской академии, основатель общества «Беседы любителей русского слова», оказывал покровительство А. П. Буниной.

¹⁸⁷ *Грот К. Я.* Альбом Анны Петровны Буниной // Русский архив. 1902. № 3. С. 503.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

во многих случаях соответствовало образованию их братьев, просто потому, что братья и сестры обучались вместе или потому что отцы считали необходимым дать достойное образование своим дочерям. Образование, которое в будущем вполне позволяло им продолжить самообразование в избранных ими отраслях знания и даже заниматься ими вполне профессионально, о чем и пойдет речь в следующей главе.

Глава 4

Кабинеты натуральной истории и естественно-научные коллекции российских женщин в первой половине XIX века

В бабушкином кабинете было на что поглядеть и о чем призадуматься!.. Стены, пол, потолок, все было покрыто диковинками. Днем эти диковинки меня очень занимали, но в сумерки я бы ни за что не вошла одна в бабушкин кабинет!

В. П. Желиховская. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства

Наверно, самым распространенным видом научной деятельности любителей естественных наук еще с XVIII века было составление естественно-научных коллекций и создание личных кабинетов натуральной истории. Просвещенные дамы не стали исключением из этого правила. И как бы ни относилось светское общество к ученым дамам, ученые и учебные учреждения Российской империи охотно пользовались плодами научной деятельности женщин, причем не только российских. Так, в своей знаменитой «Истории императорского Московского университета» профессор С. П. Шевырев рассказывает о пожалованном 12 февраля 1802 года императором Александром I Московскому университету «Натуральном кабинете, купленном после бывшего воеводы Брацлавского, князя Яблоновского у его наследников за 50 000 голландских червонцев»¹⁹⁰. С. П. Шевырев основывал свое заключение на небольшой заметке, опубликованной в газете «Московские Ведомости» 1 марта 1802 года¹⁹¹. Однако журналист допустил небольшую неточность в этом сообщении, и вслед за ним ошибся С. П. Шевырев. Кабинет принадлежал не князю, а княгине – Анне Паулине Сапеге Яблоновской (1728–1800)¹⁹², владелице местечка Семятичи, и был куплен после ее смерти у ее наследников (в том числе графа Станислава Солтыка)¹⁹³. В 1802 году химик и минералог, академик Петербургской академии наук Василий Михайлович Севергин (1765–1826) по поручению правительства совершил путешествие из Петербурга в Семятичи¹⁹⁴, занявшее почти полгода (с 15 февраля по 1 июня), как он писал, «...для осмотра, приема и препровождения в Императорской московской университет, бывшего там Натурального кабинета покойной княгини Анны Яблоновской»¹⁹⁵. Во время поездки В. М. Севергин вел что-то вроде путевого дневника, в котором подробно описал как встреченные достопримечательности, так и сам Натуральный кабинет княгини. Эти записки были опубликованы уже в 1803 году под названием: «Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком,

---

¹⁹⁰ Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 315.

¹⁹¹ В Москве // Московские ведомости. 1802. 1 марта. № 18. С. 258.

¹⁹² Książna Anna Paulinaz Sapiehów Jabłonowska (1728–1800).

¹⁹³ См.: Бессуднова З. А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 22.

¹⁹⁴ В описываемое время Семятич (Семятичи) принадлежал к прусской части Польши; впоследствии местечко вошло в состав Гродненской губернии Российской империи.

¹⁹⁵ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1803. С. [1].

коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным»¹⁹⁶. В. М. Севергин считал необходимым дать общее описание Кабинета княгини Яблоновской: «Сей кабинет расположен был в замке Семятиченском в четырех больших залах. Покойная княгиня Анна Яблоновская, супруга бывшего Брацлавского воеводы, урожденная княгиня *Canega*, обращала кажется внимание свое на все предметы упражнений разума человеческого. От сего происходит, что в сем кабинете находятся не только вещи до естественной истории принадлежащие; но также многие физические орудия, модели махин, медали и монеты древние и новейшие вазы, идолы и разные искусственные произведения, янтарные, костяные и другие как просвещенных, так и некоторых диких народов», – писал он¹⁹⁷. Из этой фразы можно не только получить некоторое представление о размерах и составе коллекций – не вызывает сомнений, что В. М. Севергин абсолютно уверен: этот самый состав зависел исключительно от круга интересов и увлечений княгини Яблоновской, то есть именно княгиня, а не ее покойный супруг (например) была инициатором создания Кабинета. Некоторым подтверждением мнения В. М. Севергина может служить фраза из биографии известного итальянского доктора философии и медицины Степана de Bisiis Trexopariensis (Бизи), опубликованная в словаре Брокгауза и Ефрона: «Познакомившись с княгиней Яблоновской, он отправился с ней в Польшу в качестве ее домашнего врача и жил три года в Семятычах, где был уже раньше основан музей естествознания, богатая библиотека и школа повивальных бабок»¹⁹⁸. По времени это событие относится к 1763–1768 годам. Как отмечает современный литовский исследователь А. Андриюсис: «Примечательно, что один из первых профессоров медицины Вильнюсского университета итальянец С. Л. Бизио (1724?–1790?) в 1763–1768 годах преподавал в акушерской школе поместья в Семятычах (Белоруссия), будучи придворным врачом у княгини А. Яблоновской»¹⁹⁹. О репутации, которой Кабинет Яблоновской пользовался в ученом мире, можно судить из объявления о публичных лекциях профессора Федора Герасимовича Политковского (1753–1809), опубликованного в третьем номере журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1803 год. В нем между прочим говорилось следующее: «Для сих лекций открыт будет почтенной публике Семятичский Натуральный кабинет, известный во всей Европе²⁰⁰ и принадлежавший княгине Яблоновской»²⁰¹.

Несмотря на заявление о том, что подробное описание Кабинета Яблоновской должны будут дать его новые владельцы, то есть сотрудники Московского университета²⁰², В. М. Севергин все-таки сделал некоторое описание коллекций в своих «Записках», по стечению обстоятельств оказавшееся единственным. Описание это состоит из двух частей: 1) общей характеристики предметов и 2) подробной характеристики собрания польских минералов, особенно привлечших внимание ученого своей полнотой, а также имевших отношение к его научным занятиям²⁰³. Общее описание Кабинета состоит из описания экспонатов по царствам природы и, далее, по месту их происхождения. О коллекции предметов животного царства В. М.

¹⁹⁶ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб.: При Императорской академии наук, 1803.

¹⁹⁷ Там же. С. 77.

¹⁹⁸ Бизи или Бизио // Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 111а: Бергер – Бисы. С. 833.

¹⁹⁹ Андриюсис А. Подготовка акушерок в Вильнюсском университете и Медико-хирургической академии в 1774/75–1842 гг. // Медицинская профессура Российской империи. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: Изд. ММА им. И. М. Сеченова, 2005. С. 5–6.

²⁰⁰ Курсив наш. — О. В.

²⁰¹ Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 288.

²⁰² Севергин В. М. Указ. соч. С. 76.

²⁰³ Там же. С. 83.

Севергин пишет следующее: «Между телами животного царства отличались изящностью и редкостью своею как многие четвероногие; так и птицы, рыбы, Амфибии, насекомые, черви и животнорастения. А особливо птицы, а между Амфибиями змеи, между черепокожными же раковины, составляли собрания и многочисленные и изящные, так как и кораллы. К сему принадлежат также редкие анатомические препараты из воску сделанные, служащие для показания различных частей принадлежащих к орудиям чувств человеческих. Сие собрание в своем роде почти совершенное»²⁰⁴. Он отмечает: «Собрание к прозябаемому царству принадлежащее состояло из брусочков разных дерев, также камедей, смол и бальсамов, некоторых семян и других плодов, большею частию Европейских»²⁰⁵. О коллекции ископаемых замечает, что она содержала экспонаты из различных европейских стран, в том числе из Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Португалии и Англии. Отмечая при этом небольшое количество минералов из России и других северных стран²⁰⁶, Севергин также дал описание наиболее интересных образцов минералов и назвал местности, из которых было получено наибольшее их количество: Гарц, Саксония, Кобург, Карслбад, Идрия, Гессен, Пруссия, Франция, Италия, Испания, Португалия и др., подробно описав, какие образцы из какой именно страны получены²⁰⁷. Таким образом, В. М. Севергин оценил коллекции княгини А. Яблоновской достаточно высоко.

Разумеется, представители Московского университета приняли подобный дар с большой благодарностью. Как писал автор заметки в «Московских ведомостях», «с чувствованиями живейшей благодарности и глубочайшего благоговения, преклоняя колена пред Престолом Великого Монарха и лобызая Отеческую щедрую Его десницу, Начальство Московского Университета священнейшею обязанностью своею поставляет сей столь драгоценный и во всей просвещенной Европе редкий дар, стараться всеми силами учинить общепольнейшим для всех любезных соотечественников и наипаче для обучающегося юношества»²⁰⁸. Конечно, Московский университет не мог не выразить благодарность должным образом, однако и современные специалисты оценивают научное значение Кабинета княгини А. Яблоновской достаточно высоко. По мнению, например, историка геологии З. А. Бессудновой, основанному на изучении записок В. М. Севергина, «... в этом Кабинете были собраны практически все минеральные виды, известные в Европе при жизни княгини Яблоновской»²⁰⁹.

Однако Натуральный кабинет княгини Яблоновской не был единственным вкладом женщины в создание коллекций и музеев Московского университета. В 1807 году другая княгиня, на этот раз российская, Екатерина Романовна Дашкова подарила Московскому университету свои собственные естественно-научные коллекции. 15 мая 1807 года «Московские ведомости» опубликовали следующую заметку: «Ее сиятельство, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова, императорского всероссийского двора статс-дама, ордена Св. Екатерины большого креста кавалер, прежде бывший директором Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, и член академий и славнейших в Европе ученых обществ, достойно заслужившая всеобщее уважение отличным соревнованием в распространении успехов просвещения, патриотизмом и своими сочинениями, благоволила принести в дар Императорскому Московскому университету свой кабинет редкостей натуральной истории. Сие драгоценное собрание, – к составлению которого ее сиятельством употреблено более тридцати лет, и к приращению которого содействовали царствовавшие высочайшие особы: Иосиф II,

²⁰⁴ Севергин В. М. Указ. соч. С. 77–78.

²⁰⁵ Там же. С. 78.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. С. 80.

²⁰⁸ В Москве // Московские ведомости. 1802. 1 марта. № 18. С. 258.

²⁰⁹ Бессуднова З. А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 23.

император Римский, курфюрст Саксонский, король Шведский, великий герцог Тосканский, и многие другие, – содержит в себе:

Животных, натуральных и окаменелых, числом	4806
Растений и суших плодов и пр.	765
Камней и руд	7934
Антиков отпечатков	1616
Вообще всего:	15121

Сей дар, посвященный ее сиятельством распространению наук и на пользу московской публики, стоящий более 50 000 рублей, помещен будет в залах, прикосновенных к музею Московского университета, расположенному во всевозможно удобнейшем для обозрения порядке, и таким образом, что как высочайше пожалованные, так и прочие подаренные редкости и драгоценности поставлены в особенных залах, кои для незабвенной памяти и благодарности означены именами, и украшены бюстами или портретами благотворителей и приносителей значительных даров сему училищу. Таковы залы суть: его императорского величества, благополучно царствующего всемилостивейшего государя; его превосходительства Павла Григорьевича Демидова; его сиятельства князя Александра Александровича Урусова; его сиятельства графа Александра Сергеевича Строгонова.

Сообразно сему расположению и благонамеренной цели, Императорский московский университет обязанностью своею почитает, расположа и сей новый дар новья Благотворительницы своей в особых залах, и отлича оныя именем ея сиятельства, украсить портретом ея, дабы оный навсегда был памятником признательнейшей благодарности, каковую обязаны будут все обучающиеся питать к особе ея в своих сердцах»²¹⁰.

Чуть больше чем через месяц, 26 июня 1807 года, Е. Р. Дашкова дополнила свой дар еще несколькими предметами: «Ныне благоволила она показать новый опыт благорасположения своего приношением для умножения и обогащения музея разных 332 предмета, – писали «Московские ведомости» 26 июня 1807 года. – Они составляют большую часть драгоценных камней, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки, представляющие насекомых, трудов девицы Дрезд, сочинения исторические и принадлежащие к истории натуральной, знатное число книг для библиотеки, между коими особое заслуживает внимание Новый Завет, напечатанный по воле Императора Петра I на славянском и голландском языках»²¹¹.

Некоторые из подаренных Е. Р. Дашковой предметов оказались редкими и очень ценными с научной точки зрения, на основании их изучения были сделаны научные открытия, в частности профессором Московского университета Фишером фон Вальдгеймом (1771–1853)²¹². В примечании к статье о Ф. Г. Политковском, написанной для «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», первый профессор геологии и минералогии Московского университета, один из выдающихся отечественных геологов Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884) упоминает об использовании Ф. Г. Политковским собрания княгини Яблоновской во время проведения публичных лекций и добавляет: «Вскоре потом княгиня Екатерина Романовна Дашкова пожертвовала в пользу Московского университета богатейшее в тогдашнем ученом свете собрание минералов. Таким образом составилась при университете весьма богатый музей натуральной истории, и

²¹⁰ Московские ведомости. 1807. № 39. Мая 15 дня. Середя. С. 869–870.

²¹¹ Там же. № 51. 26 июня. Середя. С. 1116.

²¹² Об этом подробнее см.: *Бессуднова З. А.* Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 32–33.

самое лучшее, полнейшее собрание минералов, которому тогда во всей Европе не было подобного»²¹³.

С. П. Шевырев привел подробные данные о коллекциях, подаренных университету Е. Р. Дашковой, в своей знаменитой «Истории Московского университета», заимствовав их, по-видимому, из заметок в «Московских ведомостях»²¹⁴ (сам он не указывает источник своих сведений). Более подробного описания естественно-научных коллекций Е. Р. Дашковой, по сведениям современных исследователей, не сохранилось²¹⁵.

Таким образом, большей частью своих естественно-научных допозарных коллекций Московский университет был обязан научным интересам, личному труду, а также значительным материальным тратам двух женщин. И это «женское» происхождение никоим образом не смущало московских ученых и не мешало им использовать указанные собрания. Во всяком случае, никаких указаний на нечто подобное нами найдено не было. Хотя, конечно, журналист «Московских ведомостей», сообщивший о покупке Кабинета князя Яблоновского, мог сделать это совсем не случайно, а намеренно, дабы не умалять столь важного события упоминанием женского имени или чтобы не признавать значительных заслуг женщины в таком неженском деле. Но это только догадки.

Надо заметить, что в указанный период, то есть в начале XIX века, знатные женщины выступают не только как дарительницы своих кабинетов натуральной истории, но и как меценаты по отношению к научным учреждениям. Например, № 1 журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1803 год сообщает, что 12 декабря 1802 года «вдовствующая действительная тайная советница графиня Л'Есток, урожденная баронесса фон Менгден» прислала письмо в Дерптский университет, в котором сообщала, что назначает 15 000 рублей серебром в пользу учащихся этого университета. После ее смерти проценты с этого капитала должны быть использованы для трех стипендий по 200 рублей серебром в год для неимущих студентов из местного дворянства. Когда же благодаря процентам капитал возрастет до 16 000, следует назначить четыре стипендии²¹⁶. По-видимому, в данной заметке имеется в виду графиня Мария Аврора Лесток, дочь барона Магнута-Густава фон Менгдена, с 14 февраля 1742 года бывшая фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны и 11 ноября 1747 года вышедшая замуж за лейб-медика, действительного тайного советника Иоганна Германа Лестока (1692–1767)²¹⁷, а в 1748 году разделившая с ним заключение в крепости и последовавшую многолетнюю ссылку. Подобное пожертвование свидетельствует о заинтересованности в судьбе университета, в распространении образования, в том числе среди тех, у кого недостаточно средств, чтобы оплатить его самим, то есть как минимум о понимании важности подобных занятий. Кроме того, по некоторым данным, графиня Лесток помимо денег пожертвовала университету свою библиотеку, которая могла быть на самом деле частью знаменитой медицинской и научной библиотеки ее супруга: «... известно, что в 1800 г. вдова бывшего лейб-медика передала в дар Дерптскому университету часть своей библиотеки – 378 томов, среди которых также могли оказаться отдельные книги из собрания И. Г. Лестока», – пишет П. И. Хотеев со ссылкой на известное издание: *Vigel E. Tartu Riikliku Ülikooli teadusliku raamatukogu asutamine ja areng aastail 1802–1839. Tartu, 1962. Lk. 15* (Tartu

²¹³ [Щуровский Г. Е.] Политковский, Федор Герасимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855. С. 280–287.

²¹⁴ Шевырев С. П. Указ. соч. С. 372.

²¹⁵ См., например: Бессуднова З. А. Указ. соч. С. 32. Прим.

²¹⁶ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81–82.

²¹⁷ Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны / Публ. [и вступ. ст.] К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 171.

Riikliku Ülikooli toimetised. V. 115)²¹⁸. Об этом также сообщает заведующая отделом научной литературы Научной библиотеки Тартуского университета О. Эйнасто в статье, посвященной 200-летию Тартуского университета: «Большая часть книг попала в библиотеку благодаря прекрасному обычаю XIX в. дарить книги. Первый дар библиотеке преподнесла графиня Мария Лесток, супруга лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны»²¹⁹.

Конечно, и княгиня Яблоновская (не являвшаяся российской подданной), и княгиня Дашкова (европейски образованная и проведшая большую часть своей жизни в Европе), и графиня Лесток, принадлежавшая к влиятельному прибалтийскому дворянскому роду, были представительницами XVIII века, века Просвещения. Возможно ли, что XIX век внес свои коррективы и со сменой политического курса исчезли и женщины, чьи интересы выходили за узкие рамки, предписанные им общественной моралью? На первый взгляд кажется, что это так, но факты опровергают подобную точку зрения.

Первая половина XIX века представляет нашему вниманию нескольких женщин, широко известных своими кабинетами натуральной истории и интересом к естествознанию. На основании выявленных фактов можно также обоснованно предположить, что в этот период увлечение коллекционированием, прежде всего созданием ботанических коллекций, было распространено среди не только аристократок, но и более скромных представительниц провинциального дворянства.

Знаменитый отечественный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856), рассказывая в воспоминаниях о своем детстве и полученном образовании, писал об одной даме, имевшей на него, тогда подростка, большое влияние: «Разговоры ее были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мне про связи свои с почтенными учеными мужами, профессорами Московского университета, хвалилась любовью и покровительством старого Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Первое знакомство с русскими музами сделал я в запыленном, засаленном *кабинетце*²²⁰ моей любезной Турчаниновой»²²¹. К сожалению, более подробного описания «кабинетца» Ф. Ф. Вигель не оставил, но из нескольких слов, брошенных им об этой даме, ясно видно, что она безусловно была любительницей наук: «Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхую, занималась *преимущественно математическими*²²² науками, знала латинский и греческий языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философки», – пишет он²²³. По словам Ф. Ф. Вигеля, эта дама была близко знакома с монахами киевского Братского монастыря, бывшего в то время центром «киевской учености».

Ф. Ф. Вигель говорит здесь об Анне Александровне Турчаниновой (1774–1848), личности весьма известной в нашей литературе, правда благодаря не столько ее познаниям в естественных науках, сколько более позднему увлечению так называемым магнетизмом. Дочь богатых помещиков Киевской губернии²²⁴, она, по-видимому, занималась самообразованием, писала и публиковала стихи²²⁵, а также перевела и опубликовала по крайней мере две *книги* философского содержания: «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания

²¹⁸ Хотеев П. И. Библиотека лейб-медика И. Г. Лестока // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в.: Сб. научных трудов. Л., 1982. С. 44. Прим.

²¹⁹ Эйнасто О. 200-летие Библиотеки Тартуского университета // URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/11/f11_11.htm.

²²⁰ Курсив наш. — О. В.

²²¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.

²²² Курсив наш. — О. В.

²²³ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 107.

²²⁴ Подробнее о семье Турчаниновых см.: Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 106 и др.

²²⁵ См.: Турчанинова А. А. Отрывки из сочинений Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

природы непосредственно проистекающие»²²⁶ и «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff» («Философские письма месье Фонтэйна и мадемуазель Турчаниновой») ²²⁷. В 20-е годы XIX века она приобрела широкую известность в петербургских великосветских кругах как магнетизерша, излечивавшая взглядом. Исследователи творчества А. С. Пушкина пишут о его интересе к явлению магнетизма и к Турчаниновой как человеку, обладавшему способностями к этому виду деятельности. Основываясь на сообщениях мемуаристов, в частности М. А. Салтыкова, они предполагают личное знакомство А. А. Турчаниновой и А. С. Пушкина.

Гораздо большую известность, причем именно в ученом мире, хотя и не только в нем, приобрел кабинет натуральной истории другой дамы, а именно Елены Павловны Фадеевой (1788–1860), урожденной княжны Долгорукой (по старшей линии этого известного в России рода). Ее внук, воспитывавшийся у нее в доме и научившийся читать и писать, сидя у нее на коленях, будущий председатель Совета министров Российской империи Сергей Юльевич Витте (1849–1915) писал в воспоминаниях о своей бабушке: «Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет»²²⁸.

В 1860 году, после смерти Е. П. Фадеевой, в газете «Кавказ» (г. Тифлис) был опубликован посвященный ей подробный биографический очерк, изданный вскоре отдельной брошюрой²²⁹. Установить автора этого очерка пока что, к сожалению, не удалось. По словам дочери Елены Павловны, Надежды Андреевны Фадеевой (1829–1919), он был написан «человеком, близко знавшим ее»²³⁰. Но наше предположение о том, что этим человеком был кто-то из детей или внуков Е. П. Фадеевой, возможно супруг, не подтверждается. В личном фонде писательницы Веры Петровны Желиховской (1835–1896), внучки Е. П. Фадеевой, сохранился экземпляр биографической брошюры с некоторыми рукописными исправлениями, сделанными В. П. Желиховской. Исправления касаются даты рождения Е. П. Фадеевой, сведений о ее предках и других семейных обстоятельствах, о которых члены семьи, конечно, не могли не знать²³¹. Тем не менее автор биографического очерка был прекрасно осведомлен о характере исследовательской работы Елены Павловны и о ее научных интересах. Вот что он (или она) пишет: «... ботаника сделалась любимой наукой всей ее жизни; памятниками этой любви служат оставшиеся после покойной 50 томов собственноручных рисунков растений, которые она сама же и определяла, при помощи библиотеки, составленной из всех занимательных сочинений по этой части. Кроме того, она успела составить богатую орнитологическую коллекцию, часть которой еще при жизни подарила Кавказскому обществу сельского хозяйства. – Минералогическая и палеонтологическая коллекции, а также собрание древних монет и медалей, весьма замечательные во многих отношениях, составляют теперь собственность детей покойной»²³².

²²⁶ Турчанинова А. А. Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие / Пер. с лат. Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

²²⁷ Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff. Paris, 1817.

²²⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849–1894). М., 1960. С. 19.

²²⁹ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426; Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860.

²³⁰ [Фадеева Н. А.] По поводу статьи «Роман одной забытой романистки». Письмо Н. А. Фадеевой // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1886. Ноябрь. С. 457.

²³¹ Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860 // РГАЛИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–7.

²³² Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

Можно сказать, что за свою долгую жизнь Елена Павловна сыграла несколько ролей, каждая из которых раскрывала ее характер с новой, иногда неожиданной даже для близких друзей и знакомых стороны. Так, со времени своего замужества, большую часть жизни, она была супругой крупного чиновника, «первой дамой» тех мест, где им приходилось жить, что подразумевало некоторые обязанности, например занятие благотворительностью. Она, конечно, являлась матерью и воспитательницей своих детей, а впоследствии и внуков, хозяйкой дома, управляющей семейными имениями, когда семья владела ими, поскольку супруг был занят службой. Все это роли обычные и привычные для женщины ее круга. Однако одновременно она была ученой: великолепно образованной, обладавшей обширными познаниями, страстной любительницей естественных наук, прежде всего ботаники. И в этом качестве ее знали и уважали представители научного мира, в то время как остальной мир даже не подозревал о ее необычных увлечениях. В. П. Желиховская заметила об этой «двойной» жизни своей бабушки: «Е. П. Фадеева при всех своих глубоких знаниях и ученых занятиях, была так непритязательна в обращении; так искренна и обходительна со всеми, что многие простые смертные, знавшие ее по годам за ласковую, веселую собеседницу, – иные за прекрасную хозяйку, другие – за хорошую рукодельницу, – все за добрую помощницу, всегда готовую услужить и советом, и делом, часто и не подозревали ее глубоких знаний и ученой деятельности. И наоборот: не раз люди науки, хорошо знакомые с ее кабинетом и разнообразными коллекциями, открывали в изумлении рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставлениями... Потому-то и сказала я, что мало кто знал ее вполне»²³³. Было ли подобное поведение вызвано истинной скромностью или нежеланием бросить тень на доброе имя мужа, но Е. П. Фадеева действительно никогда не афишировала своих научных занятий перед непосвященными. Охотно принимая в своем доме профессиональных ученых и путешественников, поддерживая многолетнюю переписку со многими из них, пользуясь репутацией серьезного исследователя, она никогда не публиковала никаких научных работ, никогда не выступала публично, действительно стараясь не привлекать внимания к своим научным занятиям, отнимавшим большую часть ее времени и сил. Однако надо отметить, что не только муж Е. П. Фадеевой, А. М. Фадеев, не был против ее научных занятий, но и его близкие друзья и коллеги по работе также знали о занятиях Е. П. Фадеевой. Например, Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский (Иосиф Иванович Вечерков)²³⁴, писал А. М. Фадееву 8 декабря 1846 года: «Божие благословение Елене Павловне. Просите ее продолжать в Тифлисе полезные для науки рисунки по делам флоры. Это занятие сделает в лице ее честь русским дамам»²³⁵.

Возможно, что история не сохранила бы никаких следов этой ее деятельности, но усилия ее детей и, даже в большей степени, воспитанных ею внуков воспрепятствовали этому.

Княжна Елена Павловна Долгорукая родилась 11 ноября 1788 года в одной из самых известных российских семей. Ее отцом был князь Павел Васильевич Долгорукий (1755–1837), екатерининский генерал, вышедший в отставку в начале царствования Павла I, в 1796 году, в чине генерал-майора; матерью – княгиня Генриетта Адольфовна Долгорукая (?–1812), урожденная де Бандре. Так получилось, что с самого своего рождения Елена Павловна жила и воспитывалась в доме родителей своей матери, бабушки и бабушки де Бандре, находившемся в городке Ржищеве, неподалеку от Киева. И именно там в 1812 году она познакомилась с

²³³ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. Март. С. 765.

²³⁴ Вечерков Иосиф Иванович (1792–1850) был известен своими работами по истории, географии, археологии Саратовского края. См.: Иаков, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии // URL: http://www.eparhia-saratov.ru/pages/3257_iakov_arhiepiscope_nijegorodskiy_i_arzamasskiy.

²³⁵ Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский. Письмо А. М. Фадееву. 8 декабря 1846 г. // РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об., 2.

Андреем Михайловичем Фадеевым (1789–1867), одним из младших сыновей дворянского рода Фадеевых, мужчины которого традиционно служили в российской армии еще со времен Петра I, хотя и не выслужили особых чинов и наград, и в 1813 году вышла за него замуж. Брак этот был воспринят окружающими как мезальянс. Однако дети и внуки Фадеевых яростно протестовали против подобной трактовки событий, заявляя, что единственной причиной брака была взаимная любовь²³⁶. Прекрасные связи молодой жены, точнее, ее родственников позволили А. М. Фадееву начать гражданскую карьеру (традиционная для его семьи военная служба его не прельщала), которая, как показало будущее, сложилась вполне удачно²³⁷.

Известно, что ко времени знакомства с будущим супругом научные интересы княжны Долгорукой уже были вполне сформированы. По сведениям автора некролога Е. П. Фадеевой, опубликованного в газете «Кавказ» 15 сентября 1860 года, большое влияние на юную княжну оказала некая соседка, помещица графиня Дзялынская, близкая знакомая бабушки Елены Павловны: «Елена Павловна с самого начала полюбила естественные науки и из них в особенности ботанику. Независимо от врожденной охоты к положительному знанию, эту страсть возбудила в ней соседка по имени ее бабушки, графиня Дзялынская. С тех пор ботаника сделалась любимой наукою всей ее жизни...» – пишет автор некролога²³⁸. В мемуарах графини Анны Потоцкой упоминается имя графини Дзялынской, урожденной княжны Чарторыйской. А. Потоцкая писала, что ее отец, князь Чарторыйский, был очень образованным человеком: «Под легкомысленной внешностью князь скрывал солидные знания. Превосходный ориенталист, он владел несколькими языками и был хорошо знаком с мировой литературой»²³⁹. Его супруга, княгиня, по словам А. Потоцкой, «...была женщина не без достоинств... В то время, о котором я говорю, – писала А. Потоцкая, – она большей частью занималась благотворительностью... <...> все остальное время она проводила, наблюдая за работами в своем великолепном саду»²⁴⁰. Князь содержал так называемую Пулавскую школу, воспитывая и держа за свой счет детей бедных дворян. По сведениям А. Потоцкой, его дочь, графиня Дзялынская, впоследствии содержала «...пансион для молодых польских девушек в отеле Ламбер»²⁴¹.

Более определенно говорит об истоках увлечения Е. П. Фадеевой и ее глубоких, поражающих окружающих познаниях ее внучка, уже упоминавшаяся нами В. П. Желиховская, выросшая в доме Елены Павловны: «С самых молодых лет она любила серьезные положительные знания и неустанно училась», – пишет она в одном из очерков²⁴². Чуть более подробно она же рассказывает об этом в автобиографической повести «Мое отрочество», посвящая в ней Елене Павловне Фадеевой отдельную главу «Наша бабушка и ее кабинет»: «...я мало знаю наук, которых бы она (Е. П. Фадеева. — О. В.) не изучила основательно. История, география, ботаника, археология, нумизматика – во всем она была специалист! Все эти знания она приобрела не с помощью дорогих учителей, а лишь благодаря собственному неустанному труду, любознательности и настойчивому рвению к познаниям. Хотя она принадлежала к одному из первых княжеских домов России, но отец ее, князь Павел Васильевич Долгорукий, был человек небогатый; бабушка детство и юность свою провела почти безвыездно в деревне и всеми необычными своими знаниями исключительно обязана себе одной»²⁴³.

²³⁶ Фадеева Н. А. Комментарии // Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг.: В 2 частях. Одесса, 1897. С. 24.

²³⁷ Подробнее об этом см. в: Фадеев А. М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2–12.

²³⁸ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

²³⁹ Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 43.

²⁴⁰ Там же. С. 45.

²⁴¹ Там же. С. 44.

²⁴² Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган... С. 763–764.

²⁴³ Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., 1893. С. 60.

В своих воспоминаниях супруг Елены Павловны А. М. Фадеев упоминает, что она получила «...наилучшее воспитание, в соединении с серьезным, многосторонним образованием»²⁴⁴. Известно, что Е. П. Фадеева не только великолепно играла на фортепьяно, но и сама обучала музыке дочерей и внучек²⁴⁵; прекрасно рисовала, что очень пригодилось ей для занятий ботаникой; говорила на пяти иностранных языках, в том числе немецком, итальянском, французском, польском и, можно предположить, английском, поскольку неоднократно встречалась с английскими учеными и путешественниками и вела с ними многолетнюю переписку, знала латынь²⁴⁶.

Первый год своей совместной жизни (1813) Фадеевы прожили в Ржищеве, в доме бабушки Елены Павловны, затем А. М. Фадеев получил место в Нижегородском губернском правлении. В Нижнем Новгороде, однако, супругам не очень понравилось, и вскоре А. М. Фадеев выхлопотал должность в Новороссийской конторе иностранных поселенцев, располагавшейся в Екатеринославе. В 1817 году А. М. Фадеева назначили ее управляющим, и Екатеринослав стал местом жительства семьи Фадеевых на следующие пятнадцать лет. Впоследствии, однако, Фадеевым несколько раз приходилось бросать насиженное место и переезжать вслед за новой должностью главы семьи: Нижний Новгород, Екатеринослав, Астрахань, Одесса, Саратов, Тифлис – все эти города становились поочередно местами их жительства. И каждый раз большая часть хлопот по переезду огромного семейства (только количество дворовых людей Фадеевых доходило до пятидесяти человек), не говоря уже о детях и даже внуках, ложилась на плечи Е. П. Фадеевой. Например, в 1834 году в связи с реформированием Новороссийской конторы иностранных поселенцев и с назначением А. М. Фадеева в новый «попечительский комитет» по делам переселенцев Фадеевым пришлось бросить хорошо налаженную жизнь в Екатеринославе, в котором они провели около 16 лет, и переехать в Одессу. Вот как описывает А. М. Фадеев это событие: «Множество забот и хлопот, неизбежных при переезде целым домом с одного места на другое и при новом обзаведении полного хозяйства, не миновало и нас; и после прежних долговременных домашних порядков, трудно было вступить в непривычную колею. <...> Однако, <...> Елена Павловна принялась с неутомимую деятельностью и разумным знанием дела за устройство нашей деревеньки. В самый короткий срок она сделала все, что было возможно, и при очень ограниченных затратах достигла удивительно успешных результатов. Она развела прекрасный сад, большие огороды, насадила виноградники, рощу, построила мельницу, все необходимые постройки и службы и в течение нескольких месяцев превратила дикую запущенную деревушку в образцовое хозяйственное учреждение и приятное летнее местопребывание»²⁴⁷.

Сам Фадеев часто находился в разъездах по делам службы, Елена Павловна же оставалась дома, обустроивала хозяйство, вела его, рожала и выхаживала детей (она родила как минимум пятерых, из которых четверо дожили до совершеннолетия, и каждого кормила сама в течение двух лет). Все это, несомненно, занимало большую часть ее времени. По воспоминаниям родных, она вставала в 6 часов утра и не ложилась до 12 ночи; «... никогда, никому из домашних не приводилось видеть ее праздной», – писала В. П. Желиховская²⁴⁸.

Тем не менее с юности и до последних дней жизни Е. П. Фадеева находила время для научных исследований. Главным ее увлечением была ботаника. Она собрала значительный гербарий кавказской флоры, так же как и растительности других регионов, в которых ей приходилось жить длительное время; сама, при помощи имевшейся у нее научной ботанической лите-

---

²⁴⁴ Фадеев А. М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2. С. 302.

²⁴⁵ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган... С. 764.

²⁴⁶ Там же; Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк... С. 426.

²⁴⁷ Фадеев А. М. Указ. соч. // Русский архив. 1891. № 4. С. 465.

²⁴⁸ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган... С. 765.

ратуры, давала строго научные определения собранным растениям; делала их реалистичные рисунки, составившие в итоге 50 объемных томов. Любопытно, что юная внучка Елены Павловны, которую та не раз просила помочь в собирании растений, очень рано поняла разницу между занятиями бабушки и, например, любовью к цветам ее гувернантки: «...наша бабушка и старая гувернантка обе очень любили цветы. Обе ими бывали постоянно окружены. М-ме Ресцюеиг с раннего утра начинала перебирать свои букеты... Но бабушка их любила совсем иначе! Она не для того их собирала, чтоб только любоваться ими и наслаждаться их запахом: она их срисовывала, высушивала, определяла и составляла из них коллекции... Нельзя было не дивиться ее познаниям и искусству...»²⁴⁹

---

²⁴⁹ Желиховская В. П. *Мое отрочество...* С. 91–92.

Рис. 5. Титульный лист книги В. П. Желиховской «Мое отрочество» (СПб., 1893)

Х.

Наша бабушка и ея кабинетъ.

Елена Павловна Фадѣева, наша бабушка, въ самомъ дѣлѣ была удивительная женщина! Я такой, какъ она, во всю жизнь другой не знавала.

Начать съ того, что въ тѣ времена, когда такъ плохо учили женщинъ, когда никто и не думалъ о томъ, что дѣвушекъ надо учить чему-либо, кромѣ рукодѣлій да хозяйства, да развѣ что французскому и нѣмецкому языкамъ, въ самыхъ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ, — бабушка прекрасно знала не только нѣсколько языковъ, но и множество наукъ да еще такъ, какъ и ученые иные не знаютъ ихъ.

Я нисколько не преувеличиваю. Вѣдь у людей ученыхъ бываетъ обыкновенно одинъ предметъ, который они особенно изучаютъ, — одна специальность, а у бабушки моей специальности не было; но я мало знаю наукъ, которыхъ бы она не изучила основательно. Исторія, географія, ботаника, археологія, нумизматика — во всемъ она была специалистъ!

И всѣ эти знанія она приобрѣла не съ помощью дорогихъ учителей, а лишь благодаря собственному

Рис. 6. Страница из книги В. П. Желиховской «Мое отрочество» с карандашным портретом Е. П. Фадеевой

На протяжении многих лет Е. П. Фадеева вела переписку с отечественными и зарубежными учеными. Среди ее корреспондентов, например, были президент Лондонского геогра-

фического общества Родерик Мурчинсон²⁵⁰, геолог, палеонтолог и путешественник Филипп-Эдуард Вернель²⁵¹, путешественник Игнас Гомер-де-Гель²⁵², назвавший в ее честь одну из ископаемых раковин (*Venus Fadiefei*), геолог Г. В. Абих²⁵³, натуралист Г. С. Карелин²⁵⁴, академики К. М. Бэр²⁵⁵ и Х. Х. Стевен²⁵⁶ и др. «Она постоянно переписывалась с Стевеном, сообщая ему порою редкие виды кавказских растений, – пишет автор некролога. – Еще не задолго до своей кончины, Елена Павловна получила письмо от этого маститого ботаника и энтомолога, который благодарит ее “за драгоценный подарок – три огромные ящика с растениями” и выражает удивление, что “дама занимается ботаникой в таком объеме. Обыкновенно, и то немногие – продолжает он – довольствуются небольшим числом красивых цветов”»²⁵⁷. Она деятельно обменивалась дублетами из своих коллекций с коллегами и оказывала им посильную помощь в их исследованиях. «Роббер де Гель в своих сочинениях (*les steppes de la mer Caspienne, la Crimée et la Russie méridionale, le Caucase* и пр.) многократно упоминает о ней, как о замечательно ученой особе, во многом руководившей им в его изысканиях, – пишет В. П. Желиховская. – *Lady Stanhope*²⁵⁸, известная английская путешественница (изъездившая весь мир в мужском костюме), в одном из сочинений своих о России говорит о ней, что встретила в этой варварской стране с такой удивительно ученой женщиной, которая прославилась бы в Европе, если б не имела несчастья проживать на берегах Волги, где мало кто может понять ее и никто не в состоянии ее оценить...»²⁵⁹

В своих воспоминаниях А. М. Фадеев рассказывает историю знакомства Елены Павловны с академиком Бэром, в 1856 году приехавшим в Тифлис для изучения возможности искусственного разведения рыб в горных реках края. «Он тотчас же по прибытии явился с визитом к моей жене, давно зная о ней по слухам и сочинениям некоторых из ученых, наших знакомых, русских и иностранных, – пишет А. М. Фадеев. – Елена Павловна с удовольствием приняла его, и он часто у нас бывал. Бэр чрезвычайно интересовался огромной коллекцией ее рисунков цветов с природы, флоры Кавказской, Саратовской и всех тех мест, где ей приходилось жить. Хотя рисунки не заключали в себе какого-либо художественного исполнения, артистического изящества в очертаниях растений, но академик именно пленялся их живой натуральностью, безыскусственной верностию изображений, отсутствием придаточных прикрас»²⁶⁰. А. М. Фадеев рассказывал, что в последнее посещение перед отъездом Бэр обратился к Е. П. Фадеевой с просьбой, «...на которую у нее, – по словам А. М. Фадеева, – не достало духа согласиться. Он просил ее доверить ему на время эти книги (томов 20 большого размера в лист) и позволить взять их с собой в Петербург, чтобы снять с них копии для Императорской академии наук,

²⁵⁰ Мурчинсон Родерик Импи (1792–1871) – английский геолог, специалист по палеозою, иностранный почетный член Петербургской академии наук с 6 сентября 1845 г., ординарный академик по Отделению физико-математических наук (геология) с 21 сентября 1845 г. В 1840–1841 гг. проводил геологические изыскания в России.

²⁵¹ Верней (Вернель) Филипп-Эдуард Пуллетье де (1805–1873) – французский геолог, палеонтолог и путешественник. Член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду минералогии и геологии Отделения физико-математических наук с 7 декабря 1856 г.

²⁵² Гоммер де Гель Игнас (1812–1848) – французский путешественник и естествоиспытатель, в 1835 г. проводил геологические изыскания на юге России.

²⁵³ Абих Герман Вильгельмович (Васильевич) (Отто Вильгельм Герман) (1806–1886) – немецкий геолог. Ординарный академик Петербургской академии наук по Отделению физико-математических наук (ориктогнозия и минералогическая химия) с 8 января 1853 г. по 22 декабря 1865 г., почетный член с 14 января 1866 г.

²⁵⁴ Карелин Григорий Силыч (1801–1872) – путешественник и натуралист, руководил исследованиями Каспийского моря.

²⁵⁵ Бэр Карл Максимович (Карл Эрнст), фон (1792–1876) – естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук.

²⁵⁶ Стевен Христиан Христианович (1781–1863) – естествоиспытатель-ботаник, садовод, энтомолог. Член-корреспондент Петербургской академии наук с 22 февраля 1815 г., почетный член с 6 октября 1849 г.

²⁵⁷ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк... С. 426.

²⁵⁸ Леди Стэнхоуп Эстер Люси (1776–1839) – известная английская путешественница, автор обширных мемуаров.

²⁵⁹ Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган... С. 764.

²⁶⁰ Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг.: В 2 частях. Одесса, 1897. С. 196.

ручаясь за целостность и невредимость их. Он говорил, что готов *на коленях* молить об исполнении этой просьбы, – и в самом деле хотел стать на колени»²⁶¹. А. М. Фадеев писал: «Елена Павловна колебалась, но не могла решиться расстаться на неопределенное время с этим трудом всей своей жизни, составлявшим уладу и утешение часов ее занятий. Она сказала это Бэру, прибавив, что она вероятно уже долго не проживет, и ей было бы очень тяжело лишиться под конец жизни многолетней своей любимой работы; но что после ее смерти книги достанутся ее детям, которые ботаникой не занимаются, и она предоставит им принести их в дар нашей академии наук, если академия удостоит принять этот более нежели полувековой труд великой любви к природе и науке. Академик Бэр, со вздохом и по-видимому очень опечаленный, должен был покориться этому решению»²⁶². Редактор второго, отдельного издания мемуаров А. М. Фадеева, его дочь Н. А. Фадеева, сделала примечание к этому отрывку, сообщавшее о дальнейшей судьбе наследия Е. П. Фадеевой: «Все эти книги с собранием рисунков цветов и растений работы Е. П. Фадеевой в целостности и свято хранились с лишком 30 лет в оставшейся ее семье, очень желавшей исполнить обещание и желание, заявленное ею о передаче их в Академию наук, но не знавшей, как это устроить и к кому обратиться. В 70-е годы Р. А. Фадеев писал об этом академику Бэру, но Бэр в это самое время умер. В 1892 году книги пожертвованы в Ботанический Кабинет С.-Петербургского Императорского университета, принявшего этот ценный дар с большой благодарностью»²⁶³. К сожалению, в настоящее время среди коллекций и собраний гербария кафедры ботаники С.-Петербургского университета обнаружить материалы Е. П. Фадеевой не удалось, так же как не сохранилось никаких записей, свидетельствующих об их передаче университету.

Помимо ботанической, Е. П. Фадеева составила энтомологическую, орнитологическую, минералогическую и палеонтологическую коллекции, а также большую коллекцию монет и медалей.

Для научных занятий у Елены Павловны был оборудован специальный кабинет, в котором хранились многочисленные коллекции и чучела животных, многие из них были сделаны ее руками. «Своим любимым занятиям науками она предавалась всегда, запершись в своем кабинете, и здесь подолгу просиживала над книгами, над своими собраниями древностей, монет, насекомых, растений, – над своими рукописями и рисунками», – пишет В. П. Желиховская²⁶⁴. Кабинет этот производил неизгладимое впечатление на многочисленных внуков Елены Павловны. В. П. Желиховская так описывала это удивительное место: «В бабушкином кабинете было на что поглядеть и о чем призадуматься!.. Стены, пол, потолок, все было покрыто диковинками. Днем эти диковинки меня очень занимали, но в сумерки я бы ни за что не вошла одна в бабушкин кабинет! Там было множество страшилищ. Одно фламинго уж чего стоило!.. Фламинго – это белая птица на длинных ногах, с человека ростом. Она стояла в угловом стеклянном шкафу. Вытянув аршинную шею, законченную огромным крючковатым, черным клювом, размахнув широко белые крылья, снизу ярко-красные, будто вымазанные кровью, она была такая страшная!.. <...> Я и сама понимала, что чучело не могло ходить, но все же побаивалась... И не одного фламинго! Было у него много еще страшных товарищей, сов желтоглазых, хохлатых орлов и филинов, смотревших на меня со стен; оскаленных зубов тигров, медведей и разных звериных морд разостланных на полу шкур. Но был у меня между этими набитыми чучелами один самый дорогой приятель: белый, гладкий, атласистый тюлень из Каспийского моря. В сумерки, когда бабушка кончала дневные занятия, она любила полчаса посидеть, отдыхая в своем глубоком кресле, у рабочего стола, заваленного бумагами, уставленного множе-

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же. С. 197.

²⁶³ Фадеева Н. А. [Примечание ред.] // Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг.: В 2 частях. Одесса, 1897. С. 196–197.

²⁶⁴ Желиховская В. П. Мое отрочество... С. 62.

ством растений и букетов. Тогда я знала, что наступило мое время. <...> Заслушивалась я бабушкиных рассказов, открыв рот и развесив уши, до того, что мне порой представлялось, что набитые звери в ее кабинете начинают шевелиться и поводить на меня стеклянными глазами... <...> На одной стене все сидели хищные птицы: орлы, ястребы, соколы, совы, а над ними, под самым потолком распростер крылья огромный орел-ягнятник. <...> Но что за прелестные были в бабушкином кабинете крошечные птички-колибри!.. Одна была величиной с большую пчелу и такая же золотистая. Эта крохотная птица-муха, как ее бабушка называла, больше всех мне нравилась. Она сидела со многими своими блестящими подругами, под стеклянным колпаком, на кусте роз, которые сделаны тоже самой бабушкой. Другие колибри были чудно красивы! Их груди блистали, как драгоценные камни, как изумруды и яхонты, зеленые, малиновые, золотистые! Но моя колибри-малютка была всех милей своей крохотностью»²⁶⁵. Но не одни дети были в восторге от кабинета Е. П. Фадеевой. По воспоминаниям той же В. П. Желиховской, «многие ученые люди <...> нарочно приезжали из далека, чтоб с нею познакомиться и посмотреть ее кабинет...»²⁶⁶.

Искренне и глубоко увлеченная наукой, занятая руководством огромным домашним хозяйством, Е. П. Фадеева тем не менее сумела воспитать нескольких людей, которые впоследствии внесли выдающийся вклад в историю нашей страны и о которых здесь просто необходимо сказать несколько слов. Ее старшая дочь, Елена Андреевна Фадеева (1814–1842), в 16 лет вышедшая замуж за артиллерийского капитана П. А. фон Гана, очень рано завоевала известность в литературном мире, печатая художественные повести под псевдонимом Зинаида Р-ова. Белинский посвятил ей обширную статью, полную горячих похвал. В отечественном литературоведении Зинаида Р-ова признана одной из первых писательниц, отстаивавших достоинство женщины. К сожалению, она умерла всего в 28 лет, оставив на попечение матери троих детей, в том числе Елену Петровну Ган, завоевавшую без преувеличения всемирную известность под именем Е. П. Блаватской (1831–1891), и Веру Петровну Желиховскую (1835–1896), чьи очерки и повести для детей пользовались большой популярностью в конце XIX – начале XX века. Сын Е. П. Фадеевой, Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), участвовал в Кавказской войне, дослужился до чина генерал-майора и стал одним из самых известных российских военных писателей второй половины XIX века, создав немало работ, посвященных «военному вопросу», проблемам российских вооруженных сил и др. Дети средней дочери Елены Павловны, Екатерины Андреевны (1821–?), в замужестве Витте, также воспитывались в доме бабушки. Среди них был и будущий крупный политический деятель, премьер-министр Сергей Юльевич Витте. Все они, так же как и их не упомянутые здесь братья и сестры, были воспитаны и получили (или по крайней мере начали получать) свое образование в удивительном и волшебном кабинете своей бабушки. По отзывам самых близких людей, «Елена Павловна воспитывала детей своих с самою нежною заботливостью, заменяя им большую часть учителей. Все ее дети, а впоследствии и внуки, учились читать по-русски и по-французски и многому другому, сидя у нее на коленях. И это учение служило как бы фундаментом того солидного образования, которое достигнуто ими потом»²⁶⁷.

Елена Павловна Фадеева ушла из жизни 12 августа 1860 года, прожив чуть больше семидесяти лет. В последние годы она была тяжело больна и частично парализована. Но болезнь не помешала ни ее научным занятиям (она даже научилась делать рисунки левой рукой), ни образованию внуков. Е. П. Фадеева была похоронена в Тифлисе, пред стеной алтаря Вознесенской церкви.

²⁶⁵ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства / 7-е изд. СПб. [Б. д.] С. 157–163.

²⁶⁶ Там же. С. 131.

²⁶⁷ См.: Фадеев А. М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 12. С. 521–522.

Научно-исследовательская деятельность Е. П. Фадеевой пришлось на 20–50-е годы XIX века. Прошедшая под знаком любимого увлечения, занятия, придуманного для отвлечения от домашних дел, а также скромности и даже скрытности, во всяком случае именно так интерпретировавшаяся современниками, она, однако, была вполне серьезна и результативна с научной точки зрения. Часть своих орнитологической, минералогической и палеонтологической коллекций Е. П. Фадеева еще при жизни подарила Кавказскому обществу сельского хозяйства. По свидетельству С. Ю. Витте, ботаническая коллекция Е. П. Фадеевой была подарена ее наследниками Новороссийскому университету. К сожалению, В. И. Липский в работе «Флора Кавказа» и последующих дополнениях к ней²⁶⁸ не упоминает имени Е. П. Фадеевой. Впрочем, он вообще уделяет крайне мало внимания истории университетских ботанических коллекций. В настоящее время дальнейшая судьба этих коллекций, к сожалению, неизвестна. Так же как неизвестна судьба альбомов с рисунками растений, подаренных, по словам родственников, Петербургскому университету.

Елена Павловна Фадеева-Долгорукая была одной из первых, если не первой из российских женщин, профессионально занимавшихся естественными науками и завоевавших признание научного сообщества. Несмотря на свидетельство дочери о том, что никто из посторонних (исключая нескольких научных корреспондентов) не знал о научных занятиях Елены Павловны, несмотря на то что она, насколько нам известно, никогда ничего не публиковала и никогда не бывала не только в Европе, но даже в Петербурге, ее имя, безусловно, не было совершенно неизвестным при ее жизни, так же как и ее научная деятельность. В издававшемся Императорской академией наук «Месяцеслове» на 1862 год предположительно впервые в российской истории были опубликованы сразу два некролога женщин-ученых. Один из них – некролог умершей в возрасте 29 лет первой в России женщины, занимавшейся изучением политической экономии, Марии Николаевны Вернадской (урожденной Шигаевой) (1831–1860)²⁶⁹, второй – некролог Елены Павловны Фадеевой (1788–1860).

Е.П. Фадеева не была единственной в России представительницей первой половины XIX века, увлекавшейся естественными науками. Тем же интересом отличалась (и была известна) Анна Михайловна Раевская (1819–1883), урожденная Бороздина, младшая современница Е. П. Фадеевой, хотя ее интересы больше склонялись к изучению археологии. По сведениям Д. Н. Анучина, она «...получила очень тщательное домашнее образование»²⁷⁰. Д. Н. Анучин писал, что «...между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям к математике»²⁷¹. В 18 лет она вышла замуж за генерала Николая Николаевича Раевского (1801–1843), бывшего в то время начальником Черноморской береговой линии. Первые годы после замужества А. М. Раевская прожила с мужем в Керчи, где, по мнению Д. Н. Анучина, впервые «познакомилась с раскопками курганов...»²⁷². Однако брак продлился всего четыре года, в 1843 году Н. Н. Раевский умер. А. М. Раевская вместе с двумя своими сыновьями уехала из России и прожила пять лет в Италии, в Риме. Д. Н. Анучин считал, что знакомство с памятниками античного мира произвело такое сильное впечатление на А. М. Раевскую, что по возвращении она продолжала заниматься археологией, нумизматикой, антропологией. Д. Н. Анучин писал: «Она была в переписке со многими заграничными и отечественными учеными, из коих профессор Morlot обстоятельно познакомил ее

²⁶⁸ Липский В. И. Флора Кавказа. Дополнение I // Труды Тифлисского Ботанического сада. Приложение к вып. V. СПб., 1902.

²⁶⁹ Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 103–104.

²⁷⁰ [Анучин Д. Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896. С. 513.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же.

со свайными постройками в Швейцарии и вообще с культурой доисторического человека»²⁷³. Из российских ученых А. М. Раевская «...была очень хорошо знакома с Бэром, который руководил ею при ее путешествиях по Прибалтийскому краю и Финляндии с целями этнографическими и антропологическими», – писал Д. Н. Анучин²⁷⁴. Известный отечественный мемуарист А. В. Никитенко оставил краткое описание личных коллекций А. М. Раевской. В своем дневнике он писал 20 марта 1865 года: «Обедал у А. М. Раевской, <...> хозяйка показывала мне свой маленький музей палеонтологических вещей, собранных ею во время путешествия за границу. Есть любопытные вещи: разные орудия, ножи, долота и проч[ее] каменного и бронзового периодов, много вещей, добытых из швейцарских озер, кусочки тканей, нитки, лен, зерна, яблоки, орехи и проч[ее]. Любопытная кость каменного оленя из бронзового периода с зарубками ножом или топором. Подлинность каждой вещи засвидетельствована французскими и швейцарскими учеными. Наш академик Бэр признает это собрание драгоценным»²⁷⁵.

А. М. Раевская не только собирала археологические, антропологические и палеонтологические коллекции, сама организовывала археологические раскопки. Она дарила как отдельные предметы, так и целые коллекции различным отечественным музеям. Б. Л. Модзалевский, редактор издания семейного архива Раевских, писал: «За свои пожертвования археологических предметов Московскому публичному музею А. М. Раевская <...> была избрана его почетным членом»²⁷⁶. Б. Л. Модзалевский собрал и проанализировал отчеты Румянцевского музея, в которых неоднократно упоминались пожертвования музею А. М. Раевской. Он писал: «“Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 г.” (М., 1871) содержит в себе уже многократные упоминания имени А. М. Раевской, которая жертвовала музеям книги (стр. 95), монеты (стр. 121), а особенно доисторические древности»²⁷⁷. И продолжал далее: «По словам отчета, напр[имер] “Московский публичный музей обязан почти исключительно просвещенному содействию собирательницы Анны Михайловны Раевской, всею имеющеюся у него коллекцией доисторических древностей Франции. Положив начало этой коллекции своим пожертвованием еще в 1865 году, в последствии она значительно пополнила оставшиеся пробелы, и таким образом, составилось собрание, которое может дать достаточно ясное понятие о различных периодах доисторической древности французской почвы. Собрание это состоит частью из подлинников, частью из превосходно исполненных копий” и т[ак] д[алее] (стр. 137–138)»²⁷⁸. Точно так же именно пожертвования А. М. Раевской положили основание собранию доисторических древностей Германии²⁷⁹. Из описания видно, что почти ни один из отделов музея не остался без пожертвований А. М. Раевской. Причем некоторые копии с наиболее известных в Европе образцов она специально заказывала у европейских музеев. Сделанные А. М. Раевской пожертвования для Московского публичного и Румянцевского музеев были, по сведениям Б. Л. Модзалевского, «...описаны в особой брошюре, отчасти составленной, отчасти переведенной с французского оригинала, в изложении самой Раевской, П. И. Лерхом: “Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А. М. Раевской” (С.-Пб., 1865)»²⁸⁰.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. 592 с. (Серия «Биографии и мемуары») // URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_3.htm.

²⁷⁶ *Модзалевский Б. Л.* Примечание ред. к письму А. М. Раевской К. С. Веселовскому от 8 января 1865 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 461.

²⁷⁷ *Модзалевский Б. Л.* Примечание ред. к письму А. М. Раевской К. С. Веселовскому от 8 января 1865 г. Т. V. Пг., 1915. С. 462.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ *Лерх П. И.* Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А. М. Раевской. [СПб.:] Тип. К. Вульфа, 1865.

Московские музеи не были единственными получавшими пожертвования от А. М. Раевской. 30 ноября 1868 года А. М. Раевская писала директору Этнографического музея Императорской академии наук А. А. Шифнеру (1817–1879): «При сем посылаю для музея Академии наук пятьдесят слепков каменных и бронзовых орудий, найденных большею частью в Финляндии, и покорнейше прошу вас о получении их меня уведомить»²⁸¹. 3 декабря 1868 года А. А. Шифнер доложил о пожертвовании А. М. Раевской в заседании историко-филологического отделения Императорской академии наук. Как отмечено в протоколе заседания, «отделение, вполне оценивая ревностные старания г[оспо]жи Раевской к изучению древнего периода истории человеческого рода, положило изъявить ей за ея приношение признательность Академии»²⁸². Был составлен полный список подаренных предметов, включавший описание, материал, а также место, где указанный предмет был найден²⁸³. 16 декабря 1868 года неприменный секретарь Академии К. С. Веселовский (1819–1901) писал А. М. Раевской: «Директор Этнографического музея Императорской академии наук Шифнер в заседании историко-филологического отделения Академии 3-го сего декабря донес, что ваше превосходительство изволили принести в дар означенному музею пятьдесят слепков каменных и бронзовых орудий, найденных большею частью в Финляндии. Вследствие сего отделение поручило мне засвидетельствовать вам, милостивая государыня, искреннюю признательность Академии за содействие, оказанное вами обогащению ея музея доставлением сих любопытных слепков»²⁸⁴.

По данным Д. Н. Анучина, личная коллекция слепков А. М. Раевской составляла около 180 наименований. Кроме слепков она также собирала и подлинные предметы, пользуясь советами и содействием профессиональных исследователей. Д. Н. Анучин писал: «...она пользовалась содействием для Финляндии – г[осподина] Игнациуса, для Олонекской губ[ернии] – г[осподина] Лерха, для Керчи – г[осподина] Люценко, для Галльштадтского могильника в Австрии – г[осподина] Рамзауера»²⁸⁵. И хотя основная часть собранных коллекций А. М. Раевской являлась коллекциями археологической и отчасти антропологической, Д. Н. Анучин утверждал, что «...в бытность в свою в Неаполе приобрела (А. М. Раевская. — О. В.) хорошую минералогическую коллекцию по Везувию, а в Германии составила ценное собрание ископаемых аммонитов»²⁸⁶. 14 февраля 1872 года А. М. Раевская была избрана членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества²⁸⁷. Несколько раньше, в 1866 году, ее избрали членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии²⁸⁸, но об этом более подробно мы будем говорить ниже.

Имена и деятельность Е. П. Фадеевой и А. М. Раевской были хорошо известны их современникам, по крайней мере тем из них, кто интересовался естественными науками. Их высокое положение в обществе, хорошее состояние, уважаемый статус замужних или (в случае с А. М. Раевской) вдовствующих дам превращали их научные занятия во вполне полезную для общества деятельность в глазах как членов общества, так и членов научного сообщества. Но у них были и гораздо более скромные последовательницы, чей вклад в изучение окружающей их природы, быть может, был и невелик, но кто искренне вкладывал душу и силы в это занятие.

²⁸¹ А. М. Раевская – А. А. Шифнеру. 30 ноября 1868 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 487.

²⁸² 3 декабря 1868 г. [Заседание историко-филологического отделения Императорской академии наук] // Записки Императорской Академии наук. 1869. Т. XV. Кн. 1. С. 140.

²⁸³ Список слепкам орудий каменного и бронзового веков, принесенных в подарок Императорской академии наук вдовой генерал-лейтенанта Анною Михайловною Раевскою // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 489–492.

²⁸⁴ К. С. Веселовский – А. М. Раевской. 16 декабря 1868 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 492–493.

²⁸⁵ [Анучин Д. Н.] Анна Михайловна Раевская... С. 513.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Раевская Анна Михайловна // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2. М., 1915. С. 298.

²⁸⁸ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете. М., 1868. С. 15.

Например, читая биографию одной из российских писательниц первой половины XIX века Марии Семеновны Жуковой (1805–1855), можно встретить следующую информацию: «Уже тяжело больную М. С. Жукову все еще охватывала жажда самой разносторонней деятельности. Кроме работы над романом “Две свадьбы” она пополняла начатый ранее гербарий, много читала и рисовала. Закончила альбом рисунков саратовской флоры...»²⁸⁹ Надо, правда, заметить, что, живя в Саратове, М. С. Жукова была хорошо знакома с Е. П. Фадеевой, так что вполне возможно, что увлечение писательницы ботаникой началось благодаря этому знакомству. В увлечении естественными науками и, если говорить об А. М. Раевской, археологией, переросшем не просто в серьезное занятие, а, можно сказать, в дело всей жизни, видно западное влияние. Во всяком случае, младшие современники именно с помощью влияния Запада объясняли все еще очень малопривычные для окружающих интересы и Е. П. Фадеевой, и А. М. Раевской. Западное влияние (польское) чувствуется в описаниях образования, полученного Е. П. Фадеевой, продолжительную поездку в Италию современники считали причиной глубокого интереса А. М. Раевской. Тем не менее основой для того и для другого послужило предвзятительно полученное дома прекрасное и всестороннее образование. В свою очередь каждая из описанных нами дам оказывала влияние на женщин, попадавших в орбиту их влияния. Традиция собирания естественно-научных коллекций женщинами сохранялась в Российской империи на протяжении всей второй половины XIX века. Например, в ботанических справочниках конца XIX века можно встретить информацию о такого рода гербариях. Так, в работе В. И. Липского «Новые данные для флоры Бессарабии» читаем описание гербария Веры Антоновны Безваль, собранного в 1891 году в имении Е. Н. Доница Воротец, Бессарабской губернии Оргеевского уезда²⁹⁰. Не без язвительности В. И. Липский писал: «Гербарий этот по внешнему виду весьма роскошен, растения в общем собраны хорошо, наклеены на превосходном картоне с каллиграфическими подписями, сохраняются в хороших папках и т[ак] д[алее]. Число растений, впрочем незначительно, всего 203 вида...»²⁹¹ И добавлял после достаточно подробного описания: «Гербарий этот имеет, очевидно, значение сельскохозяйственное, хотя, нужно сказать, что он не вполне удовлетворяет этому назначению»²⁹². Однако более подробно о традиции сбора российскими женщинами естественно-исторических коллекций во второй половине XIX века мы будем говорить далее.

---

²⁸⁹ Еремеев П. В. Мария Семеновна Жукова. К 200-летию со дня рождения Марии Семеновны Жуковой // Арзамасская сторона. 2004. № 4. С. 79.

²⁹⁰ Липский В. И. Гербарий Веры Антоновны Безваль // Липский В. И. Новые данные для флоры Бессарабии. Киев, 1894. С. 444.

²⁹¹ Липский В. И. Гербарий Веры Антоновны Безваль. Киев, 1894. С. 444.

²⁹² Там же.

Глава 5

Женщины – посетительницы публичных научных мероприятий в ученых и учебных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века

Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием.

Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной Московской публики. 1803 г.

Уже в первой половине XIX века не все россиянки, интересовавшиеся наукой, довольствовались «молчаливым» научным коллекционированием и частной перепиской с коллегами-учеными. Те из них, кто жил в университетских городах, в С.-Петербурге, являвшемся штаб-квартирой Императорской академии наук, имели возможность принимать участие в академической жизни, хотя, конечно, в четко очерченных границах. В первой главе мы упоминали о чтении академиками научно-популярных лекций в Петербурге, организованном по инициативе княгини Е. Р. Дашковой. Мы также отметили, что не сохранилось данных о посещении этих лекций женщинами за исключением самой княгини. Но вот автор статьи, опубликованной в номере 23–24 «Вестника Европы» за 1803 год, рассказывая о публичных лекциях 1803–1804 годов, проходивших в Московском университете, заметил и записал следующее: «Счастлирое избрание предметов для сих публичных лекций доказывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в Университетской зале. Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там *знатных московских дам*²⁹³, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на Профессорскую кафедру»²⁹⁴. Предметы лекций были очень разнообразны: опытная физика, натуральная история, экономика, средневековая история Европы²⁹⁵. Следует заметить, что организаторы лекций специально приглашали на них женщин: «Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием», – писали они в объявлении о новом начинании университета²⁹⁶. И, как мы знаем со слов анонимного автора «Вестника Европы», «знатные московские дамы» – любительницы наук воспользовались приглашением и охотно посещали лекции. Как отмечал автор «Вестника Европы», «можно было предвидеть, что лекции Опытной Физики привлекут более слушателей, нежели другие. Не мое дело сравнивать таланты достойных господ профессоров, но феномены силы электрической, гальванизма, опыты аэростатические и проч., сами по себе столь любопытны, и господин Страхов изъясняет их столь хорошо, столь вразумительно, что публика находит отменное удовольствие в слушании его лекций», – и продолжал, видимо, чтобы не обидеть других профессоров: Таким образом и в Париже... Опытная Физика сделалась *модною Наукою*. Любезнейшие светские женщины и лучшие молодые люди составляют там многочислен-

---

²⁹³ Курсив наш. — О. В.

²⁹⁴ О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23–24. С. 263–264.

²⁹⁵ Расписание и состав лекций см.: Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной Московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 287–291.

²⁹⁶ Там же. С. 290.

ную аудиторию профессора Шарля»²⁹⁷. Из чего следует, что, уж если что-то стало *модным* в Париже, нет ничего удивительного и тем более зазорного в том, что оно же пользуется успехом в Москве.

Е. О. Лихачева упоминает о посещении женщинами публичных лекций в Московском университете в своей знаменитой монографии по истории женского образования в России: «На отдельные лекции, например профессора Страхова по опытной физике, а также читавшиеся в 1807 году лекции профессора Буле по истории, археологии и изящным искусствам, дамы ходили, так же как и на лекции профессора Мерзлякова о русской словесности, читанные в 1812–1816 годах. В 1823 году было даже десять дам, из общего числа 30-ти слушателей, на лекциях академика Шерера, который читал на немецком языке курсы “физико-химический и минералогический”, а “физико-химический с технологическим применением” – на русском. Эти лекции были платными – по 100 рублей за полный курс», – отмечает она²⁹⁸. И так, в 1803 году Московский университет, учреждая публичные лекции, в том числе и по естественно-научным дисциплинам, приглашал посещать их не только любителей, но и *любительниц* наук. Во множественном числе. И, по отзывам современников, посещали их «московские дамы», а не одна какая-то особенная дама. Тоже во множественном числе. Здесь надо заметить, что, приглашая светских дам посещать свои аудитории, Московский университет мог руководствоваться некоторыми вполне практическими соображениями. Например, лично познакомившись с университетом, его профессорами и служителями, влиятельные дамы могли бы выбрать именно данное учебное учреждение для образования своих сыновей, что, безусловно, пошло бы на пользу университету. О том, что российские аристократки не только имели право голоса при решении будущего своих детей, в том числе и сыновей, и внуков, но что зачастую этот голос был решающим, свидетельствуют воспоминания. Например, известный историк литературы, автор классических учебников по истории русской литературы Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892) вспоминал: «По выходе из гимназии²⁹⁹ я не составил себе определенного понятия о выборе карьеры и положился на решение родителей. Отец, как помнится, думал повести меня по той же дороге, по которой шел немалое время, то есть записать меня в одно из присутственных мест Рязани, чтобы я там, служа и выслуживая чины, занял наконец какую-нибудь должность. Но мать решительно воспротивилась такому предположению. Она видела мою охоту к наукам и чтению, и ей больно было думать, что сын ее, кончивший гимназический курс первым учеником, остановится на полдороге своего образования. Конечно, – добавляет А. Д. Галахов, – при этом она не имела в виду сделать из меня учителя или профессора: такое намерение не согласовалось с общим мнением тогдашних дворян, относившихся неуважительно к ученому сословию; но, по крайней мере, она понимала, что университет дает известные права, с которыми и в службе, военной или гражданской, молодой человек идет более успешными шагами. И потому после долгих разговоров и многих совещаний, решено было отвезти меня в Московский университет»³⁰⁰. Наверно, А. Д. Галахов не был бы представителем своего времени, если бы не заметил далее: «Настояв на таком решении, мать моя едва ли постигала цену услуги, оказанной сыну; но сын и до сих пор свято чтит ее память, как память своей кровной благодетельницы»³⁰¹. Другой пример. В краткой биографической заметке, посвященной доктору медицины, ботанику-любителю и известному коллекционеру и собирателю флоры Александру Егоровичу Ризенкампу (1821–1895), Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) писал: «Получил домашнее воспитание у своей бабушки, женщины

²⁹⁷ О публичном преподавании наук в Московском университете... С. 264.

²⁹⁸ Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 289.

²⁹⁹ Июнь 1822 г. (см.: Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 69).

³⁰⁰ Галахов А. Д. Указ. соч. М., 1999. С. 72.

³⁰¹ Там же.

замечательной по уму и образованности, Анны Ризенкамфф (рожд. фон-Гине). Ей он обязан превосходным знанием языков французского, немецкого, английского, а также необычайной виртуозностью в музыке. По латыни он писал и говорил свободно. Пройдя последний старший класс в Ревельской классической гимназии, он поступил в С.-Петербургскую Военно-Медицинскую (ныне) Академию»³⁰². Сведения эти В. И. Липский почерпнул из рассказов Антонины Карловны Жмакиной (1845–?), знавший Александра Егоровича настолько «близко»³⁰³, что он завещал ей свои ботанические коллекции³⁰⁴.

Тем не менее на лекциях в Московском университете безусловно присутствовали женщины, не только подбиравшие учебное заведение для своих отпрысков, но и искренне интересовавшиеся науками или, возможно, следовавшие моде. Именно этими двумя причинами можно объяснить посещение женщинами публичных лекций, организованных Императорской академией наук в 40-е годы XIX века. А они их, судя по свидетельствам современников, посещали. Вот, например, отзыв журналиста о слушателях публичных лекций по астрономии, читанных Василием Яковлевичем Струве (1793–1864) осенью–зимой 1842 года: «Обращаемся к чтениям нынешней зимы. Это третья или четвертая зима, что Академия Наук отделяет одного из членов своих для ученой беседы с публикою, – разумеется, с частию публики, достаточно образованною для уразумения лекций на Французском или Немецком языках, на которых читают господа академики. Ныне вызвался читать г. Струве, один из знаменитейших наших ученых, об одной из поучительнейших наук. В среду, 25 ноября, происходило вступительное чтение великого астронома. Великолепно освещенная университетская зала наполнилась тысячею слушателей. В числе их изволил быть Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал Константин Николаевич, со свитою; многие адмиралы, генералитет, академики, ученые, литераторы и *дамы*³⁰⁵ стеклись поучаться истинам астрономии из уст того, кому эта наука обязана многими приращениями»³⁰⁶. Через несколько лет, в 1850 году, историк живописи, беллетрист, цензор Давид Иванович Мацкевич (1819–1859) в одной из своих статей, посвященных образованию женщин, отозвался о посещении дамами публичных лекций В. Я. Струве следующим образом: «Что астрономия принадлежит к наукам, к которым женщины питают много сочувствия, может служить ясным доказательством успех публичных курсов об астрономии, читанных несколько лет тому знаменитым нашим астрономом Струве и профессором Зеленым³⁰⁷ – курсов, наиболее посещавшихся женщинами; многие из них сидели с карандашом, следили внимательно за лекциями и записывали слышанное»³⁰⁸.

Сохранились свидетельства того, что женщины посещали не только публичные лекции, но и другие публичные мероприятия в университетах и в Императорской академии наук, в частности магистерские и докторские диспуты. Например, 3 марта 1847 года московская жительница Елисавета Ивановна Попова (?–1876) записала в своем дневнике: «Защищать свое рассуждение о Ломоносове Аксаков будет в четверг. <...> Я непременно поеду на прение.

³⁰² Липский В. И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. // Труды Тифлисского ботанического сада. 1899. Вып. 4. С. 562.

³⁰³ Там же. С. 560.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Курсив наш. — О. В.

³⁰⁶ О. Публичные чтения. Астрономические лекции академика Струве // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности духе народности русской. 1843. Т. 7. № 13. С. 20.

³⁰⁷ Речь идет об ученике В. Я. Струве Семене Ильиче Зеленом или Зеленом (1812–1892), в 1837–1839 гг. читавшем астрономию в С.-Петербургском университете в ее приложении к геодезии; в то время лейтенанте флота, впоследствии адмирале флота, директоре Гидрографического департамента Морского министерства, почетном академике Императорской академии наук с 1873 г. В 1844 г. С. И. Зеленой опубликовал курс лекций по популярной астрономии: Зеленой С. И. Лекции популярной астрономии, читанные публично, с высочайшего разрешения в Морском кадетском корпусе капитан-лейтенантом С. Зеленым с 25 ноября 1843 по 16 марта 1844. СПб.: Морской кадетский корпус, 1844. Можно предположить, что именно этот курс лекций имеет в виду Д. И. Мацкевич.

³⁰⁸ Мацкевич Д. И. Заметки о женщинах // Современник. 1850. № 3 (март). С. 67–68.

О, если бы не было при университете графа Строганова, противника Аксакова, я вышла бы для прения и заметила бы сочинителю, что он мало развернул весь вред, произведенный у нас иностранцами...»³⁰⁹ По сведениям князя Н. В. Голицына, публикатора дневника, Е. И. Попова была дочерью книгопродавца и издателя Ивана Васильевича Попова, родилась предположительно в конце XVIII века, выросла в среде, близкой к литературным кругам Москвы³¹⁰. Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) представил к защите в Московском университете свою магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»³¹¹ 6 марта 1847 года. В этот день Е. И. Попова писала в дневнике: «Я поспешила одеться и поскакала в университет, где была уже в три четверти 11-го. Войдя в залу, я увидела на правой стороне, во 2-м ряду кресел, Катерину Александровну³¹² и подле нее молодую девушку. Несравненная Катерина манила меня к себе, и я села позади ее, в третьем ряду, и увидела, что с нею сидела Машенька, сестра Аксакова. Мать его и сестра Вера не могли приехать сюда от сильной сердечной тревоги и поехали к обедне. Машенька, молоденькая девочка, напротив очень желала быть на диспуте, думая, что все заключается в том, чтобы брату ее прочесть что-нибудь из своей книги»³¹³.

Традиция, существовавшая среди московской «публики», в том числе женщин, посещать университетские мероприятия сохранялась и во второй половине XIX века. Например, Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) писал в одном из своих «Писем о Москве»: «Связь города с университетом чувствуется также и на каждом университетском торжестве, на каждом диспуте. Здесь это более интересный пункт сбора чем в Петербурге... Правда, публика, посещающая диспуты, всегда одна и та же. Она представляет собою небольшую кучку сравнительно с массой, не знающей ни о каких диспутах; но состав ее разнообразнее. Даже в сословном дворянском обществе вы найдете несколько семейств, мужчин, замужних женщин, девиц, которых вы всегда увидите на университетских актах и диспутах, между тем как в Петербурге так называемое “общество” очень редко посещает и то и другое»³¹⁴.

Таким образом, уже в начале XIX века и на протяжении его первой половины высшие учебные и научные учреждения Российской империи (в лице Императорской академии наук) приветствовали появление в своих стенах женщин – любительниц наук. Посещение женщинами, принадлежавшими к образованным сословиям населения, публичных лекций, праздничных и других мероприятий даже приветствовалось их организаторами. Частично подобное поведение было данью европейской моде, частично было полезно самим учебным учреждениям и их профессорам, искавшим покровительства аристократии, в том числе аристократок. В то же время в весьма скурых описаниях, сохранившихся в репортажах журналистов, можно увидеть искренний интерес к науке, проявлявшийся самими женщинами, искреннее желание учиться, а не только украшать своим присутствием научное мероприятие, придавая ему таким образом светский оттенок.

³⁰⁹ Попова Е. И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н. В. Голицына. СПб., 1911. С. 38–39.

³¹⁰ Подробнее об этом см.: Голицын Н. В. Введение // Попова Е. И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой. С. I–XV.

³¹¹ Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Тип. Степанова, 1845. 517 с.

³¹² Имеется в виду Екатерина Александровна Свербеева (1808–1892), урожденная княжна Щербатова, супруга писателя Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1876), хозяйка знаменитого философско-литературного салона.

³¹³ Попова Е. И. Указ. соч. С. 41.

³¹⁴ [Боборыкин П. Д.] Письма о Москве. Письмо первое // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 383.

Глава 6

Первая научная публикация российской женщины: «Анализ силы» княгини Евдокии Ивановны Голицыной (1780–1850)

Княгиня А. И. Голицына, в сочинении своем, занимается раскрытием и определением сил и начал. Расчерпывая природу на самой глубине ее, сочинительница желает высмотреть тайну сил, действующих в составе мирового здания.

Ф. Глинка. Книга княгини Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве. 1843 г.

Но шло время, и просто посещения публичных лекций стало недостаточно. Среди россиянок нашлась женщина, которая пожелала не только написать, но и опубликовать свою книгу, и, что самое удивительное!, получить на нее научный отзыв, и не кого-нибудь, а самой Императорской академии наук. 14 августа 1835 года ее высокопревосходительство госпожа княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780–1850) писала неперемому секретарю Петербургской академии наук, академику и математику Павлу Николаевичу Фусу (1798–1855): «Сударь! Прошу вас быть столь обязательным и передать господам академикам экземпляр “Анализа силы”, содержащий 1-ое приложение принципа абсолютной классификации применительно к вычислениям»³¹⁵. Далее княгиня рассказывала о некоторых своих идеях в приложении к новому методу математических вычислений, упомянув, что господин Брашман уже использовал ее теории в своих вычислениях, и завершала письмо следующим: «Приложение принципа классификации к наукам дает более абсолютное развитие этого метода вычислений, оно выдвигает новые проблемы. Но невозможно при каждом случае использования метода возвращаться к базовым вопросам. Я рассматриваю их как заявленные. Если первая идея хорошо оценена, это с необходимостью облегчит последующую экспозицию. Я надеюсь, что все господа академики захотят, чтобы эти методы вычислений были доказаны и использованы и чтобы был признан этот новый путь [исследований]»³¹⁶.

---

³¹⁵ Здесь и далее перевод с французского к. и. н. Г. И. Любиной, которой автор выражает глубочайшую благодарность.

³¹⁶ Голицына Е. И. Письмо неперемому секретарю Императорской академии наук П. Н. Фусу. 14 августа 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81. Л. 238, 238 об., 239.

Рис. 7. Портрет Е. И. Голицыной («Princess nocturne»). А. Е. Егоров. Начало 1810-х. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Речь в этом письме шла о незадолго до того опубликованной в С.-Петербурге первой части книги Е. И. Голицыной «De l'analyse de la force» – «Анализ силы». Это была первая в России математическая книга, написанная женщиной (хотя следует заметить, что написана она по-французски). Прочитываемое выше письмо почти наверно можно считать первым в нашей стране обращением женщины в Императорскую академию наук с просьбой дать экспертное заключение и оценку ее научным выводам, а княгиня Евдокия Ивановна Голицына, хорошо известная в отечественной истории литературы и культуры и почти полностью забытая в истории науки, по праву может носить титул первой российской женщины-математика.

Рано осиротевшая дочь Ивана Михайловича Измайлова (1724–1787), сенатора, действительного тайного советника, и Александры Борисовны Измайловой, рожденной княжны Юсуповой (1744–1791), она воспитывалась в доме своего дяди, московского генерал-губернатора

Михаила Михайловича Измайлова (1719–1800), где, по утверждениям биографов, «получила разностороннее образование»³¹⁷. Ее оказавшийся неудачным брак с князем Сергеем Михайловичем Голицыным (1774–1859), вполне состоятельным, но, по отзывам современников, мало привлекательным внешне и неумным, был устроен лично императором Павлом I. Брак этот продлился недолго и завершился вместе с кончиной Павла I: узнав об этом событии, княгиня заявила своему супругу, что впредь собирается жить отдельно от него. Поселившись же в Петербурге, на улице Миллионной, она стала хозяйкой одного из самых знаменитых и престижных светских салонов своего времени. Современники запомнили ее как женщину удивительной красоты, обладательницу прекрасного вкуса³¹⁸, позволявшую себе некоторую эксцентричность поведения, никогда, впрочем, не переступавшую границ приличий. Предпочитавшую вести ночной образ жизни княгиню с восхищением называли «Princesse Nocturne» или «Princesse Minuit» (принцесса ночная, принцесса полночная).

Юный А. С. Пушкин бывал на ее вечерах, не раз упоминал ее имя в письмах и посвятил ей несколько строк, среди которых знаменитое стихотворение 1817 года «Краев чужих неопытный любитель...». И, судя по всему, наш великий поэт не был одинок в своем восхищении Е. И. Голицыной. Например, в 1818 году К. Н. Батюшков писал одному из братьев Тургеневых: «Вы счастливее других, не потому ли, может быть, что трудно кому-нибудь превзойти вас в доброте, точно так как княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну, в красоте и приятности. Вы оба никогда не состаритесь: вы душою, она лицом. Это не я говорю: Жуковский...»³¹⁹ Салон княгини Е. И. Голицыной был преимущественно политический и литературный, но не только. Помимо людей светских, литераторов, политиков и прочее в нем бывали: математик, академик Императорской академии наук Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861), профессор Московского университета, также математик, Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866), известный инженер в чине генерала Морис Дестрем (1787–1855)³²⁰, профессор и директор Института путей сообщения, генерал-лейтенант Пьер-Доминик Базен (1783–1838)³²¹. Как отмечал оставшийся анонимным биограф Е. И. Голицыной, «не только пламенная душа великого поэта находила для себя живительную среду в обществе княгини Евдокии Ивановны, но и строгие ученые того времени», – добавляя, что академик Остроградский «кажется, был любимым ее собеседником»³²².

Как бы это ни казалось странным окружающим, но светская красавица была искренне увлечена науками, и прежде всего философией и математикой. П. А. Вяземский заметил не без язвительности по этому поводу: «...позднее и в последние годы жизни своей княгиня пустилась в *высшую математику*³²³, соединенную с еще высшею метафизикою. Эти занятия признавала она каким-то наитием свыше. Она никогда к ним не готовилась и разрешала многотрудные задачи, так сказать, бессознательно и неведомо от себя»³²⁴. Хотя справедливости ради следует отметить, что тот же П. А. Вяземский несколько ранее писал о ней нечто прямо противоположное: «Счастливыцы! Вы сидите у княгини Голицыной, слушаете ее мысли и чувства, и слышите ее голос... <...> Сделай одолжение, скажи ей мое почтение и еще что-нибудь такое,

³¹⁷ Чулков Н. Голицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: В 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь – Гюне. С. 213.

³¹⁸ См., например, воспоминания П. А. Вяземского: [Вяземский П. А.] Princesse Nocturne (княгиня ночная). Из старой записной книжки. М.: Тип. Грачева и К., 1875. 8 с.

³¹⁹ Батюшков К. Н. Письмо Тургеневу. 1818 // Константин Николаевич Батюшков. Его письма и очерки его жизни. Русский архив. 1867. Т. 1. С. 1510.

³²⁰ Moris Destrem.

³²¹ Pierre-Dominique Bazaine.

³²² С. Д. Княгиня Е. И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 157.

³²³ Курсив наш. — О. В.

³²⁴ Вяземский П. А. Princess Nocturne (княгиня ночная). Из старой записной книжки. М., 1875. С. 4.

которое живее почтения и рассудительнее любви. Я в ее беседе провел часы из приятнейших и счастливейших в жизни моей»³²⁵.

Итак, в 1835 году в Петербурге Е. И. Голицына опубликовала книгу под названием «De l'analyse de la force» («Анализ силы»)³²⁶. Это было первое, насколько известно на сегодняшний день, научное, математическое сочинение российской женщины. По форме книга представляла собой изложение бесед, которые автор на протяжении некоторого времени вела с генералом Базеном, академиком Остроградским и профессором Брашманом. Предметом исследования являлись «Закон или Сила как начало созданного закона»; язык книги не был математическим, о чем сама автор писала: «Мой язык не математический, но он выражает идею математическую, и, как я уверена, столь определенно, что могу отдать отчет в каждой моей фразе. Может быть, то, что мне кажется очень ясным, не будет ясно для тех, которые не знают предшествующего. Но после полного развития сочинения все увидят, как строги условия моих выводов»³²⁷. Вторая часть работы была опубликована уже через два года, в 1837-м³²⁸.

---

³²⁵ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову. Варшава, 28 июня (1818) // Русский архив. 1879. Т. 1. С. 510.

³²⁶ Galitsina E. De l'analyse de la force / 1-ère partie u 1-er livre. St.-Petersburg, 1835.

³²⁷ Цит. по: L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12.] С. 72.

³²⁸ Galitsina E. De l'analyse de la force / 2-de partie. St.-Petersburg, 1837.

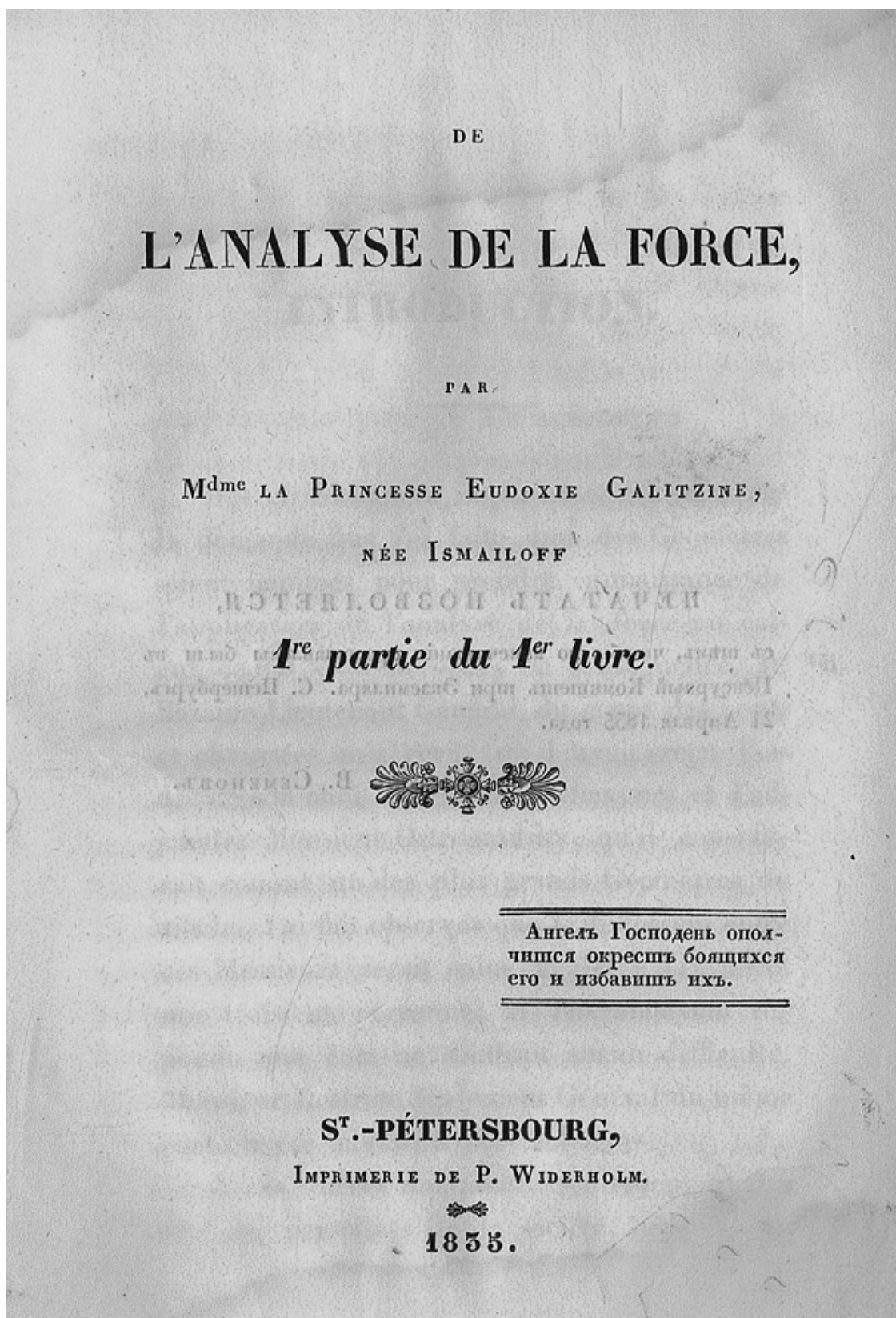

Рис. 8. Титульный лист книги Е. И. Голицыной «Анализ силы» (Galitsina E. De l'analyse de la force / 1-ère partie du 1-er livre. St.-Petersburg, 1835)

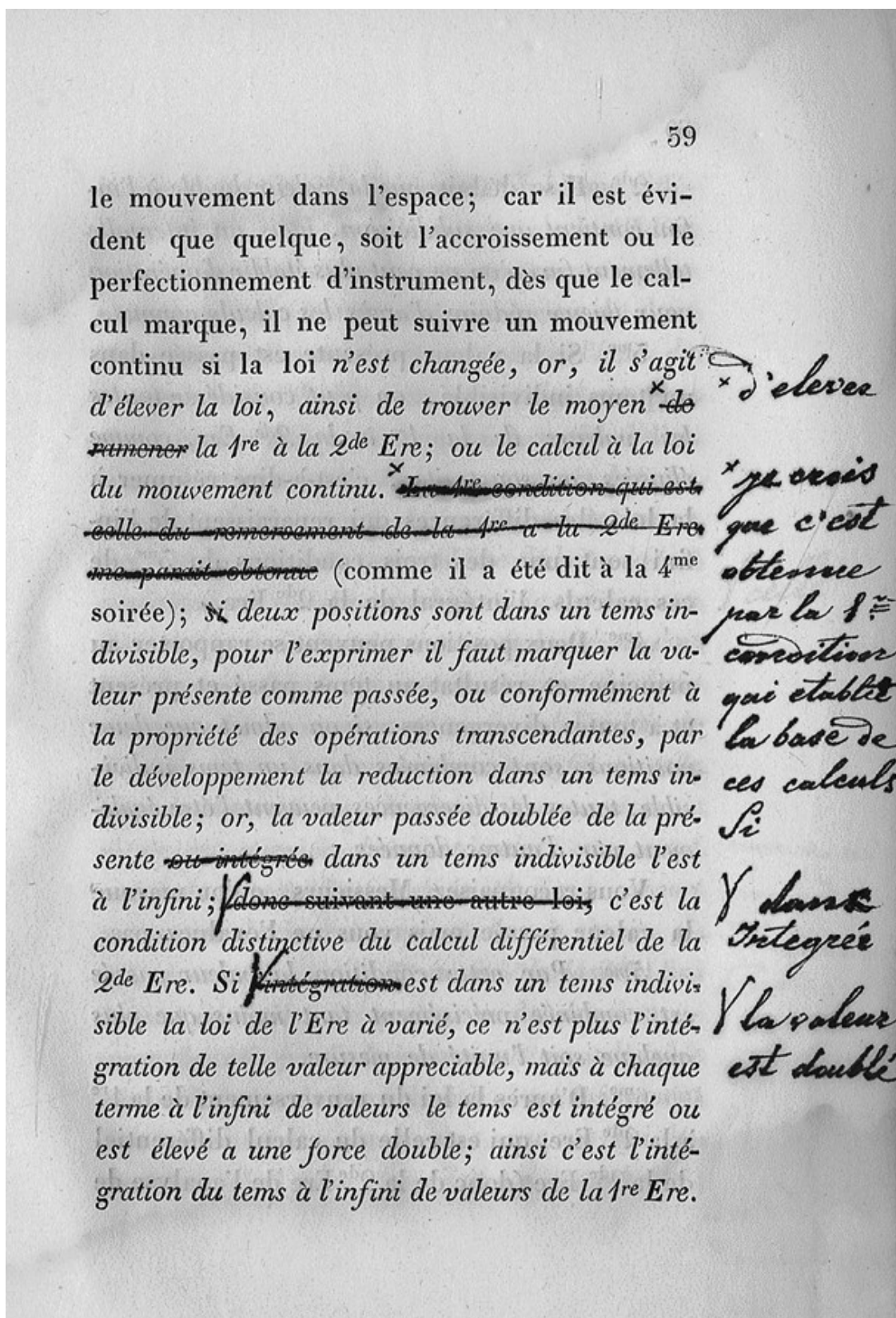

Рис. 9. Страница из книги Е. И. Голицыной «Анализ силы» (СПб., 1835. С. 59) с правкой. Из собрания Российской государственной библиотеки

Книга Е. И. Голицыной не прошла незамеченной. Рецензия на нее, содержащая пространные выписки из самого сочинения, появилась на страницах «Библиотеки для чтения». В

целом она носила вполне благожелательный характер. После достаточно подробного изложения содержания работы (лишенного признаков иронии или язвительности, которые мы встретили у Вяземского) рецензент писал: «Весьма приятно и лестно для всех соотечественников сочинительницы видеть Русскую даму, которая говорит столь высоким философским языком. Только самая черная зависть может клеветать на нас, будто бы не любим философии: когда философия так умна, и вместе с тем так любезна, мы – первые ее поклонники, и как скоро выйдет окончание “Анализа Силы”, непременно передадим нашим читателям вполне и с апое³²⁹ сущность этого замечательного подвига мышления»³³⁰.

В течение нескольких лет книга являлась предметом обсуждения в литературных салонах, во всяком случае в присутствии самой княгини. Подробное описание одной из таких бесед, имевшей место в 1843 году в Москве, было опубликовано тогда же в журнале «Москвитянин» известным литератором Федором Николаевичем Глинкой (1786–1880). Прежде чем приступить непосредственно к описанию ученой беседы, автор счел нужным сказать несколько слов о самой Е. И. Голицыной, которые нам кажется уместным привести здесь: «Занимаясь с давнего времени и с редким постоянством, трудом обширным и важным, – писал он, – любознательная соотечественница наша охотно беседует везде, где может, с людьми, имеющими значение в ученом мире. В С.-Петербурге любимым собеседником ее бывал г. Остроградский, человек гениальный, высоко-стоящий между всеми учеными знаменитостями Европы. И здесь, в Москве, не раз приглашала она к себе людей, занимающихся науками (преимущественно Математикой в высшем ее значении), мышлением, словесностью. В один вечер застал я у нее некоторых московских ученых и литераторов, и был свидетелем разговора, во многих отношениях замечательного. В этот раз княгиня обнаружила такой, собственно ей принадлежащий, взгляд *на вещи*, который не может не показаться чрезвычайно *новым* и вместе с тем *справедливым* по глубокомысленным выводам, которыми она старалась и умела оправдывать свои умозрительные *положения*»³³¹. Начав изложение беседы с краткого содержания самой книги, Ф. Глинка далее писал: «Княгиня А. И. Голицына, в сочинении своем, занимается раскрытием и определением сил и начал. Расчерпывая природу на самой глубине ее, сочинительница желает высмотреть тайну сил, действующих в составе мирового здания»³³². Все изложение научного разговора сиятельных собеседников выдержано не просто в серьезном или одобрительном тоне, а скорее даже в подобострастном. Однако можно предположить, что истоки этой подобострастности кроются в высоком общественном положении и значительном состоянии княгини, а не в научной значимости ее работы.

Но, похоже, княгиню не очень интересовало мнение светского общества. Ей хотелось получить оценку профессионалов. И, надо отметить, Императорская академия наук откликнулась на ее просьбу. Протоколы собраний Академической конференции 1835 года свидетельствуют о том, что письмо княгини от 14 августа 1835 года, с цитаты из которого мы начали настоящую главу, было получено и обсуждалось на заседаниях Академической конференции. В § 372 «Протоколов Конференции Академии наук» сообщается следующее: «...автор в своем первом письме сообщает о трех новых методах вычислений, на открытие которых она претендует, и что профессор Брашман подтвердил письмом, что он с легкостью решил проблему теп-

³²⁹ С любовью (*итал.*).

³³⁰ L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine, née Izmaïloff. St.-Petersbourg, chez Hintze, 1837, 8-vo., pp. VI et 12 // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 74.

³³¹ Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. С. 538. Следует отметить, что И. Г. Зенкевич в работе «Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках)» ошибочно приписывает приведенные здесь нами слова Ф. Глинки академику М. В. Остроградскому, не ссылаясь при этом на источник своей информации. См.: Зенкевич И. Г. Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках). Брянск, 1968. С. 24.

³³² Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. С. 538.

лоты в сфероиде при соблюдении жестких условий этих вычислений. Г-жа княгиня просит Академию воспользоваться пребыванием г-на Брашмана в столице, чтобы подтвердить приложения, которые он, как ему кажется, с успехом сделал из ее открытия. Не считая себя вправе требовать от иностранного ученого мнения об этих работах прежде, чем он сам сочтет уместным его обнародовать, узнав, с другой стороны, из работы мадам Голицыной (которая, в сущности, состоит из протоколов ее 6-ти бесед с тремя представителями Академии, назначенными, чтобы изучить ее открытие), что г-н Остроградский вошел в их число, Академия постановляет: просить этого академика в соответствии с выдержкой протокола сообщить о природе новых вычислений г-жи кн[ягини] Голицыной и об их приложении, которое сделал г-н Брашман, если этот последний согласится принять в этом участие. Секретарь уполномочен информировать г-жу княгиню о положении дел»³³³.

Видимо, ответ академика Фуса не удовлетворил княгиню, потому что уже 3 сентября 1835 года она вновь писала в Академию, предположительно М. В. Остроградскому: «Я получила письмо от г-на Фусса в ответ на мое письмо. В нем он сообщил, что в Академии получен экземпляр “Анализа силы” и что господа академики поручили вам изучить “приложения” и высказать им ваше мнение. Но ваше мнение уже высказано. Вы заметили, что эти вычисления заслуживают глубокого анализа, а затем вы добавили, что вы их поняли и считаете их новыми». И продолжала, пытаясь как можно точнее объяснить свои пожелания: «Должна заметить господам академикам, что я просила помощи геометров, только для того, чтобы облегчить истолкование этих вычислений. Назначили людей, которых я знаю. Я далека от того, чтобы претендовать на открытие. Я имела целью анализ и считаю его точным, поскольку не позволяю увлечь себя гипотезами. Тот, кто не занимался этим, может не знать, но невозможно, чтобы Академия не осознавала серьезности вопросов, толкуемых в этих беседах. Отослав этот экземпляр в Академию, я не просила об изучении всего тома, а только приложений. Если же хотят заняться другими вопросами, содержащимися в этой 1-ой части, было бы желательно, чтобы это не было поверхностно, чтобы их обсудили в строгой записке и позаботились бы о том, чтобы отказ был мотивирован и чтобы было объяснено, почему их не приняли к [рассмотрению]»³³⁴.

Как следует из протоколов академической конференции (§ 415 за 1835 год), М. В. Остроградский ознакомил коллег с этим письмом Е. И. Голицыной, заметив далее: «Поскольку г-жа княгиня заявила в своем письме, что просит у Академии только анализа приложений, он счел себя свободным от доклада, который от него потребовала Академия, полагая провести рабочую конференцию по вопросу г-на Брашмана»³³⁵. Княгиня, однако, была настойчива. Она еще дважды писала академику Фусу, пытаясь добиться желаемого ответа. Наконец, на очередном собрании академической конференции было решено следующее: «Секретарь прочел письмо, в котором г-жа княгиня Голицына просит подвергнуть суждению Академии определение, данное ею дифференциальному анализу на стр. 10–13 ее небольшого сочинения “Анализ силы”, – отмечено в § 434 «Протоколов Конференции Академии наук. 1835 г.». – Она желает знать, предпочтет ли или нет Академия это определение тому, что принято. После того как секретарь прочитал цитированные страницы, Академия приняла решение ответить г-же княгине, что не находит никакой необходимости изменить определение дифференциального исчисления в том общем виде, в каком оно получено. Кроме того, было отмечено, что на цитированных страницах она [Академия] не нашла ничего такого, что могло бы сойти за определение, в том смысле

³³³ Протоколы Конференции Академии наук. 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 90.

³³⁴ Голицына Е. И. Письмо [М. В. Остроградскому]. 3 сентября 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81. Л. 245, 246, 246 об.

³³⁵ Протоколы Конференции Академии наук. 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 99 об., 100.

как это принято в математике и логике»³³⁶. Можно предположить, что это был не совсем тот ответ, на который надеялась княгиня.

Анонимный биограф Е. И. Голицыной упоминает также о том, что математик академик В. Я. Буняковский (1804–1889) написал официальный отзыв на ее книгу, предварительно не только прочитав ее, но и обсудив с автором, возможно даже на заседании Академической конференции. Приведенная в опубликованной биографии цитата из рецензии В. Я. Буняковского, полная версия которой, к сожалению, не была нами обнаружена, лишена и восторженности, и подобострастности обеих, упомянутых нами журнальных рецензий. «Голицына барыня умная, – писал В. Я. Буняковский, – но в сочинениях своих, к сожалению, не обнаруживает ничего математического. Мне предписано было рассмотреть ее сочинение и сделать сообщение. Я поставил Евдокии Ивановне два вопроса, на которые она не сумела дать ответа. Это занесено было в протокол, и математика не обогатилась новыми идеями. Сказать правду, я удружил ей такими вопросами, на которые, уверен был, что она не ответит, потому что барыняхватила через край»³³⁷. К сожалению, достоверность этих сведений не подтверждается документами. В архивных материалах Академии наук нам не удалось обнаружить никакого упоминания о том, что В. Я. Буняковскому также поручалось оценить работу княгини. Возможно, анонимный биограф по какой-то причине перепутал имена В. Я. Буняковского и М. В. Остроградского.

Тем не менее княгиня получила ответ на свой вопрос, хоть, может быть, и не такой, которого она ждала. Однако подобная суровая оценка ученых мужей не смутила Евдокию Ивановну, и в 1844–1845 годах в Париже она выпустила в свет второе издание своей работы³³⁸. В 1846 году книга была опубликована в Лондоне по-английски под названием «The analysis of force»³³⁹. В том же году увидела свет еще одна ее работа: «A poetical fragment on partial gravitation», название которой можно перевести как «Поэтический фрагмент о частичной гравитации»³⁴⁰. К сожалению, составить даже примерное представление о содержании этой последней работы нам не удалось, настолько редкой сегодня является эта книга.

Русский биографический словарь сообщает: «В последние годы жизни Е.И. подолгу жила в Париже, продолжая и здесь свои философско-математические занятия»³⁴¹. Сохранились сведения о том, что Евдокия Ивановна общалась с членами Парижской академии. П. А. Вяземский писал об этом с приличной долей презрения: «Разумеется, русская княгиня, к тому же богатая, легко отыскала в ученой Парижской братии усердных приверженцев и деятельных сотрудников, – и добавлял, имея в виду математику: – Она в это время издала на французском языке несколько брошюр по этим темным и головоломным предметам»³⁴². Надо заметить, что П. А. Вяземский был не одинок в своем отношении к Е. И. Голицыной. Советский историк математики Игорь Георгиевич Зенкевич в книге, посвященной женщинам-математикам, пишет о ней: «Дочь сенатора, княгиня, получившая прекрасное образование, она принадлежала к тому обществу, которое придерживалось взгляда о том, что “ученость не следует впускать в гостиную”. В этом обществе Голицыну третировали, считали “пропащей женщиной” только потому, что она “сочиняла книги”»³⁴³.

Мы видели из изложенного выше, что такая оценка не совсем справедлива, хотя и нелицеприятных слов в свой адрес, можно предположить, княгиня слышала немало. Евдокия Ива-

³³⁶ Протоколы Конференции Академии наук. 1835 г. ... Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 101.

³³⁷ Цит. по: С. Д. Княгиня Е. И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 158.

³³⁸ Galitsina E. De l'analyse de la force / 2 edition. Paris, 1844; 1845.

³³⁹ Golitsyna Evdoksia. The analysis of force. London, 1846.

³⁴⁰ Golitsyna Evdoksia. A poetical fragment on partial gravitation. London, 1846.

³⁴¹ Русский биографический словарь... С. 214.

³⁴² Вяземский П. А. Указ. соч. С. 4.

³⁴³ Зенкевич И. Г. Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках). Брянск, 1968. С. 24.

новна Голицына умерла 18 января 1850 года и была похоронена в Александро-Невской лавре. О научной оценке ее трудов современниками мы рассказали; потомки так и не потрудились оценить их заново. Тем не менее, даже если почтенные академики были правы и в книге княгини не содержалось ничего нового с точки зрения математической, она все равно была первой в России женщиной (других имен мы сегодня не знаем), посмевшей попросить или скорее потребовать от Академии экспертной оценки своей работы, а ее книга – первым в истории Петербургской академии наук научным сочинением женщины, обсуждавшимся в заседании Академической конференции.

Глава 7

Женщины-ученые и их работы на страницах российских общественно-литературных журналов в первой половине XIX века

*Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна
была и умереть, чтобы не сделаться ею.*

*А. В. Никитенко. Елисавета Кульман. Библиотека для чтения. 1835
г.*

Увлечение благородных российских дам науками в первой половине XIX века не прошло совсем незамеченным обществом и в какой-то степени отразилось в публикациях на страницах «толстых» журналов. Выше мы упоминали и цитировали публикации 1830 года в «Дамском журнале», ведшем тогда специальную рубрику «Материалы для истории русских женщин-авторов», в которой были опубликованы биографии целого ряда женщин, в том числе некоторых интересовавшихся естественными и математическими науками³⁴⁴. Надо сказать, что тон этих публикаций был очень уважительным. Правда, репутация самого журнала в литературных кругах была невысока, а его издатель, князь Шаликов, подвергался постоянным нападкам и насмешкам со стороны других журналов и литераторов.

В 1835 году журнал «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» опубликовал пространную статью А. В. Никитенко, посвященную подробнейшей биографии Елисаветы Кульман – юной девушки-вундеркинда, потрясающего знатока языков, переводчицы и поэтессы, умершей в 17 лет³⁴⁵, которую мы также уже упоминали выше. Статья полна искреннего восхищения удивительной юной женщиной. Она начинается словами: «Елисавета Кульман принадлежит к лицам, которых имена удерживаются в памяти, как прекрасное местоположение там, где оно встречается редко, как светлый день во глубине нашего мрачного и неприязненного Севера. Она – бесспорно необыкновенное явление в нравственном мире»³⁴⁶. Ее страсть и выдающиеся способности к обучению, ее трудолюбие и упорство в достижении намеченной цели описаны автором с искренним восторгом. Упорство – черта, традиционно не поощрявшаяся в женщинах, в Елисавете Кульман приводит Никитенко в восторг: «В характере девицы Кульман было одно качество, которое неразлучно сопутствует людям, предназначенным совершить на земле что-нибудь важное, – это постоянство усилий в достижении предположенной цели. Ее нельзя было отклонить от какого-нибудь предприятия словами: – оставьте, это трудно. Напротив, подобный совет производил только то, что она сосредотачивала свою деятельность именно на этот трудный предмет. Не все легко было в ее упражнениях; в них существовали и механические стороны, которые, несмотря на необыкновенные ее способности, также надлежало одолевать боем. Но там, где утомлялся ум ее, торжествовала воля»³⁴⁷.

Статья Никитенко – классическое произведение панегирического жанра, объектом которого стала не правительница, не особа королевской крови, не примерная супруга, пожертвовавшая свою жизнь мужу и детям, а юная девушка, прославившаяся своей страстью к нау-

³⁴⁴ Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение) // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 196–197, 197–198; 1830. Т. 30. № 21. С. 120–121.

³⁴⁵ Никитенко А. В. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1835. Т. 8. С. 39–85.

³⁴⁶ Там же. С. 40.

³⁴⁷ Там же. С. 79.

кам. Хотя, безусловно, ранняя и трагическая смерть сильно помогла делу. Вполне возможно, что, останься Е. Кульман в живых, продолжай она свои неподобающие для женщины занятия, начни публиковать результаты своих трудов, отношение общества к ней переменялось бы. А так через несколько лет, в 1849 году, преподаватель Е. Кульман К. Гроссгейнрих опубликовал на этот раз целую книгу, посвященную ее биографии, закончив повествование словами, вложенными в уста самой Кульман: «Естественно, что я желала бы прожить подольше, так как мои умственные силы с каждым днем более развиваются; и если бы Бог дал мне долгую жизнь, то я уверена, что достигла бы всех моих высоких целей. Но этому не бывать. Другие воспоют деяния Владимира, Иоанна и Петра Великого; смелой девушке в этом желании отказано. Еще не пройдет пятьдесят лет, и забудут имя девушки, которая чувствовала в себе столько силы, чтобы подобно отцу ее Гомеру, жить в памяти своих сограждан целые века. Такова общая участь бедных Кульманов...»³⁴⁸

Помимо биографий, однако, на страницах журналов в 30-е годы начали иногда попадаться и рецензии на научные труды женщин, не обязательно россиянок. Так, та же «Библиотека для чтения», которая напечатала биографический рассказ Никитенко, в том же самом 1835 году опубликовала рецензию на новейшее сочинение госпожи Сомервилль³⁴⁹: «Госпожа Сомервилль и ее последнее сочинение»³⁵⁰. Статья начиналась похвалой ученым женщинам и биографической справкой об известных в истории женщинах-математиках: «Много женских имен сияет заслуженною славою в летописях наук, но из всего числа их только три имени могут быть отнесены к тому разряду умов, который называют гением, – писал оставшийся анонимным автор, – Ипатия, синьора Аньезе³⁵¹ и госпожа Сомервилль. Одаренные необыкновенными способностями эти три женщины явились с равным блеском, каждая в своем веке на вершинах самой трудной и отвлеченной части человеческого знания, – наук физико-математических; одинаково возбудили восторг ученого света, и все три принесли пользу предметам своих занятий; справедливость однако ж требует сказать, что первое место в этом троичном созвездии принадлежит нашей современнице. И по уважению многосложности предметов, составляющих ныне круг наук естественных и точных и силою своих соображений, г-жа Сомервилль далеко превзошла своих знаменитых предшественниц: она заняла почетное место между европейскими учеными, и имеет голос в разборе важного дела человека с Природою»³⁵².

Автор посвятил несколько благосклонных слов Гипатии: «Ипатия, дочь Феона... Птолемейский епископ Синесий называл ее в письмах своих “первым философом” и завидовал счастию тех, кто может “пользоваться блаженством ее божественной беседы”». Более подробно и, надо отметить, почти восторженно он рассказал о синьоре Аньези: «Синьора Аньезе наполнила своею жизнью целое прошедшее столетие, своею славою только его начало. Рожденная в Болонье в первых годах XVIII века, она уже в юности знала все древние и новейшие языки, молодая поступила на место своего родителя со званием профессора математики, издала в 1738 году известное сочинение – *Propositiones philosophicae*, потом другое – *Instituzioni analitiche*; оставила ученое поприще, и в 1799 году кончила жизнь в монастыре»³⁵³. Далее несколько слов посвящалось самой госпоже Сомервилль: «Г-жа Сомервилль нынче процветает в Англии: она еще молода, любезна и уже ужасно учена; ее первое сочинение, “Небесная механика”, обна-

³⁴⁸ Гроссгейнрих К. Елисавета Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849. С. 139.

³⁴⁹ Сомервилль Мэри Фэрфакс (Mary Fairfax Somerville, 1780–1872) – английский математик и астроном, популяризатор науки.

³⁵⁰ Госпожа Сомервилль и ее последнее сочинение // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук художеств, промышленности, новостей и мод. 1835. Т. 8. С. 25–60.

³⁵¹ Аньези Мария Гаэтана (Maria Gaetana Agnesi, 1718–1799) – итальянский математик, философ, филантроп; профессор математики, натуральной философии и физики университета Болоньи с 1748 г.

³⁵² Гроссгейнрих К. Указ. соч. С. 25–27.

³⁵³ Там же. С. 27.

ружило в ней познания твердого и глубокомысленного математика; второе “О связи географических наук”, вышедшее в 1834 году, доказало свету, что она так же хорошо знакома со всеми отраслями Естественной Философии, как и с интегральным исчислением и с самыми отвлеченными положениями астрономии»³⁵⁴. Любопытно примечание, которое автор сделал при упоминании имени госпожи Сомервилль: «Давно подмечено, что вслед за блестящею литературною эпохою, в которой господствовали одни мужские гении, скипетр ума и таланта вдруг перешел в Англии в руки прекрасного пола, и что там наступила настоящая эпоха “необыкновенных женщин”, мисс Эджворт³⁵⁵, мистрис Джеймсон³⁵⁶ и г-жа Сомервилль образуют втроем такую массу дарования и науки, что подле них стыдно быть мужчиною. Двух первых можно по справедливости назвать отличнейшими дарованиями нынешней английской словесности, которою, впрочем, совершенно завладели дамы <...> целая сотня господ и девиц; и хотя г-жи Сомервилль нельзя сравнивать ни с сир Вильямом Гершелем, ни с Фареем или Вевелем по части точных наук, однако ж и в этом отделении женщины видимо оспаривают там исключительное право на славу»³⁵⁷. Замечание безусловно язвительное. Но дальнейшее изложение сочинения выглядит вполне серьезным и обстоятельным. Остановившись на цели, поставленной Мэри Сомервилль, автор рецензии пишет: «В этом втором творении г-жа Сомервилль взялась растолковать женщинам все, что *нынче* знают мужчины, начиная от самых умных и милых, до последнего педанта включительно. Она не ограничивается простым изображением того, в каком положении познания наши по всем частям Естества находились в 1 день мая 1834 года, но часто имеет свой собственный взгляд на предмет, и по времени предлагает свои, очень замысловатые теории. Книга ее весьма примечательна, как по своему содержанию, так и по особенному роду изложения»³⁵⁸. Правда, учитывая уровень изложения материала и предполагаемый уровень познаний английских, автор сомневался, что книга на *самом деле* предназначалась исключительно женщинам. «...сочинение не что иное как <...> общепонятный обзор нынешнего состояния науки, – писал автор рецензии. – В простом и кратком посвящении Английской Королеве она сама говорит – “Если успею ознакомить своих соотечественниц с законами, управляющими миром вещественным, я буду утешаться мыслию, что Ваше Величество не напрасно удостоили меня дозволением посвятить Вам мою книгу”. Но в таком случае, – продолжал автор, – должно предположить, что ее соотечественницы уже довольно знакомы с техническими выражениями, неизбежными в истории открытий, если они навывкли без слез смотреть на кислород и на водород, слушать без трепета о замешательствах орбит и эксцентрициитетах, равнодушно помышлять о том, что свет у них в глазах иногда поляризуется, и что румянец их может быть разложен в дополнительные цвета; если сделали такие успехи в Естественной Философии, то конечно они извлекут для себя большую пользу из прекрасного, мастерского творения г-жи Сомервилль о нынешнем состоянии главных отраслей положительного знания. Но мы не думаем, чтоб ее соотечественницы были закоренелые в физике, и протестуем против исключительного усвоения им этой книги. Право, мало найдется и из нашей братьи таких всезнающих, которые не нашли б в ней для себя много нового и любопытного. Даже те, которые со всевозможным прилежанием следовали за ходом современных открытий, удивятся точности, с какою обзор доведен до “сегодняшнего числа”. Сочинительница знает все, что произошло и о чем говорили в науках, так сказать, по последнюю субботу, и предста-

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Эджворт Мария (Эджворт Мария, мисс Эджворт, Maria Edgeworth, 1767–1849) – английская (ирландская) писательница, эссеист, публицист.

³⁵⁶ Джеймсон Анна (Jameson Anna Brownell, рожденная Murphy, 1794–1860) – первая английская женщина – историк искусства, а также известная писательница и путешественница.

³⁵⁷ Госпожа Сомервилль и ее последнее сочинение... С. 26. Прим.

³⁵⁸ Там же. С. 27.

вила на своих страницах самые последние опыты и гипотезы во всей Европе коротко, но удовлетворительно и ясно»³⁵⁹.

Далее автор чрезвычайно подробно рассмотрел содержание книги, сопровождая изложение пространными выписками из текста и своими комментариями. Например, такими: «Рассмотрев с большим остроумием учение о теплоте и о метеорологии, г-жа Сомервилль говорит об электричестве, гальванизме, магнетизме, и о новых теориях электричества – магнитно-электрической и теплотворно-электрической, которые возникли в новейшее время. Эти главы чрезвычайно занимательны»³⁶⁰. В целом статья с описанием работы занимает 35 страниц журнального текста. Она оставляет двойное впечатление: с одной стороны, автор, безусловно, высоко оценивает саму книгу, с другой – несомненно, относится с большой долей иронии к ученым женщинам, их научным познаниям и потугам к научным занятиям. Прямо не написав об этом, автор, однако, заставляет своих читателей думать, что М. Сомервилль – удивительное исключение из общего правила. «Мы по возможности старались ознакомить наших читателей с достоинствами сочинения г-жи Сомервилль, и верно не один раз возникало в них чувство удивления, что подобная книга могла быть написана женщиной», – замечает он, переходя к рассуждениям о различии мужского и женского ума, которыми завершается статья³⁶¹. «Есть разные мнения касательно достоинства женских попыток на поприще точных наук, и вероятно, самые тонкие разбиратели общего смысла и общего предубеждения не поймут нити толку или безтолковщины, которою перевиты эти мнения, – пишет он. – Но согласимся по крайней мере, что, где видно настоящее, короткое знакомство с разными отраслями человеческих знаний, соединенное с относительной легкостью и простотою изложения, там все предубеждения против женского ума должны исчезнуть. Конечно, и в этих случаях всегда найдешь у них что-нибудь особенное как в роде, так и в степени умственного качества. Вопреки грезам теоретиков, умы также не одного пола»³⁶².

Это умозрительное заключение отсылает читателя к дискуссиям, продолжавшимся в отечественных общественно-политических журналах всю первую половину XIX века да и всю вторую его половину тоже, о способности женщин к занятиям наукой, о достаточности и избыточности женского образования в связи с «природными» способностями женщин и их общественным предназначением и прочее. Эти дискуссии подробно проанализированы в монографиях Е. О. Лихачевой³⁶³. Однако, как ни странно, в своем большинстве они никак не затрагивали реальных женщин, занимавшихся науками, – современниц этих обсуждений. Эти два явления общественной жизни существовали как бы параллельно. Рассуждения автора о женских способностях в обширной статье, посвященной работе М. Сомервилль, кажутся настолько чужеродными, что почти можно предположить, как автор вставил их, дабы угодить консервативной части читателей, которые не могли вообразить женщину – автора серьезного естественно-научного сочинения. Возможно, той же цели служило еще одно примечание, сделанное автором в конце статьи: «Последние Английские журналы сообщают известие, что Государь Император благоволили изъявить Свое Высочайшее внимание к необыкновенному дарованию этой дамы, подарком великолепного опала, украшенного отличными бриллиантами, “as a token of sincere regard and admiration”³⁶⁴»³⁶⁵. Ничего подобного не находил чита-

³⁵⁹ Госпожа Сомервилль и ее последнее сочинение... С. 28–29.

³⁶⁰ Там же. С. 49.

³⁶¹ Там же. С. 58.

³⁶² Там же. С. 58–59.

³⁶³ См.: Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.; Она же. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 648 с.

³⁶⁴ «Как знак искреннего уважения и восхищения» (англ.).

³⁶⁵ Госпожа Сомервилль и ее последнее сочинение... С. 58. Прим.

тель в рецензиях на книгу Е. И. Голицыной, о которых мы упоминали выше: «L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine» и «Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве», опубликованных соответственно «Библиотекой для чтения» в 1837 году и «Москвитянином» в 1843 году³⁶⁶. Конечно, Е. И. Голицына принадлежала к одному из знатнейших княжеских домов Российской империи, а не была какой-то англичанкой. Критиковать ее занятия мог позволить себе Вяземский... в личных письмах; уважающий себя журнал не мог опуститься до такого поведения.

* * *

Итак, подводя краткие итоги изложенному в предыдущих главах, мы можем с уверенностью утверждать, что в начале XIX века в русском литературном языке появляется и входит в словарный оборот устойчивое выражение «ученая дама». Несмотря на то что довольно быстро это выражение начинает приобретать негативный оттенок и, по экстраполяции, таковым же становится отношение к дамам из «общества», заподозренным в «учености», высшие учебные заведения Российской империи охотно принимают дары от ученых дам. Некоторые из наиболее значительных естественно-научных коллекций Московского университета были созданы благодаря желанию, усилиям и настойчивости женщин. Женщины из образованных сословий являлись желанными гостями на публичных университетских лекциях и других научных мероприятиях, открытых для посещения публики, и охотно пользовались возможностью пополнять таким образом свои познания в естественных науках. Удалось также установить, что на протяжении указанного периода жило как минимум несколько широко известных своими естественно-научными интересами женщин, ведущих активную переписку с членами российского и международного научных сообществ, собравших значительные естественно-научные коллекции и оборудовавших частные кабинеты естественной истории. Также именно в этот период, точнее, в 1835 году в России впервые публикуется оригинальное философско-математическое сочинение женщины, которое проходит научное рецензирование в Императорской академии наук и получает достаточно серьезную оценку. В общем и целом на основании вышеизложенного мы с уверенностью можем утверждать, что возникший в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века интерес к изучению естественных наук со стороны молодых женщин, принадлежавших к так называемым образованным сословиям империи, на который традиционно ссылаются и историки науки, и исследователи истории высшего женского образования в России как на время появления первых в нашей стране женщин-ученых, возник на самом деле значительно раньше и не был внезапным, появившимся только под влиянием момента. Достаточно серьезные занятия российских женщин естественными науками, принимавшие различные формы, имеют гораздо более длительную историю.

---

³⁶⁶ L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 72–74; Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. С. 538–543.

Часть 2

Начало процесса профессионализации научной деятельности женщин в России в 50-е годы XIX века

Глава 1

Политэкономические теории М. Н. Вернадской (1831–1860) о женском труде

Mesdames! Перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь, как мужчины, – и вы будете также независимы... Пока труд будет в презреши, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что – только в одном труде истинная свобода женщины.
Мария Вернадская. Аристократический труд. 1862 г.

Из содержания предыдущих глав мы видели, что интерес к естественным наукам, увлечение изучением естественных наук существовали среди российских женщин, принадлежавших к высшим сословиям государства, преимущественно к аристократии, на протяжении всей первой половины XIX века. Мы видели также, что некоторые женщины, такие, например, как Е. П. Фадеева, обладали научным образованием достаточно высокого уровня и относились очень серьезно к своим научным занятиям. Мы также видели, что эти занятия занимали львиную долю их времени. Однако, несмотря на все это, а также на поддерживавшиеся ими достаточно тесные связи с членами профессионального научного сообщества, положение этих женщин было положением любительниц. Образованных, настойчивых, квалифицированных, даже признаваемых коллегами, но тем не менее любительниц. Они не имели никаких официальных документов, подтверждавших уровень их образования и компетенции, не состояли ни на какой службе и не нуждались в заработке. Сама идея проведения научных исследований ради заработка, наверно, показалась бы им весьма странной, так же как и мысль о работе ради заработка как таковая. Однако уже в 50-е годы XIX века первая российская женщина-политэконом Мария Николаевна Вернадская (1831–1860) выступила в профессиональной научной периодической печати с целой серией статей, посвященных вопросам аристократического отношения к труду в целом и отношения к женскому труду в частности. Она также высказала некоторые идеи, касавшиеся положения женщин и женского труда, которые без преувеличения были революционными для российского общества того времени.

Несколько идей проходят красной нитью через все работы М. Н. Вернадской. Во-первых, М. Н. Вернадская была уверена, что именно развитие науки, научного знания отныне определяло жизнь людей и, значит, невежество стало главным врагом развивающегося человечества. «Невежество, как злой колдун, – писала она, – старается вредить всякому доброму началу, – оно шепчет: в старину все было лучше, и тешит воображение сказками, – оно разбивает машины, жжет книги, – оно же во время повальных болезней называет отравителями и убивает людей, в руках которых спасение человечества – оно, как злая волшебница, хотело бы усыпить ум и волю человека, как в старину прелестную сказочную царевну; но тут является благодетельный гений – наука!³⁶⁷»³⁶⁸. И продолжала: «Она (наука. – О. В.) пробуждает нас от

---

³⁶⁷ Курсив автора. — О. В.

тягостной дремоты, раскрывает перед нами тайнства природы, и учит извлекать из них пользу. Всюду мы видим ее благодетельное влияние, везде мы видим чудеса, большие, чем в старину. По мановению ее могучего жезла разверзается земля и отдает нам свои сокровища, драгоценные металлы, камни, предметы роскоши и предметы необходимости. Дно морей отдает нам свои перлы и кораллы; без парусов и весел беззаботно мы пускаемся в море; без лошадей ездим по земле; с быстротой желания можем мы передать наши мысли почти из края в край земли; слово смертного человека – мы можем сделать навсегда бессмертным!»³⁶⁹ И на основании вышеизложенного приходила к выводу: «Но всех чудес не пересчитать: мы их видим ежедневно, ежеминутно пользуемся ими, и даже так привыкли к ним, что перестали их ценить, – а с каждым днем являются новые еще чудеса, и, может быть, со временем, то, что представляется нам вымыслом фантазии, превратится в действительность, как превратилось уже так многое. И всем этим мы обязаны доброй волшебнице – науке³⁷⁰, и ее верным гениям – прислужникам – машинам³⁷¹»³⁷².

Рис. 10. Портрет М. Н. Вернадской (из книги: Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862)

---

³⁶⁸ Вернадская М. Н. Старина // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 9.

³⁶⁹ Там же. С. 9–10.

³⁷⁰ Курсив автора. — О. В.

³⁷¹ Курсив автора. — О. В.

³⁷² Вернадская М. Н. Старина... С. 10.

Но что имело особое значение для М. Н. Вернадской, так это то, что развитие науки, приведшее к созданию различных машин, устранило неравенство возможностей, существовавшее ранее между людьми вообще и женщиной в частности, поскольку это неравенство основывалось прежде всего на преимуществах грубой физической силы. В процитированной нами выше статье «Старина» М. Н. Вернадская привела очень красочный пример для иллюстрации этой своей мысли: «В темную ночь быстро мчится поезд железной дороги. Со свистом и грохотом несется металлический конь: не существует для него ни лени, ни усталости, никто не превзойдет его в силе, и никто не сравняется с ним в покорности воле человека. Гордо рассекает он медной грудью воздух и оставляет по себе длинный огненный след. Нет у него ни любимцев, ни избранных: он верно и ровно служит всему человечеству; богач и бедняк, вельможа или простолюдин – он всех мчит с одинаковой быстротой. Он создан не для прихоти одного, а для пользы всех, и скольким приносит он счастье и довольство!...»³⁷³ Не менее красочный пример привела М. Н. Вернадская, чтобы показать, как появление машин сводит на нет преимущества мужской физической силы: «Женщина, хотя бы даже очень слабая, у которой в руках хороший револьвер, может смело одержать победу над самым сильным дикарем, вооруженным только томагавком. Женщина, сидя в покойном и красивом вагоне, скорее доедет до назначенного места, чем самый сильный мужчина верхом на коне»³⁷⁴, – писала она в статье «Назначение женщины» и продолжала с полной уверенностью: «Со временем цивилизация еще более ослабит достоинство грубой силы...»³⁷⁵

М. Н. Вернадская ни на секунду не сомневалась в равенстве умственных и нравственных возможностей мужчины и женщины и повторяла это неоднократно. «Женщина в умственном отношении стоит совсем не ниже мужчины; она способна и рассуждать, и обсудить сама свое положение...» – писала она в статье «Свобода выбора труда»³⁷⁶. И повторяла через несколько страниц: «В умственном отношении мужчины и женщины равны; следственно цивилизация все более и более делает доступными для женщин все те труды, которые исполняют мужчины. Женщина может исполнить также хорошо, как и мужчина всякое дело, где требуется ум, а не физическая сила»³⁷⁷. Она также неоднократно отмечала прямую зависимость между трудом и личной свободой человека, замечая, что женщины из простонародья обладают большей степенью личной свободы, чем «барыни»: «В простонародье, где женщины работают почти наравне с мужчинами, они пользуются сравнительно большей свободой, чем женщины высшего круга, хотя мужчины в простонародье гораздо грубее, и гораздо более злоупотребляют своими правами, чем мужчины образованные. Наши кухарки, няньки, горничные, относительно, гораздо независимее, чем их барыни», – писала она в статье «Женский труд»³⁷⁸. И тут же задавала вопрос: «Отчего же и женщинам благородного происхождения нельзя было бы работать?»³⁷⁹

Ответ на этот вопрос М. Н. Вернадская видела, во-первых, в традиционном сознании женщины, воспитывавшемся в ней с раннего детства, а во-вторых, в глубоко укоренившемся в аристократическом сознании презрении к труду. М. Н. Вернадская была уверена в необходимости изменения принципов, на которых строилось воспитание девочек из привилегированных сословий. «Пятнадцатилетний гимназист обыкновенно знает немногим более, чем инсти-

³⁷³ Вернадская М. Н. Старина... С. 8.

³⁷⁴ Вернадская М. Н. Назначение женщины // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 134–135.

³⁷⁵ Там же. С. 135.

³⁷⁶ Вернадская М. Н. Свобода выбора труда // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 85.

³⁷⁷ Там же. С. 88.

³⁷⁸ Вернадская М. Н. Женский труд // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 99–100.

³⁷⁹ Там же. С. 100.

тутка в 16 лет, – писала она в статье «Свобода выбора труда», – но мальчик в эти лета только начинает серьезно учиться, прежние его познания служат для него не более, как подготовкой; а девушка в эти лета большей частью прощается уже с наукой навсегда, а если и продолжает заниматься, то уж не науками, а искусствами. Отчего же это происходит? Не все же прямо со школьной скамейки идут под венец; а наконец, что мешает и замужней женщине заниматься серьезными предметами, или искусствами, когда она имеет к ним способности? Оттого, что с самого начала девочке внушают совсем другие понятия, чем мальчику»³⁸⁰. И продолжала, развивая свою мысль: «Мальчику говорят, что он должен работать, что он может быть полезен для общества, что он должен зарабатывать средства к жизни и для себя, и для своего семейства, и конечно при всем этом не забывают внушать ему и правила семейных добродетелей. Девочке говорят, что она должна быть послушная дочь, а со временем покорная жена, хорошая хозяйка и добрая мать, вот и все. Более ей не говорят ничего, да и незачем; потому что и этого достаточно для семейного круга, а женщина-де создана для того, чтоб жить в своем семействе: удел мужчины – жизнь общественная; удел женщины – жизнь семейная. Так судят почти все; но – справедливо ли это, и может ли такое разделение не иметь очень важных неудобств?»³⁸¹

Все люди, считала М. Н. Вернадская, рождаются с разными способностями. Принуждать человека заниматься тем, к чему у него этих способностей нет, – бессмысленная трата сил, времени и денег. И, в соответствии с этим правилом, не каждая женщина рождается со способностями быть нянькой, воспитательницей, учительницей или со способностями к ведению хозяйства. Это не значит, что у нее нет каких-нибудь других способностей, которые, если их развить, могли бы сделать ее полезной обществу. «Не стесняйте деятельности женщин, – писала она, – не заключайте ее насильно в семейный круг, не готовьте ее исключительно для выполнения той или другой обязанности, признайте ее человеком, и – она никогда не бросит своего семейства, а будет полезна, хотя и вне своей семьи, но и для себя и для семейства, и для общества. Одним словом, предоставьте женщине право пользоваться всеми благами разделения труда, то есть дайте свободу выбора труда, и тогда и способности, и деятельность ее будут развиваться естественным путем»³⁸². И продолжала в другой работе: «Мне кажется, что всякая исключительная система женского воспитания вредна для счастья женщин: их должно учить так же как мальчиков, и всему тому, чему учатся мальчики. И первая мысль, которую должно внушать детям обоего пола, которая постоянно должна руководить их воспитанием и не оставлять их никогда, это мысль – труда и пользы!»³⁸³

Анализ работ М. Н. Вернадской показывает, что она сознавала ограничения, как существовавшие объективно, так и бытовавшие в общественном сознании, сильно сужавшие сферу профессиональной деятельности не только для женщин аристократического круга, но и для мужчин: «Теперь, благодаря Бога, и благодаря успехам просвещения, поле деятельности для всех стало гораздо пространнее, – писала она в статье «Аристократический труд». – Было время, когда для дворянина не было другого занятия, кроме военной службы, все же прочие должности, не исключая даже и гражданской службы, считались унижительными. <...> Давно ли у нас в России стали уважать ученых и ученые занятия, давно ли на них смотрели почти с презрением, и домашнего воспитателя считали наравне с дворней, а иногда ставили его чуть ниже дворни?»³⁸⁴ И продолжала, оценивая современное ей положение дел, о котором, как дочь сенатора и супруга профессора, она должна была знать не понаслышке: «К чему готовит себя

³⁸⁰ Вернадская М. Н. Свобода выбора труда... С. 85.

³⁸¹ Там же. С. 85–86.

³⁸² Там же. С. 92–93.

³⁸³ Вернадская М. Н. О детском воспитании // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 225.

³⁸⁴ Вернадская М. Н. Аристократический труд // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 326–327.

наша молодежь? – почти исключительно к офицерству и чиновничеству. И вот мы слышим постоянный хор жалоб: “Мест нет! Жалованья мало! Чем жить? Говорят о честности, добродетелях; какая уж тут честность, когда почти есть нечего! Лучше бы позаботились, куда бы молодежь пристроить, а то выйдет из университета, и – в ожидании места, хоть умирай с голода”. – Положение, конечно, неприятное, – отмечала М. Н. Вернадская, – но что же делать? Если бы нарочно для каждого кандидата в чиновники создавать новые места, то наконец вся Россия превратилась бы в один громадный департамент; да и где взять средства для содержания такого страшного количества ни к чему не нужных чиновников? Нет ли каких-нибудь других способов найти средства к жизни?»³⁸⁵

М. Н. Вернадская прекрасно знала, что женщина в Российской империи не может быть чиновником, но не считала это препятствием. По ее мнению, уравнивание возможностей между женщиной и мужчиной, которое предоставило развитие научного знания, и появление, как производное этого знания, машин, снизивших роль физической силы, было вполне достаточным условием. «Отчего же и женщинам благородного происхождения нельзя было бы работать? – спрашивала она в статье «Женский труд». – На это ответ обыкновенно готов: для женщин закрыты все карьеры. Женщина – говорят – кроме гувернантки и классной дамы, ничем не может быть. Это обвинение несправедливо: поле деятельности, открытое для женщины, очень велико; но они сами не хотят им пользоваться. Конечно, женщину не примут в кавалерию и даже вообще в военную службу <...>. Чиновником женщина тоже не может быть; но кроме этих двух занятий, разве мало других?»³⁸⁶ Среди возможных профессиональных, подчеркнем, именно профессиональных занятий, открытых для женщины, М. Н. Вернадская видела и занятие наукой: «Торговля, фабричное дело, сельское хозяйство, литература, поэзия, *наука*³⁸⁷, преподавание, медицина, художества, сценическое искусство, пение, музыка, ремесла – вот уже, кажется, довольно большое число занятий, которые также доступны женщинам, как и мужчинам», – писала она³⁸⁸.

Обычное возражение о недостаточности женского образования она считала совершенно несостоятельным, поскольку, по ее мнению, ничто не мешает умеющему читать взять в руки книгу. «“Но что же нам делать – говорят обыкновенно женщины – разве мы виноваты, что на наше образование не хотят обратить такого же внимания, как на образование мужчин?” – задавала она вопрос в цитируемой нами выше статье «Женский труд» и очень четко, без тени сентиментальности отвечала на него: – Конечно, это отчасти справедливо; но что же мешает женщинам самим позаботиться о своем образовании? Книги есть и – для всех доступны: учишься, читай, и, право, если бы женщины, вместо того, чтоб жаловаться на родителей, которые не достаточно учили их, решились бы сами учиться, то могли бы, если не совершенно сравниться с мужчинами, то, по крайней мере, намного уменьшить разницу между их и мужским образованием»³⁸⁹.

Главное препятствие на пути женской независимости М. Н. Вернадская видела в нежелании женщин аристократического круга (а речь здесь шла именно о них), принадлежавших к «обществу», работать, в укорененном представлении о том, что труд ради заработка унижает. «Итак, что поприще деятельности закрыто для женщин – это несправедливо; но справедливо то, что они сами себе его закрывают; женщины просто – не хотят работать, и, скажу более, женщины стыдятся труда. Как бы ни показалось это резко, но это – истина», – писала она³⁹⁰.

---

³⁸⁵ Вернадская М. Н. Аристократический труд. ... С. 329.

³⁸⁶ Вернадская М. Н. Женский труд... С. 100.

³⁸⁷ Курсив наш. — О. В.

³⁸⁸ Вернадская М. Н. Женский труд... С. 100.

³⁸⁹ Там же. С. 103.

³⁹⁰ Там же. С. 104.

Характерно, что в качестве примера подобного отношения к самой идее труда среди высокопоставленных женщин М. Н. Вернадская приводила именно занятие наукой: «Что сказали бы о почтенной даме, которой нет никакой необходимости работать, если б она цветущие годы своей молодости посвятила изучению какой-нибудь науки, и после, усвоивши себе хорошо предмет, которым занималась, стала бы давать уроки?», – задавала она вопрос³⁹¹. И отвечала на него: «Согласитесь, что эти примеры так смешны, что не стоит о них говорить»³⁹². М. Н. Вернадская замечала, что к мужчинам, пожелавшим поступить подобным образом, общество отнеслось бы совершенно терпимо, приняв такое занятие как нечто вполне естественное: «Однако же мужчины дают уроки и в искусствах, и в науках – и это совсем не смешно и не странно: этих мужчин везде, в каждом обществе принимают хорошо, – писала она и снова подчеркивала: – Мужчина гордится тем, что работает за деньги, и на свою трудовую копейку содержит свое семейство, а женщина – *стыдится*³⁹³ платы за свой труд, как позорного дела. Скажу более: предрассудок против женского труда так силен, что женщина скорее решится на действительно позорный поступок, чем на то, чтобы честным трудом добывать себе пропитание»³⁹⁴.

М. Н. Вернадская считала подобное отношение к труду, точнее, к идее труда неприемлемым. «Нет унижительной работы! Человек может, пожалуй, унижить какое-нибудь занятие, но – ни один честный труд не может унижить человека», – писала, ни секунды не сомневаясь, дочь сенатора³⁹⁵. Она завершала свою статью о женском труде призывом к женщинам своего социального слоя, который, без сомнения, был революционным для своего времени: «Mesdames! Перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, *трудитесь*³⁹⁶, как мужчины, – и вы будете также независимы, или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь; а главное – перестаньте стыдиться и презирать работу. Пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что – только в одном *труде*³⁹⁷ истинная свобода женщины»³⁹⁸.

М. Н. Вернадская не подписывала своих статей полным именем, когда они публиковались впервые в 50-е годы XIX века в издаваемом ею вместе с ее мужем В. И. Вернадским журнале «Экономист», но после ее смерти в 1860 году ее муж в посвященном ей некрологе упомянул о ее работах и перечислил их: «Скромность не позволяла ей при жизни подписывать их своим именем, и немногие знали о ее трудах. Мы считаем поэтому необходимым припомнить главные из них в том порядке, в котором они были помещены в нашем издании, предпринятом и веденном при содействии ее и с ее совета...»³⁹⁹ Через два года муж и отец М. Н. Вернадской собрали ее разрозненные статьи вместе и издали единым сборником под ее настоящим именем⁴⁰⁰.

Таким образом, при жизни М. Н. Вернадской о том, что автор написанных ею статей – женщина, знали только люди из ее близкого окружения. Но сразу же после ее смерти этот факт биографии стал всеобщим достоянием. Возможно, именно потому, что автор статей оставался анонимным, они привлекали внимание не только читающей публики, но и специалистов. В 1858 году, после выхода в свет статьи М. Н. Вернадской «Женский труд», в «Санктпетербургских ведомостях» была опубликована пространная рецензия на нее П. Г. Славинского «Обще-

³⁹¹ Там же. С. 108.

³⁹² Там же.

³⁹³ Курсив автора. — О. В.

³⁹⁴ Вернадская М. Н. Женский труд... С. 108.

³⁹⁵ Там же. С. 110.

³⁹⁶ Курсив автора. — О. В.

³⁹⁷ Курсив автора. — О. В.

³⁹⁸ Вернадская М. Н. Женский труд... С. 114–115.

³⁹⁹ Вернадский И. Некролог [М. Н. Вернадской] // Указатель политико-экономический. 1860. Вып. 44 (29 октября / 10 ноября). С. 753–754.

⁴⁰⁰ Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862.

ственная самостоятельность женщин. (По поводу статьи “Женский труд” в “Экономическом Указателе”, № 60)»⁴⁰¹. Автор рецензии отметил: «Нет сомнения, что каждый, принявшийся читать статью “Женский труд”, прочел (или прочтет) ее с живейшим сочувствием от начала до конца»⁴⁰², а также что «от кого мне ни случалось слышать отзывы о статье “Женский труд” – все говорили, что вполне согласны с автором ее...»⁴⁰³. Также П. Г. Славинский высказал свое согласие с точкой зрения автора статьи: «...кроме того, – писал он, – мне нередко случалось и прежде быть участником в рассуждениях о причинах зависимого положения женщин в обществе, и эти рассуждения согласовывались в сущности с мнением г. М. В., автора означенной статьи»⁴⁰⁴. Он также нашел необходимым высказать несколько соображений, подтверждавших точку зрения автора о равных способностях к труду мужчин и женщин (за исключением некоторых видов физического труда).

В отличие от М. Н. Вернадской, однако, П. Г. Славинский не считал существовавший запрет поступления женщин на государственную службу чем-то незначительным. Если М. Н. Вернадская всего лишь упоминала о том, что женщина не может быть военным и чиновником, но считала, что это не имеет особого значения, поскольку и других профессий в мире более чем достаточно, было бы желание работать, то П. Г. Славинский, видимо более опытный, чем М. Н. Вернадская, в житейских делах и особенно в общении с отечественной бюрократической системой, счел необходимым остановиться на этом вопросе более подробно, сформулировав тезис, который буквально через пару лет стал камнем преткновения в борьбе российских женщин за их допуск к высшему образованию и к интеллектуальным профессиям: «Недопущение женщин к службе государственной – военной и гражданской (кроме учебной части) зависит не от безусловной неспособности их к ней, а от обычаев, принявших в некотором отношении вид закона, – писал он и добавлял: – Умственное развитие женщин на столько же возможно, как и развитие мужчины. Женщина обладает органами чувств такого же устройства, как и мужчина. Вся разница в развитии женщин и мужчин заключается в несходстве их общественного положения»⁴⁰⁵.

Он дословно повторил призыв, которым М. Н. Вернадская завершила свою статью: «Mesdames, перестаньте быть детьми...» – и далее по тексту, безусловно поддерживая автора, однако тем не менее считал его (автора) усилия бесполезными: «...по моему мнению, не нужно забывать, что на советы обыкновенно не обращают большого внимания те лица, до поведения которых они относятся. Журнальная статья г. М.В., как ни красноречиво она изложена, я уверен, не обратит ни одной женщины на указанный путь, – писал П. Г. Славинский. – Со статьей “Женский труд” случится то же самое, что случилось с многочисленными рассказами о взяточничестве чиновников. Эти рассказы не достигли прямо до цели; не научили честности наврное ни одного взяточника, а возбудили и прояснили только вопрос о способах прекращения этого общественного недостатка»⁴⁰⁶. И далее он пояснил свою точку зрения: «Чтоб побудить женщин добывать себе самостоятельность верным способом – чрез посредство труда, – следует облегчить для них доступ к труду»⁴⁰⁷.

Если М. Н. Вернадская сформулировала первое условие, необходимое для завоевания женщинами независимости, заключавшееся в их собственном желании работать и зарабаты-

⁴⁰¹ Славинский П. Г. Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60) // Санктпетербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1858. № 55. 11 марта (вторник). С. 309–311.

⁴⁰² Там же. С. 309.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Славинский П. Г. Указ. соч. С. 309.

⁴⁰⁵ Там же. С. 310.

⁴⁰⁶ Там же. С. 311.

⁴⁰⁷ Там же.

вать средства себе на жизнь, то П. Г. Славинский сформулировал второе условие: необходимость упростить доступ женщин к труду. Очень коротко, буквально в двух абзацах он описал существовавшую в стране ситуацию, которая стала практически непреодолимым препятствием к профессиональному труду женщин в интеллектуальной сфере после того, как условие, сформулированное М. Н. Вернадской, было выполнено. Во-первых, писал П. Г. Славинский, «где существует даже между мужчинами мнение о приличности и неприличности или унизительности занятий, там еще более бывает ограничен круг действий для женщин. Если мужчина, которого отец был чиновником, считает не соответствующим своему званию – заняться торговлей или каким-нибудь ремеслом, то то же самое думает он и насчет своей сестры или жены, точно так же думает про себя и сама сестра или жена чиновника; а между тем *для них не существует рода занятий, соответствующего занятиям их брата или мужа: их не примут на службу ни в какое присутственное место*⁴⁰⁸. Поэтому волей-неволей родители готовят своих дочерей (да и сами дочери готовятся) только к тому, чтоб быть им женами чиновников»⁴⁰⁹. А во-вторых, считал П. Г. Славинский, если количество указанных работ изначально ограничено, а занятие ими дает людям определенные привилегии, то никто не захочет расширять круг этих привилегированных лиц, включая в него новых членов: «Предрассудки относительно приличности и неприличности известных занятий порождаются разного рода преимуществами – должностными и сословными. Если известные роды занятий предоставляются в преимущественное пользование известным лицам, званиям или сословиям, то не всякое лицо, при затруднительности доступа к различным посторонним для него занятиям, может легко перейти к тем занятиям, где чувствуется недостаток в трудящихся, и потому весьма понятно, что оно смотрит враждебно на всякое постороннее лицо, решившееся на совместничество с ним в его круге действий»⁴¹⁰. П. Г. Славинский считал такой подход к делу крайне ограниченным, поскольку с точки зрения политэкономии чем больше народу работает, тем лучше для всех: «...для общества выгодно, если всякий живет своим трудом, а не на чужой счет; чем больше труда в обществе, – чем больше избытка в произведениях труда, в предметах потребления, тем оно богаче и тем счастливее», – заканчивал П. Г. Славинский свою рецензию⁴¹¹.

Но П. Г. Славинский ошибся. Не в политико-экономических постулатах, а в том, что статья М. Н. Вернадской пропадет бесследно. Так же как и сама М. Н. Вернадская недооценила своих современниц. Целый комплекс обстоятельств сложился в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века и подтолкнул женщин к выбору более активной жизненной позиции, к освоению новых профессий и закрытых для них ранее видов деятельности. Сыграли ли в этих изменениях свою роль статьи М. Н. Вернадской или ее личный пример? Сегодня трудно судить с уверенностью, но вполне вероятно.

---

⁴⁰⁸ Курсив наш. – О. В.

⁴⁰⁹ Славинский П. Г. Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60) // Санктпетербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1858. № 55. 11 марта (вторник). С. 311.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же.

Глава 2

Рост интереса к естественным наукам среди российских женщин в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века

Дайте женщинам право держать экзамен на получение ученых степеней. И кто знает, не явилось бы между ними личностей, которые... по справедливости могли бы стать выше многих докторов естественных наук.

Анастасия Дювуар. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных. Русский педагогический вестник. 1861 г.

В ряду некрологов людей, ушедших из жизни в 1860 году, опубликованных в «Месяцеслове на 1862 год», издаваемом Императорской академией наук, рядом с некрологом немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860), немецкого анатома и эмбриолога М. Г. Ратке (1793–1860), отечественного поэта и философа А. С. Хомякова (1804–1860) и других были опубликованы два некролога первых в нашей стране женщин, известных современникам своими научными исследованиями, – Е. П. Фадеевой, урожденной княжны Долгорукой (1788–1860), и М. Н. Вернадской, урожденной Шигаевой (1831–1860).

Анонимный автор некролога писал о Е. П. Фадеевой: «С ранней молодости обнаруживала она любознательность и страсть к чтению и занялась изучением естественных наук и в особенности ботаники. Бескорыстное и редкое в женщине служение науке сделало ее имя известным ученому миру; с нею вели переписку и были знакомы многие Европейские естествоиспытатели. Плодами занятий ее остались 50 томов собственноручных рисунков растений, определенных ею самою, богатая орнитологическая коллекция, часть которой подарена ею Кавказскому обществу сельского хозяйства, минералогическая и палеонтологическая коллекции и собрание древних монет и медалей. Естественные науки однако не исключительно занимали ее, и кроме них она изучала историю, археологию и нумизматику, знала языки Немецкий, Итальянский, Французский, Польский и несколько Латинский, и кроме того отлично рисовала»⁴¹². О М. Н. Вернадской составитель некролога написал следующее: «... первая и доселе единственная русская писательница по политической экономии. Немногие знали о трудах ее, так как под сочинениями своими она не подписывала имени; но она принимала деятельное участие в “Экономическом указателе”, издаваемом г[осподином] Вернадским, и самое издание это было даже предпринято при ее содействии и с ее совета. Статьи ее, по светлому взгляду на науку и увлекательности изложения, постоянно обращали на себя внимание читающей публики и были истинным украшением журнала <...>. Кроме того, она занималась переводами сочинений политико-экономического содержания <...>. В последнее время она приняла на себя труд написать краткий очерк главных понятий политической экономии для легкого чтения и перевела сочинение И. Гарнье “Начала финансов”»⁴¹³.

Это было первое (насколько известно на сегодняшний день) публичное признание научных заслуг российских женщин. Повлияло ли открытое признание (хоть и посмертное) научных заслуг Е. П. Фадеевой и М. Н. Вернадской на жизненный выбор их молодых современниц? Повлияли ли на них призывы М. Н. Вернадской? Прямых подтверждений этому нет. Но по странному совпадению именно в год смерти Е. П. Фадеевой и М. Н. Вернадской молодые российские женщины (во множественном числе) предприняли первую в истории нашей страны попытку стать студентками университетов.

---

⁴¹² Некролог 1860–1861 годов. 1860. [Е. П. Фадеева] // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 124.

⁴¹³ Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 103–104.

Шестидесятые годы XIX века, особенно их первая половина, занимают особенное место в российской истории. Это было время Великих реформ: отмены в 1861 году крепостного права, учреждения суда присяжных и местного самоуправления (земства) в 1864-м и др. Ситуация в стране была достаточно сложной и политически, и экономически. Но для молодых людей, чья юность пришлась на эти годы, это было время свободы, энергии и надежды. Это также было время широкого распространения интереса к естественным наукам в образованных слоях российского общества. Благодаря своим братьям, учителям, иногда и родителям, а также периодической печати молодые девушки благородного происхождения приобщались к этим интересам. В Петербурге стало модным посещать научно-популярные лекции, принадлежать к кружку единомышленников, обсуждавших естественно-научные предметы наравне с философией и политикой, читать книги по естествознанию. Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923)⁴¹⁴ писала в своих знаменитых воспоминаниях о первых месяцах 1862 года, когда она только что вышла из Смольного института и делала первые шаги во взрослой жизни: «Первым средством для самообразования, для подготовки себя ко всякого рода деятельности и к настоящей полезной общественной жизни считалось тогда изучение естественных наук, на которые смотрели, как на необходимый фундамент всех знаний без исключения, – и уточняла: – Как в Западной Европе, так отчасти и у нас люди образованные уже давным-давно придавали им большое значение, что наглядно подтверждали великие открытия, но в шестидесятых годах благоговение к естествознанию распространилось в огромном кругу русского общества и носило особый характер»⁴¹⁵. Благодаря этому «благоговению» от занятий естественными науками, по воспоминаниям Е. Н. Водовозовой, «ждали необыкновенно полезных результатов не только от научных исследований специалистов, но от каждой популярной книги, к какой бы отрасли естествознания она ни относилась, находили, что образованный человек обязан черпать свои знания прежде всего из этого источника»⁴¹⁶; а также «...были твердо убеждены в том, что изучение естественных наук поможет устранить суеверия и предрассудки народа, уничтожит множество его бедствий»⁴¹⁷. Подобные взгляды привели к публикации научно-популярных книг по естественным наукам, к увеличению спроса даже на серьезную научную литературу. «Теперь даже трудно себе представить, – писала Е. Н. Водовозова, – с каким всеобщим восторгом было встречено издание перевода книги Брема “Жизнь животных”. Не читать этой книги значило подвергать себя укорам и насмешкам. Но занимались не одною зоологиею, а и другими областями естествознания: минералогиею, ботаникою, физиологиею, химиею, отчасти даже анатомиею»⁴¹⁸. Е. Н. Водовозова отмечала, что профессора читали лекции по естественным наукам в публичных залах, что подобные лекции устраивались также в частных домах и там в большинстве случаев в роли лекторов выступали студенты-естественники: «...сразу явилось немало лиц как из высших, так и из средних классов общества, желавших заниматься естественными науками, – вспоминала Е. Н. Водовозова. – Каждое семейство, у которого в доме была свободная комната, охотно уступало ее вечером для подобных занятий: тут демонстрировали бычачье сердце, резали лягушек и зайцев, изучали и сравнивали устройство зубов различных животных, строение тела птиц и рыб, рассматривали под микроскопом растения,

---

⁴¹⁴ Водовозова Елизавета Николаевна (1844–1923) была успешной детской писательницей; она также писала научно-популярные книги, выступала как журналист и литературный критик, но известна она благодаря знаменитым воспоминаниям о воспитании, полученном ею в Смольном институте благородных девиц, и о днях ее юности, последовавших сразу за выпуском из института.

⁴¹⁵ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 80.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же.

насекомых, кусочки сыра, капли воды. Все эти чтения и занятия, где бы их ни устраивали, притягивали массу народа»⁴¹⁹.

Нам так интересно мнение Е. Н. Водовозовой не только потому, что она принадлежала к поколению шестидесятников, не только потому, что она, едва получив свободу по окончании Института благородных девиц, стремилась узнать как можно больше о жизни общества и имела возможность участвовать в описываемых ею событиях, но и потому, что сама Е. Н. Водовозова не была в восторге от этого повального увлечения естествознанием, интересуясь больше гуманитарными науками. Не без раздражения Е. Н. Водовозова вспоминала: «Никто не обращал ни малейшего внимания на то, имеет ли человек склонность к тому или иному предмету. Каждый правоверный шестидесятник должен был все свои способности отдавать естествознанию. Эта мода подчинила тогда такое множество интеллигентных людей, что нередко талантливые музыканты, художники, певцы и артисты забрасывали искусство ради изучения естественных наук и вместе с другими бегали на ботанические, зоологические, минералогические и другие экскурсии, работали с микроскопом, определяли тщательно собираемые камешки, – все были загипнотизированы великим значением естествознания»⁴²⁰. В своих воспоминаниях Е. Н. Водовозова привела в пример нескольких девушек, с которыми была знакома лично или о которых слышала от приятельниц, воспринимавших всеобщее увлечение естествознанием так же, как и она сама, в том числе рассказала о девушке, любившей музыку, но считавшей своим долгом заниматься химией, хотя у нее ничего не получалось, которая в конце концов покончила жизнь самоубийством «только из-за того, что ей совсем не давалась химия»⁴²¹.

Помимо общих настроений, царивших в молодежных кругах С.-Петербурга, Е. Н. Водовозова описала и свой личный опыт занятий естественными науками в первые месяцы 1862 года: «Вечером мы отправились с Верою Корецкою к медицинскому студенту старшего курса Прохорову слушать его чтение о кровообращении. Он занимал отдельную квартиру... Чуть ли не в каждой комнате его квартиры шли по вечерам разнообразные занятия. Прослушав лекцию, желающий мог войти в следующую комнату: посреди нее стоял человеческий скелет, а на столиках лежали кости и череп, – тут при помощи студента-специалиста можно было получить наглядное знакомство с строением человеческого тела. В одной из комнат этой квартиры шли опыты по химии»⁴²². И продолжала далее: «Хотя занятия по естествоведению, на которых мне приходилось присутствовать, в большинстве случаев излагались довольно удобопонятно, но я с каждым разом чувствовала все меньшее к ним влечение»⁴²³. Боясь признаться в этом своей ближайшей подруге Вере Корецкой, Е. Н. Водовозова обратилась со своей проблемой к ее сестре Татьяне Корецкой. Далее она в художественной форме передала этот непростой разговор: «– Да уж тебе-то совершенно не приходится так скептически относиться к этим занятиям, – пересказывает Е. Н. Водовозова слова Татьяны Корецкой. – Я – другое дело: вот уже несколько месяцев я бьюсь над этими предметами, а у меня в голове все какие-то обрывки...» Оказалось, что Т. Корецкая так же мало удовлетворена своими занятиями, как и сама Е. Н. Водовозова. Но когда Е. Н. Водовозова осторожно предположила, что можно было бы их оставить ради любимого дела (в случае Т. Корецкой ради музыки и декламации), то получила в ответ следующую пламенную речь: «...если все, решительно все умные и образованные люди находят, что естественные науки необходимы, и мы с тобой должны покончить со всеми своими благоглупостями!.. Мне куда тяжелее тебя достигаются эти занятия! Я до сих пор содрогаюсь от ужаса, до сих пор не могу приучить себя смотреть, как режут лягушек, не могу без

---

⁴¹⁹ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 80–81.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же. С. 82.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же.

омерзения дотронуться до человеческих костей!.. Всеми силами стараюсь вытравить из себя эту пошлость – и не могу»⁴²⁴. «Такого разговора было для меня достаточно, – пишет Е. Н. Водовозова, – чтобы больше уже ни к кому не обращаться со своими сомнениями. Я не только продолжала бегать на всевозможные занятия по естествоведению, но и добывала книги, чтобы прочитывать то, что только что было изложено устно. Несмотря на это, я все более сознавала, что у меня ничего не выйдет из приобретаемых сведений, но мысль, что, бросив эти занятия, я не только не удовлетворю главным требованиям людей, меня окружающих, но даже сама себя буду считать пропащим человеком, заставляла меня еще с большим рвением заниматься тем, чем и все остальные»⁴²⁵.

Можно предположить, что мнение Е. Н. Водовозовой не было единственным. Однако ее взгляд – это взгляд «студентки поневоле», взгляд девушки, не решавшейся пойти против общественного настроения. Сохранились, однако, свидетельства гораздо более серьезного отношения женщин к распространению и преподаванию естествознания в указанный период времени. В 1860 году журнал «Русский педагогический вестник» в двух номерах подряд опубликовал две обширные и очень серьезные статьи Анастасии Ивановны Дювуар (?–1884)⁴²⁶, озаглавленные: «Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных»⁴²⁷. А. И. Дювуар, в отличие от Е. Н. Водовозовой, считала распространение естествознания в России совершенно недостаточным. Хотя она также обратила внимание на вновь возникший в обществе интерес к данному предмету, что, собственно, и вызвало написание статей. Дювуар отмечала: «Только еще недавно русское образование приняло новое направление, для него пробудились новые цели, ожили новые вопросы, одним словом, для умственной деятельности России настал новый фазис. Во всех уголках нашей Руси зазвучал живой говор о новом направлении и вот под звуки этого говора сложились новые ученые общества, и новые издания. Как и следовало ожидать, особенно сильно проявилось стремление нашего общества к изучению окружающей его природы, оно высказалось образованием новых ученых обществ по разным отраслям естествознания (комитетов акклиматизации, общества садоводства в С.-Петербурге и Киеве, русского энтомологического общества), реформой старых обществ (садоводства, сельского хозяйства и естествоиспытателей в Москве) и наконец введением естествоведения в состав образования». Дювуар, однако, была гораздо менее оптимистична в отношении результатов всех этих новшеств и нововведений: «Но правильно ли сложились новые общества, к чему поведет реформа старых, какие плоды принесет введение естествоведения в состав образования, наконец не ограничится ли оно одним школьным бессознательным изучением его? – вот те вопросы, которые заставляют нас глубоко задуматься и спросить: что нужно для того, чтобы результат этого стремления, этого кризиса был благодетелен? Чтобы ответить на эти вопросы, мы взглянем ближе на состояние и значение у нас естествоведения»⁴²⁸.

А. И. Дювуар видела причину недостаточного распространения естествознания в России в порочном отношении к высшему университетскому образованию в стране. Она писала об этом: «Еще до сих пор большая часть наших молодых людей училась и учится, начиная от гимназической скамьи до университетской аудитории, или для того, чтобы сказать: я был в университете, я человек образованный, или превращают науку в ремесло, смотрят на нее, как на средство добыть кусок хлеба; я извиню последних, но никогда не прощу первого; понятно, что в том или другом случае нельзя ожидать больших успехов; те из них, которые ищут в

⁴²⁴ Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 83.

⁴²⁵ Там же. С. 83–84.

⁴²⁶ Дювуар Анастасия Ивановна (?–1884) – публицист, автор азбук для детей.

⁴²⁷ Дювуар А. И. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных. 1860. № 11. С. 154–161; *Она же*. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных. Статья вторая // Русский педагогический вестник. Журнал для воспитателей и родителей. 1861. № 1. С. 5–14.

⁴²⁸ Дювуар А. И. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных... 1860. № 11. С. 154–155.

науке только наружного лоска, наберутся вершушек, научатся всему понемногу и ничему основательно и выйдут из университета всезнайками; другие ученые ремесленники выберут для себя предмет не по душе, а по тем материальным выгодам, которые могут они извлечь из его изучения; часто упорно руководимые корыстными целями заглушают они голос призвания к тому или другому предмету, идут наперекор ему, одаренные хорошею памятью, оканчивают курс медиками, законоведами, или филологами и делаются учеными педантами»⁴²⁹. Именно из этого двоякого отношения к изучению естественных наук – либо поверхностного, либо чересчур утилитарного – выводила Дювуар причину малого распространения этих последних в России: «Понятно, что при всех этих условиях естествоведение не могло распространиться значительно, потому что им труднее щегольнуть в обществе, чем знанием трех, четырех языков; потому что из него труднее извлечь те материальные выгоды, как, например, из медицины, – писала она. – А то, что оно развивает умственные способности, открывает человеку новый дотоле неведомый ему мир и не смотря на то мир близкий, тесно связанный с его бытием – это сознают весьма немногие; стремятся они заставить сознать это и общество; и вот результатом их попыток являются два, три ученых общества. Но не много встречают они сочувствия и живут только по форме, заявляя свое существование бедными выставками, да ежемесячными съездами – все тем и ограничивается. Вот от чего зависит недостаточное распространение у нас в России естествоведения»⁴³⁰.

Далее А. И. Дювуар очень внимательно рассматривала преподавание естественных наук в России, сравнивала положение дел с другими европейскими странами, указывала на очевидные недостатки и на возможные пути их устранения. Любопытно, что большая часть обеих статей, посвященных именно вопросам правильной постановки преподавания естественных наук, касалась исключительно мужских средних учебных заведений и университетов. Хотя слово «мужских» не упоминается, и можно предположить, что по крайней мере в отношении средних учебных заведений речь идет о школах и для мальчиков, и для девочек. Но неожиданно ближе к окончанию второй статьи Дювуар вдруг специально останавливается на необходимости естественного образования женщин и становится понятным, что все предыдущее касалось исключительно мальчиков и мужчин. Говоря о желательности создания публичных школ для подготовки к университетам, она пишет: «Действительно, устройство школ естествоведения, на тех же основаниях, как и воскресные школы, принесло бы большую пользу. Мало дать средства для первоначального образования, надо также позаботиться и о тех, которые уже знают кое-что и хотят идти далее; мало ли найдется у нас людей, которые желали бы вступить в университет, а средств заплатить учителю за приготовление нет; подобные школы были бы для них истинным благодеянием, – и продолжает далее: – Но особенную пользу принесли бы они женскому полу, можно сказать наперед, что число посетительниц было бы обильно, что они занимались бы наукою с любовью и благодаря им, мы получили бы воспитательниц, знакомых с естественными науками, а это чрезвычайно важно уже потому, что у нас первоначальное воспитание находится большею частию в руках женщин»⁴³¹.

И далее А. И. Дювуар высказывает, вполне вероятно *впервые* в нашей истории, мысль, пожелание, которое всего через несколько лет превратится в настоятельную потребность и на осуществление которого у имперского правительства уйдет ровно пятьдесят один год: «Дайте женщинам право держать экзамен на получение ученых степеней. И кто знает, не явилось бы между ними личностей, которые вместе с Себиллою де-Мериан (написавшей *Métamorphose des*

---

⁴²⁹ Дювуар А. И. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных... 1860. № 11. С. 155.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Дювуар А. И. Несколько слов о значении естественных наук и преподавании оных... Статья вторая. 1861. № 1. С. 14.

insects de Surinam, in folio, 1805 г.), по справедливости могли бы стать выше многих докторов естественных наук»⁴³².

Общественный энтузиазм по поводу занятий естественными науками в начале 60-х годов XIX века не мог не оказать влияние в том числе и на молодых женщин из образованных слоев населения. Так же как вполне возможно, что на них оказало влияние признание научных заслуг их предшественниц. И не все молодые женщины готовы были довольствоваться случайными публичными лекциями профессоров и наставлениями студентов. Уже в 1859 году Петербургский, Киевский и Харьковский университеты впервые в российской истории открыли свои двери перед женщинами, желавшими не просто посетить несколько лекций, а получить систематическое высшее образование, в том числе и в естественных науках⁴³³. Л. Ф. Пантелеев, поступивший в С.-Петербургский университет в 1858 году, следующим образом описал в своих воспоминаниях появление первой женщины на лекции в осенний семестр 1860 года: «...входит Кавелин, – писал Л. Ф. Пантелеев, – но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. <...> То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов. Барышня имела резко выраженный итальянский тип, небольшого роста, всегда одета в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и собраны в сетку. То была Наталья Иеронимовна Корсини...»⁴³⁴ Н. И. Корсини посещала лекции профессоров-юристов, однако вскоре вслед за ней в университете появились и женщины, заинтересованные в изучении естественных наук: «Н. И. Корсини (впоследствии замужем за Н. Утиным, ныне вдова) недолго оставалась единственной слушательницей; вскоре рядом с ней мы увидели Антониду Петровну Блюммер (вдова Кравцова), затем Марью Арсеньевну Богданову (вдова Быкова). М. А. Богданова предпочтительно слушала лекции по естественному факультету, – вспоминал Л. Ф. Пантелеев. – Потом встречал в аудиториях Екат[ерину] Иер[онимовну] Корсини (ныне Висковатова), Надежду Прокопьевну Суслову, Марью Александровну Бокову (ныне Сеченова). Во втором семестре стало все более и более являться женщин; в числе их была и М. М. Коркунова, впоследствии г[оспо]жа Манассеина, известная своими писаниями по всем отраслям. Под конец второго семестра 1860/61 г. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов»⁴³⁵. Здесь, конечно, идет речь не только о девушках, интересовавшихся естествознанием, но и о желавших получить любое высшее образование, в том числе гуманитарное.

Тем не менее можно утверждать, что рубеж 50–60-х годов XIX века бы отмечен увеличением интереса естественным наукам не только среди мужской части так называемых образованных сословий Российской империи, но также среди их современниц. И как оказалось, некоторые из эти молодых женщин хотели получить не только систематическое высшее образование, но документы, это образование подтверждавшие. Уже в 1861 году некоторые из посещавших университеты женщин обратились к университетскому начальству с просьбой разрешить им держать экзамен на право получения дипломов⁴³⁶. Правительство, однако, отнеслось

⁴³² Там же.

⁴³³ Тишкин Г. А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 161.

⁴³⁴ Пантелеев Л. Ф. Женщины в Петербургском университете // Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Кн. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. С. 133–134.

⁴³⁵ Там же. С. 135.

⁴³⁶ Тишкин Г. А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. ... С. 162.

неодобрительно к подобным инициативам и поспешило свести их на нет, подтвердив в глазах прогрессивной общественности свою репутацию безнадежных консерваторов⁴³⁷. В последовавшие затем 60–90-е годы XIX века современники могли наблюдать отчаянную борьбу между частью русских женщин и правительством Российской империи за право получать высшее образование, борьбу, в которой правительство неизменно побеждало. История этой борьбы изучена достаточно подробно. Нам, однако, хотелось бы исследовать причины подобного отношения правительства к данному вопросу, которые, как нам кажется, были несколько глубже простого консерватизма.

---

⁴³⁷ Там же. С. 165.

Глава 3

Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в Российской империи до начала XX века

Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома.
Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Ст. 107

Подробное исследование данного вопроса показало, что проблема намного глубже простого консерватизма. Камнем преткновения стала даже не возможность для женщин получать высшее образование, а тот вопрос, от которого так пренебрежительно отмахнулась в своей статье «Женский труд» М. Н. Вернадская, а именно вопрос о невозможности женщинам вступать в гражданскую службу. Казалось бы, действительно вполне частный вопрос, не имеющий отношения к занятию очень многими профессиями, в том числе научными. Однако из-за преимущественно государственного характера развития науки в России, с одной стороны, и из-за подчиненного положения женщины в соответствии с законами Российской империи, с другой, как оказалось, для его разрешения потребовалось бы либо полностью изменить юридическое положение женщин в империи, либо так же кардинально поменять положение ученых. Ни то ни другое оказалось невозможным претворить в жизнь, ни в XIX, ни даже в начале XX века.

Желание женщин официально включиться в новый для них – интеллектуальный – вид профессиональной деятельности, а именно об этом свидетельствовало желание получить университетский диплом, породило множество сложностей: юридических, экономических, нравственных, к разрешению которых ни общество, ни правительство не были готовы. Для того чтобы признать юридическое право женщины на получение высшего образования и последующее занятие научной, медицинской, юридической или преподавательской деятельностью, требовалось изменить многовековое, освященное традициями, религией, законами положение женщины в обществе. Неудивительно, что в итоге борьба российских женщин за доступ к высшему образованию и далее к квалифицированной профессиональной деятельности в конце концов превратилась в борьбу за политическое и экономическое равноправие женщины. История этого процесса, иногда драматичного, иногда трагического, изучена достаточно подробно⁴³⁸. Однако история проникновения (если можно так выразиться) женщин в сферу профессиональной научной деятельности до настоящего времени практически не изучалась, так же как почти не изучалась реакция на подобные попытки официальных и научных кругов.

Правовые, экономические, моральные, религиозные нормы, определявшие место и роль женщины в общественной жизни Российской империи и препятствовавшие получению ею серьезного научного образования и профессиональным занятиям почти всеми видами интеллектуального труда, формировались, укреплялись различной аргументацией и доводились до совершенства на протяжении всего XIX века. С одной стороны, уже в первой четверти XIX века в российском высшем обществе стали обращать на себя внимание дамы, всерьез интересовавшиеся различными науками. По-видимому, их было не так уж мало, во всяком случае достаточно для появления термина «ученая дама». С другой стороны, почти с самого возник-

---

⁴³⁸ Существует несколько работ, посвященных исключительно библиографии вопроса: *Пушкарёва Н. Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; *Юкина И. И.* История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

новения данного явления усилиями российской публицистики и художественной литературы (представленных в большинстве своем молодыми авторами-мужчинами) к нему было сформировано скептически-насмешливое и слегка презрительное отношение. Одновременно создавалось общепринятое понятие об уровне и «качестве» женского образования, представлявшее его крайне поверхностным и несерьезным, что несколько расходилось с реальным положением дел (как можно судить исходя из дошедших до нас источников). Тем не менее вскоре данная точка зрения стала господствующей и, несомненно, впоследствии повлияла на создававшиеся в 40-е годы уставы женских учебных заведений. Завершением данного процесса можно считать опубликование в 1852 году «Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений», подготовленного специальной комиссией во главе с принцем П. Ольденбургским. «Главное назначение женщины есть семейство, – провозглашал указанный документ, – женщина, как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных, она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно»⁴³⁹. «Наставление» получило личное одобрение императора Николая I⁴⁴⁰, и с этого времени именно исходя из содержащихся в нем утверждений и проводилась политика в отношении всех уровней женского образования и разновидностей женского труда в стране (конечно, в данном случае речь шла только об умственном труде).

Надо заметить, что описанные общественные взгляды вполне согласовывались с законодательными нормами. По законам Российской империи женщина являлась не совсем самостоятельным членом общества. Она была юридически зависима вначале от своих родителей (прежде всего отца), потом от мужа. В соответствии с статьей 107 части 1 тома 10 «Свода законов Российской империи», «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома»⁴⁴¹. Взамен на родителей и мужа возлагалась забота о ее благополучии, а точнее: «По достижении детьми надлежащего возраста родители пекутся об отдаче дочерей в замужество (Св. зак. т. 10. ч. 1. ст. 174)»⁴⁴², а муж «...обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей (Св. зак. т. 10. ч. 1. ст. 106)»⁴⁴³. Таким образом, женщины, даже дворянки, в течение всей жизни по закону состояли в подчинении либо родителей, либо мужа и только вдовы обретали некоторую самостоятельность. Нельзя сказать, чтобы имперский закон не проявлял заботы о женщинах. Как раз наоборот. Он заботился о них так, как в настоящее время заботится о не полностью дееспособных членах общества: несовершеннолетних детях, людях с ограниченными физическими и умственными возможностями и прочее. Так, вдовы и сироты имели право на часть пенсий их мужей и родителей при условии, что эти последние вообще имели право на пенсию и полностью выслужили ее, конечно. Заметим в скобках, что это отношение закона к женщине как к существу не полностью дееспособному не распространялось на некоторые стороны жизни, в частности на наказания за уголовные преступления, в том числе на смертную казнь, например, за политические преступления и прочее, то есть за совершенные правонарушения женщины несли ответственность как полноправные члены общества. Одновременно представитель власти имел право силой вернуть женщину в дом мужа, если по какой-то причине она покинула его без разрешения последнего.

⁴³⁹ *Ольденбургский П.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 9.

⁴⁴⁰ Там же. На титульном листе: «Подписано императором в СПб., 24 февраля 1852 г.: “Прекрасно; и душевно благодарю за полезный труд”».

⁴⁴¹ Женское право. Свод узаконений и постановлений относящихся до женского пола. СПб., 1873. С. 110.

⁴⁴² Там же. С. 155.

⁴⁴³ Там же. С. 108.

На первый взгляд, полузависимое положение женщины, определенное законом, а также освященная временем и авторитетом власти традиция, предписывавшая женщине ограничивать круг дел и интересов семьей и взаимодействовать с окружающим миром исключительно с помощью посредника-мужчины, никак не связаны с занятиями наукой. И правда, каким образом желание человека (женщины или мужчины) учиться и заниматься научными исследованиями могло касаться государства? Кажется, что никаким. Но это только на первый взгляд, хотя действительно многие женщины из числа начинавших свою научную деятельность в 70-е годы XIX века и добившиеся признания в научном сообществе (например, почетный член Императорской академии наук, археолог графиня П. С. Уварова или член-корреспондент академии, ботаник О. А. Федченко) были самоучками. Они никогда не получали официальных дипломов высших учебных заведений, никогда не претендовали ни на какие научные оплачиваемые должности, одним словом, никогда не зарабатывали на жизнь при помощи научных исследований, так же как и их предшественницы, жившие в конце XVIII – первой половине XIX века. Они начинали научную карьеру в роли помощниц своих мужей-ученых и смогли стать самостоятельными учеными после их смерти, имея независимые средства к существованию. Таким образом, получая образование, а впоследствии выполняя научные исследования, они никоим образом не соприкасались с государством. И не государство, а научное сообщество впоследствии отдавало дань признательности и уважения их научным достижениям.

И до тех пор, пока научная работа оставалась личным внутрисемейным делом или невинным увлечением вдовы, государство считало это делом частным и не обращало на него никакого внимания (если не считать насмешек над «синими чулками», распространявшихся в обществе). Даже когда в 1859 году целый ряд девушек начал посещать университеты, это не обеспокоило правительство: невинное любопытство не могло принести никакого вреда, если семья девушки позволяла ей подобное времяпрепровождение. Но государство оставалось в стороне только до определенного предела. В тот самый момент, когда некоторые из любопытствующих посетительниц университетов решили попробовать получить государственные дипломы, ситуация резко изменилась и невинное любопытство, как уже упоминалось выше, было пресечено в корне, а двери российских университетов закрылись перед женщинами вплоть до революции 1905 года, да и тогда они приоткрылись лишь временно. Начиная с 1863 года, то есть с момента принятия решения по обращению первых двух девушек о разрешении им сдавать государственные экзамены с тем, чтобы далее получить диплом университета, и вплоть до декретов правительства большевиков 1918 года, отменившего раздельное обучение на всех уровнях, то есть на протяжении 55 лет, российское правительство стояло насмерть, не допуская женщин в российские университеты. Оно также отрицательно относилось к обучению женщин в университетах заграничных, не гнушаясь угрозами, главной из которой была невозможность впоследствии найти работу на родине, а также значительно затрудняя возможность подтверждения заграничного диплома в России и в большинстве случаев (за исключением врачей) полностью игнорируя их. Препятствуя получению женщинами не столько образования самого по себе, сколько государственного диплома об этом образовании, правительство блокировало доступ женщин к должностям, требовавшим этого диплома. Таким образом, если женщина хотела не только заниматься научными исследованиями, но и зарабатывать себе на жизнь этим видом деятельности, перед ней вставал непреодолимый барьер. Возникает закономерный вопрос: почему? Почему государство находило нужным препятствовать профессиональной деятельности женщин в интеллектуальной сфере? Не могли же высшие правительственные чиновники всерьез опасаться конкуренции за рабочие места со стороны своих сестер и жен?

Если исходить из процитированного нами выше российского семейного законодательства, женщина вообще не должна была работать, независимо от того, к какому сословию она принадлежала, а средства для жизни обязан был предоставлять ей супруг или родители. Но

законодатели не могли не знать, что подобное положение дел может существовать лишь в теории. Дочери разорившихся отцов, вдовы, чьи мужья не имели прав на получение пенсии (а это все население страны, кроме государственных служащих и офицеров, да и те для получения пенсии должны были выслужить полный срок – 25 лет, что, к сожалению, удавалось далеко не всегда), – законодатель не подумал о том, на какие средства они будут существовать, если их родственники не пожелают взять их на содержание (или если родственников нет вообще). Впрочем, государство никогда не возражало против постоянных и, можно сказать, профессиональных занятий женщин тяжелым физическим трудом. Почему же желание части женщин (по своему социальному происхождению преимущественно принадлежавших к чиновничеству и дворянству, то есть высшим сословиям России) получить возможность зарабатывать на жизнь трудом интеллектуальным встретило такое упорное сопротивление со стороны государства?

Рассмотрим этот вопрос подробнее и для начала вернемся к ситуации с высшим женским образованием. Следует отметить, что в разные исторические периоды в Российской империи различные категории людей законодательно лишались доступа к высшему образованию по причинам социальным, экономическим и прочим. Например, когда в 1687 году создавалось учебное заведение, широко известное впоследствии под названием Славяно-греко-латинская академия, в нее принимали всех лиц мужского пола независимо от их социального или материального положения, включая детей солдат и крепостных. Через 68 лет, при организации в 1755 году Московского университета, было оговорено, что это учебное заведение предназначено для дворян и разночинцев... кроме крепостных людей. Хорошо известно, что некоторое время спустя правительство сочло нужным ввести ограничения для лиц, исповедовавших иудаизм. Плата за обучение и обязательное требование знания латинского языка автоматически отсекали малообеспеченных людей, безотносительно к тому, к какому сословию и вероисповеданию они принадлежали. Таким образом, женщины не являлись первой и единственной категорией жителей страны, лишенных возможности получения государственного диплома о высшем образовании (не говоря уже о самом образовании). Для того чтобы понять причины, которыми руководствовались власти, следует взглянуть на то, кого, по замыслам отцов-основателей, собирались выпускать из своих стен отечественные университеты.

Если посмотреть законодательные акты, то легко увидеть, что диплом российского университета представлял собой нечто гораздо большее, чем просто сертификат о полученной квалификации. В соответствии со статьей 50 главы 3 части 1 устава Гражданской службы Российской империи (в редакции 1896 года) университетский диплом, так же как ученая и академическая степень, давал право на вступление в гражданскую службу людям, по своему происхождению и состоянию этого права не имевшим: «На основании прав, дарованных в разное время университетам... совершившие в оных с успехом полный курс учения и получившие соответствующие познаниям их ученые степени, или же надлежащие о сем успешном окончании курса наук аттестаты, или же дипломы об удовлетворении требованиям испытания в особо назначаемых для того комиссиях, в случае поступления их в действительную гражданскую службу утверждаются в том классном чине, на который им дают право их ученая степень, звание, диплом, или аттестат»⁴⁴⁴. Особо оговаривалось, что не имеющие права вступления в гражданскую службу купцы и их дети, личные почетные граждане и их дети, сыновья неслуживших обер-офицерских детей, а также лица бывших податных сословий получают подобное право, если: «1) когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин, или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего Устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания; 2) когда кто приобретет

---

⁴⁴⁴ Свод уставов о службе гражданской // Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. СПб., 1896. С. 21.

узаконенным порядком ученую или академическую степень» (глава 1, статья 7)⁴⁴⁵. Во втором отделении настоящего устава (часть 1, статья 57) уточнялось, какому чину какое именно ученое звание соответствует: «Удостоенные ученых степеней, а равно выдержавшие окончательное университетское испытание, утверждаются, в случае вступления в гражданскую службу: доктор – в чине восьмого, магистр – в чине девятого, получивший диплом первой степени – в чине десятого класса и получивший диплом второй степени – в чине двенадцатого класса...»⁴⁴⁶

Таким образом, университет готовил не столько будущих ученых, сколько будущих чиновников среднего звена, в которых империя испытывала особенный дефицит в начале XIX века, когда создавалась данная система привилегий. А диплом университета не столько свидетельствовал о квалификации, скажем, физика или математика, сколько являлся пропуском в правящую бюрократическую касту (при наличии соответствующих связей, разумеется). Вступление в гражданскую службу не только обещало успешную бюрократическую карьеру в будущем. Присвоение чина выходцу из непривилегированного сословия сразу же давало ряд ощутимых материальных выгод, поскольку в соответствии с тем же уставом «лица бывших податных состояний, поступающие на службу, согласно статье 7, независимо от их происхождения исключаются из счета и оклада по правилам, постановленным в Уставе о Прямых Налогах. 1827. Окт. 14 (1469, III); 1885 Мая 28 (2988); 1893 Март. 29, собр. узак., 595, III)⁴⁴⁷, то есть они сразу же освобождались от налогов. Впоследствии статус государственного служащего обещал и другие льготы и бонусы: регулярное повышение по службе, сопровождавшееся увеличением окладов и присвоением орденов, оплату различных служебных расходов: прогонных до места службы, часто квартиры и лошадей и, наконец, что было особенно важным, пенсию по выслуге лет, часть которой могла выплачиваться вдове и сиротам даже после смерти служащего.

Одним словом, не только по своему служебному положению, но и по закону человек, состоявший на государственной службе, являлся лицом привилегированным. Неудивительно, что власти старались отсекал от университетского образования лиц, которых они по социальным, экономическим, религиозным или иным соображениям не хотели видеть в государственных управленческих структурах. Получи женщины университетские дипломы, они автоматически могли бы претендовать на вступление в гражданскую службу со всеми ее правами и привилегиями (включая мундир, чины и ордена). Те самые женщины, которых закон не считал полностью дееспособными членами общества (независимо от их социального происхождения). Как было совместить подобное?

Здесь можно привести два возражения. Во-первых, вряд ли среди женщин, мечтавших во второй половине XIX века о дипломе врача, юриста или естествоиспытателя, попадалось много стремившихся к карьере чиновника. И во-вторых, государству уже приходилось делать исключения и брать на государственную службу представительниц некоторых профессий. Почему же нельзя было этого сделать, скажем, для преподавательницы университета? Попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Судя по сохранившимся источникам, женщины в большинстве своем, конечно, стремились не к карьере чиновников. Однако, получив диплом университета, вполне естественно желать продолжить обучение, то есть в соответствии с тогдашней терминологией остаться при университете для усовершенствования в науках, а впоследствии защитить докторскую диссертацию и искать место приват-доцента и даже профессора. Однако в XIX веке все университеты России были учреждениями государственными, а их преподаватели являлись государственными служащими, получая все права и привилегии этих последних, то есть для того, чтобы

---

⁴⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁴⁶ Там же. С. 23.

⁴⁴⁷ Там же. С. 21.

стать профессором университета, недостаточно было диплома университета и докторской степени: следовало обладать юридическим правом поступления на государственную службу. (Разумеется, мужчинам диплом университета такое право давал.) Возможности профессиональной научной деятельности, то есть оплачиваемой научно-исследовательской работы где-либо помимо университетов, были очень невелики, поскольку число научных учреждений в стране вообще было крайне мало. Научные лаборатории существовали при Императорской академии наук, при университетах, при некоторых подразделениях Министерства внутренних дел, в военном ведомстве. И все они (за редкими исключениями) имели статус государственных. Преподаватели университетов, гимназий, большая часть врачей, не говоря уже об академиках, являлись государственными служащими. То есть позиции, требовавшие наличия высшего образования и дававшие возможность заниматься научным творчеством, предназначались только для людей, состоящих на государственной службе, на которую государство допускало лишь избранных и исключительно по собственному выбору. Женщины в эту категорию не входили. Хотя, как мы отмечали выше, в некоторых случаях исключения допускались.

Так, уже в первой половине – середине XIX века их было несколько. Права государственной службы, в том числе право на пенсию, но не на чины, мундиры и ордена, получили повивальные бабки, служившие при Министерстве внутренних дел. Их набирали из числа дворянских девочек-сирот, оставшихся без средств к существованию. Подобным образом государство демонстрировало свою заботу о них, предоставляя обучение, профессию, постоянный заработок и пенсионное обеспечение на старости лет. Другими исключениями стали артистки императорских театров и телеграфистки. Почему правительство пошло на это? Пристальное внимание к артисткам со стороны императорского двора и отдельных членов императорской семьи было давней традицией. Телеграфисток правительству пришлось принимать на службу, поскольку из-за низкого жалованья оно не могло найти достаточного для обеспечения работы телеграфа количества мужчин. С течением времени ему пришлось уравнивать некоторые права выполнявших одну и ту же работу телеграфистов и телеграфисток (прежде всего в отношении пенсий). Однако и телеграфистки, и артистки (хоть и по разным причинам) никак не могли претендовать на принадлежность к правящей и общественной элите. То же самое касалось и получивших некоторые права государственной службы женщин – надзирательниц в женских тюрьмах.

Вообще правительство подходило к этим вопросам очень практично. Оно действительно, помимо прочего, не хотело увеличивать и так значительную конкуренцию среди претендентов на крайне ограниченное количество рабочих мест различных чиновников и служащих, в число которых входили даже преподаватели гимназий. Например, сохранился очень характерный документ – журнал Московского Опекунского совета от 15 февраля уже 1871 года, рассматривавшего вопрос о «допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения»⁴⁴⁸. В этот день Опекунский совет заслушивал отношение господина «главноуправляющего IV отделением собственной его императорского величества канцелярии от 11 сего февраля за № 916». В отношении этом значилось следующее: «В декабре минувшего года по высочайшему повелению мною препровождена была к Председателю Комитета Министров записка по вопросу о допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения. При обсуждении этой записки в высочайшем государя императора присутствии в Совете гг. министров, его императорское величество признав необходимым положительно определить *круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола*⁴⁴⁹, 14 сего января высочайше повелеть соизволил...»⁴⁵⁰ Заметим в скобках, что о дея-

⁴⁴⁸ Журнал Московского Опекунского совета. 15 февраля 1871 г. // ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 3. Д. 136. Л. 1–4.

⁴⁴⁹ Курсив наш. — О. В.

⁴⁵⁰ Журнал Московского Опекунского совета. 15 февраля 1871 г. // ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 об.

тельности, полезной для самих «лиц женского пола», речь здесь не шла... В соответствии с представлениями императора о полезной служебной деятельности женщин следовало, во-первых, «всеми мерами содействовать распространению и преуспеянию правильно устроенных [отдельных] для женщин курсов акушерских наук, и к привлечению на оные как можно более слушательниц для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщин приискать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли»; во-вторых, «в виду пользы, приносимой госпитальною деятельностью сестер милосердия, разрешить женщинам занятия фельдшерские и по оспопрививанию, а также аптекарские в женских лечебных заведениях»; в-третьих, «поощрять женщин на поприще воспитательниц, где они уже <...>⁴⁵¹ занимают должности учительниц в начальных школах и низших классах женских гимназий, а буде признается возможным, то предоставить учебному ведомству расширить еще круг их деятельности на этом поприще»; в-четвертых, «допускать женщин а) по телеграфному ведомству к занятию мест сигналистов и телеграфистов лишь в определенной министром внутренних дел пропорции общего числа этих должностей, и б) по счетной части и в женских заведениях ведомства IV отделения Собственной его императорского величества канцелярии, по непосредственному усмотрению вашего высочества»⁴⁵².

Этими видами деятельности ограничивалась служебная «полезность» лиц женского пола в 1871 году. Исходя из этих же представлений следовало «воспретить прием женщин, даже и по найму, на канцелярские и другие должности во всех Правительственных [учреждениях], где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам»⁴⁵³. О каковом решении следовало оповестить всех заинтересованных лиц: «О сем объявить всем министрам и главноуправляющим отдельными частями к должному исполнению; производящиеся по сему предмету дела в высших государственных учреждениях и министерстве внутренних дел считать оконченными»⁴⁵⁴.

Интересно отметить, что никто из представительниц вышеперечисленных профессий, включая повивальных бабок, не мог претендовать на принадлежность к высшему классу, не мог быть принят в светской гостиной. Любопытно, например, как писала еще в 50-е годы XIX века о разнице в общественном положении врача-акушера и повивальной бабки дочь сенатора и жена профессора М. Н. Вернадская: «Кто из нас решится попасть в гости к повивальной бабке? Кто пригласит к себе в приемный день повивальную бабку? Ее призывают тогда, когда нужна ее помощь, ей платят деньги, но уже больше с ней не имеют никакого дела. За что же такое презрение к ней? <...> Занятие – само по себе в высшей степени почтенное и уважительное: плохого акушера везде принимают, как порядочного человека, а – повивальной бабке, даже очень хорошей, закрыты все гостиные»⁴⁵⁵. Подобное положение не сравнить с положением профессора университета, академика, даже преподавателя гимназии.

Чтобы составить себе более точное представление о статусе тех, кого государство официально признавало учеными в Российской империи, следует опять-таки обратиться к «Своду уставов о службе гражданской». В соответствии со статьей 5, пунктом 6 главы 1 первого раздела настоящего документа право вступать в гражданскую службу имели: «Сыновья ученых и художников, не имеющих классовых чинов, независимо от их происхождения и звания их отцов»⁴⁵⁶, наравне с сыновьями офицеров, дворян и чиновников. Здесь же во избежание недо-

⁴⁵¹ Слово неразборчиво. — О. В.

⁴⁵² Журнал Московского Опекунского совета. 15 февраля 1871 г. // ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 об., 2, 2 об., 3.

⁴⁵³ Там же. Л. 3.

⁴⁵⁴ Журнал Московского Опекунского совета. 15 февраля 1871 г. // ЦГА Москвы. Ф. 127. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 об., 2, 2 об., 3.

⁴⁵⁵ Вернадская М. Н. Женский труд // Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 109.

⁴⁵⁶ Свод уставов о службе гражданской // Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. СПб., 1896. С. 10.

разумений давалось определение, кого именно государство признавало «учеными»: «Высочайше утвержденным 16 апреля 1862 года мнением Государственного Совета было разъяснено: под названием ученых, сыновьям которых принадлежит право вступать в гражданскую службу, хотя бы отцы их и не имели классовых чинов, разумеются: 1) получившие от одного из русских университетов ученые степени Доктора, Магистра или Кандидата и звание Действительного Студента, по разным факультетам, а также имеющие степени: Доктора Медицины, Лекаря, Магистра фармации, Магистра ветеринарных наук, Провизора и Ветеринара; 2) окончившие курс в бывшем Педагогическом Институте с званием Старших или Младших учителей гимназий, или получившие такое звание по особому испытанию; 3) те лица, которые приобрели вообще известность своими произведениями и признаны достойными звания ученых, по засвидетельствованию, когда нужно, университетов, академий и других ученых обществ»⁴⁵⁷. Таким образом, в строгой государственной иерархии Российской империи ученые стояли наравне с чиновниками и офицерами. Для того чтобы точнее определить занимаемое ими положение в глазах общества, приведем небольшой отрывок из речи, произнесенной преосвященным Амвросием, епископом Дмитровским, на торжественном обеде в честь юбилея научной деятельности профессора Московского университета Г. Е. Щуровского 27 августа 1878 года: «...*Служители* науки лучше всех знают, и не без причины гордятся тем, что из ее области, из ее недр, исходят в наше время все разнообразные направления в воззрениях и убеждениях как частных, так и правительственных лиц, и даже в самых учреждениях, законах, преобразованиях и во всех родах деятельности, обнимающих во всей широте жизнь просвещенной части человечества. Велика в этом отношении честь науке и ее *служителям*, но велика и лежащая на них ответственность. Они ответственны за благоденствие масс, за счастье семейств, за благотворность учреждений, за честное исполнение законов, за спокойствие Царей и правителей»⁴⁵⁸.

Таким образом, получи женщины право учиться в университетах, сдавать государственные экзамены и получать государственные дипломы, они приобрели бы не только право на весьма привилегированное и почетное положение в обществе. В каком-то смысле они получили бы моральное право беспокоиться о жизни всего общества и моральную ответственность за судьбы страны. Как это могло быть совмещено с их обязанностью всю жизнь состоять в повиновении не закону, не государству, а другому человеку, отличавшемуся от них всего лишь немного другим анатомическим строением половых органов? Положение существа слабого, зависимого, несамостоятельного, каким после целого века пропаганды привыкли представлять себе женщину в том числе и представители власти, казалось несовместимым ни с подобными правами, ни тем более с подобной ответственностью. И даже пожелай правительство принять подобное решение, оно столкнулось бы с необходимостью изменения всего свода гражданских законов, регулировавших семейные, в том числе имущественные, отношения, поскольку понадобилось бы уравнивать юридическое положение женщин с положением мужчин до того, как допускать их на правах самостоятельных членов в высшие круги общества и государства. Подобная перемена стала бы сродни реформе 1861 года и вызвала бы такое же, если не большее сопротивление во всех слоях общества. Так что до тех пор, пока стремление женщин к обучению в университетах и получению дипломов можно было представлять блажью нескольких развращенных и не получивших должного воспитания дворянских дочек, дело вполне можно было оставить без движения, введя строгий запрет и сохраняя таким образом существующий статус-кво. Да и практической необходимости в этом, по мнению руководителей государства, не было.

---

⁴⁵⁷ Там же. С. 10–11.

⁴⁵⁸ Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878 г.) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 33. Вып. 1. М., 1880. С. 46.

Однако экономическая ситуация в стране менялась стремительно. И если в 60-х – начале 70-х годов многих девушек в университеты толкало желание «стать полезными», трудиться на благо народа, то в 80-е и тем более в 90-е годы искать работу их все чаще и чаще заставляла нужда. И, разумеется, девушки, происходившие из высших сословий, не могли и не хотели искать себе работу прислуги, судомоек, портних и прочих рабочих профессий. Вполне естественно, что, следуя примеру своих братьев, они хотели получить профессии учителей, врачей, юристов и ученых. А вместе с профессиями и оплачиваемую работу. Как вспоминала Н. В. Стасова, одна из основоположниц высшего женского образования в России, «общественный строй переменялся. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к тому толкала тоже и сама необходимость»⁴⁵⁹.

Наконец, общественный напор стал так силен, что ближе к середине 70-х годов XIX века правительство было вынуждено пойти на уступки и разрешить открытие так называемых Высших женских курсов, одновременно затрудняя всячески их создание и обставив это дело множеством препон и запретов, как, например, запретом помещать объявления в прессе о сборе денег для курсов; разрешением открывать их только в университетских городах; требованием от поступающих на курсы девушек, помимо гимназических аттестатов и справок о благонадежности, письменного разрешения родителей или мужей, справки о благосостоянии и пр. и пр. Разумеется, на протяжении достаточно длительного периода времени программа обучения на курсах также не соответствовала университетской. И, наконец, самое главное: курсы не выдавали окончившим их слушательницам государственного диплома и, соответственно, не давали никаких прав. Одним словом, давая разрешение на открытие курсов, правительство только сделало вид, что готово пойти на компромисс, при этом используя против добивавшихся перемен женщин их собственную аргументацию. Дело в том, что с самого начала движения за доступ женщин к высшему образованию инициативная группа выбрала линию аргументации, основываясь на официальной идеологии: с одной стороны, надеясь победить существующую систему с помощью ее же собственной логики, а с другой – подчеркивая, что они не требуют глобальных перемен и готовы играть по старым правилам. Обосновывая свои просьбы допустить девушек в университеты, они писали о том, что необходимо давать основательное образование будущим матерям, поскольку именно матери воспитывают граждан империи, а делать это в домашних условиях становится все труднее. Таким образом, они не упоминали о желании женщин (а часто и настоятельной необходимости) иметь достойную профессию и стабильный заработок, о том, что государство может нуждаться в их услугах, и тем более о том, что каждый человек, наделенный от рождения свободой воли, имеет право учиться чему пожелает и использовать свои познания так, как сочтет нужным. Однако, подчеркивая свою принадлежность традиционной системе ценностей, организаторы Высших женских курсов сами вырыли себе яму. Правительство сочло убедительным их довод о том, что будущие матери должны получать более серьезное образование, чем это возможно в средних учебных заведениях. Соответственно, открытие Высших женских курсов было разрешено (хоть и с оговорками). Но ведь будущим матерям не нужны дипломы. Поэтому выпускницы курсов этих дипломов получать не будут.

Однако общественная потребность была слишком велика, и несмотря ни на какие препоны дело начало развиваться. С течением времени Высшие женские курсы открылись не только в Петербурге (1878 год) и Москве (1872 год), но и в других городах империи. Посте-

---

⁴⁵⁹ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

пенно они обзавелись собственными помещениями, оборудованием, научными коллекциями и библиотеками. Молодые магистры и приват-доценты в ожидании защиты докторской диссертации и профессорской должности в университете были рады дополнительному заработку, а университетские профессора – возможности устроить себе дополнительную лабораторию. Благодаря тому и другому курсы не испытывали недостатка в преподавателях. Уровень слушательниц, поступавших на курсы, постепенно повышался. Одним словом, Высшие женские курсы все больше и больше стали походить на университеты. При этом они по-прежнему не выдавали никаких дипломов и их окончание не давало никаких прав не только гражданских, но и профессиональных. Что, естественно, не могло не вызывать недовольства всех заинтересованных лиц, тем более что европейские университеты выдавали российским женщинам не только дипломы, но и докторские степени уже начиная с конца 60-х годов XIX века.

Таким образом, к концу 70-х годов наметилось три пути, по которым могли следовать молодые русские девушки, желавшие получить высшее образование и впоследствии работу по специальности. Во-первых, они могли поступить учиться на Высшие женские курсы в России, которых было всего несколько на всю страну и уровень обучения на которых далеко не сразу достиг уровня университетов. В этом случае они получали образование, но никаких дипломов и профессиональных прав. Во-вторых, они (при наличии средств и желательности согласия родителей) могли отправиться на несколько лет за границу для получения образования в швейцарском или французском, позднее немецком университете. Получив диплом зарубежного университета и в некоторых случаях даже степень доктора, они либо должны были возвращаться домой, где их дипломы никем не были признаны, и пытаться, большей частью безуспешно, найти работу по специальности вне сферы государственного контроля и управления, либо могли остаться в Европе и попытаться найти работу там, что вело к достаточно широко распространенной, хотя пока что мало изученной женской научной эмиграции. К сожалению, поскольку этот вопрос никогда раньше не был предметом специального научного исследования, судить о точных масштабах этого явления в настоящий момент затруднительно. Исключения составляли женщины, имевшие медицинские дипломы: некоторые из них по возвращении в Россию, как правило после длительной волокиты, получали право сдать экзамены, подтвердив таким образом заграничный диплом, и, соответственно, право медицинской практики в России, но не право преподавания в медицинских учебных заведениях. И наконец, женщины, интересовавшиеся естественными науками и имевшие независимые средства для получения образования частным образом, а также для жизни, могли продолжать заниматься естественно-научными исследованиями частным путем. Как выяснилось во время проведения настоящего исследования, именно эти женщины, не считавшие нужным тратить свое время на получение официальных дипломов и имевшие возможность прожить без официальных оплачиваемых должностей, внесли наибольший вклад (из числа всех вообще женщин-ученых этого периода) в развитие естественных наук в России во второй половине XIX – начале XX века. Однако с точки зрения длительной исторической перспективы этот путь являлся тупиковым и вел в никуда. Именно их современницы, боровшиеся за официальное право получать дипломы университетов, за признание женских заграничных докторских степеней, за право работать в области науки и высшего образования, оказались теми, кто заложил основы будущего юридического равноправия женщин в сфере научного труда, теми, кто способствовал профессионализации научного женского труда. Однако парадокс заключался в том, что большая часть их сил уходила на эту борьбу, оставлявшую относительно мало сил и времени для собственно научно-исследовательской работы, да и возможности заниматься научными исследованиями при отсутствии собственных средств были крайне ограничены.

Часть 3

Российские женщины-ученые и российские научные общества во второй половине XIX века

Глава 1

Женщина – член-основатель естественно-научного общества. 1864 год

И если бы, в большинстве случаев, и не было суждено женщине разливать этот свет науки между другими, на каком основании лишаем мы ее права искать его для себя самой?

Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций. Сентябрь 1861 г.

Путь, уже вполне естественный и традиционный в середине 60-х годов XIX века для молодого человека, интересовавшегося науками и планировавшего профессиональную карьеру в этой области, – поступление в университет, получение высшего образования (и государственного сертификата это образование подтверждавшего); далее – оставление в университете для приготовления к профессорскому званию, подготовка и написание магистерской диссертации, поездка на несколько лет за границу, посещение зарубежных университетов, лабораторий, других научных учреждений; по возвращении домой – защита диссертации и, при удаче, получение места при университете, – этот путь не существовал для российских женщин. Многие из них, увлекшись изучением научных дисциплин в юности, в школьные годы, могли надеяться участвовать в научно-исследовательской работе только в качестве помощниц своих мужей и (или) отцов. Именно так начинался путь в науку для многих российских женщин не только в 60-е и 70-е годы XIX века, но и в более поздний период. Например, графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924), супруга графа А. С. Уварова (1825–1884/5), впоследствии известный отечественный археолог, автор научных трудов по археологии, президент Московского археологического общества, организатор археологических съездов и редактор их трудов, так описывала первые годы своей супружеской жизни: «Через месяц после свадьбы⁴⁶⁰ <...> мы уехали в Италию, где прожили два года между Римом и Неаполем по преимуществу, но где посетили и Флоренцию и объездили в экипаже всю Камбрию. Здесь, под руководством мужа, я кажется еще больше полюбила красоты природы и невольно привязалась и занялась всем тем, что занимало и что любил муж. Он занимался в Ватиканской библиотеке, я списывала ему тексты и делала кальки с рисунков и миниатюр; мы посещали монастырские или городские библиотеки, – я перебирала издания и отмечала страницы, которые подходили под его занятия; он производил раскопки – я делала обмеры, записывала местонахождение вещей и очищала их; он осматривал и описывал храмы – я зарисовывала детали и записывала обмеры и пр. и пр.»⁴⁶¹ На десять лет моложе П. С. Уваровой Екатерина Николаевна Вельяшева (1855–?) в 1873 году вышла замуж за Ивана Ивановича Янжула (1846–1914), в то

---

⁴⁶⁰ Свадьба состоялась 14 января 1859 г. — О. В.

⁴⁶¹ Уварова П. С. Письмо В. В. Стасову. 16 ноября 1901 г. // Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575. Л. 3–4.

время командированного на два года за границу магистранта Московского университета, впоследствии профессора университета, академика Императорской академии наук (с 1893 года – член-корреспондент, с 1895 года – ординарный академик по Историко-филологическому отделению: политическая наука и финансы). Она писала в своей автобиографии, предназначенной для публикации: «18 лет от роду, в 1873 г. я вышла замуж за И. И. Янжула <...>. Этот брак и создал те условия, благодаря которым я сделалась писательницей, хотя и в скромной области педагогических вопросов. Мне бы никогда не пришла в голову возможность выступить в печати, но постоянные занятия с мужем и в особенности помощь, которую я могла оказать ему своими выписками <...> в библиотеке Британского музея в Лондоне, когда мы торопились собрать материал для его диссертации, незаметно подготовляли меня к будущей самостоятельной работе. Однако и это обстоятельство никогда не привело бы меня к писательству, если бы мне не оказывал поощрения, можно сказать не понуждал к тому мой муж, вообще всячески выдвигавший мои заслуги, нередко даже прямо преувеличивавший их...»⁴⁶² И. И. Янжул никоим образом не скрывал того факта, что молодая супруга помогала ему в сборе материалов для диссертации и что эта помощь была весьма существенной. Приехав в Лондон в 1874 году для занятий в библиотеке Британского музея, молодой ученый был восхищен открывшимися перед ним возможностями: «Оказалось, – писал он в воспоминаниях, – Британский музей представляет так много благоприятных условий для занятий, как никакая другая библиотека на свете»⁴⁶³. Однако его настроение омрачалось тем, что несовершеннолетняя супруга не имела возможности работать в Британском музее вместе с ним: «К сожалению, месяца два я вынужден был работать один, жена мне помогать, при всем ее добром желании, не могла, лишенная возможности посещать музей...»⁴⁶⁴ Но это затруднение было преодолено с помощью сотрудников музея, вошедших в их положение, и, пишет И. И. Янжул, «мы опять соединились с женой на целый день и начали вместе успешно работать, причем работа пошла вдвое скорей и более весело. По моему указанию жена прочитывала и делала конспекты разных книг, выписки или переводы, смотря по специальности книги, часть же времени посвящала всецело на свое собственное чтение и образование; как уверяла потом, в несколько месяцев в Британском музее она прочла больше, чем всю свою жизнь вне его»⁴⁶⁵.

Тем не менее если женщина хотела выйти из тени своего супруга, если через некоторое время ее переставало удовлетворять исполнение роли ассистента и у нее появлялось желание приступить к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, у нее возникала необходимость в научной среде (помимо мужа), в которой она могла бы обсуждать научные вопросы, получать консультации, делиться результатами своих работ. На протяжении второй половины XIX века эту роль для российских женщин исполняли естественно-научные общества.

Российские историки науки середины – второй половины XX века признают значительную роль российских научных обществ в поддержке деятельности женщин-ученых. Например, Ю. С. Мусабеков отмечает, описывая научную биографию А. Ф. Волковой: «С 1870 года Волкова начинает работать в технико-химической лаборатории П. А. Кочубея, под руководством Д. И. Менделеева. За исследования в области сульфокислот и амидов кислот ароматического ряда в том же году она принята в члены Русского химического общества. Это был первый случай принятия женщины в эту организацию»⁴⁶⁶. Л. С. Берг в известной монографии, посвящен-

⁴⁶² Янжул Екатерина Николаевна. Автобиография. Б.д. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 254. Л. 10.

⁴⁶³ Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Гос. публ. историческая б-ка России, 2006. С. 130.

⁴⁶⁴ Там же. С. 131.

⁴⁶⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶⁶ Мусабеков Ю. С. Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12.

ной истории Русского географического общества, отвел целый раздел «приему в члены географического общества женщин»⁴⁶⁷. Описав историю борьбы, происходившей в Лондонском географическом обществе по этому вопросу, он писал: «Ничего подобного в нашем обществе не бывало. Устав Русского географического общества, как, впрочем, и Лондонского, никаких ограничений в отношении женщин не содержал. И вот, 20 мая 1877 г. в число членов-сотрудников были приняты две женщины – О. А. Федченко, известная путешественница по Туркестану, вдова А. П. Федченко, и А. Я. Екименко, этнограф...»⁴⁶⁸ В. А. Варсанюфьева в не менее известной монографии по истории Московского общества испытателей природы с одобрением писала о времени, когда президентом общества был Ф. А. Бредихин, – 1886–1890 годах: «Надо отметить, что в годы его президентства в стенах общества впервые появляются женщины-ученые. В 1888 г. в члены общества выбираются эмбриолог и гистолог С. М. Переяславцева, палеонтолог-маммолог М. В. Павлова – будущий профессор Московского университета, почетный член АН СССР и действительный член Украинской АН, геолог и палеонтолог М. К. Цветаева⁴⁶⁹. Следуя уставу общества, каждая из них сделала предварительный доклад и поместила в мемуарах статью...»⁴⁷⁰ И продолжает далее, считая необходимым особо подчеркнуть следующее обстоятельство: «Следует отметить, что женщины-ученые были приняты в члены общества в конце 80-х годов, в эпоху особенного гонения на высшее женское образование, когда после работы комиссии князя Голицына по “улучшению” женского образования в России, все женские высшие учебные заведения были закрыты. И дальше общество неизменно поддерживало женщин, стремившихся к научной работе, помогало им материально и морально в проведении полевых исследований, печатало их работы, принимало в состав своих членов»⁴⁷¹. Описывая далее период, когда МОИП возглавлял Н. А. Умов (в 1897–1914 годах), В. А. Варсанюфьева снова замечает: «Одной из заслуг Н. А. Умова как президента является привлечение в члены общества специалистов-женщин. Он был всегда горячим поборником высшего женского образования и участия женщин в научной работе – взгляды, которые в то время далеко не все разделяли»⁴⁷².

Итак, можно утверждать, что в российской историографии середины – второй половины XX века сложилось четкое представление о том, что отечественные научные общества, как общественные объединения, поддерживали научно-исследовательскую работу женщин, принимая их в свои члены и позволяя им, таким образом, официально стать частью научного сообщества и активно участвовать в его жизни. Однако никаких специальных исследований, посвященных данному вопросу, не существует.

В 1855 году великая княгиня Мария Николаевна (1819–1876), дочь императора Николая I и его законной супруги императрицы Александры Федоровны (принцессы Прусской), сделала научный подарок Московскому обществу испытателей природы. В протоколе заседания МОИП от 20 октября 1855 года читаем: «Ее императорскому высочеству государыне великой княгине Марии Николаевне благородно было приказать препроводить в общество превосходно сохранившуюся нижнюю челюсть ископаемого носорога, найденную около города Тюмени мещанином Шмотиным»⁴⁷³. Каким образом указанная ископаемая кость попала в руки вели-

⁴⁶⁷ Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845–1945. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 202–204.

⁴⁶⁸ Там же. С. 203.

⁴⁶⁹ Стоит заметить, что в данном случае В. А. Варсанюфьева немного ошибается. Первой женщиной, избранной, правда, членом-корреспондентом МОИП, стала в 1874 г., то есть почти на 15 лет раньше, О. А. Федченко.

⁴⁷⁰ Варсанюфьева В. А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 59.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Там же. С. 66.

⁴⁷³ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1855 года октября 20 дня. 20 октября 1855 г. // Архив МОИП. Д. 309. Л. 17 об., 18.

кой княгини, никогда не упоминалось. Но общество чувствовало себя польщенным, особенно потому, что данное событие совпало с его 50-летним юбилеем, и сочло необходимым отблагодарить Марию Николаевну единственным доступным ему образом – избрав ее своим почетным членом: «Общество, глубоко ценя этот знак милостивого внимания ее императорского высочества, по предложению своего президента⁴⁷⁴ единогласно положило, к предстоящему торжеству в память пятидесятилетнего своего существования, украсить список своих почетных членов сопричислением к ним имени ее высочества равно как и его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича, выразившего полное свое сочувствие успехам отечественного просвещения принятием звания председательствующего в одном из ученых наших обществ», – для чего было определено обратиться к министру народного просвещения «...о его ходатайстве пред их императорскими высочествами о всемилостивейшем их соизволении на принятие дипломов на звание почетных членов общества»⁴⁷⁵. Не сохранилось информации о том, было ли даровано разрешение «украсить список почетных членов» МОИП причислением к ним имени Марии Николаевны, но до сегодняшнего дня ее имя может быть найдено в картотеке членов МОИП⁴⁷⁶. Основанное в 1805 году Императорское Московское общество испытателей природы было одним из старейших и наиболее престижных научных обществ в стране. Только ученые, зарекомендовавшие себя научными трудами, допускались в состав его членов. Мария Николаевна, разумеется, таким ученым не была, и, конечно, она была женщиной, но этот факт, похоже, никого не беспокоил. Она принадлежала к императорской семье, а патронаж любого столь высокопоставленного лица не только приветствовался в МОИП, но и считался делом особой важности. Тем не менее прошло почти двадцать лет, прежде чем в состав членов МОИП была избрана обычная женщина. Однако некоторые другие естественно-научные общества, в частности Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, в 1855 году еще не существовавшее, придерживались менее консервативной политики в отношении женщин, чем МОИП.

14 мая 1864 года состоялось первое заседание вновь созданного при Московском университете Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ). (Устав общества был утвержден 14 октября 1863 года.) На заседании присутствовало 7 человек⁴⁷⁷. Точных данных об этом не сохранилось, но с большой долей вероятности можно утверждать, что среди них была одна из членов-основателей ОЛЕАЭ и недавняя выпускница Николаевского сиротского института Ольга Александровна Армфельд, известная впоследствии в истории отечественной науки как Ольга Александровна Федченко (1845–1921). Информация, доступная в настоящее время, свидетельствует о том, что О. А. Армфельд стала первой в истории Российской империи женщиной – членом-основателем естественно-научного общества⁴⁷⁸. Избрание это не было случайностью. По нашему мнению, его можно рассматривать как один из результатов разрешения сложной ситуации, сложившейся в научном сообществе Москвы в 50-х – начале 60-х годов XIX века.

Напряжение и разногласия возникли среди членов одного из старейших и наиболее авторитетных как в Российской империи, так и за ее пределами российских научных обществ – Московского общества испытателей природы (МОИП). Внешне оно вылилось в дискуссию

⁴⁷⁴ Президентом МОИП в этот период был тогдашний попечитель Московского учебного округа генерал-лейтенант В. И. Назимов (1802–1874). — О. В.

⁴⁷⁵ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1855 года октября 20 дня. 20 октября 1855 г. // Архив МОИП. Д. 309. Л. 18.

⁴⁷⁶ См.: Мария Николаевна // Члены МОИП до 1953 г. Картотека. Библиотека Московского общества испытателей природы. Об этом см.: *Valkova O.* The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. № 23. P. 140.

⁴⁷⁷ Об увеличении пособия Императорскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 8. Д. 62. Л. 17.

⁴⁷⁸ См.: Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. М., 1868. С. [3].

о языке научных периодических трудов, издававшихся обществом. С самого своего основания (1805 год) МОИП выпускало ряд научных периодических изданий: журнал под заглавием «Journal de la Société des Naturalistes de l'Université impériale de Moscou», периодические сборники «Memoires de la Société des Naturalistes de l'Université impériale de Moscou»⁴⁷⁹. Оба издания – на французском языке. В 1829 году МОИП основало впоследствии знаменитый на весь мир журнал «Bulletin de la Société des naturalists de Moscou», абсолютное большинство статей в котором публиковалось на европейских языках, преимущественно на французском. Казалось, подобное положение было привычным и вполне устраивало членов общества. Однако на заседании МОИП 15 марта 1851 года тогдашний президент общества В. И. Назимов, занимавший в этот период также должность попечителя Московского учебного округа, предложил: «... не найдет ли общество полезным издавать по-русски какой-либо труд по естественной истории, общедоступный для читателя незнакомого специально с этим предметом»⁴⁸⁰. Предложение В. И. Назимова вызвало неоднозначную реакцию среди членов МОИП и, как выяснилось в дальнейшем, даже понято было по-разному. К сожалению, протоколы МОИП всегда отличались сухостью изложения, поэтому из них трудно узнать какие-либо подробности, кроме того, что имело место «продолжительное суждение об этом предложении»⁴⁸¹. Где-то в процессе данного обсуждения, по-видимому, была высказана идея издавать по-русски не какой-то новый журнал, а знаменитый «Bulletin». Во всяком случае, в тексте процитированного выше высказывания президента МОИП есть явно внесенное позднее исправление, в результате которого фраза стала звучать следующим образом: «... не найдет ли общество полезным издавать по-русски Bulletin или какое-либо периодическое издание по естественной истории, общедоступный⁴⁸² для читателя незнакомого специально с этим предметом»⁴⁸³. Таким образом собрание перешло от обсуждения достаточно частного вопроса об издании нового научно-популярного журнала к дискуссии о предмете, принципиально важном для каждого члена общества, поскольку публикация в «Бюллетене» означала известность в международном научном сообществе, признание приоритета научного открытия и все вытекающие из этого преимущества.

К сожалению, о позиции членов МОИП, поддержавших предложение В. И. Назимова, среди которых, скорее всего, был и Г. Е. Щуровский⁴⁸⁴, можно судить в основном из «Мнения» К. Ф. Рулье⁴⁸⁵, выступавшего как раз против идеи издания русскоязычного журнала и посчитавшего необходимым изложить свою позицию письменно. В указанном «Мнении» К. Ф. Рулье пересказал слова своих оппонентов: «... не лучше ли, не приличнее ли для пользы собственно России печатать ныне издаваемые труды общества: Bulletin или Memoires, или может быть то и другое на русском языке, потому что язык не русский многим недоступен и что довольно общество работало для иностранцев, пора поработать и для России, и что этот иностранный язык есть главная помеха, почему лучшие издания по естественной истории в России, Труды Императорской Санкт-Петербургской академии наук, неизвестны для русских»⁴⁸⁶.

⁴⁷⁹ В 1820 году «Memoires» были переименованы в «Nouveaux memoires». — О. В.

⁴⁸⁰ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года марта 18 дня. 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

⁴⁸¹ Там же. Л. 13 об.

⁴⁸² Так в тексте. — О. В.

⁴⁸³ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года марта 18 дня. 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

⁴⁸⁴ Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) – российский геолог, палеонтолог, анатом; первый профессор геологии и минералогии Московского университета.

⁴⁸⁵ Рулье Карл Францевич (1814–1858) – российский биолог; профессор Московского университета.

⁴⁸⁶ Рулье К. Ф. Мнение г. действительного члена Императорского Московского общества испытателей природы профессора Рулье по случаю предложения его превосходительства, не полезно ли было бы издать при обществе повременного труда по части естественной истории на русском языке в изложении, общедоступном для всех сколько-нибудь образованных читателей. Не ранее 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. 1851. Д. 275. Л. 41 об. Следует отметить, что как раз примерно в это же

Единогласной поддержки это мнение не получило. Собрание столкнулось с большим числом противоречивых откликов. Вопрос о том, на каком языке издавать научные труды, оказался вдруг гораздо глубже простого спора об удобстве и доступности (хотя и это имело место). Он затронул систему ценностных ориентаций научного сообщества: самоопределение ученого как члена научной корпорации и понимание места этой корпорации как единого целого в структуре социума, определение учеными целей и задач научно-исследовательской деятельности, определение методов и подходов к организации научных исследований, моральные и национальные аспекты научной деятельности. Среди членов МОИП возник раскол между сторонниками «элитарного» и «демократического» пути развития науки, хотя ни одно из этих слов не было произнесено вслух.

Стало понятно, что вопрос невозможно разрешить в рамках одного заседания. Специально избранному комитету, состоявшему, можно предположить, из главных оппонентов, а именно Г. Е. Щуровского, Н. А. Варнека и К. Ф. Рулье, было предложено упорядочить высказывавшиеся точки зрения и представить их на рассмотрение МОИП в одном из последующих заседаний. Процесс этот занял немало времени, но на чрезвычайном заседании общества 18 мая 1851 года⁴⁸⁷ члены общества наконец «... слушали по порядку мнения назначенного комитета из [господ] Щуровского, Варнека и Рулье». Общее мнение Г. Е. Щуровского и Н. А. Варнека было зачитано первым. Они оба считали, что «Бюллетень» МОИП необходимо оставить без изменений, поскольку он является «средством сообщения с заграничными учеными»⁴⁸⁸. В то же время следует приступить к изданию русскоязычного журнала под названием «Вестник Императорского Московского общества испытателей природы». Необходимость подобного издания, по мнению Г. Е. Щуровского и Н. А. Варнека, вытекала из «... самого устава [общества], которым постановляется обществу в непрременную обязанность распространять естественноисторические сведения внутри самой России. Русский язык есть без сомнения главный орган такого распространения сведений»⁴⁸⁹. К. Ф. Рулье, в свою очередь, выступил в защиту практики издания научных трудов МОИП на иностранных языках, очень четко обозначив причины подобной необходимости. Во-первых, по мнению К. Ф. Рулье, «очевидно, кто работает для науки вообще, тот работает и для науки каждой страны, и потому нам кажется непонятным выражение: мы довольно поработали для заграницы, пора поработать и для нас... Язык нерусский не только не помеха для этой цели, всеми нами искомой, а напротив существенное средство, чтобы Россия, всеми нами высоко чтимая, была и по своим естественным произведениям, и по мере их разработки высоко и достойно чтимой заграницей...». Во-вторых: «От несоблюдения этого отношения в науке рождаются чрезвычайные неудобства: нужно бывает открывать вновь сведения уже дано приобретенные в какой-либо стране, но высказанные на ее родном местном языке». В-третьих: «...мы не можем себе представить русского читателя, который не понял бы статьи в Bulletin только потому, что она написана не на русском языке. Чтобы понять нашу статью, нужно предварительно научное образование, а этого научного образования нельзя получить, не зная по крайней мере французского и немецкого языков». В-четвертых: «Наконец, и это нам кажется чрезвычайно важным, наше общество изданием своих журналов на иностранном языке вполне выполняло цель, предписанную ему 3 § Устава: *распространять сведения по естественной истории России*⁴⁹⁰, а отнюдь не в России»⁴⁹¹.

время вопрос о языке научных изданий обсуждался и в Санкт-Петербургской академии наук.

⁴⁸⁷ Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года мая 18 дня. 18 мая 1851 г. // Архив МОИП. 1851. Д. 271. Л. 26–32 об.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 22 об.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 23.

⁴⁹⁰ * – * Подчеркнуто автором. — О. В.

⁴⁹¹ Рулье К. Ф. Мнение... // Архив МОИП. Д. 275. Л. 42, 42 об., 43, 43 об., 46 об.

Весной 1851 года эта дискуссия не закончилась ничем, кроме возникновения напряженных отношений между Г. Е. Щуровским, с одной стороны, и К. Ф. Рулье и его сторонниками, с другой. Возможно, именно тогда у Г. Е. Щуровского впервые возникла мысль о необходимости создания нового естественно-научного общества при Московском университете, основанного на новых принципах. Однако он не мог не знать, что осуществить подобное намерение на практике будет очень нелегко.

Создание в 1863 году нового общества при Московском университете вызвало крайне негативную реакцию в среде московской профессуры. В Архиве РАН в Москве в фонде А. П. Богданова (ф. 446) сохранилась неподписанная копия письма на бланке попечителя Московского учебного округа (канцелярия, стол 1. 24 января 1864 г. № 260), судя по дате написанного уже после утверждения первого устава ОЛЕАЭ и адресованного министру народного просвещения⁴⁹². Неизвестный нам автор письма очень лаконично суммировал цели, которые ставили перед собой организаторы нового общества, и так же лаконично объяснял, почему в его создании нет необходимости: «Главная разница в двух обществах (МОИП и планировавшегося ОЛЕАЭ. — *О. В.*) состоит в том, что по уставу Общества испытателей природы (п. 19, ст. 6) для поступления в члены общества нужно представить обществу какое-либо свое рассуждение либо собственное сочинение известное в ученном свете. Основатели предполагаемого общества, желая облегчить вступление в число членов, допускают по п. 5 “всех, изъявивших желание содействовать целям общества и участвовать в его трудах”. Основатели имели при этом целью открыть поле деятельности для молодых людей, вступление которых в Общество испытателей природы затруднено...»⁴⁹³

Действительно, в первом параграфе устава ОЛЕАЭ значилось, что оно создается «...для естественноисторических, антропологических и этнографических исследований в России и преимущественно в губерниях Московского учебного округа и для распространения научных сведений по этим трем отраслям знания в публике»⁴⁹⁴. Выступая на упомянутом выше первом заседании ОЛЕАЭ 14 мая 1864 года, вновь избранный президент общества Г. Е. Щуровский очень точно сформулировал суть проблемы, с которой собиралось бороться ОЛЕАЭ: «... не в ученых материалах чувствуется недостаток; он чувствуется в людях, которые могли бы пользоваться этим материалом и которые могли бы далее вести его. Это выражают косвенно и существующие уже ученые общества тем, что издают свои исследования на иностранных языках. В тех странах, где наука уже пустила глубокие корни, там такое явление было бы немислимо»⁴⁹⁵. В свою очередь, в 1913 году, через 49 лет после упомянутых выше событий, выступая на юбилейном заседании ОЛЕАЭ (по случаю его 50-летия), тогдашний президент общества Д. Н. Анучин следующим образом прокомментировал слова Г. Е. Щуровского: «... чтобы надлежащим образом понять сказанное тогда Г. Е. Щуровским, надо вспомнить, в чем проявлялась в то время деятельность русских естественно-научных учреждений и обществ, как, например, физико-математического отделения Императорской академии наук, Минералогического общества в Петербурге, Общества испытателей природы в Москве и некоторых других... все они имели в своем составе почтенных ученых, известных специалистов того времени, но все это были замкнутые учреждения, посвященные научным исследованиям, а не распространению знаний в обществе». Возможно, именно поэтому, продолжал он, «в русском обществе

⁴⁹² [Письмо министру народного просвещения по поводу организации Общества любителей естествознания при Московском университете]. 24 января 1864 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об. Копия.

⁴⁹³ Там же. Л. 11, 11 об.

⁴⁹⁴ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском московском университете. М., 1868. С. [3].

⁴⁹⁵ Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете. Год первый. Первое заседание 14 мая 1864 года // Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. М., 1866. С. 3.

было тогда так мало лиц, способных интересоваться естествознанием, что все естественно-исторические общества находили невозможным и бесполезным издавать свои труды на русском языке. И академия, и общества издавали свои “Memoires” и “Bulletins” на французском и немецком языках, и издания эти более читались и ценились за границей, чем в России»⁴⁹⁶.

Консерватизм части московской профессуры этого периода распространялся не только на сохранение традиционных форм существования естественно-научных обществ, по сути учреждений замкнутых, элитарных, можно сказать «клубных», не особо приветствовавших расширение своих рядов. В начале 1860-х годов на обсуждение российской профессуры был вынесен еще один вопрос, так же по своему существу касавшийся возможного расширения круга людей, допущенных к высшему естественно-научному образованию и, по экстраполяции, к научно-исследовательской работе. В 1861 году в Российской империи обсуждался проект нового устава университетов. В 1862 году мнения университетских профессоров по этому вопросу были изданы отдельной книгой под названием «Замечания на проект Общего устава Императорских Российских университетов»⁴⁹⁷. В самом конце второй части этой работы помещался раздел: «Мнения советов университетов по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию университетских лекций»⁴⁹⁸. В преамбуле к разделу объяснялось, что Департамент народного просвещения предложил советам университетов ответить на следующие вопросы: «...могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами? 2) какие условия должны быть постановлены при таком допущении? и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени, и каким правом, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться?»⁴⁹⁹ Советы Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета Св. Владимира дали положительные ответы (иногда, правда, с некоторыми оговорками). Совет Дерптского университета по неизвестной нам причине не высказал своего мнения: вместо него выступил попечитель Дерптского учебного округа, действительный тайный советник фон Брандтке, чье мнение было резко отрицательным. Но так или иначе все вышеупомянутые достаточно пространно аргументировали свои позиции. Единственным исключением оказался совет Московского университета. Этот последний ответил на предложенные вопросы не только отрицательно (единственный из университетских советов), но крайне лаконично, как бы подразумевая, что иного ответа и быть не может, а потому нужды в объяснениях нет никакой: «Совет Московского университета обсуждал вопрос о совместном со студентами слушании профессорских лекций лицами женского пола, и большинством голосов, 23 против 2, постановил: не допускать этого совместного слушания ни под каким предлогом потому, что оно может иметь вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей, обучающихся в университете»⁵⁰⁰.

Комментарий этих событий можно найти в воспоминаниях Б. Н. Чичерина, бывшего в то время профессором права Московского университета. Чичерин сообщает, что рассказал об имевшем место голосовании в своем письме к К. Д. Кавелину, по старой памяти интересовавшемуся университетскими делами: «Между прочим, он (Кавелин. — О. В.), — пишет Чичерин, — словесно через Сатина просил меня уведомить его, кто из профессоров Московского университета подал голос за допущение женщин в университет... Я в шутовском тоне отвечал, что нашлось только двое: Зернов и Армфельд⁵⁰¹. У последнего, профессора судебной медицины, были взрослые дочери, которые сделались нигилистками и впоследствии были аресто-

⁴⁹⁶ [Анучин Д. Н.] Полвека жизни Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1913. С. 3.

⁴⁹⁷ Замечания на проект общего устава Императорских Российских университетов. СПб., 1861. Ч. 1–2.

⁴⁹⁸ Замечания на проект общего устава... Ч. 2. С. 520–533.

⁴⁹⁹ Там же. С. 520.

⁵⁰⁰ Там же. С. 520–521.

⁵⁰¹ Фамилия Армфельдт имела два написания и чаще писалась как «Армфельд».

ваны и сосланы в Сибирь⁵⁰². У первого, профессора математики, было также множество дочерей; рассказывали, что они были одна другой безобразнее и что он не знал, куда их пристроить, чем и объясняли совершенно не свойственный ему либерализм. Все же остальные профессора, и старые, и молодые, понимали всю нелепость подобного предложения. Допускать молодых женщин в университет, когда не знаешь, как справиться с молодыми мужчинами, это было верхом безумия. Но Кавелин за это безумие стоял горой»⁵⁰³. Таким образом, Чичерин дает некоторое объяснение мотивов, руководивших профессорами. В тех же воспоминаниях немного далее он приводит отрывок из письма к нему Кавелина, крайне разочарованного полученными известиями: «...извещение о профессорах, которые имели довольно здравого смысла, чтобы не запереть двери университета женщинам, конечно, меня очень изумило: я надеялся прочесть другие имена, но, к сожалению, ошибся»⁵⁰⁴.

В фонде Московского университета Центрального государственного архива Москвы сохранилось письмо управляющего Московским учебным округом в совет Московского университета от 19 сентября 1861 года, в котором содержались те самые вопросы, а также объяснялась вызвавшая их причина: «На основании последовавшего, по всеподданнейшему докладу бывшего [господина] министра народного просвещения, высочайшего повеления, внесен был на рассмотрение главного правления училищ вопрос о дозволении одной девице, согласно желанию ее, слушать в Университете медицинские лекции для получения впоследствии лекарского звания. Главное правление училищ, по обсуждении этого вопроса, принимая во внимание особенность и новизну вопроса как о праве вообще посещения университетских лекций лицами женского пола, так и об условиях, при которых может быть допущено такое посещение по всем факультетам и в особенности по медицинскому, определило, в видах удовлетворительного решения этого вопроса, предложить его предварительно на обсуждение университетских советов, с тем, чтобы они представили свои заключения о том: 1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций, совместно с студентами, и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении, и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться»⁵⁰⁵. Совет Московского университета попросили обсудить проблему и высказать свое мнение «в самом непродолжительном времени»⁵⁰⁶. Совет Московского университета заслушал это письмо в своем заседании 23 сентября 1861 года. Журнал заседания также сохранился. Интересующий нас вопрос обсуждался под номером 13, в самом его конце. Никакой дискуссии журнал не зафиксировал. В нем содержится только постановление совета, слово в слово совпадающее с опубликованным⁵⁰⁷. Таким образом, либо прения не были запротоколированы, либо профессора действительно не видели необходимости в обсуждении.

Насколько нам известно на настоящий момент, только два профессора, проголосовавшие за допущение женщин в университеты и оставшиеся в меньшинстве, оказались настолько

---

⁵⁰² Б. Н. Чичерин ошибся: только младшая из дочерей А. О. Армфельда, Н. А. Армфельд (1850–1887), примкнула к движению народников, несколько раз арестовывалась, подвергалась административной ссылке и в конце концов была осуждена на 14 лет и десять месяцев каторжных работ. Она умерла в тюрьме для политических заключенных на Каре. Старшая же дочь, хорошо известная в научном мире как О. А. Федченко (1845–1921), супруга выдающегося путешественника и первооткрывателя А. П. Федченко, стала одним из крупнейших российских ботаников конца XIX – начала XX в. и в 1906 г. (в числе нескольких первых женщин) была удостоена избрания в члены-корреспонденты Императорской академии наук.

⁵⁰³ Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1989. С. 60.

⁵⁰⁴ Цит. по: Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 61.

⁵⁰⁵ Письмо управляющего Московского учебного округа совету Императорского Московского университета. 19 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 1, 1 об.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁰⁷ См.: Журнал [заседания совета Императорского Московского университета]. 23 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 13, 13 об., 14.

недовольны результатами голосования, что решили выразить свои чувства письменно. Профессор математики Н. Е. Зернов⁵⁰⁸ обосновал свое мнение в специальной анкете, предлагавшейся профессорам университета по случаю изменения университетского устава, на вопросы которой он отвечал 10 декабря 1861 года⁵⁰⁹. Надо отметить, что вопрос анкеты был сформулирован не совсем так, как вопросы, вынесенные на обсуждение университетского совета. А именно: «Должен ли университет быть вполне открытым заведением, где бы читались публичные курсы для всех желающих, без различия пола, возраста и степени подготовки (как *College de France*), или же должен сохранить свой прежний характер, подобно Университетам других Государств Западной Европы?»⁵¹⁰ Нетрудно заметить, что это вопрос не о возможности допущения в университет новой категории студентов, а об изменении всего характера учебного заведения. Желание отвечавшего на него сохранить университет в устоявшихся и привычных организационных формах автоматически означало, что он был против добавления женщин к числу студентов, что могло и не соответствовать действительности. Видимо, Н. Е. Зернова не устроило подобное положение дел и он счел необходимым разъяснить свою позицию. В частности, он вполне резонно заметил: «До сих пор университеты наши были уже доступны сторонним слушателям без различия возраста и степени подготовки. Недавно только возбужден был вопрос о различии пола и в московском университетском совете решен отрицательно для пола женского. Но едва ли это решение безусловно основательно. В сущности женщина оказывается не менее способною к большей части ученых упражнений, как и мужчина, а потому не менее имеет и права на них»⁵¹¹. И далее очень практично замечал: «Если в С.-Петербургском университете допущение дам на лекции оказалось неудобным, то отсюда не следует, будто бы то же должно повториться и везде. Это без сомнения явление частное, обнаружившее только местный характер общества. В Швейцарии дамы посещают профессорские лекции без всяких неудобств. Где этот факт состоится, там почему его не дозволить»⁵¹². И добавляет далее: «Дело о высших ученых упражнениях женщины, оставаясь *in statu quo*, дает повод думать, будто женщина не имеет на них и права. Между тем какие бы полезные последствия могли выйти от полного образования женщин в некоторых случаях; какое бы значение имела напр[имер] врач-женщина»⁵¹³.

Профессор А. О. Армфельд после университетского совета, на котором его голос оказался в абсолютном меньшинстве, не поленился изложить свою точку зрения в пространной записке, озаглавленной «Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций»⁵¹⁴, и направить ее в совет университета. Поступок этот был далеко не ординарным. В записке Армфельд приводит возражения коллег против допуска женщин в университеты и высказывает свои контраргументы. Таким образом, мы имеем возможность не только подробно познакомиться с позицией самого Армфельда, но и узнать аргументы его противников.

Но здесь надо сказать несколько слов о профессоре Армфельде. Александр Осипович Армфельд (1806–1868), заслуженный профессор Московского университета, родился 18 фев-

⁵⁰⁸ Зернов Николай Ефимович (1804–1862) – математик, выпускник Московского университета; в 1827 г. защитил магистерскую диссертацию; с 1834 г. – адъюнкт, с 1835 г. – экстраординарный профессор университета.

⁵⁰⁹ Ответы заслуженного профессора Н. Е. Зернова на вопросы анкеты попечителя Московского учебного округа об Университетском уставе. 10 декабря 1861 г. // ОР РГБ. Ф. 285. Карг. 5. Д. 5. Л. 1, 1 об., 27, 27 об.

⁵¹⁰ Там же. Л. 1, 1 об.

⁵¹¹ Там же. Л. 27.

⁵¹² Там же. Л. 27, 27 об.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Армфельд А. О. Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций. Не ранее 23 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об.

раля 1806 года в Москве. Вначале воспитывался дома, потом, в 1818 году, поступил в Дерптскую гимназию, по окончании которой, в 1821 году – в Дерптский же университет для обучения медицине. В 1823 году он перешел в Московский университет, который и окончил с отличием, получив звание лекаря, в 1826 году. Работал в Хирургическом институте помощником директора (1826–1830), ординатором в университетской больнице (с 1830 года). Хорошо проявил себя во время московской холеры 1830 года. В 1833 году защитил диссертацию на звание доктора медицины, а в 1834 году был отпущен за границу для приготовления к занятию профессорской кафедры. По возвращении в Москву, в 1837 году, занял кафедру ординарного профессора судебной медицины, медицинской полиции, методологии, истории и литературы медицины Московского университета (1837–1863).

По воспоминаниям современников, А. О. Армфельд обладал счастливым даром красноречия, огромной эрудицией, умел держаться с удивительным достоинством и одновременно проявлял искреннее внимание к проблемам своих слушателей. Эти качества сделали его одним из самых популярных профессоров своего времени. И. М. Сеченов, вспоминая свою студенческую жизнь, писал: «Профессор Армфельд, читавший нам энциклопедию медицины, производил на своих лекциях впечатление очень умного и образованного человека, держал себя джентльменом, говорил спокойно, ровным голосом (даже несколько монотонно) и так, что речь его, будучи записана слово в слово, могла бы быть напечатана без поправок. Помню, что в общем смысл его лекций был таков: упомянув о добровольно принятой нами и предстоящей в будущем святой обязанности служить больному человечеству, он обозревал преподаваемый нам круг наук как средство достижения цели и обещал честно потрудившимся в награду чувство исполненного долга, а отличившимся – учиться за границей...»⁵¹⁵ Другой бывший студент Армфельда (а всего он успел за время своей преподавательской деятельности подготовить 25 выпусков) вспоминал: «... всякий, знавший покойного Александра Осиповича, помнит, что его речь всегда блеснула остроумием, в этом-то и состоял его талант, этим-то он и привлекал многочисленных слушателей. Например, из энциклопедии медицины, науки, состоящей в перечислении предметов, входящих в курс медицины, Армфельд сделал презанимательные, преполезные беседы для юношей, начинающих учиться медицине. Никогда не изгладятся те впечатления, какие выносились с его лекций первого курса»⁵¹⁶. Ф. И. Буслаев отмечал: «Новый период в истории Московского университета... начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших свое образование за границей, преимущественно в Германии. Это были: на нашем факультете Печерин, Крюков и Чивилев; на юридическом Крылов, Баршев и Редкин; на медицинском – Анке, Армфельд, Иноземцев, Филомафитский...»⁵¹⁷ По воспоминаниям современников, «лекции Армфельда, по ясному и систематическому их изложению, при громадной его начитанности и изящности изложения предмета, посещались слушателями почти всех факультетов»⁵¹⁸. Несмотря на отсутствие научных заслуг, коллеги ставили имя Армфельда в один ряд с именами наиболее знаменитых профессоров Московского университета: «Имя же профессора Армфельда навсегда останется в памяти учеников его на ряду с именами Рулье, Грановского...»⁵¹⁹, при жизни его считали «идеально-честным человеком»⁵²⁰, а через

⁵¹⁵ Сеченов И. М. В Московском университете (1850–1856 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 290.

⁵¹⁶ *Старинный слушатель*. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

⁵¹⁷ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 220.

⁵¹⁸ Некролог [А. О. Армфельда] // Архив судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. 1868. № 2 (июнь). С. 83.

⁵¹⁹ *Старинный слушатель*. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

⁵²⁰ *Мостовский М.* Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

много лет после смерти вспоминали, что «рыцарская же его честность, добродушие и всегдашняя готовность помогать всем и каждому снискали искреннее к нему уважение...»⁵²¹.

И вот этот всеобщий любимец неожиданно становится на защиту точки зрения, совершенно противоречащей общепринятой, заявляя о необходимости допустить женщин в университеты и противопоставляя себя всему профессорскому коллективу. Подобный поступок на первый взгляд кажется несколько странным. Однако у А. О. Армфельда существовала очень личная причина для подобного поведения. Его старшая дочь, Ольга Александровна (известная в истории науки как О. А. Федченко), которой в 1861 году как раз исполнялось 16 лет, была глубоко и искренне увлечена ботаникой. Она училась экстерном в Николаевском сиротском институте, а также дома, серьезно занималась естествознанием, изучала иностранные языки, в том числе латынь, французский, немецкий, английский, читала специальную научную литературу по ботанике, нередко в оригинале. Летом, живя в семейном имении, собирала гербарии, коллекции трав и минералов. Она хотела профессионально заниматься ботаникой, но по существовавшим законам не имела возможности получить необходимое образование. Однако, если бы в 1861–1862 годах было принято решение о разрешении девушкам слушать университетские лекции, подобная возможность у нее появилась бы. Составляя свою записку, Армфельд, несомненно, думал о дочери. Заметим в скобках, что отсутствие диплома не помешало Ольге Александровне стать ученым, о котором впоследствии Н. И. Вавилов писал: «Многие из нас хорошо помнят Ольгу Александровну Федченко, замечательного ботаника, автора превосходных флористических работ, посвященных Средней Азии и Памиру, члена-корреспондента Академии Наук СССР. Вспоминаются ее спокойные и всегда мудрые советы начинающим ботаникам, в том числе и автору этих строк»⁵²².

Помимо всего прочего, начиная с 1838 года Армфельд занимал должность инспектора классов в Николаевском сиротском институте – закрытом среднем учебном заведении для дочерей обер-офицеров, оставшихся сиротами, – и хорошо знал все достоинства и недостатки существовавшей системы начального и среднего женского образования. (В его обязанности инспектора входил не только подбор преподавателей, но и составление учебных планов и программ, хотя сделать в этом направлении он мог немного: не только список учебных дисциплин, но и их количество строго регламентировалось в зависимости от категории учебного заведения.) То есть Армфельд, в отличие от многих его коллег, мог вполне обоснованно судить как о способностях молодых девушек, так и о характере их первоначальной подготовки. Один из сотрудников А. О. Армфельда по Николаевскому институту, преподаватель и литератор Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892), в своих воспоминаниях оставил следующую характеристику А. О. Армфельда и его деятельности в Николаевском институте: «...инспектором классов был А. О. Армфельд, профессор судебной медицины – совершенная противоположность Брашману: даровитый, быстрый, с умом ясным и скоро обнимающим предметы, он в совершенстве владел не только языками русским и немецким, которые можно назвать его природными (по матери – русской и по отцу – немцу), но и другими – латинским, французским, английским, итальянским. Постановка учебной части в институте одолжена ему исключительно. <...> Благодаря ново выработанному плану преподавания, а равно и другим распоряжениям инспектора, в особенности выбору учителей, учебная часть Николаевского сиротского института стояла на одном уровне с тою же частью в Александринском сиротском. И здесь и там воспитанницы получали очень хорошее образование и выходили с солидной подготовкой для собственной педагогической деятельности»⁵²³.

---

⁵²¹ Армфельд, Александр Осипович // Русский биографический словарь. 1900. Т. 2. С. 293.

⁵²² Вавилов Н. И. Борис Алексеевич Федченко как ботаник и географ (к 45-летию юбилею научной деятельности) // Советская ботаника. 1940. № 3. С. 3.

⁵²³ Галахов А. Д. Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 132–133.

Александр Осипович начал свою записку с рассказа о том, в каких условиях принималось решение о недопущении женщин в университет на заседании совета университета: «23-го сентября, в самом конце продолжительного заседания университетского совета...» – отметил он⁵²⁴. Далее он попытался суммировать доводы большинства присутствующих, казавшихся им настолько само собой разумеющимися, что они не нашли отражения ни в каких официальных документах: «По краткости времени не мог я ни выслушать, ни взвесить всех доводов, послуживших основанием этого отрицательного решения. Я старался уяснить их себе в последующие дни, своими собственными соображениями, – но, признаюсь, без особого успеха, – писал А. О. Армфельд. – Сколько мог я понять, причины устранения женского пола от университетских лекций должны были заключаться или в особенностях женской натуры, или в особенном устройстве наших аудиторий, или, может быть, в частностях той или другой науки, недопустимых, по общепринятым понятиям о приличиях для женского слуха и глаза»⁵²⁵. Суммировав возражения коллег, А. О. Армфельд, будучи, как было принято выражаться в тот период, «человеком науки» и врачом, проверил их состоятельность, используя для этого методы научного исследования, а именно: проверил свои «гинекологические сведения»; изучил те особенности, «которые всего разительнее отличают женщину от мужчины в физиологическом и психологическом отношении»; припомнил «результаты наблюдений своих и чужих, над бесконечным различием природных сил, склонностей и способностей в индивидуальных женских натурах»; постарался учесть специальное «назначение» женщины «как супруги, матери и домохозяйки» и те ограничения, которые это предназначение на нее накладывает; а также препятствия, которые встают перед женщиной из-за «наших нравов и привычек» и «наших традиционных предрассудков»⁵²⁶. Исследовав все это, А. О. Армфельд пришел к следующему выводу: «Я нашел много причин полагать, что число ученых женщин всегда будет [менее] числа ученых мужчин, что юстиция и администрация, академические кафедры и высшее искусство гораздо чаще будут избирать своих служителей из лиц мужского, чем женского пола, но решительно не нашел ни в организации женщины вообще, ни в устройстве ее мозга в особенности, ничего такого, что бы не позволяло ей помышлять о возможном развитии всех данных ей богом умственных способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмерными заботами семейными и хозяйственными, стремиться к высшему научному образованию и удовлетворять этому стремлению всеми позволительными средствами»⁵²⁷.

Далее А. О. Армфельд ответил на вопросы, видимо наиболее часто высказывавшиеся его противниками, в частности на вполне традиционное утверждение, что наука «не есть дело женского ума», традиционно доказывавшееся отсутствием великих ученых из числа женщин. На это старинное, но все никак не устаревавшее утверждение А. О. Армфельд отвечал не без юмора, заявив, что если бы женская средняя школа была развита так же, как и мужская, то и имена известных женщин-ученых появились бы: «Какою мерою определяем мы объем умственных ее (женщины. — *О. В.*) способностей и степень возможного их развития, неужели тою же самою, которую прикладываем к мужчине, для которого устроены и гимназии, и лицеи, и академии, и университеты? И много ли, однако, выходит настоящих героев науки из этого несметного числа учащихся; и что бы выходило из них, если бы не существовало для них всех этих гимназий и университетов?»⁵²⁸ И далее он пишет слова, которые настолько близки к тем, которые примерно через два года произнесет Г. Е. Щуровский на первом заседании ОЛЕАЭ, что не возникает никакого сомнения – эти люди единомышленники, по крайней мере в том,

---

⁵²⁴ Армфельд А. О. Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета... Л. 2.

⁵²⁵ Там же. Л. 2 об.

⁵²⁶ Там же. Л. 2 об.; 3; 3 об.

⁵²⁷ Там же. Л. 3 об.

⁵²⁸ Там же. Л. 3 об., 4.

как они видели будущее развитие российской науки. Просто А. О. Армфельд заходил в этом видении несколько дальше Г. Е. Щуровского: «Да и нужно ли, чтобы каждый учащийся выходил каким-нибудь Гумбольдтом, Ньютоном или Бэконом? Не нужнее ли нам, в несравненно большем числе, верные преемники и проводники науки, посредники между этими светилами первой величины и молодым поколением, ищущим умственного света? И на каком основании исключаем мы из числа этих проводников целую половину человеческого рода, столь способную – если не создавать, по крайней мере воспринимать, практически осмысливать и популяризировать наши ученые теории, особенно там, где [идет] речь о передаче их молодым лицам женского же пола?»⁵²⁹

И далее А. О. Армфельд формулирует тезис, который отличается от всех аргументов, высказывавшихся его современниками, боровшимися за право женщины на высшее образование. Он оставляет в стороне практические нужды общества, требования семьи, пользу, которую участие женщины могло бы принести в развитие науки и прочее, и впервые пишет о женщине как о независимой самостоятельной, самодостаточной личности, которая, по его мнению, имеет полное право реализовывать свои способности, в том числе и в области научных исследований, независимо от того, что думает по этому поводу остальное человечество: «И если бы, в большинстве случаев, и не было суждено женщине разливать этот свет науки между другими, – пишет А. О. Армфельд, – на каком основании лишаем мы ее права искать его для себя самой?»⁵³⁰

А. О. Армфельд остановился на некоторых практических трудностях, которые, по мнению его коллег, неизбежно возникли бы при смешанном преподавании, таких как чтение некоторых предметов в смешанной аудитории, и способах их преодоления. Наконец, «основываясь на всем вышеизложенном», А. О. Армфельд высказал свои «убеждения» по обсуждаемому вопросу. На вопрос, можно ли допускать «лиц женского пола» к слушанию лекций, он однозначно ответил «да», заметив при этом: «В отношении к медицинскому факультету, полагаю, что он не иначе как в полном своем составе должен приступить к обсуждению этого вопроса»⁵³¹ из-за чрезвычайной необходимости в женщинах-врачах, которая, по мнению А. О. Армфельда, существовала в стране. На вопрос о том, можно ли допускать женщин к систематическому слушанию университетских курсов, А. О. Армфельд также ответил положительно, с условием, что желающие женщины «...должны предварительно выдержать полный вступительный экзамен, без малейшего послабления тех требований, которым обязаны удовлетворять воспитанники высшего класса гимназий»⁵³². На вопрос о возможности получения женщинами ученых степеней А. О. Армфельд ответил так же четко и без малейшего колебания: «...лица женского пола, удостоенные докторского, магистерского или кандидатского диплома, или, наконец, такого, который равнял бы их с действительными студентами, должны пользоваться соответствующими этим степеням правами: читать публичные лекции, преподавать в публичных и частных учебных заведениях, заниматься медицинской практикой или адвокатурой, выходить из податного состояния и т[ак] д[алее]. Будут ли они принимаемы в коронную службу на такие места, которые долго занимались исключительно лицами мужского пола, и с какими модификациями служебных прав, – это, разумеется, будет зависеть от благоусмотрения высшего начальства»⁵³³.

Отвечая на поставленные вопросы подобным образом, особенно на вопрос о возможности получения женщинами научных степеней, А. О. Армфельд предвидел, что коллеги отве-

---

⁵²⁹ Армфельд А. О. Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета... Л. 2.

⁵³⁰ Там же. Л. 4 об.

⁵³¹ Там же. Л. 8, 8 об.

⁵³² Там же. Л. 8 об., 9.

⁵³³ Там же. Л. 9.

тят ему вопросом на вопрос: а найдется ли достаточное число женщин, во-первых, желающих подобного, а во-вторых, достаточно для этого подготовленных? На этот поставленный самим себе от имени своих оппонентов вопрос А. О. Армфельд ответил следующее: не имеет значения, найдутся ли подобные женщины, сколько и когда; главное правление училищ спрашивало профессоров о «...принципе, а не об объеме его приложения в настоящую минуту. Как велик будет этот объем, – пишет А. О. Армфельд далее, – покажет время; кто решится определить и предсказать его заранее?»⁵³⁴. Но, по его мнению, уже то, что подобный вопрос поставлен на обсуждение, является примечательным фактом, потому что «...немного, весьма немного лет тому назад, десять подобных прошений (имеется в виду прошение женщины о сдаче экзаменов об окончании университетского курса, которое послужило толчком для дискуссии. — О. В.) не встретили бы ничего, кроме официального отказа и нескольких неофициальных шуточек и острот, которые в то время считались очень забавными»⁵³⁵. Но ситуация изменилась, время изменилось, университет не может себе позволить отстать. Именно поэтому А. О. Армфельд считал необходимым представить на рассмотрение совета университета следующие вопросы: «1) Можно ли допустить, что женщине, точно так же как мужчине, дозволено желать и искать специального факультетского образования, ученых степеней и сопряженных с ними прав? И если можно, то 2) Не будет ли достойным нашего совета делом взять на себя инициативу в приискании средств к удовлетворению этого законного желания? 3) Не будет ли полезно объявить о приискании всех для факультетского образования женщин средств заблаговременно, т[о] е[сть] за год или за два до приведения их в действие, дабы желающие воспользоваться ими могли надлежащим образом подготовиться к своим специальным научным занятиям? И наконец, 4) если тот или другой факультет приищет эти средства ранее прочих, не может ли он представить своих соображений о приведении их в действие, не дожидаясь решения остальных факультетов?»⁵³⁶

Неудивительно, что современник назвал А. О. Армфельда человеком с «умом ясным и скоро обнимающим предметы»; его взгляды по вопросу о равном праве людей на образование, на удовлетворение своих интеллектуальных потребностей, на насущные запросы общества значительно опережали взгляды большинства его современников. Его записка и поставленные в ней вопросы остались без внимания и, насколько нам известно, никогда не обсуждались на заседании совета Московского университета. Более того, это отношение московской профессуры 60-х годов XIX века к вопросу высшего женского образования было хорошо известно в городе. По сведениям известного историка женского образования в России Е. О. Лихачевой, когда в июле 1868 года, через семь лет после описанных нами событий, москвички обратились к ректору Московского университета с просьбой ходатайствовать перед правительством о разрешении открыть в Москве высшее женское учебное заведение, «просительницы узнали от одного из членов университетского совета, что их просьба останется без ответа»⁵³⁷. На основании этих данных Е. О. Лихачева предположила: «Может быть потому, что просительницы не надеялись на согласие профессоров Московского университета читать им публичные курсы, они отказались от университетских курсов и обратились к директору второй мужской гимназии...»⁵³⁸ Справедливости ради отметим, что на этот раз дело могло быть не только в нежелании московских профессоров. Сохранились документы, к которым Лихачева в свое время не могла получить доступ. Сегодня, однако, известно, что министр народного просвещения и попечитель Московского учебного округа обменялись в начале 1869 года весьма тревожными

⁵³⁴ Армфельд А. О. Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда в совет Императорского Московского университета... Л. 10.

⁵³⁵ Там же. Л. 10 об.

⁵³⁶ Там же. Л. 11 об.

⁵³⁷ Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. Т. IV. СПб., 1901. С. 515.

⁵³⁸ Там же. С. 516.

письмами по поводу заметки, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях», об ожидаемом открытии в Москве «женского университета». 19 февраля 1869 года министр народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) строго конфиденциально писал князю Александру Прохоровичу Ширинскому-Шихматову (1822–1884), занимавшему пост попечителя Московского учебного округа: «В № 46 С.-П[етербургски]х Ведомостей от 15 сего февраля на второй странице в первом столбце напечатано известие Московского корреспондента газеты “Весть” о задуманном в Москве проекте открытия в скором времени, при Московском ун[иверсите]те, курса лекций для женщин с целью приготовить желающих ко вступлению в имеющий учредиться в Москве женский университет»⁵³⁹. И продолжал далее с явным неудовольствием: «Имея ввиду, что на основании высочайше утвержденного 18 июня 1863 г. мнения Госуд[арственного] Совета по проекту нового устава Императорских российских университетов, циркулярным предложением М[инистерст]ва Нар[одного] пр[освещения] от 20 июля того же года особам женского пола не дозволяется посещать университетские лекции – я нахожу, что напечатанное в С.-П[етербургски]х Ведомостях заявление об открытии при Московском ун[иверсите]те курса лекций для женщин несовместно с приведенным высочайшим повелением и распоряжением м[инистерст]ва, а потому я считаю долгом обратить на это внимание Вашего сиятельства с тем, не признаете ли возможным, по ближайшему согласованию с г[осподином] ректором у[ниверсите]та, отклонить вообще такое предложение, если оно действительно существует, или по крайней мере не допустить чтения лекций для женщин в стенах у[ниверсите]та как несогласного с установленным внутри онаго порядком, который весьма желательно сохранить и на будущее время, не подвергая его случаям непредвиденного назначения. О последующем же прошу меня уведомить»⁵⁴⁰. Князь Ширинский-Шихматов счел своим долгом безотлагательно успокоить господина министра. Уже 25 февраля 1869 года он писал Толстому: «...замечание С.-Петербургских Ведомостей от 15-го февраля о задуманном будто бы в Москве проекте открытия при здешнем университете курса лекций для женщин, с целью приготовления желающих к поступлению в имеющий учредиться в Москве женский университет – не имеют никакого основания». И продолжал далее: «Действительно в Москве давно ходят об этом слухи и было даже в печати предполагаемое письмо ко мне от ищущих высшего образования, но письма этого я и доселе не получал. Положительно могу сказать, что если и есть предположение в некоторых кружках просить об открытии курсов для женщин, то это предположение не имеет никакой связи с университетом и известно мне только по городской молве. Носятся здесь также слухи о том, что некоторые особы женского пола будут просить дозволения слушать по вечерам лекции гимназического курса у учителей гимназий и если окажется возможным, то в здании одной из гимназий. Во всяком случае, если такое ходатайство поступит, я не премину представить об оном, с своим мнением, на благоусмотрение Вашего сиятельства», – спешил заверить попечитель министра⁵⁴¹.

В любом случае при принятии университетского устава 1863 году по вопросу о посещении университетов женщинами решающими оказались не мнения профессоров, а «высочайшее мнение», как отметил это граф Толстой в вышеприведенном письме. Более того, новый устав позволял университетам некоторую свободу при решении внутренних вопросов, в том числе в решении вопросов о приеме студентов, о переводе их из одного университета в другой, о допущении вольнослушателей к слушанию лекций и прочее. Однако вскоре после принятия университетского устава попечители учебных округов получили упомянутые выше циркулярные письма из Министерства народного просвещения с уточнениями границ вновь обретенных свобод: советы университетов, конечно, имели теперь право составить собственные правила в

⁵³⁹ Толстой Д. А. Письмо А. П. Ширинскому-Шихматову. 19 февраля 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 775. Л. 11.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 11–13.

⁵⁴¹ Ширинский-Шихматов А. П. Письмо Д. А. Толстому. 25 февраля 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 775. Л. 17, 18.

отношении некоторых вопросов, но им были выданы четкие рекомендации о том, какими эти правила должны быть с «условием утверждения некоторых из них гг. попечителями, а других министерством народного просвещения, но без рассмотрения в законодательном порядке»⁵⁴². Одним из таких «обязательных» постановлений, которые должны были принять университетские советы, было следующее: «В правилах о приеме студентов и посторонних слушателей и о переходе из одного университета в другой – необходимо постановить: <...> в) что не дозволяется особам женского пола посещать университетские лекции»⁵⁴³.

Итак, еще в 1851 году Г. Е. Щуровский потерпел поражение от своих оппонентов в Московском обществе испытателей природы при попытке реорганизовать работу общества таким образом, чтобы участие в его деятельности и использование результатов этой деятельности стали доступнее для большего количества людей. В 1861 году А. О. Армфельд потерпел поражение от той же группы людей при попытке добиться в общем-то того же самого: расширить круг тех, для кого стало бы доступным университетское образование и, при желании, научно-исследовательская работа. Г. Е. Щуровский, однако, не смирился со своим поражением и не отказался от своих взглядов. Придя к убеждению, что не сможет изменить и реорганизовать МОИП, он организовал новое общество (при поддержке своих единомышленников и прежде всего молодого, еще только начинающего свою деятельность профессора Анатолия Петровича Богданова), само название которого – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии – подчеркивало, что его двери широко открыты для всех желающих. И как еще нагляднее могло продемонстрировать вновь создававшееся ОЛЕАЭ свои принципы, свое стремление привлечь к занятиям естественными науками как можно более широкий круг людей, как не пригласив в число членов-основателей молодую женщину? Особенно если учесть, что общество создавалось в обстановке враждебности. Биограф Г. Е. Щуровского Борис Евгеньевич Райков (1880–1966), известный историк науки середины XX века, писал об этом: «Поначалу Общество любителей естествознания встретило целый ряд не только материальных, но и моральных препятствий. В кругу старых ученых оно было принято с недоверием, даже с насмешками. Высказывались опасения, что общество, в составе которого было много зеленой молодежи, будет недостаточно солидно в научном отношении, а прием в члены студентов нарушал все академические традиции»⁵⁴⁴. И продолжал далее: «Общество стали обвинять в том, что оно срывает работу уже существующих старых научных центров, распыляя научные силы, ведет себя демагогически по отношению к студентам, прикрывает личные интересы учредителей. ...»⁵⁴⁵ Действительно, коллеги-профессора (во всяком случае, некоторая их часть), как это следует из цитируемого выше неподписанного письма на имя министра народного просвещения, считали, что «...предполагаемое общество, будучи в основаниях своих тождественным с Обществом испытателей природы, оказывается излишнею роскошью, которая скорее может ослабить пользу уже существующего общества»⁵⁴⁶. И произойдет это потому, что, по мнению писавшего, «число наших ученых естествоиспытателей очень невелико и разделить их деятельность между двумя отдельными обществами едва ли будет полезно»⁵⁴⁷. В этой ситуации женщина в роли одного из членов-основателей безусловно была вызовом, хотя и молчаливым. Конечно, женщина должна была быть подходящей. И кто лучше подходил для этой

⁵⁴² Циркулярное письмо Министерства народного просвещения попечителям учебных округов. 20 июля 1863 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 775. Л. 7.

⁵⁴³ Там же. Л. 8.

⁵⁴⁴ Райков Б. Е. Григорий Ефимович Щуровский. Ученый натуралист и просветитель. М.; Л.: Наука, 1965. С. 67.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ [Письмо министру народного просвещения по поводу организации Общества любителей естествознания при Московском университете...] Л. 11 об.

⁵⁴⁷ Там же.

роли, чем влюбленная в естественные науки юная дочь А. О. Армфельда Ольга Александровна Армфельд?

Следует отметить, что наше мнение о том, что избрание женщины членом общества служило своего рода общественным вызовом, не является единственным. С. М. Дионесов, например, писал об избрании В. А. Кашеваровой членом Общества русских врачей в С.-Петербурге, состоявшемся на несколько лет позже избрания Ольги Армфельд, 2 октября 1868 года: «Ее избрание явилось, конечно, не столько признанием ее научных заслуг, сколько, вероятно, выражением отношения общественности к “женскому вопросу”»⁵⁴⁸, – приводя в подтверждение своей точки зрения цитату из письма И. М. Сеченова М. А. Боковой от 16 февраля 1868 года: «Рассудите сами, можно ли медицинскому миру яснее выказать свое желание, чтобы женщина была допущена к медицинскому образованию?»⁵⁴⁹ Заметим при этом, что, судя по дате написания письма, речь могла идти еще только о намерении избрания В. А. Кашеваровой⁵⁵⁰.

Возвращаясь, однако, к ОЛЕАЭ. Ольга Александровна Армфельд окончила Николаевский институт в 1864 году с дипломом кандидатки. Как она писала в различных своих автобиографиях, происходя из состоятельной семьи и не нуждаясь в средствах для жизни, она тем не менее хотела быть полезна, «желая трудиться по убеждению»⁵⁵¹, и поэтому давала уроки (истории, французского и немецкого языков, рисования, музыки) и занималась переводами (с английского, немецкого, французского). О. А. Армфельд любила рисовать и продолжала совершенствоваться в этом мастерстве: «Делала некоторые рисунки на заказ, но больше рисовала для собственного усовершенствования, масляными красками, цветы и плоды с натуры и училась рисовать карандашом виды с натуры», – писала она позднее в автобиографии⁵⁵². Она даже посещала художественные классы, беря уроки у А. К. Саврасова. Впоследствии яркий художественный талант и развитое умение оченьгодились ей во время научных экспедиций, а А. К. Саврасов сделал целую серию литографий Туркестанского края по ее рисункам.

Однако интерес к естественным наукам, возникший у О. А. Армфельд в детские годы, превалировал над всеми остальными ее занятиями и увлечениями. Особенно интерес к ботанике, подогретый тем, что уже самые первые ее работы получили признание специалистов: гербарий флоры Можайского уезда, собранный шестнадцатилетней О. А. Армфельд в 1861–1862 годах, оказался настолько хорош, что был включен Н. Н. Кауфманом в его знаменитую «Московскую флору»⁵⁵³ – выдающееся достижение для любого начинающего ученого, тем более для не имеющей специального образования девушки. По оценкам современных историков науки, «Московская флора» Н. Н. Кауфмана была одним из наиболее значительных трудов по истории флоры Московской губернии, она как бы подвела итоги предыдущего периода в изучении флоры Московского региона и знаменовала собой наступление новой эпохи: «История изучения флоры и растительности Московской области отчетливо распадается на четыре последовательных этапа, причем в качестве отделяющих один период от другого можно принять крупные “Московские флоры”, подытоживающие предшествующую работу и служащие отправной точкой для последующих исследований. Таковы флоры И. А. Двигубского, Н. Н. Кауфмана, Д. П. Сырейщикова. Разумеется, такая периодизация, как, впрочем, и всякая другая, условна, но она отражает тот существенный факт, что вплоть до “Московской флоры” Кауфмана (1866) флористическое направление являлось не только определяющим,

⁵⁴⁸ Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 39.

⁵⁴⁹ Цит. по: Дионесов С. М. Указ. соч. С. 39–40.

⁵⁵⁰ Там же. С. 40.

⁵⁵¹ Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся к нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ См.: Кауфман Н. Н. Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866. 709 с.

но по существу единственным в изучении растительного покрова области. <...> “Московская флора” Кауфмана с приложенным к ней “Ботанико-географическим очерком московской флоры” открывает третий этап в истории исследования флоры и растительности Московской области. Этот этап можно назвать ботанико-географическим...» – пишут авторы очерка истории изучения растительности Московского региона⁵⁵⁴.

Объясняя свое намерение создать «Московскую флору», Н. Н. Кауфман писал: «Издание флоры или описания растений Московской губернии уже давно составляет существенную потребность нашей ученой литературы. “Флора” Двигубского, единственное сочинение, существующее по этому поводу на русском языке, в настоящее время уже очень редко и по давности своего издания (в 1828 году) не может соответствовать вполне современным требованиям науки»⁵⁵⁵. Стремясь восполнить существующий пробел, Н. Н. Кауфман еще в 1855 году задумал издать руководство для изучения флоры Московской губернии. Тогда же он начал собирать материалы для планируемой работы. «Сначала я думал издать только руководство к определению московских растений, как необходимое пособие для начинающих заниматься ботаникой, – писал он. – Подобный труд не потребовал бы для своего выполнения тех 9-ти с лишком лет, которые употребил я на издание моего сочинения. В этом сочинении я думал достигнуть еще и другую цель, а именно желал собрать все новейшие сведения о московской флоре и ближе ознакомить ученую публику с характером этой флоры»⁵⁵⁶. Для работы профессор использовал как собственные наблюдения и гербарии, так и труды своих предшественников и коллег. В предисловии Н. Н. Кауфман подробно рассказал о том, какие части его работы основаны на собственных материалах, а какие – нет: «За исключением Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского мне удалось по нескольку раз побывать в каждом из остальных уездов. Для последних двух, и в особенности для Верейского уезда я успел собрать очень интересные данные у других лиц, что же касается до Рузского и Волоколамского уездов, то об них я имею мало сведений»⁵⁵⁷, – к сожалению, это единственное свидетельство того, что он пользовался материалами О. А. Армфельд по Можайскому уезду (поскольку никто другой, насколько известно, в указанный период этим не занимался). Далее Н. Н. Кауфман выражал благодарность тем своим коллегам, которые оказали ему помощь при написании работы, однако имя О. А. Армфельд и здесь не упоминается: «Кроме сочинений моих предшественников и сохранившихся после них коллекций, а также и собственного моего гербария, я при составлении моего труда пользовался еще наблюдениями других лиц, которым не могу не выразить за это мою глубокую благодарность. Особенно я обязан Н. И. Анненкову <...>, а также А. Н. Пятунникову...»⁵⁵⁸ Тем не менее и сама Ольга Александровна, и ее близкие неоднократно в печати упоминали, что ее ранняя ботаническая коллекция «представила серьезный научный интерес, почему и послужила одним из материалов для известной “Московской флоры” проф. Н. Н. Кауфмана»⁵⁵⁹. Значительно позднее, в 80-е годы XIX века, уже будучи сформировавшимся ученым, Ольга Александровна вернулась к исследованию можайской флоры и опубликовала ряд работ по этой теме. Сын Ольги Александровны, сам крупный ботаник, Борис Алексеевич Федченко писал: «Одним из наиболее важных моментов [жизни Ольги Александровны] является начало 1860-х годов. В это время О[льга] А[лександровна], несмотря на свои молодые годы, уже ведет исследовательскую работу по Московской флоре. Ее материал – в руках проф.

⁵⁵⁴ Губаиов И. А., Старости Б. А., Тихомиров В. Н. Флора и растительность Московской области. (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. С. 15.

⁵⁵⁵ Кауфман Н. Н. Указ. соч. [С. 1.]

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁵⁸ Там же. С. 10.

⁵⁵⁹ Литский В. И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

Н. Н. Кауфмана, который пишет “Московскую флору”, и для Можайского уезда данные О. А. являются единственными»⁵⁶⁰.

Начиная с 1861–1862 годов О. А. Армфельд регулярно посещала Зоологический музей Московского университета и работала с его коллекциями. Тогда же она познакомилась с группой молодых людей – студентов и недавних выпускников университета, составлявших неформальный кружок А. П. Богданова – прообраз будущего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, среди которых были Н. К. Зенгер, В. Ф. Ошанин, В. Н. Ульянин, ее будущий муж Алексей Павлович Федченко. Вместе с этими начинающими молодыми учеными (и для них) она проводила ряд исследований (по антропологии, зоологии), помогала им с переводами трудов по естествознанию и ведением иностранной переписки, занималась расстановкой коллекций в Зоологическом музее. Одновременно писала (переводила) небольшие статьи для журнала «Садоводство».

Когда в 1864 году, через год после утверждения нового университетского устава, официально создавалось ОЛЕАЭ, Н. К. Зенгер предложил избрать О. А. Армфельд членом-основателем нового общества, что и было сделано⁵⁶¹. Мы не можем утверждать с абсолютной точностью, но с большой долей вероятности можно сказать, что Ольга Александровна стала первой в нашей стране женщиной – полноправным членом естественно-научного общества. Помимо прочего, ее присутствие среди членов ОЛЕАЭ служило наглядной демонстрацией позиции Общества, противопоставившего себя всем без исключения старейшим элитарным естественно-научным обществам и громко (а если точнее, то со скандалом) заявившего о том, что будет принимать в свои члены всех желающих заниматься естествознанием.

---

⁵⁶⁰ Федченко Б. А. К биографии О. А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85.

⁵⁶¹ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

Глава 2

Первые российские женщины в рядах естественно-научного общества

*Фреймут Елизавета Карловна – один из самых деятельных членов
постоянной энтомологической комиссии.*

Мнение Совета ОЛЕАЭ по поводу избрания новых членов. [1870 г.]

Через четыре года после основания, в 1868 году, в состав ОЛЕАЭ входило 190 человек. Из них – 3 женщины, то есть 1,6 % от общего состава⁵⁶² (таблица 1):

Таблица 1. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1868 г.)

№	Ф.И.О.	Место проживания	Дата избрания	Статус в ОЛЕАЭ
1	Федченко Ольга Александровна	Москва	1864 г.	член-основатель
2	Фреймут Елизавета Карловна	Москва	10 февраля 1866 г.	действительный член
3	Раевская Анна Михайловна	Москва — С.-Петербург	13 мая 1866 г.	непременный член

Через шесть лет, к 1874 году, когда был опубликован обновленный список членов ОЛЕАЭ, состав общества увеличился в 2,2 раза – до 422 человек. Количество женщин, состоявших в обществе, также увеличилось – на два человека. Таким образом, в 1874 году в состав ОЛЕАЭ входило 5 женщин, что составляло 1,2 % от общего числа членов общества (таблица 2)⁵⁶³:

Таблица 2. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1874 г.)

№	Ф.И.О.	Место проживания	Дата избрания	Статус в ОЛЕАЭ
1	Федченко Ольга Александровна	Москва	1864 г.	член-основатель
2	Раевская Анна Михайловна	С.-Петербург	13 мая 1866 г.	непременный член
3	Басина Аполлинурия Христофоровна	Иркутск	12 сентября 1869 г.	действительный член
4	Фреймут Елизавета Карловна	Москва	22 апреля 1870 г.	непременный член
5	Богданова Елена Васильевна	Москва	23 марта 1874 г.	непременный член

За шесть лет, несмотря на незначительное численное увеличение женщин – членов ОЛЕАЭ, их процент от общего количества членов общества не только не увеличился, но, наоборот, уменьшился. В целом же за 10 лет существования ОЛЕАЭ, с 1864 по 1874 год, в его состав было избрано 5 женщин.

Первой после О. А. Армфельд в члены ОЛЕАЭ была избрана Елизавета Карловна Фреймут (?–1890). На заседании ОЛЕАЭ 10 февраля 1866 года группа членов общества, в том числе А. П. Федченко, В. Ф. Ошанин, Н. К. Зенгер и др., предложили к избранию в «члены-кандидаты Общества любителей естествознания Елизавету Карловну Фреймут»⁵⁶⁴, обосновав свое предложение следующим образом: «Богатая и разнообразная коллекция насекомых, составленная [госпожою] Фреймут в течение прошлого лета и пожертвованная обществу, столь интересна по множеству мелких насекомых, прекрасно сохранным и тщательно препарированным экземплярам, что, надеемся, дает нам полные основания сделать это предложение. Дальнейшие заня-

⁵⁶² Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. 20 с.

⁵⁶³ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1874. 32 с.

⁵⁶⁴ [Рекомендация к избранию в члены-кандидаты ОЛЕАЭ]. 10 февраля 1866 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

тия [госпожи] Фреймут по энтомологии, мы уверены, дадут ей право и на звание действительного члена Общества любителей естествознания»⁵⁶⁵.

Рис. 11. Портрет Е. К. Фреймут (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

О происхождении, воспитании, образовании Е. К. Фреймут известно очень немного. Она одна из первых в нашей стране женщин-энтомологов, опубликовавших научные труды в этой области, одна из организаторов и в течение нескольких лет единственная распорядительница первого в Москве специального естественно-научного учебного заведения для женщин – Лубянских женских курсов⁵⁶⁶; после замужества – ассистентка своего супруга, всемирно известного врача-психиатра Виктора Хрисановича Кандинского (1849–1889), затем его медсестра, сиделка, наконец, посмертный публикатор его научных трудов. И вместе с тем почти единственное, что смог написать о ней очень добросовестный и основательный биограф ее супруга В. Х. Кандинского Леон Лазаревич Рохлин (1903–1984), – это: «О его (Кандинского. —

---

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Об этом см.: *Фреймут Е. К.* Письмо В. С. Некрасовой. Б. д. // ОР РГБ. Ф. 196. К. 22. Д. 13. Л. 4; *Некрасова Е. С.* Первые женские курсы в Москве, известные под именем Лубянских // *Отечественные записки.* 1880. Т. ССLI. С. 22.

О. В.) семейной жизни и быте известно очень мало»⁵⁶⁷. Пожалуй, немногие достоверные сведения о Е. К. Фреймут-Кандинской Л. Л. Рохлину удалось извлечь из послужного списка ее мужа: «...имеются некоторые формальные данные в послужном списке Кандинского в период пребывания на военной службе, – писал он. – В этом списке, составленном дополнительно к 1 января 1879 года, имеется короткая запись: “Женат на Елизавете Фреймут, дочери провизора 1878 года, сентября 1-го. Детей не имеет. Жена вероисповедания лютеранского”»⁵⁶⁸. Архив Е. К. Фреймут-Кандинской не сохранился. Нам удалось обнаружить всего одно письмо к ней и две записки, написанные ее рукой. Дата и место рождения Елизаветы Карловны остаются неустановленными. Предположительно она родилась в середине – конце 40-х годов XIX века. Ничего не известно о ее семье. Мы не знаем также, какое образование и воспитание она получила, когда возник ее интерес к естествознанию, при каких обстоятельствах она приобрела навыки, необходимые опытному энтомологу, каким она безусловно являлась. Наиболее раннее по времени публичное упоминание имени Е. К. Фреймут относится к 10 февраля 1866 года, когда ее предложили к избранию в члены ОЛЕАЭ.

В 1866 году Е. К. Фреймут была избрана членом-кандидатом ОЛЕАЭ достаточно легко, однако, когда через четыре года встал вопрос о переводе Фреймут в статус действительного члена ОЛЕАЭ, в обществе возникли разногласия. Источники содержат только намек на них. Совет ОЛЕАЭ обратился к членам общества со специальным «Мнением», касавшимся, правда, не только Е. К. Фреймут, но и всех предложенных к избранию в тот день. И не только обратился устно, но и счел необходимым зафиксировать это обращение письменно, включая подписи президента ОЛЕАЭ Г. Е. Щуровского и членов совета ОЛЕАЭ, в том числе А. П. Богданова: «Так как пп. 27 “Сборника постановлений”⁵⁶⁹ требует от совета (совета ОЛЕАЭ. — О. В.) подробного изложения прав кандидатов на звание действительного члена, то совет считает долгом заявить обществу, что предложенные им члены-кандидаты принадлежат к самым усердным деятелям на пользу Общества»⁵⁷⁰, – добавив далее, что «Фреймут Елизавета Карловна – один из самых деятельных членов постоянной энтомологической комиссии» и что «баллотировка сих лиц будет справедливою оценкою их почтенных услуг», – из чего можно предположить, что споры в обществе возникли именно из-за кандидатуры Фреймут⁵⁷¹. Авторитет Г. Е. Щуровского в ОЛЕАЭ был непререкаемым, и избрание Е. К. Фреймут состоялось.

В дальнейшем общество подходило к избранию своих членов-женщин так же тщательно и внимательно, можно сказать, осторожно. 23 марта 1874 года была предложена к избранию в члены общества Елена Васильевна Богданова⁵⁷², супруга одного из основателей ОЛЕАЭ, члена его совета и в целом одного из наиболее активных деятелей Анатолия Петровича Богданова. Из протокола 73-го заседания ОЛЕАЭ 1874 года хорошо видно, что Е. В. Богданова была постоянной помощницей своего супруга, участвуя во всех делах общества: «Елена Васильевна Богданова всегда принимала участие в деятельности Общества и начиная с того времени, когда вскоре после основания Общества несколько членов приступили к изучению энтомологической фауны губерний Московского учебного округа, помогала составлению коллекций зоологического музея; во время Этнографической выставки и после нее Е. В. Богданова много трудилась по снятию рисунков краниологической университетской коллекции и затем, когда шли работы по приготовлению Политехнической выставки, была постоянной участницей в заня-

⁵⁶⁷ Рохлин Л. Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В. Х. Кандинского (1849–1889 гг.). М.: Медицина, 1975. С. 137.

⁵⁶⁸ Там же. С. 138.

⁵⁶⁹ Из контекста не до конца понятно, на какой именно документ дается ссылка. — О. В.

⁵⁷⁰ Мнение Совета ОЛЕАЭ по поводу избрания новых членов. [1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

⁵⁷¹ Там же. Л. 40 об.

⁵⁷² Семьдесят третье заседание Общества любителей естествознания. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 151 об.

тиях по составлению и приведению в порядок различных собраний»⁵⁷³. Тем не менее, несмотря на подобные заслуги, предложение об избрании в члены общества было выдвинуто только в 1874 году – через семь лет после проведения Этнографической выставки (1867 год) и через два года после проведения Политехнической (1872 год). Правда, как отмечено в протоколе заседания, «по желанию присутствующих членов было постановлено подвергнуть в настоящем заседании баллотировке предложение Елисаветы (здесь описка. — О. В.) Васильевны Богдановой в звание неперменного члена»⁵⁷⁴, то есть миновать стадию «действительного члена», получив сразу более высокий статус «неперменного члена». Предложение приняли, и «по состоявшейся баллотировке» Богданова Елена Васильевна была избрана в «неперменные члены общества»⁵⁷⁵, причем избрана, как уточняет черновик протокола заседания, единогласно⁵⁷⁶.

Что давало женщинам членство в ОЛЕАЭ? Прежде всего, они получали полное законное право присутствовать на заседаниях общества, где могли становиться свидетельницами и участницами научных выступлений, дискуссий, обсуждения планов, направленных на развитие дальнейшей деятельности общества. И как следует из протоколов заседаний ОЛЕАЭ, и О. А. Армфельд (Федченко), и Е. К. Фреймут это право использовали⁵⁷⁷.

Официальное вступление в члены ОЛЕАЭ позволило женщинам не только присутствовать на заседаниях, но и представлять результаты своих исследований на рассмотрение научного сообщества, выступая с докладами, сообщениями, рефератами на заседаниях общества. Одно из самых первых таких выступлений (с большой долей вероятности – самое первое официально запротоколированное выступление женщины на заседании ОЛЕАЭ) состоялось 8 октября 1866 года, когда в заседании антропологического отдела ОЛЕАЭ было заслушано «Донесение н[епременного] ч[лена] о[бщества] А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной»⁵⁷⁸. Из сохранившихся документов не очень понятно, присутствовала ли на заседании сама Анна Михайловна Раевская (1820–1883) или ее «донесение» было зачитано кем-то из участников заседания. Однако в любом случае результаты научных исследований женщины были представлены и обсуждались в заседании. Раскопки захоронений проводились в июле 1866 года в урочище Черном, расположенном в четырех с небольшим километрах от деревни Усть-Рудица в сторону Петергофа Петергофского уезда С.-Петербургской губернии, на территории, пожалованной императрицей Елизаветой Петровной М. В. Ломоносову и ко времени раскопок находившейся во владении правнучки М. В. Ломоносова Екатерины Николаевны Орловой, урожденной Раевской. В «Донесении» подробно описывалось географическое расположение захоронений; состав почв в районе захоронения; сохранность, позы раскопанных тел и частей; а также проведенные опросы местных жителей, касавшиеся истории захоронения и первых известных сведений о нем.

Ко времени заседания ОЛЕАЭ было раскопано восемь скелетов, располагавшихся в отдельных или в общих могилах, причем исследовательница отмечала, что по крайней мере

⁵⁷³ Семьдесят третье заседание Общества любителей естествознания. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 151 об., 152.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 152.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 172.

⁵⁷⁶ [Черновик протокола семьдесят третьего заседания Общества любителей естествознания]. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 65 об.; см. также: Избирательный листок на заседание марта 23 дня 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 66 об., 67 об.

⁵⁷⁷ См., например: Седьмое годовое заседание общества 17-го октября 1870 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 174; Соединенное годовое заседание Общества любителей естествознания и высочайше учрежденного Комитета по устройству Музея прикладных знаний 30-го ноября 1873 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 112 об.; Семьдесят второе заседание Общества Любителей Естествознания 27 января 1874 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 75 и др.

⁵⁷⁸ 1566. Донесение неперменного члена общества А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Архив Раевских / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. V. Пг., 1915. С. 705. Об А. М. Раевской см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. № 23. P. 139–140.

один из них был захоронен позднее остальных. В «Донесении» подробно описан каждый, а также вещи, извлеченные из захоронений, в том числе бронзовые и провололочные мелкие украшения (серьги, браслеты), глиняная или каменная бусина, обломки железных ножей, гвоздей, черепки глиняных сосудов, а также серебряная монета предположительно периода великого князя Иоанна Васильевича III и др.⁵⁷⁹

Присутствовавший на заседании Дмитрий Петрович Солнцев (1803–1875), один из членов-основателей Московского археологического общества, коллекционер древностей, выступил со своим «мнением» по поводу «Донесения» А. М. Раевской. Д. П. Солнцев особенно подчеркнул значение находок из первого захоронения: «... в археологическом отношении замечательны открытые при 1-м основе бронзовые вещи: браслеты из витой проволоки, по отделке своей, уже не грубой и даже с попыткой к изяществу, должны принадлежать к лучшему времени бронзовых изделий в украшениях и уборах женщин»⁵⁸⁰. Сравнив данные находки с известными и датированными образцами, Д. П. Солнцев предположил, что предметы из первого захоронения можно датировать «к переходному времени от бронзы к железу, когда еще оставались в употреблении бронзовые изделия для нарядов, но были уже вытеснены железом как более практичным для орудий: войны, орудий и домашнего обихода»⁵⁸¹. Комментируя находку глиняных черепков, на основании их внешнего вида и прежде всего отсутствия орнаментов и других украшений Д. П. Солнцев предположил, что они «показывают первые грубые приемы керамики в нашей местности и подтверждают время языческое раскопанных могил», поскольку «в христианстве остатки людские не были сопровождаемы в их последний приют домашнею утварью»⁵⁸². В общем и целом Д. П. Солнцев сделал вывод, что «по остаткам угля, отломков горшков, по старости деревьев, растущих в местности раскопок, совокупности в могилах вещей бронзы и железа, – все позволяет относить их к доисторическим нашим древностям»⁵⁸³, несмотря на находку монеты XV века в последнем захоронении, которое могло быть сделано значительно позднее. Подобный пространственный комментарий свидетельствует о том, что «Донесение» было выслушано с вниманием и рассматривалось участниками заседания совершенно серьезно. Подобная возможность – выступать в научном собрании и быть услышанной – являлась очень ценной для женщин – членов общества. Однако участие женщин в деятельности ОЛЕАЭ не ограничивалось участием в заседаниях ОЛЕАЭ и возможностью выступления на них.

Из приведенных выше документов, характеризующих научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность Е. К. Фреймут и Е. В. Богдановой, отчасти видно, какие формы помимо участия в заседаниях общества принимало сотрудничество женщин с ОЛЕАЭ. Как уже упоминалось, Е. К. Фреймут являлась членом Энтмологической комиссии ОЛЕАЭ. А. П. Богданов писал о работе этой комиссии в 1867 году, через год после избрания Е. К. Фреймут в состав общества: «Энтмологическая комиссия сдавала в музей все ею собранное, и самые значительные коллекции насекомых были доставлены в нынешнем году членом комиссии Е. К. Фреймут, председателем комиссии А. П. Федченко, С. Н. Никитиным, Н. Н. Надежниковым и г. Аристарховым. Развитие деятельности комиссии дает надежду, что с каждым годом будет усиливаться все более и более та польза, которую приносит она университетскому собранию. Ее трудами определяются и приводятся в порядок коллекции; благодаря ее стараниям, устанавливаются правильные сношения с заграничными энтмологами...»⁵⁸⁴ Таким образом,

⁵⁷⁹ 1566. Донесение неперменного члена общества А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Архив Раевских / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. V. Пг., 1915. С. 705–708.

⁵⁸⁰ Там же. С. 709.

⁵⁸¹ Там же.

⁵⁸² Там же. С. 709–710.

⁵⁸³ Там же. С. 710.

⁵⁸⁴ *Богданов А. П.* Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888

основная деятельность Е. К. Фреймут в этот период была сосредоточена на составлении энтомологических коллекций насекомых, обитавших на территории Московского учебного округа, которые она затем передавала в распоряжение ОЛЕАЭ (а следовательно, Московского университета), а также на обработке и описании энтомологических коллекций Зоологического музея Московского университета.

В 1869 году по результатам этой работы она подготовила к публикации в новом, только что созданном издании ОЛЕАЭ «Зоологический музей Императорского Московского университета» «Первый отдел списка Перепончатокрылых» из коллекций названного музея⁵⁸⁵. В своем историческом обзоре, посвященном 25-летию деятельности ОЛЕАЭ, А. П. Богданов счел необходимым полностью переиздать эту работу Е. К. Фреймут по следующим причинам: «Список Травоядных Перепончатокрылых (Phytophaga) Московского учебного округа был обработан Елизаветою Карловною Фреймут и помещен в пробном выпуске проектированного обществом издания “Зоологический музей Московского университета” в 1869 г. Так как выпуск этот вышел на правах рукописи и в весьма ограниченном числе экземпляров, то мы считаем полезным привести здесь вновь вполне список [госпожи] Фреймут»⁵⁸⁶. Е. К. Фреймут продолжала экскурсионную деятельность и в дальнейшем. Так, в 1871 году, по сообщению А. П. Богданова, «в ближайшем районе естественноисторической деятельности общества, в пределах Московского учебного округа, производились экскурсии, по поручению общества, Елизаветою Карловною Фреймут и были посвящены преимущественно изучению фауны перепончатокрылых насекомых»⁵⁸⁷.

Точно так же Е. В. Богданова, помимо участия в работе по организации выставок, проводившихся ОЛЕАЭ, в 1874 году «доставила обществу обширную и отлично приготовленную коллекцию, более 1000 препаратов, Виллафранкских радиолярий и корненожек»⁵⁸⁸.

Жительница Иркутска, избранная действительным членом ОЛЕАЭ 12 сентября 1869 года, Аполлинария Христофоровна Басина (1847–1876), урожденная Кандинская, так же как и ее московские коллеги собирала энтомологические коллекции своего региона и передавала их в дар обществу, занимаясь этим самостоятельно или вместе со своим супругом Иваном Васильевичем Басиным (1835–1916), также членом ОЛЕАЭ. В цитируемой выше юбилейной работе А. П. Богданов периодически упоминает: «Мак-Лахлан описал в “Известиях общества” некоторые формы Сибирских Сетчатокрылых, собранных А. Х. Басиной...» (1872 год)⁵⁸⁹; «Пожертвование обществу богатой сибирской коллекции членами общества А. Х. и И. В. Басиными послужило предметом двух работ, [во-первых], В. Ф. Ошанина о сибирских Полужесткокрылых и 2) Э. Э. Баллиона по Иркутским жукам»⁵⁹⁰; «Список Иркутских Coleoptera, собранных А. Х. Басиной, обработан Э. Э. Баллионом, давшим в нем перечисление <...> родов и видов...» (1870 год)⁵⁹¹.

В работе по сбору естественно-научных коллекций принимали участие не только женщины, являвшиеся официальными членами ОЛЕАЭ. Так, описывая зоологические коллекции, собранные членами общества в период с 1863 по 1866 год, А. П. Богданов замечает: «...равно как и некоторые посторонние лица, как [господа] Умов, Кронеберг, [госпожи] Кандинские⁵⁹² и

г.). М., 1888. Т. 1: Фаунистические работы общества (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды Зоологического отделения Общества. Т. II). С. 9.

⁵⁸⁵ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 38.

⁵⁸⁶ Там же. С. 120.

⁵⁸⁷ Там же. С. 38.

⁵⁸⁸ Там же. С. 48.

⁵⁸⁹ Там же. С. 324.

⁵⁹⁰ Там же. С. 325.

⁵⁹¹ Там же. С. 332.

⁵⁹² Курсив наш. — О. В.

г[осподин] Надежин – доставили значительные собрания насекомых из различных местностей Московского учебного округа»⁵⁹³.

Таким образом, женщины активно участвовали в пополнении естественно-научных коллекций ОЛЕАЭ, а также в отдельных случаях в их обработке и опубликовании. Это занятие может показаться на первый взгляд рутинным и не особенно важным с научной точки зрения, но именно оно было прописано в уставных документах ОЛЕАЭ в качестве приоритетного направления его деятельности. Как уже упоминалось выше, § 1 устава ОЛЕАЭ гласил, что общество создается «для естественноисторических, антропологических и этнографических исследований в России и преимущественно в губерниях Московского учебного округа...»⁵⁹⁴, а в 60-х годах XIX века изучение какой-либо территории в естественно-научном отношении состояло прежде всего в сборе зоологических, ботанических, геологических и других коллекций; их разборе, определении принадлежности к тем или иным видам и родам, систематизации и, наконец, публикации. Специально о значении энтомологических коллекций ОЛЕАЭ для учебного процесса А. П. Богданов писал следующее: «...весьма понятно, что в первые годы, когда нужно было впервые вводить у нас в университете систематические занятия и определение насекомых и, так сказать, подготавливаться к этой специальности, не могли дать иного результата кроме того, что собранные нами коллекции имеют интерес по возможности местного собрания. Мы стремились придать им еще большее значение тем, что не ограничивались только собиранием насекомых, но и делали наблюдения над ними. Мы наблюдали местообитание их, время полета, кладку яиц и другие периодические явления. В этом отношении мы имели уже удовольствие сообщить некоторые данные, собранные нами о периодичности, тем специалистам, которые пожелали их иметь»⁵⁹⁵. Таким образом, в 60-е – первой половине 70-х годов XIX века коллекторская деятельность женщин находилась в русле основных научно-исследовательских работ ОЛЕАЭ.

Помимо включения женщин в текущие научно-исследовательские проекты, ОЛЕАЭ предоставило женщинам – членам общества возможность публиковать результаты своих научных работ, как выступая с научными докладами на заседаниях общества, так и размещая их в печатных изданиях ОЛЕАЭ. Выше мы упомянули публикацию 1869 года исследования Е. К. Фреймут «Первый отдел списка Перепончатокрылых» из коллекции Зоологического музея Московского университета. Предположительно, что это была первая публикация научной работы женщины в трудах ОЛЕАЭ. Описывая зоологические труды общества за 1870 год, А. П. Богданов отмечал: «Е. К. Фреймут представила описание *Pompolyxdimorpha* и некоторых новых видов пилильщиков (*Tenthredinidae*) Туркестанского края. И. И. Мечников сообщил обществу свои замечательные исследования над строением и историей развития сифонофор и медуз, произведенные им вместе с Л. И. Мечниковой»⁵⁹⁶. Видимо, издатели допустили здесь опечатку: не «Л. И. Мечникова», а «Л. В. Мечникова» – Людмила Васильевна Мечникова, урожденная Федорович (1845–1873), племянница (родственница) А. Н. Бекетова, первая жена И. И. Мечникова, с которой тот познакомился в доме Бекетовых в С.-Петербурге и на которой женился в январе 1869 года⁵⁹⁷.

О Л. В. Мечниковой известно очень немного. Ее архив, по-видимому, не сохранился. Упоминания о ней в письмах И. И. Мечникова очень редки и лаконичны⁵⁹⁸. Биограф И. И.

⁵⁹³ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 4.

⁵⁹⁴ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. М., 1868. С. [3].

⁵⁹⁵ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 4.

⁵⁹⁶ Там же. С. 48.

⁵⁹⁷ Мечников И. И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 232.

⁵⁹⁸ См., например: Мечников И. И. Письмо А. О. Ковалевскому. 6 августа 1871 г. // Мечников И. И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 83; *Он же*. Письмо А. О. Ковалевскому. 16/4 ноября 1871 г. // Там же. С. 84 и др.

Мечникова и его вторая супруга О. Н. Мечникова приводит в биографической работе о И. И. Мечникове пространную выписку из письма И. И. Мечникова матери о своей первой невесте, оригинал которого не сохранился. И. И. Мечников пишет: «Ей почти столько же лет, как и мне, т[о] е[сть] 23 с лишним года. Родилась она в Оренбурге, потом долго жила в Кяхте, затем она года два жила за границей и, наконец, поселилась в Москве»⁵⁹⁹. Современные биографы И. И. Мечникова пишут о его первой супруге только, что к моменту свадьбы она уже была тяжело больна туберкулезом и что все годы недолгого брака И. И. Мечников предпринимал попытки ее вылечить⁶⁰⁰. В свою очередь, рассказывая о жизни И. И. Мечникова в Специи в 1869 году, О. Н. Мечникова отмечала: «Людмила Васильевна хорошо рисовала и помогала ему (И. И. Мечникову. — О. В.) делать рисунки к его таблицам. Постепенно она заинтересовалась работой и стала принимать в ней активное участие. Оба были счастливы, довольны, и пребывание в Специи было настоящим оазисом в их жизни»⁶⁰¹. О поездке четы Мечниковых в Сан-Ремо и Виллафранку О. Н. Мечникова пишет следующее: «Людмила Васильевна значительно поправилась и могла даже принимать участие в его (И. И. Мечникова. — О. В.) занятиях. Он тогда исследовал ктенофор, медуз и сифонофор; животные эти интересовали его не только с точки зрения происхождения зародышевых пластов, присутствие которых ему уже удалось доказать у многих низших групп, но также и с точки зрения вопросов общей морфологии органов»⁶⁰². В настоящее время у нас нет источников, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть информацию О. Н. Мечниковой или расширить и уточнить ее. Нам ничего не известно о полученном Л. В. Мечниковой образовании, о ее интересах до замужества. Очень краткое описание О. Н. Мечниковой предполагает, что Л. В. Мечникова старалась помогать мужу в его исследованиях, когда ей позволяло здоровье, и не более того. Тем не менее реферат об этих исследованиях, прочитанный И. И. Мечниковым в ОЛЕАЭ, был сделан, как мы видели выше, от имени их обоих. Более того, описывая наиболее значимые работы ОЛЕАЭ за 1871 год, А. П. Богданов еще раз подчеркнул: «Труд И. И. и Л. В. Мечниковых о сифонофорах и медузах и работа А. П. Федченко над историей развития и анатомией ришты (*Filaria medinensis*), опасного паразита человека, все эти замечательные труды изданы с пояснительными рисунками, вошедшими в состав последнего тома “Известий”»⁶⁰³. Действительно, совместная работа И. И. и Л. В. Мечниковых была опубликована в «Известиях ОЛЕАЭ» в 1871 году под названием «Материалы к познанию сифонофор и медуз»⁶⁰⁴, причем каждый из авторов отвечал за свою часть значительной по объему работы: И. И. Мечников – за сифонофор и Л. В. Мечникова – за медуз, о чем А. П. Богданов, занимавшийся изданием, не мог не знать. Сохранилось несколько писем И. И. Мечникова к А. П. Богданову за 1870 год по поводу публикации статьи, пересылки корректур и исправления различных оплошностей, первое из которых датировано 6 октября 1870 года, а последнее – 25/13 января 1871 года⁶⁰⁵. Из них видно, что И. И. Мечников сам занимался вопросами издания статьи, сам читал и правил корректуры. Имя Л. В. Мечниковой в этой переписке не упоминается ни разу, даже формального приветия от нее И. И. Мечников не передает. Тем не менее из письма от 18 ноября 1870 года, отправленного И. И. Мечниковым из Одессы, видно, что у Л. В. Мечниковой по крайней мере была возможность ознакомления с

⁵⁹⁹ Цит. по: Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л.: Гос. издат., 1926. С. 54.

⁶⁰⁰ Об этом см.: Гайсинович А. Е. Хроника жизни и творчества И. И. Мечникова // Мечников И. И. Письма к О. Н. Мечниковой. 1876–1899. М.: Наука, 1978. С. 4–6.

⁶⁰¹ Мечникова О. Н. Указ. соч. С. 56.

⁶⁰² Там же. С. 57.

⁶⁰³ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 36.

⁶⁰⁴ Мечников И. И., Мечникова Л. В. Материалы к познанию сифонофор и медуз // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. VIII. Вып. 1. С. 295–370.

⁶⁰⁵ Мечников И. И. Письмо А. П. Богданову. 6 октября 1870 г. // Мечников И. И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 79–79; Он же. Письмо А. П. Богданову. 18 ноября 1870 г. // Там же. С. 79; Он же. Письмо А. П. Богданову. 25/13 января 1871 г. // Там же. С. 79–80.

корректурой: «Я давно уже отослал корректуру сифонофор, – пишет И. И. Мечников. – Теперь бы мне очень хотелось получить корректуру медуз. Будьте столь добры, распорядитесь, чтобы выслали мне по адресу: Montreux (Cantonde Vaud. Suisse), pension petit Vautier. Я еду туда на днях и пробуду там до января»⁶⁰⁶. Именно в этом месте, по сведениям комментаторов, в этот период проживала Л. В. Мечникова⁶⁰⁷.

В разделе своего юбилейного труда, посвященном анатомическим и эмбриологическим работам Общества, А. П. Богданов очень подробно анализирует статью Мечниковых, опять-таки ничуть не сомневаясь, что часть работы, посвященная исследованию медуз, была выполнена непосредственно Л. В. Мечниковой. Для начала он дает следующую оценку: «Относительно Coelenterata издания Общества заключают в себе несколько весьма важных работ, принадлежащих И. И. Мечникову, Л. В. Мечниковой, А. О. Ковалевскому, В. Н. Ульянину, А. А. Коротневу и А. А. Тихомирову», – называя имя Л. В. Мечниковой как равной в ряду известных и даже выдающихся зоологов своего времени⁶⁰⁸. И продолжает далее: «Труд Мечниковых явился в 1872 году⁶⁰⁹ под заглавием “Материалы к познанию сифонофор и медуз”. Богатая содержанием и выдающаяся по руководящей мысли работа эта представляет в главных чертах следующее содержание: 1. Сифонофоры. И. И. Мечникова. <...> Медузы были исследованы Л. И. Мечниковой»⁶¹⁰. Анализ части статьи, написанной Л. В. Мечниковой, занимает у А. П. Богданова около шести страниц. Содержание статьи выявляет у писавшего ее автора несомненное естественно-научное образование, знание латинской терминологии, знакомство с литературой по предмету. Текст статьи предполагает, что отлов экземпляров медуз и наблюдения над ними проводились в 1869–1870 годах. В статье описываются наиболее интересные, редкие и новые образцы, но также исследуются особенности их анатомического строения, жизнедеятельности. Так, например, описав формы семейства Sarsiadae, Л. В. Мечникова высказывает, по словам А. П. Богданова, «следующую гипотезу: медузные почки гидроидной колонии превращаются в бесполовое поколение, которое производит посредством или непосредственно молодых медуз, теряющих (или вовсе не имевших) способность размножаться почками и составляющих половое поколение»⁶¹¹. Анализируя анатомическое строение различных видов медуз, Л. В. Мечникова вносила уточнения в их систематизацию. Например, А. П. Богданов считал необходимым остановиться на следующих выводах Л. В. Мечниковой: «Некоторые медузы, причисляемые обыкновенно к роду *Cunina*, оказываются весьма отличными от первых по многим особенностям анатомического устройства. К числу таких медуз принадлежит, например, *Cunina albescens*. У нее не существует тех местных утолщений кожи (так [называемых] *Mantelspangen*), которые весьма характерны для *Cunina rhododactyla*, *proboscidea* и *striata*; краевые тельцы ее, имеющие только по одному отолиту, резко отличаются от краевых телец *C. proboscidea* и *striata*. Эти отличия настолько важны, что, зная их, невозможно далее оставлять в одном роде столь разнородные формы, как, например, *Cunins proboscidea* и *albescens*»⁶¹². «На этом основании, – продолжает А. П. Богданов, – Мечникова предлагает сохранить название *Cunina* для форм, имеющих лучевые и кольцевой каналы, кожные утолщения (*Mantelspangen*) и краевые тельца с несколькими отолитами. Для таких же форм, которые этих частей не имеют, она предлагает употреблять старинное название *Poluxenia*, данное еще

⁶⁰⁶ Мечников И. И. Письмо А. П. Богданову. 18 ноября 1870 г. // Там же. С. 79.

⁶⁰⁷ Мечников И. И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 238.

⁶⁰⁸ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888). Т. 2: Анатомические и эмбриологические работы Общества. М., 1890 (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды зоологического отделения Общества. Т. VII). С. 3.

⁶⁰⁹ Так в тексте. — О. В.

⁶¹⁰ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 3, 12.

⁶¹¹ Там же. С. 13.

⁶¹² Там же. С. 17–18.

Эшольцем»⁶¹³. Этот текст, содержащиеся в нем наблюдения и выводы не похожи на ученическую работу человека, только что увлекшегося занятиями своего молодого мужа.

Совместная статья Мечниковых – первая научная работа за подписью женщины, опубликованная в «Известиях ОЛЕАЭ». В 1876 году в «Известиях ОЛЕАЭ» было опубликовано «Донесение неперменного члена общества А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной» вместе с «мнением Д. П. Солнцева» по данному вопросу⁶¹⁴. И это великое для ученого, тем более ученого молодого, преимущество – возможность бесплатно публиковать результаты своих наблюдений в серьезном научном периодическом издании, знакомить таким образом с ними своих коллег, видеть их оценку – была предоставлена научными обществами женщинам – членам обществ, хотя в случае с Л. В. Мечниковой она даже не была членом ОЛЕАЭ. Наиболее ранние по времени «женские» публикации начали появляться в периодических трудах различных научных обществ в конце 60-х – начале 70-х годов, как это видно из таблицы 3.

Таблица 3. Первые публикации женщин в периодических изданиях российских естественно-научных обществ (60–70-е гг. XIX в.)

Ф.И.О.	Название общества	Год публикации	Название статьи	Место публикации
Е. К. Фреймут	ОЛЕАЭ	1869	«Первый отдел списка Перепончатокрылых»	Зоологический музей Императорского Московского университета. На правах рукописи.
Е. К. Фреймут	ОЛЕАЭ	1870	« <i>Pompholyx dimorpha</i> n. sp., новая безкрылая форма из семейства Пилильщинок (Tenthredinidae) и несколько других новых видов этого семейства»	Известия ОЛЕАЭ. 1870. Т. VIII. Вып. 1. С. 214.
А. Ф. Волкова	Русское химическое общество	1870	«Об изомерных серноуглеводородных кислотах»	Журнал Русского физико-химического общества. 1870. Т. 2. С. 161–173.
А. Ф. Волкова	Русское химическое общество	1870	«О кислотах, образующихся замещением водорода в амидах серноуглеводородных кислот кислотными радикалами»	Журнал Русского физико-химического общества. 1870. Т. 2. С. 243–252.
Л. В. Мечникова (совместно с И. И. Мечниковым)	ОЛЕАЭ	1871	«Материалы к познанию сифонофор и медуз»	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. VIII. Вып. 1. С. 295–370.
А. Ф. Волкова	Русское химическое общество	1871	«О новых амидах-кислотах»	Журнал Русского физико-химического общества. 1871. Т. 3. С. 242–246; 1872. Т. 4. С. 7–14.
А. Ф. Волкова	Русское химическое общество	1872	«Действие пятихлористого фосфора на амидокислоты (Хлорангидриды и амиды амидо-кислот)»	Журнал Русского физико-химического общества. 1872. Т. 4. С. 39–45.
О. А. Федченко (совместно с М. И. Бродовским, Д. Л. Ивановым, И. Л. Краузе, А. П. Федченко)	ОЛЕАЭ	1872	Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки	Отдельное издание: М.: ОЛЕАЭ, 1872.

Заметим в скобках, что отдельные редкие публикации женщин по естественным наукам появлялись еще до того, как женщины начали сотрудничать с научными обществами, особенно если это были детские книги или учебные атласы и пособия. Можно даже найти журнальные рецензии на них. Например, еще в 1849 году Анна Дараган опубликовала «Естественную историю животных»⁶¹⁵, удостоенную, правда, крайне недоброжелательной рецензии в журнале «Современник»⁶¹⁶. В 1864 году переводчица и детская писательница Елизавета Александровна Клевецкая (1804–?) опубликовала «Ботанический атлас»⁶¹⁷, также заслуживший очень резкую рецензию, опубликованную на этот раз в «Книжном вестнике». Ее автор написал следующее:

⁶¹³ Там же. С. 18.

⁶¹⁴ Раевская А. М. Донесение неперменного члена общества А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1876. Т. XX: Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1: Протоколы заседаний отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года). С. 3–33.

⁶¹⁵ Дараган А. М. Естественная история животных, рассказанная для детей. СПб.: В. Исаков, 1849. 370 с., ил.

⁶¹⁶ Естественная история животных. Составила по известнейшим образцам Анна Дараган. Выпуск 1-й. С.-Петербург. 1849. С рисунками в тексте. Изд. В. А. Исакова // Современник. Литературный журнал. 1849. Т. 14. С. 48–54.

⁶¹⁷ Клевецкая Е. А. Ботанический атлас расцвеченный с кратким объяснением 89-ти находящихся в нем растений и с приложением начальных понятий о ботанике. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1864. 17 с., 18 л. ил.

«Этот атлас не вносит ничего нового в нашу учебную литературу; в составлении его не заметна решительно никакая педагогическая идея. Каждая таблица представляет 3–4 ветки или цветка каких-нибудь растений, сделанных без всякого соблюдения какого бы то ни было общего масштаба (хоть в тексте и указаны иногда их размеры в природе), без малейшего соотношения во внешних формах, с фантастической раскраской, только замазывающей и без того не ясно сделанные рисунки. Каждому из этих последних соответствует несколько строк в тексте, написанных Бог-весть для кого, только не для учеников, потому что нет в них ботанических описаний, и не для учителей – потому что это решительно не педагогические указания на то, *что*⁶¹⁸ должно быть объяснено ученику на основании такого-то рисунка. Растения взяты из всевозможных местностей земли, но некоторые, для *нашего* ученика очень важные (напр[имер] картофель) не попали в атлас»⁶¹⁹. Подобный отзыв, однако, не помешал другому библиографу, А. Ф. Головачеву, включить работу Клевецкой в свой специализированный указатель: «Библиографический указатель по естественным наукам в России с 1856 по 1869»⁶²⁰. И, конечно, в 1868 году была опубликована докторская диссертация Надежды Прокофьевны Сусловой (1843–1918) – первой российской женщины, получившей степень доктора медицины в зарубежном университете: «Прибавления к физиологии лимфатических сердец»⁶²¹. Но эти публикации были либо не научными, а научно-популярными и образовательными, либо, как в случае с диссертацией Н. П. Сусловой, одноразовыми. ОЛЕАЭ же предоставило площадку для систематических публикаций научных исследований.

В целом ОЛЕАЭ вовлекало своих членов-женщин в посещение заседаний общества, в участие в его организационной деятельности по проведению различных научных мероприятий, позволяло участвовать в программах научных исследований и, наконец, докладывать и публиковать результаты своих исследований в заседаниях и трудах общества. Однако общество любителей естествознания, антропологии и этнографии с самого начала своего существования хотело заявить о себе чем-то большим, чем скромные локальные исследования или даже научные выставки. Руководители общества искали подходящего случая для вовлечения его в большой научно-исследовательский проект, желательно государственного значения, результаты которого были бы настолько значительными, что репутация общества как в ученом мире, так и в руководящих кругах российского государства утвердилась бы раз и навсегда. С наибольшей долей вероятности подобным проектом могла бы стать научная экспедиция. Однако, когда в Российской империи возникала необходимость в масштабной географической экспедиции, государство традиционно обращалось в Русское географическое общество, чья репутация к 60-м годам XIX века, совершенно справедливо, не нуждалась в подтверждении. Тем не менее случай представился. ОЛЕАЭ выступило организатором и научным руководителем знаменитой в истории отечественной науки Туркестанской экспедиции А. П. Федченко, чьей официальной и полноправной (с научно-исследовательской точки зрения) участницей стала член-основатель общества О. А. Армфельд, к моменту начала экспедиции уже вышедшая замуж за А. П. Федченко и, соответственно, превратившаяся в О. А. Федченко.

⁶¹⁸ Здесь и далее – курсив автора. — О. В.

⁶¹⁹ Дополнение к прежней библиографии. 557. *Клевецкая Е. [А.]* Ботанический атлас, расцвеченный с кратким объяснением 89 находящихся в нем растений // Книжный вестник. Журнал книжно-литературной деятельности в России. 1864. № 10 (31 мая). С. 199.

⁶²⁰ *Головачев А. Ф.* Библиографический указатель по естественным наукам в России с 1856 по 1869. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1870. 116 с.

⁶²¹ *Сулова Н. П.* Прибавления к физиологии лимфатических сердец: Дисс. на степень д-ра мед., хирургии и акушерства, представленная Мед. фак. Цюрихск. унта Надеждой Сусловой. СПб.: Тип. Мюллера, 1868. 19 с.

Глава 3

Российская женщина – почти полноправный участник масштабной географической экспедиции (1868–1872)

...предлагаю вам, милостивый государь, оказывать г. Федченко и отправляющейся с ним в качестве ученого жсе его жсене всякое содействие в возложенном на него поручении.

Письмо Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана начальнику Зеравшанского округа А. К. Абрамову. 4 октября 1868 г.

«Туркестанская экспедиция А. П. Федченко» – название, под которым почти трехлетняя исследовательская работа супругов Федченко в Туркестане известна в литературе, – стала одним из самых знаменательных научных событий своего времени, что признавали как современники, так и историки науки. «А. П. Федченко <...> собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многочисленных исследователей Туркестана новейшего времени. Путешествия А. П. Федченко отличаются не обширностью маршрутов, а необыкновенною основательностью и поразительным разнообразием наблюдений; пройденные им пространства невелики, но добытые результаты настолько значительны и важны, что сделали бы честь и многолетней экспедиции», – писал, например, И. В. Мушкетов⁶²². Неудивительно поэтому, что история этого путешествия или, точнее, серии путешествий привлекала пристальное внимание как современников, так и историков. В настоящее время опубликованы и доступны подробные маршруты экспедиции, отчеты А. П. Федченко, 24 выпуска обработанных и изданных под редакцией О. А. Федченко материалов экспедиции, а также историко-научные исследования, посвященные истории изучения Туркестанского края, научных учреждений (в частности, Русского географического общества) и научной биографии А. П. Федченко⁶²³. Однако большинство историков науки о роли в экспедиции О. А. Федченко упоминают предельно кратко, без каких-либо подробностей, а многие тексты отчетов А. П. Федченко стилистически написаны так, как будто бы он вообще путешествовал в одиночестве. Так, например, доктор географических наук А. А. Азатьян в подробной монографии, посвященной биографии А. П. Федченко, пишет об участии в экспедиции О. А. Федченко: «На протяжении всей жизни А. П. Федченко Ольга Александровна была наиболее близким его другом, участником всех путешествий, перенося все тяготы и невзгоды экспедиций с поразительной для женщины отвагой и мужеством»⁶²⁴. Посвятив далее около абзаца био-

⁶²² Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1. Пг., 1915. С. 326–327.

⁶²³ См.: Список посещенных местностей // Федченко О. А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах. Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1902. Т. III: Путешествие в Туркестан А. П. Федченко, вып. 24: Ботанические исследования. С. 175–180 (здесь опубликован подробный – по дням – маршрут всех поездок и экскурсий, совершенных О. А. Федченко в Туркестане, начиная с ее первого дня в Ташкенте 15 декабря 1868 г.); Мушкетов И. В. Указ. соч. С. 326–337; Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739–747; Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950 (это издание представляет собой сборник всех публиковавшихся ранее отчетов об экспедиции, а также описание путешествия в Кокандское ханство); [Маслова О. В.] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 70–89; Азатьян А. А. А. П. Федченко – географ и путешественник. М.: Географгиз, 1956; Он же. А. П. Федченко // Азатьян А. А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.) Ч. 1. Ташкент, 1960. С. 69–141; Он же. А. П. Федченко // Азатьян А. А. Классический период в географическом познании Средней Азии (вторая половина XIX в.): Опыт историко-географической монографии. Ч. 1. Ташкент, 1964. С. 96–126; Леонов Н. И. А. П. Федченко. М.: Наука, 1972, а также в кн.: История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969 и др.

⁶²⁴ Азатьян А. А. А. П. Федченко – географ и путешественник... С. 10.

графии О. А. Федченко, А. А. Азатьян затем продолжает: «Труды Ольги Александровны во многом содействовали успешным исследованиям в Туркестане. Прекрасная художница, Ольга Александровна запечатлела в своих рисунках много интересного из знаменитого Туркестанского путешествия»⁶²⁵. Однако этим и исчерпываются упоминания об участии О. А. Федченко в экспедиции, за исключением некоторых коротких фраз наподобие: «Ольга Александровна собрала богатый гербарий песчаной флоры, заключающий более 200 видов...»⁶²⁶ С одной стороны, подобное изложение материала естественно, поскольку монография и другие статьи А. А. Азатьяна и других историков изучения Средней Азии посвящены непосредственно биографии А. П. Федченко; с другой стороны, Туркестанская экспедиция состояла из двух постоянных участников, об одном из которых за вторую половину XX века было написано несколько монографий, а о другом – до последнего времени – две-три статьи⁶²⁷. Таким образом, поскольку общая история Туркестанской экспедиции исследована достаточно подробно, мы остановимся в основном на роли в экспедиции О. А. Федченко.

Алексей Павлович Федченко (1844–1873), всего на год старше О. А. Федченко, родился в Сибири и провел детство в Иркутске, окончив там мужскую гимназию. В 1860 году, по окончании гимназии, А. П. Федченко поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, сразу оказавшись в центре научной жизни России в период ее начинавшегося расцвета. Здесь он познакомился с Г. Е. Щуровским, А. П. Богдановым, А. О. Армфельдом, сыгравшими впоследствии такую значительную роль в его судьбе. Присоединившись к кружку молодежи, собиравшемуся вокруг А. П. Богданова, часто бывая в Зоологическом музее университета, А. П. Федченко в 1862 году познакомился с О. А. Армфельд⁶²⁸. А. П. Федченко интересовался многими науками естественно-научного цикла: ботаникой, зоологией, в частности энтомологией, антропологией. Во многом его интересы совпадали с интересами О. А. Армфельд, которая в это время еще училась в Николаевском институте. В 1864 году А. П. Федченко окончил университет с дипломом кандидата (в тот же год, когда О. А. Армфельд окончила свой институт) и в 1865 году был принят на работу преподавателем естественной истории в 3-й класс Московских училищ ордена Св. Екатерины и Александровского, поскольку, не имея никакого состояния, должен был зарабатывать себе на жизнь⁶²⁹. Но А. П. Федченко стремился к профессиональной научной деятельности и искал возможности устроиться на работу в Московский университет. Он активно участвовал в деятельности ОЛЕАЭ, являясь, так же как и О. А. Армфельд, одним из его членов-основателей. В 1866 году он был назначен на должность помощника инспектора студентов Московского университета. В 1864–1866 годах О. А. Армфельд и А. П. Федченко много времени проводили вместе, и это было время, проведенное за научной работой. О. А. Армфельд перевела для А. П. Федченко первую часть «Антропологии» Теодора Вайца⁶³⁰ и вместе с ним переводила вторую⁶³¹, помо-

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Там же. С. 65.

⁶²⁷ До публикации нашей монографии (Валькова О. А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.), и если не считать прижизненных, как правило юбилейных, статей и посмертных некрологов, можно было найти: 1) две научно-популярные статьи: Ципоруха М. И. Первая путешественница ученый-ботаник в горах Средней Азии // Ципоруха М. И. Их позвали в дорогу любовь и долг: Очерки об отечественных путешественниках. М., 2001. С. 39–56; Тишкин Г. А. Она осуществила мечты своей юности (Ольга Александровна Федченко) // Глобус 1985. Л., 1985. С. 369–371; 2) заметку в Большой советской энциклопедии: Федченко Ольга Александровна // Большая советская энциклопедия / 2-е изд. Т. 44. М., 1956. С. 584; 3) а также две статьи, опубликованные в зарубежных изданиях: Lièvre A. le. Fedtschenkoana // The Garden. 1987. Vol. 112. Part. 1 (January). P. 65–68; Raven Susan, Weir Alison. Olga Alexandrowna Fedchenko // Raven Susan, Weir Alison. Women of Achievement: Thirty-Five Centuries of History. New York, 1981. P. 266–267.

⁶²⁸ Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

⁶²⁹ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 26.

⁶³⁰ Вайц Т. Антропология первобытных народов Теодора Вайца, проф. философии в Марбурге / Пер. А. П. Федченко.

гала ему с антропологическими измерениями черепов младенцев в Воспитательном доме, вела для него иностранную переписку, вместе с ним и для него собирала коллекции насекомых, переданные впоследствии в Зоологический музей университета и вошедшие в работу А. П. Федченко «Список двукрылых»⁶³².

Рис. 12. Портрет А. П. Федченко (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

М., 1867. Вып. 1. 216 с.

⁶³¹ См.: Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁶³² Федченко А. П. Список двукрылых насекомых. М.: изд. О-ва, 1868. 192 стб. (Известия ОЛЕАЭ. 1868. Т. VI. Вып. 1).

Рис. 13. Портрет **О. А. Федченко** (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

О. А. Армфельд, в отличие от А. П. Федченко, принадлежала к вполне состоятельной семье. Ее отец имел чин действительного статского советника. Но разница в положении и состоянии ничего не значила для нее и не воспринималась как препятствие даже старшим поколением ее семьи. Хотя положение О. А. Армфельд на социальной лестнице было гораздо выше, чем положение А. П. Федченко, а ее материальное состояние просто несравнимо с его состоянием, по законам страны она была лишена другого, гораздо более для нее важного – возможности поступить в университет, получить систематическое высшее образование, профессионально заниматься научной деятельностью. Общность научных интересов и устремлений, объединявшая молодых людей жажда познания мира стали прочной основой для их союза. Нет никаких сомнений в том, что ко дню свадьбы О. А. Армфельд и А. П. Федченко неплохо знали друг друга и их планы на будущее вполне совпадали. (К сожалению, существовавшие

письма А. П. к О. А. либо не сохранились, либо пока еще не обнаружены⁶³³.) Они поженились в 1867 году.

В том же 1867 году ОЛЕАЭ впервые громко заявило о себе организацией в Москве Этнографической выставки, завоевавшей уважение научного сообщества и популярность у московской публики. Выставку посетило немало высокопоставленных особ, и среди них – генерал-губернатор Туркестанского края Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882)⁶³⁴. Генерал-губернатор подыскивал лиц (или организацию), способных взяться за выполнение самых необходимых естественно-научных исследований в подведомственном ему Туркестанском крае. Г. Е. Щуровский мгновенно понял, какой шанс участие в подобном проекте представляет для общества. После первого разговора во время посещения выставки К. П. фон Кауфман и Г. Е. Щуровский обменялись несколькими письмами. В результате была достигнута следующая договоренность: К. П. фон Кауфман принимает на службу ученого, рекомендованного обществом, в обязанности которого будет входить изучение края в естественно-научном отношении; ОЛЕАЭ обеспечивает ему полное научное содействие и поддержку. Ученым, избранным ОЛЕАЭ для исполнения этой миссии, стал А. П. Федченко.

Общество проголосовало за кандидатуру А. П. Федченко 25 января 1868 года, однако различные согласования заняли немало времени. В итоге в распоряжении ОЛЕАЭ оказался почти год для подготовки экспедиции. Эта подготовка велась в двух направлениях: во-первых, общество привлекло выдающихся ученых к работе по составлению подробных инструкций для экспедиции; во-вторых, А. П. Федченко был командирован за границу для проведения необходимых подготовительных мероприятий, в том числе личного знакомства с зарубежными исследователями, музейными коллекциями, покупки необходимого научного оборудования и тому подобное. Поскольку с самого начала предполагалось, что Ольга Александровна Федченко станет сопровождать своего мужа в Туркестан, то она поехала вместе с ним и в Европу.

В феврале 1868 года супруги Федченко выехали в Южную Италию. Большую часть своей командировки, около двух месяцев в марте–мае 1868 года, они провели в Неаполе, где А. П. Федченко посещал Неаполитанскую морскую биологическую станцию (в тот момент там работала целая группа российских зоологов во главе с А. П. Богдановым), встречался со многими иностранными учеными. О. А. Федченко, в свою очередь, посвящала время сбору гербариев. «Живя все время в <...> Неаполе, – пишет Б. А. Федченко, – О. А. [Федченко] совершала постоянно экскурсии в окрестностях с его богатой флорой и собрала большой гербарий, около 500 видов, сохранившийся до сих пор в целостности у Б. А. [Федченко]. Сбор растений и их изучение позволили О. А. [Федченко] хорошо ознакомиться с типичной флорой Средиземноморской области, что очень пригодилось для ботанических работ О. А. [Федченко] в Средней Азии, куда она отправилась уже в том же году»⁶³⁵. На обратном пути из Италии супруги Федченко задержались на месяц в Австрии. Вначале они остановились в Триесте, где О. А. Федченко провела несколько ботанических экскурсий – сухопутных (в окрестностях Зауле) и морских – по флоре морских водорослей, в то время как А. П. Федченко изучал фауну Адриатического моря. Далее они направились в Вену, где провели около двух недель, за которые О. А. Федченко успела осмотреть ботанические учреждения Вены и немного поработать в них, сделав некоторые справки⁶³⁶.

⁶³³ О. А. Федченко упоминает о существовании этих писем в своем письме к А. П. Богданову от 4 марта 1874 г.: «Я напр[имер] дала многие письма А[лексея] П[авловича] ко мне», – пишет она, обращаясь с просьбой к Богданову передать имевшиеся у него письма А. П. Федченко Д. Л. Иванову, собиравшемуся в тот момент писать его биографический очерк. Правда, это намерение так и не было исполнено (Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 7 об.).

⁶³⁴ Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – почетный член Императорской академии наук с 7 декабря 1873 г.

⁶³⁵ Федченко Б. А. О. А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. Б.д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.

⁶³⁶ Там же. Л. 7.

Лето 1868 года О. А. Федченко провела в Подмосковье, в имении своей семьи Трепаво. Здесь она собирала коллекции подмосковной флоры: «Летом 1868 г. собирала растения в Можайском уезде и особенно в Рузском, на озерах Тростенском и Глубоком», – писала она впоследствии в своей автобиографии⁶³⁷. Позднее материалы этого гербария были использованы В. Я. Цингером в его исследовании «Сборник сведений о флоре Средней России»⁶³⁸. 23 октября 1868 года супруги Федченко выехали в Туркестан⁶³⁹.

А. П. Федченко был назначен главой экспедиции, юридически состоявшей из него одного. С 1 октября 1868 года он официально был направлен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора⁶⁴⁰. К. П. фон Кауфман достаточно четко представлял себе, что именно он хочет получить от своего нового сотрудника: «...обязанность Ваша, – писал он А. П. Федченко, – будет заключаться в научном исследовании вверенного мне края, согласно инструкции общества и моих указаний...»⁶⁴¹ Инструкции, составленные специальной комиссией ОЛЕАЭ под председательством президента общества Г. Е. Щуровского и с привлечением многих известных специалистов, были достаточно подробными. Они охватывали следующие направления: зоологию и антропологию, «как главные предметы экспедиции», геологию, ботанику, этнографию и географию⁶⁴². Хорошо понимая, что в полевых условиях точное следование даже самым подробным инструкциям может оказаться затруднительным, комиссия, однако, «... признала необходимым поставить на вид следующие требования, которые она считала наиболее необходимыми: 1) Составление коллекций местных естественных произведений и продуктов, от них получаемых. 2) Изучение беспозвоночных животных вообще. 3) Изучение фауны Аральского моря и озер. 4) Изучение домашних животных. 5) Производство антропологических и в особенности краниологических исследований над туземным населением. 6) Раскопка курганов и 7) По возможности разностороннее изучение местностей, еще не посещенных другими путешественниками, если в таких местностях придется производить наблюдения...»⁶⁴³. Основными предметами специализации А. П. Федченко как раз и были зоология и антропология, что во многом определило выбор его кандидатуры. Однако подготовка А. П. Федченко в области ботаники была совсем не такой глубокой. Правда, как выясняется при изучении документов, с самого начала предполагалось, что ботаническими исследованиями будет заниматься другой человек. Это было беспрецедентное решение в истории отечественной науки: женщина – полноправный участник экспедиции, полностью отвечавший за какое-то направление исследований. Конечно, формально О. А. Федченко просто сопровождала мужа, и ни в каких документах ОЛЕАЭ не содержится сведений о ее официальном назначении или, например, жаловании. Тем не менее ее роль была известна всем заинтересованным лицам. Единственное же письменное упоминание о статусе О. А. Федченко, относящееся к периоду подготовки экспедиции, содержится в письме К. П. фон Кауфмана начальнику Зеравшанского округа генералу Александру Константиновичу Абрамову (1836–1886) от 4 октября 1868 года. Письмо содержит приказ Кауфмана об оказании всяческого содействия А. П. Федченко, которому предписывается начать свою научную деятельность как раз с Зеравшанского округа: «Сообщая о вышеизложенном к сведению вашего превосходительства, – пишет Кауфман, – предлагаю вам, милостивый государь, оказывать г[осподину] Федченко и *отправляющейся с ним в каче-*

⁶³⁷ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁶³⁸ Цингер В. Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 520 с.

⁶³⁹ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁶⁴⁰ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 30.

⁶⁴¹ Отношение г. Туркестанского генерал-губернатора на имя А. П. Федченко // Инструкция для Туркестанской экспедиции. Известия ОЛЕАЭ. 1869. Т. III. Вып. 2. С. 4.

⁶⁴² [Щуровский Г. Е.] Предисловие // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 3.

⁶⁴³ Там же.

стве ученого же его жене⁶⁴⁴ всякое содействие в возложенном на него поручении»⁶⁴⁵. Через много лет после окончания экспедиции, 17 марта 1902 года, выпуская в свет «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах», О. А. Федченко писала: «Задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне»⁶⁴⁶.

Инструкции или, точнее, «мнения», касавшиеся ботанических исследований, были составлены Н. Н. Кауфманом, В. Д. Мешаевым (членом ОЛЕАЭ), Н. М. Агениковым (директором Главного училища садоводства в Умане), а также академиком Н. И. Железновым⁶⁴⁷ (директором Петровской земледельческой академии)⁶⁴⁸. В них присутствовали личные пожелания ученых, интересовавшихся теми или другими растениями Туркестанского края, список ботанической литературы по туркестанской флоре, список известных растений Туркестана, практические рекомендации по собиранию коллекций, методам их сохранения и пр. Наиболее важным, разумеется, было составление ботанических коллекций. Задачи, стоявшие перед ботаником экспедиции в данном отношении, наиболее четко сформулировал Виктор Дмитриевич Мешаев. Он писал: «Что касается до составления ботанических коллекций, то желательно, чтобы в состав их входили следующие предметы: I) Полные экземпляры растений, цельные и по возможности хорошо сохраненные: а) высушенные в естественном положении в песке или обыкновенным способом между пропускною бумагою; б) в жидкости – мясистые; в) в рисунках и фотографиях – растения слишком больших размеров; при этом уменьшения должны быть по возможности одного масштаба (10, 100, 400 раз). II) Отдельные части растений: Стебли (цельные или в отрубках), корни, цветы, плоды и проч.; сочные и мясистые в жидкости, не изменяющиеся – высушенными. 3) Продукты растений: а) продукты в том виде и форме, как они выделяются, напр[имер] смолы, воск, нераздельно с самою частию, их выделившею; б) продукты, получаемые от растений, как они поступают в торговлю и в чистом виде. 4. Наиболее характерные образцы произведений из продуктов для показания свойств и приложения последних. 5. Уроdlivosti и болезни растений, в особенности хорошо сохраненные (мягкие части в жидкости) или верно и отчетливо выраженные в рисунках. Все предметы должны быть целны и свежи. При каждом обозначается местность, время сбора, местное название и проч[ее]»⁶⁴⁹. Пожелания Н. Н. Кауфмана почти точно совпадали с инструкциями В. Д. Мешаева: «В ботаническом отношении, – писал Н. Н. Кауфман, – было бы очень интересно получить из Туркестанского края следующее: 1) Сушеные растения, встречающиеся в несомненно диком состоянии в Туркестанской области, и их семена. Желательно, чтобы образцы этих растений были полные, т[о] е[сть] состояли из веток с цветами и даже с плодами и чтобы при каждом растении было показано время (число и месяц) его сбора и его местонахождение (название города или местечка и характер местности). Если растения маленькие, то они могут быть высушены с корнем»⁶⁵⁰. Таким образом, в непосредственные обязанности О. А. Федченко входил сбор ботанических коллекций. Но этим ее участие в экспедиции не ограничивалось: за отсутствием фотографа на нее также легли обязанности экспедиционного художника.

О. А. и А. П. Федченко выехали из Москвы 23 октября 1868 года. Их путь лежал в Ташкент и далее, в только что завоеванный Самарканд, поскольку, как уже упоминалось выше,

⁶⁴⁴ Курсив наш. — О. В.

⁶⁴⁵ 1868 г. октября 4. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана начальнику Зеравшанского округа А. К. Абрамову // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 53.

⁶⁴⁶ Федченко О. А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902. С. [П].

⁶⁴⁷ Железнов Николай Иванович (1816–1877) – ботаник, эмбриолог, специалист в области физиологии растений; экстраординарный академик по прикладной ботанике с 7 июня 1857 г.

⁶⁴⁸ См.: Инструкции по ботанике // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 26–34.

⁶⁴⁹ Записка действительного члена Общества В. Д. Мешаева о туркестанской флоре // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 27.

⁶⁵⁰ Мнение члена-основателя Общества и члена Комиссии профессора Н. Н. Кауфмана // Там же. С. 26.

первым объектом их исследования должна была стать Зеравшанская долина. Железной дороги до Ташкента в то время еще не существовало, так что путешественники ехали до Нижнего Новгорода, а оттуда по Волге до Симбирска и далее в Самару (сделав при этом некоторый крюк). Около Самары Федченки были застигнуты начавшейся зимой и сильным снегопадом. Так, уже по санному пути они проехали Оренбург и Орск⁶⁵¹. «С Орска начинается собственно путешествие по степи, на киргизских лошадях, с ямщиками, киргизами, не понимающими ни слова по-русски», – писал А. П. Федченко⁶⁵². Путешествие было небыстрым и лишенным каких бы то ни было удобств. Правда, супругам Федченко повезло: во время их переезда через Каракумы мороз заморозил мокрые пески, что сильно облегчило путь. Далее дорога проходила таким образом, что пришлось несколько раз переправляться через Сырдарью со всем достаточно громоздким багажом часто при самых неблагоприятных условиях. В целом путь до Ташкента занял 53 дня: «Поздно вечером 14-го декабря, после 53 дневного почти безостановочного путешествия, мы въехали в Ташкент», – писал А. П. Федченко⁶⁵³. А уже 28 декабря они отправились дальше. Почтового сообщения с Самаркандом еще не существовало, но супругов Федченко на всем протяжении их пути ждали конные подставы, так что, несмотря на сильные метели, они добрались до Самарканда всего за 6 дней. Д. Л. Иванов, впоследствии горный инженер и известный исследователь Памира, в 1869 году бывший всего лишь сосланным за участие в тайном обществе в военную службу студентом, вспоминал: «Прибытие супругов Федченко, конечно, вызвало немало разговоров: уже одно то, что ученым являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края»⁶⁵⁴.

Время с 3 января по 15 апреля 1869 года А. П. и О. А. Федченко провели в Самарканде, изучая сам город и его окрестности, как отмечал А. П. Федченко, «в районе не более 10-ти верст во все стороны» от Самарканда⁶⁵⁵. Несмотря на то что часть этого времени пришлось на зимние месяцы, О. А. Федченко начала составлять гербарий местной флоры. «Ботаническая коллекция составляется с величайшею тщательностью и в настоящее время содержит уже более 200 видов в 2500 с лишком экземпляров, – отмечал А. П. Федченко, добавляя: – Леман из долины Зеравшана привез только 348 видов, собранных на пространстве от Бухары до ручья Фон»⁶⁵⁶.

---

⁶⁵¹ Подробный маршрут А. П. и О. А. Федченко от Орска до Самарканда опубликован в: *Федченко А. П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 23 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.)* // Московские университетские известия. 1869. № 7. С. 53–55.

⁶⁵² Там же. С. 6.

⁶⁵³ *Федченко А. П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции...* С. 14.

⁶⁵⁴ *Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко* // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 100.

⁶⁵⁵ *Федченко А. П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции...* С. 17.

⁶⁵⁶ Там же. С. 41.

Рис. 14. Ригистан, главная площадь в Самарканде (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Однако с наступлением весны супруги Федченко предприняли поездку по долине Зеравшана, занявшую больше месяца: с 24 апреля по 1 июня 1869 года. Предполагалось выехать раньше, но выступление экспедиции было отложено из-за неблагоприятной для русских обстановки в Бухаре. Кроме А. П. и О. А. Федченко, в экспедиции участвовали препаратор И. И. Скорняков и юнкер В. Ф. Вельцин, имевший опыт в собирании насекомых. Кроме того, поскольку «предстояло большую часть пути совершать по границам недавно занятого округа, то экспедиции был придан достаточно сильный военный конвой, дававший, – по словам А. П. Федченко, – возможность с полной уверенностью рассчитывать на посещение многих любопытных местностей»⁶⁵⁷. В добавление к конвою экспедиции придали еще четырех джигитов для передачи сообщений. Генерал-майор А. К. Абрамов, чьим заботам К. П. фон Кауфман поручил своих ученых, относился к данному ему поручению с полным вниманием и не хотел рисковать безопасностью подопечных. Маршрут экспедиции был следующим: Самарканд, Катта-Курган, Пейшамбе, селение Джизман, Джизманское ущелье, селение Пейшамбе, Катта-Курган, озеро Чарик-куль, селение Чарик-тюбе, селения Улус, Джам, Джамское ущелье, Кара-тюбинское ущелье, селение Кара-тюбе, селение Ходжа-дук, Ургут, селение Гхуз, селение Чим-курган, Пенджикент, далее вверх по Зеравшану, селение Иори, Пенджикент, Самарканд⁶⁵⁸.

⁶⁵⁷ Федченко А. П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г. // Сорок девятое заседание Общества 12 июня 1870 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год седьмой. Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. I. С. 136.

⁶⁵⁸ См.: Маслова О. В. Указ. соч. С. 72.

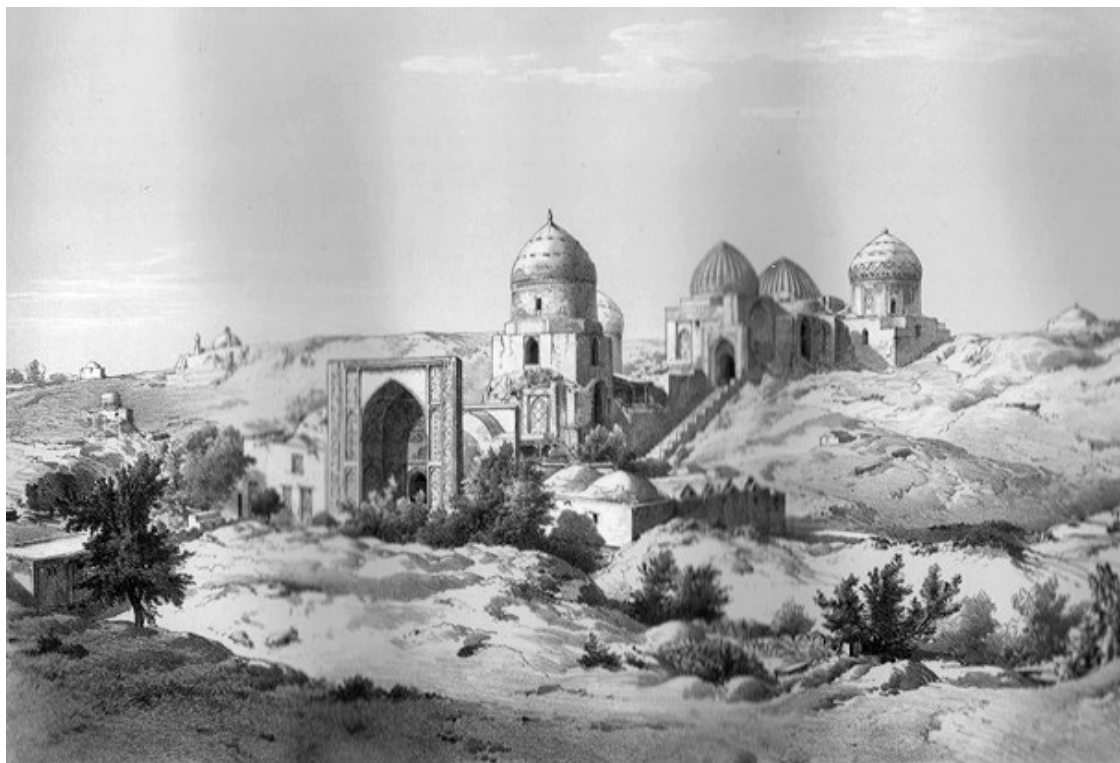

Рис. 15. **Шах Зинда в окрестностях Самарканда** (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Результатами этого первого длительного путешествия стали: «1) Собрание животных из разных классов до десяти тысяч экземпляров, по большей части не встреченных на прежних экскурсиях близ Самарканда. 2) Большой гербарий растений как степных, так и горных; в числе их образцы загадочного доселе растения сумбул. 3) Сведения о географическом распределении главных племен – таджиков и узбеков. 4) Съёмка в 5 верстном масштабе пройденного пути и пространства от Шахризьябских гор до Заравшана, всего 8000 кв. верст, произведенная командированными при экспедиции офицером Куцеем и топографом Новоселовым, а также частные съёмки в двухверстном масштабе Джамского ущелья и дороги Сангы-Джуман. 5) Распросные сведения о долине Шахризьяба, ущельях Магианском и Кштутском и об озере Искандер-куле. 6) Альбом рисунков»⁶⁵⁹. Среди этих результатов гербарий и альбом рисунков были полностью заслугой О. А. Федченко. Но она также успевала помогать мужу и со сбором зоологических коллекций. Кроме того, ее навыки и умения художницы пригодились при картографической съёмке местности. Загадочное растение сумбул, тайну которого особо хотели разгадать ботаники, составлявшие инструкции для экспедиции, и за нахождение которого Императорская академия наук объявила премию, было найдено (встречается в Магианских горах около Пенджикента, принадлежит к семейству зонтичных) и впоследствии передано И. Д. Чистякову для исследования.

Летние месяцы (3 июня – 20 августа) А. П. и О. А. Федченко вновь провели в Самарканде и его ближайших окрестностях, только в августе совершив пятидневную поездку на несколько мелких озер, расположенных на север от Самарканда. Все эти летние месяцы «экскурсии с зоологической и ботанической целью продолжались непрерывно, но результаты их далеко не были так плодотворны, как в весенние месяцы, хотя в это время и попало довольно

⁶⁵⁹ Федченко А. П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г. ... С. 158–159.

много форм новых и оригинальных», отмечал А. П. Федченко⁶⁶⁰. Таким образом, к концу августа 1869 года стало понятно, что, во-первых, из-за неблагоприятного времени года сбор естественно-научных коллекций сильно замедлился, а во-вторых, пришло время «приступить ко второй половине труда натуралиста, а именно озаботиться разработкой коллекции». Поскольку это последнее было возможно «только в большом музее, при обширных литературных пособиях и <...> при участии нескольких специалистов», то А. П. Федченко обратился с просьбой к К. П. фон Кауфману командировать его в Москву⁶⁶¹. Каковая командировка и была разрешена. Уже 12 октября 1869 года А. П. и О. А. Федченко приехали в Москву и прежде всего приступили к разбору привезенных коллекций, а также к закупке необходимых пособий и инструментов для продолжения исследований.

Результаты почти целого года исследовательской работы оказались внушительными. За это время О. А. Федченко успела собрать гербарий, включавший более 800 видов растений. Этот гербарий был отдан для обработки профессору Н. Н. Кауфману, определившему 791 вид⁶⁶². Помимо засушенных растений О. А. Федченко собрала до 120 видов семян и клубней, которые были переданы в Ботанический сад Московского университета. Ко времени составления итогового отчета многие из этих семян уже проросли, в том числе и сумбул. «Многие... проросшие семена и клубни, – писал в отчете А. П. Федченко, – дадут возможность ознакомить европейскую публику с различными любопытными представителями Туркестанской флоры»⁶⁶³. Московское общество любителей садоводства, познакомившись с первыми результатами деятельности Ольги Александровны, выразило желание содействовать введению в культуру различных туркестанских растений, для чего не только создало специальную инструкцию, но и ассигновало 200 рублей исключительно на эти цели⁶⁶⁴. О. А. Федченко согласно полученной инструкции обращала особое внимание на выявление растений, разводимых местным населением. Большая их часть вошла в состав привезенного в Москву гербария. Н. Н. Кауфман занимался их определением и в отчете А. П. Федченко привел список, состоящий из 89 видов, с указаниями, для чего употребляются те или иные виды. Отдельно также были выделены растения, считавшиеся лекарственными у местных жителей, и те, которые разводились «для удовольствия»⁶⁶⁵. Образцы культурных растений Зеравшанской долины А. П. Федченко передал в Московский комитет земледелия, и тот в свою очередь составил список растений, «полезных для разведения в Туркестане», и даже отправил в Ташкент их семена⁶⁶⁶.

А. П. и О. А. Федченко пробыли в Москве около полугода. Еще до их отъезда из Самарканда между ними и генерал-майором А. К. Абрамовым существовала договоренность о том, что они примут участие в большой преимущественно военной экспедиции, планировавшейся для исследования верховьев Зеравшана и его притоков, в конце весны – начале лета 1870 года, поэтому А. П. и О. А. Федченко спешили вернуться в Туркестан. Они выехали из Москвы 2 мая 1870 года и прибыли в Ташкент уже 22 мая. Но здесь они узнали, что отряд генерала Абрамова выступил из Самарканда 25 апреля и, следовательно, они опоздали. Тем не менее, поскольку им был известен заранее запланированный маршрут экспедиции, супруги Федченко решили догнать ее, срезав путь. 28 мая 1870 года они бросились в погоню. Более «прямой» путь оказался не из легких. Дорога на Оббурден, по которой они следовали, проходила через

⁶⁶⁰ Там же. С. 159.

⁶⁶¹ 1869 г. августа 3. Письмо А. П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 67.

⁶⁶² Список найденных родов был опубликован в отчете: *Федченко А. П.* Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г. ... С. 181–184.

⁶⁶³ Там же. С. 184.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же. С. 187.

⁶⁶⁶ Там же. С. 188.

трудный перевал: «Подъем совершался медленно, – пишет А. П. Федченко, – только после шести часового подъема мы были наверху. Особенно затруднительны были три верхние зигзага, покрытые глубоким снегом. Особенно труден был этот подъем для выючных лошадей, которые беспрестанно оступались и падали. Две из них сорвались и скатились сажен двадцать по снегу. К счастью, лошади и выюки могли быть вытащены на веревках; погибло только выючное седло...»⁶⁶⁷ Однако усилия были потрачены не напрасно: 2 июня в селении Оббурден на Зеравшане А. П. и О. А. Федченко встретили отряд генерала Абрамова, только что пришедший с Зеравшана. Далее они двигались с отрядом, как это и планировалось ранее.

Появление Ольги Александровны, однако, не прошло незамеченным: она оказалась единственной женщиной в компании более сотни мужчин. «Прибытие семьи Федченко произвело сенсацию в военном отряде, – вспоминал также участвовавший в походе Д. Л. Иванов. – Всех смущало появление женщины, которая “внесет в среду военных стеснение и сама будет стесняться”»⁶⁶⁸. Нам не удалось обнаружить документов, которые сохранили бы свидетельства самой О. А. Федченко по этому вопросу. Беспокоилась ли она, будучи единственной женщиной – участницей военной экспедиции? Волновалась ли о том, как ее примут другие участники, как ее присутствие повлияет на отношение к ее мужу? Однако сохранилось несколько писем другой женщины, находившейся в сходной ситуации, правда в немного более поздний период, – Александры Викторовны Потаниной (1843–1893). А. В. Потанина, супруга и спутница известного отечественного путешественника Г. Н. Потанина (1835–1920), участвовала наравне с мужем в научных экспедициях, в том числе в Монголию в 1876–1877 и 1879–1880 годах. В письмах к Ивану Степановичу Кубасову (1834–1909)⁶⁶⁹, датированных 70–80-ми годами XIX века, она не раз писала, например, следующее: «...делается страшно как подумаю как бы не быть в тягость в путешествии, но отказаться от поездки нет сил, что будет поеду!»⁶⁷⁰ Или: «Я ужасно боюсь как бы спутники Гр[игория] Н[иколаевича] не были против моего с ними отправления, а мне между тем, не хочется оставаться без Гр[игория] Н[иколаевича]. Пожелайте мне здоровья и бодрости»⁶⁷¹.

Но О. А. Федченко умела заводить друзей. Несмотря на первоначальное недовольство и даже некоторую враждебность участников экспедиции, вскоре О. А. Федченко приняли в качестве полноценного ее члена: «Однако Федченки прибыли в отряд столь просто, поместились скромно, в своей палатке и ничем не нарушили жизни экспедиции, – писал Д. Л. Иванов. – Их благовоспитанная обходительность со всеми, их непритязательные потребности, их работоспособность, все это быстро примирило всех с новыми настоящими учеными, и они вскоре заняли в отряде место не лишних людей, а людей работающих и никого не стесняющих»⁶⁷². Д. Л. Иванов рассказывает, что уже на четвертый день пребывания в отряде А. П. и О. А. Федченко вполне завоевали всеобщие симпатии. Произошло это в результате следующего эпизода: «...компания из нескольких человек отправилась в палатку ученых: там их радушно встретила О. А., угостила чаем со свежим лимоном (необычайная тогда редкость в Туркестане) и тоже свежими московскими сушками. Этот лимон и эти сушки окончательно победили скептицизм, и уже в разговорах слышались одобрения женам, которые заботятся о мужьях, в пример чего

⁶⁶⁷ Федченко А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 79.

⁶⁶⁸ Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 100.

⁶⁶⁹ Кубасов Иван Степанович (1834–1909) – основатель земской библиотеки г. Никольска Вологодской губернии, преподаватель Духовного училища, настоятель Александро-Невской домово́й церкви.

⁶⁷⁰ Потанин Г. Н., Потанина А. В. Письмо Ивану Степановичу Кубасову. Б.д. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 5. Д. 100. Л. 26 об.

⁶⁷¹ Там же. Л. 28 об.

⁶⁷² Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 101.

указывался ящик для папирос А. П., где О. А. устроила перегородки, чтобы папиросы не рассыпались»⁶⁷³.

Маршрут, пройденный в этот раз О. А. и А. П. Федченко, был следующим: Ташкент, селение Яны-Арык, Ура-тюбе, Басмандинское ущелье, селение Оббурден, селение Пахут, селение Варзаминор, долина реки Фана, крепость Сарвада, озеро Искандер-куль, перевал Мура, крепость Сарвада, пещера Макшеват, селение Рават, селение Марзич, летовка анзобских и марзичских жителей, селение Анзоб, Кан-таг (Рудная гора), крепость Сарвада, перевал Кштутский, озеро Кули-калон, крепость Кштут, Пенджикент⁶⁷⁴. Некоторые переходы были очень нележки и совсем не безопасны, как, например, переход из Оббурдена в Пахут: «На этом переходе, – писал А. П. Федченко в одном из отчетов о путешествии, – дорога почти сплошь проходит по узким тропинкам, карнизам, вьющимся на значительной высоте, иногда над самой рекой. Впрочем, такие дорожки, коль скоро они идут прямо или следуя изгибам гор, не представляют опасности и даже дают возможность ехать довольно скоро; зато они весьма затруднительны в тех местах, где приходится круто подниматься или спускаться по извилистым каменистым ступенькам для обхода выдающихся в реку скал и обрывов»⁶⁷⁵. Д. Л. Иванов вспоминал, что некоторые члены отряда сомневались в способности Ольги Александровны преодолеть эти тропы и вообще вынести тяготы военного похода. Однако они ошибались. «Переходы по узкому ущелью (ключ Фан-дарьи) с карнизами, балконами и т[ому] п[одобными] тропочками, ведущими к оз[еру] Искандер-Кулю, О. А. совершила чрезвычайно спокойно и успешно, – пишет Иванов и добавляет: – Вообще Федченки ничем не выделялись из отрядной среды, собирали нужные им материалы, а О. А. усердно работала над своим гербарием и очень мило <...> рисовала много характерных местностей»⁶⁷⁶.

Складывается впечатление, что Ольга Александровна Федченко вообще не была склонна к суете или панике. Например, неподалеку от озера Кули-калан отряд Абрамова попал в засаду вооруженных горцев, после сражения в отряде оказалось много раненых, за которыми О. А. Федченко ухаживала с присущим ей хладнокровием. Д. Л. Иванов рассказывает, что, когда на какой-то из ночевок ученые остались без военного эскорта, ушедшего вперед, «...многие из них и в том числе и некоторые военные – сильно волновались и роптали, О. А. [Федченко] не выказала никакой суетливости и растерянности и спокойно выдержала эту ночь общей сильной аффектации и ропота...»⁶⁷⁷. Так рождалась репутация Ольги Александровны как стойкой, бесстрашной и не унывающей в самых трудных обстоятельствах женщины.

Всего Федченки провели в походе не более трех недель, что, по мнению А. П. Федченко, сказалось на полноте собранных ими коллекций. Тем не менее в целом научные результаты экспедиции оказались без преувеличения выдающимися – было положено основание для создания картографии Зеравшанских гор, в том числе определены барометрические высоты и составлены карты; впервые исследован Зеравшанский ледник; исследовано озеро Искандер-куль; собраны этнографические данные о горных таджиках. Назвать же собранные зоологические и ботанические коллекции небольшими мог только сам А. П. Федченко. О. А. Федченко, как и в предыдущих путешествиях, занималась преимущественно составлением ботанических коллекций и зарисовкой видов. В отчете о путешествии А. П. Федченко отмечает: «Помощь О. А. Федченко и в эту поездку облегчила мне работу: она взяла на себя опять составление ботанической коллекции»⁶⁷⁸. Вновь собранная О. А. Федченко коллекция растений состояла примерно

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ См.: Маслова О. В. Указ. соч. С. 77.

⁶⁷⁵ Федченко А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г. ... С. 80.

⁶⁷⁶ Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 101.

⁶⁷⁷ Там же. С. 102.

⁶⁷⁸ Федченко А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г. ... С. 85.

из 400 видов, из которых около 300 не встречались Ольге Александровне во время экскурсий 1869 года. Особенно заинтересовали О. А. Федченко некоторые высокорослые зонтичные, в том числе два вида *Ferula*, *Heraclium*, *Prangos* и некоторые другие. На перевалах, особенно на перевале Мура (12300'), ей удалось собрать несколько альпийских видов. Также были собраны образцы растущих в горах древесных пород, из которых преобладающим оказался можжевельник трех различных видов. Подводя итоги коллекторских работ экспедиции, А. П. Федченко писал: «В этом путешествии впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до предела вечных снегов, и таким образом было положено начало изучению горной фауны и флоры западной оконечности Тянь-Шаня»⁶⁷⁹.

2 июля 1870 года О. А. и А. П. Федченко вернулись в Самарканд. Пробыли они здесь не более 10 дней, вновь совершая экскурсии в окрестностях города, после чего направились в Ташкент, в котором и провели конец июля и почти весь август 1870 года. Это время деятельный А. П. Федченко употребил, во-первых, на подготовку очередного путешествия, а во-вторых, на составление программы Туркестанского отдела Политехнической выставки. Мысль о том, чтобы организовать в Москве Политехническую выставку, вот уже некоторое время обсуждалась в ОЛЕАЭ. А. П. Федченко был уверен, что Туркестанский край и его произведения обязательно должны быть представлены на подобном мероприятии, в чем он взялся убедить и К. П. фон Кауфмана.

Однако, прежде чем с головой окунуться в подготовку Туркестанской выставочной экспозиции, А. П. и О. А. Федченко собирались совершить еще одну поездку, на этот раз в только что присоединенный к территории Российской империи Магиан. Вся поездка заняла не более двух недель в первой половине сентября 1870 года. Кроме А. П. и О. А. Федченко в этом походе участвовал переводчик по фамилии Салтанов. Основной целью поездки был сбор сведений о географии, населении, экономике, общественном устройстве и даже истории вновь присоединенного края, что не помешало О. А. Федченко продолжить сбор гербарных коллекций. «Маршрут мой был следующий, – писал А. П. Федченко, между прочим в единственном числе, в то время как путешествовали они вдвоем, – 4-го сентября я прибыл в Ургут; отсюда, на завтра, через перевал Сангы-Джуман, в Фарап; на следующий день, через перевал Зиркак, в Магиан. Из Магиана я сделал две экскурсии: одну по Магианскому ущелью, до перевала Вачехна, другую на гору Бильгу. 9-го сентября отправился вниз по Магиан-Дарье до селения Кастарача; 10-го прибыл в Пянджикент и 12-го – в Самарканд»⁶⁸⁰. Здесь следует отметить, что большинство отчетов А. П. Федченко об их совместных с О. А. Федченко путешествиях написаны от имени одного лица, так что у читателя складывается впечатление, что А. П. Федченко путешествовал в одиночестве. В отчете об экспедиции в Магиан имя О. А. Федченко не упоминается ни разу, и, если бы не ее утверждение в автобиографии, что она «участвовала во всех путешествиях А. П. Федченко по Заравшанской долине в 1869 г., на Искандер-Куль и в верховья Заравшана, в Джизак, Магиан и Фарап...»⁶⁸¹, а также указания в ее гербарии на места сбора тех или иных растений, у нас не было бы уверенности в том, что О. А. Федченко и на этот раз сопровождала мужа.

Такая форма составления отчетов могла вполне устраивать некоторую часть научного сообщества, тем более что А. П. Федченко был единственным официальным, состоявшим на государственной службе и получавшим жалованье членом экспедиции. Например, Московский университет высоко оценил результаты работы первого сезона Туркестанской экспедиции, присудив А. П. Федченко недавно учрежденную премию имени Г. Е. Щуровского, но, разуме-

---

⁶⁷⁹ Там же. С. 86.

⁶⁸⁰ [Федченко А. П.] Поездка в Магиан А. П. Федченко, заведывающего ученой экспедицией общества в Туркестанском крае // Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. IX. Ч. 1. С. 23.

⁶⁸¹ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

ется, не О. А. Федченко. Однако, похоже, руководство ОЛЕАЭ было не согласно с подобным поведением. В протоколе «годового» заседания ОЛЕАЭ от 17 октября 1870 года, на котором подводились итоги деятельности общества за прошедший год, можно прочитать следующее: «В прошлом году из подобных сообщений, как известно, особенное внимание обратили на себя результаты Туркестанской экспедиции. Честь этих результатов по отношению как обогащения коллекций, так в особенности и новых научных данных принадлежала А. П. Федченко. Университет, назначив в нынешнем году первое присуждение высочайше утвержденной премии первого президента общества, заслуженного профессора Григория Ефимовича Щуровского, удостоил этой награды почтенные труды нашего сочлена»⁶⁸². Подчеркнув таким образом удовлетворение от полученной членом общества награды, ОЛЕАЭ, однако, отметило далее: «Общество с своей стороны пожелало увенчать наградою те результаты Туркестанской экспедиции, которые обязаны трудам ревностных сотрудников Ал[ексея] П[авловича] Федченко. Оно присудило золотую медаль Ольге Александровне Федченко, всюду сопутствовавшей своему мужу и собравшей на пути замечательный гербарий Заравшанской флоры и альбом видов и пейзажей местностей, пройденных экспедицией»⁶⁸³. Таким образом, ОЛЕАЭ сочло нужным публично подчеркнуть, что А. П. Федченко был не единственным участником экспедиции и что члены ОЛЕАЭ не менее высоко оценили достижения Ольги Александровны Федченко.

Однако супруги Федченко при этом не присутствовали. Осень, зиму 1870 года и начало весны 1871 года они провели в Ташкенте, активно занимаясь подготовкой к Политехнической выставке, которая должна была состояться в Москве летом 1872 года. А. П. Федченко официально возглавил Комитет по устройству Туркестанского отдела Политехнической выставки. Необходимо было составить программы экспозиций по различным разделам (географическому, этнографическому, естественно-историческому, техническому), подготовить и выслать в Москву коллекции, подготовить несколько публикаций о крае и тому подобное. А. П. Федченко был очень деятельным человеком: он организовал Туркестанское отделение ОЛЕАЭ, читал популярные лекции для местной публики, проводил естественно-научные экскурсии. О. А. Федченко во всем ему помогала, совершала ботанические экскурсии в окрестностях Ташкента и еще успевала учить местный язык. Д. Л. Иванов, также принимавший участие в подготовке к выставке, этой зимой часто бывал у четы Федченко. Он вспоминал: «Жили они в небольшом домике очень скромно, наполовину по походному. Комнаты были заставлены множеством коллекций и проч[ее]. Там меня неизменно встречало искреннее радушие О[льги] А[лександровны], – то особое дружество, которое складывается в научном сотрудничестве среди обилия материалов и малого числа работников, в обстановке жизни такой в то время новой и оригинальной страны, каков был Туркестан. А[лексея] П[авловича] редко можно было захватить дома и то ненадолго, так он был занят делами, тогда как наоборот О[льга] А[лександровна] была домоседка. У А[лексея] П[авловича] была потребность постоянно пить крепкий и сладкий чай и выкуривать множество папирос, поэтому О[льга] А[лександровна] держала всегда готовым самовар и старательно заготавливала папиросы. И вот, сидя у О[льги] А[лександровны] за ее неистощимым самоваром и беседуя с нею, как-то отдыхала душа, чувствовалась уверенность в будущей поддержке, крепко то доверие, которое диктуется добротой, благожелательностью и терпимостью к другим людям, а главное, что подкупало меня, это была та редкая простота, которою отличалась О[льга] А[лександровна]»⁶⁸⁴.

Весной же 1871 года А. П. Федченко впервые поднял вопрос о необходимости публикации материалов Туркестанской экспедиции, направив соответствующую докладную записку на

⁶⁸² [Приложение к Седьмому годовичному заседанию Общества 17-го октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 186.

⁶⁸³ [Приложение к Седьмому годовичному заседанию Общества 17-го октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 186 об.

⁶⁸⁴ Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 102–103.

имя К. П. фон Кауфмана. Генерал-губернатор в принципе одобрил идею, приказал снести с ОЛЕАЭ на предмет общего руководства, составления плана издания и расчета необходимых сумм, дабы можно было выйти с ходатайством к государю о выделении средств⁶⁸⁵. Тогда же А. П. и О. А. Федченко планировали свои будущие экспедиции.

21 апреля 1871 года А. П. и О. А. Федченко выехали из Ташкента, направляясь в Кызыл-Кумы. Эта экспедиция продолжалась ровно месяц: супруги вернулись в Ташкент 20 мая 1871 года. Подробный отчет об этом стремительном путешествии так и не был напечатан. В единственной, правда опубликованной дважды, заметке⁶⁸⁶ (если учитывать публикацию 1950 года, то трижды) «Заметка о степи Кызыл-Кум» А. П. Федченко писал: «...я посетил восточную часть степи Кызыл-Кум в двух местах: у Чардары и у колодца Дюсебая. Из Чардары я прошел по пескам в западном направлении около 50 верст до колодца Байбек на дороге Матай; отсюда я вышел к Узунату и затем вдоль Сыр-дарьи спустился к Байракуму. Из Байракума, идя в Дюсебай, я посетил гору Карак, находящуюся в 60 верстах от Сыр-дарьи. Гора Карак – небольшая возвышенность (подымающаяся футов на 250 над уровнем степи), имеющая до 40 верст протяжения, составляет довольно любопытное открытие настоящего путешествия; по крайней мере я не нашел ее ни на одной карте. Такою же неожиданностью было существование глинистой (попынной) степи на левом берегу Сыр-дарьи. Благодаря настоящему путешествию впервые определяется восточная граница кызылкумских песков: линия, проведенная от Джулека к колену Сыр-дарьи у Чардары, почти совпадает с границей сплошных песков»⁶⁸⁷. Путешествие было не из легких. Колодцы попадались иногда не чаще одного в три дня, случалось, что они оказывались пересохшими или вода в них – испорченной. Впоследствии А. П. Федченко назвал эти края «самой ужасной частью Средней Азии»⁶⁸⁸. Всего было пройдено почти 700 верст (примерно 747 километров). О. А. Федченко, как это уже было привычно, собирала ботанические коллекции, в том числе образцы кормовых трав, помогала А. П. Федченко при сборе коллекций зоологических и делала зарисовки местности⁶⁸⁹.

Не успев отдохнуть от поездки в Магиан, А. П. и О. А. Федченко засобирались в следующую экспедицию – в Кокандское ханство. Подготовка к этой экспедиции продолжалась в течение всей зимы 1870/71 года. Путешествие в Кокандское ханство (вскоре превратившееся в Ферганскую область) стало одним из самых интересных путешествий А. П. и О. А. Федченко. Страна, в которую они направились, была очень мало известна российскому человеку, что открывало перед учеными целый ряд захватывающих возможностей. Само собой разумеется, путешествие обещало быть небезопасным не только из-за сложных горных переходов, переправ через горные реки, сильного ветра, несущего тучи пыли и ядовитых насекомых, но и из-за непростой политической ситуации. А. П. Федченко написал подробный рассказ об экспедиции, начав с описания ее целей и задач, истории предшествующих путешествий по данной территории и заканчивая подробным изложением пройденного маршрута⁶⁹⁰. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом. Ограничимся поэтому самым кратким изложением некоторых фактов.

⁶⁸⁵ См. докладную записку А. П. Федченко и резолюцию на нее Кауфмана в: 1871 г. 30 марта. Докладная записка А. П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 109–112.

⁶⁸⁶ Федченко А. П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. СПб., 1873. С. 102–109; То же. Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. 1916. Т. XII. Вып. 2. С. 241–249.

⁶⁸⁷ Федченко А. П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 178.

⁶⁸⁸ Федченко А. П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 2.

⁶⁸⁹ См.: 1871 г. мая 24. Докладная записка А. П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману с кратким отчетом о поездке в Кызыл-Кумы // А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 116–117.

⁶⁹⁰ Федченко А. П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2; То же // Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 187–384.

Кроме А. П. и О. А. Федченко, в экспедиции принимали участие переводчик Нурекин (прапорщик) и препаратор Савельев. Рассказывая об обязанностях каждого из членов экспедиции, А. П. Федченко писал: «Ольга Александровна Федченко взяла на себя соби́рание и препарирование растений; рисование видов местностей, характерных по своему строению и другим особенностям, древних памятников и т[ому] п[одобное]. Кроме того Ольга Александровна находила время помогать мне и в производстве наблюдений, лежавших собственно на мне»⁶⁹¹. Таким образом, два ученых и два их помощника в сопровождении стрелка и отряда джигитов выехали из Ташкента 2 июня 1871 года. Первая длительная остановка была в Коканде, где было необходимо представиться хану, оформить разрешения на проезд, поменять сопровождающих «своих» джигитов на местных (поскольку таково было условие) и прочее. При подготовке путешествия планировалось, что О. А. Федченко сможет посещать женские половины мусульманских домов, собирая информацию об образе жизни женщин, для этого Ольга Александровна запаслась специальными подарками. Рассказывая о встрече с мирахуром, чиновником хана, предварявшей встречу с самим ханом, А. П. Федченко пишет: «...я просил мирахура доложить и о желании Ольги Александровны принять участие в представлении (хану. — О. В.) и получить разрешение на посещение жен хана и поднесение им подарков...»⁶⁹² Но в этом О. А. Федченко было отказано: «На счет представления Ольги Александровны мне передали извинение от имени хана, — рассказывает А. П. Федченко, — что несмотря на его желание, он не может принять ее, так как это не понравится народу и, как после оказалось, соврали»⁶⁹³. Тем не менее позднее во время пути О. А. Федченко все-таки встречалась с женами и матерями местных правителей⁶⁹⁴.

Из-за разных проволочек экспедиция задержалась в Коканде дольше, чем хотелось бы. Им удалось покинуть город и продолжить путь только 17 июня. А. П. Федченко сильно спешил и был расстроен тем, что время уходило напрасно. «Мы ехали верхом, — пишет он, — имея при себе из снарядов и других принадлежностей только самое необходимое; все остальное ехало выюками на особых лошадях. Этот-то выючный обоз главным образом и задерживал нас при движениях. Он шел обыкновенно отдельно и значительно медленнее нас. Несмотря на то, что мы во время дороги делали много остановок для наблюдений и коллектирования, что большей частью ехали шагом, — обоз все-таки почти постоянно приходил позже нас на ночлег. Поэтому наши переходы были невелики; в горах, например, мы делали обыкновенно верст 20–25 в день, а в трудных местах и менее; по дорогам более открытым — верст 30 и иногда лишь до 40»⁶⁹⁵.

Одной из первоочередных задач экспедиции было картографирование местности. Однако делать это на глазах у сопровождающих казалось неосмотрительным. Обязанность определять направление легла на О. А. Федченко, поскольку джигиты обращали на нее меньше внимания. А. П. Федченко так рассказывает об этом: «Немного кривая, мы ехали, однако, приблизительно в одном направлении, но в каком — решить было трудно. Мне очень хотелось посмотреть на буссоль, но коканские джигиты не оставляли нас ни на минуту, а мне не хотелось возбуждать их подозрительность на первых же шагах. Установив общее направление дороги по видневшейся далеко на юго-западе горе, я решил воспользоваться какой-то разрушенной стеной, зашел за нее и взял направление. На другой день дело шло уже легче: мы как-то разбились, вся партия растянулась на несколько верст, и я уже менее стеснялся. Затем, когда нужно

⁶⁹¹ Федченко А. П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 18.

⁶⁹² Федченко А. П. В Коканском ханстве... С. 39–40.

⁶⁹³ Там же. С. 44.

⁶⁹⁴ См., например, письмо А. П. Федченко К. П. фон Кауфману из селения Уч-Курган 16 июля 1871 г., в котором А. П. Федченко пишет: «Сегодня был у Музафар-ша. Он в большом горе: вчера похоронил любимую жену, которой было только 16 лет и на которой он женился, когда ей было 12 лет. Ольгу Александровну принимала мать умершей: все лицо изодрано, говорить не может, а только охает» (А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 134).

⁶⁹⁵ Федченко А. П. В Коканском ханстве... С. 58–59.

было при частых поворотах в ущельях чаще брать направление, буссоль перешла в руки Ольги Александровны, как менее вызывавшей сомнения относительно ее занятий»⁶⁹⁶.

Маршрут экспедиции был следующим: Ташкент, Ходжент, Махрам, Коканд, селение Яйпан, селение Исфара, селение Чарку, селение Варух, урочище Чичикты, ущелье Джиптык, ледник Щуровского, селение Карабулак, долина реки Соха, селение Обихана, селение Шахмардан, селение Иордан, Кара-кузыкский перевал, селение Шахмардан, селение Охна, селение Вуадиль, селение Уч-Курган, урочище Лянгар, река Исфайрам, перевал Тенгиз-бай, перевал Исфайрам, Алайская долина, река Кызыл-су до урочища Дараут-курган. Далее – обратный путь до Оша, Гульча, Узгент, Андижан, Наманган, перевал Кендыр-даван, селение Той-тюбе, Ташкент⁶⁹⁷.

Одним из крупнейших достижений экспедиции стало открытие и нанесение на карту Заалайского хребта. Как писал И. В. Мушкетов: «...до Федченко Алай был совершенно terra incognita; за исключением немногих сведений <...> посылавшихся англичанами, о нем, можно сказать, понятия не имели, так как ни один образованный европеец до Федченко не видел Алая. Федченко принадлежит честь открытия Алая и его колоссальных хребтов»⁶⁹⁸. По праву, конечно, эта честь принадлежит обоим – А. П. и О. А. Федченко. Однако А. П. и О. А. Федченко хотели большего: они стремились попасть на Памир, чему не суждено было исполниться в тот раз. Остановившись у подножия «Крыши мира» (урочище Дараут-курган) из-за запрета местного начальства, экспедиция была вынуждена повернуть назад. «По временам меня раздражает досада, – писал А. П. Федченко, – что наш путь кончился у кургана токсабы⁶⁹⁹, что мы не могли перешагнуть через этот край – Заалайский хребет, но, припоминая все обстоятельства путешествия, я вижу, что другого исхода и быть не могло. Я говорил уже, что путешествие было предпринято при отсутствии всяких предварительных сведений, в полном неведении, где и при каких условиях мы будем путешествовать. При таких скитаниях мы попадаем весьма неожиданно для нас самих в бассейн Аму-дарьи, и оказывается, что мы в нескольких днях пути от одной из самых неизвестных и загадочных частей земного шара. Мое первое желание – идти дальше, но киргизский полковник говорит: “Нет, дальше нельзя, нужно назад”. Я был тогда очень зол на этого полковника, но, хладнокровно обсуждая положение дел, должен согласиться, что он был прав. Как могли мы идти на несколько дней в пустынную местность, не имея запасов ни фуража, ни провианта (того, что было с нами, нам не хватило и на обратный путь из Алая: мы два дня голодали...) и не имея возможности приобрести их. Если бы теперь, при тех сведениях, которые собраны мною во время совершенного путешествия, можно было отправиться на Памир, то я отправился бы и перешел бы его весь, не спрашивая ни у кого дороги; осложнения и затруднения могли бы только зависеть от политических причин»⁷⁰⁰.

Таким образом, посещение Памира пришлось отложить на потом. Для А. П. Федченко это «потом» так никогда и не наступило, а О. А. Федченко пришлось ждать 30 лет, чтобы в 1901 году наконец исполнить свою мечту. Но в 1871 году никто из них не подозревал ни о чем подобном. Повернув назад, 31 июля путешественники достигли Оша, а 27 августа 1871 года они прибыли в Ташкент, где провели сентябрь и первые дни октября, завершая те из приготовлений к Политехнической выставке, которые необходимо было сделать до отъезда в Москву. В это же время был решен вопрос не только о командировании А. П. Федченко на Политехническую выставку в Москву, но и о его двухлетней командировке за границу для обработки кол-

---

⁶⁹⁶ Там же. С. 59.

⁶⁹⁷ См.: Маслова О. В. Указ. соч. С. 81.

⁶⁹⁸ Мушкетов И. В. Указ. соч. С. 328.

⁶⁹⁹ Токсаба – название местного правителя.

⁷⁰⁰ Федченко А. П. В Коканском ханстве... С. 154.

лекций, собранных в течение 1868–1871 годов, и организации публикации материалов Туркестанской экспедиции.

Таким образом завершилась первая масштабная научная экспедиция Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Первая в истории России научно-исследовательская экспедиция, полноправным участником которой была женщина. Супруги Федченко вернулись в Москву победителями, и вместе с ними победу праздновало пославшее их общество. Двойную победу, не только потому, что Федченки были совсем еще «зелеными», начинающими учеными, когда ОЛЕАЭ направило их в Туркестан (точнее, это А. П. Федченко был «зеленым»), но и потому, что одна из них была женщиной и, значит, никаким ученым вообще, и несмотря на то и другое их экспедиция увенчалась полным успехом, привезя с собой назад в Москву не только карты и описания неизвестных ранее труднопроходимых территорий, но и огромные по объему естественно-научные коллекции.

Личный вклад О. А. Федченко в успех знаменитой Туркестанской экспедиции – название, закрепившееся за экспедицией супругов Федченко, – был очень велик. Помимо превосходно исполненных обязанностей художника экспедиции, она занималась метеорологическими наблюдениями, помогала при картографировании местности, оказывала помощь А. П. Федченко в сборе зоологических коллекций. Но, конечно, основной ее вклад – это богатейшие гербарии туркестанской флоры. Понадобился не один год и несколько специалистов, чтобы обработать, определить и опубликовать ботанические материалы, собранные О. А. Федченко в течение 1869–1871 годов. Через 30 лет по завершении экспедиции О. А. Федченко опубликовала «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах»⁷⁰¹. Эта работа, составленная на основании туркестанского гербария Ольги Александровны, хранившегося в то время в Ботаническом саду Московского университета (в 30-е годы XX века он был передан Среднеазиатскому (Ташкентскому) университету в обмен на дублетные материалы)⁷⁰², представляла собой полный список собранных ею растений. Он включал 1527 видов, не считая разновидностей. В том числе высших семенных 1497, папоротникообразных 7, мхов 16, печеночниц 1, грибов 6. Помимо этого в примечаниях указывались виды, собранные экспедицией вне пределов Туркестана. Каждый из видов был представлен в нескольких экземплярах, благодаря чему полная коллекция дублетов оказалась в распоряжении Императорского Ботанического сада в С.-Петербурге, положив начало Туркестанскому разделу Гербария этого учреждения; дублеты были также посланы в крупнейшие гербарии Европы, в том числе в Женеву, Берлин, Лондон (Кью). Из числа представленных видов, по подсчетам В. И. Липского, около 220 были описаны как новые⁷⁰³. По нашим подсчетам, таких набралось 226 видов, не считая разновидностей. При этом О. А. Федченко пунктуально следовала инструкциям, составленным для нее более опытными коллегами: она скрупулезно записывала место и время сбора каждого растения, высоту над уровнем моря, наличие цветов и плодов, местные названия. В биографии О. А. Федченко, написанной для юбилейного издания Императорского Ботанического сада в 1915 году либо ею самой, либо ее сыном, также крупным ботаником Б. А. Федченко, дается следующая характеристика туркестанских сборов О. А. Федченко: «Во время путешествия в Туркестан был собираем ботанический материал, который оказался чрезвычайно интересным, так как содержал множество новых видов и ряд новых родов; русская же флора обогатилась целым новым для нее семейством *Bignoniaceae* (новый вид, красивоцветущая *Incarvillea Olga*

⁷⁰¹ Федченко О. А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902 (Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

⁷⁰² См.: Павлов В. Н., Губанов И. А., Барсукова А. В., Багдасарова Т. В. Гербарий Московского университета. М., 1978. С. 31.

⁷⁰³ Липский В. И. Флора Средней Азии... С. 203–204 (№ 269).

Rgl)»⁷⁰⁴. Таким образом, вклад О. А. Федченко в ботаническое изучение Средней Азии был более чем значительным.

Хотя впоследствии в одной из своих автобиографий (1900 года) О. А. Федченко писала без всякого пафоса и, похоже, не видя ничего особенно выдающегося и героического в своих достижениях: «В 1867 г. вышла замуж и участвовала с мужем во всех его путешествиях: в 1867 г. в Финляндию и Швецию, в 1867/8 на 1-й съезд Ест[ество]-и[спытателей] и врачей, в 1868 г. в Австрию и Италию (февраль–май) <...> в октябре 1868 же года предприняла с А. П. Федченко трехлетнее путешествие в Туркестан, где участвовала и в исследовании Заравшанской долины (1869 г.)⁷⁰⁵, Фарапа и Магиана (1870), Кизил-Кумов (1871 г.) и независимого еще тогда Коканского ханства (1871 г.) (нынешняя Ферганская область), а также окрестностей Ташкента (1870 и 1871 г.) и в той экспедиции генерала Абрамова в верховьях Заравшана (1870), участникам которой присвоена теперь особая медаль»⁷⁰⁶. Никакой особой гордости не чувствуется в этом сухом перечислении, вообще никаких чувств, кроме, может быть, некоторой обиды на то, что ни А. П. Федченко, ни ей никто, конечно, не подумал присудить медаль, положенную всем остальным участникам похода Абрамова: А. П. Федченко к этому времени был мертв, а о ней, разумеется, никто не вспомнил.

Но в 1872 году они были триумфаторами. Интерес в обществе к Туркестану – загадочному, неисследованному краю – в этот период был велик и еще больше подогревался англо-русским политическим соперничеством. А. П. и О. А. Федченко оказались в центре всеобщего внимания. Объем материалов, привезенных ими, поражающе обрадовал, в их обработке уже были задействованы несколько крупных ученых, те отчеты и статьи, которые публиковал А. П. Федченко по ходу путешествий, позволяли надеяться, что полная публикация материалов экспедиции станет, без преувеличения, сенсацией в научном мире. Научное сообщество очень высоко оценило результаты путешествий супругов Федченко. «Превосходными» назвал работы А. П. Федченко по изучению Туркестанского края П. П. Семенов-Тянь-Шанский⁷⁰⁷. И. В. Мушкетов писал: «Итак, сопоставляя все сказанное нами вкратце об экспедиции А. П. Федченко, нельзя не согласиться с справедливым мнением одного из лучших ориенталистов, Генри Юля, что путешествие Федченко, по богатству материала и плодотворности результатов <...> составляет эпоху в научных исследованиях Туркестана»⁷⁰⁸. Н. И. Леонов в исследовании, посвященном научной биографии А. П. Федченко, пишет о том, что если 28 ноября 1871 года А. П. и О. А. Федченко присутствовали на 59-м заседании ОЛЕАЭ в Москве, где получили благодарность за свои труды, то уже 10 декабря А. П. Федченко выступал на заседании Русского географического общества в С.-Петербурге, участники которого очень заинтересовались его рассказом. Н. И. Леонов пишет также: «С не меньшим интересом отнеслось собрание и к рисункам О. А. Федченко, иллюстрирующим пройденные маршруты»⁷⁰⁹. К сожалению, нам не удалось установить, сопровождала ли О. А. А. П. в этой поездке и присутствовала ли она лично на заседании.

Не только научная общественность, но и правительство высоко оценило результаты деятельности А. П. и О. А. Федченко: 22 февраля 1872 года А. П. Федченко «Во внимание к особым трудам и лишениям, понесенным при научном исследовании Туркестанского края и ввиду

⁷⁰⁴ Литский В. И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

⁷⁰⁵ Далее зачеркнуто: «верховья Заравшана с оз[ером] Искандер-Куль и Ягноба, а также».

⁷⁰⁶ Федченко О. А. Письмо М. А. Кожевниковой. 23 марта 1900 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об.

⁷⁰⁷ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739.

⁷⁰⁸ Мушкетов И. В. Указ. соч. С. 337.

⁷⁰⁹ Леонов Н. И. Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972. С. 62–63.

важности результатов, добытых этими исследованиями, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Василия 4 степени»⁷¹⁰. В тот же день О. А. Федченко «За труды по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Коканского ханства пожалована из Кабинета Его Величества <...> золотым браслетом, украшенным бриллиантами с рубином»⁷¹¹ (стоимость этого браслета составляла 500 рублей)⁷¹². И, как мы говорили выше, успех и признание научных заслуг супругов Федченко стали успехом и признанием снарядившего их экспедицию общества. Естественно, руководители и члены ОЛЕАЭ не могли дожидаться случая продемонстрировать свой триумф. Политехническая выставка была для этого самым подходящим местом.

---

⁷¹⁰ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А. П. Федченко... С. 34–35.

⁷¹¹ *Богданов А. П.* Материалы... Л. 26.

⁷¹² См.: РГИА. Ф. 468. Алфавит к делам по Камеральному отделу 1 столу Кабинета Его Императорского Величества 14. 1870–1880.

Глава 4

Дамы среди организаторов научно-просветительских выставок в Москве в конце 60-х – 70-е годы XIX века

Первым масштабным научно-просветительским мероприятием ОЛЕАЭ была Всероссийская этнографическая выставка и проводившийся одновременно с ней Славянский съезд, организованные в 1867 году⁷¹³. Из женщин, состоявших в момент устройства Этнографической выставки членами ОЛЕАЭ, как минимум О. А. Армфельд (Федченко) и Е. В. Богданова принимали активное участие как в подготовке мероприятия, так и в его проведении. В автобиографии О. А. Федченко, опубликованной в книге А. П. Богданова «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.)», отмечено, что О. А. Федченко «... помогала в <...> составлении каталога и размещении коллекций антропологического отдела Этнографической выставки⁷¹⁴. Получила благодарность общества за рисунок крестьянки Рязанской губернии и бронзовую медаль Этнографической выставки за костюмы чувашей и мордвы, добытые Ю. Н. Стешиной»⁷¹⁵. В цитирувавшемся выше представлении Е. В. Богдановой к избранию в члены ОЛЕАЭ было упомянуто о ее участии в организации выставки. Однако масштаб планировавшейся в 1872 году Политехнической выставки должен был значительно превзойти масштаб Этнографической. В ее организации было задействовано большинство членов ОЛЕАЭ, в том числе Е. В. Богданова, О. А. Федченко, Е. К. Фреймут. Но из них троих наибольший объем работы выпал на долю именно О. А. Федченко, поскольку в ее обязанности (наряду с А. П. Федченко) входили разбор и подготовка к выставке коллекций Туркестанской экспедиции.

О. А. Федченко так описывала свои занятия в этот период: «По возвращении из Туркестана зимою 1871–1872 г. разбирала гербарий и энтомологические коллекции, рисовала под микроскопом детальные рисунки пчел, вошедшие в 3-й выпуск “Путешествия в Туркестан”, а также принимала участие в устройстве Туркестанского отдела Политехнической выставки. Поместила статью о Туркестанском отделе в Вестнике Политехнической выставки и участвовала в составлении каталога отдела»⁷¹⁶.

Туркестанский отдел Политехнической выставки, открывшейся в Москве 30 мая 1872 года (в день 200-летия Петра I), стал одним из самых посещаемых на выставке. О. А. Федченко принимала активное участие в подготовке экспозиции, участвовала в написании «Каталога Туркестанского отдела Политехнической выставки»⁷¹⁷. Помимо организационной, редакторской и чисто технической работы, Туркестанский отдел был обязан О. А. Федченко достаточно большим числом экспонатов. На выставке было выставлено 14 художественных работ Ольги Александровны – виды местностей, посещенных экспедицией, изображения построек как современных, так и исторических: «Выставленный ряд пейзажей может знакомить с характером различных местностей Туркестана, как горных, так и степных. Вид Алая <... > знакомит с так называемыми плоскогорьями, обширными плоскими долинами, лежащими на значительной высоте и играющими такую выдающуюся роль в орографии всех высоких хреб-

⁷¹³ Об этом см.: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М.: Унив. тип., 1867.

⁷¹⁴ См.: Каталог антропологического и археологического отдела Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете. М., 1867.

⁷¹⁵ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Бродовский М. И., Иванов Д. Л., Краузе И. Л., Федченко А. П., Федченко О. А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.

тов Средней Азии. Вид этот интересен еще в том отношении, что дает понятие о горной массе, связующей Гималаи с Тянь-Шанем <...> Другой вид <...> знакомит с одним из грандиознейших явлений, характерным для высоких гор: ледником», – сообщает «Каталог», подробно описывая каждый из выставленных рисунков О. А. Федченко⁷¹⁸.

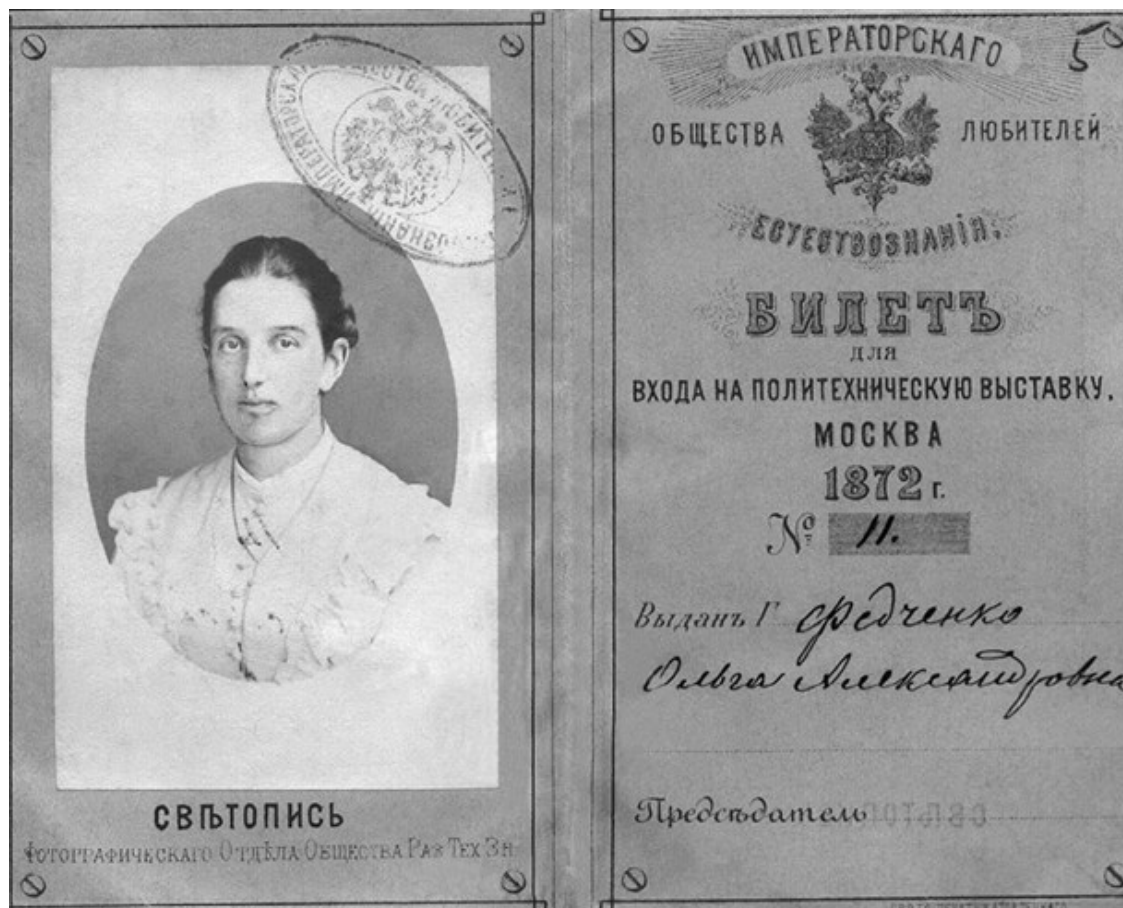

Рис. 16. Билет О. А. Федченко для входа на Политехническую выставку. 1872 г. (С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808)

Почти исключительно трудами О. А. Федченко была подготовлена ботаническая секция Туркестанского отдела выставки. Здесь было представлено несколько коллекций, собранных Ольгой Александровной, прежде всего гербарий из 300 видов, характерных для туркестанской флоры. Эти растения определял доктор Э. Л. Регель. Экспозиция составлялась таким образом, чтобы дать представление о разных типах растительности. Растения распределялись по разделам: представители флоры песков Кызыл-Кум (40 видов и других форм), глинистой степи (82 вида), речной полосы, растущие узкой полосой вдоль Сырдарьи (13 видов), альпийских лугов (30 видов), представители горной флоры, в том числе травянистые (100 видов), кустарники (60 видов), деревья (25 видов)⁷¹⁹. Редактор «Каталога» спешил предупредить будущих посетителей выставки: «Некоторые наиболее характерные растения выставлены за стеклом, для обзора других лиц, специально интересующихся ботаникой, обращаться к члену дежур-

⁷¹⁸ Там же. С. 3.

⁷¹⁹ Следует отметить, что В. И. Липский в своей известной работе «Флора Средней Азии» не только не включает О. А. Федченко в число авторов «Каталога Туркестанского отдела» (вопреки обложке этого издания), но и пишет, что гербарий местной флоры «составлен А. П. Федченко» (Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. С. 234. № 312), опять-таки вопреки прямому заявлению «Каталога».

ному по отделу. Многие из перечисленных здесь растений – новые виды, еще не описанные»⁷²⁰. Кроме того, О. А. Федченко составила снопы кормовых трав придарьинских лугов и Кызылкума (10 видов). В представленном дендрологическом собрании также был ее немалый вклад – обрубки из собраний Туркестанской экспедиции. Также О. А. Федченко принадлежали гербарий красивых растений, разводимых туземцами в садах (12 видов), и гербарий разводимых в Туркестанском крае растений, дающих какие-либо продукты (66 видов). Здесь же было несколько гербариев, собранных другими исследователями: «Гербарий красивых растений туркестанской флоры», собранный И. И. Краузе и определенный Э. Л. Регелем, гербарий и снопы дикорастущих злаковых растений туркестанской флоры И. И. Краузе и также определенный Э. Л. Регелем, гербарий лекарственных растений, собранный И. И. Краузе; в составление дендрологического собрания значительный вклад внес Н. И. Корольков. Помимо засушенных образцов целый раздел ботанической секции занимали живые растения туркестанской флоры, выращенные в Ботаническом саду Московского университета из семян и клубней, доставленных экспедицией А. П. и О. А. Федченко. Среди них – впервые привезенный в Европейскую Россию сумбул (*Euryangium sumbul* Kauffm.) и др.⁷²¹

Вклад О. А. Федченко в организацию экспозиции Политехнической выставки не остался незамеченным. За гербарий и альбом туркестанских видов она получила большую золотую медаль ОЛЕАЭ, а на Политехнической выставке – два свидетельства на золотые медали⁷²². Более того, благодаря Политехнической выставке ее вклад в ботаническое изучение Средней Азии стал широко известен, что принесло О. А. Федченко признание в ученом мире. Когда по окончании Политехнической выставки супруги Федченко направились в уже запланированную командировку в Европу, О. А. Федченко принимали в научном сообществе не просто как «супругу путешественника»; ее имя было известно, и ее воспринимали как самостоятельного ученого. Б. А. Федченко впоследствии писал, например, о первом посещении Ольгой Александровной Англии: «В первый раз О. А. посетила Лондон вместе со своим мужем А. П. Федченко осенью 1872 г. В это время она была уже известна в ученом мире Западной Европы, так как незадолго перед тем возвратилась из трехлетнего путешествия по Средней Азии, сопровождавшегося крупными географическими открытиями, не говоря уже о сборе колоссального ботанического материала в местах, где не ступала нога европейца. Благодаря этому О. А. легко завязала нужные связи среди крупных ученых Англии – географов Генри Юля⁷²³, известного путешественника <...>⁷²⁴, выдающегося ботаника Дж. Д. Хукера, директора Ботанического сада в Кью⁷²⁵, <...>⁷²⁶, а также вдовы известного полярного путешественника Франклина⁷²⁷, которая десять лет организовывала ряд экспедиций с целью поисков следов своего мужа...»⁷²⁸

По окончании работы Политехнической выставки было принято решение об открытии в Москве Политехнического музея и передаче всех выставочных коллекций в его распоряжение. Таким образом, коллекции Туркестанского отдела выставки положили начало Туркестанскому отделу Политехнического музея Москвы.

⁷²⁰ Бродовский М. И., Иванов Д. Л., Краузе И. Л., Федченко А. П., Федченко О. А. Каталог... С. 7.

⁷²¹ Бродовский М. И., Иванов Д. Л., Краузе И. Л., Федченко А. П., Федченко О. А. Каталог... С. 7–13.

⁷²² Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁷²³ Имеется в виду Юль Генри (Henry Youle Hind) (1823–1908) – английский и канадский географ и геолог.

⁷²⁴ Слово неразборчиво. — О. В.

⁷²⁵ Имеется в виду Хукер Джозеф (Hooker, Sir Joseph Dalton) (1817–1911) – знаменитый английский ботаник, биогеограф и путешественник; с 1865 по 1885 г. – директор Королевского ботанического сада Кью.

⁷²⁶ Слово неразборчиво. – О. В.

⁷²⁷ Имеется в виду Франклин (Franklin) Джейн (1797–1875), вторая супруга известного полярного исследователя Джона Франклина (1786–1847).

⁷²⁸ Федченко Б. А. О. А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. Б.д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 30.

Из числа других женщин награды ОЛЕАЭ за вклад в организацию Политехнической выставки удостоилась Е. К. Фреймут: 26 ноября 1872 года на 64-м заседании ОЛЕАЭ общество обсуждало «Присуждение почетных адресов членам Комитета, участвовавшим в устройстве отделов выставки...» и сочло нужным удостоить подобным адресом в том числе Е. К. Фреймут⁷²⁹.

---

⁷²⁹ Шестьдесят четвертое заседание общества. 26 ноября 1872 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 59, 59 об.

Глава 5

Впервые в истории: женщина – во главе крупнейшего научно-издательского проекта второй половины XIX века

Почти все результаты если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унес с собой в могилу. Теперь остается одно: сделать то что только можно из начатого им, издать «Путешествие в Туркестан» настолько полно, насколько только можно без него.

О. А. Федченко. Письмо А. П. Богданову, 27 сентября (9 октября) 1873 г.

Однако даже такого успеха, каким обернулась для ОЛЕАЭ Политехническая выставка и ее Туркестанский отдел, было недостаточно. Общество хотело признанных научным сообществом публикаций – традиционной формы признания академического успеха. А. П. Федченко, в свою очередь, хотел публикации материалов экспедиции, поскольку без этого проделанная работа казалась незавершенной. Собранные коллекции, частично разобранные самими супругами Федченко, частично были розданы для разбора и описания другим членам ОЛЕАЭ еще в 1869 году. Активное участие в этой работе приняла, например, Е. К. Фреймут. На заседании ОЛЕАЭ 12 июня 1870 года Е. К. Фреймут выступила с описанием *Pompholux dimorpha*, а также некоторых видов пилильщиков (*Tenthredinidae*) Туркестанского края⁷³⁰. Это выступление дамы на научном заседании попало в газеты. А. П. Федченко писал Елизавете Карловне 17 августа 1870 года: «Читал в газетах, что Вы читали о пилильщиках, в заседании 12 [июня]. Тот день мне очень памятен: это день самого трудного перехода по долине Фана, когда лошади и ослы валились в реку, когда Абрамов потерял в один день вещей рублей на 500. Все это уже миновало и теперь только с удовольствием вспоминаем про самые пикантные приключения»⁷³¹. Анализ Е. К. Фреймут перепончатокрылых, привезенных из Туркестана, был опубликован в Известиях ОЛЕАЭ⁷³². В отчете за 1870 год секретарь общества отмечал: «Всеми данными, которые внес А. П. Федченко в свой отчет о Туркестанской экспедиции по отношению к перепончатокрылым, он главным образом обязан специальному содействию Е. К. Фреймут в определении и обработке собранного обширного материала»⁷³³.

Как мы упоминали выше, А. П. Федченко начал вести переговоры о возможной публикации трудов экспедиции, еще находясь в Ташкенте, и к 1872 году вопрос о финансировании проекта был в целом решен, так же как и командировка супругов Федченко в Европу для подготовки публикации (формально, конечно, был командирован только А. П. Федченко). Его командировали в Европу на период с 1 сентября 1872 года по 1 сентября 1874 года⁷³⁴, поэтому по завершении Политехнической выставки О. А. и А. П. Федченко засобирались в Европу, куда и выехали в сентябре 1872 года.

Они посетили Германию, Англию и Францию. В Германии были проездом и успели только осмотреть некоторые естественно-научные учреждения. В Англии задержались дольше. А. П. Федченко занимался организацией издания материалов экспедиции: искал людей, гото-

⁷³⁰ Отчет секретаря ОЛЕАЭ. [17 октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 182 об.

⁷³¹ Федченко А. П. Письмо Е. К. Фреймут. 17 августа [1870 г.] // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 849. Л. 1 об., 2.

⁷³² Фреймут Е. К. *Pompholux dimorpha* n. sp., новая безкрылая форма из семейства Пилильщиков (*Tenthredinidae*) и несколько других новых видов этого семейства // Известия ОЛЕАЭ. 1870. Т. VIII. Вып. 1. С. 214.

⁷³³ Отчет секретаря ОЛЕАЭ. [17 октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 182 об.

⁷³⁴ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 32.

вых взяться за обработку коллекций, выяснял условия печати таблиц и других иллюстративных материалов, сам обрабатывал преимущественно энтомологические коллекции, писал «В Коканском ханстве» и прочее. О. А. Федченко, как обычно, помогала мужу. В связи с подготовкой издания в несколько раз увеличился объем переписки с зарубежными коллегами, которую вела О. А. Федченко, знавшая иностранные языки намного лучше своего мужа. На ее плечи легло также немало других дел по организации издания и поддержанию связи между всеми участниками этого процесса. Как достаточно красочно выразился Д. Л. Иванов, назначенный помощником А. П. Федченко в этом деле, «О. А. занимала положение контролера <...>. Она отличалась особою аккуратностью и педантичностью в делах издания и эти же требования предъявляла ко мне»⁷³⁵.

Тем не менее у О. А. Федченко были и свои планы на заграничное путешествие. Она не теряла времени даром, познакомившись со многими известными ботаниками и путешественниками. По договоренности с Генри Юлем она во время пребывания за границей перевела его работу «Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи». Этот перевод с примечаниями самого Г. Юля, А. П. Федченко и Н. В. Ханькова был опубликован в «Известиях Русского Географического общества»⁷³⁶ и удостоился присуждения серебряной медали РГО⁷³⁷. О. А. Федченко, кажется, предпочла бы задержаться в Англии подольше, но, как писал Б. А. Федченко, «О. А. сопровождала мужа в его заграничной командировке и потому должна была вместе с ним ехать далее, на юг, во Францию и Швейцарию»⁷³⁸. В Париже супруги Федченко пробыли недолго, и обстоятельств этого первого для О. А. Федченко посещения не сохранилось⁷³⁹.

Уже в октябре 1872 года А. П. и О. А. Федченко поселились в Лейпциге⁷⁴⁰. Подготовка к изданию шла полным ходом. 5 декабря 1872 года А. П. Федченко писал правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А. И. Гомзину: «Что я поселился в Лейпциге, надеюсь вам уже известно; сижу над обработкой собранных материалов, подготавливаю начало манускриптов к печати и по этой части все идет весьма утешительно в смысле конечного результата, т[о] е[сть], что издание будет такое, какого после русских путешествий еще не появлялось»⁷⁴¹. А. П. Федченко познакомился с кружком географов, живших в Лейпциге, и посещал их собрания. В том же письме он сообщал, что немецкие ученые сильно интересуются будущим изданием и сетуют на то, что оно предполагается по-русски.

Ольга Александровна потратила время своего пребывания в Лейпциге на занятия «микроскопической ботаникой» у профессора Luerssen'a в Лейпцигском университете. Кроме того, у нее было еще одно важное дело: 27 декабря 1872 года она родила сына, которого решили назвать Борисом.

Летом 1873 года О. А. и А. П. Федченко отправились в Швейцарию, где О. А. Федченко, по словам Б. А. Федченко, завязала «некоторые научные связи»⁷⁴². Но больше всего А. П. и О. А. Федченко интересовали горы: Алексей Павлович готовился к экспедиции на Памир и изучал ледники. В конце лета А. П. и О. А. Федченко вместе посетили ледник Гриндельвальда. Кроме того, О. А. Федченко совершила несколько экскурсий в высокогорные районы,

⁷³⁵ Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // Известия Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 103.

⁷³⁶ Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О. А. Федченко с доп. и прим. А. П. Федченко, Н. В. Ханькова, Г. Юля // Известия Русского Географического общества. 1873. Т. IX. № 6: Приложение. С. 1–82.

⁷³⁷ См.: Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁷³⁸ Федченко Б. А. О. А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными... Л. 30–31.

⁷³⁹ Там же. Л. 55.

⁷⁴⁰ См.: Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁷⁴¹ 1872 г. декабря 5. Письмо А. П. Федченко правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А. И. Гомзину // А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 159.

⁷⁴² Федченко Б. А. О. А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными... // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 43.

где собрала небольшой гербарий. Но это путешествие закончилось быстро и неожиданно. В конце августа А. П. и О. А. Федченко приехали в местечко Монтре, откуда 31 августа, в пятницу, О. А. Федченко проводила А. П. Федченко «до крайнего пункта железной дороги»⁷⁴³. А. П. Федченко переночевал в Сальване и в субботу вечером прибыл в Шамуни. Здесь он осмотрел музей натуралиста господина Пайо, некоторые из коллекций которого он собирался приобрести, а потом договорился о проводниках для экскурсии на ледник Coldu Geant, которую он собирался предпринять на следующий день. О. А. Федченко впоследствии писала, что, по словам господина Пайо, тот отговаривал Алексея Павловича от этого восхождения, хотя делал это недостаточно твердо. Пайо же рекомендовал А. П. Федченко в качестве проводников двух своих племянников, не имевших достаточного опыта. На следующее утро, в 7.30, А. П. Федченко с проводниками был уже в маленькой гостинице Montanver у подножия ледника, где он запасся провизией. Погода была прекрасна, подъем проходил успешно, и путники уже приближались к перевалу, когда неожиданно погода резко испортилась. А. П. Федченко внезапно стало плохо: «Алексею Павловичу грудь захватывало, ноги отказывались идти. Повернули назад. Алексей Павлович до того ослабел, рассказывают проводники, что они его толкали, несли, всячески помогали ему идти; но, выбившись из сил, в 9 часов вечера остановились. Они говорят, что стерегли его до 2-х часов ночи, но потом, видя, что он умирает, решились его оставить, чтоб не подвергнуться самим той же участи», – пишет О. А. Федченко⁷⁴⁴. Так, в ночь со 2 на 3 сентября 1873 года во время восхождения на ледник трагически погиб Алексей Павлович Федченко. Ольга Александровна узнала о происшедшем в среду, 5 сентября, от путешественника, пришедшего к ней пешком из Шамуни. Она тотчас же бросилась туда и приехала в Шамуни в четверг в 10 утра. Ей показали тело умершего. Сопровождавший О. А. Федченко врач попытался пустить кровь, но, конечно, все уже было бесполезно.

В смерти А. П. Федченко было много непонятного: почему его бросили проводники, почему они сразу же не привели помощь, почему сразу не сообщили О. А. Федченко. Ольга Александровна винила господина Пайо, проводников и нерасторопность властей. Хуже того, из-за неясных обстоятельств смерти в прессе появилась информация, порочащая А. П. Федченко и обвиняющая его самого в произошедшем. Петербургская газета «Голос», например, сообщая о смерти А. П. Федченко, напечатала следующее: «В “Journal de Geneve” пишут из Шамуни: ... Можно себе представить томительное положение трех несчастных, боровшихся против ужасов смерти среди темной ночи в опасных ущельях Coldu Geant, откуда и днем можно выбраться лишь с трудом, лишенных продовольствия, так как профессор, рассчитывая на свою геркулесовскую силу и на молодые годы, не дозволил брать излишней провизии!..» и прочее в том же духе⁷⁴⁵. Подобные инсинуации были нестерпимы для О. А. Федченко. Именно поэтому она послала в «Голос» письмо с подробным изложением обстоятельств смерти мужа (так, как удалось ей это выяснить на месте): «М[илостивые] г[осударь], в последнее время в газетах несколько раз появлялись сведения о смерти Алексея Павловича Федченко, – писала О. А. Федченко, – сведения эти сопровождаются подробностями, очень часто противоречащими одна другой и неверными. Так как я ближе всех заинтересована в этом деле и, конечно, старалась собрать о нем, по возможности, точные сведения, то считаю своим долгом изложить его так, как я его понимаю...»⁷⁴⁶

6 сентября 1873 года О. А. Федченко похоронила мужа там же, в Шамуни. 7 сентября она вернулась в Монтре, а уже 8 сентября вместе с грудным сыном выехала в Москву.

⁷⁴³ Богданов А. П. Материалы... Л. 26.

⁷⁴⁴ Федченко О. А. [Письмо О. А. Федченко] // Голос. 1873. № 262 (22 сентября / 4 октября). С. 1.

⁷⁴⁵ Внутренние известия // Голос. 1873. № 254. С. 2.

⁷⁴⁶ Федченко О. А. [Письмо О. А. Федченко] // Голос. 1873. № 262 (22 сентября / 4 октября). С. 1–2.

Трагическая, так до конца и не объясненная гибель Алексея Павловича Федченко потрясла всех. Она не только ввергла в глубокое горе близких, друзей и коллег путешественника, но и поставила под угрозу выполнение задуманных им планов. Ольга Александровна не могла этого допустить. Конечно, планировавшееся продолжение Туркестанской экспедиции стало без А. П. Федченко совершенно невозможным, но завершение обработки и издание уже собранных материалов в том виде, как предполагал это сделать А. П. Федченко, стало для нее жизненной необходимостью. Она понимала всю сложность подобного дела, но знала, что вряд ли кто-то, кроме нее, сумеет с ним справиться. Ольга Александровна единственная была в курсе всех планов, предположений и работ своего супруга, она участвовала в составлении большинства коллекций, нуждавшихся теперь в обработке, а ботаническая их часть была собрана непосредственно ею; в течение многих лет она вела всю переписку А. П. Федченко с заграничными учеными, а позднее – с издателями, типографами и пр.

Однако экспедиция А. П. Федченко не была его личным делом или даже предприятием такого общественного объединения, как ОЛЕАЭ. Как сама Туркестанская экспедиция, так и последующие работы по обработке и изданию ее материалов осуществлялись на средства, предоставленные туркестанским генерал-губернатором из бюджета Туркестанского края. Сам А. П. Федченко с 1 октября 1868 года состоял на государственной службе, находясь в распоряжении туркестанского генерал-губернатора «для научных и статистических исследований края»⁷⁴⁷. О. А. Федченко же по закону была исключительно частным лицом. С юридической точки зрения она как частное лицо и как женщина, для которой государственная служба была официально закрыта по законам империи, не имела права просто продолжить дело своего супруга. Теоретически место А. П. Федченко должен был бы занять другой чиновник, но человека, пожелавшего взяться за подобную работу и, что важнее, успешно справиться с ней, просто не существовало.

Существовала и другая проблема. Официальное служебное положение А. П. Федченко означало также, что он получал жалованье за свои труды, как и все остальные положенные выплаты. О. А. Федченко, не состоя на службе, была, конечно, этого лишена. А между тем ее финансовое положение оказалось весьма скромным. Помимо жалованья супруга, она после смерти в 1868 году отца имела в своем распоряжении небольшие личные средства, но они практически полностью были потрачены во время пребывания четы Федченко за границей в 1872–1873 годах, «так как оклад содержания ее мужа был недостаточен для покрытия всех расходов и по путешествию, и по редакции», – писал Г. Е. Щуровский К. П. фон Кауфману⁷⁴⁸.

Но подобные соображения не могли остановить Ольгу Александровну. А. П. Федченко планировал оставаться за границей еще хотя бы некоторое время для улаживания дел по изданию, но О. А. Федченко вернулась в Москву сразу же после похорон мужа. Несмотря на неопределенность своего статуса, она ни на минуту не прерывала работ по обработке и изданию коллекций, так, как если бы А. П. Федченко был жив. Она не допускала мысли о том, что дело будет прервано и останется незавершенным: «Никто лучше меня не знает, какую страшную, ничем не заменимую потерю понесла наука в лице Алексея Павловича, – писала она 27 сентября (9 октября) 1873 года А. П. Богданову. – Почти все результаты если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унес с собой в могилу. Теперь остается одно: сделать то что только можно из начатого им, издать “Путешествие в Туркестан” настолько

---

⁷⁴⁷ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 30.

⁷⁴⁸ 1874 г. марта 25. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману по вопросу издания трудов А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 185.

полно, насколько только можно без него. Тут-то и в общем, и в специальных частях, и в разных частностях нужно будет постоянное ваше участие и я сильно рассчитываю на него»⁷⁴⁹.

Будучи достаточно практичной, О. А. Федченко прекрасно понимала, что без поддержки руководства ОЛЕАЭ и официального согласия туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана ей вряд ли удастся довести дело до конца. Туркестанская экспедиция была на тот момент одним из крупнейших научных мероприятий, организованных ОЛЕАЭ, и общество безусловно было заинтересовано в опубликовании ее материалов. Решение зависело преимущественно от президента ОЛЕАЭ Г. Е. Щуровского. И, судя по сохранившимся свидетельствам, он ни на секунду не усомнился доверить подобную задачу женщине. Возможно, потому, что он хорошо знал О. А. Федченко, ее способности, научный опыт, характер. О. А. Федченко получила безусловную и энергичную поддержку своих планов не только от самого Г. Е. Щуровского, но и, во многом с его подачи, от других членов общества. Еще только получив известие о гибели А. П. Федченко, Г. Е. Щуровский писал А. П. Богданову: «В настоящее время она (О. А. Федченко. — О. В.) в Москве. Трудно с нею встречаться, но на этих днях я непременно у нее буду. О средствах помочь ей и обо всех предположениях относительно издания Ник[олай] Карл[ович]⁷⁵⁰ будет писать, и Вы поможете нам своим советом»⁷⁵¹.

Это письмо написано 19 сентября 1873 года, а уже 4 октября 1873 года ОЛЕАЭ в своем 69-м заседании обсуждало будущее издания «Путешествие в Туркестан». Президент общества Григорий Ефимович Щуровский, напомнив о научных трудах и заслугах А. П. Федченко перед обществом, предложил «обсудить меры к окончанию прерванного смертью А. П. Федченко издания трудов Туркестанской экспедиции»⁷⁵². Секретарь ОЛЕАЭ Николай Карлович Зенгер, в свою очередь изложив обстоятельства организации Туркестанской экспедиции и сообщив о текущем положении дел с обработкой и печатанием ее материалов, заметил: «Довершение издания потребует, без сомнения, громадных стараний и может встретить почти неодолимые препятствия, но утешительным условием, которое поможет решить трудности, является возможность воспользоваться для этой цели знанием и опытом вдовы покойного Федченко, Ольги Александровны Федченко, которая была свидетельницей всех исследований ее мужа, содействовала ему в путешествиях по Туркестану и Кокану, вела его переписку и была посвящена во весь ход занятий»⁷⁵³. Предполагалось, что теперь, после смерти А. П. Федченко, издание займет больше времени, чем планировалось изначально, во всяком случае не менее трех лет. Несмотря на то что часть материалов была уже обработана или находилась в обработке, а некоторые выпуски были отправлены в типографию, Н. К. Зенгер с уверенностью утверждал, что «все, что готово, не составляет еще четвертой доли предстоящего труда». Он связывал успех всего предприятия с двумя необходимыми факторами: 1) дальнейшим содействием туркестанского генерал-губернатора и 2) «непосредственным и главным участием вдовы члена-основателя Ольги Александровны Федченко»⁷⁵⁴. Выслушав вышеизложенное, члены общества, желая почтить память погибшего коллеги и сохранить для будущего его имя и ученые труды, постановили просить туркестанского губернатора К. П. фон Кауфмана о продолжении издания «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» на следующих условиях: во-первых, «... чтобы редакция “Путешествия в Туркестан” была поручена вдове покойного путешественника Ольге Александровне Федченко, равно как и вся переписка по изданию, по сношению с авторами, коим поручена обработка материала, по заказу таблиц и рисунков и по делам редакции, и чтобы разбор

⁷⁴⁹ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 27 сентября (9 октября) 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1.

⁷⁵⁰ Н. К. Зенгер – секретарь ОЛЕАЭ – О. В.

⁷⁵¹ Щуровский Г. Е. Письмо А. П. Богданову. 19 сентября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 762. Л. 18.

⁷⁵² Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 3.

⁷⁵³ Там же. С. 3–4.

⁷⁵⁴ Там же. С. 4.

и по возможности окончание тех рукописей, составление коих мог принять на себя лишь сам А. П. Федченко, были также предоставлены г[оспо]же Федченко»⁷⁵⁵. Во-вторых, чтобы «...для сношений с типографиями и литографиями, для заведывания печатанием отдельных выпусков издания, корректуры и вообще для хозяйственных по изданию забот, преимущественно сосредоточенных в С.-Петербурге, редакция могла пользоваться содействием опытного и знакомого с делом лица в качестве члена редакционной комиссии по изданию», поскольку О. А. Федченко в тот период постоянно жила в Москве и ей это было бы затруднительно. И, наконец, чтобы «...для разрешения специальных, научных вопросов по редакции в ней принимал участие специалист по избранию общества, могущий постоянно содействовать успешному ходу дела своими трудами»⁷⁵⁶.

Общество также постановило ходатайствовать о соответствующем материальном обеспечении членов редакционной комиссии, поскольку без этого их работа была бы затруднительна. В тот же день ОЛЕАЭ избрало в состав вновь учрежденной редакционной комиссии Ольгу Александровну Федченко, Дмитрия Львовича Иванова и Василия Николаевича Ульянина⁷⁵⁷. Таким образом был сделан первый шаг к признанию официального статуса О. А. Федченко.

Следующим шагом стало обращение Г. Е. Щуровского с пространственным письмом к туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон Кауфману, в котором Г. Е. Щуровский пытался убедить его сразу в нескольких вещах. Прежде всего Г. Е. Щуровский хотел донести до губернатора мысль о том, что завершение издания «Путешествия в Туркестан» в его, губернатора, интересах, поскольку это был бы «плод тех трудов, на которые Вы не жалели средств и об успехе коих Вы постоянно заботились». Далее он замечал, что «довершение издания потребует еще громадных стараний и может встретить почти необходимые препятствия», однако существует одно «счастливое и утешительное условие, которое поможет разрешить многие трудности». Этим «счастливым условием» Г. Е. Щуровский называл возможность воспользоваться опытом и знаниями О. А. Федченко⁷⁵⁸. Григорий Ефимович стремился получить одобрение кандидатуры Ольги Александровны в качестве лица, ответственного за все мероприятие, и, наконец, выхлопотать для нее материальное вознаграждение за труды. Напомнив об участии О. А. Федченко как в самой экспедиции, так и в последующих работах, Г. Е. Щуровский характеризовал ее следующим образом: «Степень образованности этой личности дает полную надежду, что ей удастся в значительной степени докончить прерванную обработку собранных материалов и с помощью общества спасти от забвения и гибели те результаты, кои добыты были экспедицией. Она будет в состоянии посвятить себя довершению издания, – прибавлял Г. Е. Щуровский, – если ваше высокопревосходительство доверите ей этот труд и поможете сосредоточить на нем ее силы»⁷⁵⁹. Дата написания этого письма не установлена, однако резолюция К. П. фон Кауфмана подписана 10 декабря 1873 года, таким образом, можно предположить, что письмо было написано почти сразу же после заседания ОЛЕАЭ.

Намерение Г. Е. Щуровского поручить ответственность за издание Ольге Александровне, против ожидания, не вызвало у генерал-губернатора никаких возражений⁷⁶⁰: «Необходимо сделать, что только возможно, дабы дать возможность О. А. Федченко довести до конца труды ее

⁷⁵⁵ Там же.

⁷⁵⁶ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 4.

⁷⁵⁷ Там же.

⁷⁵⁸ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману о гибели А. П. Федченко и о поручении О. А. Федченко закончить издание трудов А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 177.

⁷⁵⁹ Там же.

⁷⁶⁰ Видимо, он был знаком с ней лично. — О. В.

покойного славного мужа», – наложил он резолюцию на письмо Г. Е. Щуровского⁷⁶¹. Однако в том, что касается отпуска средств, Кауфман не спешил: прежде чем принять какое-либо решение на этот счет, он затребовал отчет об уже отпущенных средствах⁷⁶².

Между тем финансовые дела издания находились в некотором расстройстве. Изначально средства на издание «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» были перечислены на счет ОЛЕАЭ. Общество, в свою очередь, доверило Алексею Павловичу распоряжаться ими по своему усмотрению⁷⁶³. А. П. Федченко брал необходимые суммы из кассы ОЛЕАЭ, и то же самое продолжала делать Ольга Александровна после его смерти. К сожалению, то ли из-за неопытности в подобных делах, то ли из-за расстроенных чувств и напряжения, в котором она пребывала после смерти мужа, О. А. Федченко не вела точного учета израсходованных ею сумм. Она также не знала, сколько точно было потрачено Алексеем Павловичем ранее. Обстоятельства осложнялись еще и тем, что суммы, ассигнованной на издание в 1872 году (15 500 рублей), было явно недостаточно. А. П. Федченко понял это уже в 1872 году и тогда же обратился к ОЛЕАЭ с рядом предложений по увеличению имеющихся средств, как то: пустить в оборот основной капитал в 15 500 рублей и использовать полученные проценты, добиться разрешения использовать выручку от продажи издания на публикацию его продолжения и прочее. Но и тогда, по расчетам А. П. Федченко, оставалась необходимость раздобыть где-то 3000 рублей. Это, однако, его не особенно смущало: «Первое, что вас поразит, – писал он А. П. Богданову, – это то, что расходы значительно больше данной суммы (то есть 15 500 руб. — О. В.). Но ради этого обстоятельства отступить ли перед задуманным? Этого, вы знаете, никогда не бывало ни с вами, ни с обществом, ни со мной. Да и дело представляется не в дурном виде... – далее расписываются приведенные выше способы добывания денег. – Для 3000, – продолжает он, – пока не придумаю ничего, но предполагаю, что и смущаться нечего, а нужно стараться дело хорошо сделать»⁷⁶⁴. А. П. Федченко, конечно, предполагал обратиться за увеличением субсидии к К. П. фон Кауфману. ОЛЕАЭ хоть и готово было ему содействовать в этом (теоретически), но в тот момент сочло подобное ходатайство несвоевременным⁷⁶⁵.

Однако, получив запрос К. П. фон Кауфмана, Г. Е. Щуровский в ответном письме (11 марта 1874 года) счел возможным завести речь не только о материальном вознаграждении членам редакционной комиссии (и прежде всего О. А. Федченко), но и о необходимости увеличения общей суммы, выделенной на издание. Необходимость увеличения финансирования объяснялась следующим: 1) количество собранных коллекций, нуждавшихся в обработке, выросло почти вдвое после путешествия А. П. и О. А. Федченко в Кокандское ханство (первая смета составлялась до этой экспедиции); 2) по сравнению с 1872 годом значительно подорожала бумага и прочие материалы и услуги. Изложив все это, Г. Е. Щуровский четко и ясно заявил о том, что ОЛЕАЭ берет на себя ответственность не только за своевременный выход всего издания, но и за его научную значимость: «Общество любителей естествознания, – писал он, – может принять на себя ручательство в том, что начатое издание будет капитальным естественноисторическим описанием вверенного управлению вашему края, если по израсходовании наличных средств ему дозволено будет войти с ходатайством об ассигновании суммы, необходимой для довершения начатого издания...»⁷⁶⁶

⁷⁶¹ А. П. Федченко: Сб. док-в... С. 179.

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ См.: Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 21.

⁷⁶⁴ Извлечение из письма А. П. Федченко на имя члена Совета А. П. Богданова от 2 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 20.

⁷⁶⁵ Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 22.

⁷⁶⁶ 1874 г. 11 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому гене-

Итак, ОЛЕАЭ в лице Григория Ефимовича Щуровского безоговорочно доверяло Ольге Александровне и было совершенно убеждено в ее способности довести дело до благополучного конца. Но К. П. фон Кауфман, видимо, не мог безоглядно верить и самому обществу. В ответ на письмо Г. Е. Щуровского он не только вновь потребовал подробную смету всех предстоящих расходов, но и указал: «Желательно войти с ходатайством о сем тогда, когда выйдет еще несколько выпусков, кои ожидаются в скором времени, дабы можно было составить себе более ясное понятие об издании»⁷⁶⁷. Ему нужны были доказательства. Это решение принято К. П. фон Кауфманом 19 марта 1874 года, а уже 25 марта Щуровский вновь писал Кауфману, повторяя все свои доводы почти дословно, разве что несколько более подробно. Он оценивал общую стоимость работ по изданию в 26 500 рублей и снова подчеркивал необходимость оплаты труда О. А. Федченко: «Первой заботой общества было старание о том, чтобы начатые работы не остановились вовсе после смерти редактора. Лучшим путем для продолжения начатого дела считало общество поручение редакции вдове Ольге Александровне Федченко. Но возложить на нее редакцию было бы возможно лишь в том случае, когда она могла бы посвящать этому обширному труду все свое время и была бы обеспечена средствами, чтобы не прибегать в то же время к частным занятиям для получения необходимого содержания»⁷⁶⁸. Но и это обращение пропадает впустую: решение К. П. фон Кауфмана отложить дело до выхода нескольких выпусков «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» остается без изменений (см. резолюцию на данное письмо от 28 марта 1874 года)⁷⁶⁹.

После этого Г. Е. Щуровский, по-видимому, пришел к заключению о необходимости личной встречи с генерал-губернатором и направил в Петербург (где тот находится в это время) секретаря ОЛЕАЭ Н. К. Зенгера. Перед своим отъездом Николай Карлович просил О. А. Федченко составить хотя бы приблизительную записку о расходах по изданию: «Милостивая Государыня Ольга Александровна, – писал он. – На днях я еду в Петербург и буду у Кауфмана, от которого Григорий Ефимович получил на днях письмо, касающееся издания. Мне было бы весьма нужным иметь поэтому от Вас на этой неделе хотя бы приблизительные сведения о сделанных до сих пор расходах, хотя в общих цифрах <...> Потрудитесь снабдить меня этими сведениями и некоторыми данными о будущих расходах, нужных для издания уже готовящихся и необходимых выпусков. Если бы Вы могли дать мне род записочки, на основании которой я мог бы заготовить памятную записку для Кауфмана, я был бы весьма благодарен Вам...»⁷⁷⁰

О. А. Федченко эта просьба, по-видимому, сильно затруднила. На обороте письма Н. К. Зенгера она набросала некоторые цифры, каждая из которых сопровождалась пометкой «около»⁷⁷¹. Однако затребованная записка совместными усилиями в итоге была составлена и выглядела следующим образом:

Счет издания Туркестанской экспедиции (к 1 декабря 1873 года. —
О. В.):
Поступило по Высочайшему повелению из доходов Заравшанского
округа

25 июля 1872 г.	15.500 р.
Баланс:	15.500 р.

рал-губернатору К. П. Кауфману по вопросам издания трудов А. П. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 182.

⁷⁶⁷ Резолюция на письме Г. Е. Щуровского К. П. Кауфману от 11 марта 1874 г. // Там же. С. 183.

⁷⁶⁸ 1874 г. 25 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману по вопросам издания трудов А. П. Федченко // Там же. С. 185.

⁷⁶⁹ Там же. С. 186.

⁷⁷⁰ Зенгер Н. К. Письмо О. А. Федченко. Не позднее 29 марта 1874 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 5–6.

⁷⁷¹ См.: Там же. Л. 6 об.; а также: Счета на бланке ОЛЕАЭ // Там же. Л. 9 и др.

Расход:

Выдано А. П. Федченко на расходы	3046 р.
Выдано на основании постановления совета 7 сентября О. А. Федченко	1000 р.
В типографию Стасюлевича	1300 р.
А. Листу в Лейпциг	1300 р.
Леберсье в Париж	1002 р. 40 к.
Ершову в С.-Петербург	848 р. 1 к.
Бахману в Москве	354 р.
Перевод денег через банк	2 р.
	8852 р. 41 к.
Остаток:	6647 р. 59 к.
Баланс:	15500 р.*

* Состояние счетов и отчет о приходе и расходе сумм ОЛЕАЭ к 1 декабря 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 44–46.

Намечавшаяся встреча Н. К. Зенгера с Кауфманом состоялась и, казалось, была успешной, во всяком случае если судить по благодарственному письму Щуровского правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А. И. Гомзину от 29 марта 1874 года. Это письмо было доложено А. И. Гомзину 1 апреля 1874 года. И как выясняется из резолюции, благодарности оказались несколько преждевременными: «Приказано, – гласит резолюция, – ожидать окончания подготовляемых выпусков “Путешествия в Туркестан”, чтобы затем заготовить представление г[осподину] военному министру об исходатайствовании пенсии вдове А. П. Федченко и дополнительной суммы на продолжение издания»⁷⁷². На этом дело застопорилось. Очень характерный факт, следующий из данной резолюции: государственные чиновники не считали возможным выплачивать женщине жалованье за работу (как об этом ходатайствовал в своих обращениях Г.Е Щуровский), предпочтя предложить вполне привычную и традиционную форму обеспечения вдовы – пенсию за погибшего супруга, хоть этот супруг и не заслужил ее по выслуге лет, а работу считать безвозмездной.

Итак, поскольку Г. Е. Щуровский (с помощью Н. К. Зенгера) взял на себя наиболее трудную задачу по обеспечению издания финансами, а ее самой официальным статусом, О. А. Федченко могла заняться непосредственно издательской деятельностью, что также было нелегко. И хотя она по-прежнему ничего не получала за свою работу, денег на само издание пока еще хватало. А. П. Федченко задумывал издание «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» очень широко. Впервые он познакомил членов ОЛЕАЭ с приблизительным планом издания на заседании общества 28 ноября 1871 года. Уже тогда он достаточно четко представлял, что именно ему хотелось бы сделать: «Путешествия, совершаемые в страны дотоле не известные, – говорил он, – при окончании всегда дают повод к появлению сочинений, знакомящих как публику, так и специалистов с ново исследованной страной, ее условиями, жителями и естественными произведениями. В данном случае, кроме издания сочинения, дающего общее знакомство с краем, я предлагаю Обществу обратить внимание на особенное развитие специальной части, посвященной описанию Туркестанской фауны и флоры»⁷⁷³.

В этом действительно был смысл: не только потому, что два основных участника экспедиции интересовались преимущественно фауной (А. П. Федченко) и флорой (О. А. Федченко) и, соответственно, именно эти коллекции оказались наиболее полными, но и потому, что флора и фауна Туркестана были изучены еще очень мало и супруги Федченко смогли обнаружить достаточно много новых, ранее не известных и не описанных видов. Помимо этого ОЛЕАЭ

⁷⁷² 1874 г. марта 29. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А. И. Гомзину о содействии в назначении пенсии О. А. Федченко // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 186–187.

⁷⁷³ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

вообще отдавало предпочтение зоологическим исследованиям, и именно они преобладали в изданиях общества, за что оно даже подвергалось критике со стороны некоторых ученых. Руководство ОЛЕАЭ подобные нападки ничуть не смущали. Оно открыто заявляло, что такова его сознательная политика: «Если нельзя быть сильным во многом, то лучше быть сильным в чем-нибудь одном, чтобы не быть слабым во всем», – заявил, например, Н. К. Зенгер, зачитывая отчет о работе ОЛЕАЭ в его годовом (87-м) заседании 15 октября 1876 года. И добавил, с вполне оправданной гордостью: «Если бы “Известия общества” преследовали несколько задач, если бы они не предпочитали преобладания зоологических работ, то не подлежит сомнению, что обществу не удалось бы собрать в своих изданиях такого капитального запаса научных материалов, без которого нельзя обойтись специалисту. Теперь же ни один зоолог не может игнорировать материала, собранного в Известиях, он необходим каждому. В этом заключается, без сомнения, успех, а с успехом и известная сила»⁷⁷⁴.

Существовало также еще одно соображение. Часть собранных супругами Федченко коллекций уже в 1871 году была роздана для обработки как российским, так и иностранным ученым. Абсолютное их большинство выполняло эту работу бесплатно в обмен на возможность опубликовать описание новых видов. Учитывая существовавшую в этой области конкуренцию, все они стремились опубликовать свои работы как можно быстрее. Существовала реальная угроза, что результаты деятельности экспедиции окажутся рассеянными по десяткам научных журналов разных стран. А. П. Федченко же хотел сделать единое капитальное издание, описывавшее Туркестанский край в естественно-научном отношении во всем его разнообразии. Он планировал опубликовать четыре тома. Первый том должен был содержать описание самих путешествий, посещенных мест, памятников древности, привычек и обычаев местного населения и характеристику, как он говорил, «особо примечательных» животных и растений. Второй том был бы полностью посвящен научному описанию туркестанской фауны; третий – описанию флоры. Четвертый том включал бы в себя метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения, а также пояснительную записку к карте Туркестана⁷⁷⁵. Именно в таком виде программа издания была одобрена ОЛЕАЭ и представлена для информации военному министру⁷⁷⁶. И именно эту программу совет ОЛЕАЭ представил публике, уведомляя ее о том, что «с осени (1872 года. — О. В.) начнется печатание результатов трехлетних работ в Туркестанском крае экспедиции общества», которое будет выходить в свет под названием «Путешествие в Туркестан, совершенное по поручению Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Туркестанского генерал-губернатора членом Общества А. П. Федченко»⁷⁷⁷.

К этому времени в разборе и описании коллекций принимали участие (таблица 4):

Таблица 4. Зоологи, принимавшие участие в разборе туркестанских коллекций А. П. и О. А. Федченко (1872 г.)

⁷⁷⁴ Годичное (восемьдесят седьмое) собрание Общества 15 октября 1876 г. Годичный отчет Общества, читанный секретарем Н. К. Зенгером // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 124.

⁷⁷⁵ Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

⁷⁷⁶ Там же. С. 78.

⁷⁷⁷ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 года по 8 марта 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124.

Ф.И.О.	Раздел коллекции
Академик А. А. Штраух (СПб)	Пресмыкающиеся и земноводные
Профессор К. Ф. Кеслер (СПб)	Рыбы
Доктор Соссюр (Женева)	Прямкрылые
Мак-Лахлан (Лондон)	Сетчаткрылые
Доктор Соссюр, О. И. Радожковский, Е. К. Фреймут, А. П. Федченко	Перепончаткрылые
профессор Лев (Губен), А. П. Федченко	Двукрылые
Н. Г. Ершов (СПб)	Чешуекрылые
В. Ф. Ошанин	Жесткокрылые
А. И. Кронебер	Паукообразные
В. Н. Ульянов, А. П. Федченко	Ракообразные
А. П. Федченко	Черви, свободноживущие и паразитные
Доктор Мартенс (Берлин)	Слизняки

Обработать гербарии, собранные О. А. Федченко, согласились доктора Регель, Гердер (СПб) и Бунге (Дерпт). Антропологические материалы взял профессор А. П. Богданов, палеонтологические – К. О. Милашевич⁷⁷⁸.

К концу 1872 года работы по обработке коллекций шли полным ходом. 2 декабря 1872 года А. П. Федченко прислал в ОЛЕАЭ подробный отчет, опубликованный в «Известиях общества», под заглавием: «Донесение А. П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан”». К этому времени он самым подробным образом разработал программу первого тома, однако ждал одобрения общества, прежде чем приступить к ее выполнению, поскольку, по расчетам А. П. Федченко, оно «потребуется весьма значительного времени ввиду разнообразия содержания и множества прилагаемых рисунков»⁷⁷⁹. Состав второго тома также был определен. Его первая часть посвящалась слизнякам. Профессор Мартенс при участии Гейнемана и Клессина уже закончил ее обработку, хотя и собирался сделать еще полный список всех известных в тот период форм слизняков Средней Азии, Алтая, Туркестана, Тибета, Юнана, Кандагара и Афганистана.

Рукопись Мартенса была написана по-немецки, а для издания «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» был избран русский язык. Это, безусловно, затрудняло работу редактора, так как требовало переводов и переводчиков, разбирающихся в существе дела. Но с самого своего основания ОЛЕАЭ настаивало на использовании русского языка в своих научных изданиях. Параграф о развитии русского научного языка был включен в устав общества⁷⁸⁰. Сам А. П. Федченко был горячим сторонником этой идеи: «Ужасно они недовольны (немецкие коллеги. — О. В.), – писал он из Лейпцига А. И. Гомзину 5 декабря 1872 года, – что мы пишем и печатаем по-русски (что я перевожу некоторые оригиналы с немецкого на русский для моего “путешествия” и что вообще оно издается на русском языке – это для них нож острый). Но чем же мы виноваты, что они (ученые немецкие) не учатся читать по-русски, вот военные их ведь учатся же русскому языку. Значит, он доступен для немецкого мозга»⁷⁸¹. Переводом рукописи Мартенса А. П. Федченко как раз занимался зимой 1872 года. Вторая часть второго тома посвящалась червям. А. П. Федченко сам предполагал обработать этот материал. Он отмечал в своем «Донесении»: «Определения по большей части сделаны, но мне хочется воспользоваться собранным материалом (с лишком 60 видов) для изучения анатомического строения этой группы, которое известно только у немногих форм»⁷⁸². Третью часть второго

⁷⁷⁸ Там же. С. 124–125.

⁷⁷⁹ Донесение А. П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16.

⁷⁸⁰ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. С. 4.

⁷⁸¹ А. П. Федченко: Сб. документов. Ташкент, 1956. С. 159–160.

⁷⁸² Донесение А. П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 13.

тома – ракообразных – обрабатывал В. Н. Ульянин и предполагал закончить работу к концу зимы, то есть к весне 1873 года. Мелких раков А. П. Федченко опять-таки предполагал обработать сам. Четвертая часть, посвященная паукообразным, содержала, по мнению работавшего с ней А. И. Кронеберга, около 200 видов, но сроки окончания данной части пока не назывались. Пятая часть была одной из самых значительных и больших по объему. Над ней работало много народу. Сосюр уже успел обработать часть и даже вернуть коллекции обратно и готовился выслать рукопись, содержащую описание нескольких семейств. С. М. Сольский сделал еще только предварительную обработку собранных в Туркестане жуков и готовил первый выпуск своей части. О. И. Радашковский составлял статью о перепончатокрылых, но некоторые группы из этого отряда А. П. Федченко хотел обработать сам и уже успел подготовить материал по пчелам, но опять-таки желание исследовать собранный материал затягивало окончание работы. Н. Г. Ершов обещал закончить свою часть к началу 1873 года, Мак-Лахлан заканчивал предварительный разбор, то же самое можно было сказать о профессоре Леве. К. Ф. Кесслер уже успел предоставить в ОЛЕАЭ описание новых видов туркестанских рыб. Академик А. А. Штраух, занимавшийся пресмыкающимися и земноводными, пока что был далек от окончания работ. Таким образом, к концу 1872 года работы продвигались быстрее, чем этого можно было бы ожидать, и А. П. Федченко был полон оптимизма. С разбором гербариев дело продвигалось медленнее. Доктор Регель уже заявил, что «осуществление издания потребует весьма продолжительного времени вследствие обширной программы» (предполагалось издать свод описания и вообще всего известного о туркестанских видах). Поэтому пока что Регель был занят составлением описаний новых видов, отложив остальное на будущее⁷⁸³. О работах по подготовке четвертого тома речь еще не шла.

Таким образом, А. П. Федченко координировал работу множества людей, занимавшихся подготовкой рукописей; налаживал контакты с типографиями, литографиями (поскольку издание предполагалось щедро иллюстрированным); занимался переводом и редактированием уже готовых рукописей. Он также взял на себя обработку большого числа коллекций, особо его интересовавших, и при этом успевал заниматься исследованиями. После его смерти все эти работы легли на плечи О. А. Федченко.

Прежде всего О. А. Федченко стремилась обеспечить безостановочное продолжение работ. Следовало найти ученых, готовых взяться за обработку коллекций, с которыми работал сам А. П. Федченко, найти переводчиков. Редакторская работа и чтение корректур также не заставляли себя ждать. Отдельную проблему составляли рисунки и таблицы – это была не только самая дорогостоящая часть издания, но и самая трудная в техническом исполнении, поскольку в России практически не существовало полиграфической базы, способной обеспечить должное качество. Следовало решить тысячи мелких проблем: от системы нумерации томов и количества экземпляров до способов их распространения, продажи и обеспечения вышедшими томами авторов и влиятельных лиц.

Многое из задуманного А. П. Федченко оказалось невозможно выполнить без него. Так, например, из первого тома А. П. Федченко успел написать только пять глав «Путешествия в Коканское ханство» (хотя изначально планировалось девять). Путешествие же по русскому Туркестану оставалось неопианным. Как отмечала О. А. Федченко, «для первой части первого тома, кроме опубликованных в прежнее время <...> отчетов и заметок <...> о путешествиях по Заравшанской долине, в Магиан и в Кизилкумскую степь, существуют только отрывочные рукописные заметки, разбросанные по записным книжкам. Приведение в порядок и опубликование этих заметок покойного редакция не решается принять на себя и полагает более благоразумным сохранить этот материал неприкосновенным до тех пор, пока не сыщется лицо, непосредственно знакомое с этими местностями и готовое принять на себя редакцию этой

⁷⁸³ Донесение А. П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. ... 1874. Т. XIV. С. 16.

части «Путешествия»⁷⁸⁴. Этот замысел так и остался неисполненным. Пришлось отказаться и от замысла А. П. Федченко поместить в приложении к первому тому обзор фауны посещенных территорий. Ольга Александровна вполне резонно посчитала, что подготовить подобный обзор до выхода второго, зоологического тома в принципе невозможно. Вообще работа над вторым томом в отсутствие А. П. Федченко представляла серьезные затруднения. Как упоминалось выше, он планировал разбить том на разделы, содержащие информацию о «самостоятельной группе животного царства». К каждой такой группе он хотел приложить общий очерк результатов путешествия по отношению к этой конкретной группе, в том числе результаты наблюдений за животными данной группы, сделанные во время путешествия. Но поскольку эта работа должна была быть сделана самим А. П. Федченко, а он, к сожалению, не оставил ничего, кроме кратких заметок, разобраться в которых кроме автора вряд ли кто смог, от этого замысла пришлось отказаться, точно так же как пришлось опустить и планировавшийся ранее раздел второго тома, посвященный практической энтомологии. Зато на выполнении некоторых других идей и замыслов А. П. Федченко О. А. Федченко упорно настаивала, что вызывало раздражение авторов и осложнения в отношениях с ними.

Алексей Павлович хотел, чтобы тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» содержали, во-первых, описание всех известных туркестанских видов, а не только ранее неизвестных или собранных экспедицией Федченко; во-вторых, он хотел получить не просто перечисление, но и монографическую обработку животных туркестанской фауны; он хотел также видеть синоптические таблицы для определения животных форм Туркестана. Как писал в предисловии к своему тому С. М. Сольский, «ученое общество имело в виду достигнуть таким образом того, чтобы вместе с отчетом о произведенных, по его начинанию, ученых исследованиях в мало известном, вновь приобретенном для отечества крае, издать такой труд, который мог бы послужить каждому желающему, из русских, удобным средством к определению встречаемых в Туркестане пород <...> и тем самым способствовал бы к дальнейшему изучению фауны этого края...»⁷⁸⁵. Некоторые ученые, занимавшиеся обработкой коллекций, отнеслись к этим пожеланиям А. П. Федченко, а затем и О. А. Федченко с пониманием: «Непременным желанием покойного Алексея Павловича было дать наглядную таблицу для определения описанных в предлагаемом сочинении родов и видов, а также сравнительный список всех слизняков, известных до сих пор и из других частей среднеазиатского плоскогорья. По мере возможности, я старался удовлетворить этим желаниям», – писал, например, Эдуард фон Мартенс⁷⁸⁶. К. Ф. Кесслер, предваряя свое исследование, замечал: «Согласно общему плану, установленному покойным Алексеем Павловичем для всех фаунистических частей предпринятого им издания о Туркестане, статья моя изложена так, чтобы могла служить кратким руководством к определению рыб для путешественников и других лиц, которые захотели бы на месте заняться дальнейшими исследованиями ихтиологической фауны края. С этой целью здесь помещены не только сжатые описания всех видов рыб, которые найдены в Туркестане, но также приведены и отличительные признаки родов, семейств и разрядов, к которым означенные виды относятся. Сверх того характерные признаки всех тех видов, которые оказались новыми, т. е. никем еще не описанными, изложены также на латинском языке, для того чтобы иностранные ихтиологи имели возможность с ними ознакомиться»⁷⁸⁷.

⁷⁸⁴ [Федченко О. А.] От редакции // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. СПб.; М., 1874. [С. I].

⁷⁸⁵ Сольский С. М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I.]

⁷⁸⁶ Фон Мартенс Э. Слизняки (Molluscs) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. 1874. [С. I.]

⁷⁸⁷ Кесслер К. Ф. Рыбы (Pisces) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. VI. 1874. [С. I.]

Однако, несмотря на то что программа А. П. Федченко была принята к исполнению, не всем участникам она нравилась и у некоторых вызывала желание как-то обойти ее требования. Проблема состояла в «огромной затрате времени и труда на воссоздание на русском языке описаний таких видов, которые давно и многократно уже описаны за границею, и на установку их в систему вместе с другими, мало известными и совершенно новыми видами»⁷⁸⁸. Это затягивало выход издания в свет, и авторы рисковали потерять приоритет в описании новых видов: «Мне кажется, – писал С. М. Сольский, – что соединение издания отчета ученой экспедиции с так сказать учебными целями вообще не может иметь места без того, чтобы не отразиться вредно на той и другой стороне дела. Издание отчета ученой экспедиции всегда более или менее ограничено временем и не может быть растягиваемо надолго, ни загромождаемо не принадлежащими непосредственно к трудам экспедиции элементами, без того, чтобы собранные экспедицией научные данные, с одной стороны, постепенно не утрачивали, во время разработки, своего значения, через опубликование с разных сторон таких же исследований, произведенных другими, с другой же стороны, не стусеивались бы в большой массе давно известного»⁷⁸⁹.

В этом подходе был свой резон. Тем не менее О. А. Федченко твердо придерживалась разработанного плана. Она понимала стремление авторов побыстрее опубликовать результаты своих работ, но не хотела в угоду им жертвовать качеством издания. Вместе с этим она отлично знала, что чем быстрее выйдут из печати первые тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», тем быстрее будет решен вопрос с продолжением финансирования. К сожалению, возникли сложности, замедлявшие этот процесс. Как уже упоминалось выше, А. П. Федченко собирался собственноручно описать достаточно большое количество коллекций, и это принесло немало затруднений О. А. Федченко, поскольку для продолжения издания было необходимо найти людей, которые согласились бы его в этом заменить. Но, как оказалось, как раз это задание было выполнено Ольгой Александровной достаточно быстро: «Относительно издания “Путешествия” могу с удовольствием указать на то, что удалось пристроить апидов – Моравицу (Федор[у] Федор[овичу]) в Петербурге – и червей: часть их взял Грубе, а паразитов – Лей Карт⁷⁹⁰ в сообществе своего ассистента Ральфса. Моравиц уже получил коллекцию, рисунки и заметки и деятельно принялся за обработку, Грубе все отправлено, но еще нет от него известий о получении, согласие Лей Карта получено только третьего дня, и коллекция и заметки готовятся для отправки ему. Клещей взял Кронеберг. Без движения покуда клопы, которых я побоялась послать В. Ф. Ошанину, как он просил, в Ташкент. Они будут ждать его возвращения. Не розданными остаются пока некоторые семейства перепончатокрылых...» – писала она А. П. Богданову 4 марта 1874 года⁷⁹¹.

Труднее было заменить А. П. Федченко в другом: он предполагал предпослать каждому тому отдельное предисловие с очерком-характеристикой общей картины того или иного отдела фауны Туркестана, однако почти ничего не успел сделать. Большинство же авторов чувствовали себя не готовыми написать нечто подобное. Ольга Александровна не была уверена, что именно следует предпринять в данном случае: публиковать то немногое, что успел написать А. П. Федченко, вряд ли стоило из-за его незавершенности; сама О. А. Федченко не могла взять на себя эту задачу. Издание задерживалось. Она надеялась на помощь членов ОЛЕАЭ, и прежде всего Анатолия Петровича Богданова: «Печатаются слизняки, – писала ему О. А. Федченко 27 сентября / 9 октября 1873 года, – А. П. хотел дать к ним предисловие, теперь нет его, издавать без предисловия? Я писала к Мартенсу, не напишет ли он предисловие, но сомнева-

⁷⁸⁸ Сольский С. М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I–II.]

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ О. А. Федченко имела в виду Рудольфа Лейкарта (1822–1898), немецкого зоолога, ее знакомого еще со времен их совместной с А. П. Федченко поездки в Италию.

⁷⁹¹ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 4 марта 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

юсь. Ему, кажется, сильно надоело, что близняки так долго не выходят, и едва ли он согласится еще писать. 2) Печатаются бабочки, тоже задержка за предисловием. А. П. [Федченко] читал вам исправленное им ершовское предисловие, вы вместе решили, что А. П. напишет совсем новое и более подробное; теперь что же делать? Только вы одни и можете знать, что имел в виду написать А. П., и было бы самое лучшее, если бы взялись написать. Но если не захотите, что тогда? печатать ли в том виде ершовское, как его исправил А. П., или никакого?»⁷⁹²

Ответ А. П. Богданова, однако, где-то задерживался, и О. А. Федченко была вынуждена вновь писать ему (17/29 ноября 1873 года): «Давно я Вам послала и предисловие к бабочкам, и дополнения, и предисловие Мартенса и писала о таких вещах, которые меня крайне интересуют и на которые жду Вашего ответа с большим нетерпением, а ответа нет»⁷⁹³. А. П. Богданова вообще приходилось постоянно торопить. Будучи учителем, научным руководителем и консультантом А. П. Федченко, А. П. Богданов лучше многих знал его замыслы. Кроме того, он был профессиональным зоологом. Ольга Александровна не только нуждалась в его помощи, но и не могла игнорировать его мнение. Как видно из переписки, при подготовке к выпуску первых, давшихся труднее всего томов она постоянно справлялась с его мнением и просила его указаний. В случае разногласий с О. А. Федченко авторы, по-видимому, также апеллировали к А. П. Богданову: «Дело в том, – писала, например, О. А. Федченко 24 ноября 1873 года по поводу разногласий с Н. Г. Ершовым, обрабатывавшим чешуекрылых (Lepidoptera), – что Ершов уже велел набрать предисловие и прислал мне его для поправок и дополнений. Поправить неизбежно нужно, пот[ому] что Ершов, под видом “заметки, полученной от А. П.”, включает те несколько строк, которыми начал⁷⁹⁴ свою заметку А. П. (сколько помню, Ершов буквально напечатал то, что было на отдельном листе, посланном вами вместе с предисловием). К этому Ершов прибавляет от себя несколько строк, сущность которых заключается в том, что делать какие-либо выводы на основании имеющегося материала – преждевременно. Так как его предисловие помечено 1-м апреля, то выходит, будто А. П. только и хотел сказать, что заключается в тех нескольких строках. Выходит, конечно, нелепо; но чтобы не сидеть над одним и тем же два раза, я бы желала, поправляя Ершова, иметь перед собою Ваши указания»⁷⁹⁵. И продолжала далее: «Послала же я телеграмму, а не ограничилась письмом, где все это гораздо удобнее и понятнее излагается, вот почему: что торопится Ершов, это естественно, очень уже давно печатается его труд; но на это я бы не посмотрела: заботясь прежде всего о том, чтобы всякое дело было сделано как можно лучше, я бы не усомнилась, ввиду несомненной пользы для самого дела, отложить окончание его на неделю, другую. Если же я тороплюсь, то не ради собственно только этого предисловия, а ради того, что чем скорее выйдут два первых выпуска, тем лучше это отзовется на всем издании. Бесконечность этих выпусков производит дурное впечатление, многим надоедает дело; “типография жмет плечами, авторы махают руками” – а и с типографией, и с авторами предстоит еще долго вести дело»⁷⁹⁶. Настойчивость О. А. Федченко, однако, приносила свои плоды: предисловие Н. Г. Ершова, например, является одним из самых подробных и обстоятельных во всем издании⁷⁹⁷.

В то время как одни авторы нещадно торопили О. А. Федченко с выходом их томов «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», другие не спешили выполнить взятую на себя часть работы. Это объяснялось и занятостью многих ученых, и обилием материалов, и желанием поподробнее изучить предоставленные им коллекции, и просто большим объемом работ.

⁷⁹² Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 27 сентября / 9 октября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1, 1 об.

⁷⁹³ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 17/29 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 3.

⁷⁹⁴ Слово подчеркнуто О. А. Федченко. — О. В.

⁷⁹⁵ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 5, 5 об.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 5 об., 6.

⁷⁹⁷ См.: Ершов Н. Г. Чешуекрылые (Lepidoptera) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874.

Положение затруднялось еще и тем, что первоначально О. А. Федченко не имела непосредственного контакта со многими заграничными учеными и была вынуждена общаться с ними через посредников из ОЛЕАЭ. Одним из ее помощников-посредников, назначенных обществом, был Василий Николаевич Ульянин, избранный членами ОЛЕАЭ в состав редакционной комиссии в качестве научного консультанта. В. Н. Ульянин искренне хотел помочь. Он взял на себя обработку нескольких коллекций, перевод на русский язык некоторых работ зарубежных ученых и, видимо, на первых порах контакты с этими учеными. Однако собственные исследования, экспедиции и поездки отнимали все больше времени, и все чаще на свои письма к Ульянину О. А. Федченко получала следующие ответы: «...Об Ошанине я не имею никаких известий; он собирался, по-моему, на Памир <...>. Отчего бы Вам не написать к Ошанину – известить его о том, когда предполагается вперед вести издание и вместе с тем [срочно] допросить его о том, когда можно надеяться видеть его Hemiptera готовыми?» (12 октября 1873 года)⁷⁹⁸; или от 20 ноября 1873 года: «...Сосюр не пишет <...> чтобы Hymenoptera были ему высланы теперь же. Полагаю, что посылать их ему не нужно прежде, чем он окончит Orthoptera. Во всяком случае лучше списаться с ним...»⁷⁹⁹; «...Не полезно ли вам будет вступить в прямые сношения с Моравицем? Вы бы знали, когда что берется писать Моравиц...»⁸⁰⁰; «...Очень рад был бы Вам помочь разобрать Hymenoptera для отсылки, но, к сожалению, в настоящее время не могу этого сделать, ибо завтра мне приходится <...> уехать из Москвы недели на две»⁸⁰¹; 28 августа 1874 года: «От Дейрама сведений никаких не имею... [так же как] и от М. Ларимана <...>. Последний в особенности меня беспокоит своим молчанием, обусловленным, очевидно, нежеланием прислать рукопись согласно нашим упрощениям»⁸⁰²; от 25 июля 1875 года: «Отчего <...> тянет глистов Лейнарт? Нельзя ли бы чтобы его сколько-нибудь понудить?»⁸⁰³ и так далее и тому подобное.

Таким образом, О. А. Федченко постепенно пришлось взять в свои руки всю переписку по изданию. Она подгоняла особенно неторопливых авторов (сама или с помощью авторитетных лиц, например А. П. Богданова): «Одно семейство – Fenthredinae – и из розданных не двигается. Я уже столько раз приставала к автору, что боюсь надоест. Попроставайте, пожалуйста, Вы: Е. К. [Фреймут] так была тронута Вашим вниманием – присылкой фотографии – что она для Вас теперь что угодно, даже Fenthredinae, я думаю, сделает, хоть они ей и очень надоели», – писала она ему 4 марта 1874 года⁸⁰⁴. Она читала присланные авторами и типографиями корректуры и подписывала их в печать. Она готовила коллекции к отправке тем, кто собирался их обрабатывать, и принимала, разбирала и сортировала, когда они возвращались обратно. И наконец в марте 1874 года были получены отпечатанные экземпляры первых двух выпусков «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко».

Постепенно издательская деятельность вошла в правильное русло. О. А. Федченко набиралась опыта, сотрудники и авторы привыкали иметь с ней дело. В 1874 и 1875 годах новые тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» выходили в свет регулярно. Но одновременно средства, отпущенные на издание, подходили к концу, а решение о продолжении финан-

⁷⁹⁸ Ульянин В. Н. Письмо О. А. Федченко. 12 октября 1873 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 3 об.

⁷⁹⁹ Ульянин В. Н. Письмо О. А. Федченко. 20 ноября 1873 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 5.

⁸⁰⁰ Там же. Л. 5, 5 об.

⁸⁰¹ Ульянин В. Н. Письмо О. А. Федченко. 20 ноября 1873 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 5.

⁸⁰² Ульянин В. П. Письмо О. А. Федченко. 28 августа 1874 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 14.

⁸⁰³ Ульянин В. П. Письмо О. А. Федченко. 25 июля 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 42 об.

⁸⁰⁴ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 4 марта 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

сирования все еще не было принято. Поскольку предыдущее решение К. П. фон Кауфмана (от 28 марта 1874 года) гласило, что необходимо дождаться выхода в свет нескольких томов «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», прежде чем можно будет принять окончательное решение о его дальнейшей судьбе, переписка по этому вопросу между Г. Е. Щуровским и К. П. фон Кауфманом на некоторое время была прервана. В 1874 году некоторые средства в кассе общества еще были. Но к 1875 году все резервы были практически исчерпаны. И тогда Г. Е. Щуровский счел возможным возобновить ходатайство о выделении средств.

В январе 1875 года по его просьбе (точнее, по просьбе совета ОЛЕАЭ) московский почт-директор статский советник Семен Сергеевич Подгорецкий взял на себя труд лично переговорить об этом с К. П. фон Кауфманом во время своего пребывания в Петербурге⁸⁰⁵. Г. Е. Щуровский передал с ним письмо, написанное 17 января 1875 года, с очередной просьбой о решении вопроса: «Так как в настоящее время вышло пять выпусков, определяющих характер и полноту изданных трудов, и так как заказ весьма большого числа рисунков и таблиц, а равно и покупка бумаги для других пяти выпусков, находящихся теперь в печати, поглотили большую часть средств, имевшихся в распоряжении издания, причем в кассе остается лишь сумма 2500 руб., то я осмеливаюсь довести об этом до сведения Вашего Высокопревосходительства и утруждать Вас новым ходатайством Общества любителей естествознания об оказании благожелательной поддержки нашему делу, если Вы изволите признать удобным для сего настоящее время»⁸⁰⁶. Встреча эта, однако, не принесла никакой пользы: «...Г.Е. [Щуровский] был у Подгорецкого, который оказалось возвратился из Петербурга больным, – сообщил Н. К. Зенгер Ольге Александровне 12 февраля 1875 года, – Подгорецкий заезжал к Кауфману, но тот еще не успел тогда видаться с министром. Перед отъездом в Москву он снова был у Кауфмана, но попал именно в то время, когда Кауфман поехал к министру. Таким образом нужно будет ожидать письма Кауфмана по почте и когда оно будет получено, я не замедлю Вас о нем уведомить»⁸⁰⁷. Ответа на это письмо не было. Надеюсь, что отзыв крупного ученого о качестве издания поможет сдвинуть дело с мертвой точки, Г. Е. Щуровский в марте 1875 года переговорил с председательствующим в Русском географическом обществе П. П. Семеновым во время его визита в Москву, прося его не только дать отзыв о «Путешествии в Туркестан А. П. Федченко», но и со своей стороны походатайствовать о назначении пенсии О. А. Федченко, которая все это время занималась изданием совершенно бесплатно. О сочувственном согласии П. П. Семенова Г. Е. Щуровский сообщил К. П. Кауфману в письме от 17 марта 1875 года⁸⁰⁸.

Мысль К. П. фон Кауфмана, вероятно, работала в том же направлении: прежде чем принимать решение, он счел нужным получить профессиональный отзыв об уровне и качестве издания. По некоторому совпадению, 18 марта 1875 года он обратился с письмом к президенту Императорской академии наук Ф. П. Литке «...с покорнейшей просьбой не отказать передать на заключение Императорской Академии наук вопрос о том, заслуживает ли это издание, по научному своему значению, правительственной поддержки и ассигнования из государственного казначейства необходимой для окончания его дополнительной суммы Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии»⁸⁰⁹. Соответственно, получив послание Г. Е. Щуровского 19 марта 1875 года, Кауфман наложил на него резолюцию: «Ожидать сообщения

⁸⁰⁵ См.: 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 188.

⁸⁰⁶ Там же. С. 189.

⁸⁰⁷ Зенгер Н. К. Письмо О. А. Федченко. 12 февраля 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 13.

⁸⁰⁸ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 192.

⁸⁰⁹ 1875 г. марта 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана – президенту Российской Академии наук Ф. П. Литке // Там же. С. 190–191.

П. П. Семенова и запрошенного отзыва от академии о достоинствах предпринятого издания путешествий А. П. Федченко»⁸¹⁰.

Между тем средства иссякали. У О. А. Федченко накопилось достаточно большое количество неоплаченных счетов по изданию, а логика работы требовала дальнейших затрат. Выход очередных томов оказался под угрозой. 30 марта 1875 года совет ОЛЕАЭ собрался для принятия решения. А уже 1 апреля секретарь ОЛЕАЭ Н. К. Зенгер писал О. А. Федченко: «Решено просить Вас приостановить теперь уже всякого рода дальнейшие заказы таблиц, чертежей, бумаги и печати, кои могли бы вовлечь общество в новые расходы, кроме уже предстоящих уплат за прежние до сих пор сделанные заказы; решено просить президента общества лично ходатайствовать в Петербурге о решении вопросов по изданию во время поездки президента в Петербург в начале мая сего года; изыскавши денежные средства, решено по мере возможности производить уплату уже представленных счетов из кассы Общества»⁸¹¹. По распоряжению Г. Е. Щуровского О. А. Федченко должна была: «1) Не останавливая обработки материалов и частей и приготовление рукописей к печати, остановить всякий заказ по изданию рукописей и заключающихся в них рисунков. 2) Из числа уже печатающихся выпусков издания, в коих имеются уже готовые таблицы и отпечатанный текст, окончить и выпустить в свет лишь те, кои не потребуют новых затрат... 3) Приостановить издание таких выпусков, в коих печатание текста не начато и для которых исполнено лишь несколько таблиц...»⁸¹².

В тот же день, 1 апреля 1875 года, Г. Е. Щуровский направил сообщение К. П. фон Кауфману вместе с извлечением из отчета, составленного Ольгой Александровной, о положении дел и заказов по изданию⁸¹³. Настойчивые просьбы возымели действие. Сам Кауфман, кажется, был заинтересован в успешном завершении проекта, а возможно, уже успел получить какой-то отклик из Академии. Во всяком случае, он добился предварительного согласия Министерства финансов на отпуск запрошенной О. А. Федченко суммы в 21 000 рублей при условии положительного отзыва Академии наук. «Я не сомневаюсь в одобрительном отзыве, но он еще не получен, а пока не будет его, я должен удержаться от испрошения суммы», – отметил Кауфман 3 апреля 1875 года в резолюции на сообщение Г. Е. Щуровского⁸¹⁴. 10 апреля это решение было сообщено Г. Е. Щуровскому⁸¹⁵, а 18 апреля Кауфман, в свою очередь, направил письмо Д. А. Милютину, занимавшему в то время пост военного министра, с подробным изложением обстоятельств издания материалов экспедиции А. П. Федченко. К этому времени вышло в свет уже семь выпусков «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», и Кауфман был вполне уверен в их научной ценности: «Согласно всем заявленным мне компетентным отзывам, – писал он, – издание заслуживает такой поддержки и покровительства по своим несомненным достоинствам и пользе, какую оно принесет для отечественной науки и для успеха последующих научных исследований наших в Средней Азии»⁸¹⁶. Характерно, что если Г. Е. Щуровский во всех своих письмах К. П. фон Кауфману подчеркивал выдающуюся роль О. А. Федченко в организации успешного продолжения издания, то К. П. фон Кауфман в письме к Д. А. Милютину говорил о ней мимоходом, не упоминая имени, вся заслуга по выпуску уже изданных

⁸¹⁰ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // Там же. С. 192–193.

⁸¹¹ Зенгер Н. К. Письмо О. А. Федченко. 1 апреля 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 16–16 об.

⁸¹² Там же.

⁸¹³ См.: 1875 г. апреля 1. Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 193.

⁸¹⁴ 1875 г. апреля 1. Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману. ... С. 194.

⁸¹⁵ См. сноску на: А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 194.

⁸¹⁶ 1875 г. апреля 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана военному министру Д. А. Милютину // Там же. С. 194–196.

томов относилась им на счет «общества» без упоминания имен, а необходимость в добавочном финансировании объяснялась тем, что «со смертью же А. П. Федченко продолжение начатых им работ должно было увеличить денежные издержки, так как редакционные работы перешли в менее опытные руки вдовы покойного, оставшейся при том без всяких средств»⁸¹⁷.

К. П. фон Кауфман не спешил сообщить ОЛЕАЭ о своем обращении к Д. А. Милютину. Поэтому общество продолжало предпринимать шаги, чтобы убедить самого К. П. фон Кауфмана в целесообразности завершения дела, начатого с таким размахом. В начале мая 1875 года К. П. фон Кауфман посетил Москву. Поскольку к этому времени он уже являлся почетным членом ОЛЕАЭ, в его честь 7 мая было организовано экстраординарное собрание общества и Комитета для устройства музея прикладных знаний (будущего Политехнического). Заседание проходило под председательством президента Г. Е. Щуровского и в присутствии многих членов ОЛЕАЭ, в том числе и члена-основателя общества О. А. Федченко. Большая часть заседания была посвящена успеху Туркестанского отдела на прошедшей недавно Политехнической выставке, Туркестанскому отделу будущего музея, а также экспедиции А. П. Федченко. Григорий Ефимович Щуровский выступил с речью, призванной не только подчеркнуть успехи ОЛЕАЭ в освоении и изучении Туркестанского края и отдать должное роли К. П. фон Кауфмана в этом процессе, но и отметить важность этих исследований. Причем президент ОЛЕАЭ сосредоточился на экономическом и вытекающем из него *политическом* значении естественно-научного и географического изучения и освоения Туркестана. Он также обратил внимание присутствующих на международную конкуренцию, существующую в данном вопросе: «Действительно, не с Востоком ли или с развитием его культуры, с расширением его торговых сношений и с улучшением его продуктов связано в высокой степени будущее экономическое и промышленное развитие России? – говорил он. – ...Это видно из того, с каким интересом следят в Западной Европе за каждым шагом России в восточных ее окраинах, и этот интерес все более и более увеличивается. Давно ли почти одна Англия считала заслуживающими особого внимания наши среднеазиатские дела, между тем как в настоящее время вся Западная Европа зорко следит не только за военными или государственными приобретениями России в Средней Азии, но и за каждым приобретением ее в научном и промышленном отношениях»⁸¹⁸.

Речи Г. Е. Щуровского всегда представляли собой вершину дипломатического искусства, но в этот раз он постарался быть особенно убедительным. Он напомнил своим слушателям (и прежде всего К. П. фон Кауфману) об экономических интересах России, о международной ситуации, о военных победах генерал-губернатора и о его участии в организации экспедиции А. П. Федченко. Он напомнил слушателям о каждом аргументе за окончание публикации материалов «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» (ни разу не упомянув само издание), высказал благодарность К. П. фон Кауфману за оказанную ранее поддержку и намекнул, что было бы неплохо по достоинству оценить проделанную работу: «...мы почтем себя особенно счастливыми, если вы признаете, что мы добросовестно выполнили ту часть труда, которая легла на нас по описанию Туркестана, как результата экспедиции незабвенного нашего сочлена А. П. Федченко, – говорил он. – Всякий научный успех тогда только является прочным, когда он основывается на строгом научном знании»⁸¹⁹. После выступления Г. Е. Щуровского слово взял вице-президент и член-основатель ОЛЕАЭ, профессор Московского университета А. Ю. Давыдов. Начав с того, что «одну из самых светлых страниц в истории нашего общества составляют, без сомнения, исследования Туркестанского края в его естественно-историческом зна-

⁸¹⁷ Там же. С. 195.

⁸¹⁸ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 27–28.

⁸¹⁹ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. ... С. 28.

чении», профессор коротко изложил труды ОЛЕАЭ в этом направлении, предпринятые до экспедиции супругов Федченко, и далее перешел к подробному описанию заслуг туркестанской администрации в деле изучения края. Покончив с этой приятной обязанностью, докладчик посетовал на гибель главного участника экспедиции, отметив, что «Алексей Павлович Федченко пал как храбрый воин на поле сражения»⁸²⁰. Упомянув о том, что оставленные им «обширные исследования послужат основой и краеугольным камнем для дальнейшей разработки вопроса», он заявил, что «нам остается только соединиться в общем желании, чтобы труд этот, начатый при столь благоприятных условиях, был доведен до счастливого конца»⁸²¹. Рассказав подробно о плане издания «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», А. Ю. Давыдов перешел к характеристике уже вышедших в свет томов: «В настоящее время, – говорил он, – отпечатано уже роскошным изданием, с прекрасными рисунками и политипажками, восемь выпусков, содержащих около ста печатных листов; три новых выпуска того же издания печатаются и скоро выйдут в свет, и еще два вполне приготовлены к печати; остальные 12 выпусков обрабатываются и готовятся к изданию. Разработка научного материала распределена как между членами нашего общества, так и между другими русскими и иностранными учеными <...> замечательнейшие естествоиспытатели всех стран образованного мира принимают деятельное участие в этом обширном труде, и изучение Туркестана стало общею задачею науки. Результаты, которые достигаются десятками лет при величайших затруднениях и усилиях, сделались достоянием науки в сравнительно короткий промежуток времени, благодаря просвещенному содействию вашего высокопревосходительства»⁸²². И, наконец, завершил свое выступление изящным пассажем об уверенности всех присутствующих в благополучном завершении дела под мудрым руководством генерал-губернатора: «Общество любителей естествознания обращается к Вам, Константин Петрович, своему почетному члену и гостю, с выражением глубокой признательности за то внимание, которое Вы оказали и продолжаете оказывать этому важному делу; с полной уверенностью и надеждою смотрит оно на судьбу его, зная, что Вам она не менее близка, как самому обществу. Оно пользуется настоящим случаем лишь для того, чтобы снова заявить Вам о готовности продолжать начатые работы по Вашим указаниям и под Вашим руководством и считает для себя особенно счастливым случаем, что научные приобретения свои оно завоевало под славным знаменем Вашим»⁸²³. Следующий оратор, член-основатель ОЛЕАЭ, профессор Московского университета Н. А. Попов, бывший в то время председателем этнографического отдела ОЛЕАЭ, вновь говорил об экономическом и политическом значении Средней Азии для развития самой России; об общеевропейском значении русских завоеваний в этом районе; о необходимости детального изучения вновь присоединенных территорий для их наиболее эффективного использования в интересах России. Он также не забыл упомянуть экспедицию А. П. Федченко⁸²⁴.

Таким образом, ОЛЕАЭ в лице своих наиболее авторитетных представителей предприняло настоящий штурм генерала К. П. фон Кауфмана, используя все возможные аргументы, способные убедить его оказать поддержку изданию материалов экспедиции супругов Федченко. Имя О. А. Федченко ни разу не упоминалось во время этого заседания (во всяком случае, протокол не отразил ничего подобного). Однако она на нем присутствовала, и, разумеется, все собравшиеся прекрасно знали и о ее роли в экспедиции, и тем более о ее работе в качестве издателя «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». Можно только предполагать, что ее молчаливое присутствие также было своего рода аргументом в этом сражении. Однако,

---

⁸²⁰ Там же. С. 29.

⁸²¹ Там же. С. 30.

⁸²² Там же.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. ... С. 30–31.

как выяснилось несколько позднее, в столь массивной атаке, возможно, уже и не было прямой необходимости. Еще 22 апреля 1875 года на заседании Физико-математического отделения Академии наук академики Ф. Ф. Брандт, Л. И. Шренк и А. А. Штраух, составлявшие отзыв на тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», высказали свое мнение, которое и было одобрено академической конференцией. 17 мая президент Академии наук Ф. П. Литке отправил донесение К. П. фон Кауфману⁸²⁵. Отзыв этот был более чем благоприятен. Академики отметили уникальность коллекций, собранных экспедицией: «Тогда как другие преимущественно имели в виду лишь позвоночных животных, – писали они, – Федченко обращал большое внимание и на несравненно менее известных животных беспозвоночных. Составленные им по этой части коллекции столь многочисленны, что вполне заслуживают подробной разработки специалистами-зоологами». Они посчитали качество разбора и описания материалов «весьма удовлетворительным»; отметили, что вышедшие выпуски «с помощью подробных описаний и превосходных изображений, не только знакомят нас с большим числом новых видов, но, вместе с тем, благодаря богатству коллекций дают возможность судить и об общем характере и составе фауны по рассмотренным отделам». Они также указали на исключительный интерес Туркестана в зоогеографическом отношении, проистекавший из соприкосновения на его территории фаун североазиатской (европейско-сибирской), южноазиатской (гималайской), средиземноморской, а также значительного разнообразия животных форм. В итоге вывод экспертов гласил, что «весьма желательно, чтобы и остальные материалы, добытые экспедицией покойного Федченко, были разработаны и изданы в таком же виде, как в вышедших до сих пор выпусках. Этим снова подтвердится, – добавляли они, – справедливость неоднократно высказанного уже в заграничной печати замечания, что Россия тотчас же вслед за материальным приобретением какой-либо нетронутой страны приобретает ее и в научном отношении»⁸²⁶. И точно так же, как и в письме К. П. фон Кауфмана Д. А. Милютину, в отзыве Академии наук нет ни одного упоминания имени О. А. Федченко, вообще нет упоминания имен людей, занятых изданием «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», нет даже упоминания ОЛЕАЭ. Являясь, по существу, первым в истории Академии наук положительным отзывом о масштабной научной и научно-организационной работе женщины, вторым в истории Императорской Академии отзывом о научной работе женщины, если вспомнить отзыв о книге княгини Е. И. Голицыной 1835 года, авторы отзыва предпочли не упоминать об этом факте, составив документ таким образом, что читатель, незнакомый с деталями, не мог бы заподозрить ничего подобного.

К. П. фон Кауфман ознакомился с отзывом 14 июня 1875 года и приказал сообщить о нем военному министру и Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, «которому, конечно, весьма приятен будет отзыв Академии наук о сочинении, которое и создано, и издается под руководством общества»⁸²⁷. (Этот отзыв был зачитан 19 августа 1875 года на 78-м заседании ОЛЕАЭ и позднее опубликован в «Протоколах» Общества.)⁸²⁸ 26 июня 1875 года в ОЛЕАЭ из Московского губернского казначейства на счет издания «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» поступило 21 000 рублей⁸²⁹. Судьба издания была решена. У общества появился вполне законный повод для гордости. В годичном отчете о деятельности

⁸²⁵ См.: 1875 г. мая 17. Письмо президента Российской Академии наук Ф. П. Литке Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // А. П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 197.

⁸²⁶ Донесение академиков Ф. Ф. Брандта, Л. И. Шренка и А. А. Штрауха о рассмотренных ими семи выпусках «Путешествия в Туркестан» А. П. Федченко // Там же. С. 198.

⁸²⁷ См. резолюцию на письмо: 1875 г. мая 17. Письмо президента Российской Академии наук Ф. П. Литке Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману // Там же. С. 197.

⁸²⁸ Семьдесят восьмое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 19 августа 1875 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 40–41.

⁸²⁹ Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Там же. С. 18–19.

ОЛЕАЭ, зачитанном Н. К. Зенгером 15 октября 1875 года на 80-м собрании ОЛЕАЭ, этому событию уделялось основное внимание. «К счастливым обстоятельствам... – говорил Н. К. Зенгер, – должно, без сомнения, отнести получение тех денежных средств, кои были необходимы для продолжения одного из капитальных изданий общества: “Путешествие в Туркестан А. П. Федченко”»⁸³⁰. Н. К. Зенгер сообщил также, что к концу 1875 года в свет вышли девять выпусков «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» объемом 135 листов, содержавшие 44 таблицы. Большое количество таблиц и рисунков являлось предметом особой гордости. В России практически не существовало условий для их тиражирования. И авторы, и О. А. Федченко были вынуждены заказывать рисунки и таблицы за границей: в Париже (у Т. Дейроля и Лемерсье), в Берлине (у Тиффенбаха, Вигандта, Гемпеля и Парея), в Лейпциге (у Баха). На долю единственного заведения, удовлетворявшего высоким требованиям в России, – Э. Ивансона (в С.-Петербурге) пришлось абсолютное меньшинство заказов. Стоимость таблиц и рисунков съедала не меньше половины всего бюджета издания⁸³¹. Усилия редакторов также не остались без внимания. Н. К. Зенгер, хорошо знакомый с издательским делом, отметил в отчете: «Что касается труда, то всякому, кто знаком с делом изданий, хорошо известно, как много требуется даже самой скучной и тяжелой работы, при отсутствии у нас хороших корректоров и малом развитии типографского дела». И не без гордости добавил: «Но затруднения не могли останавливать общество»⁸³².

Надо отметить, что и сама экспедиция супругов Федченко, и, еще в большей степени, такое успешное издание ее материалов стали предметом особой гордости ОЛЕАЭ и символом успеха его деятельности и некоторых принципов, провозглашенных при его создании. Одним из таких принципов, как уже упоминалось выше, было издание научных сочинений общества исключительно на русском языке – политика, с которой были не согласны большинство старейших научных обществ и организаций, таких как Академия наук или Московское общество испытателей природы. «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко» стало блестящей иллюстрацией правоты ОЛЕАЭ, что и было с гордостью отмечено Н. К. Зенгером: «Издания общества за последние годы приняли на свои страницы много почтенных и замечательных трудов, остановивших на себе внимание ученой литературы, – говорил он. – Работы А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова, А. П. Богданова, В. Н. Ульянина, Д. И. Чистякова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова и других, помещенные в “Известиях” прежних лет, стали достоянием европейской науки, перешли в переводах и извлечениях в ученые журналы за границей, и между прочим доставили блестящее доказательство верности того правила, которого мы держались при редакции “Известий общества”, а именно полного исключения иностранных языков со страниц нашего издания. Труды, достойные внимания, заслуживающие ознакомления с ними и их изучения, будучи напечатаны на русском языке, не остались незамеченными иноземными учеными, и за границу уже успели усвоить все, что оказалось существенного и нового в наших русских работах»⁸³³.

Таким образом, работа по изданию «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» была признана одним из наиболее перспективных проектов ОЛЕАЭ и получила полную поддержку общества, к которой О. А. Федченко еще не раз пришлось прибегать в процессе работы. С финансами отныне все обстояло благополучно, и она могла без помех продолжать работу, которая и без хлопот о деньгах была достаточно трудной.

⁸³⁰ Зенгер Н. К. Годичный отчет общества / Годичное восьмидесятое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии / Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Там же. С. 48.

⁸³¹ См., например: Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. ... С. 19.

⁸³² Зенгер Н. К. Годичный отчет общества... С. 48.

⁸³³ Зенгер Н. К. Годичный отчет общества... С. 48.

Некоторые тома доставляли О. А. Федченко больше забот, чем другие. С некоторыми авторами вести дела оказалось очень непросто. Одной из проблем стал том, посвященный описанию экспедиции. Как упоминалось выше, А. П. Федченко успел написать только небольшую часть из задуманного, а именно несколько глав «Путешествия в Коканское ханство». И даже этот кусок нуждался в серьезной доработке. Сегодня трудно сказать, кому именно было поручено это дело, занималась ли этим сама Ольга Александровна или кто-то другой. Надо отметить, что О. А. Федченко вообще не оставила нам никаких повествовательных текстов. Она не вела дневник, не написала воспоминаний. Почти никогда не писала статьи об экспедициях (исключение из этого правила представляет ее статья «A. Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1870»⁸³⁴ и еще две-три), в которых принимала участие. Если бы до нас не дошло несколько десятков ее писем (большой частью ее письма к сыну), можно было бы подумать, что она не умела и не любила писать. Однако это, безусловно, не так. Скорее ей просто катастрофически не хватало времени: дела по изданию, колоссальная переписка, разбор и рассортировка коллекций, а также воспитание сына поглощали все ее время. С другой стороны, кроме нее, эту работу просто некому было сделать: ведь она участвовала в описываемых событиях. Сохранился лишь один намек на то, что О. А. Федченко надеялась на полное завершение описания всей экспедиции в объеме, задуманном А. П. Федченко. В одном из писем к А. П. Богданову по поводу размера рисунков (24 ноября 1874 года) она отмечала, что размер рисунков зависит от того, будет или нет написана первая часть первого тома (то есть описание первой части экспедиции), и добавляла, «за что Зенгер ручается»⁸³⁵. Таким образом, можно предположить, что Н. К. Зенгер согласился разобрать заметки А. П. Федченко и дописать, а в том, что касается первой части, написать заново историю путешествия. Однако он мог пообещать подготовить только собственно эту первую часть, а работу со второй оставить Ольге Александровне. В любом случае II часть первого тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» – «В Коканском ханстве», состоящая из пяти глав, великолепно иллюстрированная и снабженная картами, вышла в свет в 1875 году⁸³⁶.

Повествование в ней ведется от лица А. П. Федченко, а имя редактора не указано. Но можно не сомневаться, что О. А. Федченко внимательно читала текст, правила корректуру и уточняла детали. Так что некоторым образом она также является одним из авторов этого тома. Описание же первой части экспедиции так и не было написано. Н. К. Зенгер умер в 1877 году, видимо так и не успев закончить этот труд, а сама Ольга Александровна никогда за него не бралась.

⁸³⁴ Fedtschenko O. A. Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1871 // Mittheilungen aus Justus perthes' geographischer anstalt über wichtige neue erforschungen auf dem gesamtgebiete der geographie von Dr. A. Petermann. 1874. B. 20. S. 201–206.

⁸³⁵ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 24 ноября 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

⁸³⁶ Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. I. Ч. II: Федченко А. П. В Коканском ханстве // Известия ОЛЕАЭ. 1875. Т. XI. Вып. 7. С. 1–160.

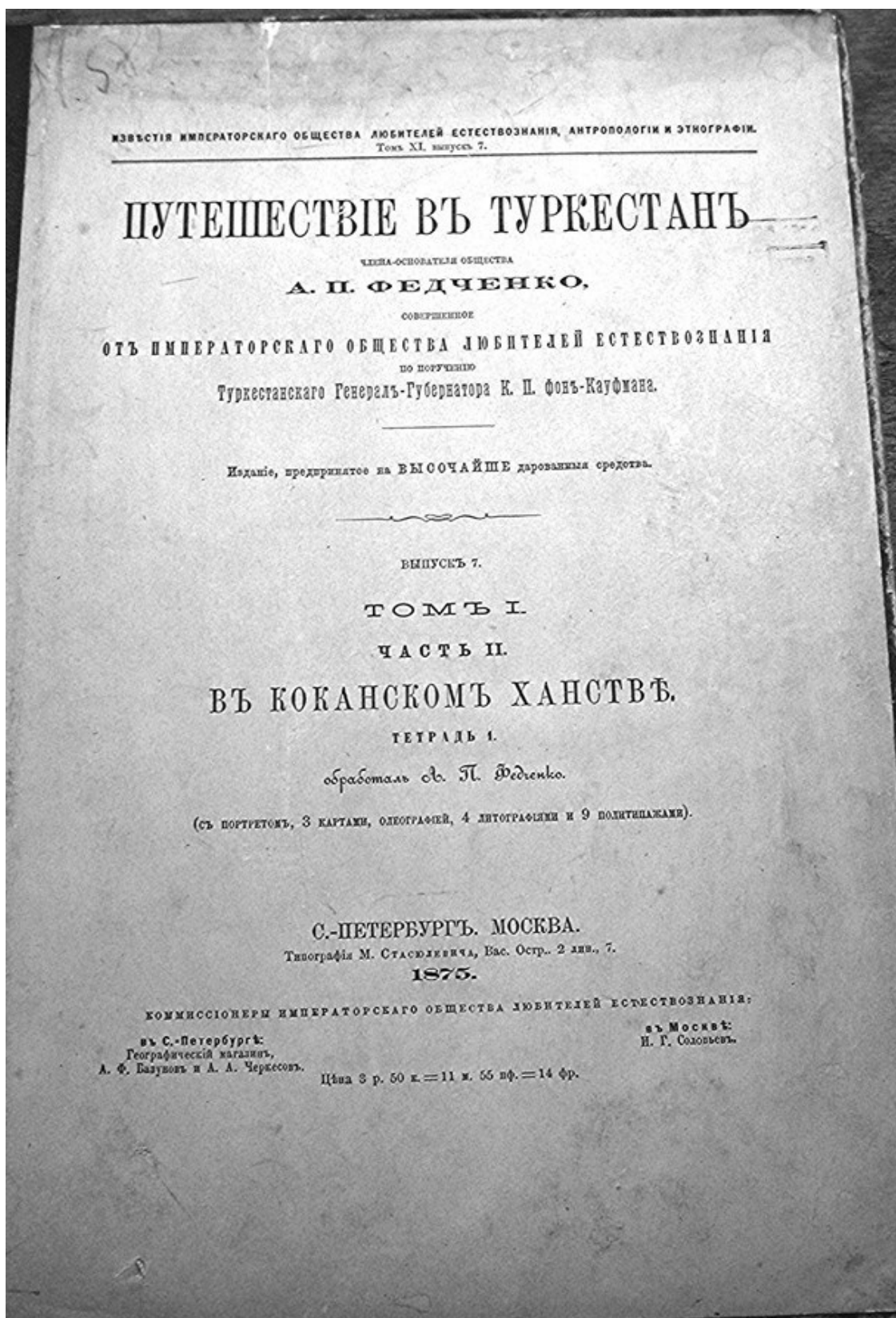

Рис. 17. Обложка книги А. П. Федченко «В Коканском ханстве» (Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2)

Две другие наиболее типичные проблемы, возникавшие в отношениях с учеными, занимавшимися обработкой коллекций, уже упоминались выше: некоторые из них слишком затя-

гивали свои работы, другие слишком спешили. И то и другое вызывало сложности. Один из типичных примеров медлительности представлял собой А. П. Богданов. Он консультировал О. А. Федченко по многим вопросам, переводил некоторые тома на русский язык и, что было наиболее важным, взялся обработать антропологические материалы. О. А. Федченко была полностью в нем уверена или по крайней мере выражала такую уверенность. Еще 24 ноября 1873 года она писала ему: «Антропология – дело другое: тут я знаю, что вы ее сделаете, что весь вопрос во времени, и жду покойно <...>. Что средства на антропологию будут – могу ручаться до тех пор, пока есть какие-нибудь средства на издание. Сколько, полагаете вы, потребуется на издание текста? И где будете делать рисунки? Не в Париже ли?»⁸³⁷ Однако, несмотря на эту уверенность, «Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев» А. П. Богданова увидели свет только в 1888 году, то есть через 15 лет после начала работы⁸³⁸.

Другую крайность представлял собой доктор Э. Л. Регель, обрабатывавший ботанические коллекции, собранные самой О. А. Федченко. Точнее, он представлял собой обе крайности одновременно. Гербарии, собранные экспедицией в течение первого года путешествия (конец 1868–1869 год), почти сразу были переданы для обработки профессору Московского университета Н. Н. Кауфману⁸³⁹. Ольга Александровна давно и хорошо его знала; что еще важнее, у них был опыт успешного сотрудничества (ему же, уезжая в длительную экспедицию, Ольга Александровна отдала на сохранение свои гербарии). Н. Н. Кауфман приступил к работе и даже успел опубликовать несколько заметок на основе материалов, привезенных экспедицией⁸⁴⁰. К сожалению, в 1870 году Н. Н. Кауфман умер, и пришлось подыскивать другого человека для этой работы. Э. Л. Регель казался вполне подходящей кандидатурой. Доктор Э. Л. Регель, директор Ботанического сада в Санкт-Петербурге, считался одним из наиболее опытных отечественных систематиков. У него уже был опыт обработки растений, собранных в Центральной Азии П. П. Семеновым-Тян-Шанским в 1856–1857 годах (всего более 1000 видов растений)⁸⁴¹, Г. Н. Потаниным (1863 год), Н. А. Северцовым (1864 год). Результаты этой работы публиковались в 1864–1869 годах в «Бюллетене Московского общества испытателей природы». Таким образом, выбор Э. Л. Регеля для обработки растений, собранных О. А. Федченко, был совершенно оправданным.

Первые ботанические материалы О. А. Федченко передала ему еще в 1871 году до завершения экспедиции⁸⁴². Помимо Э. Л. Регеля обработкой гербариев занимались господа Гердер (С.-Петербург) и А. А. Бунге (Дерпт). Ботаническому описанию Туркестана отводился третий том «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». Собранный О. А. Федченко гербарий содержал до 1700 видов, большая часть которых была совершенно новой и неизвестной науке. Однако, как и в случае с зоологическими материалами, А. П. и О. А. Федченко хотели видеть не только описание новых видов. В проспекте издания было заявлено: «Обработка ботанической части не ограничится списком найденных форм и описанием новых; в ней будут собраны все существующие по настоящее время сведения о флоре Туркестана <...>. Флора будет заключать синопсис всех известных до сих пор видов растений Туркестана»⁸⁴³. Предполагалось, что

⁸³⁷ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6, 6 об.

⁸³⁸ Богданов А. П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1888. Вып. 22. 92 с.

⁸³⁹ Федченко О. А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О. А. Федченко // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. [С. I.]

⁸⁴⁰ Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. 1–2. С. 180, 388.

⁸⁴¹ См. воспоминания П. П. Семенова-Тян-Шанского в: Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. I. Отд. I–III. С. 271.

⁸⁴² [Щуровский Г. Е.] Письмо К. П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

⁸⁴³ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124–125.

кроме растений, собранных экспедицией Федченко, будут описаны и включены в издания растения из окрестностей Ташкента и Кокандского ханства, подаренные ОЛЕАЭ И. И. Краузе. Объем тома планировался в 80 печатных листов, с иллюстрациями.

В итоге при работе над первой частью третьего тома Э. Л. Регель использовал гербарии Карелина и Кирилова, Каульбарса, Королькова, Краузе, Кушакевича, Потанина, Семенова, Северцова, Шарнгоста, Шренка и других, хотя основу составила коллекция О. А. Федченко. Э. Л. Регель в предисловии к первой части ботанического тома писал: «По желанию, выраженному мне многоуважаемым А. П. Федченко, я принял на себя обработку Туркестанской флоры с употреблением не только материалов, собранных его супругою, но и всех материалов, собранных до сих пор разными лицами в Туркестанском крае»⁸⁴⁴. Вначале Э. Л. Регель не спешил с работой, отвлекаемый другими занятиями. Он регулярно посылал О. А. Федченко извинения за очередную задержку и заверения в том, что работа будет исполнена⁸⁴⁵. Г. Е. Щуровский позднее писал К. П. фон Кауфману: «Г. Регелю был передан ботанический материал еще в 1871 году, но как видно из представленных документов, находящихся в редакции “Путешествия”, он до 4 лет обрабатывал первый выпуск, постоянно извещая редакцию, что он занят другими работами. Как только им представлена была рукопись, так она и напечатана»⁸⁴⁶. Однако после выхода в 1876 году первой ботанической части, обработанной Э. Л. Регелем, все изменилось. Медлительность и неторопливость сменились нетерпением и спешкой. Вместо того чтобы предоставить в распоряжение редакции «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» продолжение работы, Э. Л. Регель начал настаивать на отдельной публикации его статьи с описанием исключительно новых туркестанских видов (вопреки заявленному ранее намерению обработать все собранные растения). Он требовал организации подобной публикации немедленно, сообщая, что в противном случае начнет печатание статьи в «Известиях Ботанического сада». Кроме того, он возражал против редактирования и правки его работ. В фонде О. А. Федченко в С.-Петербургском филиале Архива РАН сохранилась страница из рукописи первой части ботанического тома с правкой О. А. Федченко, датированная 10 августа 1875 года:

25. *Распльвные* стебли. Такого слова нет. Не зная в точности, что оно должно выражать, ничего не заменила. Или нужно выкинуть совсем, или заменить русским словом <...>.

46. *не выставлено везде место нахождения и которое* число июня. Если число неизвестно, то надо: июнь.

В предыдущих листах кажется ставили по-русски, под названием вида; таб. и фиг. — Если да, то и теперь лучше ставить по-русски⁸⁴⁷.

49. Длина стебля 12–40 (как по латыни) или 30–40 (по-русски)⁸⁴⁸.

Из этого примера можно судить, что О. А. Федченко была очень аккуратна и внимательна при чтении чужой рукописи. Однако одновременно она проявляла тщательность и дотошность, которые позднее отличали ее собственные работы. Несомненно, что от этого труд только выигрывал, но подобная тщательная проработка деталей замедляла дело. Хотя, конечно, Эдуард Людвигович Регель мог быть недоволен и тем, что его поправляет какая-то не имеющая ника-

⁸⁴⁴ Регель Э. Л. Туркестанская флора. Тетрадь первая // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Т. III: Ботанические исследования. 1876. Ч. I. [С. 1.]

⁸⁴⁵ См. письма Э. Л. Регеля О. А. Федченко. 1873–1875 гг. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 1–40.

⁸⁴⁶ [Щуровский Г. Е.] Письмо К. П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

⁸⁴⁷ *—* Зачеркнуто. — О. В.

⁸⁴⁸ Страница из рукописи Э. Л. Регеля «Туркестанская флора» «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко» с правкой О. А. Федченко. [10] августа 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 109.

кого образования и собственных работ дама. В любом случае дело дошло до той точки, когда потребовалось вмешательство третьих лиц. Нам не удалось установить, то ли Э. Л. Регель, недовольный действиями Ольги Александровны, обратился непосредственно к Г. Е. Щуровскому, то ли О. А. Федченко сама попросила помощи. Однако нам точно известно, что Э. Л. Регель написал непосредственно К. П. фон Кауфману, жалуясь ему на непрофессионализм редакции и всего ОЛЕАЭ, на nepoзвoлитeльнo медленное ведение ими работ по изданию. Правда, жаловался он на постоянные проволочки с изданием ботанических материалов, обрабатывавшихся профессором А. А. Бунге (Дерпт), а не своих. К. П. фон Кауфман, будучи высокого мнения о Э. Л. Регеле и его научных достоинствах, написал, в свою очередь письмо Г. Е. Щуровскому, содержащее, по-видимому, упреки в медлительности и непрофессионализме редакции. Письмо это, к сожалению, нам обнаружить не удалось, зато сохранились ответы Г. Е. Щуровского и Э. Л. Регелю, и К. П. фон Кауфману. Точнее, копии этих ответов, направленные О. А. Федченко и полученные ею 5 сентября 1877 года.

Г. Е. Щуровский, ни минуты не колеблясь, встал на защиту Ольги Александровны. Ситуация была обсуждена на совете ОЛЕАЭ, действия О. А. Федченко проверены и найдены безупречными, а обстоятельства, приведшие к скандалу, самым подробным образом изложены К. П. фон Кауфману. Письмо Г. Е. Щуровского не просто твердое, уверенное в правоте своей позиции, оно скорее резкое. Никогда раньше и, кажется, никогда впоследствии Г. Е. Щуровский не обращался к К. П. фон Кауфману в подобном тоне. Помимо прочего Г. Е. Щуровский писал: «Не могу скрыть от вашего высокопревосходительства, что именно указание блестящей деятельности г[осподина] Регеля, противопоставляемой как бы бездействию общества, вызвало у всех нас тружеников по Туркестанскому “Путешествию” горькое чувство. Если вы изволите принять в соображение, в течение какого числа лет обрабатывались большие путешествия, издаваемые как Петербургскою академией, так и заграничными правительственными учреждениями, имеющими неизмеримо больше специалистов в своем распоряжении, если вы обратите внимание на тот двойной труд перевода большей части статей на русский язык и исправления редакции, то вы изволите усмотреть, что общество и редакция с честью могут выдержать сравнение в этом отношении, что неоднократно и выражено было ему не только русскими и иностранными учеными, но и представителями целых учреждений, каковы географическое общество, в его отзывах об издании»⁸⁴⁹. И продолжал, посетовав на то, что кто-то сумел очернить ОЛЕАЭ в глазах К. П. фон Кауфмана: «Отдавая должное блестящей, продолжительной деятельности г[осподина] Регеля, как вы изволите характеризовать ее, общество также с своей стороны может представить ряд продолжительных издательских трудов своих сочленов, некоторые из коих работают почти полвека для науки. Эти труды могут быть речательством по крайней мере в том отношении, что оно не способно по беспечности или недосмотрам тормозить дело издания путешествия, составлявшего до сих пор его гордость и любимое детище»⁸⁵⁰.

О. А. Федченко, однако, кажется, осталась не совсем довольна этим письмом. Не ясно, показалось ли оно ей излишне мягким или, наоборот, слишком резким, но она, по-видимому, просила Г. Е. Щуровского изменить некоторые формулировки. Однако этого сделано не было. Среди писем Н. К. Зенгера к О. А. Федченко сохранилась записка с выражением сожаления по этому поводу: «Что касается до выражений, употребленных в письме президента к ф[он] Кауфману, то Григорий Ефимович находит затруднительным исполнить в настоящее время Ваше желание о их изменении»⁸⁵¹.

⁸⁴⁹ [Щуровский Г. Е.] Письмо К. П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 77.

⁸⁵¹ Зенгер Н. К. Письмо О. А. Федченко. [1875] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 25, 25 об.

Э. Л. Регель, в свою очередь, получил достаточно резкое письмо от Г. Е. Щуровского, в котором Щуровский сообщил, что совет ОЛЕАЭ постановил предоставить ему возможность опубликовать статью о новых туркестанских видах в «Известиях ОЛЕАЭ», но что он никак не может согласиться с другими его требованиями: «Общество никогда не изменяет без существенной надобности ничего в рукописях автора, не изменит и в Вашей статье, – писал Г. Е. Щуровский, – но дать заранее безусловное право на распоряжение своим изданием в редакторском отношении оно никому не может, как вероятно и Вы не предоставляете никому такого безусловного полномочия в издании Императорского Ботанического сада»⁸⁵². И продолжал далее: «Когда будет прислана статья и просмотрена советом общества, тогда до напечатания Вам будет сообщено, если общество найдет нужным что-либо изменить. Без Вашего ведома изменения не будут произведены <...>. Одна корректура может быть предоставлена Вам, но последняя корректура должна быть, на основании правил и устава, продержана уполномоченным лицом от общества»⁸⁵³. С хорошо известным искусством и изяществом в такого рода делах Г. Е. Щуровский не забыл напомнить Э. Л. Регелю о задержках, которые тот допускал при обработке материалов для первой части ботанического тома, и, следовательно, о том, что он находится не в том положении, чтобы что-то требовать от ОЛЕАЭ: «Общество не задержит печатанием, но ему необходимо прежде знать объем статьи и потребующиеся⁸⁵⁴ издержки, чтобы решить, как оно может печатать. Оно не стесняло Вас в обработке флоры, когда Вы случайно были отвлечены другими трудами, и издание замедлилось, и надеется, что Вы, как знакомый опытом с условиями изданий ученых обществ, не потребуете, чтобы прекращены были все другие печатания и тотчас же приступлено было к изданию Вашего труда. Когда рукопись будет у общества и притом вся, во избежание всяких недоразумений, то общество, по просмотре, известит Вас о времени печатания и войдет в соглашение о высылке корректур»⁸⁵⁵.

После описанных событий и обмена колкостями некоторое время сотрудничество О. А. Федченко и Э. Л. Регеля продолжалось более или менее спокойно, хотя последний и не переставал всячески торопить события. Так, 1 ноября 1877 года Э. Л. Регель писал Ольге Александровне: «Сегодня я отправил в типографию последние листы для 1 выпуска, по сему покорнейше прошу приказать изготовить и прислать мне особые оттиски этого выпуска, следующие мне со стороны общества, и те, за которые я должен заплатить, в возможно скорейшем времени, дабы я мог выслать эти оттиски вместе с рассылаемыми мною “Трудами” сада всем известным ботаникам и Ботаническим Садам. <...> После Нового года я начну продолжение 2-го выпуска»⁸⁵⁶. 9 декабря 1877 года: «...вновь покорнейше прошу приказать типографии прислать мне отдельные оттиски I Fasc. моего сочинения о новых растениях, собранных Вами. Я эти оттиски до сих пор не получил. В начале января я полагаю начать печатание II Fasc., то не угодно ли Вам, чтобы я выслал манускрипт прямо в типографию или к Вам. При этом долгом считаю заметить, что подобное печатание, как настоящее, что один лист печатается несколько месяцев, нельзя найти по всему свету»⁸⁵⁷. Причина такой спешки объяснялась в этом же письме: «С. М. Смирнов отправляется вместе с Миддендорфом в Кокан сейчас же после

⁸⁵² Щуровский Г. Е. Письмо Э. Л. Регелю. Не позднее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 74, 74 об.

⁸⁵³ Там же. Л. 74 об.

⁸⁵⁴ Так в тексте. — О. В.

⁸⁵⁵ Щуровский Г. Е. Письмо Э. Л. Регелю. Не позднее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 74 об.

⁸⁵⁶ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. 1 ноября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 70, 70 об.

⁸⁵⁷ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. 9 декабря 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 72, 72 об.

Нового года собирать там растения, то я надеюсь, к приезду г[осподина] Смирнова, окончить описание и определение Ваших растений»⁸⁵⁸.

В последующие два года Э. Л. Регель буквально забрасывал О. А. Федченко просьбами ускорить печатание его работ: «... имею честь покорнейше просить Вас, милостивая государыня, приказать типографии в Петербурге скорее продолжать печатание новых видов <...> часть имеется уже в типографии, а остальная часть у меня. Корректуры я не получал из типографии около 6 месяцев» (январь 1878 года)⁸⁵⁹; «... вновь покорнейше прошу и с Вашей стороны понудить типографию к скорейшему печатанию и закончить первый выпуск. Так как г[осподин] Смирнов, собирающий растения в тех же самых местах, где вы собирали, скоро возвращается из путешествия и из числа собранных им растений могут быть некоторые опубликованы, которые и вы собирали, по этому они могут потерять первенство и новизну» (март 1879 года)⁸⁶⁰.

В 1879–1880 годах Э. Л. Регель работал над следующей частью туркестанского гербария О. А. Федченко, преимущественно над входящими в его состав новыми и редкими растениями. Стремление утвердить свой приоритет было так велико, что к зиме 1880 года дело снова почти дошло до открытого конфликта. В декабре 1880 года Э. Л. Регель еще пытался объяснить всю необходимость спешки: «Рукопись о Туркестанской флоре я ныне получил обратно из типографии Стасюлевича. Этой статьи напечатано только пять листов и в продолжение целого года не было ничего более напечатано, но следовало бы окончить как можно скорее, так как английские и немецкие ботаники получили также сухие растения с Кокана»⁸⁶¹. Тогда же Э. Л. Регель предложил перенести печатание рукописи в типографию, в которой он обычно печатал издания Ботанического сада, то есть типографию Шумахера, которая, по его словам, работала более оперативно и за те же деньги. В случае же отказа Э. Л. Регель намеревался начать печатание рукописи в «Трудах» Ботанического сада: «Если же Вам не угодно будет согласиться на это предложение, то я принужден буду печатать это сочинение в “Трудах” Императорского ботанического сада, так как работа уже мною окончена»⁸⁶². Разумеется, ОЛЕАЭ не могло допустить ничего подобного. А 5 марта 1881 года доктор Э. Л. Регель уже не вносил предложений, он выставил О. А. Федченко ультиматум: «...позволяю себе вновь обратиться к Вам с просьбою уведомить о решении относительно печатания описаний Туркестанских растений на счет Общества естествознания, антропологии и этнографии и под моим наблюдением в С.-Петербурге. Я принужден спешить публикацией этих описаний, так как в настоящее время начали появляться в Англии, Франции и Германии работы о Туркестанской флоре, могущие предупредить мою, которая была начата мною уже три года тому назад и до сих пор еще не вышла в свет. Ваш ответ я буду ждать до 1-го апреля, и после этого времени я начну перепечатку первых четырех листов и буду продолжать печатание в “Трудах” Императорского Ботанического сада»⁸⁶³. Однако какое-то соглашение, видимо, было все-таки достигнуто, поскольку 2 мая 1881 года Э. Л. Регель сообщал О. А. Федченко о том, что полностью завершенная рукопись туркестанской флоры передана в типографию Стасюлевича, в которой и печатались тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко».

⁸⁵⁸ Там же. Л. 72 об., 73.

⁸⁵⁹ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. Январь 1878 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 78, 78 об.

⁸⁶⁰ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. Март 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 86, 87.

⁸⁶¹ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. Декабрь 1880 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 94.

⁸⁶² Там же. Л. 95.

⁸⁶³ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. 5 марта 1881 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 97, 97 об., 98.

Третья часть ботанического тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» вышла в свет в 1882 году⁸⁶⁴. Но Э. Л. Регель и Бунге совместными усилиями обработали только часть туркестанских сборов О. А. Федченко, преимущественно новые или редкие виды. Поскольку существовало намерение сделать описание всех известных туркестанских растений, работа была еще далека от завершения. Как видно из предисловия Э. Л. Регеля к первой части ботанического тома, написанного в апреле 1875 года, цитату из которого мы приводили выше, он первоначально имел намерение обработать все переданные ему материалы. Он подтвердил свое согласие на это в 1879 году, написав О. А. Федченко в марте того года: «В нынешнем 1879 г[оду] я надеюсь окончить определение всех, собранных Вами растений, описать все новые и затем имею намерение продолжить описание Туркестанской флоры»⁸⁶⁵. Однако, как и некоторые другие авторы, Э. Л. Регель не спешил тратить время на определение и описание растений, уже известных в научном мире везде, кроме России. Подобная работа занимала много времени и не приносила особых научных дивидендов. 19 декабря 1887 года он уведомил Ольгу Александровну о том, что больше не может продолжать сотрудничество с ОЛЕАЭ: «...ботаническую часть “Путешествия в Туркестан”, к моему сожалению, оканчивать не имею возможности, так как описание всех растений Туркестанской флоры я обязан теперь помещать в “Трудах” Императорского Ботанического сада; в настоящее время я занят описанием семейства Лютиковых (Ranunculaceae) и по окончании описания о Туркестанской флоре, я с большим удовольствием вышлю Вам краткое извлечение о Туркестанских растениях на русском языке»⁸⁶⁶. Таким образом, большая часть гербария на долгие годы так и осталась необработанной. Его определением и описанием через много лет занималась сама О. А. Федченко. Результаты этой работы были ею опубликованы только в 1902 году, то есть через тридцать лет после окончания экспедиции. Как ни странно, несмотря на почти постоянное противостояние, личные отношения между Ольгой Александровной и Эдуардом Людвиговичем не были натянутыми. Э. Л. Регель регулярно консультировал О. А. Федченко по вопросам садоводства, посылал ей семена растений из Ботанического сада, свои труды и прочее. Ольга Александровна советовалась с ним по поводу пересадки роз, удобрений для садовых растений и других тонкостей.

Последний выпуск «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 году. Единственный том, авторство которого О. А. Федченко признавала за собой целиком и полностью, был озаглавлен «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О. А. Федченко, членом-основателем, почетным членом Общества»⁸⁶⁷.

---

⁸⁶⁴ Регель Э. Л. Описание новых и более редких растений по материалам, собранным О. А. Федченко в Туркестане и Кокане // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1882. Вып. 18. Т. III: Ботанические исследования.

⁸⁶⁵ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. Март 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 86 об., 87.

⁸⁶⁶ Регель Э. Л. Письмо О. А. Федченко. 19 декабря 1887 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 108–108 об.

⁸⁶⁷ Федченко О. А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования (Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

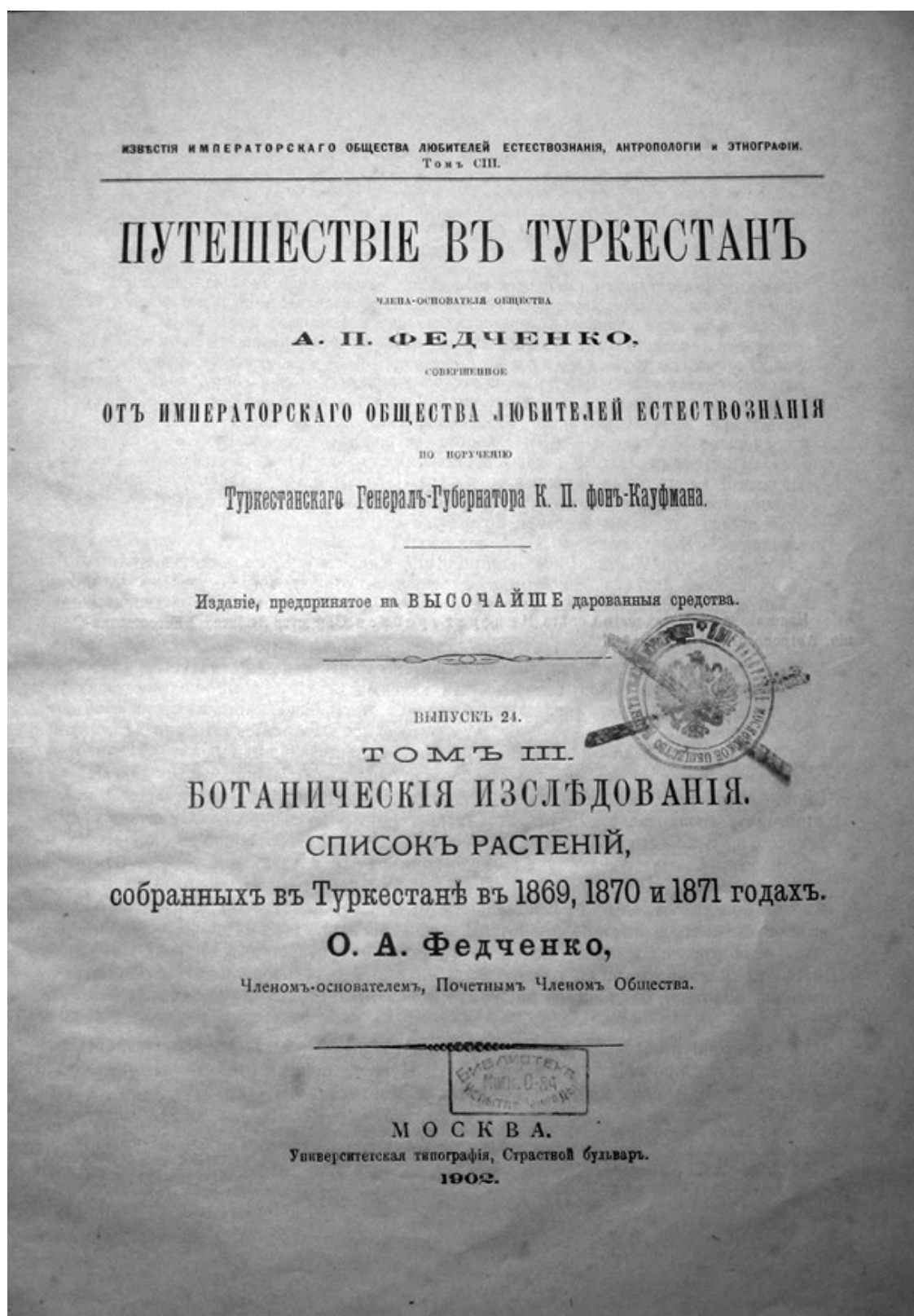

Рис. 18. Титульный лист монографии О. А. Федченко «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О. А. Федченко» (Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования)

Этот том подвел итог экспедиционной деятельности самой Ольги Александровны. «Настоящий список представляет сводку ботанических результатов Туркестанской ученой экс-

педиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшей под начальством покойного мужа моего А. П. Федченко, – писала она в предисловии и добавляла: – Задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне»⁸⁶⁸. Как отмечалось выше, первоначально задачу полностью описать собранный Ольгой Александровной гербарий взял на себя Э. Л. Регель, который, однако, отказался от завершения работы. О. А. Федченко вложила слишком много труда в создание этого гербария, кроме того, она всегда отличалась чрезвычайной тщательностью и научной добросовестностью, чтобы оставить работу незавершенной. Перечислив в «Предисловии» работы Э. Л. Регеля, выполненные на материалах ее «туркестанского гербария», Ольга Александровна писала: «Имея в виду отрывочность и разбросанность этих данных, и не надеясь дожидаться в ближайшем будущем продолжения издания Туркестанской флоры, я считаю полезным публиковать настоящий список, без которого самое пользование гербарием затруднительно. Подробные указания место находений, – добавляет она, – содержат много данных для вертикального и горизонтального распространения растений в Туркестане и облегчат труд каждому, кто бы стал собирать в тех же, теперь так легко доступных, местностях и захотел разобраться в окружающих его растениях»⁸⁶⁹.

Итак, основные работы по изданию «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» завершились в 1888 году с выходом тома «Антропометрических заметок» А. П. Богданова⁸⁷⁰. Однако не только ботанические материалы были обработаны не полностью к этому времени. Тогда, в 1888 году, О. А. Федченко пришлось смириться с этим. Но даже через много лет естественно-научные коллекции, собранные супругами Федченко в Туркестане, вызывали интерес исследователей. Так, осенью 1896 года к Дмитрию Николаевичу Анучину, бывшему в это время президентом ОЛЕАЭ, обратился доцент С.-Петербургского университета и сотрудник Зоологического музея Академии наук Александр Михайлович Никольский (1858–1942) с просьбой о разрешении разобрать коллекции гадов, собранных Туркестанской экспедицией супругов Федченко. В свое время за разбор этих коллекций взялся академик А. А. Штраух, но он так и не успел закончить работу до смерти в 1893 году. Д. Н. Анучин переслал письмо А. М. Никольского О. А. Федченко, желая получить ее мнение на этот счет и надеясь, что, возможно, она сможет даже повидаться с господином А. М. Никольским во время планируемой поездки в С.-Петербург⁸⁷¹. К сожалению, из-за болезни О. А. Федченко эта встреча не состоялась, тем не менее она уведомила Д. Н. Анучина о своем согласии и о желании видеть труд А. М. Никольского под заглавием «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко». 31 октября 1896 года она писала Д. Н. Анучину: «Из письма его (А. М. Никольского. — О. В.) усматриваю, что он хочет сделать по туркестанским гадам то, что взялся сделать и не сделал покойный А. А. Штраух, т[о] е[сть] описание, с синоптическими таблицами для определения всех туркестанских гадов, на основании материала покойного А. П. Федченко, включая и весь другой материал⁸⁷², какой будет находиться в распоряжении автора. Г[осподин] Никольский хочет включить и Закаспийскую область: тем лучше, работа от этого только выиграет в полноте и тем более пользы принесет будущим исследователям Туркестанского края». И продолжала далее: «Таким образом, по существу дела, я с полным сочувствием отношусь к мысли г[осподина] Никольского. Относительно же названия, я даже не могу допустить мысли, чтобы Общество любителей естествознания согласилось на иное как: “Известия Императорского общ[ества] любителей е[стествознания], а[нтропологии] и э[тнографии], Т. ..., Вып. ...”; “Путешествие

⁸⁶⁸ Там же. [С. I.]

⁸⁶⁹ Там же. [С. II.]

⁸⁷⁰ Богданов А. П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1888. Вып. 22. 92 с.

⁸⁷¹ Федченко О. А. Письмо Д. Н. Анучину. 31 октября 1896 г. // ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 13. Д. 418. Л. 1.

⁸⁷² Подчеркнуто О. А. Федченко. — О. В.

в Турк[естан] А. П. Федченко. Т. II: Вып. ..., Гады ..., обработал А. [М]. Никольский»⁸⁷³. А. М. Никольский быстро принялся за работу и уже в 1899 году выпустил в свет книгу «Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства»⁸⁷⁴. Самый же последний том, как уже упоминалось, принадлежал самой Ольге Александровне и вышел в свет в 1902 году.

Итак, обработка и издание материалов Туркестанской экспедиции супругов А. П. и О. А. Федченко в целом заняли тридцать лет. За эти годы было опубликовано 23 выпуска «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», хотя из-за сложной и несколько запутанной нумерации в различных источниках называются иногда разные цифры. В большинстве историко-научных работ упоминаются 24 выпуска «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко»⁸⁷⁵. Но в это число традиционно включается альбом рисунков О. А. Федченко «Виды русского Туркестана», который вышел отдельно, а не в «Известиях ОЛЕАЭ» и, строго говоря, не является частью «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». Точно так же многие исследователи не упоминают поздние выпуски «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», ограничивая его 1888 годом, когда вышел в свет том А. П. Богданова⁸⁷⁶.

Длительная и нелегкая работа, потребовавшая колоссального напряжения сил, огромных затрат времени, не была проделана впустую. ОЛЕАЭ могло гордиться тем, что выполнило задачу, за которую поручилось перед правительством и читателями: оно выпустило в свет монументальное описание фауны и флоры Туркестанского края. О. А. Федченко также добилась поставленной цели – она сохранила от гибели результаты трудов Алексея Павловича Федченко и, как итог, его имя от забвения. Современники очень высоко оценили научную важность издания и заслуги в этом Ольги Александровны. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, например, отмечал, что «... еще более значения для науки (по сравнению с картой Кокандского ханства. — О. В.) имели обширные естественноисторические коллекции А. П. Федченко, послужившие впоследствии неисчерпаемым источником для интересных работ русских натуралистов»⁸⁷⁷. И добавлял: «Московскому обществу любителей естествознания и достойной супруге покойного (А. П. Федченко. — О. В.) О. А. Федченко принадлежит честь того, что богатые материалы им собранные, насколько то было возможно после кончины исследователя, сделались достоянием науки»⁸⁷⁸.

И. В. Мушкетов, посвятивший немало места описанию маршрутов и научных результатов экспедиции Федченко в своей знаменитой книге «Туркестан», отмечал: «... благодаря энергии супруги покойного (А. П. Федченко. — О. В.), многоуважаемой Ольги Александровны, старанию Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также участию целого ряда русских и иностранных ученых специалистов, материал А. П. Федченко детально обрабатывается и уже большая часть его издана»⁸⁷⁹. И. В. Мушкетов отмечал, что с нетерпением ждет появления наиболее важного для него четвертого тома, который должен

⁸⁷³ Федченко О. А. Письмо Д. Н. Анучину. 31 октября 1896 г. // ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 13. Д. 418. Л. 1–1 об.

⁸⁷⁴ Никольский А. М. Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 23. Т. II: Зоогеографические исследования. СПб., 1899.

⁸⁷⁵ См.: Азатьян А. А. А. П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956. С. 110; [Маслова О. В.] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 84–87; Тишкина А. Г. Путешественница и ботаник О. А. Федченко // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 135.

⁸⁷⁶ Анучин Д. Н. Памяти О. А. Федченко // Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158; Азатьян А. А. Указ. соч. С. 117.

⁸⁷⁷ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. С. 746.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. / 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. Ч. 1. С. 329. (Первое издание «Туркестана» вышло в свет в 1886 г.: Мушкетов И. В. Туркестан. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1886. Публикация «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» к этому времени еще не была завершена, так что И. В. Мушкетов счел нужным коротко привести планы редакции и дать описание уже вышедших томов.)

содержать метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения экспедиции. Он предполагал, что этот том «...выйдет только отрывками, как и первый, потому что в данном случае заменить А. П. Федченко невозможно»⁸⁸⁰. Скорее всего, именно по этой причине четвертый том «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» так никогда и не был издан.

Помимо научного значения «Путешествие» имело и другое, не менее важное. Оно стало одним из первых, если можно так выразиться, широко разрекламированных, крупных и успешных научных издательских проектов, профинансированных государством. В последующие годы на него, как на некий эталон и как на прецедент, ссылались и чиновники, и ученые. Например, 23 апреля 1879 года Г. Д. Романовский, коллега и спутник И. В. Мушкетова, писал в докладной записке на имя К. П. фон Кауфмана по поводу выделения средств на издание материалов их совместной экспедиции: «...огромный геологический материал уже обрабатывается вполне систематически, а палеонтологический материал, как это уже известно Вашему Высокопревосходительству, обработан и издан в таком строго систематизированном виде, что почтенный доктор зоологии (речь идет об отрицательном отзыве Северцова. — О. В.) может представить параллельное сочинение только из числа тех, кои составляют обработанный и изданный научный материал, собранный г[осподином] Федченко»⁸⁸¹. 13 декабря 1880 года исполняющий обязанности делопроизводителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора Ф. Анишкевич писал К. П. фон Кауфману по поводу вознаграждения авторам: «Остается вопрос об авторском вознаграждении г[оспод] Романовского и Мушкетова, против чего с особенной энергией восстает д[ействительный] с[татский] с[оветник] Гилев (ст[арший] горный инженер, выступавший в роли эксперта. — О. В.). В данном случае канцелярия может указать на совершенно аналогичный пример в лице покойного А. П. Федченко, который, закончивши свои исследования в крае и отправившись в Россию и за границу для окончательной обработки к печати собранных материалов, не был лишен своего содержания. Это мотивировалось тем, что лишить научного работника необходимых материальных средств в то время, когда он наиболее должен быть обеспечен от посторонних забот, — значит поставить его в самые невыгодные условия труда»⁸⁸². Не соглашаясь с господином Гилевым о необходимости тщательной предварительной проверки имеющихся материалов И. В. Мушкетова и Г. Д. Романовского, Ф. Анишкевич замечал: «Что же касается фразы д[ействительного] с[татского] с[оветника] Гилева о необходимости недоверия к г[осподам] Романовскому и Мушкетову, то это можно рассматривать лишь как личный взгляд его на означенных профессоров. Ваше Высокопревосходительство, ходатайствуя об отпуске значительных средств на издание г[осподина] Федченко, имели в руках также лишь краткие сообщения и незначительные брошюры этого ученого. Между тем в настоящее время его “Путешествие в Туркестан” является одним из самых обстоятельных печатных трудов по Туркестанскому краю, изданных на средства, ходатайствованные Вашим Высокопревосходительством»⁸⁸³.

Над изданием «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» работало несколько десятков человек из разных стран, и это число еще увеличится, если включить в список граверов, типографов, различных технических помощников. По завершении издания «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко» стало не только ценным научным трудом, увеличившим знания современников о тогда почти еще не исследованном крае, — оно стало примером подлинного научного сотрудничества и научной кооперации той группы людей, которых в современном мире принято называть «международным научным сообществом». Оно также продемонстри-

⁸⁸⁰ Там же. С. 330.

⁸⁸¹ И. В. Мушкетов: Сб. док-в. Ташкент, 1960. С. 91.

⁸⁸² И. В. Мушкетов: Сб. док-в. Ташкент, 1960. С. 164.

⁸⁸³ Там же. С. 164–165.

ровало, каких научных успехов можно достичь, имея прочную финансовую поддержку государства. Оно также впервые со времен Е. Р. Дашковой со всей очевидностью доказало возможности женщины, о наличии или отсутствии которых так много спорили тогда в России: во главе всего огромного проекта стояла Ольга Александровна Федченко. Она была его главным двигателем, организатором и вдохновителем. Без ее усилий «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко» никогда бы не увидело свет. Однако единственное место во всем многотомном собрании, в котором упоминается имя Ольги Александровны, – подписи под ее рисунками. Нигде больше этого имени нет: ни на титульном листе, где обычно указывается редактор, ни в заявлении «От редакции», оставшемся без подписи, ни где-либо еще. Ольга Александровна не считала это нужным или важным, собственная слава ее не беспокоила. Она работала только для науки, ради памяти мужа и на благо своей страны.

Как мы отмечали выше, практически единственное качество, в котором имя О. А. Федченко фигурирует на страницах «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» (помимо коллектора растений, конечно), – это автор рисунков и иллюстраций. Значение этой работы О. А. Федченко так велико, что ее невозможно обойти вниманием. О. А. Федченко любила рисовать с детства, имела хорошую художественную подготовку, в юности серьезно училась рисовать (о чем уже упоминалось выше, так же как и о ее роли экспедиционного художника во время поездок по Туркестану). В экспедиции ее навыки оказались не только полезными, но просто необходимыми во время путешествия, поскольку экспедицию супругов Федченко не сопровождал фотограф. Работы для художника было сколько угодно: зарисовки животных и растительных форм, природных ландшафтов, древних архитектурных сооружений, сенок из местной жизни. Люди, снарядившие экспедицию, хотели не только прочесть описание неизвестного края, но и увидеть его своими глазами. Еще в 1871 году в корреспонденции для газеты «Туркестанские ведомости» А. П. Федченко писал (из Узгента): «Узгент замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретом. Туземцы определяют древность постройки в 760 лет. Рисунки, сделанные О. А., познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии»⁸⁸⁴. Некоторые из этих рисунков демонстрировались в 1872 году на Политехнической выставке в Москве. В каталоге Туркестанского отдела выставки, составленном супругами Федченко, перечислены 16 экспонировавшихся литографий. Одиннадцать из них сделаны учителем О. А. Федченко, А. К. Саврасовым, по ее эскизам, еще две – художником Нисевиным и одна – «Ишратхана: развалины загородного дворца Тимура в Самарканде» – самой О. А. Федченко. О. А. Федченко проделала громадную художественную работу, хотя именно она больше всех сожалела об отсутствии среди членов экспедиции фотографа. Будучи одновременно и художником, и ботаником, она лучше всех знала преимущества и недостатки художественного изображения перед фотографией. Через много лет после описываемых событий, 20 июня 1904 года, она писала сыну, Б. А. Федченко, рекомендуя ему делать как можно больше фотографий растений: «...ни один рисунок от руки не передает таких деталей, как порядочная фотография»⁸⁸⁵. Это, однако, не умаляет научной и художественной ценности туркестанских рисунков О. А. Федченко. Историк литографии середины XX века Г. Н. Чабров отмечал: «...ботаник и художник Ольга Александровна Федченко издала <...> два альбома литографий, по которым русский читатель впервые получил возможность ознакомиться с природой Зеравшанской и Ферганской долин и замечательными памятниками монументальной архитектуры Самарканда и Ургута»⁸⁸⁶.

---

⁸⁸⁴ Цит. по: Чабров Г. Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент. Альманах, 2. Ташкент, 1947. С. 118.

⁸⁸⁵ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 20 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 83 об.

⁸⁸⁶ Чабров Г. Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94–95.

Когда А. П. Федченко еще только планировал издание своего «Путешествия в Туркестан», он предполагал, что том с описанием экспедиции будет иллюстрирован рисунками Ольги Александровны. Программа этого тома предусматривала наличие более 162 рисунков, из них 143 должны были войти в первую, так никогда и не написанную часть⁸⁸⁷. Среди них как панорамы городов и природных ландшафтов, так и изображения людей, сооружений, предметов быта, костюмов, животных и растений и прочее.

Несколько позже возникла идея издания отдельного альбома с видами Туркестана. После гибели А. П. Федченко, когда появление первого тома, во всяком случае в полном объеме, оказалось под сомнением, О. А. Федченко решила подготовить альбом рисунков, не дожидаясь текста. 24 ноября 1873 года она писала А. П. Богданову: «Относительно альбома именно важны вопросы о размере, так как уменьшенные, рисунки теряют. Кроме того альбом, как вам известно, хотя и предполагалось издать при путешествии, но как часть самостоятельную, с текстом на разных языках, так чтобы он мог продаваться и отдельно, и иметь сбыт за границей. Так как покуда этот вопрос останется еще нерешенным, то я ограничусь заказом рисунков в формате издания, чтобы они вышли в “Путешествии”, если 1-я часть первого тома напишется <...>, а если нет, то вышли бы чем-нибудь в роде маленького альбома»⁸⁸⁸. Издание альбома, однако, задерживалось. Но литографии были заказаны – их пришлось делать в Париже. Часть из них подготовил к изданию А. К. Саврасов.

Вышедший в свет в 1875 году том «В Коканском ханстве» А. П. Федченко содержал прекрасные иллюстрации, в том числе литографии: «Ледник Щуровского и истоки реки Исфары», «Шахимардан» (общий вид поселения), «озеро Кутбан Куль близ Шахимардана», «Алай и Заалайские горы в июле 1871 года» (пик Кауфмана) – рисунки А. К. Саврасова по эскизам О. А. Федченко, а также «Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам» (пик Кауфмана) – рисунок О. А. Федченко. Четыре из этих литографий относятся к так называемым «литографиям с тоном», широко распространенной технике середины XIX века, еще одна представляет собой хромо-литографию. Литографию «Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам» Ольга Александровна сама рисовала на камне. Как отмечал Г. Н. Чабров, эта «...литография отличается изящным, простым и уверенным рисунком. Особенно легко и свободно решение заднего плана. Интересный серо-желтый тон подцветки остроумно пробран удачно размещенными бликами. Работа изобличает зрелого мастера, обладающего вкусом и незаурядным знанием литографской техники»⁸⁸⁹. Кроме литографий, в «Коканском ханстве» помещено еще несколько черно-белых карандашных рисунков, изображающих животных и прочее, также принадлежащих, по-видимому, О. А. Федченко, хотя их авторство и не указано. Рисунки О. А. Федченко имели не только художественное или познавательное значение. Они отличались скрупулезной точностью и проработкой деталей. Так, И. В. Мушкетов, восхищавшийся рисунками, говорил прежде всего об их научном значении: «Прекрасный, хотя не законченный, труд А. П. Федченко о Коканском Ханстве украшен роскошными рисунками, сделанными с натуры О. А. Федченко; между ними обращает на себя особенное внимание ледник Щуровского и олеография Заалайского хребта с пиком Кауфмана; последняя дает полное понятие о внешней конфигурации зубчатого гребня этого многоснежного хребта»⁸⁹⁰.

Отдельный альбом с видами Туркестана был подготовлен только к 1879 году и демонстрировался во время Антропологической выставки, организованной в том году ОЛЕАЭ в Москве. Из любезности к иностранным гостям выставки им передали отпечатанные листы еще

⁸⁸⁷ Донесение А. П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. // Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16–18.

⁸⁸⁸ Федченко О. А. Письмо А. П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

⁸⁸⁹ Чабров Г. Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 119.

⁸⁹⁰ Мушкетов И. В. Туркестан... С. 336.

не вышедшего в свет альбома Ольги Александровны. Точная дата издания альбома «Виды Русского Туркестана»⁸⁹¹ неизвестна, однако можно утверждать, что альбом вышел в свет не позднее апреля 1881 года в Москве⁸⁹². 10 апреля 1881 года О. А. Федченко писала И. В. Мушкетову: «Альбом я вам послала через наше общество, вчера, так как письмо ваше пришло в то время, как печаталась обертка к нему»⁸⁹³, – то есть можно предположить, что и сам альбом был опубликован в начале 1881 или в конце 1880 года. С этим изданием связано одно не очень приятное для О. А. Федченко обстоятельство: некоторые зарубежные авторы воспользовались рисунками из еще не опубликованного Туркестанского альбома для иллюстрации собственных сочинений о Туркестане. В том же письме О. А. Федченко делилась с И. В. Мушкетовым: «Я уже отчаялась на счет текста и, узнав из газет, что мои рисунки помещены в 6-м томе Реклю⁸⁹⁴, решила пустить их в продажу и так. Во всяком случае, если будет текст, его можно приложить и после. Теперь я приобрела Реклю и вижу, что из альбома собственно он поместил четыре рисунка, остальные, и карты, взяты им из 7-го выпуска “Путешествия в Туркестан” (“в Коканском ханстве”), изданном уже несколько лет назад. В одном отношении я довольна помещением моих рисунков у Реклю, так как главная цель их – ознакомление с краем – лучше достигнется его изданием, которое во всяком случае будет иметь более обширное распространение в ученом и учащем мире, чем мой альбом»⁸⁹⁵. Однако помимо чисто научных целей перед О. А. Федченко как перед ответственным издателем стояли и задачи вполне материальные, о чем она также писала И. В. Мушкетову: «Но с денежной стороны он конечно повредит моему альбому, и если бы он только спросил моего позволения поместить рисунки или я вообще узнала бы об этом раньше, то поспешила бы пустить в продажу раньше свой альбом и постаралась бы выговорить какое-нибудь денежное вознаграждение в пользу “Путешествия в Туркестан”, так как заимствовала из ассигнованных на него средств сумму, необходимую для издания альбома, и потому мне очень хочется, чтобы альбом по возможности окупился. Возможно ли получить какое-нибудь вознаграждение теперь? Сомневаюсь: между Францией и Россией, сколько мне известно, нет конвенции, воспрещающей перепечатку, а что мой альбом до сих пор был не издан и только на днях поступит в продажу – Реклю может быть и не знал»⁸⁹⁶. Говоря далее о любезности, совершенной по отношению к иностранным гостям, О. А. Федченко продолжала: «В числе гостей был и Уйфальви. Вероятно, он и передал мои рисунки или Реклю, или издателю его книги, Hachette, издающему и “Le tour du monde”, где помещено “d’Orenburga Jamarkand” м[адам] же Уйфальви; но там рисунки сделаны по фотографиям. Ее “de Parisa Jamarkand”, о котором вы пишете, я не видала, разрешения помещать у себя мои рисунки не давала, да полагаю, что ей и не дала бы ни на каких условиях. Меня и то бесит, и фотограф, которого мы не могли добиться, а им дали, и все почести и ухаживания, которыми всюду встречали их в Сибири и Туркестане и за которые они потом русским же в глаза смеются. Зато к почестям, оказываемым некоторым русским, я иначе отношусь и от души поздравляю вас с золотой медалью Географического общества»⁸⁹⁷.

⁸⁹¹ Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко, исполнены г. Саврасовым в Москве и Лораном, Сизери, Сабатье и Лемерсье в Париже. Б.м., Б.г.

⁸⁹² В разных работах вообще встречаются указания на разные даты и места публикации альбома. Так, И. В. Мушкетов писал, что альбом был издан в Москве (*Мушкетов И. В.* Туркестан... С. 336); О. В. Маслова в «Обзоре русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» (Ташкент, 1956. Ч. II. С. 87) указывает, что и место, и время его выхода неизвестны; Г. Н. Чабров в исследовании «Средняя Азия в литографии» (Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94) пишет, что два альбома О. А. Федченко были изданы в 1875 г. в Париже. В данном случае нам кажется, что указание И. В. Мушкетова является наиболее точным.

⁸⁹³ Федченко О. А. Письмо И. В. Мушкетову. 10 апреля 1881 г. // ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7.

⁸⁹⁴ Reclus E. Nouvelle geographie universelle. VI: L’Asie usse. 1–2. Paris, 1881.

⁸⁹⁵ Федченко О. А. Письмо И. В. Мушкетову. 10 апреля 1881 г. // ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7, 7 об.

⁸⁹⁶ Федченко О. А. Письмо И. В. Мушкетову. 10 апреля 1881 г. // ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 8.

⁸⁹⁷ Там же. Л. 8, 8 об.

Таким образом, рисунки из альбома О. А. Федченко перепечатывались ее современниками еще до их официальной публикации. И. В. Мушкетов, сам готовивший к выходу том с описанием туркестанского путешествия и сильно заинтересованный в иллюстрациях, писал: «О. А. Федченко издала роскошный альбом видов русского Туркестана в 14 больших литографий. Многие из этих картин чрезвычайно поучительны и характерны; напр[имер], растительность в Кызыл-Кумах, колодезь Дюсебай, горы Аксай-Тау и пр[очее]. Для многих новейших сочинений о Средней Азии рисунки О. А. Федченко служат лучшим украшением, например, для книги Реклю, г[оспожи] Бурдон-Уйфальви и др.»⁸⁹⁸

И отмечал далее: «К сожалению, г[оспо]жа Бурдон-Уйфальви, заимствуя рисунки, не упоминает об авторе их»⁸⁹⁹. И. В. Мушкетов сам использовал несколько рисунков из альбома О. А. Федченко в качестве иллюстраций к своей книге «Туркестан» (правда, с ее разрешения), причем делал это не для украшения книги, а для лучшего объяснения описываемых деталей. Например, он писал о пустыне Кызыл-Кум: «Арало-каспийские осадки <...> пески, неизменно сопровождали нас и далее на север; поверхность была до утомления однообразна – все как будто построено по одному шаблону. Полная тишина, безжизненность, отсутствие воды наложили на окружающую природу печать уныния; если и попадаются кустарники саксаула, кызылджузгана и проч[ее], то они своим корявым, уродливым видом не только не оживляют местность, а скорее придают ей еще более неприглядный вид; это как будто страдальцы, выросшие под страшным гнетом. Две картины в альбоме О. А. Федченко <...> прекрасно передают характер поверхности Кызыл-Кум; на одной из них изображены почти голые, летучие пески в окрестностях колодца Дюсебай, а на другой вся незатейливая и однообразная флора этой пустыни»⁹⁰⁰. Стремление «позаимствовать» рисунки О. А. Федченко неудивительно. Фотография в то время была распространена еще недостаточно широко, и качество черно-белых фотографий не могло сравниться с качеством литографий. Ольга Александровна – одна из первых европейских художников (возможно, всего вторая после В. В. Верещагина⁹⁰¹), запечатлевшая на бумаге пейзажи, сооружения, жителей, животных и растения Туркестана, являвшегося в те годы центром интереса и ученых, и любопытствующей публики, и политиков и все еще оставшегося очень малоизученным.

---

⁸⁹⁸ Мушкетов И. В. Туркестан... С. 336.

⁸⁹⁹ Там же. Прим. к с. 336.

⁹⁰⁰ Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1–2. СПб., 1886. С. 671.

⁹⁰¹ Воспроизведения рисунков с картин знаменитой «Туркестанской серии» В. В. Верещагина были опубликованы в Мюнхене в 1874 г.

Рис. 19. Горы Аксай-тау, к югу от Самарканда (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Цели, которые преследовали В. В. Верещагин и О. А. Федченко, значительно отличались. Ольга Александровна не стремилась создать произведения искусства, постичь характеры людей, философию края. В ее задачу входило ознакомление ученых с фауной, флорой, орографией, археологией, этнографией края, поэтому ее интересовала прежде всего точность деталей. Предполагалось, что ее рисунки станут подспорьем для научных исследований. «Если у Верещагина <...> архитектурные памятники лишь изредка составляли самостоятельный сюжет художественного произведения, то на рисунках О. А. Федченко они запечатлены именно как памятники зодчества. Литографии отличаются удачно выбранной точкой зрения, подробностью и точной передачей деталей. Состояние памятников, зафиксированное семьдесят лет назад, делает эти литографии драгоценным источником для археологов, архитекторов и искусствоведов», – писал Г. Н. Чабров⁹⁰².

Это не означало, конечно, что О. А. Федченко не видела и не воспринимала удивительную красоту открывшегося ей края. Через много лет (и много стран), 16 июля 1904 года, она писала своему сыну Б. А. Федченко: «Очень рада, что тебе пришлось видеть Заалайский хребет из Даравут-Кургана. Лучшего вида, по-моему, нет на свете»⁹⁰³. Ее техника и художественное мастерство также не вызывают нареканий не только у простых зрителей, но и у специалистов: «О. А. Федченко раскрывается в этом альбоме как зрелый художник, отличающийся свободой и остроумием композиции, изящным рисунком и незаурядным пониманием специфики выразительных средств художественной литографии», – писал Г. Н. Чабров⁹⁰⁴. Следует отметить, что не только современники спешили поместить рисунки О. А. Федченко в своих изданиях. Самый беглый просмотр литературы по истории изучения Средней Азии показывает, что и в

⁹⁰² Чабров Г. Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 118.

⁹⁰³ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 16 июля 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 96.

⁹⁰⁴ Чабров Г. Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 119.

XX веке рисунки Ольги Александровны неоднократно использовались в качестве иллюстраций⁹⁰⁵.

Помимо рисунков для книги «В Коканском ханстве» А. П. Федченко и собственного художественного альбома, О. А. Федченко проиллюстрировала 6-й выпуск «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», содержащий обработанных В. Н. Ульяниным ракообразных (Crustacea)⁹⁰⁶. У нее уже был опыт создания рисунков различных представителей фауны, так же как и опыт рисования под микроскопом: еще при жизни А. П. Федченко она рисовала для него под микроскопом пчел, которыми он очень интересовался. Для выпуска В. Н. Ульянина О. А. Федченко сделала 6 листов великолепных рисунков ракообразных.

Последний выпуск «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 году, и на этом работа, занявшая три десятилетия, была завершена, завершена настолько полно, насколько только это было возможно без Алексея Павловича Федченко.

---

⁹⁰⁵ См., например: *Лялина М. А.* Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А. Федченки. СПб., 1894; *Азатьян А. А.* А. П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956; *Он же.* Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (Вторая половина XIX в.). Ч. 1. Ташкент, 1960; *Леонов Н. И.* Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972; *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950; *Юсов Б. В.* А. П. Федченко. М., 1953.

⁹⁰⁶ *Ульянин В. Н.* Ракообразные (Crustacea) // Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1875. Вып. 6. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. III.

Глава 6

Почти профессионалы: участие женщин в деятельности российских естественно-научных обществ в 70–90-е годы XIX века

Мне бы очень хотелось с нынешнего года получать журнал, издаваемый обществом и потому, если избрание мое состоится, то вы будете может быть так добры и уведомите меня несколькими строками о том, какой именно денежный взнос членов и куда этот взнос должен посылаться.

Ю. В. Лермонтова. Письмо Д. И. Менделееву. 7 февраля 1875 г.

Туркестанская экспедиция стала событием в естественно-научном и географическом мире. После смерти А. П. Федченко О. А. Федченко осталась ее единственной полномочной представительницей. Она стала своей в тесном круге московской научной элиты, подружившись не только с учеными, но и с их супругами, и часто проводила вечера дома у кого-либо из них за обсуждением издания «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко», текущих проблем, новых книг. Например, А. П. Богданов на протяжении 1874–1875 годов не раз скрупулезно отмечал в своем дневнике: «В 10 ч. 1/2 поехал в Зоологический музей и разбирал микроскопические препараты, но явилась Ольга Александровна Ф[едченко] и просидела до часу, потом поехал к А. Армфельд и оттуда домой. Федченко обедала у нас», – 29 августа 1874 года⁹⁰⁷; «В 12 ч. поехал к Шумейко и просидел до 2. Вернулся домой, нашел О. А. Федченко и Елиз[авету] Осиповну и Борю, маленького Федченко. Они обедали», – 11 сентября 1874 года⁹⁰⁸; «В час поехал в зоолог[ический] музей. Встретился с Керделли и говорил с ним о помещении его племянника; с О. А. Федченко об издании альбома» – 9 (21) сентября 1874 года⁹⁰⁹; «Пришла О. А. Федченко и просидела до 10. Разговаривали об изданиях и об ученых женщинах», – 12 сентября 1874 года⁹¹⁰; «Поехал в Зоолог[ический] музей на минутку (видел Федченко и Фреймут)», – 22 декабря 1874 (3 января 1875 года)⁹¹¹; «В 5 1/2 приехала О. А. Федченко с Борей, потом Тихомиров, Березницкий и Елизавета Осиповна. Ужинали и сидели до 12 ч.», – 24 декабря 1874 года (5 января 1875 года)⁹¹² и т. д. и т. п. Из этого дневника можно заключить, что в 70-е годы XIX века О. А. Федченко, Е. К. Фреймут стали не только формальными членами ОЛЕАЭ, но и полноценными членами научного сообщества.

Уважение и репутация, заслуженные О. А. Федченко во время Туркестанской экспедиции, получили новое подтверждение, когда 17 октября 1874 года Императорское Московское общество испытателей природы – одно из старейших естественно-научных обществ не только Москвы, но и всей России и, надо добавить, одно из наиболее консервативных, то самое общество, в противовес которому создавалось десятью годами ранее ОЛЕАЭ, – по рекомендации господ Л. П. Сабанеева и К. И. Ренара избрало Ольгу Александровну Федченко в свои члены-корреспонденты. Без каких-либо торжественных речей, консультаций с правительственными чиновниками и затяжных дебатов пунктом 22 повестки дня, касающимся избрания нескольких новых членов, избрана «... и в члены-корреспонденты, по предложению Л. П. Сабанеева

⁹⁰⁷ Богданов А. П. Дневник. 13 августа 1874 г. – 25 августа 1877 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

⁹⁰⁸ Богданов А. П. Дневник. 13 августа 1874 г. – 25 августа 1877 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об.

⁹⁰⁹ Там же. Л. 6.

⁹¹⁰ Там же. Л. 6 об.

⁹¹¹ Там же. Л. 13 об.

⁹¹² Там же. Л. 14.

и К. И. Ренара, Ольга Александровна Федченко в Москве»⁹¹³. Насколько нам известно, О. А. Федченко стала первой женщиной – членом МОИП.

Для любого молодого исследователя подобное избрание являлось огромной честью. Стать членом МОИП было очень нелегко и, несомненно, очень почетно. Для этого было необходимо: «1) Представить труд, достойный напечатания в изданиях общества, или напечатанное ученое сочинение. 2) Быть предложенным в обыкновенном заседании двумя членами общества. 3) В следующем заседании подвергнуться избранию шарами и получить в свою пользу большинство». И только «лица, известные уже учеными своими сочинениями, освобождаются от выполнения этого условия по определению Общества»⁹¹⁴. Членство в МОИП, помимо признания старших коллег (желательного для любого начинающего ученого), давало возможность публиковаться в его всемирно известных и распространявшихся по всему миру научных периодических изданиях. Для 29-летней О. А. Федченко подобное избрание означало признание ее наиболее авторитетной в Москве и известной в мире научной средой, редко выпадавшее на долю женщин в XIX веке. Для ОЛЕАЭ это было признанием (хоть и косвенным) его принципов.

Хотя сама О. А. Федченко, кажется, и не придавала этому событию особенного значения. Она не присутствовала на историческом заседании общества. 19 октября 1874 года она писала в МОИП (в письме отсутствует обращение, но, по-видимому, письмо предназначалось К. И. Ренару), выбрав для этого обращения французский язык: «Уважаемые господа, получив вчера ваше письмо, прошу вас поблагодарить от моего имени Императорское Московское общество испытателей природы за ту честь, которую это общество мне оказало, избрав меня своим членом. Я была бы счастлива, если бы мне представилась возможность быть полезной обществу. В ожидании вашего обращения соблаговолите принять мои наилучшие пожелания. Ольга Федченко»⁹¹⁵.

Впоследствии О. А. Федченко поддерживала дружеские отношения с МОИП. До сегодняшнего дня в библиотеке МОИП можно найти полное собрание «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». Когда из печати вышел альбом рисунков О. А. Федченко, посвященный Туркестану, она писала К. И. Ренару (23 апреля 1881 года): «Я надеялась лично принести в дар сегодня Императорскому обществу испытателей природы свой альбом, поступивший на днях в продажу, но лишена этого удовольствия, не имея возможности, по семейным обстоятельствам, быть сегодня в заседании. Поэтому я решила послать свой альбом на ваше имя, с покорнейшей просьбой передать его обществу»⁹¹⁶. Сохранилось ее письмо от 28 октября того же 1881 года, в котором О. А. Федченко ходатайствовала о принятии в общество доктора медицины В. Х. Кандинского, одного из наиболее известных в мире (на сегодняшний день) отечественных психиатров: «Доктор Виктор Хрисанович Кандинский весьма желает вступить в число членов Общества испытателей природы, – писала О. А. Федченко. – Не имея устава общества, решаюсь беспокоить вас покорнейшей просьбой уведомить меня, что он должен для этого сделать: обратиться ли в общество официальным письмом, или представить свои труды (например переводы Вундта “Основания физиологической психологии” и др.), или непременно сделать сообщение в заседании общества. Позволяю себе надеяться, что вы не

⁹¹³ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы. 17 октября 1874 г. // Архив МОИП. Протоколы заседаний 1874 г. Д. 482. Л. 25 об.

⁹¹⁴ Устав Московского общества испытателей природы. М., 1837. С. 5.

⁹¹⁵ Федченко О. А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы [К. И. Ренару]. 19 октября 1874 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1874. Д. 484. Л. 60.

⁹¹⁶ Федченко О. А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К. И. Ренару. 23 апреля 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 50.

откажете сообщить мне эти сведения и предложите доктора Кандинского к избранию в члены общества в ближайшем его заседании»⁹¹⁷.

Еще через 10 лет в пункте 24 повестки дня «Журнала заседаний Императорского московского общества испытателей природы 17 января 1891 года» можно было прочитать среди кандидатов, избранных в этот день действительными членами МОИП: «24. В действительные члены общества избран <...> и Ольга Александровна Федченко (по предложению М. А. Мензбира и Е. Д. Кислаковского»⁹¹⁸. Через месяц, 18 февраля 1891 года, О. А. Федченко написала секретарю МОИП В. Н. Львову: «Милостивый Государь Василий Николаевич, я имела удовольствие получить письмо Ваше, извещающее об избрании меня, в последнем заседании Императорского общества испытателей природы, в число действительных членов общества. Позвольте просить Вас принять на себя труд передать обществу искреннюю признательность за это избрание. С совершенным уважением остаюсь готовой к услугам О. Федченко»⁹¹⁹.

Таким образом, Московское общество испытателей природы сочло возможным пригласить в свои ряды женщину. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, сделавшее это на десять лет раньше, в 70-е годы, относилось к О. А. Федченко как к равной в повседневных делах общества и чествовало ее как героя по торжественным случаям. Так, в первой половине 70-х годов О. А. Федченко посещала практически все заседания ОЛЕАЭ, а 29 августа (9 сентября) 1875 года член-основатель ОЛЕАЭ А. П. Богданов записал в своем дневнике: «Заседание Общ[ества] любителей естествознания с 7–10 [часов]. С председательством. В закрытом заседании предложил О. А. Федченко в почетные члены и назначить ей редакторский гонорар»⁹²⁰. В протоколе годового 80-го заседания Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшегося 15 октября 1875 года, было опубликовано «Постановление общества об избрании в почетные члены О. А. Федченко»⁹²¹. В нем сообщалось, что «Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Московском университете, в заседании своем 29-го августа постановило почтить заслуги члена-основательницы общества Ольги Александровны Федченко»⁹²². Во-первых, «...как путешественницы по Средней Азии, всюду сопровождавшей покойного члена-основателя Алексея Павловича Федченко в Туркестанской экспедиции и посетившей вместе с ним, кроме областей Туркестанского края, верховья Зеравшана и Коканское ханство»⁹²³; во-вторых, «...как ботаника, основательно изучившей флору Туркестана и собравшей обширный гербарий во время путешествия по Средней Азии»⁹²⁴; в-третьих, «...как участницы составления антропологической коллекции общества, основание коей было положено во время подготовительных работ по устройству этнографической выставки 1867 года»⁹²⁵; в-четвертых, «...как участницы в устройстве и организации Туркестанского отдела на политехнической выставке 1872 года»⁹²⁶; в-пятых, «...как составительницы альбома Туркестанских видов, для издания коего из числа многих собственноручных рисунков путе-

⁹¹⁷ Федченко О. А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К. И. Ренару. 28 октября 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 43, 43 об.

⁹¹⁸ Журнал заседания Императорского Московского общества испытателей природы. 17 января 1891 г. // Архив МОИП. Протоколы заседаний. 1891. Д. 647. Л. 3.

⁹¹⁹ Федченко О. А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы В. Н. Львову. 17 февраля 1891 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1891. Д. 650. Л. 5.

⁹²⁰ Богданов А. П. Дневник. 29 августа / 9 сентября 1875 г., пятница. Москва // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 34 об.

⁹²¹ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 57–58.

⁹²² Там же. С. 57.

⁹²³ Там же.

⁹²⁴ Там же. С. 58.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Там же.

шественницы, исполненных на пути экспедиции, избраны 14 больших пейзажей»⁹²⁷; в-шестых, «...как заведующей редакцией обширного издания общества под заглавием “Путешествие в Туркестан А. П. Федченко”, осуществляемого на дарованные по ходатайству г[осподина] Туркестанского генерал-губернатора денежные средства, лично редактирующей как все до сих пор вышедшие из печати девять выпусков, так и вновь подготовляемые к печати томы этого издания»⁹²⁸; и, наконец, в-седьмых, «...как лица, уполномоченного советом общества в качестве редактора названного издания вести всю переписку с авторами, обрабатывающими имеющийся материал, с типографиями, исполнителями рисунков и таблиц, производить разбор собранных экспедицией коллекций и вообще заведывать всеми делами издания»⁹²⁹. Таким образом, тщательно и скрупулезно были перечислены все научные задания уже исполненные О. А. Федченко или исполнявшиеся ею в момент избрания. Перечислив их все, протокол заседания сообщал: «Во внимание к изложенным заслугам и к постоянному полезному участию в трудах общества со времени его основания, общество в заседании 29-го августа по состоявшейся закрытой баллотировке единогласно избрало на основании §§ 8 и 20 своего устава Ольгу Александровну Федченко своим почетным членом и постановило представить это избрание на утверждение годичного собрания»⁹³⁰. Что и было сделано: ОЛЕАЭ чествовало своего члена-основателя, человека, которому оно не побоялось доверить вопреки традициям и предрассудкам не только место в своих рядах, но и место в составе научной экспедиции, а затем один из самых масштабных научно-издательских проектов своего времени. ОЛЕАЭ отдавало должное женщине, которая оправдала его доверие, каждое достижение которой все четче и четче подтверждало основополагающую позицию основателей ОЛЕАЭ, утверждавших, что чем шире круг людей, допущенных к научным исследованиям в области естественных наук, тем больше выгоды получает Наука и тем значительнее ее успехи и приобретения. Руководители ОЛЕАЭ не стеснялись открыто демонстрировать наглядное подтверждение успеха своей теории.

Однако, оставляя в стороне научную политику, принесшую О. А. Федченко некоторые бенефисы, ее научные достижения были неоспоримы. Останься в живых А. П. Федченко, и, без сомнения, большая часть как научной славы, так работ по «освоению» привезенных Туркестанской экспедицией материалов была бы признана его заслугой. И за экспертным мнением коллеги обращались бы именно к нему. Но А. П. Федченко погиб, и в его отсутствие О. А. Федченко стала признанным экспертом ОЛЕАЭ по Туркестану. Если проводилось какое-либо мероприятие, посвященное изучению Средней Азии, то Ольга Александровна участвовала в нем от имени Общества.

В 1875 году в Париже проходил Второй международный географический конгресс, на который О. А. Федченко с согласия ОЛЕАЭ отослала вышедшие к тому времени тома «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». За этот труд Конгресс удостоил ее бронзовой медали. Она не без гордости упоминает об этой награде в автобиографии, написанной для книги А. П. Богданова: «В 1875 г[оду] принимала участие в Географическом конгрессе в Париже высылкой издания “Путешествие в Туркестан [А. П. Федченко]”, за что получила бронзовую медаль»⁹³¹. По данным, известным на сегодняшний день, это была первая международная награда в области научных исследований, присужденная российской женщине. Парижская академия наук присудила премию С. В. Ковалевской в 1888 году; Шведская академия наук ей же – в 1889 году.

Сохранилось письмо секретаря Русского географического общества к О. А. Федченко, написанное 10 июня 1883 года: «Милостивая государыня Ольга Александровна. При раз-

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Там же.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ Там же.

⁹³¹ *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 гг.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

борке старых бумаг канцелярии Императорского Русского географического общества нашелся диплом на медаль, присужденную вам на Международной географической выставке, бывшей в Париже в 1875 году. Считаю приятным долгом препроводить вам при сем означенный диплом и медаль и прошу не оставить меня уведомлением о получении того и другого...»⁹³² Письмо было написано через восемь лет после события, сведения же о присужденной награде были опубликованы сразу же по завершении конгресса. В «Списке наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г[ода] русским экспонентам», опубликованном в «Известиях РГО», значилось, что «медаль второго класса» была присуждена по VII отделу (путешествия) «19. Г[оспо]же Федченко, за путешествие в Туркестан»⁹³³. Из чего следует вывод о том, что конгресс удостоил награды скорее саму О. А. Федченко и ее участие в экспедиции, чем издание «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко».

9 марта 1876 года ОЛЕАЭ единогласно избрало О. А. Федченко делегатом от общества для участия в Третьем международном конгрессе ориенталистов, проходившем в 1876 году в С.-Петербурге. В протоколе 82-го заседания ОЛЕАЭ пунктом 13 было доложено обществу «о приглашении, полученном от организационного комитета третьего конгресса ориенталистов в С.-Петербурге, касательно участия общества в этом съезде»⁹³⁴, а также доложено о письме К. П. фон Кауфмана Г. Е. Щуровскому «касательно участия коллекций Туркестанского отдела Политехнического музея в составе выставки, имеющей быть во время конгресса»⁹³⁵. Оказалось, что ко времени заседания Г. Е. Щуровский уже успел сообщить К. П. фон Кауфману «... о готовности передать коллекции организационному комитету съезда на время выставки...»⁹³⁶ и что на имя организационного комитета в С.-Петербург уже высланы «все издания общества, содержащие труды по исследованию Средней Азии»⁹³⁷. Также было доложено, что «Обществу предстоит для участия в съезде избрать делегата»⁹³⁸. Учитывая, что для организовывавшейся во время съезда выставки ОЛЕАЭ отправляло коллекции и артефакты, собранные супругами А. П. и О. А. Федченко, а также книги, изданные преимущественно О. А. Федченко, неудивительно, что делегатом была избрана именно она. «По предложению А. П. Богданова, – засвидетельствовано в протоколе заседания ОЛЕАЭ, – делегатом избрана единогласно почетный член общества Ольга Александровна Федченко»⁹³⁹. В 1876 году О. А. представляла ОЛЕАЭ на этом Конгрессе.

Если кто-то дарил обществу коллекцию туркестанских растений, ее передавали в ведение О. А. Федченко для дальнейшего распоряжения. Например, на 84-м заседании ОЛЕАЭ 11 апреля 1876 года было доложено обществу, «... что по просьбе почетного члена О. А. Федченко Э. Л. Регель принял на себя обработку гербария, собранного экспедицией капитана Ларионова в Кульджинском районе, и что вследствие этого как самый гербарий, так и список растений, составленный капитаном Ларионовым, препровождены г[осподину] Регелю в С.-Петербург»⁹⁴⁰.

⁹³² Письмо секретаря Русского географического общества О. А. Федченко. 10 июня 1883 года // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁹³³ Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам // Известия РГО. 1876. Т. XI: 1875. Отд. 1. С. 239.

⁹³⁴ Восемьдесят второе заседание Общества 9 марта 1876 г. // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 81.

⁹³⁵ Там же.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Там же.

⁹³⁹ Восемьдесят второе заседание Общества 9 марта 1876 г. // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 81.

⁹⁴⁰ Восемьдесят четвертое заседание Общества 11 апреля 1876 года // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 98.

Если ОЛЕАЭ само организовывало какое-либо мероприятие, то, во-первых, в нем обязательно был представлен Туркестан, а во-вторых, руководила организацией туркестанской части мероприятия непременно О. А. Федченко. Так, 6 мая 1876 года комиссия ОЛЕАЭ по устройству антропологических и зоологических собраний при Московском университете приняла решение о проведении Антропологической выставки. В созданном по этому случаю Комитете для устройства Антропологической выставки О. А. Федченко руководила Туркестанской комиссией. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что О. А. Федченко принимала активное участие в выработке программы выставки. Например, протокол заседания комиссии сообщает, что 4 ноября 1877 года на 13-м заседании комитета «О. А. Федченко по поводу прочитанной программы заметила, что в отделе антропологической библиографии можно бы поместить и Туркестанский сборник, изданный по поводу Политехнической выставки 1872 г[ода]⁹⁴¹ и так как возникло в комитете сомнение относительно права представления этого сборника в числе изданий комитета, то О. А. Федченко изъявила согласие войти в предварительную переписку с издателем его в Ташкенте и узнать его мнение по этому предмету»⁹⁴².

О. А. Федченко настолько плотно была вовлечена во все наиболее серьезные и масштабные проекты ОЛЕАЭ, что ее избрание в совет общества выглядело совершенно естественно. В протоколе заседания ОЛЕАЭ от 21 ноября 1877 года (95-е заседание ОЛЕАЭ, пункт 6 повестки дня) отмечено, что в заседании были прочитаны параграфы устава общества, «... касающиеся избрания должностных лиц, и затем приступлено к баллотировке»⁹⁴³. После чего «в члены совета, по состоявшейся баллотировке (записками), оказались избранными: А. П. Богданов (25 голосов), О. А. Федченко (24 голоса), Д. А. Наумов и И. П. Архипов (22 голоса), А. С. Владимирский (21 голос) и А. М. Анастасьев (16 голосов)»⁹⁴⁴. Набравшие меньше баллов: «...кн[язь] В. А. Черкасский (получивший 9 голосов) и В. К. Попандопуло (5 голосов) признаны кандидатами в члены Совета»⁹⁴⁵.

Таким образом, О. А. Федченко не просто стала первой женщиной, избранной членом совета ОЛЕАЭ: по результатам голосования ее популярность среди голосовавших членов ОЛЕАЭ уступала только популярности А. П. Богданова, признанного лидера.

На этом же заседании, 21 ноября 1877 года, общество выбирало нового секретаря, поскольку 31 октября 1877 года умер Николай Карлович Зенгер, занимавший эту должность со дня основания ОЛЕАЭ (за вычетом 1868 года, проведенного им за границей). А. П. Богданов предложил избрать на этот пост А. А. Тихомирова, попросив членов общества «...принять в соображение значительное количество зоологических работ, которые должны были выпасть на долю секретаря»⁹⁴⁶. После внесенного предложения А. П. Богданова «... кандидатами на должность секретаря предложены были записками: А. А. Тихомиров (22 голоса), В. Д. Левинский и О. А. Федченко (по 1 голосу). При баллотировке шарами А. А. Тихомиров оказался избранным большинством 23 голосов. О. А. Федченко и В. Д. Левинский от баллотировки отказались»⁹⁴⁷. Несмотря на отказ О. А. Федченко баллотироваться на должность секретаря ОЛЕАЭ, уже сам

⁹⁴¹ Можно предположить, что имеется в виду следующее издание: *Межов В. И.* Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г[осподина] Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана В. И. Межовым. Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на рус[ском] и иностр[анных] яз[ыках]. Т. 1–3. СПб., 1878–1888. Очевидно, что к моменту разговора третий том еще не был издан.

⁹⁴² Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания Комитета по устройству выставки // *Известия ОЛЕАЭ.* 1878. Т. XXVII. Вып. 5. С. 347.

⁹⁴³ Девяносто пятое заседание Общества 21 ноября 1877 г. // *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 19 декабря 1876 г. по 15 октября 1880 г.* С приложением устава и списка членов. *Известия ОЛЕАЭ.* 1881. Т. XXXVII. Вып. 1. С. 72.

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ Там же.

⁹⁴⁶ Девяносто пятое заседание Общества 21 ноября 1877 г. ... С. 72.

⁹⁴⁷ Там же.

факт, что ее имя было предложено, являлся беспрецедентным. Но в данном случае, вероятно, оказалось, что был предел даже у молодых реформаторов из ОЛЕАЭ, а возможно, дело было в настойчивости А. П. Богданова. Тем не менее и вопреки официальным результатам голосования сохранились многочисленные свидетельства того, что после смерти Н. К. Зенгера в течение некоторого времени именно О. А. Федченко исполняла обязанности секретаря общества. Прежде всего, сама О. А. Федченко писала в уже упоминавшейся нами автобиографии: «С конца 1877 года состояла несколько лет секретарем совета Общества любителей естествознания...»⁹⁴⁸ Однако Д. Н. Анучин, современник и участник событий, хорошо знавший О. А. Федченко и близко сотрудничавший с ней, в статье, посвященной ее памяти, отмечал: «В 1874 г[оду] О. А. [Федченко] была избрана почетным членом Общества любителей естествознания, а с 1877 г[ода] в течение нескольких лет состояла его секретарем»⁹⁴⁹. Помимо этого, в личном фонде О. А. Федченко обнаружено несколько писем, адресованных секретарю ОЛЕАЭ. Например, Э. Ивансон, владелец литографии и металлографии в С.-Петербурге, писал 22 февраля 1878 г[ода]: «Его высокородию господину секретарю Императ[орского] общ[ества] люб[ителей] естествознания в Москве. Честь имею посылать при сем оригинал и пробные оттиски от двух табл[иц] рисунков к статьям г[осподина] Кроненберга, и прошу Вас возвратить корректуры вместе с оригиналами, которые мне во время печати нужны. Пробный оттиск от 3 Табл[ицы] буду посылать в понедельник 26 февр[аля]»⁹⁵⁰. В верхнем правом углу листа рукой О. А. Федченко написано: «Получено 24 февр[аля] 1878 г[ода] № 55»⁹⁵¹. В следующем письме, датированном 21 апреля 1879 года, по поводу корректуры одной из работ Н. Ю. Зографа Э. Ивансон обращался уже непосредственно к О. А. Федченко: «Милостивая государыня Ольга Александровна!»⁹⁵² Также, например, цитировавшееся нами выше письмо О. А. Федченко секретарю МОИП К. И. Ренару от 23 апреля 1881 года было отправлено на официальном бланке ОЛЕАЭ⁹⁵³, к которому не мог иметь доступ никто, кроме секретаря и, возможно, других должностных лиц общества. Таким образом, можно почти с полной уверенностью говорить о том, что если не формально, то фактически начиная с 1877 года О. А. Федченко выполняла работу секретаря ОЛЕАЭ.

В том же 1877 году (20 мая) еще одно из наиболее уважаемых российских научных обществ – Русское географическое общество – приняло О. А. Федченко в число своих членов⁹⁵⁴.

Таким образом, в 70-е годы XIX века, по возвращении из Туркестанской экспедиции и по принятии на себя обязанностей «выпускающего» редактора «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» О. А. Федченко стала первой в Российской империи женщиной, не являвшейся членом императорской семьи (список женщин – членов Дома Романовых, избранных почетными членами российских естественно-научных обществ, см. в Приложении 1), избранной почетным членом общества; первой женщиной, избранной в МОИП; первой (вместе с А. Я. Ефименко), избранной в Русское географическое общество. Она также была единственной в XIX – начале XX века (на основании информации, доступной в настоящее время) женщиной – членом совета естественно-научного общества и фактическим (если не юридическим) секре-

⁹⁴⁸ Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания... Л. 26.

⁹⁴⁹ Анучин Д. Н. Памяти О. А. Федченко // Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158.

⁹⁵⁰ Ивансон Э. Письмо О. А. Федченко. 22 февраля 1878 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁹⁵¹ Федченко О. А. Помета на письме Э. Ивансона. [26 февраля 1877 г.] // Там же.

⁹⁵² Ивансон Э. Письмо О. А. Федченко. 21 апреля 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁹⁵³ Федченко О. А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К. И. Ренару. 23 апреля 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 50.

⁹⁵⁴ Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. С. 24.

тарем общества. Изучение доступных списков членов естественно-научных обществ вплоть до 1914 года не выявило больше ни одной женщины, занимавшей административные посты в каком-либо из обществ, хотя, конечно, эти данные могут оказаться неполными (полный список обществ, членом которых состояла О. А. Федченко, см. в Приложении 2; для сравнения в Приложении 3 см. список научных обществ и организаций, членом которых состояла графиня П. С. Уварова).

Одновременно другие женщины, избранные в члены ОЛЕАЭ, постепенно стали отходить от участия в работе общества. В 1876 году умерла Аполлинария Христофоровна Басина (29 лет). Е. В. Богданова постепенно потеряла интерес к занятиям мужа и, видимо, все больше времени уделяла семье. Во всяком случае, упоминания о ее участии в деятельности общества пропадают из протоколов заседаний ОЛЕАЭ примерно около 1875 года. Е. К. Фреймут к середине 70-х годов все больше времени отдавала организации работы Лубянских высших женских курсов. С середины же 1870-х годов в наших данных о судьбе Е. К. Фреймут существует пробел. По некоторым сведениям, она переехала из Москвы в Петербург, поступив в Медико-хирургическую академию, а затем вместе с группой других девушек покинула ее, так и не окончив курс обучения, чтобы работать сестрой милосердия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Точно не известно, при каких обстоятельствах она познакомилась со своим будущим мужем Виктором Хрисанфовичем Кандинским, где она вышла за него замуж. Известный книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников (1871–1943) писал в своих воспоминаниях: «В минувшую войну 1878 года Виктор Хрисанфович был в качестве врача мобилизован во флот и под началом Дубасова участвовал в атаке на Дунае турецкого монитора. <... > Психически неустойчивый Виктор Хрисанфович во время взрыва в припадке меланхолии бросился в воду, чтобы покончить с собой. Его, однако, спасли, и сестра милосердия, на попечение которой он попал, выходила его. По выздоровлении он на ней женился. Он называл ее мамой и окружал величайшим вниманием»⁹⁵⁵. Как справедливо замечал биограф В. Х. Кандинского Л. Л. Рохлин, автор мемуаров перепутал две Русско-турецких войны: 1829 и 1877–1878 годов. Но В. Х. Кандинский действительно служил младшим судовым врачом на судне «Великий князь Константин», вступившем в бой с турецким пароходом на Батумском рейде. Встретила ли его Е. К. Фреймут в Севастополе, после списания на берег, или в петербургском госпитале, куда он поступил на лечение, или она уже была знакома с семьей Кандинских, как предполагает Л. Л. Рохлин, точно не известно. Они поженились 1 сентября 1878 года и почти сразу отправились за границу для лечения В. Х. Кандинского. В. Х. Кандинский принадлежал к семье известных сибирских купцов Кандинских, правда к разорившейся их ветви. Одним из представителей следующего поколения этой семьи был культовый художник XX века Василий Васильевич Кандинский (1866–1944). К сожалению, душевная болезнь, которой страдал В. Х. Кандинский, по-видимому, была наследственной и передавалась из поколения в поколение, но ему удалось даже тяжелую болезнь поставить на службу науки.

После свадьбы и заграничной поездки супруги поселились в Петербурге. В. Х. Кандинский работал врачом-психиатром в психиатрической больнице Св. Николая Чудотворца и занимался научными исследованиями в области психиатрии. Страдая тяжелым психическим заболеванием, он изучал течение собственной болезни (помимо прочего) и сделал целый ряд крупных открытий. В XX веке В. Х. Кандинский был признан одним из наиболее известных в мире из числа отечественных психиатров. Можно предположить, что Е. К. Фреймут была помощницей, сиделкой, медсестрой своего мужа. В 1889 году во время одного из приступов болезни В. Х. Кандинский покончил с собой. Л. Л. Рохлин пишет о дальнейших событиях: «О жене Кандинского мы знаем, что она обращалась в Общество психиатров с просьбой посмертно издать его труды. Еще при жизни ученого Петербургское общество неоднократно

⁹⁵⁵ Сабашников М. В. Записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 75.

выносило решение опубликовать за счет общества монографию Кандинского “О псевдогаллюцинациях”, но не имело возможности выполнить свое решение из-за отсутствия средств. Не смогло оно удовлетворить просьбу вдовы Кандинского и после его кончины. Несомненной заслугой Е. К. Кандинской было то, что она сама издала две его монографии: одну, уже упомянутую “О псевдогаллюцинациях”, другую – “К вопросу о невменяемости”⁹⁵⁶.

Несмотря на то что архива этой ветви семьи Кандинских не сохранилось, можно предположить, что Е. К. Фреймут сделала гораздо больше, чем просто отнесла рукопись в редакцию и заплатила деньги. В предисловии к изданию она писала: «В течение двух лет В. Х. Кандинский готовился к большой работе о свободе воли. В бумагах его сохранилось много отрывков и замечаний, но только он сам мог бы их обработать и привести в стройное целое. Остался и общий план работы. “Мой труд, – говорит В. Х. Кандинский в своем введении, – имея заглавием: О свободе воли (медико-философское исследование) распадается на три части...”» «Так как всей работе не суждено быть dokonченной, – пишет далее Елизавета Карловна, – то я сочла своим долгом напечатать, по крайней мере, ту часть материалов, которая сама по себе имеет известный интерес и представляет нечто вполне законченное, при чем от себя я вставила только некоторые необходимые объяснения и примечания»⁹⁵⁷.

Е. К. Фреймут, точнее, уже Е. К. Кандинская снабдила издание не только подробным введением, но и подробными примечаниями, которые никак не подпадают под определение «только некоторые». Эти примечания включали в себя пояснения по истории написания или опубликования отдельных частей работы; объяснения научных терминов и понятий, употреблявшихся В. Х. Кандинским; библиографические сноски, а также разъяснения чисто научных моментов, например о необходимости изменения существующей официальной классификации (и номенклатуры) душевных болезней и др. Не приходится сомневаться в том, что она проделала огромную, тщательную и кропотливую работу, потребовавшую от нее специальных знаний в области психиатрии и детального знания «психиатрической» жизни современной ей России, работу, сохранившую для науки труды одного из самых ярких представителей отечественной психиатрии.

Предисловие Елизаветы Карловны к монографии ее супруга подписано 23 марта 1890 года. Завершив эту работу, Е. К. Фреймут совершила самоубийство. К сожалению, наши сведения о ней слишком отрывочны и фрагментарны, чтобы судить о том, что привело ее к подобному решению. Нет никаких данных о том, что она участвовала в работе ОЛЕАЭ или хотя бы поддерживала связь с обществом начиная с середины 70-х годов XIX века. Тем не менее, несмотря на это, а также на трагическую судьбу, ее друзья и коллеги по ОЛЕАЭ не забыли о ней. В начале XX века ОЛЕАЭ учредило премию ее памяти. В 1902 году эта премия была присуждена Софье Михайловне Переяславцевой за исследование материала о развитии кавказского скорпиона (*Androctonus ornatus*).

Об участии в деятельности общества А. М. Раевской ничего не известно. Она умерла в 1883 году, передав часть своих обширных коллекций в дар ОЛЕАЭ. По сведениям Д. Н. Анучина, «переданное после ее смерти, согласно ее воле, в Общество люб[ителей] естествознания, собрание включает в себе хорошую коллекцию Галльштадтских древностей, большое собрание каменных орудий из Олонецкого края, вещи из греческих могил в Керчи, из курганов Киевской губ[ернии] и т[ак] д[алее]»⁹⁵⁸.

⁹⁵⁶ Рохлин Л. Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В. Х. Кандинского (1849–1889 гг.). М.: Медицина, 1975. С. 137.

⁹⁵⁷ Кандинская Е. К. От издательницы // Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости / Издание Е. К. Кандинской. М., 1890. С. I–II.

⁹⁵⁸ [Анучин Д. Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия ОЛЕАЭ. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896. С. 513.

После 1874 года Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии не публиковало списков своих членов. Сведений об этом среди сохранившихся архивных документов ОЛЕАЭ также не обнаружено. Но просмотр протоколов заседаний общества не выявляет активного участия женщин в его работе в 80–90-е годы XIX века за исключением деятельности О. А. Федченко.

Изучение списка членов российских естественно-научных обществ показывает, что в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века примеру Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в отношении принятия женщин в свои ряды последовал еще ряд обществ. Здесь следует отметить, что, к сожалению, далеко не все российские естественнонаучные общества публиковали списки своих членов. Многие делали это нерегулярно; некоторые приурочивали их издание исключительно к юбилейным датам; другие – только в определенные периоды своей истории. Помимо этого, если списки членов публиковались не в составе «Известий» или «Трудов» того или иного общества, а отдельным изданием, то часто их тираж был крайне небольшим и в результате сегодня они очень малодоступны. Тем не менее, несмотря на то что имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день списки членов нескольких российских естественнонаучных обществ составляют меньшинство по сравнению с количеством существовавших на протяжении XIX – начала XX века обществ естественно-научного направления, они могут служить источником статистической информации. Как правило, стандартный список членов общества содержит в себе определенный набор данных: фамилию, имя, отчество члена общества; его (ее) статус в обществе; дату вступления в общество; место жительства (присутствует не всегда); занятие (или социальный статус), также присутствует выборочно. Выявленные, обработанные и проанализированные, эти данные могут служить достоверным источником статистической информации, с помощью которой можно проследить динамику принятия женщин в научные общества в период начиная с конца 60-х годов XIX века и вплоть до 1900-х годов, изменение соотношения в составе научных обществ мужчин и женщин, их положения в структуре научных обществ, изменение в образовательном и профессиональном составе женщин – членов обществ на протяжении изучаемого периода и другое.

В январе 1868 года студентка Медико-хирургической академии, впоследствии первая в Российской империи женщина, защитившая докторскую диссертацию на родине, В. А. Кашеварова⁹⁵⁹ (1844/?–1892) выступила с докладом на заседании Общества русских врачей в С.-Петербурге (16 января 1868 года) по теме «О хроническом воспалении отпадающей оболочки матки». Доклад был опубликован в «Медицинском вестнике» (1868. № 6. 10 февраля. С. 45; № 7. 17 февраля. С. 53). Как пишет биограф В. А. Кашеваровой-Рудневой С. М. Дионесов, «выступление Кашеваровой в этом обществе было беспрецедентным: ни одна женщина до того времени не выступала еще в нем»⁹⁶⁰. На заседании общества 2 октября 1868 года профессор Я. А. Чистович сообщил о том, что два члена общества, М. М. Руднев и С. Ф. Соколов, предложили избрать В. А. Кашеварову в члены общества. По словам С. М. Дионесова, Я. А. Чистович рассказал собравшимся членам общества, что «ввиду отсутствия в уставе указания на возможность приема в общество женщин, был сделан специальный запрос министру внутренних дел и что <...> получено сообщение от директора медицинского департамента о согласии министра на прием Кашеваровой в члены или корреспонденты общества»⁹⁶¹. Далее С. М. Дионесов сообщил, что в тот же день, 2 октября 1868 года, В. А. Кашеварова тайной баллотировкой была избрана членом Общества русских врачей в С.-Петербурге⁹⁶².

---

⁹⁵⁹ После второго замужества в 1870 г. – В. А. Кашеварова-Руднева. — О. В.

⁹⁶⁰ Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 38.

⁹⁶¹ Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 39.

⁹⁶² Там же.

Сообщение С. М. Дионесова свидетельствует о том, что избрание или неизбрание женщины в состав того или иного научного общества могло зависеть не только от желания членов общества, но и от решения бюрократических структур. Тем не менее других свидетельств того, что руководители обществ обращались в министерства за разрешением предложить к избранию в члены общества женщину, в данное время не обнаружено.

В 70-е годы (в период с 1870 по 1873 год) Общество естествоиспытателей при Казанском университете приняло в свои ряды трех женщин (таблица 5)⁹⁶³.

Таблица 5. Женщины – члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (1870–1873)

№	Ф.И.О.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления в общество
1	Бекман Юлия Федоровна	Татил	член-сотрудник	18 мая 1870 г.
2	Хомякова Анна Александровна	–	действительный член	1871 г.
3	Красовская Екатерина Николаевна	Пенза	действительный член	16 марта 1873 г.

Русское химическое (впоследствии Русское физико-химическое) общество за 70-е годы приняло в свои члены пять женщин (таблица 6)⁹⁶⁴.

Таблица 6. Женщины – члены Русского химического (Русского физико-химического) общества в 70-е гг. XIX в.

№	Ф.И.О.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления	Отделение/ занятие/научная специальность
1	Лермонтова Юлия Всеволодовна	Москва		1876	доктор философии
2	Рукавишниковна Ольга Николаевна	С.-Петербург		1876	
3	Гросман Мальвина Львовна	С.-Петербург		1878	отделение химии; С.-Петербургская университетская химическая лаборатория
4	Базилевская Софья Ивановна	С.-Петербург	постоянный член	1878	отделение физики
5	Стамо Марья Николаевна	С.-Петербург	действительный член городской*	1880	отделение физики

* Так в источнике. – О. В.

В просмотренных нами списках членов Русского химического общества нам не удалось обнаружить имени А. Ф. Волковой. Ю. С. Мусабеков пишет о ее вступлении в общество в 1870 году, отмечая, что «...это был первый случай принятия женщины в эту организацию»⁹⁶⁵. Однако в монографии, посвященной биографии Ю. В. Лермонтовой, опубликованной годом

⁹⁶³ Таблица составлена на основании: Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. С. 63–71; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к концу первого (1869/70) года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый 1869/1870 год. Казань, 1870. С. 165–167; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1875 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875. С. 1–7.

⁹⁶⁴ Таблица составлена на основании: Список членов Русского химического общества // Журнал Русского химического общества. 1869. Т. I. Вып. 1. С. 4–5; Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IX. Отдел первый. 1877. С. 5–8; Личный состав Русского физико-химического общества за 1878 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. XI. Вып. 3. С. VI–XII; Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып. 1. С. VIII–XVIII.

⁹⁶⁵ Мусабеков Ю. С. Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12.

раньше, он же замечает: «С 1875 года⁹⁶⁶ имя Лермонтовой – имя единственной женщины-ученого, официально занесенной в список членов Русского химического общества»⁹⁶⁷. В более позднем по времени исследовании кандидата химических наук С. И. Рогожников о факте избрания в состав Русского химического общества А. Ф. Волковой также не упоминается, хотя отмечено, что «Н. А. Меншуткин привлекал Волкову к редактированию “Журнала Русского химического общества” и составлению рефератов для этого журнала»⁹⁶⁸. Источник сведений Ю. С. Мусабекова в настоящее время не известен. А. Ф. Волкова безусловно сотрудничала с «Журналом Русского химического общества» в первой половине 70-х годов XIX века, опубликовала в нем целый ряд статей (как мы это видели из таблицы 3), тем не менее сотрудничество с научным обществом, даже тесное и многолетнее, не всегда означало членство в нем (как это видно на примере Л. И. Мечниковой, чья работа была опубликована в «Известиях ОЛЕАЭ», хотя она не являлась членом общества; или Е. В. Богдановой, фактически в течение 10 лет принимавшей активное участие в деятельности ОЛЕАЭ, прежде чем она была избрана в члены общества). Известно также о докладе С. М. Переяславцевой на тему «О строении и форме органа обоняния у рыб». Доклад был сделан в феврале 1878 года на заседании зоологического отделения Общества естествоиспытателей в С.-Петербурге, членом которого она не состояла. Сообщение об этом выступлении попало на страницы газеты «Голос» (1878. № 45. 14/26 февраля. С. 3) и было представлено вполне доброжелательно⁹⁶⁹. Таким образом, мы будем исходить из сведений, содержащихся в «Списках членов Русского химического общества», публиковавшихся более или менее регулярно в «Журнале Русского химического общества», а они свидетельствуют о том, что первой женщиной – членом РХО была Ю. В. Лермонтова.

В монографии, посвященной биографии Ю. В. Лермонтовой, Ю. С. Мусабеков опубликовал письмо Ю. В. Лермонтовой Д. И. Менделееву от 7 февраля 1875 года, посвященное вопросу ее избрания в члены общества. Помимо прочего Ю. В. Лермонтова писала: «Позвольте напомнить Вам Ваше любезное предложение, сделанное мне несколько месяцев тому назад, в мою бытность в Петербурге, предложить меня в члены Русского химического общества. Я давно собираюсь обратиться к Вам с этой просьбой»⁹⁷⁰. И продолжала: «Мне бы очень хотелось с нынешнего года получать журнал, издаваемый обществом и потому, если избрание мое состоится, то вы будете может быть так добры и уведомите меня несколькими строками о том, какой именно денежный взнос членов и куда этот взнос должен посылаться»⁹⁷¹.

В отличие от первых женщин – членов ОЛЕАЭ, избранных в состав общества также в 70-е годы XIX века: О. А. Федченко, Е. К. Фреймут, А. М. Раевской, А. Х. Басиной, никто из которых не имел даже формального высшего образования (единственная из них, посещавшая занятия на Лубяньских высших женских курсах в Москве, была Е. К. Фреймут, являясь фактически одной из их организаторов, хотя никаких дипломов курсы не выдавали) – Ю. В. Лермонтова не только училась в Гейдельбергском университете (1869–1871), затем занималась в лаборатории и слушала лекции профессора Гофмана (Берлинский университет), но и защитила диссертацию, сдав все необходимые экзамены, в Геттингенском университете в 1874 году и получив степень доктора философии. Как пишет Ю. С. Мусабеков, «русские химики столицы

⁹⁶⁶ В данном случае Ю. С. Мусабеков ошибается: имя Ю. В. Лермонтовой впервые появляется в списке членов Русского химического общества и физического общества, действительном на 5 декабря 1876 г. В предыдущем списке 1875 г. его нет (Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IX. Отдел первый. 1877. С. 6).

⁹⁶⁷ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 47.

⁹⁶⁸ Рогожников С. И. Женщины в химии // Химия и жизнь. 1998. № 8. С. 74.

⁹⁶⁹ См.: Бляхер Л. Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 178–180.

⁹⁷⁰ Цит. по: Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 46.

⁹⁷¹ Там же.

приняли Лермонтову с большим радушием и почетом. Глава “химической дружины” Менделеев устроил у себя дома торжественный ужин в ее честь. <...> Здесь она познакомилась с Бутлеровым, Густавсоном и Львовым»⁹⁷². Ю. С. Мусабеков также утверждает, что Ю. В. Лермонтова была активным членом общества и выполняла многие его поручения. «Она участвовала в издании второго (реферативного) отдела ЖРФХО (что отмечалось на титульном листе журнала), составляла корреспонденцию о деятельности РХО для изданий Парижского химического общества...»⁹⁷³

О научной деятельности остальных женщин – первых членов Русского физико-химического общества неизвестно практически ничего. Современный историк химии кандидат химических наук Е. А. Зайцева (Баум) в своей статье «Историко-научные исследования и гендерный подход. Женщины в русской науке (на примере деятельности женщин-химиков из Московского университета)» привела таблицу «Первые русские женщины-химики (до 1905 года)», в которой указано наличие или отсутствие каких-либо историко-научных публикаций, посвященных вкладу в развитие химических наук той или иной женщины-химика. Всего таблица содержит 30 имен. Среди них только три имени (А. Ф. Волкова, Ю. В. Лермонтова и В. Е. Богдановская) отмечены как персонажи, о которых имеются отдельные публикации. В списке же тех (27 человек), о которых в настоящее время не существует публикаций, находятся и первые женщины – члены Русского физико-химического общества Ольга Николаевна Рукавишниковна и Мальвина Львовна Гросман⁹⁷⁴. Об О. Н. Рукавишниковой упоминает Ю. С. Мусабеков в цитируемой нами монографии о Ю. В. Лермонтовой. Рассказывая о пожертвованиях химиков в пользу С.-Петербургских Высших женских курсов, он пишет: «Особенно крупные суммы в пользу курсов в первые годы их существования пожертвовали химики О. Н. Рукавишниковна, В. Ф. Лугинин, Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров»⁹⁷⁵. И добавляет, говоря о пожертвованиях книг: «Начало химическому отделу библиотеки Высших женских курсов положила жена великого русского химика Бутлерова Надежда Михайловна, которая вскоре после кончины мужа, в 1886 году пожертвовала курсам 624 тома ценных русских и иностранных книг и годовых комплектов химических журналов. Два года спустя к этому прибавилась химическая библиотека О. Н. Рукавишниковой, тоже пожертвованная курсам», – однако никаких подробностей не приводит⁹⁷⁶. Две другие женщины были избраны в члены физического отделения общества и, соответственно, должны были специализироваться по физике. Об их научной деятельности в настоящее время также ничего не известно.

Императорское Русское географическое общество в 70-е годы избрало в число своих членов всего двух женщин (таблица 7)⁹⁷⁷.

Таблица 7. Женщины – члены Императорского Русского географического общества (70-е гг. XIX в.)

№	Ф.И.О.	Статус в обществе	Дата вступления в общество	Отделение/занятие/научная специальность
1	Ефименко Александра Яковлевна	член-сотрудник	20 мая 1877 г.	этнограф
2	Федченко Ольга Александровна	член-сотрудник	20 мая 1877 г.	ботаник

⁹⁷² Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 39.

⁹⁷³ Там же. С. 47.

⁹⁷⁴ Zaitseva Elena. Historico-scientific investigations and gender approach. Women in Russian science (by the example of activities of women chemists from the Moscow university) // Women scholars and institutions. Proceedings of the International conference (Prague, June 8–11, 2003). Studies in the history of sciences and humanities. Prague, 2004. Vol. 13. P. 351.

⁹⁷⁵ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 10.

⁹⁷⁶ Там же. С. 13–14.

⁹⁷⁷ Таблица составлена на основании: Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883.

Московское общество испытателей природы ограничилось одной О. А. Федченко (1874 год)⁹⁷⁸.

Таким образом, начиная с конца 60-х годов XIX века и на протяжении 70-х годов отечественные естественно-научные общества постепенно начали включать женщин в число своих членов. Однако с началом 80-х годов (и даже ранее) этот процесс отчасти замедлился, отчасти сошел на нет. Из последующей таблицы (таблица 8) хорошо видно, как снижалось количество женщин – членов ОЛЕАЭ относительно общего количества членов общества уже в первой половине 70-х годов⁹⁷⁹.

Таблица 8. Динамика изменения численности женщин – членов ОЛЕАЭ по сравнению с динамикой изменения численности мужчин – членов ОЛЕАЭ (60–70-е гг. XIX в.)

ОЛЕАЭ	1868 г.	1874 г.*
всего членов общества	190	422
женщин	3	5

* Список членов ОЛЕАЭ за более поздний период не обнаружен. – О. В.

Все три женщины, избранные в состав Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете в первой половине 70-х годов, уже к началу 80-х годов вышли из общества: Анна Александровна Хомякова – в 1875 году; Екатерина Николаевна Красовская – в 1876 году; Юлия Федоровна Бекман – в 1879 году⁹⁸⁰. На протяжении 80-х годов в число членов этого общества не было избрано ни одной женщины. В период 90-х годов единственной избранной, причем избранной почетным членом, стала графиня П. С. Уварова⁹⁸¹.

Характерно, что даже в середине 70-х годов число жительниц Казани, интересовавшихся естественными науками, было значительно больше числа женщин, избранных в члены общества. Как видно из таблицы 5, с 1870 по 1873 год в число членов Общества естествоиспытателей при Казанском университете было избрано три женщины. Среди зарегистрированных участников IV съезда русских естествоиспытателей и врачей, проводившегося в Казани с 20 по 30 августа 1873 года, было 14 женщин, из которых 12 человек – жительницы Казани⁹⁸². Между тем отчет о деятельности общества за 1871 год зафиксировал, что публичные общеобразовательные курсы, организованные обществом при Казанском университете, пользовались большим успехом и что значительной частью их посетителей являлись женщины. Подписка на посещение курсов была открыта 24 декабря 1870 года, а 8 января началось чтение лекций. Работа курсов была открыта чтением лекций по геометрии⁹⁸³. В отчете подчеркива-

⁹⁷⁸ Последний по времени опубликованный список членов Московского общества испытателей природы относится в 1855 г.: Алфавитный список членов императорского Московского общества испытателей природы. М., 1855. 61 с. Женских имен в нем нет.

⁹⁷⁹ Таблица составлена на основании: Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. С. 13–20; Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1874. С. 11–32.

⁹⁸⁰ Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к концу первого (1869/70) года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый 1869/1870 год. Казань, 1870. С. 165–167; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1875 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875. С. 1–7; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1882 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Тринадцатый год 1881–1882. Казань, 1882. С. 44–46.

⁹⁸¹ Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. С. 63–71.

⁹⁸² Список членов IV Съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873. С. 1–16.

⁹⁸³ Протокол двадцатого заседания (Совета) Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете

ется: «Несмотря на краткий срок, протекший между открытием подписки и началом чтений, число подписавшихся было так велико, что уже на первых лекциях самая обширная из аудиторий университета, – аудитория при химической лаборатории, оказалась тесна. Вследствие этого Лекционным комитетом, с разрешения г[осподина] ректора университета, чтение всех лекций перенесено в актовЫй зал университета»⁹⁸⁴. И отмечается далее: «Число же всех посетителей на лекциях бывает до 350 человек»⁹⁸⁵. При этом: «Из общего числа посетителей около 1/3 части составляют женщины»⁹⁸⁶. 1/3 от 350 человек – это примерно 116 человек. Для лучшей наглядности можно представить эти цифры, то есть количество женщин – жительниц Казани, участвовавших в работе различных научных учреждений и организаций в первой половине 70-х годов XIX века, в виде таблицы (таблица 9).

Таблица 9. Жительницы Казани, участвовавшие в работе различных научных учреждений (70-е гг. XIX в.)

Название организации/мероприятия	Количество женщин-участниц
Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете	3
VI Съезд русских естествоиспытателей и врачей	12
Публичные курсы при Императорском Казанском университете	116

Общество гордилось своими курсами. Учитывая большое количество женщин-посетительниц, в 1874 году общество предложило для «большого же успеха этого дела <...> открыть постоянные женские курсы»⁹⁸⁷. Объяснялось это следующим образом: «... усматривая из практики прежних лет, что публичные курсы общества преимущественно посещаются женщинами, и стараясь приспособить дальнейшие курсы требованиям этого большинства...»⁹⁸⁸ Был разработан подробный проект курсов, предполагавших преподавание математики, физики, космографии, химии, минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии, физики земного шара с геологией и учением о распределении организмов, гигиены, не считая гуманитарных дисциплин. Предполагался трехлетний курс преподавания, а также дополнительные полгода для «специальных занятий под руководством преподавателя» для тех студенток, которые сами захотели бы стать преподавательницами⁹⁸⁹. Проект был заслушан советом Казанского университета и направлен на рассмотрение попечителя учебного округа, где и погиб⁹⁹⁰. Для нас, однако, важно, что разница между числом жительниц Казани, интересовавшихся естественными науками, и числом принятых в Общество естествоиспытателей при Казанском университете была очень значительной и что общество, даже потерпев поражение с проектом женских курсов, не спешило выразить женщинам свою поддержку, пригласив хотя бы наиболее заинтересованных из них вступить в свои ряды.

Количество женщин, избранных в члены Русского физико-химического общества в 80-е годы XIX века, также невелико, как видно из приведенной ниже таблицы (таблица 10)⁹⁹¹.

4 февраля 1871 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Б.м., Б.д.] С. 70.

⁹⁸⁴ Там же.

⁹⁸⁵ Протокол двадцатого заседания (Совета) Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете... С. 70.

⁹⁸⁶ Там же. С. 70–71.

⁹⁸⁷ Протокол пятого годовичного заседания Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 12 мая 1874 г. // Протоколы Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Пятый 1873/1874 год. Казань, 1875. С. 2.

⁹⁸⁸ Там же. С. 16.

⁹⁸⁹ Там же.

⁹⁹⁰ Там же. С. 15.

⁹⁹¹ Таблица составлена на основании: Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып.

Таблица 10. Женщины, избранные в члены Русского физико-химического общества в 80-е гг. XIX в.

РФХО	1880 г.	1891 г.
всего членов общества	248	367
женщин	5	9

Таким образом, с 1776 по 1880 год в число членов Русского физико-химического общества было избрано 5 женщин. За последующие 10 лет, с 1881 по 1891 год, – 6 женщин. Из избранных ранее продолжали оставаться в составе общества всего двое: Ю. В. Лермонтова и О. Н. Рукавишникова, в то время как трое: М. Л. Гросман, С. И. Базилевская и М. Н. Стамо – выбыли. Таким образом, мы видим, что, несмотря на значительное увеличение числа членов общества (на 119 человек), количество женщин в его рядах осталось на уровне 70-х годов. Из числа вновь избранных двое окончили Высшие женские курсы, двое имели степень доктора медицины, одна женщина указала в качестве места работы химическую лабораторию Московского университета, другая отметила, что является преподавателем Высших женских курсов⁹⁹².

«Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг.» содержит сведения о некоторых из этих женщин, дополняющие данные, полученные нами из «Списка членов Русского физико-химического общества». Большинство из них – 8 человек – были химиками.

Ольга Александровна Давыдова (1859 – после 1928) принадлежала к числу первых выпускниц С.-Петербургских Бестужевских высших женских курсов. В 1882 году она окончила специальное математическое отделение курсов. С 1883 по 1886 год руководила практическими занятиями слушательниц курсов по химии, являясь ассистенткой А. М. Бутлерова; была членом бюро Общества для доставления средств окончившим ВЖК⁹⁹³. Ю. С. Мусабеков писал о ней: «Широкому распространению химических знаний среди женщин, а также популяризации работ русских химиков в Западной Европе посвятила свою научную деятельность Ольга Александровна Давыдова <...>. Будучи ассистентом Бутлерова, она руководила на курсах лабораторными и практическими занятиями. Превосходно владея несколькими иностранными языками, в том числе итальянским, Давыдова реферировала труды русских химиков для журнала “Gazetta chimica italiana”, издаваемого в Риме с 1871 года»⁹⁹⁴. В краткой биографии О. А. Давыдовой, представленной на сайте Российской национальной библиотеки, сотрудницей которой она была в более поздний период своей жизни, отмечено, что после 80-х годов О. А. Давыдова не работала в области химии, занимаясь литературной и переводческой деятельностью⁹⁹⁵.

Вера Евстафьевна Богдановская-Попова (1867–1896) училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в С.-Петербурге с 1883 по 1887 год. В 1887 году окончила физико-математическое отделение курсов (VI выпуск). С 1889 года В. Е. Богдановская посещала занятия в Женевском университете, где в 1892 году защитила докторскую диссертацию. С 1892

1. С. VIII–XVIII; Личный состав Русского физико-химического общества к 15 января 1891 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1891. Т. XXIII. Вып. 1. С. IV–XXXII; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1908 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1908. Т. XL. Физический отдел. Вып. 1. С. XV–XXVI.

⁹⁹² Личный состав Русского физико-химического общества к 15 января 1891 г. ... С. XIV–XXXII.

⁹⁹³ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 68.

⁹⁹⁴ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 14.

⁹⁹⁵ Давыдова Ольга Александровна (1859, Астрахань – после 1928), химик, переводчица, в П[убличной] Б[иблиотеке] 1918–24 // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь, т. 1–4. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=537.

по 1895 год была ассистентом и преподавателем Высших женских курсов⁹⁹⁶. Как писал после смерти В. Е. Богдановской Гаврил Гаврилович Густавсон, «Вера Евстафьевна появилась на курсах после пребывания за границей, в 1892 году, заняв скромное место ассистента по неорганической химии у проф[ессора] Львова. Но ее познания, дар слова, желание быть полезной тотчас же расширили ее деятельность. Возникли неофициальные репетиции, или вернее сказать беседы, по неорганической химии, на которых Вера Евстафьевна, без всякого вознаграждения, разъясняла и помогала усвоению начал химии»⁹⁹⁷. Г. Г. Густавсон также рассказал, что вскоре В. Е. Богдановскую попросили прочесть ряд лекций по органической химии, поскольку в Женеве она была «...ближайшей ученицей Ги, одного из блестящих представителей новых воззрений о расположении атомов в пространстве...»⁹⁹⁸. Судя по эмоциональному описанию первой лекции В. Е. Богдановской, Г. Г. Густавсон на ней присутствовал. Он писал: «Я думаю, все те, которые были на ее первой лекции по этому предмету – никогда этой лекции не забудут. Я вовсе этим не хочу сказать, что никто не забудет фактического содержания лекции – этого нельзя и требовать – потому что аудитория была полна и большинство присутствующих были чужды химии – нет, не то. Никто не забудет, как блистательно Вера Евстафьевна справилась с лекцией»⁹⁹⁹. И продолжал далее: «Она видимо волновалась, у всех было за нее беспокойство, но это беспокойство мало-помалу рассеивалось и уступало место удовольствию видеть, что она владеет собою и лекция выходит ясною и изящною, без фраз, без всякого желания произвести эффект. Вера Евстафьевна сразу, что называется, овладела аудиториею, заставила всех на это время жить ее собственной жизнью и вот этого-то прекрасного чувства, которое она заставила испытать, никто не забудет из бывших на лекции»¹⁰⁰⁰. И, можно сказать, восклицает: «Да, тогда на этой лекции почувствовалось *всеми*¹⁰⁰¹, что перед нами даровитая и прекрасная личность, способная возбудить глубокие симпатии»¹⁰⁰².

Сестры Шумова-Симановская Екатерина Олимпиевна (1852–1905) и Зибер-Шумова Надежда Олимпиевна (1856–1914). Старшая училась в Цюрихе, Париже, Берне. Доктор медицины Бернского университета 1877 года. В России сдала экзамен на право медицинской практики, получив звание «женщина-врач» (1879 год). Опубликовала ряд статей, в том числе совместно с И. П. Павловым¹⁰⁰³ и, позднее, с сестрой. Младшая посещала Владимирские курсы в С.-Петербурге, затем окончила Бернский университет и к 1877 году присоединилась к исследовательской группе департамента биохимии в Берне, возглавлявшейся Марцелием Вильгельмовичем Ненцким (1847–1901), в качестве ассистентки последнего. В 1891 году Ненцкий получил приглашение на работу в создававшемся Институте экспериментальной медицины в С.-Петербурге, и Н. О. Зибер-Шумова приехала в Россию вместе с ним в качестве его сотрудницы¹⁰⁰⁴.

Евдокия Александровна Фомина (известная также как Фомина-Жуковская) (1860–1894) училась в Женевском университете. В 1889 году сдала экзамены, представила диссертацию

⁹⁹⁶ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 68.

⁹⁹⁷ Густавсон Г. Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой (написано тотчас после ее кончины) // Журнал Русского физико-химического общества. 1897. Т. XXIX. Отд. 1. С. 148–149.

⁹⁹⁸ Там же. С. 149.

⁹⁹⁹ Густавсон Г. Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой (написано тотчас после ее кончины)... С. 150.

¹⁰⁰⁰ Там же.

¹⁰⁰¹ Курсив автора. — О. В.

¹⁰⁰² Густавсон Г. Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой... С. 150.

¹⁰⁰³ См., например: Павлов И. П., Шумова-Симановская Е. О. Отделительный нерв желудочных желез собаки. (Предварительное сообщение). СПб., 1889; *Они же*. Иннервация желудочных желез у собаки. СПб., 1890.

¹⁰⁰⁴ Подробнее о Н. О. Зибер-Шумовой см.: Creese Mary R. S. Early women chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the history of chemistry. 1998. № 21. P. 21–22.

и была удостоена степени доктора химии Женевского университета. Работала в лаборатории Московского университета у В. В. Марковникова, в том числе в роли его личного ассистента¹⁰⁰⁵.

Наконец, Александра Николаевна Родзянко (1860–1898) училась на естественно-историческом отделении Киевских Высших женских курсов, занимала должность в лаборатории Военно-медицинской академии¹⁰⁰⁶.

Единственной женщиной, избранной в этот период в члены общества по отделению физики, была Анна Елисеевна Сердобинская¹⁰⁰⁷. Она, так же как и О. А. Давыдова, принадлежала к первому выпуску Бестужевских Высших женских курсов (1882 года), так же окончила специально-математическое отделение курсов. С 1883 по 1916 год преподавала физику на ВЖК и руководила практическими занятиями по физике¹⁰⁰⁸. В 1900-е годы опубликовала несколько работ¹⁰⁰⁹. Несмотря на 33-летнее преподавание, в статье Е. П. Барановой, посвященной истории кафедры физики Высших женских курсов, имя А. Е. Сердобинской названо всего дважды мельком. Один раз при упоминании, что «заведование физическим кабинетом в 1910 году было поручено Ф. Я. Капустину, а заведование хозяйством кабинета – А. Е. Сердобинской»¹⁰¹⁰, и второй раз при описании дополнительных занятий для старшекурсниц: «Эти занятия проводились сначала под руководством профессора С. Я. Терешина, которому помогали А. Е. Сердобинская и А. Г. Емельянова, затем Б. П. Вейнберга, который также читал лекции по методике физики»¹⁰¹¹.

Таким образом, самая старшая из женщин, избранных в члены Русского физико-химического общества с 1880 по 1891 год, родилась в 1852 году, самая младшая – в 1867-м. Все они получили высшее специальное образование либо в России, на Высших женских курсах (О. А. Давыдова, В. Е. Богдановская, А. Н. Родзянко, А. Е. Сердобинская), либо в европейских университетах (сестры Шумовы, Е. А. Фомина), либо начав свое образование в России, молодые женщины завершили его в Европе (В. Е. Богдановская). Все они искали возможности не только заниматься научными исследованиями, но и зарабатывать таким образом на жизнь, то есть все они стремились к профессиональной научной карьере. Почти все они (даже добившиеся докторских степеней) начали свои карьеры, после получения образования и степени, в роли ассистенток и лаборанток, обладая всеми задатками блестящих ученых. Именно этим желанием стать неотъемлемой частью профессионального научного сообщества, быть увиденными не только в роли технических помощниц можно объяснить их стремление стать членом научного общества. Однако, несмотря на наличие научных публикаций, поддержку авторитетных ученых своего времени и в целом благоприятное отношение научного сообщества, из всех них только одна женщина смогла подняться по карьерной лестнице выше чисто технической должности – Н. О. Зибер-Шумова.

Первой из них, уже в 1894 году, после продолжительной болезни умерла Е. А. Фомина-Жуковская (34 года). Результаты ее последней научной работы были опубликованы посмертно, в 1895 году, в «Журнале Русского физико-химического общества», а также отдельным

¹⁰⁰⁵ Мещуткин Н. А. [Е. А. Фомина-Жуковская. Некролог] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

¹⁰⁰⁶ Родзянко Александра Николаевна. Некролог // Женское дело. 1900. № 1. С. 123–124.

¹⁰⁰⁷ Даты жизни неизвестны. — О. В.

¹⁰⁰⁸ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. ... С. 18.

¹⁰⁰⁹ Сердобинская А. Е. Измерительные приборы: Конспект лекции, прочитанной в 1914–1915 уч[ебном] году. Пг., 1914; Сердобинская А. Е., Емельянова А. Г. Определение удельной теплоты металла по скорости охлаждения. СПб., 1901; Они же. Опыты с водой: Коллекция простых приборов для ознакомления с главнейшими свойствами воды. СПб., 1907.

¹⁰¹⁰ Баранова Е. П. Кафедра физики // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1965. С. 125.

¹⁰¹¹ Там же.

оттиском¹⁰¹². Ее докторская диссертация «Recherches sur quelques combinaisons du groupe de l'Euxanthone» (1882)¹⁰¹³ никогда не переводилась на русский язык. Ее участие в работах В. В. Марковникова не отразилось в публикациях. Единственное свидетельство ее участия в них – краткое упоминание об этом самого В. В. Марковникова, найденное современными биографами Е. А. Фоминой-Жуковской Н. И. Кокуриным и Г. Л. Кокуриной. Описывая свою работу по изучению циклогептанона (суберона), В. В. Марковников писал: «При окончании этого исследования и проверке прежних наблюдений я пользовался содействием Е. А. Фоминой-Жуковской, которой я приятным долгом считаю выразить мою благодарность. Со свойственным ей интересом и искусством она принимала участие в моих работах»¹⁰¹⁴.

В 1896 году, поранившись во время взрыва в лаборатории пробирки с синильной кислотой, умерла В. Е. Богдановская (29 лет), незадолго до этого вышедшая замуж и оставившая официальную службу. Начиная с 1891 года ею было опубликовано 5 статей в «Журнале Русского физико-химического общества», по крайней мере две зарубежные публикации¹⁰¹⁵. Посмертно был опубликован «Начальный учебник химии» (1897, 1901)¹⁰¹⁶ и двухтомное собрание статей (1898)¹⁰¹⁷.

В 1898 году умерла А. Н. Родзянко (38 лет), ко времени смерти нигде не служившая и занимавшаяся химией в собственной частной лаборатории.

В 1905 году умерла Е. О. Шумова-Симановская (53 года), в 1900-е годы работавшая вольнопрактикующим врачом. Ее публикации в этот период были сделаны вместе с сестрой и на базе Института экспериментальной медицины, в котором работала Н. О. Зибер-Шумова¹⁰¹⁸.

О. А. Давыдова с начала 90-х годов XIX века отошла от занятий химией и больше никогда к ним не возвращалась.

Таким образом, единственными женщинами из числа избранных в члены РФХО в 80-е годы (вплоть до 1891 года включительно), сделавшими продолжительную профессиональную карьеру, стали А. Е. Сердобинская и Н. О. Зибер-Шумова. Даты жизни А. Е. Сердобинской в настоящее время неизвестны. Можно предположить, что она умерла около 1916 года, прослужив, как уже упоминалось выше, в должности лаборантки ВЖК 33 года. Н. О. Зибер-Шумова после смерти своего руководителя Марцелия Ненцкого в 1901 году фактически заняла его пост и возглавила отдел, юридически продолжая оставаться ассистенткой, и только в 1912 году была назначена на эту должность официально, став таким образом третьей в XIX веке российской женщиной – руководителем научной организации и (или) научного подразделения в организации (после С. М. Переяславцевой, возглавлявшей фактически с 1878 года и юридически с 1880 года Севастопольскую биологическую станцию, и А. П. Преображенской, с 1891 года заведовавшей Центральной метеорологической станцией Новороссийска).

¹⁰¹² Фомина-Жуковская Е. А., Яковкин А. А. Результаты очистки фабричных сточных вод по способу Мазера и Плата. Из лаборатории Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. СПб., [1895]; Журнал Русского физико-химического общества. 1895. Т. 27. Вып. 5. С. 309–313.

¹⁰¹³ Fomina-Zhukovskaia, Evdokiia. Recherches sur quelques combinaisons du groupe de l'Euxanthone. Doctoral diss. University of Geneva, 1882.

¹⁰¹⁴ Цит. по: Кокурин Н. И., Кокурина Г. Л. Участие В. В. Марковникова и Н. Д. Зелинского в научной судьбе Е. А. Фоминой-Жуковской // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции. Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет МГУ, 2011. С. 54.

¹⁰¹⁵ Список публикаций В. Е. Богдановской см.: Библиографический указатель // Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889 гг.; 1893–1903 гг. СПб., 1903. С. 219.

¹⁰¹⁶ Богдановская В. Е. Начальный учебник химии. СПб., 1897; 1901.

¹⁰¹⁷ Богдановская В. Е. Очерки, статьи и отрывки. Т. 1–2. СПб., 1898.

¹⁰¹⁸ Шумова-Симановская Е. Н., Зибер-Шумова Н. О. Действие эрепсина и кишечного сока на токсины и абрин. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903. (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук» Т. 10. Вып. 1); *Они же*. Влияние бактериальных токсинов и virus fixe бешенства на окислительную функцию животного организма. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903. (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук». 1904. № 11. С. 68–78).

Подводя краткий итог, можно сказать, что участие в работе Русского физико-химического общества способствовало научному общению женщин, давало им доступ к публикации в профессиональном научном издании, помогая таким образом распространению их научной известности. Однако общество не имело возможности способствовать профессиональной карьере женщин, помимо, возможно, помощи в получении мест ассистенток и лаборанток, которую могли оказать отдельные члены общества, – помощи весьма существенной, когда речь шла о голодной смерти, но не очень ободряющей для молодых амбициозных людей, желавших добиться видимого успеха в избранном ими виде деятельности.

Таким образом, несмотря на полученное формальное научное образование и научный статус, а также содействие членов научного сообщества, женщины-химики, активно работавшие в 80-е – начале 90-х годов XIX века, либо вынуждены были вести свои исследования частным образом, либо бросали профессию, либо оставались в роли ассистенток, то есть технических помощниц, в течение многих лет, чья помощь безусловно ценилась, но даже далеко не всегда находила отражение в совместном авторстве научных публикаций.

Например, результаты работ, проводившихся в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов в период с 1884 по 1903 год, нашли отражение в 17 публикациях. Из них только 7 подписаны женщинами и 2 – совместные. (Распределение публикаций по годам, см. в таблице 11).¹⁰¹⁹

Американская исследовательница Mary R. S. Cress в статье, посвященной «Первым женщинам-химикам в России», на основании анализа «Каталога научных статей» («Catalogue of Scientific Papers») за 1800–1900 годы отмечала, что если в 70–80-е годы XIX века количество публикаций российских женщин-химиков было значительным и превышало число публикаций американских женщин-химиков (в 70-е годы) (при полном отсутствии публикаций англичанок), в 80-е годы – и американских, и английских, то в 1890-е годы количество статей, опубликованных российскими женщинами-химиками, было в два с лишним раза меньше, чем у англичанок, и в два раза меньше, чем у американок. И то же самое действительно для количества женщин-авторов¹⁰²⁰. Она пишет: «В период с 1870 (год, когда появились наиболее ранние статьи по химии, написанные женщинами) и вплоть до конца столетия американский вклад стабильно увеличивался, в то время как британские женщины, начавшие публиковаться только в 1880-х, были наиболее продуктивны в последнее десятилетие века. Русские, группа, состоявшая примерно из двадцати человек, особенно заметны, поскольку они были наиболее продуктивными из числа ранних работниц, произведших мощный старт в 1870-е и 1880-е, хотя их вклад уменьшился в последующее десятилетие»¹⁰²¹. Эта информация о спаде количества «женских» публикаций по химии российского происхождения в 90-е годы XIX века (по сравнению с предыдущим двадцатилетием) коррелируется с уменьшением количества женщин, принятых в члены Русского физико-химического общества в этот период времени.

Таблица 11. Публикации результатов научных исследований, проведенных в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов (1884–1903 гг.)

80-е гг. XIX в.		90-е гг. XIX в.		1900-е гг. (до 1903 г.)	
всего публикаций	женских публикаций	всего публикаций	женских публикаций	всего публикаций	женских публикаций
2	1	9	1 2 (совместные)	6	4

¹⁰¹⁹ Таблица составлена на основании: *Богомолец И. В.* Список работ, сделанных в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов // Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. С. 118–119.

¹⁰²⁰ См. таблицу на с. 19 и 20 в: *Creese Mary R. S.* Early women chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova...

¹⁰²¹ Ibid. P. 19.

Надо отметить, однако, что работа «вечных» ассистенток, чья квалификация часто значительно превышала их служебный статус, расценивалась в конце XIX – начале XX века несколько иначе, чем это сделали бы мы сегодня. Так, профессор И. В. Богомолец, в том или ином качестве преподававший на Высших женских курсах с 1879 года, в очерке, посвященном истории преподавания химии на С.-Петербургских (Бестужевских) Высших женских курсах, писал в 1903 году: «Ближайшим и наиболее естественным применением знаний химии является учебная деятельность по химии на курсах же, и мы имеем целый ряд бывших слушательниц, выбравших своею специальностью химию, которые служили и служат на курсах»¹⁰²². Упомянув далее о работе О. А. Давыдовой и В. Е. Богдановской, он продолжал: «В промежуток времени с 1895 по 1902 год последовательно Н. В. Богословская, В. А. Будатова и А. Д. Львова состояли ассистентами по неорганической и органической химии, и А. А. Якубова, О. М. Поппер и А. Ф. Цейдлер вместе с Г. Г. Густавсоном руководили практическими занятиями слушательниц по сельскохозяйственному анализу и по органической химии. Практическими занятиями по аналитической химии (количественным анализом) руководит в настоящее время А. Ф. Васильева...»¹⁰²³ В этих высказываниях чувствуется гордость человека, хорошо справившегося со своей работой.

Принятие женщин в члены Русского географического общества в 80–90-е годы XIX века также не было массовым (таблица 12)¹⁰²⁴.

Таблица 12. Женщины, принятые в состав Императорского Русского географического общества в 80–90-е гг. XIX в.

1880-е гг.			1890-е гг.		
всего членов	женщины		всего членов	женщины	
	всего	принятых в 1880-е гг.		всего	принятых в 1890-е гг.
904	6	4	1227	9	4

Из принятых в 1880-е годы две женщины являлись действительными членами, внесшими единовременно по 100 рублей на нужды общества: Зинаида Федоровна Радченко (1839–1916), избранная по отделению этнографии 8 апреля 1887 года¹⁰²⁵, и Ольга Христофоровна Агренева-Славянская (1847–1920), избранная также по отделению этнографии 20 января 1888 года¹⁰²⁶. Обе к моменту избрания известные собирательницы фольклора¹⁰²⁷. Из женщин, избранных в 1890-е годы, 2 являлись членами-соревнователями. В соответствии с уставом общества «лицо, которое принесет в дар обществу единовременно не менее трех сот рублей серебром, получает звание члена-соревнователя с выдачею ему на сие звание диплома за подписью председателя общества»¹⁰²⁸. Таким образом, без существенных денежных вкладов в

¹⁰²² Богомолец И. В. Химия // С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 120.

¹⁰²³ Там же.

¹⁰²⁴ Таблица составлена на основании: Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. 25 с.; Состав Императорского Русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891. 30 с.; Состав Императорского Русского географического общества на 1 февраля 1900 г. СПб., 1900. 80 с.; Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. СПб., 1913. 118 с.

¹⁰²⁵ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. ... С. 76.

¹⁰²⁶ Там же. С. 16.

¹⁰²⁷ См., например: Радченко З. Ф. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). Записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии. СПб.: Тип. Безобразова, 1888. 321 с.; Она же. Сборник малорусских и белорусских песен Могилевской губернии. [СПб.], 1911; Агренева-Славянская О. Х. О народной поэзии и песне. СПб., 1881; Она же. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М., 1887. Ч. 1–3 и др.

¹⁰²⁸ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. ... С. 15.

состав Русского географического общества в 1880-е годы было принято 2 женщины: 3 ноября 1882 года Анна Михайловна Раевская (1820–1883)¹⁰²⁹ и 1 мая 1887 года Александра Викторовна Потанина (1843–1893)¹⁰³⁰. И точно так же в 1890-е годы без существенных денежных вкладов было избрано всего две женщины. Одна из них – президент Русского археологического общества графиня Прасковья Сергеевна Уварова (избрана 30 ноября 1898 года)¹⁰³¹, другая – известная оперная певица и собирательница фольклора Евгения Эдуардовна Линева (1853–1919)¹⁰³² (избрана 1 декабря 1899 года¹⁰³³).

Правда, так же как и другие общества, Русское географическое общество приглашало участвовать в своей работе женщин, не являвшихся его членами, в том числе разрешало использовать им свои архивы для научных исследований. А. И. Фаресов, биограф писательницы Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой (1838–1900/1906), собиравшей материалы о сибирских народностях¹⁰³⁴, в своем биографическом очерке о ней опубликовал несколько писем к ней Михаила Викторовича Малахова (1856–1885), археолога, члена РГО, в которых помимо прочего обсуждается намерение Л. Х. Симоновой-Хохряковой поближе познакомиться с деятельностью РГО. Например, М. В. Малахов писал ей 14 февраля 1883 года: «Ваше прекрасное намерение к осени заниматься в геогр[афическом] общ[естве] непременно должно осуществиться; кроме того, что вы там будете иметь возможность следить за текущей литературой по интересующим вас вопросам, и будете пользоваться материалами, которые там специально собраны, – вы скорее всего в той среде встретите лиц, которые серьезно отнесутся к вашим работам; общение же великое дело и в этом отношении, – и продолжал: – <...> я надеюсь что с осени ваше имя будет в списке членов общества»¹⁰³⁵. Этого последнего, правда, не случилось (судя по имеющимся в нашем распоряжении спискам членов РГО), но какое-то сотрудничество, несомненно, имело место, поскольку уже 2 августа 1883 года М. В. Малахов писал ей: «Душевно приветствую ваше близкое вступление в круг деятелей географ[ического] общества, видеть Вас тут, как Вы знаете, мое давнишнее желание. <...> Кроме несомненной пользы, каковую географ[ическое] общество от Вас имеет все шансы ожидать, мне кажется, что эта деятельность будет иметь значение и лично для Вас, при чем я не говорю уже о известном нравственном удовлетворении. Архив геогр[афического] общ[ества], насколько я мог с ним ознакомиться, велик и обилен, но также как и во всем на Руси “порядка в нем нет”. Это для многих служит препоною к его пользованию. Вам, на первых же порах придется погрузиться в пыль и грязь, но зато и жатва будет хорошая»¹⁰³⁶.

Тем не менее, как уже упоминалось выше, число женщин – официальных членов РГО в 80–90-е годы XIX века было очень невелико и продолжало оставаться таковым. Надо отметить также, что в отличие от женщин, принятых в этот же период в члены Русского физико-химического общества, никто из избранных в РГО не только не обладал докторской степенью, но и не имел свидетельств о высшем образовании. Никто из них не претендовал на профессиональную научную карьеру и не занимал официальных должностей, кроме избранной одновременно

¹⁰²⁹ Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. С. 6.

¹⁰³⁰ Состав Императорского Русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891. С. 28.

¹⁰³¹ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. ... С. 112.

¹⁰³² О ней см.: *Калин-Новикова Е.* Собирательница русских народных песен Евгения Линёва / Ред. и предисл. Е. В. Гиппиуса. М., 1952.

¹⁰³³ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. ... С. 109.

¹⁰³⁴ К 80-м гг. XIX в. относится, например, ее очерк: *Симонова Л. Х.* Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб., 1883 (всего 7 изданий, последнее – в 1911 г.); *Она же.* Ильдна. Очерки из жизни остяков. СПб., 1886 (всего 4 издания, последнее в 1909 г.) и др.

¹⁰³⁵ Цит. по: *Фаресов А. И.* Забытая писательница и ее заслуги. (С портретом). СПб.: Тип. «Надежда», 1909. С. 19.

¹⁰³⁶ Там же.

с О. А. Федченко в 1877 году Александры Яковлевны Ефименко (1848–1918), приглашенной уже в 1900-е годы, точнее, в 1907 году, советом историко-филологического факультета курсов преподавать историю на С.-Петербургских Высших женских курсах¹⁰³⁷. Историк и этнограф, она стала первой женщиной – почетным доктором русской истории (1910), профессором ВЖК. Ее блестящая карьера неоднократно привлекала внимание прессы¹⁰³⁸. Характерно, что впоследствии одна из ее студенток, Е. Н. Чехова, писала в воспоминаниях: «Мы много внимания и забот видели и от других наших учителей. И все же большинство были “профессора”, между нами была какая-то грань. А с Александрой Яковлевной всегда было хорошо»¹⁰³⁹.

Скорее наоборот: многие из упомянутых нами женщин – членов РГО рассматривали свою работу как техническую помощь мужу в его деятельности. Как писали биографы А. В. Потаниной В. М. Зарин и Е. А. Зарина, «свою научную работу Потанина расценивала как черновую техническую помощь своему мужу»¹⁰⁴⁰. И это несмотря на то, что «кроме выполнения взятых на себя обязанностей ботаника и художника, А. В. Потанина приносила большую пользу экспедициям уже одним своим присутствием»¹⁰⁴¹ и что эта польза была замечена и оценена по достоинству современниками: «Современники Александры Викторовны не раз отмечали, что ее участие в экспедициях содействовало большему разнообразию собранных Г. Н. Потаниным коллекций и преобладанию в его трудах этнографических материалов»¹⁰⁴². Конечно, такая низкая самооценка подкреплялась тем, что, как писали Зарины, «проводя большую работу, Александра Викторовна не получала никакой платы за свой труд и не числилась в списках участников экспедиции ни под какой ученой рубрикой»¹⁰⁴³. Тем не менее все эти обстоятельства не мешали вполне самостоятельной научной работе, преимущественно в области этнографии. Список публикаций А. В. Потаниной содержит более 17 статей, опубликованных в том числе в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», журналах «Русское богатство», «Восточное обозрение» и других¹⁰⁴⁴.

Также нельзя не отметить, что почти все женщины, избранные в члены РГО в 80–90-е годы XIX века, были этнографами, а не географами. Из них только двое участвовали в продолжительных географических экспедициях, сопряженных с открытием и описанием новых земель, описанием орографии неизвестных горных массивов, созданием карт незнакомых территорий, описанием новых зоологических и ботанических видов, так же как и обычаев народов, населявших эти территории, – О. А. Федченко и А. В. Потанина.

Ниже мы приводим список наиболее масштабных экспедиций второй половины XIX – начала XX века, в научные результаты которых женщины внесли существенный вклад (таблица 13).

¹⁰³⁷ Быкова Т. А. Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 85.

¹⁰³⁸ См., например: Ефименко А. Я. // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 11. С. 111; Без. загл. // Женское дело. 1899. № 5. С. 114; Лекции А. Я. Ефименко // Женское дело. 1900. № 3. С. 120–121; А. Я. Ефименко // Ариан П. Н. Первый женский календарь на 1908 г. СПб., 1908. С. 18–25; Без. загл. // Женский вестник. 1910. № 7–8. С. 157; № 12. С. 251–252; Без. загл. // Нива. 1910. № 29. С. 522; Без. загл. // Речь. 1910. 16 окт. С. 6 (о присуждении докторской степени); 29 окт. С. 4; Покровская М. И. А. Я. Ефименко // Женский вестник. 1910. № 12. С. 251–252; Первая женщина – доктор русской истории // Ежемесячник. Известия по высшим, средним и низшим учебным заведениям Министерства народного просвещения. 1910. № 10. С. 307; А. Я. Ефименко // Ариан П. Н. Первый женский календарь на 1911 г. СПб., 1911. С. 191.

¹⁰³⁹ Чехова Е. Н. Александра Яковлевна Ефименко // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей... С. 187.

¹⁰⁴⁰ Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествия А. В. Потаниной. М.: Географгиз, 1950. С. 47.

¹⁰⁴¹ Там же.

¹⁰⁴² Там же.

¹⁰⁴³ Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествия А. В. Потаниной. М.: Географгиз, 1950. С. 47.

¹⁰⁴⁴ Список публикаций А. В. Потаниной см.: Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествия А. В. Потаниной... С. 99.

Таблица 13. Российские географические экспедиции, значительный научный вклад в достижение результатов которых внесли женщины (вторая половина XIX – начало XX в.)

Годы экспедиции	Организатор	Ф.И.О. женщины-участницы	Место назначения экспедиции
1868–1872	ОЛЕАЭ	О. А. Федченко (А. П. Федченко)	Туркестанская экспедиция: окрестности Ташкента, Самарканда, Зеравшанская долина, Искандеркуль, Кзылжумлы, Коканское ханство вплоть до Заалайского хребта
1876–1877	РГО	А. В. Потанина (Г. Н. Потанин)	Северо-Западная Монголия
1879–1880	РГО	А. В. Потанина (Г. Н. Потанин)	Северо-Западная Монголия
1884–1886	РГО	А. В. Потанина (Г. Н. Потанин)	Северный Китай, Восточный Тибет
1891–1892	Императорская академия наук	М. П. Черская (И. Д. Черский)	Кольмский край, устье реки Кольмы
1892–1893	РГО	А. В. Потанина (Г. Н. Потанин)	Центральная Монголия

Таким образом, единственной женщиной, участвовавшей в масштабной научной экспедиции, внесшей значительный вклад в ее успешное окончание в XIX веке и не избранной членом РГО, была Мавра Павловна Черская (1857–1940). В 1891 году она сопровождала своего мужа Ивана Дементьевича Черского (1845–1982), выдающегося геолога и географа, исследователя Сибири, в экспедиции, организованной Императорской Академией наук. Экспедиция состояла из супругов Черских и их несовершеннолетнего сына. Их караван вышел из Якутска 14 июля 1891 года по направлению к устью реки Амги. Биографы М. П. Черской В. М. Зарин и Е. А. Зарина отмечали, что на протяжении всего двухтысячекилометрового пути по горной территории, на которую не ступала нога геолога, были собраны ценнейшие естественнонаучные коллекции: «Даже самый сухой перечень собранных Черскими коллекций и работ, проведенных от реки Алдан до Верхне-Колымска, показывает, какие большие, разносторонние исследования выполнялись малочисленной экспедицией»¹⁰⁴⁵. Они также писали, что «Основной задачей Черского было изучение геологического строения огромной страны, лежащей к востоку от Лены»¹⁰⁴⁶.

Вклад М. П. Черской в экспедицию был вкладом технической помощницы в научных исследованиях, хозяйственного организатора и просто спутницы в чрезвычайно тяжелом (физически) путешествии. Экспедиция перезимовала в Верхне-Колымске и 31 мая 1892 года отправилась по реке в сторону Нижне-Колымска. И. Д. Черский был уже тяжело болен. В. М. Зарин и Е. А. Зарина приводят отрывок из письма, написанного со слов И. Д. Черского местным священником В. Сучковским в Академию наук перед отправлением экспедиции: «Я сделал распоряжение <...> чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска <...>. Я радуюсь тому, что успел познакомить жену с целью моих исследований и подготовить ее настолько, чтобы она сама могла после моей смерти закончить экспедицию до Нижне-Колымска»¹⁰⁴⁷. На этом последнем отрезке их совместного путешествия именно М. П. Черская выполняла все необходимые научные наблюдения: азимут (направление течения реки) на каждом конкретном участке, показания барометра и термометра, собирала образцы почв, найденные окаменелости и прочее. После 20 июня она же стала вести записи в дневнике¹⁰⁴⁸. 25 июня 1892 года И. Д. Черский умер. В кратких воспоминаниях, написанных по просьбе Якутской комиссии АН СССР, она рассказала: «24 июня муж мой слег и на утро его не стало. Ясно было, что продолжать экспедицию при создавшихся условиях не было возможности, и первой моей мыслью было – сдать отчетность и денежные суммы экспедиции», – что и было ею исполнено¹⁰⁴⁹.

¹⁰⁴⁵ Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествие М. П. Черской. М.: Географгиз, 1952. С. 25.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 27.

¹⁰⁴⁷ Цит. по: Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествие М. П. Черской... С. 41.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 42–43.

¹⁰⁴⁹ Черская М. П. Воспоминания о Колымской экспедиции 1892 г. / Публикация и введение С. В. Обручева // И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск: Иркутское книжн. изд., 1956. С. 303.

Тем не менее, похоронив мужа, М. П. Черская, вместо того чтобы повернуть назад и надеяться добраться до людей живой, продолжила экспедицию. В своих воспоминаниях она ничего не написала о том, что заставило ее изменить первоначальное решение и продолжать путь: «После похорон экспедиция двинулась по направлению к Нижне-Колымску вниз по течению реки Колымы, плывя на лодке среди однообразной дикой местности, низменной, безлесной, с жалкой тощей травой и кое-где низкорослыми, ползучими березами», – очень безлично писала М. П. Черская, как будто это и не она принимала потенциально смертельно опасное для ее жизни и жизни ее сына решение¹⁰⁵⁰. Она скрупулезно выполняла всю программу исследований, намеченную И. Д. Черским. 5 июля экспедиция пришла в Нижне-Колымск и вскоре повернула назад. «Хотя экспедиция считалась законченной, – писали Зарины, – Мавра Павловна, несмотря на самую неблагоприятную погоду, продолжала сбор коллекций. Она не могла забыть постоянного стремления Черского оправдать доверие Академии наук, оправдать надежды ученых, с нетерпением ожидавших результатов этого путешествия по неизведанным горам и рекам северо-востока Азии»¹⁰⁵¹. Несмотря на то что последняя экспедиция супругов Черских была организована Императорской академией наук, И. Д. Черского связывали с Русским географическим обществом давние и прочные узы, в том числе предыдущие экспедиции, совместные издательские проекты и прочее. Поэтому М. П. Черская также некоторым образом была одной из женщин, собиравшихся «около» РГО, хоть и не являвшихся его членами.

М. П. Черская, в отличие от многих своих современниц, занимавшихся научными исследованиями, не получила никакого образования, в том числе среднего, из-за своего гораздо более низкого социального происхождения. У нее не было самостоятельных научных публикаций. Она не могла сама заниматься научными исследованиями. Но ее вклад в географическое и геологическое изучение северо-востока Азии и особенно реки Колымы более чем значителен и, по нашему мнению, заслуживает наименования научного подвига.

Следует также отметить, что далеко не все общества начали принимать женщин в состав своих членов в 70-е годы XIX века. Например, основанное в 1817 году Императорское С.-Петербургское минералогическое общество приняло первых женщин в число своих членов только в середине 80-х годов XIX века, несмотря на то что ее Императорское Высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская являлась почетным членом и покровительницей общества с 30 января 1868 года.

В таблице 14 приведены имена женщин – членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества (таблица 14)¹⁰⁵².

Всего по списку 1890 года в составе Минералогического общества было 338 членов¹⁰⁵³. Из них две женщины.

Евгения Викторовна Соломко (Сотириадис) (1862–1898), первая в России женщина – доктор философии и геологии. Она окончила физико-математическое отделение С.-Петербургских высших женских курсов (1883 год, II выпуск). В 1885–1886 годах руководила занятиями слушательниц курсов по минералогии¹⁰⁵⁴. В ее краткой биографии Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал, что, окончив курсы, Е. В. Соломко «...продолжала заниматься геологией и палеонтологией под руководством проф[ессора] Иностранцева и прив[ат]-доц[ента] П. Н.

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 304.

¹⁰⁵¹ Зарин В. М., Зарина Е. А. Путешествие М. П. Черской... С. 54.

¹⁰⁵² Таблица составлена на основании: Пузыревский П. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества со времени его основания, 7 января 1817 года, по день его 50-ти летнего юбилея, 7 января 1867 года. СПб., 1867; Перозио П. Н. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества по день двадцатипятилетнего юбилея президентства его Императорского Высочества князя Николая Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского, 7-го мая 1890 года. СПб., 1890.

¹⁰⁵³ Подсчеты сделаны по: Перозио П. Н. Указ. соч.

¹⁰⁵⁴ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. С. 29.

Венюкова»¹⁰⁵⁵. Что «...благодаря участию и помощи проф[ессора] Иностранцева, Е. В. Соломко получила свободный доступ в С.-Петербургский университет и занималась в геологическом кабинете»¹⁰⁵⁶. Далее Е. В. Соломко училась в ряде европейских университетов. В 1887 году она получила степень доктора в Цюрихском университете. Опубликовала четыре научные работы: исследования по петрографии и палеонтологии¹⁰⁵⁷. Об одной из них Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал следующим образом: «Большая работа о юрских и меловых кораллах Крыма была ею сделана у проф. Циттеля. Это обстоятельная монографическая обработка кораллов, заключающая в себе интересные данные...»¹⁰⁵⁸ По сведениям Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, Е. В. Соломко (в замужестве Соломко-Сотириадис; 1887) состояла также членом С.-Петербургского общества естествоиспытателей¹⁰⁵⁹. Официально никогда нигде не служила и после замужества постепенно отошла от научной работы. Умерла в 1898 году в возрасте 36 лет.

Таблица 14. Женщины – члены Императорского С.-Петербургского минералогического общества (80-е гг. XIX в.)

№	Ф.И.О.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления в общество	Отделение/занятие/научная специальность
1	Сотириадис (урожденная Соломко) Евгения Викторовна		действительный член	11 декабря 1884 г.	дворянка Полтавской губернии, дочь действительного статского советника, инженера путей сообщения
2	Цветаева Мария Кузьминична	Москва	действительный член	11 февраля 1886 г.	преподавательница естествознания в женских гимназиях

Мария Кузьминична Цветаева (1852–?)¹⁰⁶⁰ получила образование на Лубянских высших женских курсах в Москве. Находясь в стесненных материальных обстоятельствах, преподавала сначала в Четвертой, а затем в Первой московских женских гимназиях¹⁰⁶¹, в свободное время занималась геологией и палеонтологией под руководством своего преподавателя Сергея Николаевича Никитина (1851–1909), служившего старшим геологом в Геологическом комитете. Как она писала в автобиографии, «совершила ряд поездок с геологической целью по губ[ерниям] Московской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Симбирской, Самарской и Саратовской. Собранный и частично обработанный материал с этих поездок находится в собрании Геологического комитета»¹⁰⁶². С 1885 года она принимала участие в составлении рефератов для издававшейся под редакцией С. Н. Никитина «Русской геологической библиотеки»¹⁰⁶³. В 1942 году, комментируя недавно вышедшую монографию В. А. Варсано-

¹⁰⁵⁵ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 401.

¹⁰⁵⁶ Там же.

¹⁰⁵⁷ См., например: *Solomko-Sotiriadis E. Stromatopora des devonischen System Russlands // Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. 1887. Bd. 23. P. 1–48; Eadem. Die Jura und Kreidekorallen der Krim // Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. 1888. Bd. 24. S. 67–231.*

¹⁰⁵⁸ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 402.

¹⁰⁵⁹ Там же.

¹⁰⁶⁰ Ф. Ю. Левинсон-Лессинг в цитируемой выше работе о женщинах-геологах указывает дату рождения М. К. Цветаевой «1854 год» (Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Указ. соч. С. 404); ту же дату указывает в биографическом очерке Д. В. Наливкин (Наливкин Д. В. Мария Кузьминична Цветаева // Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 40). Однако в автобиографической анкете, заполненной М. К. Цветаевой для включения в книгу А. П. Богданова «Материалы для истории зоологической деятельности в России с 1850 г.», она указала датой своего рождения 1852 год (Цветаева М. К. Автобиография // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25).

¹⁰⁶¹ Цветаева М. К. Автобиография // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

¹⁰⁶² Там же.

¹⁰⁶³ Русская геологическая библиотека, издаваемая Геологическим комитетом. Вып. 1—[17]. СПб., 1886–1930.

фьевой об А. П. Павлове¹⁰⁶⁴, В. И. Вернадский сделал подробную запись в своем дневнике, прокомментировав книгу В. А. Варсанюфьевой постранично. О М. К. Цветаевой, о которой В. А. Варсанюфьева отзывалась с большим уважением¹⁰⁶⁵, он писал, что она принимала участие в составлении геологической карты Поволжья: «На лето 1885 А. П. [Павлов] получил приглашение взять на себя листы [геологической карты] Поволжья № 91 и 110. Туда отправились С. Н. Никитин, Цветаева и А. П. [Павлов]. Когда я был молодым, в 1889 и 1890 [гг.] – я застал, что эта работа разрослась и в конце концов А. П. [Павлов] с ней не справился и ее не кончил. Это очень его волновало. Так она и не была закончена, думаю»¹⁰⁶⁶. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, скорее всего знавший М. К. Цветаеву лично, писал о ее работе: «...у нее остается очень мало времени для научных занятий; по ее собственному признанию, она занимается палеонтологией только на святках. Зато каждое лето за последние 10–15 лет М. К. Цветаева посвящает отдыху от педагогики, а именно геологическим экскурсиям». И продолжал: «С целью изучения геологического строения центральной России она исходила пешком почти весь бассейн Волги. Результатом этих экскурсий явились наблюдения, часть которых поступила в качестве сырого материала в распоряжение геолога С. Н. Никитина, отмечавшего это в надлежащих местах своих работ; большая же часть этих наблюдений еще не опубликована вследствие недостатка свободного времени для окончательной их обработки»¹⁰⁶⁷. Д. В. Наливкин, представитель более молодого поколения российских геологов, однако помнивший с детства некоторые споры отца и его коллег-геологов, писал об этом несколько иначе: «Работала она с ним (С. Н. Никитиним. — О. В.) долго, около 20 лет. Все эти годы собранные ею геологические материалы С. Н. Никитин включал в собственные труды. Поэтому геологические печатные работы у нее отсутствуют, а есть только палеонтологические»¹⁰⁶⁸. В. И. Вернадский не был бы согласен с этим высказыванием, если бы мог прочитать работу Д. В. Наливкина. В цитированной выше дневниковой записи, посвященной М. К. Цветаевой, он отмечал: «О Марии Кузьминичне Цветаевой очень трогательны выдержки из письма С. Н. Никитина к А. П. [Павлову] – рисует ее как очень хорошего человека. Я помню ее среди ближайших друзей А. П. [Павлова]»¹⁰⁶⁹. И добавлял со свойственной ему бесцеремонностью: «Говорили о ней как конкурентке М. В. [Павловой]. Мне кажется, она была очень некрасивой»¹⁰⁷⁰. М. К. Цветаева собрала, обработала и изучила значительную с научной точки зрения коллекцию каменноугольных наutilusоидей. Результаты этой работы были опубликованы¹⁰⁷¹. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал о них как о «самостоятельных», «обстоятельных и очень интересных»¹⁰⁷²; Д. В. Наливкин отмечал, что они «...содержат обширный новый материал, ранее никем не описанный, и представляют существенный вклад в русскую палеонтологию»¹⁰⁷³. И добавлял, что «пользуются ими и в насто-

¹⁰⁶⁴ Варсанюфьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: МОИП, 1941. 346 с.

¹⁰⁶⁵ Например, она пишет: «М. К. Цветаева была ученицей и сотрудницей С. Н. Никитина. <...>. сделавшись сама учительницей, стала отдавать все свои досуги геологии. Летом М. К. экскурсировала, то вместе с С. Н. Никитиним, то одна по его поручению, деятельно помогая ему в сборе палеонтологического материала. <...> М. К. была человеком скромным, искренним, бескорыстно преданным своим друзьям и своей педагогической и научной работе» (Варсанюфьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии / 2-е изд., испр. и доп. М.: МОИП, 1947. С. 74–75).

¹⁰⁶⁶ Вернадский В. И. Дневниковая запись от 24 октября 1942 г. // Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. С. 146.

¹⁰⁶⁷ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Указ. соч. С. 404.

¹⁰⁶⁸ Наливкин Д. В. Указ. соч. С. 40.

¹⁰⁶⁹ Вернадский В. И. Дневниковая запись от 24 октября 1942 г. ... С. 146.

¹⁰⁷⁰ Там же.

¹⁰⁷¹ Цветаева М. К. Головоногие верхнего яруса среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1888. Т. 5. № 3. 70 с.; Она же. Наутилиды и аммоны нижнего отдела среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1898. Т. 8. № 4. 70 с.

¹⁰⁷² Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Указ. соч. С. 404.

¹⁰⁷³ Наливкин Д. В. Указ. соч. С. 40.

ящее время»¹⁰⁷⁴, то есть в 1979 году. В 1897 году М. К. Цветаева участвовала в работе VII Международного геологического конгресса в С.-Петербурге и была избрана в состав его Организационного комитета¹⁰⁷⁵. В 1900 году она присутствовала на заседаниях VIII Международного геологического конгресса в Париже. В. А. Варсанофьева писала об этом: «На восьмом конгрессе числилось 62 русских члена и присутствовало 36. Среди них надо отметить А. П. Карпинского, А. П. [Павлова] и М.В. [Павлову], Ф. Н. Чернышева, И. В. Мушкетова, Ю. М. Шокальского, Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, В. И. Вернадского, В. А. Обручева, Н. Н. Яковлева, П. П. Пятницкого, М. К. Цветаеву и многих других»¹⁰⁷⁶. Помимо Императорского Минералогического общества М. К. Цветаева состояла членом Московского общества испытателей природы и С.-Петербургского общества любителей естествознания. Дата ее смерти в настоящее время остается неизвестной.

Таким образом, Минералогическое общество не спешило приглашать женщин в число своих членов. Приглашенные же в середине 80-х годов зарекомендовали себя состоятельными исследователями, либо получив официальное научное образование и ученую степень, либо занимаясь много лет полевыми исследованиями, либо публикуя научные труды. Однако из двух женщин, являвшихся членами общества с середины 80-х годов XIX века, ни одна не состояла на официальной службе, имевшей отношение к их научным исследованиям. Е. В. Соломко занималась научными исследованиями до замужества, М. К. Цветаева – в свободное от преподавания в средней школе время.

Русское энтомологическое общество, принадлежавшее к поколению научных обществ, возникавших в России на волне интереса к естественным наукам конца 50-х – 60-х годов XIX века, гораздо более молодое, чем Минералогическое общество, но старше Русского химического общества, было основано в 1859 году. Первых в своей истории женщин оно также приняло только в самом конце 80-х – начале 90-х годов (таблица 15)¹⁰⁷⁷.

Таблица 15. Женщины-члены Русского энтомологического общества (80–90-е гг. XIX в.)

№	Ф.И.О.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления
1	Дохтурова Анастасия Александровна	С.-Петербург	действительный член	1887
2	Вагнер Екатерина Николаевна	С.-Петербург	действительный член	1892

Всего к 1 декабря 1891 года в обществе состояло 196 человек, из них одна женщина. В течение 1892 года в состав общества было принято 15 человек, в том числе снова одна женщина. Таким образом, к 1 декабря 1892 года в составе Энтомологического общества было 211 человек, из них 2 женщины¹⁰⁷⁸. Об А. А. Дохтуровой и ее научной деятельности в настоящее время не удалось обнаружить никаких сведений. Екатерина Николаевна Дзвонкевич была дочерью известного революционера-народника, осужденного на «вечную каторгу», Н. Н. Дзвонкевича. В 1889 году она окончила физико-математическое отделение С.-Петербургских Высших женских курсов (VIII выпуск)¹⁰⁷⁹. После окончания курсов некоторое время занималась на Севастопольской биологической станции под руководством С. М. Переяславцевой и

¹⁰⁷⁴ Там же.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 40–41.

¹⁰⁷⁶ Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии / 2-е изд., испр. и доп. М.: МОИП, 1947. С. 145.

¹⁰⁷⁷ Таблица составлена на основании: Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1890 г. // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1892. Т. XXVI. С. XXIII–XXVIII; Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1892 г. // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1893. Т. XXVII. С. XXXIV–XXXIX.

¹⁰⁷⁸ Подсчеты сделаны по: см. предыдущую сноску. – О. В.

¹⁰⁷⁹ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. ... С. 84.

по результатам этих занятий «опубликовала <...> работу по эмбриологии ракообразных»¹⁰⁸⁰. М. А. Кожевникова коротко рассказала об этой работе в своих воспоминаниях о С. М. Переяславцевой. Она писала, что во время заведования Севастопольской биологической станцией С. М. Переяславцева помимо других исследований выполнила и опубликовала две работы по истории развития Amphipoda. «Последние две работы, – писала М. А. Кожевникова, – составляли только часть обширного задуманного ею исследования по истории развития Amphipoda, которое она предполагала осуществить при содействии молодых женских сил; как части этого труда были напечатаны еще три статьи – 2 мои и 3-я [оспо]жи Вагнер. На этом все и кончилось, по независящим от Софьи Михайловны обстоятельствам»¹⁰⁸¹. Наверно, во время обучения на курсах у профессора Н. П. Вагнера, преподававшего зоологию, Е. Н. Дзвонкевич познакомилась с его сыном Юлием Николаевичем Вагнером, также зоологом, и вышла за него замуж. Сохранилась информация о том, что она сопровождала мужа на съездах русских естествоиспытателей и врачей, однако информации о ее собственной научной деятельности в настоящее время нет. Составители «Памятной книжки» ВЖК отметили в 1903 году, что она «занимается научно-литературной работой»¹⁰⁸². Однако списка своих публикаций для этого издания Е. Н. Вагнер не прислала¹⁰⁸³.

Среди женщин, выступавших с сообщениями на заседаниях Русского энтомологического общества в указанный период и публиковавших свои работы в его изданиях, была еще одна, чье имя, однако, не вошло в состав списка членов общества, – О. Г. Полетаева. Обнаружить какие-либо биографические сведения о ней пока не удалось за исключением того, что она принимала участие (в роли зарегистрированного члена) в работе VI и VIII съездов русских естествоиспытателей и врачей в 1879 году и 1889/1890 годах в С.-Петербурге, посетив заседания секций энтомологии и физиологии¹⁰⁸⁴. Тем не менее «Указатель сообщений, сделанных на общих собраниях Русского энтомологического общества за 35 лет его существования (1859–1894)» содержит информацию о том, что О. Г. Полетаева была единственной женщиной, выступавшей на заседаниях Русского энтомологического общества в указанный период времени. Она выступила с четырьмя докладами, содержание трех из которых было изложено в протоколах общества (таблица 16)¹⁰⁸⁵.

Таблица 16. Список докладов, сделанных О. Г. Полетаевой на заседаниях Русского энтомологического общества

Название доклада О. Г. Полетаевой на заседании РЭО	Год выступления (публикации)	Том «Трудов Р. Э.О.»	№ стр.
«О двигательных органах личинок различных стрекоз. Neuroptera»	1879	—	—
«О сердце насекомых»	1879	XII	64
«О причинах расправления крыльев у насекомых при переходе их в совершенное состояние»	1881	XIII	44
«Дополнение к списку Odonata С.-Петербургской губ[ернии] Neuroptera»	1884	XIX	5

¹⁰⁸⁰ Фаусек В. Зоология // С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 128.

¹⁰⁸¹ Кожевникова М. А. Софья Михайловна Переяславцева // Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905. С. 385.

¹⁰⁸² Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. ... С. 84.

¹⁰⁸³ Там же. С. 235.

¹⁰⁸⁴ Список членов VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20 по 30 декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 22; Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 28 декабря – 7 января 1890 г. СПб., 1889. С. 117.

¹⁰⁸⁵ Таблица составлена на основании данных, представленных в: Указатель сообщений, сделанных на общих собраниях Русского энтомологического общества за 35 лет его существования (1859–1894) / Сост. В. В. Мазаракый. СПб., 1899. 58 с.

Указатель статей, опубликованных в двух изданиях Русского энтомологического общества с 1850 по 1886 год, содержит информацию о четырех статьях О. Г. Полетаевой (таблица 17)¹⁰⁸⁶.

Таблица 17. Список публикаций О. Г. Полетаевой в периодических научных изданиях Русского энтомологического общества

Название публикации О. Г. Полетаевой (Polétajeff, Olga)	«Horae S.E.R.»*	«Труды Р.Э.О.»**
«Quelques mots sur les organes respiratoires des larves des Odonates»	XV	
«Заметка о причинах расправки крыль-ев насекомого при переходе его в совершенное состояние (Notice sur le développement des ailes chez les insectes)»		XIII
«Петербургские Одонаты (Les Odonates de St. Pétersbourg)»		XI
«Несколько слов об органах дыхания личинок стрекоз (Quelques mots sur les organes respiratoires chez les nymphees des Libellules)»		XI

* «Horae S. E.R.» – «Horae societatis entomologicae rossicae».

** «Труды Р. Э.О.» – «Труды Русского энтомологического общества».

Таким образом, О. Г. Полетаева, не являясь официальным членом общества, тем не менее в период с конца 70-х годов и до середины 80-х годов XIX века регулярно выступала на заседаниях общества и так же регулярно публиковала свои работы в его периодических изданиях.

Несколько другой была политика в отношении принятия в члены общества женщин молодого (по сравнению со всеми исследованными нами ранее) Русского астрономического общества, основанного в 1891 году. В первый год существования РАО в его составе насчитывалось 132 члена, из них 4 женщины (3 % от общего количества членов общества), в том числе (таблица 18)¹⁰⁸⁷.

Таблица 18. Женщины – члены Русского астрономического общества в год его основания (1891 г.)

№	Ф.И.О.	Место жительства	Дата вступления в общество	Статус в обществе
1	Фон Глазенап Татьяна Захаровна	С.-Петербург	—	действительный член
2	Фон Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	—	действительный член
3	Исакова Елисавета Эммануиловна	С.-Петербург	—	действительный член
4	Корвин-Петровская Мария Габриэля Стефаниа	—	—	действительный член

Через десять лет, к 1901 году, Русское астрономическое общество насчитывало 297 человек, из них 21 женщину, что составляло 7 % от общего количества членов общества¹⁰⁸⁸. Фактически новая женщина избиралась в состав РАО каждый год в течение 90-х годов XIX века (кроме 1892 и 1895 годов), в большинство лет – две-три женщины в год, как это видно из таблицы 19)¹⁰⁸⁹.

¹⁰⁸⁶ Таблица составлена на основании: Список статей, помещенных в изданиях Русского энтомологического общества за 25 лет его существования. 1859–1884. СПб., 1886. 16 с.

¹⁰⁸⁷ Таблица составлена на основании: Состав Русского астрономического общества // Известия Русского астрономического общества. 1892. Вып. 1. С. 181–188.

¹⁰⁸⁸ Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1–3. СПб., 1901. С. 105–128.

¹⁰⁸⁹ Таблица составлена на основании: Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. ... С. 105–128.

Социальное положение этих женщин было очень разным: от титулованных дам (княгини М. Н. Оболенская и Е. Ф. Барклай-де-Толли-Веймарн, графиня Н. А. Бобринская), потомственной дворянки Н. М. Субботиной (дочери инженера М. Г. Субботина, возглавлявшего техническую дирекцию правления Сормовских заводов) до родившейся в порте Аяне (фактории русско-американской торговой компании) А. И. Фрейберг, прослужившей 29 лет в правлении Невской пригородной конно-железной дороги за грошовую плату. Среди них также две первые женщины – сотрудницы Пулковской обсерватории: Е. А. Максимова и М. В. Жилова. Все они, за одним исключением, жительницы С.-Петербурга или его окрестностей. Эта разница в социальном происхождении, уровне материального благосостояния, а также в уровне образования – очень любопытный факт: в одном времени и в одном месте встретились и смешались представительницы различных социальных слоев, выходцы из которых преобладали среди российских женщин-исследовательниц в разные периоды XIX века: от представительниц аристократических семей, занимавшихся науками в начале – первой половине XIX века, дочерей генералитета, университетских профессоров, академиков – в 60–70-е, даже 80-е годы XIX века и до появления в 90-е годы (ближе к их второй половине) выходцев из семей преподавателей средних учебных заведений, иногда купеческих семей, семей мелких служащих, священников. Наглядная демонстрация расширения круга женщин, получавших образование, достаточное для того, чтобы заинтересоваться научной деятельностью.

В последующие годы, однако, женский состав Русского астрономического общества значительно пополнился за счет выпускниц С.-Петербургских высших женских курсов. Из их числа в общество были приняты И. Н. Леман (1903 год), Л. И. Терентьева (1905 год), Е. С. Мартыанова (1906 год), Н. В. Войткевич (1913 год), В. А. Россовская (1913 год), Е. С. Рубинштейн (1913 год), М. Н. Абрамова (1914 год), Н. М. Штауде (1914 год), Л. С. Ангелицкая (1915 год), О. А. Иванова (1915 год), А. Н. Струйская (1915 год), и это неполный список¹⁰⁹⁰.

На примере Русского астрономического общества мы видим начало преодоления стагнации, характерной для сотрудничества женщин-ученых с российскими научными обществами в 90-е годы XIX века. Однако в 1900-е годы ситуация с вовлечением женщин в профессиональную интеллектуальную деятельность в целом и в научные исследования в частности начинает меняться, и ее следует рассматривать отдельно. Подводя же итог изучению сотрудничества российских женщин с национальными научно-исследовательскими обществами в 60–90-е годы XIX века, следует отметить, что общества сыграли большую, возможно, решающую роль в признании женщин-исследовательниц равными и полноправными членами научного сообщества. Несмотря на то, что сотрудничество это было различным для различных областей знания и различных регионов страны, несмотря на то, что оно имело более интенсивные и менее интенсивные периоды, а также на то, что ни общества, ни их члены по отдельности не имели возможности изменить юридическое положение женщин и, следовательно, предоставить им возможности равной профессиональной карьеры в России, именно научные общества предоставляли женщинам равные возможности для полноценной «научной» жизни в указанный период времени. Это были возможности участвовать в научных мероприятиях, получать доступ к информации о новейших научных достижениях, участвовать в коллективных научно-исследовательских, научно-организационных, научно-издательских проектах, в географических экспедициях. А также возможность представлять результаты своих исследований на рассмотрение коллег, публиковать результаты своих научных работ в профессиональных научных изданиях.

¹⁰⁹⁰ Данная информация взята из: *Костина Л. Д.* Женщины-астрономы Русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общество при АН СССР, 1987. С. 77.

Таблица 19. Избрание женщин в члены Русского астрономического общества в 90-е гг. XIX в.

№	Ф.И.О.	Место жительства	Дата вступления в общество	Статус в обществе
1	Фон Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	13 февраля 1891 г.	действительный член
2	Фон Глазенап Татьяна Захарьевна	С.-Петербург	13 февраля 1891 г.	действительный член
3	Оболенская Мария Николаевна, княгиня	С.-Петербург	13 марта 1891 г.	действительный член
4	Бобринская Надежда Александровна, графиня	С.-Петербург	18 марта 1893 г.	действительный член
5	Горбунова Александра Евстафьевна	С.-Петербург	13 января 1894 г.	действительный член
6	Максимова Евгения Александровна	Пулково	17 марта 1894 г.	действительный член
7	Фрейберг Алина Ивановна	село Александровское	17 ноября 1894 г.	действительный член
8	Маиевская Елена Андреевна	С.-Петербург	7 апреля 1894 г.	член-соревнователь
9	Жилова Мария Васильевна	Пулково	14 декабря 1895 г.	действительный член
10	Теплякова Валентина Петровна	С.-Петербург	18 января 1896 г.	действительный член
11	Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	18 апреля 1896 г.	член-соревнователь
12	Масловская Анна Николаевна	С.-Петербург	7 мая 1896 г.	действительный член
13	Стахович Вера Степановна	С.-Петербург	13 марта 1897 г.	действительный член
14	Брауншвейг Софья Родионовна	С.-Петербург	24 апреля 1897 г.	действительный член
15	Ламанская Александра Карловна	С.-Петербург	18 декабря 1897 г.	действительный член
16	Домбровская София Михайловна	С.-Петербург	24 сентября 1898 г.	действительный член
17	Полумордвинова Ольга Васильевна	С.-Петербург	18 марта 1899 г.	действительный член
18	Субботина Нина Михайловна	С.-Петербург	13 мая 1899 г.	действительный член
19	Барклай-де-Толли-Веймарн Екатерина Федоровна, княгиня	Рим	25 ноября 1899 г.	действительный член
20	Тихомирова Варвара Николаевна	С.-Петербург	30 марта 1900 г.	действительный член
21	Лоран Евфросиния Калишишна	С.-Петербург	22 марта 1901 г.	действительный член

Часть 4

Женщины – «любительницы наук» vs женщины – «профессиональные ученые» в российской науке в 1900-е годы

Глава 1

На старте – первые женщины на службе в высших учебных и ученых учреждениях Российской империи в 1900-е годы

Отлично! Возьмите барышню! ... Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!
Из разговора Д.И Менделеева с И. М. Чельцовым. 1898 г.

К середине 90-х годов XIX века в стране стремительно менялась экономическая ситуация. И если в 70-е годы многих девушек в университеты приводило желание «стать полезными», трудиться на благо народа, то в 80-е и особенно в 90-е годы искать работу их все чаще и чаще заставляла необходимость. И, разумеется, девушки, происходившие из высших сословий, не могли и не хотели искать себе работу прислуги, судомоек, портних и других рабочих профессий. Вполне естественно, что, следуя примеру своих братьев, они хотели получить профессии учителей, врачей, юристов и ученых. А вместе с профессиями и оплачиваемую работу. Как вспоминала Н. В. Стасова, одна из основоположниц высшего женского образования в России, «общественный строй переменился. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к тому толкала тоже и сама необходимость»¹⁰⁹¹.

Как мы упоминали выше, уже в середине 70-х годов XIX века под давлением общественных кругов правительство было вынуждено пойти на уступки и разрешить открытие так называемых Высших женских курсов, одновременно затрудняя всячески их создание и обставив это дело множеством препон и запретов, как, например, запретом помещать объявления в прессе о сборе денег для курсов; разрешением открывать их только в университетских городах; требованием от поступающих на курсы девушек, помимо гимназических аттестатов и справок о благонадежности, письменного разрешения родителей или мужей, справки о благосостоянии и пр. и пр. Разумеется, на протяжении достаточно длительного периода времени программа обучения на курсах также не соответствовала университетской. И, наконец, самое главное: курсы не выдавали окончившим их слушательницам государственного диплома и, соответственно, не давали никаких прав, кроме тех, которые предусматривались дипломом женской гимназии. Одним словом, давая разрешение на открытие курсов, правительство только сделало вид, что готово пойти на компромисс, при этом использовав против добивавшихся перемен женщин их собственную аргументацию. Дело в том, что с самого начала движения за доступ женщин к высшему образованию инициативная группа выбрала линию аргументации, основываясь на офи-

---

¹⁰⁹¹ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

циальной идеологии: с одной стороны, надеясь победить существующую систему с помощью ее же собственной логики, а с другой – подчеркивая, что они не требуют глобальных перемен и готовы играть по старым правилам. Обосновывая свои просьбы допустить девушек в университеты, они писали о том, что необходимо давать основательное образование будущим матерям, поскольку именно матери воспитывают граждан империи, а делать это в домашних условиях становится все труднее. Таким образом, они не упоминали о желании женщин (а часто и настоятельной необходимости) иметь достойную профессию и стабильный заработок, о том, что государство может нуждаться в их услугах, и тем более о том, что каждый человек, наделенный от рождения свободой воли, имеет право учиться, чему пожелает, и использовать свои познания так, как сочтет нужным (если только не для причинения вреда окружающим). Однако, подчеркивая свою принадлежность традиционной системе ценностей, организаторы высших женских курсов сами вырыли себе яму. Правительство сочло убедительным их доводы о том, что будущие матери должны получать более серьезное образование, чем это возможно в средних учебных заведениях. Соответственно, открытие Высших женских курсов было разрешено (хоть и с оговорками). Но ведь будущим матерям не нужны дипломы. Поэтому выпускницы курсов этих дипломов получать не будут.

Однако общественная потребность была слишком велика, и, несмотря ни на какие препоны, дело начало развиваться. С течением времени Высшие женские курсы открылись не только в Петербурге (1878 год) и Москве (1872 год), но и в других городах империи. Постепенно они обзавелись собственными помещениями, оборудованием, научными коллекциями и библиотеками. Молодые магистры и приват-доценты в ожидании защиты докторской диссертации и профессорской должности в университете были рады дополнительному заработку, а университетские профессора – возможности устроить себе дополнительную лабораторию. Благодаря тому и другому курсы не испытывали недостатка в преподавателях. Уровень слушательниц, поступавших на курсы, постепенно повышался. Одним словом, Высшие женские курсы все больше и больше стали походить на университеты¹⁰⁹². При этом они по-прежнему не выдавали никаких дипломов, и их окончание не давало никаких прав не только гражданских, но и профессиональных. Иногда даже наоборот, свидетельство об окончании Высших женских курсов служило поводом для отказа в получении места. Например, уже летом 1912 года канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа отвечала бывшей слушательнице С.-Петербургских Высших женских курсов М. И. Юферевой: «Госпоже окончившей С.-Петербургские Высшие женские курсы М. И. Юферевой. Канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа, по распоряжению начальства, имеет честь уведомить Вас, милостивая государыня, в ответ на прошение от 26 января сего года о предоставлении должности учительницы в одном из средних учебных заведений округа, что без особой рекомендации кого-либо из лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения, окончившие Высшие женские курсы на службу в Западно-Сибирский учебный округ не принимаются»¹⁰⁹³. Естественно, такая ситуация не могла не вызывать недовольства всех заинтересованных лиц, тем более что европейские университеты выдавали российским женщинам не только дипломы, но и докторские степени уже начиная с конца 60-х годов XIX века.

К сожалению, не существует точных данных о количестве российских женщин, получивших дипломы и ученые степени в зарубежных университетах к началу 90-х годов XIX века.

¹⁰⁹² Подробно об истории развития в Российской империи высшего женского образования см.: *Иванов А. Е.* Женский вопрос в российской высшей школе. Выпускницы средних женских учебных заведений: выбор профессии, его мотивы // *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. С. 102–170; *Он же.* Студентки и курсистки: численность, социальный, вероисповедно-национальный и возрастной состав // Там же. С. 171–235.

¹⁰⁹³ Письмо правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа [Ю. Орлова] М. И. Юферевой. 23 июня 1912 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 81. Л. 58.

Однако, по приблизительным оценкам, их число перевалило за несколько сотен. Прежде всего, это были врачи. При надлежащем упорстве они могли добиться разрешения сдать специальный экзамен на право вольной медицинской практики в России, как это делал любой иностранный специалист. Женщины же, овладевшие другими специальностями, могли рассчитывать в основном на преподавание в начальных классах женских гимназий. В целом и то и другое не особенно обращало на себя внимание окружающих. Что касается Высших женских курсов, действовавших в России, то они, наоборот, привлекали повышенное внимание общественности. Публику интересовали и количество окончивших студенток, и их последующие занятия, и гражданское состояние. К середине – концу 90-х годов XIX века только Бестужевские курсы в С.-Петербурге просуществовали достаточно длительный срок¹⁰⁹⁴ и достигли приемлемого научно-образовательного уровня, чтобы статистические данные об их выпускницах могли предоставить репрезентативный материал о характере профессиональной деятельности женщин, получивших высшее образование на родине. Считая дело высшего женского образования некоей важной миссией, организаторы курсов позаботились о сборе и публикации статистических сведений, опубликовав целый ряд так называемых «Памятных книжек окончивших курс на Бестужевских С.-Петербургских Высших женских курсах».

Согласно данным «Памятной книжки» 1903 года издания, содержащей сведения обо всех выпусках курсов начиная с первого, 1882 года, и заканчивая 1903-м (исключая 1890–1892 годы, когда выпусков не было), за указанный период курсы окончили, то есть сдали все необходимые выпускные испытания, 2229 женщин. Из них 2116 слушательниц и 113 вольнослушательниц. Из указанных выше к 1903 году умерло 67 человек, не удалось найти никаких сведений о 218. Занятия остальных распределялись следующим образом (см. таблицу 1)¹⁰⁹⁵.

Абсолютное большинство девушек работало учительницами в средней школе. Только 35 человек (или 1,5 %) в тот или иной период времени работали в высшей школе и только 39 (или 1,7 %) провели какое-то время в роли сотрудниц научных учреждений. В общей сложности на 1903 год 74 человека из 2229 официально окончивших курсы (или примерно 3,3 %) имели опыт работы в высших учебных или научных организациях. Еще некоторое количество занималось самостоятельными научными исследованиями на правах любительниц.

Таблица 1. Занятость выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов (1882–1903 гг.)

Область деятельности	Профессия	Количество занятых выпускниц ВЖК
педагогическая деятельность	преподавательницы в начальных и средних учебных заведениях разного рода, владелицы подобных заведений, живущие частными уроками, и т. п.	960 человек
	ассистентки, преподавательницы в высших учебных заведениях, руководительницы практических занятий в высших учебных заведениях	35 человек
медицинская деятельность	врачи и доктора медицины (зарубежных университетов)	54 человека
	фельдшерницы, акушерки, зубные врачи, массажистки	32 человека
сотрудницы научных учреждений	сотрудницы научных лабораторий, обсерваторий и т. п.	39 человек
литературный труд	занимаются литературным или научным трудом, переводами и т. п.	123 человека
служащие	служащие казенных и частных контор, банков, правлений железных дорог, библиотек и пр.	91 человек
другие виды деятельности	сельское хозяйство, сценическая деятельность	15 человек
продолжали образование		171 человек

¹⁰⁹⁴ По указу правительства в 1886 г. все существовавшие в стране Высшие женские курсы были закрыты под предлогом необходимости реформирования всего дела высшего женского образования. Исключение составили Бестужевские курсы (С.-Петербург), слушательницам которых в результате беспрецедентных усилий попечителей было разрешено окончить курс обучения. Но и здесь прием новых студенток был закрыт вплоть до 1889 г.

¹⁰⁹⁵ Таблица составлена на основании данных, взятых из: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889, 1893–1903 гг. / 4-е изд. СПб., 1903. Приложение.

В отечественной историко-научной литературе существует мнение, что со времени основания Высших женских курсов вся научно-исследовательская работа женщин в нашей стране была связана так или иначе именно с их деятельностью. Например, Ю. С. Мусабеков писал об этом: «Все видные женщины-химики дореволюционной России в своей творческой работе в той или иной степени были связаны с Высшими женскими курсами в С.-Петербурге...»¹⁰⁹⁶ Л. Д. Костина, автор очень интересного исследования «Женщины-астрономы Русского астрономического общества», тем не менее ограничила поле своего исследования следующим образом: «В статье пойдет речь о деятельности женщин-астрономов РАО. Женщинами-астрономами мы считаем выпускниц ВЖК, поступавших начиная с 1895 года на работу в Пулковскую обсерваторию, ассистенток кафедры астрономии ВЖК, слушательниц, которые учились на физико-математическом факультете ВЖК и участвовали в работе РАО, не будучи членами этого общества»¹⁰⁹⁷. В то время как мы увидели при изучении списков РАО, что из 21 женщины, состоявшей в обществе к 1 мая 1901 года, только две работали в Пулкове и были выпускницами ВЖК (Е. А. Максимова и М. В. Жилова), еще одна (Н. М. Субботина) в более поздний период (примерно с 1905 года) стала вольнослушательницей ВЖК, будучи принятой в члены РАО гораздо раньше своего появления на курсах¹⁰⁹⁸. И даже когда в 1900-е годы число женщин – членов РАО значительно увеличилось за счет недавних выпускниц ВЖК, они все равно составляли не больше половины (примерно) от числа всех женщин – членов общества¹⁰⁹⁹. Таким образом, это мнение не совсем соответствует действительности. Тем не менее С.-Петербургские Высшие женские курсы предоставляли своим выпускницам возможность работы в качестве младшего преподавательского персонала начиная с самого первого выпуска. Из первого выпуска физико-математического отделения Бестужевских курсов трое сразу же получили работу на курсах как руководительницы практических занятий (по кафедрам физики, химии и математики), еще одна – через два года (кафедра математики) и еще одна выпускница через пять лет получила работу преподавателя ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах (таблица 2)¹¹⁰⁰.

Из второго выпуска, 1883 года, одна выпускница получила работу в 1883 году, еще одна в 1884-м и одна в 1885 году (таблица 3)¹¹⁰¹.

Однако из числа выпускниц 1884, 1885, 1886 годов на курсах не остался работать никто. Выпускница 1887 года В. Е. Богдановская поступила на службу на ВЖК после получения степени доктора в зарубежном университете, то есть только в 1892 году. Никто другой из выпусков физико-математического отделения 1887, 1888 и 1889 годов не получал преподавательской или научно-технической работы на ВЖК. В 1890, 1891, 1892 годах выпусков не было, поскольку с 1886 года был закрыт прием на курсы. Из выпуска 1893 года одна выпускница руководила практическими занятиями по химии через два года после окончания курсов, в 1895 году. В 1894 году должность ассистентки по кафедре химии была предложена одной выпускнице (начиная с 1894 года); еще одна в тот же год начала руководить практическими занятиями по агрономической химии (таблица 4)¹¹⁰².

¹⁰⁹⁶ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 10.

¹⁰⁹⁷ Костина Л. Д. Женщины-астрономы Русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общество при АН СССР, 1987. С. 77.

¹⁰⁹⁸ Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1–3. 1901. С. 105–128.

¹⁰⁹⁹ О вступлении в РАО выпускниц ВЖК см.: Костина Л. Д. Указ. соч. С. 77.

¹¹⁰⁰ Таблица составлена на основании: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903.

¹¹⁰¹ Таблица составлена на основании: см. предыдущую сноску, с добавлением данных из справочно-библиографической рукописи: Бестужевские курсы. Б.м., Б.д. (место хранения: научно-справочный отдел Российской государственной библиотеки).

¹¹⁰² Таблица составлена на основании: см. предыдущую сноску.

Таблица 2. Выпускницы первого выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1882 г.), получившие работу на женских курсах

Ф.И.О.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Величко Мария Васильевна, С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по математике	1885–1886	
Гоштовт Лидия Симоновна, (Крутовская)	1882 (физико-математическое отделение)		1888–1895	преподавательница ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах
Давыдова Ольга Александровна	1882 (специально-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по химии	1883–1886	
Сердобинская Анна Елисеевна, С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	преподаватель физики; руководитель практических занятий по физике	1883–1916	имеет публикации
Равич Вера Иосифовна (Шиф), С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководитель практических занятий по математике; преподаватель математики	с 1883 г. с 1889 г.	имеет публикации

Из числа следующих выпусков (вплоть до 1903 года) в роли различного вспомогательного педагогического персонала на курсах работали 22 выпускницы (таблица 5)¹¹⁰³.

Таким образом, после предоставления работы на курсах выпускницам первых двух выпусков, 1882 и 1883 годов, в течение последующих 10 лет вплоть до 1893 года никто из выпускниц не имел подобной возможности. Кроме того, нельзя не отметить, что продолжительность работы выпускниц на курсах была различной, но, как правило, непродолжительной. В соответствии с цифрами, приведенными в таблицах 2–5, 6 женщин проработали на курсах около одного года каждая; 6 – по три года; одна – 4 года и одна 5 – лет. По двое проработали по 7 и 8 лет. Но как минимум шесть женщин проработали на ВЖК от 13 до 33 лет.

Таблица 3. Выпускницы второго выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1883 г.), получившие работу на женских курсах

Ф.И.О.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Погожева Лидия Николаевна (Абазиева), С.-Петербург	1883 (физико-математическое отделение)			имеет публикации по естествознанию
Соломко Евгения Викторовна (Соприадис)	1883 (физико-математическое отделение)	руководила занятиями по минералогии	1885–1886	доктор философии и геологии Цюрихского университета
Варгунина Евгения Ивановна (Бельшева), Гатчина	1883 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по механике	1883–1891	Licencie des sciences mathematiques
Российская Мария Александровна (Кожевникова), Москва	1883 (специально-математическое отделение)	ассистентка по зоологии	1884–1888 1891–1900	имеет научные публикации; руководит практическими занятиями по зоологии на «Коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц в Москве»

Таблица 4. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов первой половины 90-х гг. XIX в., получившие работу на женских курсах

Ф.И.О.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Булагова Елена Алексеевна (Маркова)	1893 (физико-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по химии	1895	имеет научные публикации
Богословская Надежда Васильевна, Екатеринослав	1894 (физико-математическое отделение)	ассистентка по химии	1894–1895	имеет научные публикации
Якубова Аполлинурия Андреевна	1894 (физико-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по агрономической химии	1894–1895	

Таблица 5. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов второй половины 90-х гг. XIX в. – начала XX в., получившие работу на курсах

¹¹⁰³ Таблица составлена на основании: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903, Бесстужевские курсы. Б. м. Б. д. (место хранения: Научно-справочный отдел Российской государственной библиотеки).

Ф.И.О.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Горенбург Алла Карловна (Диксон), С.-Петербург	1895 (физико-математическое отделение)	ассистент при кафедре физики	1896–1915	
Емельянова Александра Георгиевна, С.-Петербург	1895 (физико-математическое отделение)	ассистент; руководитель занятиями по физике	1894–1915	имеет научные публикации
Поппер Ольга Мориевна (Голуб), С.-Петербург	1896 (физико-математическое отделение; химический разряд)	ассистент по кафедре химии	1896–1899	лаборант химической лаборатории Императорского Технического общества; имеет научные публикации
Стакевич Вера Степановна, С.-Петербург	1896 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководила занятиями по астрономии	1897–1901	
Домбровская Софья Михайловна (Варзар), С.-Петербург	1897 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководила занятиями по астрономии	1898–1901	
Кашеринкина Варвара Александровна, С.-Петербург	1897 (физико-математическое отделение; математический разряд)	ассистент при кафедре физики	1900–1907	имеет научные публикации
Гернет Надежда Николаевна, С.-Петербург	1898 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по математике	с 1900 г.	доктор чистой математики Геттингенского университета; преподает в С.-Петербургском Женском педагогическом институте; имеет научные публикации
Петрушевская Анна Федоровна, С.-Петербург	1898 (физико-математическое отделение; химический разряд)	руководит практическими занятиями по ботанике; ассистент	1898–1904 1904–1916	имеет научные публикации
Львова Александра (Антонина?) Дмитриевна	1886 (физико-математическое отделение)	ассистент по неорганической химии	с 1898 г.	
Половцева Вера Викторовна	1898 (историко-филологическое отделение)	преподаватель гистологии		окончила медицинский факультет Бернского университета, доктор
Тихомирова Варвара Николаевна, С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; математический разряд)	ассистент по физике	1911–1916	служила в 1-й палатке мер и весов Императорского Технического общества
Зелецкая Ядвига Грашиновна, С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; химический разряд)	ассистент по зоологии	1899–1907	ассистент при кафедре зоологии в С.-Петербургском Женском медицинском институте
Пейдлер Антония Федоровна (Мусселлус), С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; химический разряд)	руководила практическими занятиями по химии	1900–1901	
Афанасьева Татьяна Алексеевна, Геттинген	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	была руководителем занятий по математике	1900–1908	
Васильева Александра Феофилактовна (Синцова), Геттинген	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	была руководителем занятий по химии (физическая химия)	1900–1917	доктор Геттингенского университета
Потапова Лидия Николаевна, Москва	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по математике		
Тимофеева Лидия Ивановна (Гертьева), С.-Петербург	1901 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по астрономии	1902–1916	служила вычислителем в Пулковской обсерватории
Смирнова Юлия Александровна	1901 (физико-математическое отделение)	преподаватель математики	1903–1916	
Корсакова Мария Павловна, С.-Петербург	1902 (физико-математическое отделение; химический разряд)	ассистент при кафедре ботаники	с 1912 г.	имеет научные работы по химии
Шумова Вера Дмитриевна (Делеано), С.-Петербург	1902 (физико-математическое отделение; химический разряд)	руководит занятиями по минералогии; ассистент по кафедре минералогии и кристаллографии	1907–1910	
Умнова Анна Ивановна	1902 (физико-математическое отделение)	преподаватель	с 1907 г.	
Леман Инна Николаевна, С.-Петербург	1903 (физико-математическое отделение; математический разряд)	ассистент по кафедре астрономии		доктор Геттингенского университета, служит в Гидрографическом управлении Морского ведомства

Из первого выпуска 1882 года всю жизнь проработали на курсах А. Е. Сердобинская – предположительно 33 года (не менее) (физика) и В. И. Шифф (урожденная Равич) – 36 лет (математика). 21 год прослужила на курсах А. Г. Емельянова (физика); 19 лет – А. К. Диксон (урожденная Горенбург) (физика); А. Ф. Петрушевская проработала на курсах в общей сложности 18 лет (ботаника); 17 лет проработала А. Ф. Васильева (химия); 15 лет – В. Н. Тихомирова (физика). С 1900 года и до объединения ВЖК с Петроградским (далее Ленинградским) университетом (до 1930 года) работала на курсах Н. Н. Гернет (математика). Из них всех только А. Ф. Васильева и Н. Н. Гернет, имевшие степени докторов зарубежных университетов, продвинулись по служебной лестнице выше должности ассистента.

Те из выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов, кто хотел профессионально заниматься научными исследованиями и вместе с тем был вынужден зарабатывать себе на жизнь, искали места сотрудников, как правило технических, в научно-исследовательских учре-

ждениях или, если существовала такая возможность, продолжали научные занятия частным образом. Некоторые находили места на других женских курсах по мере их открытия в 1900-е годы.

Среди мест службы женщин в научных учреждениях присутствовали: ботанический кабинет Императорской академии наук; две метеорологические станции; различные биологические лаборатории; биологическая, энтомологическая, шелководческая станции (правда, не очень понятно, была ли выполнявшаяся там женщинами работа оплачиваемой). Из различных высших женских учебных заведений: Московские Высшие женские курсы, Женский медицинский институт, С.-Петербургские Педагогические курсы. Выпускницы ВЖК работали также в лабораториях различных заводов (хоть их и трудно отнести к «научным» учреждениям, но должности, которые в них занимали женщины, назывались «лаборант»).

Из числа научных учреждений следует отдельно назвать Пулковскую обсерваторию, принявшую наибольшее количество выпускниц курсов; Главную Палату мер и весов, Главную физическую обсерваторию (эта последняя открыла свои двери для женщин только после 1912 года), а также Бактериологический институт при Московском университете, в котором с 1896 года работала ассистентом Прасковья Васильевна Циклинская (выпуск 1889 года, физико-математическое отделение), «Docteur des sciences physiques» Женевского университета¹¹⁰⁴.

Сотрудники ВЖК продолжали скрупулезно собирать данные о служебной занятости своих выпускниц. В период с 1903 по 1908 год цифры, приведенные нами в таблице, несколько (но очень незначительно, в пределах статистической погрешности) изменились (поскольку менялись места работы женщин). В нижеследующей таблице мы приводим статистику занятости выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов в высших учебных и научных учреждениях в период с 1882 по 1908 год включительно (таблица 6)¹¹⁰⁵.

Таблица 6. Статистика занятости выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов в высших учебных и научных учреждениях Российской империи (1882–1908 гг.)

---

¹¹⁰⁴ См.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903.

¹¹⁰⁵ Таблица составлена на основании данных, содержащихся в: Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 72–75.

Год	Всего окончивших ВЖК	Ассистентки, преподавательницы и руководительницы практических занятий в высших учебных заведениях	Сотрудницы научных учреждений, лабораторий, обсерваторий и тому подобное
1882	217	5	1
1883	163	4	–
1884	112	–	2
1885	113	1	1
1886	117	–	1
1887	120	1	–
1888	128	–	2
1889	119	–	2
1893	61	3	5
1894	49	3	1
1895	60	4	1
1896	93	3	4
1897	120	2	2
1898	106	4	2
1899	80	3	2
1900	126	6	2
1901	88	3	7
1902	164	2	2
1903	193	2	6
1904	160	3	–
1905	11	–	–
1906	66	2	–
1907	129	3	1
1908	199	2	1

Из таблицы 6 хорошо видно, что наибольший выпуск курсов пришелся на 1882 год – год самого первого выпуска. В остальные 1880-е годы количество выпускниц стабильно держалось в интервале от 110 до 130 человек в год, резко уменьшилось в 1890-е годы и с переменным успехом держалось на уровне 160–190 человек в год в 1902–1904 годах. События 1905 года, однако, видимо, сильно повлияли на учебный процесс и сказались на его полном и «правильном» завершении, поскольку в 1905–1906 годах число выпускниц вновь резко упало, снова перешагнув за 120 человек только в 1907 году.

Рассматривая статистику официальных выпускниц курсов, следует, однако, иметь в виду еще два фактора. Во-первых, не все подававшие прошения о зачислении на курсы получали согласие, и, во-вторых, далеко не все из поступивших на курсы женщин сдавали выпускные экзамены и получали свидетельство об окончании. В первые годы работы курсов (с 1878 по 1886 год) администрация курсов не отказывала в приеме никому из числа подавших прошение о поступлении. Соответственно, в 1878–1879 годах было подано 793 прошения о поступлении на курсы, и все приняты; в 1879–1880 годах – 330 прошений; в 1880–1881 годах – 295, в 1881–1882 годах – 293; в 1882–1883 годах – 397; в 1883–1884 годах – 349; в 1884–1885 годах – 250 и, наконец, в 1885–1886 годах – 233 прошения.

В 1886–1888 годах прием на курсы не производился. В 1889 году было принято 144 прошения и все одобрены; в 1890 году принято 111 прошений и впервые в истории курсов 10 из них отклонены. В 1891 и 1892 годах было принято 127 и 151 прошение соответственно и все одобрены. Однако с 1893 года картина начала меняться (таблица 7)¹¹⁰⁶.

В целом, с 1878 по 1908 год было подано 19 293 прошения о зачислении на С.-Петербургские Высшие женские курсы. Из них 7036 были отклонены и 12 257 одобрены. Получили свидетельства об официальном завершении обучения на курсах 2785 человек¹¹⁰⁷. То есть количество женщин, желавших учиться, постоянно увеличивалось (хоть и с некоторыми вариациями от года к году), а количество отказов в приеме росло с 1893 года почти что без исключений. Огромная разница между числом зачисленных на курсы и числом официально их окончивших

¹¹⁰⁶ Таблица составлена по материалам: см. предыдущую сноску. С. 58–59.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 59.

объясняется не только естественным для любого учебного учреждения отсевом, но и нежеланием слушательниц тратить время на формальности, связанные со сдачей экзаменов и получением свидетельства об окончании курсов, когда это свидетельство не имело никакой юридической силы.

Таблица 7. Статистика поданных и отклоненных прошений о поступлении на С.-Петербургские Высшие женские курсы (1893–1909 гг.)

Год	Количество поданных прошений о приеме на ВЖК	Количество отклоненных прошений
1893–1894	220	32
1894–1895	242	74
1895–1896	491	212
1896–1897	550	324
1897–1898	505	204
1898–1899	560	203
1899–1900	565	257
1900–1901	619	297
1901–1902	548	252
1902–1903	707	257
1903–1904	928	310
1904–1905	1274	542
1905–1906	1053	250
1906–1907	1176	577
1907–1908	3592	2112
1908–1909	2790	1123

Таким образом, число официальных выпускниц продолжало оставаться в пределах 150–200 человек в год и далеко не каждый год достигало даже этой величины. Точно так же на одном уровне продолжало оставаться количество выпускниц, занятых на службе в высшей школе и различных научных учреждениях, как это видно из таблицы распределения выпускниц по профессиям с 1882 по 1908 год. То есть, несмотря на то что количество выпускниц, нашедших работу в научных или высших учебных организациях, оставалось примерно одинаковым на протяжении 1880-х – первой половины 1900-х годов: от 1 до (максимум) 6 человек в год, общее их количество постепенно увеличивалось. По сведениям на 1908 год, из общего числа выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов «состояли более или менее продолжительное время ассистентками, преподавательницами и руководительницами практических занятий в высших учебных заведениях 56 лиц, причем в настоящее время 24 работают на С.-Петербургских Высших женских курсах, 10 состоят ассистентками и преподавательницами в др[угих] высших женских учебных заведениях С.-Петербурга, две руководят занятиями по математике Высших женских курсов в Москве, одна – занятиями по математике слушательниц Педагогических курсов в Одессе, одна состоит ассистенткой в Политехническом институте в Киеве»¹¹⁰⁸. Заметим, что из всех вышеперечисленных только две женщины – Н. Н. Гернет и А. Ф. Васильева, обе имеющие степень доктора философии Геттингенского университета, – читали лекции (по чистой математике и по физической химии)¹¹⁰⁹. Из числа ассистенток и руководительниц практических занятий более или менее продолжительное время в высшей школе проработали 20 человек.

По данным на тот же 1908 год, в научных учреждениях бывших курсисток работало даже меньше, чем в высшей школе: «...45 работают в ученых учреждениях, лабораториях, обсерваториях, на метеорологических станциях, зоологических. П. В. Циклинская, имеющая степень “Docteur des sciences physiques” Женевского университета, 12 лет состоит ассистентом Бактериологического института при Московском университете»¹¹¹⁰. Эта фраза, опубликованная в

¹¹⁰⁸ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 66.

¹¹⁰⁹ Там же.

¹¹¹⁰ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 66.

1908 году, была полна гордости за достижения выдающейся соотечественницы. Однако вряд ли нам удалось бы найти мужчину – доктора Женевского университета, прошедшего 12 лет в роли ассистента и не захотевшего сменить род деятельности из-за его полной бесперспективности. Но для российской женщины этого периода это и правда было достижением. Например, выпускница Сорбонны, палеонтолог М. В. Павлова не могла получить никакой должности при Московском университете, а возможность обрабатывать его палеонтологические коллекции (работа, принесшая ей мировую известность) была предоставлена ей в качестве одолжения «только благодаря личному влиянию ее мужа, проф. А. П. Павлова, и проф. В. И. Вернадского»¹¹¹¹ и, разумеется, безо всякой оплаты.

Возвращаясь к данным 1908 года: «... 15 из окончивших Высшие женские курсы состояли вычислительницами в Пулковской обсерватории»¹¹¹². Действительно, с конца 1890-х годов в списках вычислителей Пулковской обсерватории появляются имена девушек. Обычно выпускниц ВЖК приглашали на работу их профессора. Например, М. В. Жилова, окончившая ВЖК в 1894 году, писала в автобиографии, что ее пригласил в Вычислительное бюро при Императорской Академии наук работавший профессором ВЖК О. А. Баклунд. Вот как она объясняла свой выбор: «О. А. Баклунд предложил мне под его руководством заняться астрономией. “Вы будете в Пулково”, – говорил он мне на вечере при окончании курсов. О. Д. Хвольсон предлагал свое руководство <...> моими занятиями в лаборатории Курсов, обещал хлопотать устроить подвал при курсах для специальных <...> электрических исследований. Определенность предложения О. А. Баклунда взяла перевес при моем окончательном выборе специальности: с 1-го октября 1899-го года я стала астрономом»¹¹¹³. В качестве вольнонаемного вычислителя М. В. Жилова работала в Пулковской обсерватории с 1895 года¹¹¹⁴.

Появление девушек в Пулковской обсерватории было очень быстро замечено научным сообществом. К. Д. Покровский, например, писал об этом в обширной статье 1897 года издания, посвященной женщинам-астрономам, преимущественно иностранным: «Академик Баклунд, читая астрономию на С.-Петербургских высших женских курсах, сумел привлечь некоторых из своих слушательниц к непосредственному участию в астрономических вычислениях. Сделавшись директором Пулковской обсерватории, он пригласил их туда, поручая им для вычисления длинные ряды различных наблюдений»¹¹¹⁵. И добавляет с удовлетворением: «Официальные отчеты директора свидетельствуют о необычайном трудолюбии их, точности и аккуратности в их работах»¹¹¹⁶.

М. В. Жилова проработала в Пулковской обсерватории вплоть до 1934 года. Однако для девушек, устраивавшихся на работу в 1890–1900-е годы, это скорее исключение, чем правило. Обычно срок работы женщины вычислителем в Пулково был столь же непродолжителен, как и срок ее работы ассистенткой на ВЖК. Напротив многих имен в «Памятной книжке» можно найти следующую запись: «Теплякова Валентина Петровна (Добкевич)... *Была*¹¹¹⁷ вычислителем в Пулковской обсерватории»¹¹¹⁸ и др.

Всего через два года после появления женщин в Пулково Д. И. Менделеев пригласил девушек на работу в возглавлявшуюся им Главную Палату мер и весов, также в основном в качестве вычислительниц. Первой из этих девушек была О. Э. Озаровская. Она окончила

¹¹¹¹ Памяти М. В. Павловой // Палеонтологическое обозрение. 1939. Вып. 1. С. [1–2].

¹¹¹² Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка... С. 68.

¹¹¹³ Жилова М. В. Автобиография. Черновик. Б.д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 1 об.

¹¹¹⁴ Покровский К. Д. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. Июнь. С. 778.

¹¹¹⁵ Там же. С. 777–778.

¹¹¹⁶ Там же. С. 778.

¹¹¹⁷ Курсив наш. — О. В.

¹¹¹⁸ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах... С. 94.

физико-математический факультет Бестужевских курсов в 1897 году, а в начале 1898 года Д. И. Менделеев принял ее на службу в Главную Палату мер и весов на должность калькулятора, через некоторое время превратившуюся в должность лаборанта.

В воспоминаниях, посвященных Д. И. Менделееву, Ольга Эрастовна Озаровская писала: «Кончила курсы, мечтала получить школу на Шлиссельбургском тракте <...>. Это дело не вышло. В моих надеждах и огорчениях принимали участие Анна Ивановна¹¹¹⁹ и Иван Михайлович Чельцов¹¹²⁰. Последний уже спрашивал, каковы мои сведения в области химии. Я угадывала, что он хочет устроить меня в своей лаборатории; но угадывала и его колебания. Ведь тогда существовал “женский вопрос” во всей силе. Женщины на научной работе насчитывались единицами. Чельцов боялся трений не столько со стороны начальства, сколько со стороны самих служащих. За советом он поехал к своему учителю и другу, Менделеев ответил: “Отлично! Возьмите барышню! <...> Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!”»¹¹²¹ Рассказывая о посещении Д. И. Менделеева в его рабочем кабинете у него дома, своеобразном интервью перед принятием на работу, О. Э. Озаровская писала: «Велик был мой трепет перед порогом кабинета, но чутье подсказывало, как вести себя, самообладание выручило. Дмитрий Иванович с первых же слов подчеркнул, что работа временная, и я могу исполнять ее по желанию: или дома или в Главной Палате мер и весов. Я предпочла второе»¹¹²². Но принять девушку на службу в государственную лабораторию официально было нелегко. По словам О. Э. Озаровской, «Дмитрию Ивановичу, никуда уже не выходявшему из дому, пришлось ездить в наемной карете к министру финансов Витте испрашивать разрешение на допущение женщины к службе в Главной Палате мер и весов»¹¹²³. Тем не менее уже через месяц Д. И. Менделеев пригласил в Палату еще одну девушку, Е. Ф. Эндимионову¹¹²⁴. По словам О. Э. Озаровской, Д. И. Менделеев объяснял это следующим образом: «... работы много вычислительной; я вон отрываю таких лиц, у которых и без того дела много»¹¹²⁵.

О. Э. Озаровская писала в своих воспоминаниях, что Д. И. Менделеев находил немало пользы в работе девушек, считал, что их присутствие способствует смягчению нравов, и собирался увеличить число сотрудников-женщин. О. А. Озаровская так вспоминала об отношении Д. И. Менделеева к этому вопросу: «Дмитрий Иванович согласно своему намерению, высказанному еще в начале знакомства, “чтобы женщины упрочивались в Палате”, продолжал это дело. Женщин было уже с десятков через несколько лет, и назывались они все “барышнями”...»¹¹²⁶ Надо заметить, что, публикуя научные труды, выполненные в период его работы в Главной Палате мер и весов, Д. И. Менделеев не забывал высказывать благодарность своим сотрудникам, в том числе «барышням». Например, в статье «Опытные исследования колебаний весов» он писал: «Перед тем как перейти к делу, я должен упомянуть, что много сотен наблюдений периодов колебаний и отсчетов по шкале весов были сделаны моими друзьями и помощниками, особенно Ф. П. Завадским, В. Д. Сапожниковым, а также А. Н. Доброхотовым, К. Н. Егоровым, Мюллером, Озаровской и Эндимионовой. Их деятельное содружество сильно способствовало успеху опытов, и я много обязан им за проверку многочисленных расчетов, которые это исследование вызывало»¹¹²⁷.

¹¹¹⁹ Менделеева Анна Ивановна, супруга Д. И. Менделеева. — О. В.

¹¹²⁰ Чельцов И. М., профессор ВЖК. — О. В.

¹¹²¹ [Озаровская О. Э.] Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской. М., 1929. С. 22–23.

¹¹²² Там же. С. 27.

¹¹²³ Там же. С. 36.

¹¹²⁴ Там же.

¹¹²⁵ Там же.

¹¹²⁶ Там же. С. 47.

¹¹²⁷ Менделеев Д. И. Сочинения: В 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 591.

Примерно около 1902 года Д. И. Менделеев пригласил в обсерваторию Главной Палаты мер и весов начинающего астронома Н. М. Субботину. Н. М. Субботина вспоминала об этом 26 января 1934 года в письме к старому товарищу ее отца Михаилу Андреевичу Шателену (1866–1957)¹¹²⁸: «...весной буду просить Вашего разрешения воспользоваться обсерваторией ВИМС¹¹²⁹ и произвести некоторые наблюдения, – как во времена [Д.И.] Менделеева, когда я работала года 4 зимой. Помните? Еще до ВЖКурсов»¹¹³⁰. Ее сотрудничество в Главной Палате мер и весов продолжалось как минимум до 1906 года. Так, 11 ноября 1906 года, уезжая на время из С.-Петербурга в Москву, Н. М. Субботина писала своему другу, известному революционеру-народнику и ученому Н. А. Морозову: «Когда я вернусь, пойдёмте ко мне в Палату мер...»¹¹³¹ 18 ноября 1906 года она снова писала Н. А. Морозову: «Я кончаю свою работу, в понед[ельник] мне назначено явиться на Обсерв[аторию] в посл[едний] раз»¹¹³². Можно предположить, что речь здесь идет именно о работе в обсерватории Главной Палаты мер и весов.

Таким образом, из 2795 женщин, официально окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы (по данным на 1908 год), 101 человек работал в высших учебных учреждениях и различных научных учреждениях, что составляло примерно 3,6 % от общего числа выпускниц. В 1903 году эта цифра составляла 3,3 %, то есть за 5 лет увеличение доли выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов, занятых на подобных работах, было крайне незначительным. Однако следует помнить, что эта статистика не может быть полной. Не только потому, что, как ни мал был процент бывших курсисток, информации о которых в свое время не удалось собрать, но он был. Кроме того, число слушательниц, не получивших свидетельств об окончании курсов, как мы видели, почти в 4,5 раза превышало число получивших свидетельства. Теоретически часть из них также могла найти работу в различных лабораториях. Кроме того, в конце XIX – начале XX века в стране постепенно начали открываться другие высшие учебные заведения для женщин, программа и постановка учебного процесса в которых соответствовала программам университетов (или постепенно приближалась к университетским стандартам) и чьи выпускницы также могли искать подобных должностей, например Женский медицинский институт в С.-Петербурге, Московские Высшие женские курсы. В любом случае выпускницы Высших женских курсов привлекали общественное внимание. Статистика их занятости, их судьбы по окончании обучения служили сюжетом для материалов многочисленных журналистов и широко обсуждались¹¹³³.

Однако попасть на официальную должность в лабораторию даже на ставку лаборанта было нелегко не только выпускнице российских Высших женских курсов, но и женщине, вернувшейся в Россию с дипломом зарубежного университета и докторской степенью. Например, Екатерина Федоровна Ковалевская (урожденная Виноградова) (1874–1958) проучилась четыре с половиной года и окончила полный курс Бернского университета, специализируясь по органической химии, представила диссертацию по теме «О разложении белковых тел» и в 1897 году получила степень доктора философии¹¹³⁴. Вернувшись в 1898 году на родину, она

¹¹²⁸ Шателен М. А. (1866–1857) – специалист в области электротехники, член-корреспондент АН СССР по Отделению математических и естественных наук (энергетика, электротехника) с 31 января 1931 г.

¹¹²⁹ Главная Палата мер и весов была реорганизована во Всесоюзный НИИ метрологии и стандартизации (ВИМС) в 1931 г.

¹¹³⁰ Субботина Н. М. Письмо М. А. Шателену. 26 января 1934 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 869. Оп. 4. Д. 746. Л. 8 об.

¹¹³¹ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.

¹¹³² Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 18 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 21 об.

¹¹³³ См., например: Страннолюбский А. Статистические сведения о положении и деятельности лиц, окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах за первое десятилетие 1879–1889 // Образование. 1895. № 10. С. 60–64; Бывшие слушательницы Бестужевских курсов // Русская школа. Педагогический журнал для школы и семьи. 1897. № 12. Декабрь. С. 355; Положение и деятельность лиц, окончивших курс на Высших женских курсах // Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. 1898. Август. С. 23 и др.

¹¹³⁴ О Е. Ф. Ковалевской см.: Романова Н. Н. Е. Ф. Ковалевская-Зезерская – первая русская женщина – профессор химии //

начала искать работу. Как отмечает современный биограф Е. Ф. Ковалевской Н. Н. Романова, «... возможностей для женщин получить штатную работу в России практически не было. Ей пришлось возбудить ряд ходатайств, для получения штатного места»¹¹³⁵. Н. Н. Романова приводит отрывок из интервью с Е. Ф. Ковалевской, опубликованного в журнале «Политехник» в 1937 году (№ 18) И. В. Трубачевым, в котором Е. Ф. Ковалевская говорила: «Мне с большим трудом и под большим секретом удалось устроиться в лабораторию почвоведения <...> при Лесном институте. Профессор Коссович исходатайствовал у министра разрешение принять меня на работу, но при одном условии: я должна была ходить в лабораторию черным ходом. Студенты не должны были меня видеть ни в коем случае. Будучи доктором химии, я была принята на должность лаборанта»¹¹³⁶. Стоит вспомнить, как за 18 лет до этого, в 1880 году, А. М. Бутлеров хлопотал о месте лаборантки вновь созданной химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов для первой в России женщины – доктора химии Ю. В. Лермонтовой¹¹³⁷. Ю. В. Лермонтова тогда была вынуждена вежливо отказаться, вначале беспокоясь, что министр народного просвещения граф Д. А. Толстой не захочет утвердить ее кандидатуру; потом – ссылаясь на домашние обстоятельства: необходимость заниматься расстроенными делами семьи. «Мои семейные обстоятельства и дела так складываются, что я вижу себя вынужденной отказаться от предложенного мне места лаборанта при Бестужевских курсах», – писала она А. М. Бутлерову 23 августа 1880 года¹¹³⁸. А. М. Бутлеров, судя по опубликованной Ю. С. Мусабековым переписке, обижался на Ю. В. Лермонтову, не верил в честность ее мотивов, даже писал В. В. Марковникову с просьбой выяснить, в чем именно дело. В. В. Марковников предположил, что Ю. В. Лермонтова слишком занята, помогая семье С. В. Ковалевской и занимаясь с ее дочерью¹¹³⁹. Ю. С. Мусабеков нашел это объяснение вполне состоятельным, что могло соответствовать действительности. Ни современники Ю. В. Лермонтовой, А. М. Бутлеров и В. В. Марковников, очень благожелательно настроенные по отношению к Ю. В. Лермонтовой лично и поддерживавшие женское образование в целом, ни историк науки середины XX века Ю. С. Мусабеков, чьим работам отечественная историография обязана превосходным биографическим исследованием жизни и деятельности первых отечественных женщин-химиков, не задумались о том, что добытая ценой массы хлопот и бюрократических манипуляций должность лаборантки (символически оплачиваемая или вообще не оплачиваемая) может выглядеть не очень привлекательно для человека, полностью заслужившего и честно получившего диплом доктора престижного европейского университета, или что квалификация кандидатки была чрезмерной для предлагавшейся работы.

Тем не менее за период с 1880 года (случай Ю. В. Лермонтовой) и до 1898 года (случай Е. Ф. Ковалевской) в Российской империи в этом отношении не произошло никаких коренных изменений: добытая с трудом благодаря знакомствам и благожелательному отношению коллег-мужчин должность лаборантки или ассистентки являлась пределом карьерных возможностей женщины юридически и фактически несмотря на высшее образование и диплом доктора. Однако подобные трудности не останавливали молодых женщин. Только в период с 1899 по 1915 год при Физико-математическом отделении С.-Петербургских Высших женских курсов было оставлено 72 девушки для продолжения научных занятий (таблица 8)¹¹⁴⁰.

Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 86–89.

¹¹³⁵ Романова Н. Н. Е. Ф. Ковалевская-Зезерская – первая русская женщина – профессор химии... С. 87.

¹¹³⁶ Цит. по: Романова Н. Н. Е. Ф. Ковалевская-Зезерская... С. 87.

¹¹³⁷ См. об этом: Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 41–45.

¹¹³⁸ Цит. по: Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 43.

¹¹³⁹ Там же. С. 45.

¹¹⁴⁰ Таблица составлена по материалам: [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 91–95.

Первое известное на сегодняшний день заявление слушательницы физико-математического отделения о разрешении продолжения занятий на курсах датируется 6 сентября 1896 года: «Окончившей физико-химическое отделение курсов (так в тексте. — О. В.) Александры Черновой. Прошение. Желая продолжать начатую мною работу по органической химии, покорнейше прошу Ваше Превосходительство, ходатайствовать в предстоящем совете профессоров о разрешении мне практических занятий в лаборатории курсов»¹¹⁴¹. 3 октября 1896 года с похожим прошением обратился в совет курсов руководитель выпускницы В. С. Стахевич: «Имеем честь ходатайствовать перед советом о дозволении г[оспо]же Стахевич окончившей курсы весной 1896 года и желающей продолжать занятия астрономиею под нашим руководством, пользоваться библиотекою и учебно-вспомогательными учреждениями курсов»¹¹⁴². В. С. Стахевич была оставлена при курсах в качестве руководительницы занятий по астрономии (1897–1901). К 1903 году, на момент составления «Памятной книжки окончивших ВЖК», она уже служила в «страхов[ом] отделении министерства внутренних дел»¹¹⁴³. Н. П. Вревская в статье, вошедшей в состав известного сборника «Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.)», писала: «Совет профессоров выделяет среди окончивших слушательниц наиболее одаренных и оставляет их на курсах для подготовки к преподавательской деятельности на ВЖК. За 1896–1898 годы оставлено было на курсах по всем факультетам 30 человек. Часть из них была командирована за границу для завершения образования и получения ученой степени»¹¹⁴⁴. Н. П. Вревская, однако, не указывает источник своих сведений. Изученные нами архивные источники содержат данные о том, что просьба об оставлении на курсах всегда формулировалась либо как «для дальнейшей научной работы», либо фразой, имеющей сходное значение, и что с начала 1900-х годов от имени своих студентов с ходатайствами в совет курсов обращались их профессора, которые брали на себя всю ответственность за их будущее обучение.

Таблица 8. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленные при курсах для продолжения научных занятий (1899–1915 гг.)

Отделение С.-Петербургских Высших женских курсов	Количество оставленных при ВЖК (1899–1915 гг.)
историко-филологическое	72
юридическое	8
физико-математическое	72

Так, 26 октября 1901 года профессор курсов Яковкин обращался в совет профессоров ВЖК: «Имею честь ходатайствовать перед советом профессоров о предоставлении возможности работать в химической лаборатории курсов по специальным вопросам физической химии окончившей в 1900 году Высшие женские курсы Н. П. Рихтер»¹¹⁴⁵. В кратком заявлении профессор одновременно давал сжатую характеристику научной работы курсистки: «В 1900 она, еще будучи слушательницей, произвела под моим руководством работы: “О скорости гидратации уксусного ангидрида”, а в 1901 году: “О растворимости цианистого этила, <...>»¹¹⁴⁶ эфира

¹¹⁴¹ Чернова А. Прошение на имя директора С.-Петербургских Высших женских курсов. 6 сентября 1896 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹¹⁴² [Прошение в совет С.-Петербургских Высших женских курсов]. 3 октября 1896 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

¹¹⁴³ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. ... С. 112.

¹¹⁴⁴ Вревская Н. П. Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы // С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 16.

¹¹⁴⁵ [Обращение профессора Яковкина в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов.] 25 октября 1901 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

¹¹⁴⁶ Два слова неразборчиво. — О. В.

в воде и соляных растворах». Обе работы мной были доложены в заседании Русского химического общества»¹¹⁴⁷. И объяснял ее личные обстоятельства: «Весной 1901 года г[оспо]жа Рихтер отправилась в Геттинген для усовершенствования своих познаний по физической химии в лаборатории проф[ессора] Нернста, но по семейным обстоятельствам должна была вскоре возвратиться в Россию. В будущем она имеет возможность работать за границей лишь в течение летних семестров; вследствие этого она и ходатайствует о предоставлении ей возможности работать в лаборатории курсов в течение зимы»¹¹⁴⁸. Сведений о судьбе этого прошения обнаружить не удалось. В списках девушек, оставленных при курсах, имя Н. П. Рихтер не значится¹¹⁴⁹.

По очень похожей форме составлено обращение к декану физико-математического отделения курсов профессора И. Мещерского от 10 октября 1903 года: «Окончившая в настоящем году курс математического отделения К. Ю. Кухарская выразила желание быть оставленной при курсах для того, чтобы продолжая свои занятия математикой и, главным образом, механикой, она могла пользоваться указаниями и профессоров отделения и библиотекой курсов», — пишет профессор¹¹⁵⁰. И далее характеризует работу К. Ю. Кухарской: «Г[оспо]жа Кухарская на экзаменах обнаружила основательное знание преподаваемых на отделении курсов, а из ее рефератов и прилагаемой работы <...>¹¹⁵¹ видно, что она достаточно подготовлена к самостоятельному изучению научной литературы»¹¹⁵². И завершал свое обращение следующим образом: «Поэтому покорнейше прошу ходатайствовать перед факультетом о том, чтобы К. Ю. Кухарская была оставлена при курсах на один год с той целью, чтоб согласно выраженному ее желанию она могла пользоваться указаниями г[оспод] профессоров и библиотекой курсов при дополнительном изучении математики и механики»¹¹⁵³. Судьба этого прошения также остается неизвестной.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг 14 сентября 1904 года обращался в совет курсов с просьбой оставить для продолжения занятий сразу двух студенток: «Имею честь покорнейше просить об оставлении при курсах для продолжения научных занятий бывших слушательниц Еремину Елизавету и Григорову Наталью, которые в прошлом году усердно занимались петрографией и получили подготовку для самостоятельной работы»¹¹⁵⁴. И продолжал, давая характеристику научной работе Е. В. Ереминой: «Г[оспо]жа Еремина уже в прошлом году начала самостоятельную работу, а именно исследование изверженных пород Мугоджарских гор и добровольно исполняла некоторые обязанности ассистентки»¹¹⁵⁵. Елизавета Владимировна Еремина (1879–1964) преподавала на С.-Петербургских Высших женских курсах с 1904 по 1913 год. За это время опубликовала ряд научных работ¹¹⁵⁶. В 1911 году получила степень доктора Лозаннского университета. После 1917 года эмигрировала, преподавала в Сорбонне, в Институте геологии в

¹¹⁴⁷ [Обращение профессора Яковкина в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов.] 25 октября 1901 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

¹¹⁴⁸ [Обращение профессора Яковкина в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов.] 25 октября 1901 г. ... Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

¹¹⁴⁹ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах.] [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 91–95.

¹¹⁵⁰ [Обращение профессора И. Мещерского к декану физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов.] 10 октября 1903 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.

¹¹⁵¹ Название работы неразборчиво. — О. В.

¹¹⁵² [Обращение профессора И. Мещерского к декану физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов.] 10 октября 1903 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.

¹¹⁵³ Там же.

¹¹⁵⁴ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Обращение в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов. 14 сентября 1904 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

¹¹⁵⁵ Там же.

¹¹⁵⁶ Например: Еремина Е. В., Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Материалы для петрографии Мугоджарских гор. СПб.: Тип. Меркушева, 1905; Еремина Е. В. Группа гор Бохтыбай. СПб.: Тип. Меркушева, 1907; Еремина Е. В., Мальшиева В. С., Добрынина М. И. Соединения бария в России. Пг., 1916 и др.

университете Нанси¹¹⁵⁷. Наталья Федоровна Григорова также была оставлена при курсах начиная с 1904 года¹¹⁵⁸. О ее дальнейшей работе ничего выяснить не удалось. Список слушательниц физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленных при курсах для подготовки к профессорскому званию, см. в Приложении 4.

Надо отметить, что уровень научного преподавания на С.-Петербургских Высших женских курсах не всегда удовлетворял тех слушательниц, которые хотели получить именно научное образование с тем, чтобы впоследствии заниматься научными исследованиями. В пример можно привести мнение известного астронома-любителя Н. М. Субботиной, занимавшейся на курсах в качестве вольнослушательницы¹¹⁵⁹. Н. М. Субботина поступила на курсы в 1905 году вольнослушательницей, поскольку серьезные проблемы со здоровьем не позволяли ей стать «регулярной» студенткой, но училась она наравне со всеми. Ежедневный распорядок ее повседневных занятий этого периода хорошо известен благодаря сохранившимся письмам Н. М. Субботиной к Н. А. Морозову, в которых Нина Михайловна регулярно и подробно рассказывала о своих делах. Так, 4 октября 1906 года она отправила Н. А. Морозову следующую записку: «...я зайду к вам с курсов – я теперь там начала работать с 10 у[тра] до 4 дня! Даже у Верочки еще не успела побывать, потому что затем бегу к брату на 10 л[инию] обедать и еще [позаниматься]!»¹¹⁶⁰

Но ВЖК не могли полностью удовлетворить потребности Н. М. Субботиной. Несмотря на то что к началу 1900-х годов Высшие женские Бестужевские курсы в С.-Петербурге, организованные в 1878 году, разменяли уже третий десяток, они все еще не могли сравняться с университетами, и не только потому, что их выпускницы не получали государственных дипломов. Разнообразие преподававшихся предметов здесь было меньше, чем в университетах. Например, в 1906 году на ВЖК не читали лекций по теоретической астрономии, которые Н. М. Субботина очень хотела послушать. Ей пришлось хлопотать через разных знакомых (в том числе Н. А. Морозова) о разрешении слушать этот курс в С.-Петербургском университете. Александр Александрович Иванов (1867–1939)¹¹⁶¹, читавший в тот год теоретическую астрономию в университете, не был против ее присутствия, но требовалось еще разрешение И. И. Боргмана (1849–1914), недавно избранного (в 1905 году) ректора университета¹¹⁶². Н. М. Субботина писала по этому поводу Н. А. Морозову 11 ноября 1906 года: «Не стеснила ли я Вас своей просьбой относительно Боргмана? Я только потом сообразила, что Вы м[ожет] б[ыть] очень мало его знаете. Если же не стеснила, то скажите, что я работаю по астр[ономии], что на курсах (Бестуж[евских]) нет лекций теоретич[еской] астр[ономии] (Жданов¹¹⁶³ будет читать неб[есную] механику), и что Иванов ничего против не имеет, только велел спросить у Боргмана, <... > то что Иванов уже прочел я знаю, и для него делала в прошлом году вычисления, т[ак] ч[то] это ничего, что я попаду на ½ курса»¹¹⁶⁴. А. А. Иванова Н. М. Субботина могла знать по их совместной работе в Главной Палате мер и весов, в которой А. А. Иванов работал с 1901 по 1911 год.

¹¹⁵⁷ См.: Бестужевские курсы. Б.м., Б.д.

¹¹⁵⁸ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах.] [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 91 об.

¹¹⁵⁹ *Неуймина М. Н.* Памяти Н. М. Субботиной // *Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть.* 1964. М.: Гос. изд. физ.-мат. лит., 1963. Т. 67. С. 264.

¹¹⁶⁰ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову 4 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 11.

¹¹⁶¹ Иванов А. А. (1867–1939) – астроном, геодезист, метеоролог, член-корреспондент АН СССР по разряду математических наук (астрономия) Отделения физико-математических наук с 5 декабря 1925 г.

¹¹⁶² И. И. Боргман сменил на этом посту А. М. Жданова, бывшего ректором С.-Петербургского университета с 1903 по 1905 г.

¹¹⁶³ Имеется в виду профессор Александр Маркелович Жданов (1858–1914). — *О. В.*

¹¹⁶⁴ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 24, 24 об.

Однако, несмотря на то что Н. М. Субботину, по-видимому, уже достаточно хорошо знали в узком кругу петербургских астрономов, добиться желанного согласия оказалось не так-то легко. Через неделю, 18 ноября 1906 года, она снова писала Н. А. Морозову: «Удалось ли Вам попросить за меня Боргмана?»¹¹⁶⁵ Сохранилось еще одно, недатированное письмо Н. М. Субботиной к Н. А. Морозову, в котором эта тема была продолжена: «Не заботьтесь, пожалуйста, об университете, это уже устроилось, я начала там заниматься у Жданова в Физич[еском] институте; что касается до лекций, то неб[есная] механика у нас наконец появилась и нет нужды ходить за ней в университет. Я не собиралась поступать туда вольнослушательницей, потому что и у нас все отлично поставлено, мне нужно было только разрешение на посещение лекций одного¹¹⁶⁶ профессора, у которого не больше 10–15 челов[ек] слушателей, и который уже разрешил мне ходить на его курс. Вот и все! Теперь и этого не надо. Жданов все устроил сам и я очень, очень довольна!»¹¹⁶⁷ Из всех сохранившихся писем Н. М. Субботиной к Н. А. Морозову (их сохранилось несколько десятков) это – единственное, в котором сквозит такое явное раздражение. Мы остановились на этом случае так подробно, чтобы подчеркнуть, насколько в неравном положении находились в Российской империи даже в начале XX века мужчины и женщины, выбравшие для себя научную карьеру. То, что для поступившего в университет молодого человека было само собой разумеющимся, требовало от его ровесницы массы усилий, времени и хлопот. Тех самых усилий, которые могли быть потрачены на получение образования или на научные исследования. Неудивительно, что Н. М. Субботину раздражало подобное положение вещей.

Отсюда возникло и сохранялось потом иногда на протяжении всей жизни у женщин-ученых этого поколения ощущение недостаточности, неполноценности их образования, стремление (само по себе замечательное для ученого, если его мотивы верные, постоянно учиться). Так, Н. М. Субботина одновременно с занятиями на Высших женских курсах добилась разрешения консультироваться у кого-то из московских астрономов, «моего профессора», как она его называла, «... чего, – по ее словам, – было очень, очень трудно добиться»¹¹⁶⁸. К сожалению, точно установить имя «профессора» не удалось. К этому времени Н. М. Субботина была знакома со многими московскими астрономами, в том числе с С. Н. Блажко, П. К. Штернбергом, К. Д. Покровским, который с 1890 по 1895 год заведовал в Москве частной обсерваторией Ф. Швабе. Но кто именно стал ее наставником, неизвестно. Тем не менее это сотрудничество продолжалось достаточно долго и то радовало, то пугало Нину Михайловну. Так, 10 октября 1906 года она писала Н. А. Морозову: «У нас это лето прошло очень тревожно – был болен мой папа и мы страшно волновались, потом ему стало лучше и мне удалось 1 месяц поработать в Москве у профессора...»¹¹⁶⁹ А вот что Н. М. Субботина писала 11 ноября 1906 года: «Сегодня уезжаю – на поправку и на астрономическое совещание к своему профессору, этому последнему я ужасно рада и мне хочется прыгать от удовольствия!»¹¹⁷⁰ 31 марта 1907 года она с грустью упоминала о проваленном у профессора экзамене: «... Я успела побывать в Москве и в Соболях¹¹⁷¹, в Соболях провалиться в снегу с парой лошадей, санками и тетушкой, а в Москве провалиться на обсерватории у профессора с кометой и теорией ее движения. И было то для меня гораздо горше первого!»¹¹⁷² 31 июля 1909 года, рассказывая Н. А. Морозову о своей жизни в Соболях, Н. М. Субботина писала: «А здесь моя астрономия страдает из-

¹¹⁶⁵ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 18 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 21 об.

¹¹⁶⁶ «одного» – подчеркнуто Н. М. Субботиной. — О. В.

¹¹⁶⁷ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. [1906 г.] // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 25 об.

¹¹⁶⁸ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 24 мая 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 3.

¹¹⁶⁹ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 4 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 10 об.

¹¹⁷⁰ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.

¹¹⁷¹ Соболяки – имение семьи Субботиных под Можайском. — О. В.

¹¹⁷² Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 31 марта 1907 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 29, 29 об.

за облаков: лишь сегодня ночь была ясная и я имела удовольствие наблюдать 138 метеоров! Были такие красивые! В общем, вместо наблюдений приходится заниматься теорией – и это для меня привлекательно – надо хорошенько освоиться со своей наукой! Профессор мой – одна прелесть и работает с ним очень хорошо, только я очень редко бываю у него – много надо сперва прочесть и усвоить по общим вопросам. Тетушки мои бранятся – говоря: “точно тебя вовсе нет на земле”, – но это неправда, потому что у меня столько маленьких земных дел, что целый день летаешь от одного к другому и все-таки не успеваешь все переделать <...>¹¹⁷³ – еще надо экзамен m-me Шифф¹¹⁷⁴ сдавать! – и добавляла: – Господи Боже, как мало людям жить приходится и как много сделать надобно!»¹¹⁷⁵

В 1900-е годы практика оставления при С.-Петербургских Высших женских курсах для продолжения научной подготовки вполне сложилась, несмотря на отсутствие перспективных рабочих мест для будущих выпускниц, получивших эту дополнительную подготовку. Курсы даже имели возможность командировать отдельных слушательниц за границу для занятий в европейских университетах, естественнонаучных музеях и прочее. В изученных нами «Списках оставленных при курсах» имеется упоминание о 14 заграничных командировках, но эти данные могут быть не вполне полными¹¹⁷⁶. В 1911 году С. А. Чаплыгин, бывший директором Московских Высших женских курсов начиная с 1905 года, обратился к руководству С.-Петербургских Высших женских курсов с просьбой поделиться имеющимся опытом в этой области: «Ввиду того, что совет Московских Высших женских курсов в настоящее время занят выработкой оснований для порядка оставления окончивших слушательниц при курсах для приготовления к преподаванию, – писал он, – покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне сведений по следующим вопросам...»¹¹⁷⁷ Вопросы были следующими: 1) «Существует ли при С.-Петербургских Высших женских курсах институт оставленных»; 2) «...имеются ли министерские стипендии для этой цели и в каком числе и размере»; 3) «...ассигнуются ли пособия этим лицам из средств курсов и в каких размерах»; 4) «...каковы правила и <...>¹¹⁷⁸ инструкции для оставленных»¹¹⁷⁹.

В ответном письме от 7 ноября 1911 года сообщалось следующее: «В ответ на Ваше письмо от 13 октября с[его] г[ода] за № 1069 имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что институт оставленных при С.[-Петербургских] Высших женских курсах существует уже давно (с конца 90-х г[одов]); министерских стипендий для оставленных не имеется, но начиная с 1903 г[ода] было несколько случаев назначения нашим оставленным стипендий до 1000 рублей в год на заграничные поездки из сумм министерства народного просвещения»¹¹⁸⁰. Далее шла жалоба на то, что «в последнее время, однако, на ходатайство о назначении таких пособий курсы получали отказ за израсходованием имеющихся в министерстве сумм на пособия оставленным при университетах»¹¹⁸¹. При этом сами курсы из собственных средств учре-

¹¹⁷³ Фраза неразборчиво. — О. В.

¹¹⁷⁴ Имеется в виду Вера Иосифовна Шифф (?–1919) – математик, преподаватель С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов, автор многократно переиздававшихся сборников упражнений и задач по аналитической геометрии, дифференциальному числению и др.

¹¹⁷⁵ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 31 июля 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 5 об., 7.

¹¹⁷⁶ [Списки оставленных при С.-Петербургских Высших женских курсах.] [1896–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 91–95.

¹¹⁷⁷ *Чаплыгин С. А.* Обращение к директору С.-Петербургских Высших женских курсов. 13 октября 1911 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 77.

¹¹⁷⁸ Слово неразборчиво. — О. В.

¹¹⁷⁹ *Чаплыгин С. А.* Обращение к директору С.-Петербургских Высших женских курсов. 13 октября 1911 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 77.

¹¹⁸⁰ [Ответ представителя С.-Петербургских Высших женских курсов на запрос С. А. Чаплыгина о правилах оставления при курсах.] 7 ноября 1911 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59. Л. 78.

¹¹⁸¹ Там же. Л. 77.

дили «...по две стипендии по 480 руб[лей] на всех трех факультетах, а также имеется специальная стипендия имени Е. И. Лихачевой, выдающаяся окончившим курсы для дальнейшего совершенствования в науках (300 р[ублей]»¹¹⁸². По поводу правил и инструкций оставшийся неизвестным корреспондент сообщал следующее: «Никаких правил или инструкций для оставленных не установлено и руководство поручается тем профессорам, которые ходатайствовали об оставлении»¹¹⁸³.

Тем не менее отсутствие ясных перспектив на будущее и в целом малоперспективное положение сотрудниц Высших женских курсов и служащих различных научных учреждений отражалось в планах на будущее, составлявшихся студентками ВЖК уже в конце 1900-х годов. В ноябре 1909 года статистический семинар С.-Петербургских Высших женских курсов организовал перепись слушательниц, разработав очень подробную анкету. В ней среди прочих вопросов было два, важных для нашего исследования. Первый из них: «Имеете ли в виду, по окончании курсов, определенный род деятельности и какой именно?»¹¹⁸⁴; второй: «Если нет, то какого рода деятельность предпочли бы?»¹¹⁸⁵ Не все девушки посчитали возможным ответить на них. Имеющиеся же ответы распределились весьма интересным образом (таблица 9)¹¹⁸⁶.

Таблица 9. Ответы слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов на вопросы о предполагаемой и желаемой профессиональной деятельности по окончании курсов (1909 г.)

---

¹¹⁸² Там же.

¹¹⁸³ Там же. Л. 77, 78.

¹¹⁸⁴ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты, выполненной Статистическим семинаром в ноябре 1909 г.) СПб., 1912. С. XX.

¹¹⁸⁵ Там же.

¹¹⁸⁶ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты, выполненной Статистическим семинаром в ноябре 1909 г.) СПб., 1912. С. 140.

Вид деятельности	Факультет	Количество ответивших	Деятельность	
			Предполагаемая*	Желаемая**
педагогическая	физико-математический	481	72,4	7,2
	историко-филологический	731	69,6	36,9
	юридический		11,1	11,7
	Итого:	1373	38,5	23,5
научная	физико-математический	481	4,1	14,7
	историко-филологический	731	11,2	30,4
	юридический	161	1,5	11,1
	Итого:	1373	6,2	15,4
общественная	физико-математический	481	1,2	2,3
	историко-филологический	731	4,4	5,6
	юридический	161	2,4	7,4
	Итого:	1373	2,6	6,6
медицинская	физико-математический	481	6,2	6,4
	историко-филологический	731	3,1	4,9
	юридический	161	0,2	1,8
	Итого:	1373	2,3	5,1
артистическая	физико-математический	481	—	1,3
	историко-филологический	731	1,2	2,0
	юридический	161	0,6	7,4
	Итого:	1373	0,7	2,8
художественная	физико-математический	481	—	1,4
	историко-филологический	731	0,7	2,3
	юридический	161	—	—
	Итого:	1373	1,1	1,1
юридическая	физико-математический	481	—	—
	историко-филологический	731	—	1,1
	юридический	161	29,1	38,5
	Итого:	1373	2,7	5,1
литературная	физико-математический	481	—	—
	историко-филологический	731	6,2	16,8
	юридический	161	—	4,1
	Итого:	1373	3,2	9,5
семейная	физико-математический	481	0,6	0,3
	историко-филологический	731	0,7	1,2
	юридический	161	—	—
	Итого:	1373	0,6	0,5
иная	физико-математический	481	4,8	1,2
	историко-филологический	731	0,1	0,8
	юридический	161	0,8	1,2
	Итого:	1373	1,8	0,9
не ясно самой	физико-математический	481	4,7	0,3
	историко-филологический	731	11,2	7,7
	юридический	161	0,6	1,2
	Итого:	1373	7,7	4,1

* % к числу ответивших на вопрос. — О. В.

** % к числу ответивших на вопрос. — О. В.

Таким образом, в 1909 году из 731 слушательницы историко-филологического факультета планировали в будущем заниматься научной деятельностью 11,2 %, а из 481 слушательницы физико-математического – 4,1 %. Комментируя соотношение желаемого и реально предполагаемого, авторы переписи приводят выдержку из ответа одной из студенток: «Никаких планов. Потому что мечтают только о недостижимом и прекрасном. А серьезно мечтать о таком (например, о профессорской кафедре) – надо обладать большим самомнением»¹¹⁸⁷. Ответы на данные вопросы также несколько колебались в зависимости от возраста (таблица 10)¹¹⁸⁸.

Таблица 10. Возраст слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, отвечавших на вопросы о планируемой и желаемой в будущем деятельности

¹¹⁸⁷ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи... С. 142.

¹¹⁸⁸ Там же.

Возраст	Количество отвечающих	Планировали заниматься научной деятельностью	Желали бы заниматься научной деятельностью
меньше 20 лет	376	4,7 %	12,7 %
от 20 до 25 лет	972	9,5 %	14,0 %
больше 25 лет	303	6,4 %	23,1 %

Следует признать, что приведенные данные свидетельствуют не только о низкой популярности профессиональной научной деятельности среди студенток Высших женских курсов, но и о понимании ими бесперспективности подобного выбора с практической точки зрения. Особенно хорошо видна разница между теми, кто теоретически *хотел бы* стать научным сотрудником, и теми, кто *реально предполагал* это сделать, в старшей возрастной группе. Государственные законы, ограничивавшие права женщин на работу в интеллектуальной сфере, по мере возрастания количества женщин, обладавших необходимой для подобной работы квалификацией, становились все более стеснительными. Аргументы начала XIX века, убеждавшие в «физической» неспособности женщин и их «неготовности» к подобной деятельности, звучали все более и более странно. Например, анонимный сотрудник кафедры всеобщей истории С.-Петербургских Высших женских курсов писал в 1903 году, что в течение 25-летнего периода своего существования кафедра постоянно испытывала нехватку преподавателей, и добавлял: «В самих слушательницах лежит гарантия дальнейшего успеха дела: когда они по знаниям своим будут достойны того, чтобы занимать кафедры истории, – и, как будто поняв, что именно он написал, тут же добавил: – и когда они получают на это право, тогда, конечно, не только будет обеспечено преподавание на наших курсах, но они, в свою очередь, окажут услуги тем новым заведениям, которые будут возникать в России»¹¹⁸⁹. Из этого несколько опрометчивого высказывания следовало, что либо за 25 лет курсы не смогли подготовить ни одной выпускницы, достойной занять, в данном случае, кафедру истории, либо что эти выпускницы не имели подобного права. И это второе положение продолжало оставаться в законной силе.

Тем не менее, как мы уже говорили выше, находились женщины, готовые рискнуть неопределенным будущим ради возможности научно-исследовательской работы. Их мотивы, сложности, которые приходилось им преодолевать на пути к поставленной цели, ясно видны из биографических документов Александры Андреевны Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945), выдающегося физика первой половины XX века, доктора физико-математических наук, заведующей кафедрами в различных высших учебных учреждениях, начинавшей свою научную карьеру на Московских Высших женских курсах. А. А. Глаголева родилась 16 февраля 1884 года в селе Товарково Богородицкого уезда Тульской губернии. О ее семье известно очень немного: отца звали Андрей Глаголев, он служил священником упомянутого села Товарково¹¹⁹⁰. Имена матери, братьев и сестер не упоминаются в доступных на сегодняшний день документах. Семья, однако, была большой и, видимо, очень бедной. В личном деле А. А. Глаголевой, сохранившемся в архиве Московских Высших женских курсов, нам удалось обнаружить любопытный документ: 20 февраля 1910 года Александра Андреевна обратилась к руководству курсов с прошением о «пособии за внос платы» за обучение, в котором она рассказывает о финансовых обстоятельствах своих родителей. На вопросы анкеты: «На какие средства живет в Москве? Высылают ли их родители или родственники? Если не высылают или высылают мало, то по какой причине: по бедности (изложить в таком случае их имущественное положение), по многосемейности (отметить число лиц в семье и их положение) и пр. Не получает ли от общественных учреждений или частных лиц ежемесячных или единовременных пособий? Не имеет ли какого заработка? Сколько получает в месяц всего и из каждого источника в отдельности?» – она отвечала: «Средства на содержание достаю сама, ввиду многосемейности

¹¹⁸⁹ С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 18–19.

¹¹⁹⁰ См.: Глаголева А. А. Письмо А. А. Глаголевой. 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 40, 40 об.

родителей, имеющих 9 человек детей, из которых только один состоит на месте, получая 25 р[ублей] в месяц, остальные же находятся в таком положении: двое учатся в высших учебных заведениях (я и брат – Моск[овский] Комм[ерческий] инстит[ут]); двое – в средних учебных заведениях в Туле, 3-ое маленьких учатся еще дома и, наконец, дочь – вдова, с четырьмя малолетними детьми, которой необходимо помогать, ввиду ее материальной необеспеченности»¹¹⁹¹.

О своем детстве и начальном образовании А. А. Глаголева очень лаконично писала в одной из автобиографий: «В детстве имела очень живой и восприимчивый характер. Самоучкой научилась читать и писать; сама приготовилась к поступлению в среднюю школу. Помню, как настойчиво просила я своих родителей отвезти меня в Тулу на вступительный экзамен раньше, чем они сами предполагали это сделать. Не помню, каковы были мои ответы на экзаменах, но хорошо помню свое торжество: я была принята в среднюю школу, к удивлению своей семьи. Училась я хорошо; моими любимыми предметами были математика и физика»¹¹⁹². Еще несколько слов написал о детстве А. А. Глаголевой ее муж Владимир Константинович Аркадьев (1884–1953)¹¹⁹³: «В раннем детстве научившись без посторонней помощи читать, Александра Андреевна еще в свои юные годы поглотила множество книг. Наибольшее впечатление на нее произвели описания парижской бедноты в романах Золя. Наблюдая вокруг себя жизнь русской деревни, Александра Андреевна еще тогда прониклась глубоко демократическими взглядами, которым она оставалась верной всю свою жизнь. В этом надо видеть корни ее исключительно благожелательного, любовного отношения к людям, которое проявлялось наиболее эффективно в ее общественной деятельности», – отмечал он¹¹⁹⁴. К сожалению, эти два кратких замечания – все, что известно нам о детстве выдающегося ученого и крупного общественного деятеля.

В 1900 году А. А. Глаголева окончила курс Тульского епархиального училища. Из своих учителей она упоминает только преподавателя физики, молодого и увлеченного выпускника Московского университета А. М. Покровского¹¹⁹⁵. Возможно, именно ему она обязана интересом к этому предмету, определившему всю ее последующую жизнь. Однако тогда, в 1900 году, о возможной научной работе Александра Андреевна могла только мечтать. Правительство разрешило вновь открыть Московские Высшие женские (МВЖК) курсы (закрытые в 1886 году) только в 1900 году, в год окончания А. А. Глаголевой училища. С 1901 года МВЖК начали прием слушательниц. Казалось бы, ситуация складывалась благоприятно для молодой Глаголевой (ведь вряд ли дочь священника могла бы позволить себе заграничное путешествие и даже С.-Петербург с его Высшими женскими курсами должен был казаться очень далеким из тульской деревни).

Но существовало одно препятствие (помимо денег): по новым правилам незамужним несовершеннолетним, то есть не достигшим 21 года, девушкам для поступления на Высшие женские курсы помимо прочих документов требовалось письменное разрешение родителей. В скобках заметим, что несовершеннолетним молодым людям для поступления в университет разрешения родителей не требовалось. Замужние же женщины должны были представлять разрешение супругов независимо от своего возраста. В 1901 году А. А. Глаголевой исполнилось 17 лет, она страстно хотела учиться, но ее родители придерживались другого мнения. Во всяком случае, именно так утверждала сама А. А. Глаголева в различных автобиографиях и в разговорах с друзьями. И это ее утверждение как-то незаметно переключалось и в исследова-

¹¹⁹¹ Глаголева А. А. Прошение о пособии на взнос платы [за обучение на Московских Высших женских курсах]. 20 февраля 1910 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 43.

¹¹⁹² Глаголева-Аркадьева А. А. Автобиография. 3 октября 1927 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 43.

¹¹⁹³ Аркадьев Владимир Константинович (1884–1953) – физик, член-корреспондент АН СССР по разряду физическому (физика) отделения физико-математических наук с 15 января 1927 г.

¹¹⁹⁴ Биографические статьи и очерки об А. А. Глаголевой-Аркадьевой // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 129. Л. 17.

¹¹⁹⁵ Глаголева-Аркадьева А. А. Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 43.

тельские работы, посвященные ее биографии. К. А. Волкова, например, писала: «А.А. [Глаголева], как и многие женщины того времени, выдержала борьбу с родителями за право на высшее образование, на самостоятельную жизнь и работу»¹¹⁹⁶. И действительно, подвергать эти сведения сомнению не было никаких причин. Ученица и близкая приятельница А. А. Глаголевой Сильвия Семеновна Зильберштейн (1891–?) рассказывала с ее слов, что в конце концов Александре Андреевне пришлось просто убежать из дома, «выпрыгнув в окно»¹¹⁹⁷. Другая ее ученица, Екатерина Михайловна Румянцева, вспоминала, что день отъезда Александры Андреевны в Москву стал для ее семьи «днем семейного траура»¹¹⁹⁸. Сама Александра Андреевна с неподдельной горечью писала об этом: «Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и так же горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помощь со стороны»¹¹⁹⁹. Однако документы, обнаруженные нами в личном деле А. А. Глаголевой-Аркадьевой в фонде Московских Высших женских курсов, свидетельствуют о том, что все эти утверждения если и соответствовали действительности, то далеко не полностью.

В любом случае в 1900 году, по окончании Тульского епархиального училища, А. А. Глаголева поступила не на МВЖК, а на службу учительницей в сельскую школу. Здесь впервые проявился ее педагогический талант. Несмотря на острое разочарование из-за невозможности учиться, она выполняла свою работу с искренним увлечением и число ее учеников постоянно росло. Впоследствии она вспоминала, что при ее поступлении в школу у нее было 35 учеников, а уходя через шесть лет, она оставляла уже 130¹²⁰⁰. Тем не менее работа учительницы начальных классов не могла удовлетворить ее, и время, проведенное в сельской школе, стало для нее серьезным испытанием. Позднее она писала: «Только благодаря своему живому характеру и неистощимой любви к жизни и работе я сохранила в себе душевное равновесие в эти годы; серьезная педагогическая работа в школе, которой я отдавала почти все свое время¹²⁰¹, и скрытая от окружающих работа по подготовке в высшую школу, связанная с тренировкой¹²⁰² воли перед ожидавшей меня трудовой студенческой жизнью¹²⁰³, гармонично сочетались¹²⁰⁴ во мне»¹²⁰⁵.

Возможно, вначале родители А. А. Глаголевой действительно возражали против ее отъезда в Москву на Высшие женские курсы. Но, вопреки последующим утверждениям Александры Андреевны, эти возражения были преодолены к 1904 году. В доказательство этих слов в личном деле сохранились два письма ее отца. В первом из них он сообщает о намерении выделять дочери необходимые для обучения на курсах средства: «Сим удостоверяю, что дочь моя, окончившая курс Тульского епархиального женского училища Александра Глаголева, будет в состоянии вносить следуемую курсам плату, так как средства эти она будет получать от меня. Священник с[ела] Товарково Богородецкого уезда Тульской епархии Андрей Глаголев»¹²⁰⁶. Это

¹¹⁹⁶ Волкова К. А. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева. 1884–1945 // *Глаголева-Аркадьева А. А. Собрание трудов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 18–19.

¹¹⁹⁷ *Зильберштейн С. С.* Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой. 24 февраля 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134. Л. 7.

¹¹⁹⁸ *Румянцева Е. М.* Воспоминания о А. А. Глаголевой-Аркадьевой. 14 января 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 139. Л. 2.

¹¹⁹⁹ *Глаголева А. А.* Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 43.

¹²⁰⁰ Там же. Л. 44.

¹²⁰¹ Далее зачеркнуто: «с одной стороны». — *О. В.*

¹²⁰² Далее зачеркнуто: «своей». — *О. В.*

¹²⁰³ Далее зачеркнуто: «с другой стороны, очень». — *О. В.*

¹²⁰⁴ Далее зачеркнуто: «в моей духовной жизни». — *О. В.*

¹²⁰⁵ *Глаголева А. А.* Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 43–44.

¹²⁰⁶ *Глаголев А.* Письмо руководству Московских Высших женских курсов. [1905] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 41.

письмо заверено печатью Тульской епархии и имеет исходящий делопроизводственный номер, то есть подделка в данном случае исключается. В письме к дочери, датированном 1905 годом, А. Глаголев пишет (к сожалению, письмо очень неудачно переплетено в деле и поэтому полностью не читаемо): «Дорогая моя дочь Александра Андреевна! <...> что по требованию нашей жизни необходимо тебе образование для того, <...> крепче и <...> следовать на посту службы, а потому и <...> доставлять тебе <...> средства на твоё образование на курсах сколько потребуется, чтобы безбедно проходить курс образования. Да благословит господь тебя учиться...»¹²⁰⁷ Таким образом, какие бы разногласия ни существовали в семье, уже к 1905 году они были преодолены и отец не только дал свое официальное разрешение, по закону необходимое для поступления курсы, но и свое благословение, а также пообещал материальную поддержку, несмотря на 8 других детей.

В личном деле А. А. Глаголевой сохранилось два ее заявления с просьбой о приеме на Московские Высшие женские курсы. Первое из них датировано 7 мая 1905 года и содержит следующие сведения: «Имея сильное желание продолжить свое образование и получивши отказ, в прошлом году, на свое прошение, осмеливаюсь вторично покорнейше просить Ваше Превосходительство принять меня в число слушательниц вверенных Вам курсов по естественному отделению. Средства для платы за право слушания лекций и на жизнь в Москве я имею от своего отца. В продолжение своего учения на курсах жить буду у своей родственницы, заведующей приютом, Софии Семеновны Розановой. При сем прошении прилагаю письма: от своего отца, священника села Товарково Богородицкого уезда, – о его согласии выдавать мне ежегодное содержание сколько потребуется, и от вышеозначенной родственницы – о ее согласии принять меня к себе на квартиру»¹²⁰⁸.

Таким образом, уже в 1904 году А. А. Глаголева подавала прошение о зачислении на курсы, имея согласие отца и письменное подтверждение его финансовой поддержки. Тем не менее и в 1904 году, и в 1905-м ее прошения были отклонены, хотя и не из-за отсутствия согласия родителей. Через шесть лет после окончания епархиального училища, 9 мая 1906 года, А. А. Глаголева вновь, уже в третий раз, подала прошение о зачислении на курсы. На этот раз заявление помимо официально необходимой информации содержало страстную мольбу (по-другому это сложно назвать) с просьбой о принятии, мольбу, в которой объясняются мотивы ее поступка. «Имея сильное желание продолжить свое образование, но получивши уже два раза отказ, осмеливаюсь опять покорнейше просить Ваше Превосходительство принять меня в число слушательниц вверенных Вам курсов по естественно-математическому отделению, – писала А. А. Глаголева¹²⁰⁹. И продолжала, объяснив, что все необходимые документы у нее имеются: «Прошу Вас, Ваше Превосходительство, хоть в этот раз не отказать в моем прошении. Мое желание учиться не есть каприз, могущий с течением времени позабыться; нет, это желание – цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало: вот это уже третье мое прошение к Вам. Не закрывайте же дверей Высших курсов для искренне жаждущего учения!»¹²¹⁰ И объясняла более подробно: «Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла своего: родные согласились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться, – но самое главное, – алтарь знания – закрыт для меня. Три раза я просила открыть его для меня, и два раза уже получала отказ. Неужели третье мое прошение, оставшись “гласом вопиющего в пустыне”, окончательно убьет мои стрем-

¹²⁰⁷ Глаголев А. Письмо А. А. Глаголевой. 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 40, 40 об.

¹²⁰⁸ Глаголева А. А. Прошение А. А. Глаголевой о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 7 мая 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 2.

¹²⁰⁹ Глаголева А. А. Прошение А. А. Глаголевой о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 9 мая 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 1.

¹²¹⁰ Там же.

ления, подорвет мои последние силы для борьбы с препятствиями на пути к цели жизни, и заставит меня всю оставшуюся мою жизнь посвятить предмету, неинтересному для меня, с твердым и грустным сознанием того, что призвание мое было другое, и что оно непоправимо разбито»¹²¹¹. Здесь мы видим стиль и метафоры, вполне достойные выпускницы епархиального училища. Правда, остается непонятным, при каких обстоятельствах у этой самой выпускницы возникло такое сильное желание изучать именно естественные науки. Тем не менее оно возникло. И А. А. Глаголева не стеснялась умолять, чтобы получить желаемое: «Войдите в положение состояния моей души, Ваше Превосходительство, и, если найдете возможным, сделайте меня избранницей из числа пришедших к Вам с искренним желанием получить знания, во имя того, что я уже три года жила этой надеждой, и до сих пор она была напрасной. Время (6 лет), прошедшее после окончания курса, не было бесполезным для меня: я была учительницей и готовилась на курсы»¹²¹².

Можно предположить, что А. А. Глаголева получала отказы не из-за несогласия семьи (или не только из-за этого), а из-за характера своего среднего образования. Желающих поступить учиться на МВЖК было больше, чем доступных мест, и на курсах существовал конкурс аттестатов (так же как и на С.-Петербургских Высших женских курсах). Большинство претенденток были выпускницами гимназий, часто частных, готовивших девочек по программе мужских гимназий, окончившими, кроме того, дополнительный, так называемый педагогический класс. По существовавшему в Российской империи делению гимназии принадлежали к учебным заведениям I-го разряда, епархиальные училища – II. Программа гимназий была значительно более насыщенной и сложной, а подготовка, получаемая их выпускницами, более серьезной и глубокой. Епархиальные училища не могли с ними соперничать никоим образом. Современный исследователь истории женского епархиального образования О. Д. Попова отмечает в подробной монографии «В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ)»: «Наиболее целеустремленные выпускницы женских епархиальных училищ стремились получить высшее образование на Высших женских курсах. Как уже говорилось выше, образование в епархиальном училище давалось ниже гимназического, поэтому для поступления на высшие курсы девушкам приходилось заканчивать еще один класс в гимназии или много заниматься самостоятельно. Поэтому высшее образование получали лишь самые настойчивые»¹²¹³. Рассказывая о судьбах немногих выпускниц епархиальных училищ, окончивших Высшие женские курсы, О. Д. Попова среди прочих упоминает выпускницу Калужского епархиального училища, ученицу К. Э. Циолковского Анну Георгиевну Соколову, учившуюся на Московских Высших женских курсах в середине 1900-х годов (приблизительно в одно время с А. А. Глаголевой): «В епархиальном [училище] не преподавали тригонометрию и стереометрию <...>, – пишет О. Д. Попова. – Их пришлось осваивать (А. Г. Соколовой. — О. В.) самостоятельно по учебникам в короткий срок»¹²¹⁴. Заметим в скобках, что даже девушки, обучавшиеся в престижных частных гимназиях, очень серьезно готовились к поступлению на Высшие женские курсы. Например, Вера Александровна Варсанюфьева (1889–1976), впоследствии первая женщина, получившая степень доктора геолого-минералогических наук в СССР, много лет заведовавшая кафедрой, автор многочисленных научных трудов, бывшая совсем ненамного моложе А. А. Глаголевой и А. Г. Соколовой, очень лаконично описавшая начало своей биографии: «Вера Александровна Варсанюфьева. Родилась 9-го июля 1889 года в г. Москве. Окончила в 1906 г [оду] Рязанскую Мариинскую женскую гимназию. С золотой медалью. В 1907 году окончила курс VIII-го класса в Рязанской частной гимназии В. Е. Еки-

¹²¹¹ Там же. Л. 1 об.

¹²¹² Там же.

¹²¹³ Попова О. Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: Поверенный, 2006. С. 248.

¹²¹⁴ Там же. С. 249.

мецкой. В сентябре 1907 года поступила на М.В.Ж. курсы и окончила их в 1915 г[оду] по циклу геологии»¹²¹⁵, – в письме к подруге Е. Д. Архангельской летом 1906 года описывала свои занятия следующим образом: «...после 9 час[ов] (утра. — О. В.) сажусь за физику и математику. (Передай Николаю Николаевичу, что я занимаюсь ими так усердно, что у него бы сердце порадовалось глядя на меня.) После физики и математики я очень серьезно занимаюсь и читаю с Манюшкой, вся оставшаяся часть дня до той самой минуты, как я уже лежу в постели, идет у меня на чтение, прерываемое только прогулками, хотя я особенно в них и не нуждаюсь, потому что почти все время занимаюсь в лесу. Я так погружена в чтение и учение, что совершенно не успеваю пользоваться обществом живущих здесь людей, хотя могла бы найти в нем развлечение и быть может удовольствие»¹²¹⁶.

Тем не менее третье прошение А. А. Глаголевой о зачислении на курсы было удовлетворено и, несмотря на все препятствия, в 1906 году она начала учиться на физико-математическом отделении Московских Высших женских курсов. «Мне трудно передать воспоминание о тех счастливых, на всю жизнь запечатлевшихся минутах, когда я впервые вошла в здание М.В.Ж.К., которое в то время помещалось в Мерзляковском переулке. Нет слов для описания чувств, пережитых мною при посещении первых лекций. Я испытывала чувства благоговения перед профессорами, которые мне казались сверх людьми, когда они в аудиториях демонстрировали пред нами власть человека над природой, вызывая по своему желанию те или иные физические явления и химические процессы», – писала она¹²¹⁷. Но не только лекции интересовали молодую женщину. Она увлекалась литературной, художественной и даже политической жизнью Москвы; посещала Художественный театр, картинные галереи, литературные вечера, на которых выступали В. В. Вересаев, Л. Н. Андреев и другие, не пропускала политические митинги, проходившие в зданиях университета. «Обилие впечатлений огромного шумного столичного города поражает воображение молоденькой провинциальной девушки; она старается все видеть, все знать, все охватить, все впитать в себя», – рассказывала об этом времени из жизни А. А. Глаголевой Е. М. Румянцева¹²¹⁸. Она же вспоминает о серьезном увлечении Александры Андреевны Художественным театром. Е. М. Румянцева пишет, что Глаголева одно время мечтала о сцене, даже ходила на просмотр к К. С. Станиславскому и была принята им в статистки. «Будучи весьма одаренной натурой А. А. могла заняться сценической деятельностью. Чаша весов колебалась, была дилемма: учиться на курсах или стать актрисой. Много было раздумья, сомнений и после долгих мучительных дней колебаний, стремление к знанию берет верх, и А. А. твердо решает посвятить свою жизнь научно-педагогической деятельности», – вспоминала Е. М. Румянцева¹²¹⁹. Однако сама А. А. Глаголева отрицала подобную возможность: «Но суতোлка столичной жизни никогда не могла оторвать меня от лекций и лабораторий; они были в моей студенческой жизни всегда впереди всего», – писала она¹²²⁰. Особое впечатление произвели на нее лекции профессоров А. А. Эйхенвальда по экспериментальной и теоретической физике, Б. К. Млодзеевского по математике, а также лекции Н. А. Умова по физике, которые она ходила слушать в Московский университет.

Следует еще заметить, что, несмотря на обещание финансовой поддержки, данной Александре Андреевне при ее поступлении на курсы, ее семья мало чем могла ей помочь, в таком тяжелом состоянии они находились. А. А. Глаголевой-Аркадьевой самой приходилось зарабатывать не только на жизнь, но и на оплату обучения на МВЖК, поэтому все годы учебы она

¹²¹⁵ Варсанюфьева В. А. Curriculum vitae. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1.

¹²¹⁶ Варсанюфьева В. А. Письмо Е. Д. Архангельской. 23/24 июня 1906 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 6 об.

¹²¹⁷ Глаголева А. А. Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 44.

¹²¹⁸ Румянцева Е. М. Воспоминания о А. А. Глаголевой-Аркадьевой. ... Л. 2.

¹²¹⁹ Там же.

¹²²⁰ Глаголева А. А. Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 44.

продолжала педагогическую деятельность: давала частные уроки, а также работала в вечерней школе при общежитии для вдов и сирот. Этот ее заработок, по ее воспоминаниям, «являлся единственным средством [для] существования»¹²²¹.

Постоянно бороться с хроническим отсутствием денег приходилось многим курсисткам. Например, почти ровесница А. А. Глаголевой Ольга Андреевна Старосельская-Никитина (1885–1969), в будущем кандидат исторических наук и один из самых известных отечественных историков физики второй половины XX века, также не могла поступить на Московские Высшие женские курсы сразу по окончании среднего учебного учреждения, хотя в данном случае дело было не в недостатке статуса учебного заведения. О. А. Старосельская родилась 2 января 1885 года в городе Кременчуге. Ее отцом был отставной штабс-капитан, преподаватель технического училища; матерью – акушерка. В августе 1894 года она поступила в Московский Николаевский сиротский институт (официальное название: Московский сиротский институт императора Николая I) на правах дочери раненного во время войны 1877 года штаб-софизера. С некоторой обидой она отмечала в одной из автобиографий: «...принята в Николаевский сиротский институт в Москве, но не в VI-й (II-ой) класс, в который была подготовлена, а в Разумовское отделение для малолетних безо всякого экзамена, лишь на том основании, что мала ростом и летами»¹²²². Это обстоятельство не помешало ей, однако, окончить институт в 1905 году с золотой медалью. Николаевский сиротский институт принадлежал к числу средних учебных заведений I разряда, что обеспечивало наиболее серьезную научную программу из всех возможных. Воспитанницы, прошедшие курс обучения и успешно сдавшие экзамены, получали звание «домашней наставницы» – наиболее уважаемое в Российской империи звание, которое могла получить девушка по окончании образования, – и право преподавать (на дому или в средней школе, не считая гимназий: за право женщин преподавать в гимназиях как раз в 1900-е годы шла острая борьба) те предметы, в которых они специализировались и преуспели. В дипломе О. А. Старосельской значится: «...дозволено ей, Старосельской, принять на себя звание домашней наставницы с правом преподавать русский язык и словесность, французский язык и словесность, немецкий язык и словесность, математику, географию, историю, физику, естественную историю, педагогику, дидактику...»¹²²³ Пока О. А. Старосельская училась в Москве, ее родители умерли один за другим (в 1898 году – отец, в 1899 году – мать). Таким образом, О. А. Старосельская осталась круглой сиротой в 13 лет. По выходе из института она не только сама не имела никакой материальной поддержки, но и была вынуждена помогать младшим братьям, поэтому у нее не было возможности сразу продолжить образование. С августа 1905 по октябрь 1907 года она преподавала французский язык в 3-й женской гимназии Ставрополя и только осенью 1907 года смогла поступить на Московские Высшие женские курсы, на историко-философский факультет. Но из-за постоянной нехватки средств спокойно учиться не получалось. С некоторой горечью она писала в автобиографии: «С 1907 года до конца 1910 числилась слушательницей Московских высших женских курсов, но большую часть времени приходилось отдавать преподавательской деятельности в качестве гувернантки...»¹²²⁴ В начале 1911 года О. А. Старосельской пришлось покинуть Москву и курсы из-за отсутствия денег. В 1912 году ей удалось вернуться в город и восстановиться на курсах. Но уже в 1913 году она обращалась к директору Московских Высших женских курсов с просьбой о пособии на взнос платы за обучение. О своем финансовом положении тогда она

¹²²¹ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой. 12 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 35.

¹²²² *Старосельская О. А. Curriculum vitae*. Б.д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 1.

¹²²³ *Старосельская О. А.* Свидетельство [об окончании Московского сиротского института императора Николая I]. 26 октября 1905 г. // Научный архив Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. *Старосельская-Никитина О. А.* Личное дело Старосельской-Никитиной О. А. Л. 77.

¹²²⁴ *Старосельская О. А. Curriculum vitae*. Б.д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 90.

писала, отвечая на вопрос анкеты «На какие средства живет в Москве»: «На собственные сбережения с уроков. Ни от каких родственников ничего не получаю, а наоборот посылаю иногда младшим братьям. От Комитета о раненых получила в 1912 г[оду] 90 р[ублей] единовременного пособия, но истратила на лечение брата в декабре и январе этого года. Теперь заработков не имею за недостатком времени и здоровья»¹²²⁵. Тем не менее, несмотря на все сложности и отсрочки, О. А. Старосельская окончила Московские Высшие женские курсы в 1912 году¹²²⁶.

---

¹²²⁵ Старосельская О. А. Прощение о пособии на взнос платы [за обучение на Московских Высших женских курсах]. Февраль 1913 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 90.

¹²²⁶ Старосельская О. А. Curriculum vitae. Б.д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 2.

Рис. 20. Портрет О. А. Старосельской (из коллекции Иконотеки ИИЕТ РАН)

Так что А. А. Глаголева была не одинока в своих материальных трудностях. Ей, по крайней мере, не пришлось прерывать обучение для поиска средств. Уже с третьего курса А. А. Глаголева стала посещать специальную физическую лабораторию профессора А. А. Эйхенвальда. Именно тогда, по ее собственным словам, она начала «серьезно заниматься физикой»¹²²⁷. По окончании Высших женских курсов в 1910 году (полный курс обучения составлял тогда четыре года) она получила предложение остаться работать при кафедре физики МВЖК в должности

---

¹²²⁷ Глаголева А. А. Автобиография. 3 октября 1927 г. ... Л. 44.

ассистентки. Предложение это было ею принято: «Мне часто приходилось слышать от своих товарищей по учению, и самой лично казалось, что у меня есть склонность к педагогической работе и умелый подход к ней, и потому я имела смелость прямо со школьной скамьи занять предложенное мне место в ВУЗ'е», – объясняла она¹²²⁸.

Коллеги, знавшие А. А. Глаголеву в те времена, отзывались о ней с неизменным восхищением: «Я помню А. А. по ВЖК молодую и цветущую <...>, – писала Е. М. Румянцева. – Она была изумительным руководителем студенческого практикума. Еженедельно по пятницам студентки – специалистки по физике докладывали о своих работах. Доклады строго обсуждались присутствующими профессорами и преподавателями. А. А. была душой этих коллоквиумов. Она вкладывала много своего труда, своей помощи в эти наши студенческие работы. Очень волновалась за докладчиков, переживая вместе с ними весь трепет творческого выступления. И по окончании докладов за чашкой чая студентки делились с А. А. впечатлениями, внимательно прислушивались к ее замечаниям, строили планы на будущее»¹²²⁹. Е. М. Румянцева вспоминала, как в весенние дни по окончании учебного года в физическом корпусе МВЖК устраивался «физический чай», на который собирались профессора и слушательницы физического отделения. «Здесь читали стихи известных поэтов и свои собственные (кто не писал в юности стихов), показывали шарады в лицах, танцевали и музицировали. Было непринужденно, молодо и весело», – писала Е. М. Румянцева¹²³⁰. Организатором и вдохновителем этих встреч была именно А. А. Глаголева. С. С. Зильберштейн так описывала свою первую встречу с А. А. Глаголевой: «Я часто заглядывала в специальные лаборатории по физике. Наблюдала за тем, как работают специалистки. Там я увидела руководительницу работами, стройную, высокую девушку с чудесными золотистыми волосами. Это была Александра Андреевна. Мне нравилась ее манера работать весело и сосредоточенно, чувствовалась любовь к своей работе. Впоследствии мне пришлось с Ал[ександрой] Андр[еевной] часто встречаться; она была моей руководительницей и потом товарищем по работе. И первое впечатление об Ал[ександре] Андр[еевне] не изменилось. Она работала с увлечением, во время работы весь мир для нее исчезал, все, кроме ее работы и это было всегда, что бы она ни делала»¹²³¹. С. С. Зильберштейн рассказывает, как внимательно относилась Александра Андреевна к вопросам студенток, как никогда не оставляла их без ответов, а если чего-то сама не знала, начинала просматривать литературу и впоследствии обязательно возвращалась к данному вопросу¹²³².

Таким образом, А. А. Глаголева была увлечена изучением естествознания с детства, возможно благодаря кому-то из своих школьных преподавателей. Она потратила немало сил и лет, чтобы просто получить возможность учиться, однако за все это время и несмотря на все трудности ее интерес не угас и намерение заниматься естественными науками не пропало. Ее добросовестность, известная нужда в средствах, а также очевидные способности к преподаванию доставили ей место ассистентки на Высших женских курсах еще до окончания ею обучения. Это была редкая благоприятная возможность, которой А. А. Глаголева воспользовалась. Но работа отнимала много сил и времени, из-за этого даже оттягивалось написание собственного диплома и окончание курсов. Занимаясь преподаванием, А. А. Глаголева одновременно писала дипломную работу, посвященную исследованию конденсации паров на ядрах¹²³³.

Несмотря на то что должности, на которые стали устраиваться женщины, находились в научных и высших учебных учреждениях, сами должности были техническими. Они требо-

¹²²⁸ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35.

¹²²⁹ Румянцева Е. М. Воспоминания о А. А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 1.

¹²³⁰ Там же.

¹²³¹ Зильберштейн С. С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой... Л. 1, 1 об.

¹²³² Зильберштейн С. С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой... Л. 1 об.

¹²³³ Ее точное название: «О конденсации паров на ядрах». – О. В.

вали определенных знаний и навыков, но давали мало возможностей для личной научно-исследовательской работы. Как замечала биограф Е. Ф. Ковалевской Н. Н. Романова, «в лаборатории П. С. Коссовича¹²³⁴ Ковалевская проработала несколько месяцев, а потом поступила в качестве внештатного лаборанта в Центральную химическую лабораторию министерства финансов. Работа в этих лабораториях не удовлетворяла Ковалевскую. Она стремилась продолжить начатую в Берне научную работу по биологической химии, в частности в области белкового обмена»¹²³⁵. И даже устроившись на внештатную должность в Женский медицинский институт, в лаборатории которого проводились соответствующие исследования, Е. Ф. Ковалевская не могла получить свободный доступ к научно-исследовательской работе: «...ей по-прежнему приходилось днем работать в Центральной химической лаборатории министерства финансов, а с 18 до 22 часов она вела занятия и научную работу в Женском медицинском институте», – писала Н. Н. Романова¹²³⁶.

Ассистентки на Высших женских курсах, как правило, были перегружены работой. Вот, например, что между делом писала Анна Болеславовна Миссуна (1868–1922), с 1906 года работавшая ассистенткой по геологии на МВЖК, в черновом наброске записки геологической комиссии МВЖК по поводу возможного расширения деятельности геологического кабинета: «Что касается занятий по петрографии, то дальнейшее увеличение занимающихся возможно только за счет образования новой группы, но в этом случае возникает вопрос об оплате труда преподавателя, который и теперь уже затрачивает на эти занятия время в шесть раз больше официального»¹²³⁷. И через несколько фраз сама называла эту работу «мелким трудом преподавателя петрологии»¹²³⁸. При этом обязанности будущего «третьего» ассистента описывались следующим образом: «Эти обязанности будут распадаться на три части: 1) помощь на практических занятиях по исторической геологии, на трех или даже четырех группах, 2) помощь 1-му ассистенту в хозяйственных хлопотах по кабинету, в виду ее перегруженности этими обязанностями и 3) в помощи начинающим специалистам по исторической или физической геологии, при чем комиссия считает нужным указать, что до сих пор никакого вознаграждения за занятия со специалистами не положено»¹²³⁹. При этом количество студенток, с которыми предполагалось работать, составляло на момент написания записки, по подсчетам А. Б. Миссуны около ста человек в год (таблица 11)¹²⁴⁰:

Таблица 11. Слушательницы Московских Высших женских курсов, посещавшие занятия по петрографии (1912–1916)

Год	Слушательницы, записавшиеся на занятия	Слушательницы, завершившие занятия (сдавшие зачеты)
1912–1913	104	91
1913–1914	100	81
1915–1916	102	62

А увеличение числа студентов, ради которого записка и составлялась, предполагало увеличение каждой из 4 сформировавшихся обычно групп до 35–40 человек¹²⁴¹. Такая учебная нагрузка не могла оставлять значительного времени для научной работы, кроме, возможно,

¹²³⁴ Лаборатория почвоведения при Лесном институте. – О. В.

¹²³⁵ Романова Н. Н. Указ. соч. С. 87.

¹²³⁶ Там же.

¹²³⁷ Миссуна А. Б. Черновик «Записки геологической комиссии Московских Высших женских курсов» в физико-математический факультет [МВЖК]. 27 февраля 1916 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541. Л. 174.

¹²³⁸ Там же.

¹²³⁹ Там же.

¹²⁴⁰ Там же. Л. 173 об.

¹²⁴¹ Миссуна А. Б. Черновик «Записки геологической комиссии Московских Высших женских курсов» в физико-математический факультет [МВЖК]. 27 февраля 1916 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541. Л. 173 об.

летних каникул. Но несколько лет подобной деятельности без каких-либо перемен или надежд на перемены истощали людей. Так, например, еще в 1913 году А. Б. Миссуна писала супруге В. И. Вернадского, Н. Е. Вернадской, с которым она тесно сотрудничала во время его работы на МВЖК: «Летом я страшно [лентяйничала] и только один месяц провела на экскурсии в <...>¹²⁴² губ[ернии]. С научной точки зрения там было много интересного, но условия жизни ужасны. Все время приходилось останавливаться на постоянных дворах и жить в атмосфере водки и пьянства»¹²⁴³. Но вот другое письмо, к сожалению недатированное: «Уже около месяца как я в [хлопотах]; геол[огический] кабинет меняет квартиру и я совсем замоталась и порядком устала от всех этих хлопот. Теперь уже принимаюсь за научные занятия, не знаю только, что [последует], т[ак] к[ак] в этом году я чувствую себя далеко не так хорошо, как в прошлом году...»¹²⁴⁴ – писала А. Б. Миссуна Н. Е. Вернадской и продолжала далее: «Передайте, пожалуйста, Владимиру Ивановичу мою благодарность за присланный оттиск [Минералогии]. Жалко, что мне не удалось быть на заседании Минералогического кружка, но обстоятельства помешали этому»¹²⁴⁵. Постепенно силы убывали, и желания заниматься научной работой в редкие свободные минуты без надежды на вознаграждение материальное и вполне скромное вознаграждение моральное оставалось все меньше и меньше. Вот отрывок еще из одного письма А. Б. Миссуны к Н. Е. Вернадской: «Я веду чисто растительный образ жизни, умственно не работаю совершенно, даже не читаю; странное отвращение к книгам. Вл[адимир] Ив[анович], конечно, не одобрил бы этого, но я думаю, что это <...>¹²⁴⁶ и не насилую себя. Зато с большим удовольствием предаюсь физическому труду»¹²⁴⁷.

В 1929 году М. В. Павлова на вопрос анкеты, много ли было женщин-геологов до революции (собственно формулировка вопроса не сохранилась и восстановлена нами по контексту ответа), ответила: «В дореволюционное время [их]¹²⁴⁸ женщин было немного: Мария Кузьминич[на] Цветаева, Анна Болесла[вовна] Миссуна и я, так как женщины не допускались на службу в университеты. [Немногие получали высшее образование за границей.]¹²⁴⁹»¹²⁵⁰ Из них М. К. Цветаева, как уже упоминалось выше, занималась научными исследованиями в свободное от преподавания в гимназии время. То, что А. Б. Миссуна преподавала не в среднем, а в высшем учебном заведении, из-за ее должности делало ее положение точно таким же, каким было положение М. К. Цветаевой: она имела возможность заниматься научными исследованиями только в свободное от служебных обязанностей время. Д. В. Наливкин писал о результатах научной работы А. Б. Миссуны с глубоким уважением, но вместе с тем считал, что она «погибла» для науки: «Серия работ А. Б. [Миссуны] по четвертичным отложениям, изучение которых проводилось ею в течение 20 лет, представляет собой выдающееся новаторское исследование. А. Б. [Миссуна] была первой женщиной, выполнившей такие длительные и трудные самостоятельные геологические наблюдения, собравшей громадный новый фактический материал и сделавшей такой важный вывод, как вывод о многократности оледенений. По своему таланту и работоспособности она свободно, вероятно, могла бы конкурировать с М. В. Павловой, но ей помешала многотемность исследований»¹²⁵¹. И, описав все разнообразие науч-

¹²⁴² Слово неразборчиво. — О. В.

¹²⁴³ Миссуна А. Б. Письмо Н. Е. Вернадской. 30 сентября 1913 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 3 об.

¹²⁴⁴ Миссуна А. Б. Письмо Н. Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 11.

¹²⁴⁵ Там же. Л. 11 об.

¹²⁴⁶ Фраза неразборчива. — О. В.

¹²⁴⁷ Миссуна А. Б. Письмо Н. Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 13 об.

¹²⁴⁸ Зачеркнуто. — О. В.

¹²⁴⁹ Предложение зачеркнуто. — О. В.

¹²⁵⁰ Павлова М. В. Ответы на вопросы анкеты Женотдела ЦК ВКП(б). Не ранее 2 декабря 1929 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 70а.

¹²⁵¹ Наливкин Д. В. Анна Болеславовна Миссуна // Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 49–

ных интересов А. Б. Миссуны, продолжал: «Если бы не было этой безумной многотемности, как много могла бы дать А. Б. [Миссуна] по своим любимым четвертичным отложениям»¹²⁵². Д. В. Наливкин перебрал разные причины и не нашел ответа. Но ответ, как нам кажется, был достаточно близок, Д. В. Наливкин сам дал его: «Педагогическая деятельность А. Б. [Миссуны] была большой и разнообразной, нередко трудной, часто незаметной, но всегда полезной и нужной», – писал он¹²⁵³. Педагогическая деятельность «большая» и «незаметная», занимавшая силы, время, не ведшая к изменению социального положения, к увеличению материального благосостояния, к признанию. Но необходимая для выживания. Д. В. Наливкин сравнил А. Б. Миссуну с М. В. Павловой и написал, что она могла быть такой же успешной. В идеальных условиях, возможно. Но в реальной жизни между этими двумя женщинами существовала одна непреодолимая разница: Мария Васильевна Павлова была замужем за Алексеем Петровичем Павловым, профессором Московского университета, одним из крупнейших отечественных геологов своего поколения, пользовавшимся уважением научного сообщества и имевшим стабильный доход. Ее не брали на работу в геологический кабинет Московского университета, но благодаря А. П. Павлову и В. И. Вернадскому она получила разрешение заниматься с его коллекциями¹²⁵⁴. Ей не платили за это зарплату, но она могла прожить без нее и не умереть с голоду. А. Б. Миссуна была одинока, у нее не было независимого состояния и, соответственно, не было возможности работать без вознаграждения. К 1910 году, когда М. В. Павлова поступила на работу в Народный университет им. А. Л. Шанявского¹²⁵⁵, ее репутация серьезного ученого была давно завоевана. Одним из свидетельств уважения и признания со стороны научного сообщества стало председательство М. В. Павловой на первой в истории съездов русских естествоиспытателей и врачей подсекции палеонтологии на XII Съезде (1909/1910 годы) в Москве. 30 декабря 1909 года она открыла заседание речью «Значение палеонтологии», посвященной истории и будущему этой еще очень молодой научной дисциплины¹²⁵⁶. Дело в том, что, имея необходимое образование и не имея острой необходимости в заработке, М. В. Павлова выполнила большую часть своих научных работ в качестве свободной любительницы. В. А. Варсанюфьева, знавшая А. Б. Миссуну в роли ассистентки на курсах со времен своей студенческой юности, писала позднее, что именно ею, вместе с ее руководителем профессором В. Д. Соколовым, было положено начало «создания школы женщин-геологов»¹²⁵⁷. Но никакой наградой, или премией, или научным званием, или хотя бы благодарственным адресом ее заслуги отмечены не были. Несмотря на серьезные научные публикации и обучение нескольких поколений будущих женщин-геологов (хоть официально и не в статусе профессора), она так и продолжала оставаться ассистенткой, публиковавшей иногда интересные статьи. Как, на наш взгляд, очень выразительно написал Д. В. Наливкин, «тяжелая непосильная работа с каждым днем подрывала ее здоровье. Тяготы первой мировой войны, а затем гражданской довершили дело – в мае 1922 г[ода] Анна Болеславовна Миссуна умерла. Ей было всего 53 года. Как много еще мог бы сделать этот поразительный и необыкновенный человек!»¹²⁵⁸

Подводя итоги, можно отметить, что в 1900-е годы количество женщин, занятых на технических и вспомогательных должностях в научных и высших учебных заведениях, посте-

51.

¹²⁵² Там же. С. 50.

¹²⁵³ Там же. Л. 51.

¹²⁵⁴ Борисяк А. А., Меннер В. В. Мария Васильевна Павлова // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 6. С. 78.

¹²⁵⁵ Там же. С. 80.

¹²⁵⁶ Павлова М. В. Значение палеонтологии. Слово, сказанное при открытии подсекции палеонтологии 1909 года 30-го декабря // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 года по 6 января 1910 года. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 340–343.

¹²⁵⁷ Варсанюфьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: Издание Московского общества испытателей природы, 1947. С. 281.

¹²⁵⁸ Наливкин Д. В. Указ. соч. С. 53.

ленно возрастало. Уровень образования многих из них, как правило, значительно превышал требования, предъявлявшиеся к занимаемым ими должностям, однако получение даже вспомогательной должности бывало затруднительным. Их повседневные должностные обязанности оставляли мало времени для проведения собственных научных исследований. Они занимались ими урывками, в собственное свободное время. Многие их научные работы были написаны скорее «вопреки», чем «благодаря» их официальной службе. Некоторые женщины, поставленные в такие условия, бросали научно-исследовательскую работу и находили заработки в других местах; другие постепенно поглощались повседневными обязанностями и втягивались в ежедневную рутину; результаты их работ, многообещающие вначале, оставались в итоге достаточно скромными. Тем не менее само их ежедневное присутствие в научных и высших учебных учреждениях, их постоянное появление на заседаниях ученых обществ, их публикации в научных журналах, их участие в научно-организационной деятельности постепенно оказывали свое влияние и на научное сообщество, и на молодых женщин, размышлявших о выборе будущей карьеры, и на правительство.

Наверно, точнее и ярче многих охарактеризовал сложившуюся в этот период ситуацию Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, опубликовавший в 1901 году очерк о женщинах-геологах¹²⁵⁹, в котором очень точно и лаконично объяснил, зачем он это делает: «В настоящее время во многие слои общества проникло, по-видимому, убеждение в способности женщин к самостоятельной научной работе. Женщины доказали, и всякий беспристрастный судья этого отрицать не станет, что они не только могут быть полезными тружениками в науке, но что из их среды выходят даже крупные научные силы. Если число женщин-ученых еще сравнительно мало, то объясняется это, конечно, не их малоспособностью, а *различными социальными условиями, которыми все еще затруднен доступ женщины к научным занятиям и к применению научных знаний, дающему материальное обеспечение*¹²⁶⁰. Не вникая в значение этих условий, многие, однако же, продолжают стоять на устаревшей точке зрения, которая отрицала за женщиной способность к научной работе наравне с мужчиной. Мне кажется, что в виду этого всякая попытка распространения в публике сведений о женщинах, работающих на научном поприще, должна содействовать рассеянию ложного и в значительной мере предвзятого взгляда». И продолжал: «Руководствуясь этими соображениями, я решился составить краткий очерк деятельности женщин-геологов, как потому, что об них публике, кроме специалистов, мало известно, так и потому, что геологические исследования, требующие утомительных экскурсий и работ в поле, могут казаться, и до сих пор действительно кажутся, мало доступными женщинам»¹²⁶¹. В словарь Ф. Ю. Левинсона-Лессинга вошли краткие биографии 24 женщин, занимавшихся исследованиями (и публиковавших научные труды) по геологии и палеонтологии из России, Англии, Франции, Америки, Сербии. Завершил свой краткий очерк Ф. Ю. Левинсон-Лессинг следующими словами: «Будем же надеяться, что недалеко то время, когда женщины не только не будут встречать препятствий к удовлетворению своей жажды знания, своих научных стремлений, но и к применению своих знаний, к передаче их другим, наравне с мужчинами»¹²⁶². Но в 1901 году это время было еще впереди.

¹²⁵⁹ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 23 с.

¹²⁶⁰ Курсив наш. – О. В.

¹²⁶¹ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. III. С. 396.

¹²⁶² Там же. С. 408.

Глава 2

«Зима недаром злится, прошла ее пора...» или нет? Независимые исследовательницы в России в 1900-е годы

*...я хочу и непосредственно приносить счастье людям и служить
им своей наукой!*

Из письма Н. М. Субботиной Н. А. Морозову, 8 июля 1906 г.

Несмотря на приведенные в предыдущей главе сведения, нельзя не отметить, что большая доля результатов, привнесенных женщинами в развитие естественных наук в России в 1900-е годы, все еще принадлежала женщинам-любительницам – понятие, означавшее в отдельных случаях (особенно у представительниц старшего поколения) отсутствие официальных дипломов об образовании и научных степенях, а также (у всех) отсутствие оплачиваемой должности, подразумевавшей занятие научными исследованиями. Обстоятельства этих женщин были разными. Некоторым из них приходилось зарабатывать себе на жизнь, как правило, либо преподаванием, либо службой в какой-то конторе, а научно-исследовательской работе отводилось место хобби, хоть и серьезного. В предыдущем разделе настоящей работы мы упоминали о Марии Кузьминичне Цветаевой – одной из трех женщин-геологов, названной в ответе М. В. Павловой на вопрос о дореволюционных женщинах-геологах. Она последовательно преподавала в 4-й и 1-й московских гимназиях, занимаясь геологией в свободное от основной работы время¹²⁶³, о чем мы подробно писали выше. Другой пример подобной судьбы – биография астронома-любителя Алины Ивановны Фрейберг (1851–1909), члена Русского астрономического общества. К. Д. Покровский в некрологе писал о ее основной деятельности: «Весьма рано А. И. Фрейберг пришлось выступить на жизненном пути самостоятельно. Сначала она занималась педагогическим трудом, потом поступила в правление Невской пригородной конножелезной дороги контролером сборов. <...> А. И. [Фрейберг] оставалась на службе 29 лет»¹²⁶⁴. О ее научной деятельности Покровский писал следующее: «Алина Ивановна, не будучи астрономом-специалистом, любила астрономию страстно и была предана ей бескорыстно. <...> Любовь к астрономии явилась одним из главных мотивов и всей самостоятельной жизни Алины Ивановны, – писал он и продолжал: – Она изучала небо, много читала по астрономии, собирала астрономическую библиотеку, состояла членом Р[усского] астр[ономического] общества, заседания которого посещала очень аккуратно и с большим интересом, купила себе астрономическую трубу»¹²⁶⁵. Добавим, что она также участвовала в международных проектах астрономических наблюдений, в частности в масштабном проекте по наблюдению солнечных пятен, организованном профессором Вольфером¹²⁶⁶, руководителем Цюрихской обсерватории, в которой принимали участие астрономы из различных стран. Еще один российский участник этой программы барон Н. В. Каульбарс рассказывал об этом: «...нельзя не отдать полной справедливости замечательным трудам в создании и правильной постановке наблюдений, предпринятых по инициативе директора обсерватории в Цюрихе в Швейцарии профессора Wolfer, которому удалось привлечь к наблюдениям пятен: 1 обсерваторию в Швей-

¹²⁶³ См. об этом в автобиографии М. К. Цветаевой: *Цветаева М. К. Автобиография* // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

¹²⁶⁴ *Покровский К. А. И. Фрейберг (Некролог)* // Известия Русского астрономического общества. 1909. Вып. XV. № 4. С. 101–102.

¹²⁶⁵ Там же. С. 101.

¹²⁶⁶ *Wolfer Alfred (1854–1931)* – астроном, директор Швейцарской федеративной обсерватории в Цюрихе (1894–1926), профессор астрономии Цюрихского университета. Занимался преимущественно вопросами статистики солнечных пятен.

царии, 3 – в Италии, 2 в Австрии, 2 – в России (Юрьев и Харьков) и 3 – в Америке. Из частных лиц выразили желание принять участие в этом международном предприятии к сожалению всего 7 лиц, а именно 1 – в Америке, 2 – в Германии и 4 – в России (в Москве – г-н Вайнон, в Ярославле – г-н Миркович, в С.-Петербурге – г-жа Фрейберг и, наконец, в Гельсингфорсе, а теперь в Петербурге я)». «Все эти 19 пунктов наблюдения, в том числе 12 обсерваторий и 7 частных наблюдателей, ежегодно в январе месяце посылают свои наблюдения профессору Wolfer в Цюрих, – продолжал он, – где все полученные сведения ежегодно разрабатываются, а засим публикуются в “Astronomische Mitteilungen”, очень полезном журнале, в котором не только обнаруживаются общие результаты, выведенные из наблюдений 19-ти станций, но и отдельно еще весь материал, собранный каждой из них. Последнее позволяет не только самой Цюрихской обсерватории, но и кому угодно, свободно пользоваться и делать выводы из всего собранного материала»¹²⁶⁷. Участие в подобном преекте доказывает, что и научная подготовка А. И. Фрейберг, и уровень ее работы были вполне профессиональными.

Другой вариант биографии женщины – любителя естественных наук, иногда очень серьезного любителя, – это биография преданной супруги и помощницы мужа-ученого (временами еще совместимая с какой-либо ненаучной работой ради заработка). Начало XX века не положило конец этой традиции. Примеры такого развития событий можно найти в любой естественно-научной дисциплине. Степень научной известности таких женщин варьировалась от очень известных до знакомых относительно узкому кругу специалистов. Одной из наиболее известных, скорее даже знаменитых, учитывая ее научный вклад, стала Лидия Петровна Цераская (1855–1931), супруга В. К. Цераского (1849–1925)¹²⁶⁸. До замужества она преподавала французский язык и продолжала это делать и позднее. С. Н. Блажко в статье «Памяти Л. П. Цераской» писал: «В 1875 г. она поступила на службу в Москву, где преподавала французский язык в различных средних учебных заведениях до 1916 г[ода]...»¹²⁶⁹ Однако основное ее внимание было уделено не преподаванию. В. К. Цераский, назначенный в 1890 году директором обсерватории Московского университета, разработал и спланировал программу фотографирования звездного неба при помощи инструмента, называвшегося «экваториальная камера». Систематическое фотографирование было начато в 1895 году. По словам С. Н. Блажко, «это было новое для того времени начинание в астрономическом мире, так как с широкоугольным объективом систематическое фотографирование неба было организовано перед тем лишь в американском Кембридже на обсерватории Гарвардского колледжа по плану Э. Пикеринга и специально для поисков малых планет в Гейдельберге Максом Вольфом»¹²⁷⁰. С. Н. Блажко хорошо знал, о чем писал, поскольку после самых первых фотопроб с камерой работал именно он. Первая фотография была получена 15 сентября 1895 года¹²⁷¹. В. К. Цераский поставил перед собой и своими сотрудниками задачу поиска с помощью сравнения сделанных в разное время фотопластинок новых, неизвестных ранее переменных звезд – задача, требовавшая бесконечного терпения, внимания и тщательности. Ни сам В. К. Цераский, ни его немногочисленные сотрудники оказались к ней не готовы. Как писал С. Н. Блажко, «штат обсерватории в то время был мал (2 человека); В. К. Цераский не мог нагрузить еще этой новой работой кого-либо из двух сверхштатных ассистентов, и он стал уговаривать свою жену попробовать

¹²⁶⁷ *Каульбарс Н. В.*, барон. Наблюдение солнечных пятен // Известия Русского астрономического общества. СПб., 1900. Вып. VIII. № 7–9. С. 139.

¹²⁶⁸ Цераский В. К. (1849–1925) – член-корреспондент Императорской Академии наук по математическому разряду физико-математического отделения с 29 ноября 1914 г.

¹²⁶⁹ *Блажко С. Н.* Памяти Л. П. Цераской // Мироведение. 1932. Т. 21. № 1–2. С. 114.

¹²⁷⁰ Там же.

¹²⁷¹ *Набоков М.* «Стеклянная библиотека» Московской астрономической обсерватории // Мироведение. 1932. № 4. С. 11.

свои силы в этой новой для астронома работе. Л. П. [Цераская] после некоторых естественных колебаний решилась попробовать»¹²⁷².

Л. П. Цераская начала свою неофициальную работу в обсерватории Московского университета в 1898 году¹²⁷³. А уже через год, в 1899-м, она открыла три новые переменные звезды. Как отмечал С. Н. Блажко в некрологе Л. П. Цераской, «большим утешением и ободрением Лидии Петровны к дальнейшей работе было то, что вскоре же после начала работы, в июне 1898 года, она нашла первую свою переменную, впоследствии получившую имя X Цефея. Это была 4-я переменная, открытая в России»¹²⁷⁴. Подобное открытие обратило на себя внимание не только профессиональных астрономов, но и широкой, в том числе «женской», печати. Ежемесячный журнал «Женское дело» опубликовал в августе 1899 года заметку о работе Л. П. Цераской: «Открытие новой переменной звезды. В московской обсерватории производится систематическое фотографирование некоторых частей небесного свода. Полученные при этом негативы бережно сохраняются и служат для изучения звездного неба. <...> С целью открытия новых переменных звезд, негативы обсерватории изучаются г[оспо]жой Л. Цераской, женою директора обсерватории, и ей посчастливилось открыть уже три новые звезды. Последняя из найденных звезд принадлежит к особому, малочисленному классу переменных, которые вообще светят ровным, неизменным блеском и только в продолжение нескольких часов вдруг начинают ослабевать, чтобы вскоре опять возвратиться к прежнему блеску. Этот разряд звезд обозначается названием – тип Алголя»¹²⁷⁵.

Работа была тяжелой и утомительной. С. Н. Блажко приводит отзыв о ней со слов самой Л. П. Цераской: «Да, правда, работа очень трудна; вначале я думала – не выдержу; глаза утомлялись, слезились; постепенно обошлось; правда, делу помогло то, что уже очень скоро была найдена первая переменная»¹²⁷⁶. За последующие годы Л. П. Цераской было открыто 218 переменных звезд: потрясающее достижение для любого профессионального астронома¹²⁷⁷. Три из них найдены ею одновременно с исследовательницей Флеминг, работавшей в Гарвардской обсерватории, и еще одна одновременно с С. И. Белявским. Кроме того, Л. П. Цераская предполагала, что еще около 30 из наблюдавшихся ею звезд могли оказаться переменными, но доказать это в то время не удалось. С. Н. Блажко составил статистику опубликования сведений об открытых Л. П. Цераской звездах в немецком журнале «*Astronomische Nachrichten*», из которой видно, что в некоторые годы Л. П. Цераской было открыто значительно больше, чем по две-три переменных звезды. Например, в 1904 году Л. П. Цераской было открыто 22 переменных звезды, в 1911 году – 19, в 1905 и 1908 годах – по 17 переменных звезд¹²⁷⁸. С. Н. Блажко же составил полную таблицу переменных звезд, открытых Л. П. Цераской в период с 1898 по 1930 год¹²⁷⁹. При этом С. Н. Блажко отмечал, что «... среди открытых ею (Л. П. Цераской. — О. В.) новых переменных звезд значительная доля приходится на крайне интересные и важные в теоретическом отношении классы переменных, а именно: алголиды и цефеиды, среди последних она нашла много короткопериодических цефеид, из них одну, первую в этом роде, с исключительно коротким периодом в $3\frac{1}{4}$ часа (XX Лебеда)»¹²⁸⁰.

¹²⁷² Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // Мироведение... С. 115.

¹²⁷³ Блажко С. Н. Переменные звезды Л. П. Цераской // Мироведение. 1932. № 4. С. 1.

¹²⁷⁴ Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // *Астрономический журнал*. 1932. Т. IX. № 1–2. С. 3.

¹²⁷⁵ Открытие переменной звезды // *Женское дело*. Ежемесячный литературный журнал. 1899. № 8. С. 128.

¹²⁷⁶ Цит. по: Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // *Астрономический журнал*... С. 3.

¹²⁷⁷ В известном биографическом справочнике «Астрономы: Биографический справочник» указано, что число открытых Л. В. Цераской переменных звезд – 219 (Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. *Астрономы: Биографический справочник*. Киев: Наукова думка, 1977. С. 280).

¹²⁷⁸ Блажко С. Н. Переменные звезды Л. П. Цераской // Мироведение... С. 1.

¹²⁷⁹ Там же. С. 16.

¹²⁸⁰ Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // *Астрономический журнал*... С. 4.

Немногие сохранившиеся архивные документы Л. П. Цераской свидетельствуют о том, что она была человеком разносторонних интересов в том, что касалось естествознания. В личном фонде М. В. Павловой в Архиве РАН сохранились тетради с записями о полученных для Московского университета или Университета им. Шанявского естественно-исторических коллекциях, содержащие следующие записи: «Коллекция от Л. П. Цераской – 1909 г[ода]. Силур. Силомяга. <...>» – всего 26 наименований, 53 экземпляра¹²⁸¹; «1909/10 учебный год. Коллекция ископаемых от Л. П. Цераской. 1909 г[од]. Октябрь. № 30»¹²⁸²; «Растения от Л. П. Цераской. 1909 г[од]» – всего 26 экземпляров¹²⁸³. Более подробной информации о палеонтологической деятельности Л. П. Цераской в настоящее время, к сожалению, обнаружить не удалось.

Л. П. Цераская прерывала свою научную работу в период тяжелой болезни мужа с 1916 по 1925 год. После его смерти она вернулась к работе в Московской обсерватории, как и прежде без всякой оплаты, правда, на этот раз получая персональную пенсию, назначенную Наркомпросом¹²⁸⁴. Начатая из желания помочь мужу и поддержать его идеи, научная работа стала для Л. П. Цераской привычной и необходимой частью жизни, от которой со временем она не только не хотела, но и не могла отказаться. Не без грусти она писала С. К. Костинскому 8 августа 1925 года: «Я <...> возобновила свою прерванную работу, хотя теперь таким кустарям, как мы, приходится плохо, т[ак] к[ак] нового материала нет, да и не угоняешься за теми, кт[о] работают со стереокомпараторами, но все равно, надо чем-нибудь наполнять существование. Да, старым людям жить теперь очень тяжело, но уходить из жизни, пока не калека, по-моему, тоже нельзя, может быть еще на что-нибудь пригожусь»¹²⁸⁵.

Научные открытия Л. П. Цераской просто не могли остаться незамеченными научным сообществом. Как писал С. Н. Блажко в некрологе Л. С. Цераской, «за свои открытия Л.П. [Цераская] получила премию Русского астрономического общества. На съездах русских астрономов открытия Цераской неизменно отмечались как имеющие большое значение для астрономии, и ее самое приветствовали как первую русскую женщину, начавшую исследования этого рода»¹²⁸⁶. И продолжал далее: «Вообще нужно отметить, что из русских женщин-астрономов Л. П. Цераская по известности во всем мире занимает одно из первых мест, если не первое»¹²⁸⁷.

Вклад других жен-ученых был известен не так широко, возможно, не был настолько значительным, как вклад Л. П. Цераской. Тем не менее специалисты в узких областях знали о нем хорошо. Одной из таких жен-ученых была Анна Петровна Амалицкая (1861–1939), супруга известного геолога и палеонтолога В. П. Амалицкого (1860–1918), открывателя огромного местонахождения звероподобных ящеров (причем находившихся в прекрасной сохранности), в настоящий момент составляющих часть коллекции Палеонтологического музея РАН в Москве. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг в очерке «Женщины-геологи» (1901 года издания) писал, перечисляя немногих известных российских женщин-геологов рубежа XIX–XX веков: «Нельзя, наконец, не упомянуть Анну Петровну Амалицкую, которая не будучи специалистом-геологом, ежегодно с 1890 г[ода] сопровождает своего мужа, профессора геологии в Варшавском университете В. П. Амалицкого, в его экскурсиях и таким путем участвует до известной степени в его полевых работах и раскопках; она сама сделала несколько интересных

¹²⁸¹ Павлова М. В. Тетрадь М. В. Павловой с записями различных коллекций. 1909–1910 // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 47.

¹²⁸² Там же. Л. 31.

¹²⁸³ Там же. Л. 56, 57.

¹²⁸⁴ Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // Астрономический журнал... С. 5.

¹²⁸⁵ Цераская Л. П. Письмо С. К. Костинскому. 8 августа 1925 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 305. Л. 4, 5 об.

¹²⁸⁶ Блажко С. Н. Памяти Л. П. Цераской // Астрономический журнал... С. 5.

¹²⁸⁷ Там же.

палеонтологических находок и изготавливает рисунки и таблицы к палеонтологическим работам мужа»¹²⁸⁸. Д. В. Наливкин писал, что А. П. Амалицкая, выйдя замуж сразу по окончании гимназии, отправилась в командировку за границу в качестве секретаря своего мужа: «С тех пор, – пишет Д. В. Наливкин, – вся ее жизнь связана с научной деятельностью В. П. Амалицкого, в частности с созданием уникальной, единственной в мире коллекции пермских пресмыкающихся с Северной Двины»¹²⁸⁹. Начало коллекции было положено в 1895 году. В. П. Амалицкий продолжал пополнять ее вплоть до своей смерти в 1918 году. А. П. Амалицкая заботилась о коллекции и после его смерти: ее эвакуировали из Варшавы с началом Первой мировой войны, надо было найти помещение, разместить сначала в Петрограде в Геологическом музее АН СССР, затем при переезде музея в Москву – в Москве. В советский период А. П. Амалицкая являлась сотрудником Геологического, а затем Палеонтологического музея АН СССР¹²⁹⁰, до этого времени она была бескорыстной сотрудницей своего мужа. Д. В. Наливкин писал о ее работе: «Она оказывала мужу огромную помощь, работала с такой беззаветной преданностью и увлечением, что В.П. [Амалицкий] считал ее главным помощником. Работа длилась годами, А. П. [Амалицкая] уже знала всех найденных рептилий и амфибий не хуже мужа, она сама стала научным работником, но всеми своими трудами, всеми своими огорчениями и радостями она всегда делилась с мужем»¹²⁹¹. А. П. Амалицкая была избрана членом С.-Петербургского общества естествоиспытателей; в советский период – Всероссийского палеонтологического общества¹²⁹². Д. В. Наливкин, который знал ее лично во время работы в Геологическом музее АН СССР в Ленинграде, рассказывал: «Много раз я водил своих учеников, студентов Горного института, смотреть эту экспозицию, неоднократно ходил один, чтобы понять этих поразительных животных, и каждый раз нас неизменно встречала всегда приветливая А. П. [Амалицкая]. Встречала и показывала экспонаты с таким увлечением и любовью, как будто собственных детей. Да, пожалуй, и на самом деле эти причудливые, необыкновенные животные были дороги ей как дети»¹²⁹³.

И в случае Л. П. Цераской, и в случае А. П. Амалицкой научный интерес был вызван работой мужа, возможно, желанием принимать участие в его не только повседневной, но и профессиональной жизни, возможно, острой необходимостью в помощи. В данных конкретных случаях вклад супруг в научную работу их мужей вышел за рамки семьи и стал известен в научном сообществе, в случае с Л. П. Цераской – не только российском, но и международном. Но можно легко представить, что большая часть такой бескорыстной помощи, оказываемой женами – мужьям, дочерьми – отцам, сестрами – братьям, оставалась невыявленной и неизвестной. Немногие мужчины публично высказывали благодарность своим супругам за их преданную, бескорыстную и... вполне квалифицированную поддержку в их научной деятельности. Среди таких «немногих» – геолог и почвовед, профессор минералогии и кристаллографии С.-Петербургского университета, основатель школы научного почвоведения и географии почв Василий Васильевич Докучаев (1846–1903). Его супруга Анна Егоровна Докучаева (урожденная Синклер) (1846–1897) принадлежала к яркому и энергичному поколению российских женщин, чья юность пришлась на 60-е – первую половину 70-х годов XIX века; женщин, почувствовавших силы и желание к участию в общественной и научной жизни; женщин, из числа которых вышло первое поколение профессиональных и официально признанных российских женщин-ученых.

¹²⁸⁸ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 405.

¹²⁸⁹ Наливкин Д. В. Анна Петровна Амалицкая // Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 55.

¹²⁹⁰ См. примечание редактора к: Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи... С. 405.

¹²⁹¹ Наливкин Д. В. Анна Петровна Амалицкая... С. 55.

¹²⁹² См. примечание редактора к: Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи... С. 405.

¹²⁹³ Наливкин Д. В. Анна Петровна Амалицкая... С. 57.

В отличие от женщин, биографии которых мы описали выше, Цераской и Амалицкой, А. Е. Докучаева для окружающего мира, существовавшего за границами узкого круга ее семьи и близких учеников мужа, не являлась ученым. В этой «широкой» жизни она владела и руководила частным женским пансионом – вполне респектабельное и привычное в глазах общества занятие для дамы. Однако ее роль в жизни В. В. Докучаева, в том числе, его научной деятельности, выходила далеко за рамки роли преданной супруги, ведущей домашнее хозяйство. Ученик В. В. Докучаева Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал о об этом: «Анна Егоровна была умная, деловитая, сердечная женщина, которая продолжая вести свое дело, вместе с тем вникала и во все интересы Докучаева и всегда поддерживала добрые отношения со всеми учениками и сотрудниками В. В. Анна Егоровна была для В.В. истинным другом, в котором он всегда находил поддержку и которого он искренно любил». И продолжал: «Нередко А. Е. оказывала В.В. помощь переводом нужных ему статей с иностранных языков, так как он иностранными языками не владел»¹²⁹⁴. Конечно, только переводами статей дело не ограничивалось. А. Е. Докучаева и обрабатывала научные материалы (например, в «Каталоге почвенной коллекции проф. В. В. Докучаева и его учеников» под № 74 значится: «Перечень почвенных карт, касающихся России. Список обработан А. Е. Докучаевой»¹²⁹⁵), и сопровождала супруга во время его командировок (например, в 1889 году участвовала вместе с ним в работе VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей¹²⁹⁶), и, можно предположить, занималась миллионом других дел, связанных с научной работой В. В. Докучаева. В. В. Докучаев блестяще написал о роли А. Е. Докучаевой в истории почвоведения в адресованном ей посвящении к статье «Место и роль современного почвоведения в науке и жизни», впервые опубликованной (вместе с роскошным портретом А. Е. Докучаевой) в «Ежегоднике геологии и минералогии в России» (1898–1899, Т. III. Отд. 1. С. 45–55): «Не говоря уже о том, что покойная А. Н. Докучаева (рожденная Синклер) и советом, и делом, неизменно в течение почти 20 лет, нередко с забвением личных интересов, всегда умело и любовно помогала автору этой статьи во всей его деятельности, – ее несомненно высокоблаготворное, то ободряющее, то смягчающее и всегда любящее (так выражался мой покойный друг А. Н. Энгельгардт) влияние на начинающих почвоведов, ныне с честью занимающих почетные посты профессоров многих университетов и других вышеучебных заведений в России, не подлежит никакому сомнению. Если ныне выработалась и действительно существует самостоятельная русская школа почвоведов, то этим мы обязаны, в весьма и весьма значительной доле, именно покойной Анне Егоровне. Вот почему нам кажется, что она более, чем кто-либо, заслуживает наименование первой русской женщины-почвоведца, с чем угодно было согласиться и первой русской женщине-минералогу...»¹²⁹⁷ Заметим в скобках, что современные историки науки не откликнулись на призыв В. В. Докучаева признать его супругу первой женщиной-почвоведом. Остается только сожалеть, что в прекрасном, возможно лучшем среди существующей сегодня отечественной литературы данного вида справочнике С. А. Сычевой «Женщины-почвоведы» ни разу не упоминается имя Анны Егоровны Докучаевой¹²⁹⁸.

¹²⁹⁴ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Жизнь и деятельность В. В. Докучаева // Труды Почвенного института им. В. В. Докучаева. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 2. С. 292.

¹²⁹⁵ Каталог почвенной коллекции проф. В. В. Докучаева и его учеников // Докучаев В. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. VII. С. 439.

¹²⁹⁶ 3-ое дополнение к списку членов VIII Съезда // Дневник VIII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1889. № 3. 30 декабря. С. 12.

¹²⁹⁷ Докучаев В. В. Место и роль современного почвоведения в науке и жизни // Докучаев В. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. VI. С. 415.

¹²⁹⁸ Сычева С. А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв / Под ред. Г. В. Добровольского и Н. Г. Рыбальского. М.: НИИ-Природа, 2003. 440 с.

Рис. 21. Портрет А. Е. Докучаевой («Ежегодник геологии и минералогии в России». 1898–1899. Т. III. Отд. 1. С. 45)

Однако известны случаи, когда супруг или отец (семья в целом) поддерживали научные интересы женщины не ради помощи в собственных научных исследованиях и не ради помощи в скорейшем продвижении своей карьеры, а исключительно ради самой женщины. Именно такой была поддержка А. П. Павловым его супруги М. В. Павловой, о которой мы упоминали выше: поддержка моральная, научная и материальная. Все это вместе позволило ей заниматься научной работой по собственному выбору и получить выдающиеся результаты. Такую же безоговорочную поддержку оказывал инженер М. Г. Субботин своей дочери Н. М. Субботиной (надо заметить, так же как и вся ее семья).

Астрономия, наблюдения за звездами составляли смысл жизни Н. М. Субботиной. Через много лет после смерти отца, 12 декабря 1930 года, она писала С. К. Костинскому: «На днях я была на засед[ании] в память Кеплера и вспомнила Ф. А. [Бредихина] и свою юность, пол-

ную такой глубокой любовью к Астрономии¹²⁹⁹ и стремлений к научному изучению ее»¹³⁰⁰. Это увлечение уходит корнями в детство Нины Михайловны. М. Н. Неуймина, знавшая ее лично, в своем очерке-воспоминании «Памяти Н. М. Субботиной» писала, что Н. М. Субботина заинтересовалась астрономией еще девочкой, «разглядывая со своей постели ночное небо и беседуя с отцом о звездах»¹³⁰¹. О том, что интересом к астрономии она обязана отцу, Н. М. Субботина упоминала в письмах к друзьям и коллегам. В письме к С. К. Костинскому от 9 июня 1910 года из Крыма она писала, рассказывая о своих наблюдениях кометы Галлея: «У нас на башне образовалась целая обсерватория, и я должна была читать лекции и показывать звезды – девочки не уходили раньше меня: подчас это мешало, но быть может со временем кто-нибудь из них займется астрономией, ведь и мне папа много рассказывал о звездах и показывал их в свою трубу»¹³⁰².

---

¹²⁹⁹ «Астрономии» – так в тексте. — О. В.

¹³⁰⁰ Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. 12 декабря 1930 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 118.

¹³⁰¹ Неуймина М. Н. Памяти Н. М. Субботиной // Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1964. М.: Гос. изд. физ.-мат. лит., 1963. Т. 67. С. 263.

¹³⁰² Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. [9 июня 1910] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 6 об. – 11.

Рис. 22. Портрет **Н. М. Субботиной**. 1900-е гг. (из личного альбома Н. М. Субботиной)

Отец Н. М. Субботиной, Михаил Глебович Субботин (1850–1909), сыграл, по-видимому, огромную роль в жизни дочери. Сын уездного врача города Козельска, М. Г. Субботин рано остался круглым сиротой. Он предположительно учился в Школе межевых топографов, затем в 1874 году окончил Горный институт. Работал на казенных Пермских пушечных заводах, в Обществе Московско-Рязанско-Козловской железной дороги, в управлении Макеевских копей И. Г. Иловайского. С 1880 года он являлся представителем Сормовских заводов в Петербурге, позже служил там инженером и, наконец, техническим директором правления Сормовских заводов. Как писал безымянный автор некролога М. Г. Субботина, «при нем Сормовские заводы из небольшого сравнительно дела разрослись в огромное предприятие, задолжающее ныне до 12 тыс. рабочих. Были построены паровозные мастерские с оборудованием на 250 паровозов в год и механические мастерские для машин до 20 тыс. лошадиных сил. При нем же были сооружены в Сормове церковь, школа и больница, а небольшой поселок Сормово пре-

вратился в значительный фабричный городок с 40 000 населением»¹³⁰³. Мать Субботиной – Надежда Владимировна, урожденная Соколова (1855–1927), принадлежала к старинной московской семье. Ее отцом был московский архитектор Владимир Иванович Соколов (1828–1898), а среди бабушек, дедушек, прадедушек и прочее числились сотрудник Новикова, московские священники, профессора. Н. М. Субботина гордилась своей семьей, ее прошлым, гордилась своим отцом. Однажды она очень эмоционально и, к сожалению, очень кратко написала историю семьи в письме к Н. А. Морозову: «...мама с папой оба принадлежали к семье “интеллигентных разночинцев” и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в[ека], сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца. Была оч[ень] культурная. Папа вырос на идеях Чернышевского и так же воспитал нас. Ни тени принуждения: это был наш друг и руководитель, и друг учащейся молодежи»¹³⁰⁴. Таким образом, семья матери Н. М. Субботиной принадлежала к старому московскому дворянству и профессуре. Семья отца, возможно, к разночинной интеллигенции. Кроме Нины Михайловны у Субботиных была еще одна дочь и четыре сына. Трое братьев Субботиных пошли по стопам отца и получили инженерное образование¹³⁰⁵. В другом письме к Н. А. Морозову, написанном на следующий день после смерти отца, 11 ноября 1909 года, Нина Михайловна писала: «Вы знаете, как он к Вам был всегда расположен, и знаете, какой он был хороший человек; я же в нем потеряла лучшего друга своего»¹³⁰⁶.

Нине Михайловне исполнилось всего 15 лет, когда в 1892 году она впервые побывала в Астрономической обсерватории Московского университета, располагавшейся на Пресне, и, по сведениям М. Н. Неуйминой, была очень хорошо принята там только что окончившим курс Московского университета Сергеем Николаевичем Блажко (1870–1956)¹³⁰⁷. Упоминания самой Н. М. Субботиной об этом событии нам обнаружить не удалось, а вот о своем первом посещении Пулковской обсерватории она помнила очень хорошо даже через много лет: «Как быстро бежит время: давно ли я, кажется, была в Пулково в 1-ый раз 30/VIII 1895 г. и Вы показывали мне Обсерваторию, а вот уже прошло 40 лет!!» – писала она 26 октября 1935 года С. К. Костинскому¹³⁰⁸. С тех пор и на протяжении всей своей жизни Н. М. Субботина бывала в Пулковской обсерватории неоднократно, пользовалась материалами библиотеки, советовалась с пулковскими астрономами по поводу наблюдений и вычислений.

В 1905 году ожидалось полное солнечное затмение, которое можно было наблюдать на территории Испании. Н. М. Субботина хотела поехать и принять участие в этом наблюдении, что многие астрономы и астрономические общества и организации и планировали сделать. Но поехать одна она не могла. Не только потому, что молодым женщинам все еще было «неприлично» путешествовать в одиночестве: в возрасте девяти лет Н. М. Субботина перенесла тяжелое заболевание, после которого навсегда осталась полным инвалидом с парализованными ногами, передвигаясь только на костылях, а также глухой и немой¹³⁰⁹. Так что в поездках ей

¹³⁰³ Михаил Глебович Субботин. (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. (Февраль). С. 267.

¹³⁰⁴ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20, 20 об.

¹³⁰⁵ Заблоцкий Е. М. Личный состав ведомства Московского правления, Луганского завода, горных округов Европейской России, Кавказа и Царства Польского. Классные чины // Горное профессиональное сообщество дореволюционной России. URL: <http://russmin.parod.ru/bioERus16.html>. (На основании материалов книги: Заблоцкий Е. М. Деятели горной службы дореволюционной России. Краткий биографический словарь. СПб.: Гуманистика, 2004.)

¹³⁰⁶ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 11 ноября 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 12.

¹³⁰⁷ Неуймина М. Н. Указ. соч. С. 263; Блажко С. Н. (1870–1956) – астроном, член-корреспондент АН СССР по разряду математическому (астрономия) отделения физико-математических наук с 31 января 1929 г.

¹³⁰⁸ Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. 26 октября 1935 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 121.

¹³⁰⁹ См.: Шайн Г. Отзыв о научных работах Нины Михайловны Субботиной, предоставленный в Высшую аттестационную

были необходимы сопровождающие. Младший брат Н. М. Субботиной, С. М. Субботин, так рассказывал о сборах семьи в эту поездку: «Пожалуйста, не сердись на меня, что долго не писал, – просил С. М. Субботин Б. А. Федченко. – Все это время у нас была такая сутолока с отъездом за границу, что сам черт ногу сломает»¹³¹⁰. И продолжал: «Наверно ты знаешь, если видел папу, что наша дамская компания отправилась в Испанию глазеть на Солнечное затмение. Первоначально решили родители меня отправить с Ниной, я начал собираться и укладываться, затем решила ехать с Ниной Вера Георг[иевна] Михайловская, дама-юрист, но у ней не оказалось паспорта. Тогда опять за меня принялись. Потом, наконец, мама сама решилась, взяв с собой Олю и Валету, ехать с Ниной. Пришлось несколько раз быть в Москве, хлопотать, собирать, вообще совсем выбили из колеи!»¹³¹¹

Но, несмотря на все трудности и благодаря поддержке семьи, 30 августа 1905 года¹³¹² Н. М. Субботина наблюдала солнечное затмение в городке Бургос в составе миссии Бельгийского астрономического общества, членом которого она была¹³¹³. Само затмение и то, каким образом проводилось его наблюдение, произвело огромное впечатление на Н. М. Субботину. 8 июля 1906 года она писала Н. А. Морозову: «Если Вы увидите затмение, то поймете – какой момент можно пережить, благодаря науке. Почувствовали ли Вы из моей статьи в “Руси”, какой восторг я тогда переживала? Не берите на себя никакой определенной работы, чтобы насладиться вполне! Эти мгновения пролетают быстро и, работая, можно пропустить их! Только теперь, для второго затмения, я хочу тренировать себя для специальной работы. Еще не знаю какой»¹³¹⁴. Статью Н. М. Субботиной, опубликованную в газете «Русь», нам, к сожалению, обнаружить не удалось, однако даже ее статья, помещенная в сугубо научном издании «Известия Русского астрономического общества», дает представление о чувствах, владевших автором и невольно передающихся читателям. Прежде всего следует отметить, что Н. М. Субботина лукавила, намекая в письме к Н. А. Морозову, что во время затмения она была простым зрителем. В статье она пишет следующее: «Мы взяли с собой 81 миллиметровую трубу, хронометр, и предполагали отметить контакты, наблюдать белые протуберанцы и возможно тщательнее зарисовать корону. Далее мы хотели отметить направление бегущих теней, ход температуры, исчезновение окраски цветных лоскутков бумаги, видимость звезд и т[ак] д[алее]»¹³¹⁵. Таким образом, программа наблюдений была тщательно спланирована. Помимо всего перечисленного Н. М. Субботина также писала корреспонденции о наблюдении затмения для одной из отечественных газет, возможно для упоминавшейся выше «Руси», подробно описывая погодные условия в точке предполагаемых наблюдений¹³¹⁶.

Статья, опубликованная Н. М. Субботиной в «Известиях Русского астрономического общества», представляет, на наш взгляд, интереснейший источник для историков астрономии. Н. М. Субботина перечислила научные учреждения, чьи представители принимали участие в наблюдении затмения на холме Лилаила неподалеку от Бургоса. В их числе были: экспедиция Мадридской обсерватории и Географического института, две голландские миссии из Утрехта и Лейдена, немецкая миссия из Trepłow, бельгийская S-té Belge d’Astronomie, англий-

---

комиссию. Не ранее 1943 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1812. Л. 25. Об этом также пишет в своем очерке М. Н. Неуймина (Неуймина М. Н. Указ. соч. С. 262–263).

¹³¹⁰ Субботин С. М. Письмо Б. А. Федченко. [Август 1905 г.] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1036. Л. 133.

¹³¹¹ Там же. Л. 133, 134 об.

¹³¹² По новому стилю; 17 августа по старому стилю. — О. В.

¹³¹³ Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г. // Известия Русского астрономического общества. 1907. Вып. XII. С. 14.

¹³¹⁴ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 8 июля 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 7, 7 об.

¹³¹⁵ Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г. ... С. 14.

¹³¹⁶ Там же. С. 17.

ская British Association, американская¹³¹⁷ и др. Она также упомянула исследователей, производивших наблюдения в соседних географических пунктах, включая сам Бургос, подробно охарактеризовала научный инструментарий, которым была оснащена каждая экспедиция, планы наблюдений, расположение «астрономических стоянок»¹³¹⁸, общую обстановку в городе накануне затмения, участие властей в организации мероприятия. Она великолепно передала атмосферу, царившую среди ученых и обывателей накануне и в день затмения: «Наступает 30-е августа, 7 ч[асов] у[тра]. Небо ясно голубое. Яркое солнце. В гостинице нашей страшная суэта, торопливо завтракают, торопливо собираются и отъезжают. Спешим и мы к своему экипажу, но кто-то уже перехватил его. Бежим пешком¹³¹⁹. Всюду лихорадочное волнение. Последние экстренные поезда подвозят сотни народу. Магазины закрыты, вся толпа на улицах, раскупаются темные стекла и очки»¹³²⁰. И продолжает далее: «К 11-ти часам все готово. Астрономы и любители у своих аппаратов. Лилайла окаймлена линией конных альгвазилов для защиты от любопытных зрителей. Кое-где на соседних холмах тоже установлены трубы и вокруг них кучки любопытных. Город где-то там, внизу, у подошвы гор, замыкающих горизонт»¹³²¹.

Однако наибольшее внимание в статье уделено ходу астрономических наблюдений, записанному по минутам и даже секундам – точно и скрупулезно. Тем не менее и в этом сугубо научном описании прорываются удивительно сильные эмоции автора: «13 ч. 5 м. – последнее облачко с Солнца уходит – все окрашенное в яркую радугу... 13 ч. 6 м. 49 с. блестящий серпик растаял, заглись яркие протуберанцы, и вспыхнула корона! О, какая красота! – Она вся белоснежная, кроткая, точно из хлопьев ваты, цветных оттенков в ней нет»¹³²². Однако восхищению и любованию отведено всего несколько мгновений: «Несколько секунд созерцания и глаз прильнул к окуляру», – пишет Н. М. Субботина¹³²³. Завершается статья четким и ясным изложением результатов наблюдений: характера собранного материала, известий, полученных от других исследователей, показаний приборов. При этом Нина Михайловна не может удержаться и восклицает: «Неужели все это был не сон? Неужели все это мы видели здесь, на земле, – на нашей планете? Ничего обычного, знакомого! Фантастичная, сказочная картина!»¹³²⁴

Из этих описаний ярко видно то чувство, с которым Нина Михайловна Субботина относилась к научным исследованиям, это чувство, несомненно, – страсть, и, как всякая истинная страсть, она искренняя, неистовая и всепоглощающая. Однако ничто из этого было бы невозможно без искренней, повседневной и совершенно бескорыстной поддержки ее семьи. Бескорыстная помощь близких или наличие собственных средств – вот условия, которые позволяли женщинам реализовать наиболее полно свое стремление к научным исследованиям в 1900-е годы в Российской империи. Если государство не желало принимать их на службу в научные учреждения, они организовывали научные учреждения сами, за свой собственный счет и по своему усмотрению. В 1900-е годы на территории Российской империи существовал целый ряд таких частных женских научных учреждений от ботанических садов, обсерваторий до химических лабораторий. Некоторые из них становились всемирно известными благодаря проводившимся в них научным исследованиям. Одним из таких учреждений был Акклиматизационный ботанический сад Ольги Александровны Федченко, располагавшийся на территории ее имени Ольгино, в 30 с небольшим километрах от Можайска.

¹³¹⁷ По поводу состава английской экспедиции Н. М. Субботина, между прочим, замечает, что в нее входило «много американок» (*Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г. ... С. 16*).

¹³¹⁸ Там же.

¹³¹⁹ Следует иметь в виду, что Н. М. Субботина с полностью парализованными ногами передвигалась на костылях. — *О. В.*

¹³²⁰ Там же. С. 17.

¹³²¹ Там же. С. 17–18.

¹³²² Там же. С. 19.

¹³²³ Там же.

¹³²⁴ Там же. С. 20.

Глава 3

Частные женские научно-исследовательские учреждения в России в 1900-е годы

Лет 15 тому назад графиню Е.П. [Шереметевой] в ее подмосковном имении – селе Михайловском, Подольского уезда, основан местный естественноисторический музей для собирания и разработки научных материалов по флоре и фауне Средней России.

Из статьи П. Сюзева «Шереметева Е. П.». 1910 г.

К началу XX века О. А. Федченко практически завершила работы по обработке и изданию материалов Туркестанской экспедиции, вырастила сына и вернулась к активной экспедиционной деятельности. В период с 1892 по 1901 год она вместе с сыном Б. А. Федченко, сначала студентом Московского университета, впоследствии – молодым ученым, совершила целый ряд ботанических экспедиций, в том числе (таблица 12):

Таблица 12. Ботанические экспедиции О. А. Федченко в конце XIX – начале XX в.

Год	Организатор	Участники	Место назначения
1891	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Уфимская губерния
1892	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Уфимская губерния
1893	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Крым
1894	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Кавказ, Закавказье
1897	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Туркестан
1901	частная	О. А. Федченко (Б. А. Федченко)	Памир, Шугнан

Результатом экспедиционной деятельности стали не только очень интересные коллекции, собранные путешественниками, но и целый ряд научных трудов, главным образом по систематике растений, выдвинувшие О. А. Федченко в число наиболее известных отечественных ботаников своего времени. Наверно, самым знаменитым из них был издававшийся в 1900-е годы (с несколькими продолжениями и дополнениями) фундаментальный труд «Флора Памира»¹³²⁵. Однако экспедиций, обработки собранных в этих экспедициях материалов, написания научных работ и вычитки бесконечных корректур казалось О. А. Федченко недостаточно. Для удобства работы она переехала жить из Москвы в С.-Петербург и зимой, как правило, ежедневно занималась в Гербарии С.-Петербургского Ботанического сада. Летом она ездила в экспедиции. Но ей хотелось не только наблюдать за некоторыми растениями в полевых условиях или в гербарии, но и производить монографические исследования отдельных растущих родов и видов, наконец, попытаться ввести в культуру некоторые из дикорастущих растений, которые ее особо интересовали.

В конце марта – начале апреля О. А. Федченко обычно переезжала в свое подмосковное имение. Ольгино, небольшое имение с крохотной деревней при нем, находилось в нескольких километрах от Можайска. По воспоминаниям Б. А. Федченко, еще в начале 90-х годов XIX века у О. А. Федченко возникла идея «не ограничиваться сбором растений, изучением их – предварительным, на месте, и детальным по гербарным образцам, а приступить к акклиматизации южных и восточных растений под Москвой, с тем, чтобы подробнее и лучше изучать эти растения в живом виде. Эту мысль, – пишет Б. А. Федченко, – привелось О. А. осуществить не сразу, и только в 1895 г[оду] ей удалось в Можайском уезде (Московской

¹³²⁵ Полный список научных трудов О. А. Федченко см.: Валькова О. А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. С. 290–300.

губ[убернии]) устроить небольшой акклиматизационный Сад, который и стал ее излюбленным местом работы в течение последовавших 25 лет»¹³²⁶. Работа по разбивке сада оказалась нелегкой. О. А. Федченко, конечно, нанимала помощников из окрестных крестьян, но и сама работала с ними наравне. Б. А. Федченко вспоминал: «Сколько усилий, начиная с чисто физической работы, при отсутствии садовника, при неопытности и недостатке рабочих, приходилось выносить О[льге] А[лександровне], не говоря уже о затрате ее более чем скромных средств, это известно только тем, кто мог ближе видеть О[льгу] А[лександровну] во время ее летнего “отдыха”. Результаты этой неустанной работы давали ей высокое наслаждение. Видеть у себя дома своих туркестанских любимцев – эремурусы, ирисы, тюльпаны, вводить новые растения, описывать или давать другим ученым материалы для критического исследования, – вот, что доставляло О[льге] А[лександровне] наивысшее наслаждение»¹³²⁷.

Интерес О. А. Федченко к эремурусам восходит еще к ее первой, совместной с А. П. Федченко туркестанской экспедиции 1869–1871 годов. Еще в 1870 году она прислала из Туркестана в Ботанический сад Московского университета клубни *E. robustus* Rgl, этого, по словам О. А. Федченко, «самого высокого <...> и самого красивого вида». Клубни были посажены, и в 1871 году растения не только взошли, но и зацвели¹³²⁸. Рисунок цветущего *E. robustus*, впервые введенного в культуру О. А. Федченко, в 1873 году был помещен в журнале «Вестник садоводства». В том же 1870 году О. А. Федченко открыла еще один вид эремурусов – *E. turkestanicus*. Во время поездки в Чимган в 1897 году она активно собирала клубни и семена эремурусов, а также ирисов и тюльпанов, в надежде, что впоследствии удастся вырастить их в Ольгине. То же самое она делала во время памирской экспедиции 1901 года. Впоследствии, когда Б. А. Федченко отправлялся в Туркестан (или куда-либо еще) без нее, она всегда просила его присылать или привозить ей живые образцы, семена и клубни тех или иных растений. «Скажи своему спутнику, чтобы нарыл мне всех Эремурусов, каких у меня нет (не беда, если прибавится и тех, какие есть)...» – писала О. А. Федченко сыну 13 июня 1904 года¹³²⁹. Б. А. Федченко, в свою очередь, выполнял пожелания матери и из всех своих экспедиций регулярно присылал ей интересовавшие ее редкости. «В субботу вечером получила твою посылку и была в большом смущении: сажать ли теперь же присланное, или хранить в комнате до осени? За ночь надумалась и решила все посадить, а часть семян посеять теперь же...» – писала, например, О. А. Федченко сыну 9 июля 1904 года¹³³⁰.

О. А. Федченко также покупала и обменивала семена. Очень быстро ее сад и коллекция живых эремурусов стали хорошо известны. Еще в письме к сыну, датированном 3 ноября 1899 года, она писала: «Некто Leo Derganc в Вене желает получить в обмен всяких Primulaceae для своего гербария; лести не пожалел...»¹³³¹ Впоследствии Б. А. Федченко писал, что Лео Дерган был известным австрийским специалистом по семейству Primulaceae и обычно обрабатывал сборы О. А. Федченко по этому семейству. Он также регулярно присылал семенной материал для Ольгинского ботанического сада. «Будучи весьма скромным ученым, увлекавшимся своей научной работой и питавшим особое уважение к О[льге] А[лександровне], – писал Борис Алексеевич, – Дерган оставил в сохранности [переписку]: очень большое количество весьма

¹³²⁶ Федченко Б. А. К биографии О. А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85–90. С. 86.

¹³²⁷ Там же.

¹³²⁸ Федченко О. А. Культура Эремурусов. СПб., 1904. С. 3–4.

¹³²⁹ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 13 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 80 об.

¹³³⁰ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 9 июля 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 92.

¹³³¹ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 3 ноября 1899 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 17 об.

интересных по своему содержанию писем»¹³³². К сожалению, сегодня судьба этой переписки неизвестна. О. А. Федченко лично никогда не встречалась с Л. Дерганом, а вот Б. А. Федченко удалось познакомиться с ним в Вене в 1927 году.

О. А. Федченко получала семена для своего сада из самых разных мест. Например, в «Каталоге Ботанического сада в Ольгине» за 1902 год она упоминает, что посеяла семена, полученные из Ташкента, из сада в Можайске, с Кавказа, из Крыма, из С.-Петербургского ботанического сада, из Шугнана, от Дергана (L. Derganc), Гриневецкого, Бородина, а также семена своего сбора 1901 года¹³³³. В свою очередь, она сама посылала семена, выращенные в Ольгине, друзьям и коллегам, а иногда часть даже продавала. Вот, например, отрывок записи из «Каталога Ботанического сада в Ольгине» (таблица 13)¹³³⁴.

Таблица 13. Фрагмент из «Каталога Ботанического сада в Ольгине», содержащий сведения о продаже и бесплатном распространении семян (1900-е гг.)

Продано в 1903 г. <i>Eremurus robustus</i>				
2-х лет	Мейеру	7 экз.	по 1 р. 75 к.	12,25
— " —	Ростовцеву	3 экз.	— " —	5,25
— " —	Миндеру	1 экз.	— " —	1,75
Бесплатно послано				
2-х лет	А. Флерову	3 экз.		
— " —	Бот. сад. СПб. ун.	1 (Ниману)		
— " —	Миндеру	2		
— " —	Derganc	2		
— " —	Кузнецову	1		
3-х лет	Имп. Бот. сад	1 экз.		
— " —	М.В. Враской	1		
— " —	А.В. Враской	1		
— " —	Мушкетовой	3		
4-х лет	доктору Сивановскому	1 экз.		
— " —	Мушкетовой	2		

Как видно из приведенного отрывка, О. А. Федченко больше дарила или обменивала семена, чем продавала, хотя недостатка в потенциальных покупателях у нее не было. «Принося мою глубокую благодарность за любезно присланный список семян, я позволяю себе запросить Вас, не могу ли я у Вас купить в большом количестве те семена, где я сделал приписку, а также *Parrya flabollata*, которая для меня очень желательна, – писал О. А. Федченко В. Кессельринг 23 марта 1910 года. – Я за все охотно заплачу. Если же Вы только отпускаете <...> в обмен не за деньги, то я Вас прошу благосклонно извинить мой запрос и мне любезно указать, чем я Вам могу быть полезным в свою очередь...»¹³³⁵ Сотрудничество с «Помологическим садом и питомником д[окто]ра Э. Регеля и Я. К. Кессельринга» в С.-Петербурге было продолжительным и взаимовыгодным и оказалось приостановленным, по-видимому, только из-за начавшейся войны. (Во всяком случае, в январе 1914 года обмен семенами между ними все еще продолжался¹³³⁶.) С просьбой о присылке или продаже семян к О. А. Федченко обращались многие как государственные учреждения, так и частные лица. Например, представитель Московского сельскохозяйственного института писал: «При сем посылаю Вам 5 р. 20 к., при-

¹³³² Федченко Б. А. О. А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. Б.д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 5.

¹³³³ Федченко О. А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 14 об.

¹³³⁴ Федченко О. А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. Не ранее 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. Л. 26.

¹³³⁵ Кессельринг В. Письмо О. А. Федченко. 23 марта 1910 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

¹³³⁶ См.: Кессельринг В. Письмо О. А. Федченко. 4 января 1914 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–31.

читающиеся Вам за растения для ботанического садика Московского сельскохозяйственного Института...»¹³³⁷ В фонде О. А. Федченко в С.-Петербургском филиале Архива РАН сохранились также обращения от Ботанического сада Императорского Юрьевского университета¹³³⁸, Императорского С.-Петербургского Ботанического сада¹³³⁹, Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной станции Ставропольского городского общественного управления¹³⁴⁰, Общества любителей садоводства и древонасаждений г[орода] Омска¹³⁴¹ и др. В 1911 году к О. А. Федченко обращался за семенами смотритель дворца их императорских высочеств великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича Иосиф Петржак (Абас-Туман)¹³⁴².

О. А. Федченко, случалось, дарила семена достаточно высокопоставленным лицам, например графине Шереметевой, хотя гораздо чаще она делала это в пользу учебных заведений или научных обществ, например Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I, из благодарственного письма которого (датированного 30 октября 1915 года) мы узнаем, что О. А. Федченко подарила институту целую коллекцию семян: «Милостивая государыня, Ольга Александровна. Совет Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I-го в заседании 10 октября сего года постановил выразить Вам свою глубокую благодарность за ценную коллекцию семян, пожертвованных Вами для Ботанического сада названного института...»¹³⁴³

Случалось, что частные лица и даже учреждения, узнав из какой-либо статьи О. А. Федченко о разводимых ею растениях и заинтересовавшись ими, обращались к ней за помощью и информацией, не зная ее лично и даже не подозревая о том, что она женщина: «Милостивый государь, – пишет, например, безымянный представитель Одесской школы садоводства 19 апреля 1905 года. – В только что полученной книжке № 11–12 журнала “Вестник Императорского Рос[сийского] общ[ества] сад[оводства]” меня заинтересовала Ваша статья “Новый исполинский лук” и я решил обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой сообщить, где можно достать семена и штук 5 луковиц *Allium aflatunense* n. sp. В. Fedtsch. Введение новых разновидностей вообще полезно, а в школе – необходимо...»¹³⁴⁴ О. А. Федченко не оставляла без внимания даже такие не очень-то вежливые послания: «...препровожаю Вам 1 пакет семян <...> для школы садоводства. Молодых луковиц могу доставить Вам осенью...» – отвечала она 27 апреля 1905 года¹³⁴⁵.

Некоторые из ее корреспондентов, особенно те из них, которые занимались бизнесом, а не наукой, случалось, бывали очень настойчивы, как, например, господин Д. Д. Кашкаров,

¹³³⁷ Московский Сельскохозяйственный институт. Письмо О. А. Федченко. Август 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹³³⁸ Письмо представителя директора Ботанического сада Императорского Юрьевского университета О. А. Федченко. 6 сентября 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; *Он же*. 18 марта 1911 г. // Там же. Л. 22; *Он же*. 9 декабря 1911 г. // Там же. Л. 27, 27 об.

¹³³⁹ Письмо представителя Императорского С.-Петербургского Ботанического сада О. А. Федченко. 14 марта 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.

¹³⁴⁰ Письмо представителя Ботанического кабинета Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной станции Ставропольского городского общественного управления. 30 января 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

¹³⁴¹ Письмо представителя Общества любителей садоводства и древонасаждений города Омска. 7 сентября 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 35 об.

¹³⁴² *Петржак Иосиф (Абас-Туман), смотритель дворца их императорских высочеств великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича*. Письмо О. А. Федченко. 13 августа 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 23 об.

¹³⁴³ Письмо представителя совета Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I О. А. Федченко. 30 октября 1915 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

¹³⁴⁴ Письмо представителя Одесской школы садоводства О. А. Федченко. 19 апреля 1905 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

¹³⁴⁵ *Федченко О. А.* Черновик письма представителю Одесской школы садоводства. 27 апреля 1905 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

владелец «Питомника Д. Д. Кашкарова» в местечке Суходол Тульской губернии: «...почему не высылаете просимые семена, которые я жду с большим нетерпением...» – возмутился этот господин 14 марта 1911 года¹³⁴⁶.

Из числа зарубежных партнеров и корреспондентов О. А. Федченко по обмену семенным материалом наиболее постоянным был английский Королевский ботанический сад Кью¹³⁴⁷. Списки семян, собранных в Ботаническом саду в Ольгине («*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutual commutatione offert*»), регулярно публиковались в профессиональных периодических изданиях¹³⁴⁸ вместе с объявлением О. А. Федченко о том, что «учреждения и лица, желающие получить, в обмен или покупкою, означенные семена, благоволят обращаться к О. А. Федченко (С.-Петербург, Песочная ул. 19)»¹³⁴⁹.

Кроме интересных научных результатов, Ольгинский сад поражал окружающих яркой и изысканной красотой, которой Ольга Александровна с радостью делилась со своими друзьями. «...Наташе (Субботиной. — О. В.), кот[орая] была здесь <...> в 1-й раз, – писала О. А. Федченко сыну 11 июня 1907 года, – все страшно понравилось: и река, и кувшинки, и местоположение, а от эремуросов она пришла в такой восторг, что не могла оторваться от двери на балкон и в немом умилении стояла перед плантацией на огороде»¹³⁵⁰. О. А. Федченко была так довольна этой реакцией, что несколько виновато рассказывала: «Ну, словом, я ей срезала зацветающую стрелку, она же удивлялась, как мне не жаль: она бы ни за что этого не сделала, хотя бы у нее их и было 142 (как я думала по первому подсчету; по сегодняшнему, еще не законченному, их – с морожеными – не менее 165). Помирились на том, что Нине (Н. М. Субботиной. — О. В.) и она бы дала, а я даю ей, пот[ому] что ее любит Нина»¹³⁵¹. О. Э. Кнорринг (1887–1978), известный ботаник, принадлежавшая к более молодому поколению, вспоминала: «В саду Ольги Александровны *Eremurus*'ы достигли необыкновенно пышного развития и даже превзошли по красоте *Eremurus*'ы Туркестана»¹³⁵².

Помимо экзотических цветов в Ольгинском ботаническом саду культивировались различные сорта яблонь, слив, черной и красной смородины, крыжовников, разные сорта малины, клубники, различные овощи (капуста, морковь, салаты). Иногда сюда же попадали такие экзотические для Можайской губернии растения, как, например, пихта, привезенная в 1902 году Б. А. Федченко из Западного Тянь-Шаня¹³⁵³. По оценкам О. Э. Кнорринг, в Ольгинском саду культивировалось свыше 1000 растений¹³⁵⁴.

Известия о работе в Ольгинском саду публиковались в научных журналах. Например, в 1902 году «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» сообщали: «О. А. Федченко обрабатывает ныне флору Памира по материалам, собранным ею и Б. А. Федченко во время путешествия их на Памир, и по литературным данным. При этом О. А. [Фед-

¹³⁴⁶ Кашкаров Д. Д. Письмо О. А. Федченко. 14 марта 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 21 об.; *Он же*. 27 ноября 1911 г. // Там же. Л. 26; *Он же*. 25 января 1912 г. // Там же. Л. 29; *Он же*. 17 января 1914 г. // Там же. Л. 32.

¹³⁴⁷ См., например: Федченко О. А. Письмо Mr. D. Prum, Королевский ботанический сад Кью, содержащее списки семян и пометы, сделанные получателем письма // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 5, 6, 6 об., 7, 8, 8 об.

¹³⁴⁸ Семена, собранные в Ботаническом Саду в Ольгине (Можайского у. Московской губ.) в 1909 г. (*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutual commutatione offert*) // Русский ботанический журнал. 1909. № 5. С. 114–115; 1910. № 4–6. С. 70–72; 1911. № 6. С. 24–25; 1913. № 1–2. С. 11–15.

¹³⁴⁹ Там же. 1909. № 5. С. 115 и др.

¹³⁵⁰ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 11 июня 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 140.

¹³⁵¹ Там же. Л. 140 об.

¹³⁵² Кнорринг О. Э. Памяти Ольги Александровны Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 94.

¹³⁵³ Федченко О. А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Ф. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 31.

¹³⁵⁴ Кнорринг О. Э. Памяти О. А. Федченко... С. 94.

ченко] не ограничивается изучением сухих растений, но в имении своем <...> она культивирует среднеазиатские растения и затем изучает их в живом виде»¹³⁵⁵. И уточняли: «Весною нынешнего года в саду г[оспо]жи Федченко цвели *Colchicum Alberti* (первый раз в культуре) и *Crocus crociflorus*, в конце апреля, в мае же – один из лучших туркестанских тюльпанов – *Tulipa Greigi* и чудесный белый *Eremurus anisopterus*, впервые в 1897 г[оду] введенный О. А. Федченко в культуру. Выращенные из семян, привезенных из Туркестана, *Eremurus robustus* и *E.spectabilis* тоже впервые цвели в этом году в Ольгино, что тем удивительнее, что первый в Ташкенте зацветает только всего на 5-м году. О. А. Федченко предполагает, что такому успешному цветению *E.robustus* в Московской губернии способствовало жаркое лето прошлого (1901) года»¹³⁵⁶.

Однако следующее лето, 1902 года, холодное и дождливое, не способствовало разведению теплолюбивых растений. «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» за 1903 год сообщали: «О. А. Федченко продолжает деятельно заниматься культурой туркестанских и других растений в имении своем Ольгино <...>. Прошлом лето (1902 г[ода]) было однако в Московской губернии такое дождливое и холодное, заморозки начались так рано, так поздно выпал снег и мало его было, что г[оспо]жа Федченко очень опасалась за судьбу своих туркестанских питомцев»¹³⁵⁷. Однако, как выяснилось, опасения эти были напрасными: «Приехав сюда весною 1903 г[ода] на несколько дней, она могла убедиться однако, что дело обстоит лучше, чем можно было ожидать. Снег сошел очень рано; было тепло и уже 3 апреля были в цвету *Leontice Alberti* (в первый раз цвели и экземпляры, выращенные из семян, посеянных в 1898 году), *Iris reticulate*, *Colchicum Alberti* <...> *Potentilla carniolica*, *Puschkinia scilloides*, *Scilla cernua*, *Corudalis solida*»¹³⁵⁸. В течение следующих десяти дней расцвело еще около 25 видов. Особо отмечалось, что были посеяны, взошли и дали бутоны некоторые из корней и луковиц, привезенных Б. А. Федченко в 1902 году из Западного Тянь-Шаня, в том числе «... очень крупный и редкий *Allium*, лекарственное растение “Мурза Ахмат” (повидимому, из семян *Borragineae*)»¹³⁵⁹ и др. Взошли даже семена эремурусов, посеянные в конце сентября в мерзлую землю при температуре – 0,5°. «К этим растениям, – пишет корреспондент, – г[оспо]жа Федченко питает особенную слабость и теперь имеет их уже 10 видов, а *Eremurus robustus* разведен у нее в очень большом количестве. Один экземпляр последнего прислан был ею любезно в дар Юрьевскому ботаническому саду»¹³⁶⁰. «Для опыта, – продолжал он, – часть клубней продержана была зиму в подвале, и когда они внесены были в комнату, на солнце, то *E.robustus* быстро развернул листья, которые через 5 дней были уже в ½ аршина, а через 10 дней, уже в 1 аршин длины. На воздухе они короче и шире и дали 14 апреля уже бутоны. *E.anisopterus*, который только у О. А. Федченко и имеется, дал в то время уже большие стрелки, но он довольно нежен; еще более чувствительны к московскому климату *E. Olgaе* и *aurantiacus*»¹³⁶¹. Те растения, что были посеяны ранее 1902 года, также благополучно пережили тяжелую зиму и начали давать всходы.

Таким образом, начиная с 1895 года (возможно, и несколько ранее) О. А. Федченко занималась подробным и всесторонним изучением рода эремурусов преимущественно на базе собственного ботанического сада. Уже в 1900 году она опубликовала небольшую заметку «Эремурусы моего сада» в журнале «Сад и огород»¹³⁶². В 1904 году более основательная ста-

¹³⁵⁵ Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1902. Т. III. Вып. 2. С. 216.

¹³⁵⁶ Там же.

¹³⁵⁷ Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 3. С. 222.

¹³⁵⁸ Там же.

¹³⁵⁹ Там же.

¹³⁶⁰ Там же. С. 223.

¹³⁶¹ Там же.

¹³⁶² Федченко О. А. Эремурусы моего сада // Сад и огород. 1900. № 14. С. 209–211.

тя «Культура эремуросов» была опубликована ею в «Вестнике Императорского Российского общества садоводства»¹³⁶³. «Род *Eremurus*, из семейства *Liliaceae*, – писала О. А. Федченко, – включает около 30 видов, в том числе несколько, по красоте своей, заслуживающих разведения в саду каждого любителя. Этот род имеет своих представителей в Крыму, на Кавказе, в Сибири, Индии, Гималаях, но главным образом распространен в западной Азии (Персии, Палестине) и особенно в Средней Азии, где мы встречаем одни виды – в барханах песков Кизылкум, Кара-кум и в глинистой степи, другие – в предгорьях и горах, до высоты в 8000–9000' включительно. Вот эти-то горные виды, как показал мой многолетний опыт, могут быть с успехом разводимы и в Средней России на открытом воздухе»¹³⁶⁴. О. А. Федченко подробно описывала внешние отличительные признаки растения, способы разведения, условия всхода. Она давала рекомендации по тому, как необходимо сеять (при разведении семенами, что, по мнению О. А. Федченко, было «более верным способом» по сравнению с клубнями), как хранить в течение зимы, какие обстоятельства благоприятствуют их росту, какие, наоборот, вредны. О. А. Федченко также перечисляла и описывала 16 из наиболее красивых имеющихся в культуре эремуросов. В завершение она отмечала: «Как мы видели, большинство разводимых эремуросов родом из Средней Азии. Крайне интересно было бы ввести в культуру также растения из других местностей: гималайские, индийские, и особенно персидские: они довольно разнообразны и недостаточно изучены; изучение же их только по сухим образцам в гербариях вообще затруднительно и не может дать точного и верного представления о живом растении»¹³⁶⁵. Издание этой статьи потребовало от О. А. Федченко немало времени, поскольку она настаивала на помещении рисунка: «Мою корректуру (*Eremurus*), ввиду многих поправок, прислали еще раз, – писала она Б. А. Федченко 26 июня 1904 года. – Рисунок не могли издать как есть и сделали политипаж – вышло грубо»¹³⁶⁶.

Эта небольшая статья вызвала интерес среди ботаников, и в 1906 году Г. фон Эттинген поместил ее реферат в «Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета»¹³⁶⁷. В 1904 году заметка о трех новых видах эремуросов была опубликована в «*Bulletin de l'Herbier Boissier*»¹³⁶⁸; в 1905 году статья О. А. Федченко об эремуросах вышла в английском журнале «*Gardeners Chronicle*»¹³⁶⁹.

В том же 1905 году О. А. Федченко обратилась к владельцу петербургского журнала «Прогрессивное садоводство и огородничество» П. П. Сойкину с предложением о сотрудничестве. Издательство было польщено ее предложением. «Милостивая государыня Ольга Александровна! – писал его редактор. – Спешу выразить Вам бесконечную благодарность за присылку Вашей [удивительной] статьи. Вы вполне изволили понять направление нашего журнала, а потому я буду печатать все от Вас с удовольствием. Если наша контора замедлила Вам выслать гонорар (а это иногда случается), – благоволиите послать конторе требование. Гонорар вручается раз в месяц, – в первой половине следующего месяца по напечатанию статьи. Рисунок непременно поместится. <...> Люди науки у нас держат авторскую корректуру сами, посему не откажите разрешить послать таковую на Ваше заключение»¹³⁷⁰. Так непринужденно О. А.

¹³⁶³ Федченко О. А. Культура эремуросов // Вестник Императорского Российского общества садоводства. 1904. № 9–10. С. 445–449; а также отдельный оттиск.

¹³⁶⁴ Федченко О. А. Культура Эремуросов. СПб., 1904. С. 1.

¹³⁶⁵ Федченко О. А. Культура Эремуросов. СПб., 1904. С. 5.

¹³⁶⁶ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 26 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 87 об., 88.

¹³⁶⁷ Эттинген Г. фон. Федченко О. А. Культура эремуросов // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 108–109.

¹³⁶⁸ Fedtschenko O. Trois espèces nouvelles du genre *Eremurus* // Bulletin de l'Herbier Boissier. Sér. 2. 1904. Т. IV. № 8. P. 771–774.

¹³⁶⁹ Fedtschenko O. The species of *Eremurus* // Gardeners Chronicle. 1905. Vol. XXXVII (June 10). P. 385.

¹³⁷⁰ Сойкин П. П. Письмо О. А. Федченко. Апрель 1905 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

Федченко была отнесена к «людям науки». Сотрудничество с этим изданием действительно оказалось приятным: уже в 1905 году О. А. Федченко опубликовала в нем целый ряд материалов о культивировании тех или иных растений.

К концу 1905 года О. А. Федченко подготовила рукопись монографического обзора рода *Eremurus*. 22 марта в общем собрании Императорской Академии наук академик И. П. Бородин «... представил, с одобрением для напечатания статью Ольги Александровны Федченко, под заглавием: “*Eremurus, kritische Uebersicht der Grattung*” (“Еремурус, критический обзор рода”)¹³⁷¹. И. П. Бородин дал подробную характеристику представляемой им работы. Отметив, что рукопись состоит из введения, списка литературы и специальной части, он перешел к описанию содержания исследования. Во введении О. А. Федченко давала общую характеристику рода эремурусов, подробно рассматривала отдельные органы, а также описывала историю их изучения. Она также перечисляла 42 описанных на момент рассмотрения рукописи вида эремурусов в хронологическом порядке их описания и добавляла, что, по ее мнению, их все можно свести к 20 видам и нескольким разновидностям. «Трудность изучения этих растений по гербарным образцам заставила О. А. Федченко обратить особенное внимание на наблюдения над живыми растениями на родине их, в Туркестане, и на культуру их в своем саду (в Моск[овской] губ[ернии]), где ею разводится не менее 12 видов», – говорил И. П. Бородин¹³⁷². Во введении же О. А. Федченко приводила сводную таблицу распространения отдельных видов эремурусов по разным странам. В специальной части она поместила таблицу для определения видов и для каждого вида отдельно: 1) латинский диагноз, критически исправленный и дополненный на базе гербариев С.-Петербургского Ботанического сада, Императорской Академии наук, собственных коллекций и др.; 2) подробные литературные указания; 3) перечень имеющихся для данного вида рисунков; 4) подробный список местностей, где данный вид собран или для которых указан в литературе. При этом, по мнению И. П. Бородина, «литературные указания критически проверены и сличены с имеющимися гербарными образцами»¹³⁷³. Список местностей располагался по странам. При этом Туркестан О. А. Федченко разделила на две части: Памиро-Алай и Тянь-Шань – места наибольшего распространения эремурусов – и далее на еще более мелкие области. «Таким образом, – отмечал академик, – можно эти местности легко нанести на карту и получить наглядное представление о районе распространения каждого вида»¹³⁷⁴. В самом же предполагаемом издании карт и рисунков не планировалось, чтобы не увеличивать его стоимость. Для некоторых видов были помещены сведения об их биологических особенностях, замеченных отклонениях, возможности употребления в пищу и (или) для технических производств, а также данные о культуре наиболее редких и красивых видов. Общее собрание Академии постановило «...напечатать эту работу в “Записках” отделения»¹³⁷⁵.

Однако печатание этой книги растянулось почти на четыре года и продвигалось медленно. Как уже упоминалось, решение о публикации было принято весной 1906 года, но только к весне 1908 года дело дошло до гранок. 25 мая 1908 года О. А. Федченко писала сыну: «Получена корректура *Eremurus* в гранках (конец видов и все гибриды); исправив, послала в тип[ографию] Ак[адемии] наук, а второй экземпляр посылаю одновременно и по одинаковому адресу с этим письмом тебе: если она тебя застанет в Ташкенте и ты ее успеешь просмотреть и возвратить мне со своими поправками, то этот лист можно будет печатать, а иначе буду ждать тебя. Там одно сомнение: мороз в Англии в VI (в июне. — О. В.)! За справкой обрати-

¹³⁷¹ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. 22 марта 1906 г. // Известия Императорской Академии наук. V Сер. 1906. Т. XXIV. № 3 (март). С. XXX.

¹³⁷² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. 22 марта 1906 г. ... Т. XXIV. № 3 (март). С. XXX.

¹³⁷³ Там же.

¹³⁷⁴ Там же.

¹³⁷⁵ Там же. С. XXXI.

лась к Е. Ю. Рожевиц»¹³⁷⁶. 13 июня того же года О. А. Федченко сообщила Б. А. Федченко: «Вчера был день неудач: сломанными бурей оказались Iris Flarentina (до корня, хорошо что есть другая стрелка), прекрасный Eremurus перед балконом, лужа в коридоре – крыша течет (над нами [капель!]), а хуже всего, что с утр[енней] почтой привезли оттиски рисунков Eremurus, с надписью типографии: “Надписи не умещаются, так как таблицы сделаны очень велики. Для наглядности посылаем чистый лист Вашей работы”. – Что же теперь делать? Положительно целых 4 года печатать одну работу, всякую сообразительность потеряешь. На досуге примеряю, – нельзя ли втиснуть хоть 1 строчку...»¹³⁷⁷ Однако в конце концов в 1909 году работа О. А. Федченко «Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung»¹³⁷⁸, изданная на счет Императорской Академии наук, увидела свет.

Книга имела ошеломляющий успех. «Mottet в восторге от моей книги (Eremurus)», – с удовлетворением сообщила О. А. Федченко сыну 20 августа 1909 года¹³⁷⁹. Сразу несколько зарубежных журналов поместили развернутые рецензии. Так, английский журнал «The Gardeners Chronicle» опубликовал рецензию W. Botting Hemsley «The Genus Eremurus»¹³⁸⁰ на целую полосу, в то время как обычно объем рецензий в этом издании не превышал одного абзаца. «Под лаконичным названием <...>, которое можно перевести как “Критическое описание Рода Эремурус”, – писал Hemsley, – миссис Федченко подарила миру всеобъемлющую и исчерпывающую монографию этого самого любимого и замечательного рода Лилейных»¹³⁸¹. Рецензент представил О. А. Федченко как «...талантливого автора, хорошо известного лондонским ботаникам, ботаника, культиватора и исследователя, трижды посетившего Русский Туркестан, – место наибольшей концентрации видов Эремурусов»¹³⁸². Описав далее экспедиции О. А. Федченко в Туркестан, как совершенные еще в обществе ее мужа, так и более поздние, рецензент отметил: «Эти визиты позволили ей изучить не менее половины всех известных видов Эремурусов в естественных условиях, и не менее 13 видов, не считая различных разновидностей, культивируются в ее собственном саду в Можайске. В дополнение к этим преимуществам, она смогла изучить большинство гербарных образцов, наиболее важных для определения видов. Это дало ей возможность истолковать темные места и устранить путаницу в номенклатуре»¹³⁸³. «Монография миссис Федченко, – продолжал Hemsley, – является настоящей сокровищницей информации: исторической, библиографической, географической, биологической и культурной»¹³⁸⁴. Немалую радость рецензента вызвал язык издания – помимо обязательных для ботанической литературы диагнозов, написанных на латыни, исследование было написано по-немецки: «...к счастью, не по-русски», – восклицал Hemsley¹³⁸⁵. Подробное описание содержания самой работы также было выдержано в превосходной степени. Единственное неудовольствие касалось карт распространения рода и видов (несмотря на дороговизну все-таки присутствовавших в издании), поскольку названия некоторых мест были написаны русскими буквами, а географическая долгота рассчитывалась от Москвы.

¹³⁷⁶ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 25 мая 1908 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 197.

¹³⁷⁷ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 13 июня 1908 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 230.

¹³⁷⁸ Fedtschenko O. Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung. St.-Pbg. 1909 // Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. VIII Сер. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1–210.

¹³⁷⁹ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 20 августа 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 307 об.

¹³⁸⁰ Hemsley W. B. The Genus Eremurus // The Gardeners Chronicle. 1909. Vol. XLVI. Third Ser. № 11 (September). P. 181–182.

¹³⁸¹ Ibid. P. 181.

¹³⁸² Ibid.

¹³⁸³ Ibid.

¹³⁸⁴ Ibid.

¹³⁸⁵ Ibid.

«Однако, – заключал Hemsley, – в тексте даны настолько полные географические подробности, что это имеет сравнительно небольшое значение»¹³⁸⁶. Помимо вышеизложенного «The Gardeners Chronicle» счел необходимым здесь же поместить английский перевод написанных на латыни ключей для определения видов из книги О. А. Федченко¹³⁸⁷. Также по просьбе О. А. Федченко редакция сообщала о том, что г[оспо]жа Федченко будет рада вступить в обмен растениями, семенами или сухими гербарными образцами из Афганистана, Белуджистана, Индии и Китая с читателями «The Gardeners Chronicle», предлагая взамен семена из своего сада в Ольгине¹³⁸⁸.

Конечно, Ольге Александровне была приятна такая оценка ее работы, однако она воспринимала похвалы слегка насмешливо, со своим обычным чувством юмора: «Похвалы, кот[орые] расточает мне и моей работе Botting Hemsley, в Gard[eners] Chron[icle] занимают целую страницу», – писала она сыну 5 сентября 1909 года¹³⁸⁹. Кроме «The Gardeners Chronicle», рецензии поместили «Allgemeine botanische Zeitschrift» и «Bulletin de l'Académie Internationale de géographie botanique» (известный также как «Le Monde des plantes»)¹³⁹⁰. Об этой последней О. А. Федченко писала сыну 4 ноября 1909 года: «...Leveillé оч[ень] доволен моей “belle Lenographie” и будет ее реферировать в январском № “Monde des Plantes”, так как ноябрьский уже в печати. Особенно поздравляет за обилие латыни. Пишет, что мои данные будут высоко цениться»¹³⁹¹. В этом Leveillé был одновременно и прав, и не прав. Например, академик В. Л. Комаров (тогда еще только что избранный) в 1921 году, говоря о научной деятельности О. А. Федченко, заметил: «Особенно выделяется крупная ее работа “Монография рода Eremurus”, исчерпывающее исследование по этой столь характерной для Туркестана группе растений»¹³⁹². С одной стороны, в 1968 году книга О. А. Федченко об эремурусах была переиздана в Нью-Йорке (репринтным способом) в серии, посвященной монографическим исследованиям различных видов¹³⁹³. Надо сказать, что это была единственная работа российского ботаника, удостоенная такой чести. С другой стороны, книга никогда (ни полностью, ни частично) не переводилась на русский язык и не переиздавалась в России, давно став библиографической редкостью.

Публикация фундаментального исследования и его полный успех не уменьшили, однако, интерес О. А. Федченко к роду Eremurus. Она продолжала заниматься изучением этих растений и впоследствии опубликовала еще несколько посвященных им работ. Среди них – статья: «Лилейные (Liliaceae). Род Eremurus М. В.»¹³⁹⁴. Эта работа вошла в состав «Флоры Азиатской России» Б. А. Федченко, издаваемой Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия; «Новые материалы к познанию рода Eremurus. 2. Виды рода Eremurus, собранные экспедицией Б. А. Федченко в 1916 г.»¹³⁹⁵ и др.

¹³⁸⁶ Ibid.

¹³⁸⁷ Ibid. P. 181–182.

¹³⁸⁸ Ibid. P. 182.

¹³⁸⁹ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 5 сентября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 312 об.

¹³⁹⁰ См. упоминание об этих рецензиях в реферате на книгу О. А. Федченко, помещенном в: Русский ботанический журнал. 1910. № 1–2. С. 18.

¹³⁹¹ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 4 ноября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 361.

¹³⁹² Комаров В. Л. О. А. Федченко // Известия Российской Академии наук. VI Сер. 1921. Т. 15. С. 248.

¹³⁹³ Fedchenko O. A. Eremurus. Kritische Übersicht über die Gattung. Von O. Fedtschenko (Mit 24 Tafeln.). Reprint. Sankt Petersburg, 1909. New York, 1968. № 4. 210 p.

¹³⁹⁴ Федченко Б. А. Флора Азиатской России. Вып. 3: Лилейные (Liliaceae). Род Eremurus М. В. Обработала О. А. Федченко. СПб., 1912.

¹³⁹⁵ Федченко О. А. Новые материалы к познанию рода Eremurus. 2. Виды рода Eremurus, собранные экспедицией Б. А. Федченко в 1916 г. // Ботанические материалы Гербария Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. II. Вып. 3. С. 11–12.

Судьба Ольгинского акклиматизационного сада после 1917 года сложилась печально, во многом, наверно, потому, что его хозяйка к этому времени была уже тяжело больна. Но, несмотря на это, О. А. Федченко пыталась уберечь свой сад, сохранив его в качестве научного учреждения. Не сохранилось точных данных, но, по-видимому, либо сама О. А. Федченко, либо Б. А. Федченко от ее имени обратились за помощью к директору Главного ботанического сада РСФСР (бывшего Императорского), которым в то время уже был В. Л. Комаров. Кому-то из них пришла в голову мысль превратить Ольгинский ботанический сад в филиал (или отделение) Главного ботанического сада и сделать О. А. Федченко его смотрительницей, получающей жалованье. Таким образом решались бы сразу две проблемы: Ольгинский сад становился бы государственным учреждением и подлежал защите государства, а О. А. Федченко, вместе с революцией лишившаяся единственного источника дохода – своей пенсии за погибшего мужа, получала бы жалованье как сотрудник сада. В. Л. Комаров принял просьбу близко к сердцу. Сохранилось письмо к нему О. А. Федченко от 25 (12) июля 1919 года, из которого можно заключить, что хотя бы первая часть этого плана была приведена в исполнение: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, – писала Ольга Александровна. – Очень признательна вам за содействие к устройству моего положения в Ольгине. Теперь очень прошу Вас не отказать в скорейшей выдаче следующих мне денег и в обеспечении в дальнейшем своевременного получения назначенного мне содержания, так как при сложившихся условиях я лишена единственного источника своего дохода, а именно – своей пенсии»¹³⁹⁶. Однако состояние здоровья О. А. Федченко уже быстро ухудшалось. Видимо, где-то в начале 1920 года Б. А. Федченко удалось уговорить ее покинуть Ольгино, в котором О. А. Федченко провела революционные годы, и вернуться вместе с ним в Петроград. Именно там она и провела последние дни своей жизни, продолжая, несмотря на тяжелую болезнь и почти полную слепоту, свои исследования. «Только за год с небольшим до кончины ее мне удалось убедить О[льгу] А[лександровну] переехать в Ленинград и провести последние месяцы жизни в общении со мной, – писал Б. А. Федченко. – Несмотря на тяжелые физические страдания, до последнего дня О[льга] А[лександровна] сохранила величайший интерес к научным вопросам и некоторые из них – как обработка Егетигус'ов моей Закаспийской и Бухарской экспедиций и вопрос об ирисах Гиссарского хребта решались в самые последние дни ее жизни. О[льга] А[лександровна] сознавала, что жить больше не может, но спокойно озиралась на пройденный ею путь, видя, что жизнь ее не прошла бесплодно. Это облегчало ей все страдания, до той ночи (с 28 на 29 апреля), когда ей пришлось уснуть – умереть»¹³⁹⁷.

Ольга Александровна Федченко умерла в ночь с 28 на 29 апреля 1921 года в Петрограде и была похоронена на Смоленском православном кладбище – одном из самых больших кладбищ города, расположенном на Васильевском острове. Ее могила сохраняется там до сегодняшнего дня¹³⁹⁸. Ее сын, друзья и коллеги скорбели о ее уходе. 21 мая 1921 года в заседании Отделения физико-математических наук Российской Академии наук В. Л. Комаров прочитал некролог памяти О. А. Федченко, завершив его следующими словами: «...научно-литературная деятельность О[льги] А[лександровны] охватывает период в 48 лет, вся же научная ее работа, с начала Туркестанской экспедиции, продолжалась 53 года. В Ольге Александровне мы чтим не только ученого, но и одну из тех славных русских женщин, которые прокладывали новые пути, выходя из узкой сферы домашних интересов на широкую дорогу общественного служения, и вместе с тем работали над созданием той идейной самоотверженной русской интеллигенции, которую по справедливости гордится наша страна»¹³⁹⁹. 27 мая состоялось заседание Совета Бота-

¹³⁹⁶ Федченко О. А. Письмо В. Л. Комарову. 25 (12) июля 1919 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1493. Л. 1, 2.

¹³⁹⁷ Федченко Б. А. К биографии О. А. Федченко... С. 87–88.

¹³⁹⁸ Адрес: С.-Петербург, Камская ул., 24; 129 участок, 2 дорожка. См.: Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 276.

¹³⁹⁹ Ольга Александровна Федченко. Некролог. (Читан в заседании Отделения физико-мат. наук 25 мая 1921 г. академи-

нического сада, на котором было сделано несколько сообщений, посвященных памяти О. А. Федченко. С докладами выступили: О. Э. Кнорринг «Памяти О. А. Федченко», В. Л. Комаров «Научные работы О. А. Федченко», А. П. Семенов-Тянь-Шанский «Работы О. А. Федченко по зоологии», Б. А. Федченко «Начало научной деятельности О. А. [Федченко] и ботанический сад в Можайском уезде». В годичном собрании ОЛЕАЭ 1921 года и в заседании Московского отделения Туркестанского отдела общества также были сделаны сообщения, посвященные памяти О. А. Федченко¹⁴⁰⁰. В 1924 году 2-й выпуск XXIII тома «Известий Главного ботанического сада РСФСР» вышел под заголовком: «Этот выпуск “Известий” Совет Главного ботанического сада посвящает памяти своего почетного члена Ольги Александровны Федченко»¹⁴⁰¹. Помимо других материалов, посвященных О. А. Федченко, здесь были напечатаны и воспоминания О. Э. Кнорринг, которая, как нам кажется, точнее и ярче всех остальных выразила то, что было смыслом жизни О. А. Федченко: «Большая часть работ Ольги Александровны посвящена Туркестанской флоре; по этой флоре – она была авторитетом и ее слово было решающим. Можно смело сказать, что труды Ольги Александровны положили начало научному систематическому изучению Туркестанской флоры и в том числе флоры Памира; Флористическая География Русского Туркестана – основана работами Ольги Александровны и продолжала развиваться при ее деятельном участии... Талант, необыкновенная энергия, настойчивость, выносливость, усидчивость и глубокий интерес к науке – вот выдающиеся ее свойства. До последнего дня своей жизни Ольга Александровна не переставала интересоваться научными вопросами и продолжала работать пока была в силах, когда она перестала ясно видеть, то просила ей читать новые работы или диктовала сама. Научная работа была ее жизнью»¹⁴⁰².

О. А. Федченко принадлежала к тем женщинам-ученым, которые были не готовы ждать, пока им разрешат официально заниматься научными исследованиями. Если бы в 1863 году, в последний год перед окончанием ею Николаевского сиротского института, то есть за год до окончания средней школы, когда молодые люди активно планируют свою будущую жизнь, она согласилась бы подождать, как того просили профессора Московского университета, считавшие невозможным присутствие женщины на их занятиях, ей пришлось бы прождать до 1901 года. Только тогда в Москве были открыты Московские Высшие женские курсы, то есть через 37 лет. Именно столько времени заняло у руководства страны рассмотрение вопроса о высшем женском образовании. И только в 1911 году женщинам было позволено сдавать экзамены за университетский курс и защищать диссертации, но об этом мы будем говорить ниже. О. А. Федченко была не готова потратить свою жизнь на ожидание, но и отказаться от своей мечты она тоже не могла. Поэтому если для проведения текущих исследований ей нужен был ботанический сад, а на работу в один из существующих ее не брали, то она просто создавала свой собственный. Конечно, она могла себе это позволить, потому что у нее были независимые ни от кого средства, а именно – пенсия за погибшего супруга. Несмотря на то что А. П. Федченко погиб, не выслужив срока, необходимого для того, чтобы его семья получала пенсию, еще в 70-е годы XIX века коллеги О. А. Федченко во главе с Г. Е. Щуровским потратили немало сил и времени, чтобы добиться исключения для нее. Таким образом, в конечном итоге счастливой возможностью заниматься научными исследованиями без каких-либо помех О. А. Федченко была обязана непоколебимой поддержке ее «научной семьи» – ее коллег по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ком В. Л. Комаровым) // Известия Российской Академии наук. VI Сер. 1921. Т. 15. С. 248. Следует заметить, что в этом «Некрологе» неверно названа дата смерти О. А. Федченко: «В ночь с 24 на 25 апреля», что, скорее всего, является просто опечаткой.

¹⁴⁰⁰ См.: *Анучин Д. Н.* Памяти О. А. Федченко // Землеведение. 1922. Кн. 1–2. С. 168.

¹⁴⁰¹ Известия Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2.

¹⁴⁰² *Кнорринг О. Э.* Памяти О. А. Федченко... С. 94.

Ольгинский акклиматизационный сад, возможно, был самым известным из числа частных российских женских научных учреждений 1900-х годов. Но он не был единственным. Совсем недалеко от Ольгина в том же Можайском уезде Московской губернии, в селе Соболяки, находилась частная обсерватория, организованная Н. М. Субботиной. В 1899 году Н. М. Субботина приобрела четырехдюймовый рефрактор Reinfelder'a и еще некоторые приборы и устроила частную обсерваторию в семейном имении Соболяки Можайского уезда Московской губернии¹⁴⁰³. С. К. Костинский писал об этом: «Еще в 1899 году Н. М. Субботина построила собственную маленькую обсерваторию в имении Соболяках (Можайского у[езда], Моск[овской] губ[ернии]), снабженную хорошим четырехдюймовым рефрактором Reinfelder'a и еще некоторыми мелкими приборами»¹⁴⁰⁴. Обсерватория была построена по проекту М. Г. Субботина и под его личным наблюдением¹⁴⁰⁵. Устанавливать рефрактор приезжал тогда еще начинающий преподаватель Московского университета Павел Карлович Штернберг (1865–1920)¹⁴⁰⁶. С. К. Костинский в отзыве о работе Н. М. Субботиной, написанном в 1913 году, подробно охарактеризовал ее деятельность в Соболяковской обсерватории. Нина Михайловна «... усердно занималась там¹⁴⁰⁷, по летам, наблюдениями солнечных пятен, поверхностей больших планет, вида некоторых комет, переменных звезд и т. д., – писал он. – [Кроме того глазом и с помощью бинокля наблюдала некоторые переменные звезды, а также систематически, падающие звезды, преимущественно Персеиды и Леониды.]¹⁴⁰⁸ Особенно следует отметить систематические наблюдения падающих звезд (Персеид и Леонид), отчеты о которых издавались в “Bull[etin] de la Sociéte astr[onomique] de France” и в “Bull[etin] de la Sociéte Belge de l'Astronomie” (1900–1905 гг.), а затем – с лишком десятилетний, непрерывный, ряд наблюдений солнечных пятен (1899–1910), целиком вошедший, как [учетный] материал в известную периодическую регистрацию явлений на Солнце Prof. Wolfer'ом¹⁴⁰⁹ в Цюрихе (Astron[omische] Mitteilungen) и отчасти опубликованный также и в “Известиях Р. А. О.” (см. № 6 за 1902 г.)¹⁴¹⁰. Кроме того, в Соболяках были организованы метеорологические наблюдения, а также наблюдения [известных] светящихся облаков по просьбе проф[ессора] Покровского»¹⁴¹¹.

В статье, посвященной результатам наблюдений солнечных пятен и опубликованной Н. М. Субботиной в «Известиях Русского астрономического общества» в 1902 году, содержится информация не только о количестве проведенных наблюдений, но и об инструментари, с помощью которого они велись. Н. М. Субботина пишет: «Объектив астрономической трубы имеет 3,2 дюйма в диаметре. Окуляр трубы увеличивает в 100 раз. Диаметр проектированного Солнца равен 97 сантиметрам; а его площадь 57 352 кв. миллим. Наблюдения проводились с 1-го января по 4 мая и с 1 ноября до конца декабря в С.-Петербурге, с 4-го мая по 1-е ноября¹⁴¹² в деревне Соболяки, Можайского уезда, Московской губернии»¹⁴¹³. Здесь же

¹⁴⁰³ См. об этом: *Костинский С. К.* Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 2. М. Н. Неуймина относит дату приобретения Н. М. Субботиной рефрактора к 1895 г. (она пишет о 3-дюймовом рефракторе) (*Неуймина М. Н.* Указ. соч. С. 264).

¹⁴⁰⁴ *Костинский С. К.* Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. ... Л. 2.

¹⁴⁰⁵ *Субботина Н. М.* Письмо Г. А. Тихову. 27 января 1942 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 971. Оп. 4. Д. 344. Л. 15.

¹⁴⁰⁶ *Субботина Н. М.* Письмо С. К. Костинскому. 31 декабря 1917 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 57.

¹⁴⁰⁷ В Соболяках. — *О. В.*

¹⁴⁰⁸ <...> – фраза зачеркнута. — *О. В.*

¹⁴⁰⁹ *Wolfer Alfred* (1854–1931) – астроном, директор Швейцарской федеративной обсерватории в Цюрихе (1894–1926), профессор астрономии Цюрихского университета. Занимался преимущественно вопросами статистики солнечных пятен.

¹⁴¹⁰ *Субботина Н. М.* Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. IX. № 6–7. С. 86–89.

¹⁴¹¹ *Костинский С. К.* Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.

¹⁴¹² 1901 г. — *О. В.*

она отмечает: «Солнце было чисто 108 дней. Пятна наблюдались 40 дней. Всех наблюдений было 148. Остается дней пасмурных или не наблюденных 217»¹⁴¹⁴. Результаты этих первых наблюдений были обработаны не самой Ниной Михайловной, а бароном Николаем Васильевичем Каульбарсом (1842–1905)¹⁴¹⁵. Сохранились свидетельства, что регулярные наблюдения давались Нине Михайловне нелегко. Например, 29 июля 1902 года она писала О. А. Федченко, извиняясь за отложенный визит: «... теперь <...> мешает ясная погода – теперь веду наблюдения Персеид – это довольно утомительно и если [перенапряжешься] днем, то к вечеру никуда не буду годиться»¹⁴¹⁶. Подмосковная погода также не всегда радовала и, как правило, заставляла беспокоиться: «Как оказалось, Демчинский не совсем был не прав, но все-таки днем были дожди. В общем, я наблюдала Персеиды, и довольна своими наблюдениями, а это мне только и было нужно», – писала Н. М. Субботина О. А. Федченко 11 августа 1902 года¹⁴¹⁷.

Не все сложности были вызваны погодой и собственной усталостью. Например, в письме от 17 сентября 1902 года Н. М. Субботина сообщала О. А. Федченко, что ее обсерваторию обокрали: «У меня большая неприятность. Сегодня только взломали дверь и обокрали обсерваторию – почти все мелкие инструменты только трубу не тронули. Хотелось бы очень посоветоваться с Бор[исом] Ал[ексеевичем] (Федченко. — О. В.), а то урядник – такой дурак! Наверно ничего не найдет. Мне это страшно неприятно. Теперь надо опасаться и за трубу, и все время я беспокоюсь о ней...»¹⁴¹⁸

Тем не менее работа в обсерватории в Соболяках продолжалась. Н. М. Субботина не только сама вела наблюдения, но и приглашала к работе слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, других астрономов. Например, она писала Н. А. Морозову 31 июля 1912 года: «Как только вернулась из Евпатории – установила телескоп и принялась за работу на обсерватории. Здесь на даче живет еще один астроном – из Московского кружка и он очень увлекается наблюдениями. С 25.VII мы принялись за Персеиды – выписали карты Московской астр[ономической] обсерватории, подобрали еще наблюдателей – курсисток-математичек и стали дежурить с картой, хронометром и фонарем. К сожалению, несколько ночей было облачных, а в остальных за 2 часа набиралось от 6 до 10 штук метеоров – что это сделалось с этим интересным потоком?! Я помню, в [190]4 г[оду] 5 ночей набиралось до 400 штук падающих звезд, а теперь почти ничего!!»¹⁴¹⁹ И добавляла: «Да, мы предварительно делали психологическое исследование глазомера наблюдателей для определения личных разностей, но пока трудно судить о выводах. Все же думаю зимой выступить с маленьким сообщением на эту тему»¹⁴²⁰. Присутствие коллег на обсерватории радовало Н. М. Субботину, поскольку ее положение «кустаря» к этому времени начало ее немного тяготить: «Летом у меня был очень милый товарищ по астрономии, секретарь Московского астрономического кружка – Егоров. Он жил на даче в Соболяках и много работал на обсерватории. Очень приятно было это сотрудничество, а то так жаль, что работаешь кустарем, в одиночку!» – писала Н. М. Субботина Н. А. Морозову 2 сентября 1912 года¹⁴²¹.

¹⁴¹³ Субботина Н. М. Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. IX. № 6–7. С. 86.

¹⁴¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁴¹⁵ Там же. С. 86.

¹⁴¹⁶ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 29 июля 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 7.

¹⁴¹⁷ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 10.

¹⁴¹⁸ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 17 сентября 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 15 об., 15.

¹⁴¹⁹ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 31 июля 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 31, 31 об., 32.

¹⁴²⁰ Там же. Л. 32, 32 об.

¹⁴²¹ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 2 сентября 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 34 об.

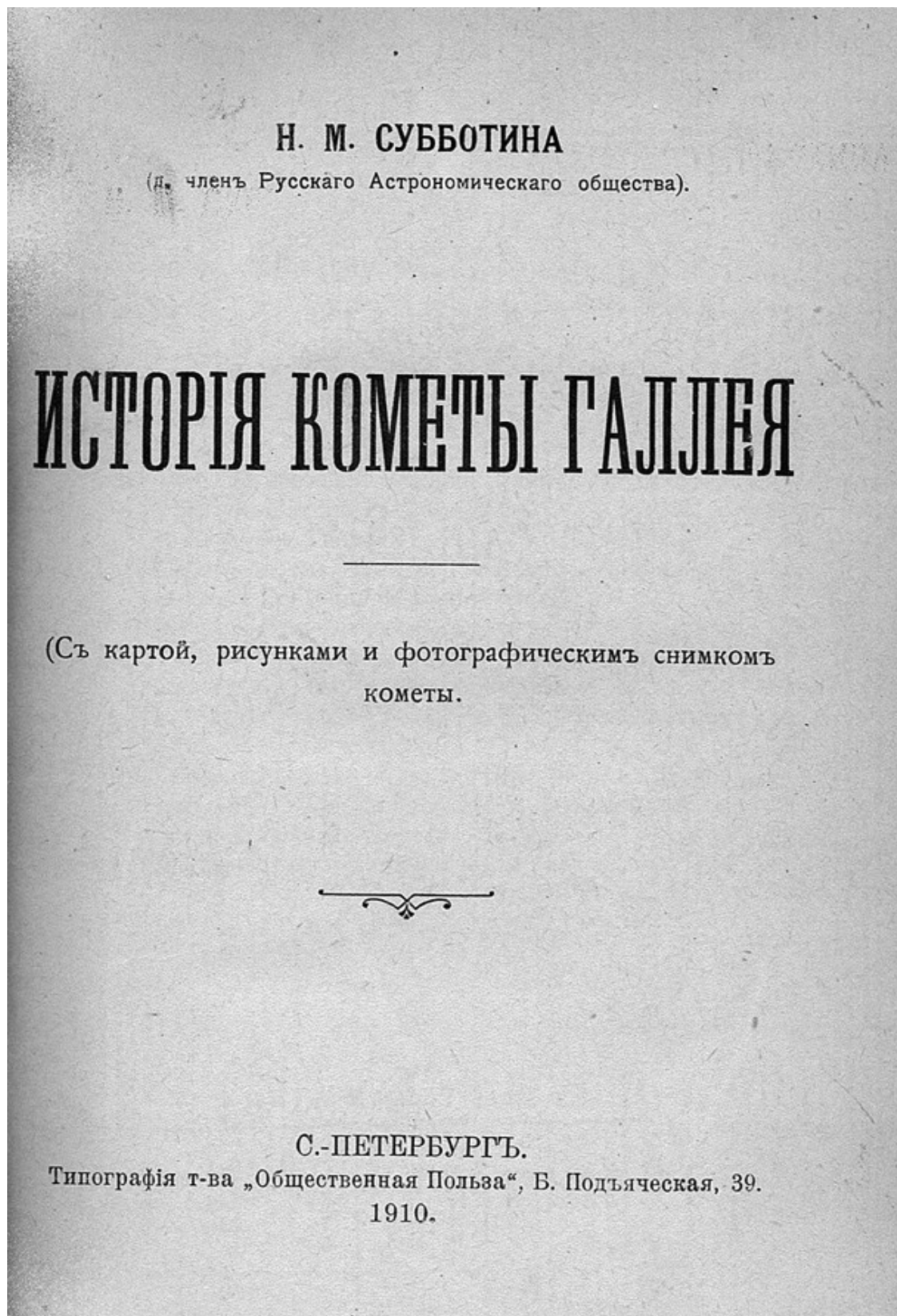

Рис. 23. Титульный лист книги Н. М. Субботиной «История кометы Галлея» (СПб., 1910) – первой в России книги по астрономии, написанной женщиной

Обсерватория в Соболевках просуществовала вплоть до революционных событий 1917 года, когда помещения и инструмент были конфискованы новыми властями. Однако

работа в обсерватории была приостановлена уже в 1915 году, когда в имении Соболяки разместили лазарет для раненых: «Масса войск в окрестных деревнях и у нас; даже на обсерватории предполагается установить военный прожектор, а сам телескоп давно уложен в ящик», – писала Н. М. Субботина С. К. Костинскому 1 ноября 1915 года¹⁴²². Узнав о конфискации имения большевиками, Н. М. Субботина беспокоилась не о потерянных вещах, а о своей обсерватории: «Теперь я значит, странствующий астроном, свободный гражданин мира? Везде можно наблюдать и мне кажется, в самых скверных условиях жизни у астронома всегда будут его звезды...» – писала она С. К. Костинскому 31 декабря 1917 года¹⁴²³. «К счастью я успела вывезти свои 4” и 3” трубы, только штатив остался в Соболяках, – радовалась она и продолжала далее: – Как странно, что тот самый Штернберг, к[ото-]рый когда-то 17 лет назад приезжал ко мне устанавливать рефрактор, тот теперь комиссар большевиков, распоряжением которых реквизируют Соболяки!»¹⁴²⁴ Однако оптимизм Н. М. Субботиной был неистребим: «Ну, ничего! – писала она. – Я уже сегодня видела во сне новую обсерваторию, и какой-то астроном показывал мне круглый дом, расписанный фресками с изображениями Данте и Беатриче, потому что астроном “должен любить свою астрономию, как Данте Беатриче”. Право – чудесный сон на Новый год»¹⁴²⁵.

Однако Н. М. Субботина пыталась бороться за то, чтобы сохранить свою обсерваторию, надеясь превратить ее в государственное учреждение, точно так же как О. А. Федченко пыталась превратить свой ботанический сад в филиал Главного ботанического сада. В революционные годы Н. М. Субботина (и некоторые другие члены ее семьи) вынуждены были покинуть Соболяки и переехать жить в Сормово, где на Сормовских заводах работали братья Субботины. Н. М. Субботина устроилась на работу в местное отделение Пролеткульта. 2 апреля 1919 года она писала Н. А. Морозову: «...в перспективе предстоит организационная работа для Обсерватории сормовского пролеткульта, я надеюсь, что она послужит переходом к переустройству и Соболяковской обсерватории Р.О.Л.М.»¹⁴²⁶. Н. М. Субботина состояла членом Русского общества любителей мироведения почти что с момента его создания. Она руководила отделом метеоров общества до 1914 года и передала в его распоряжение архив своих многолетних наблюдений метеоров (начиная с 1901 года)¹⁴²⁷. Н. А. Морозов являлся председателем совета общества. Объясняя ситуацию, сложившуюся к весне 1919 года в Соболяках, Н. М. Субботина писала: «Пока что жить там (в Соболяках. — О. В.) невозможно, т[ак] к[ак] коммуна прямо разбойники и нас туда не пускают¹⁴²⁸, но я твердо уверена, что нравственное право рано или поздно одолеет грубую силу и сотрудничество с мироведами будет содействовать развитию и процветанию работ Соболяковской Обсерватории, даже м[ожет] б[ыть] целого научного института там!...»¹⁴²⁹ Далее Н. М. Субботина наметила план действий, необходимый для того, чтобы эта идея была претворена в жизнь: «Теперь надо бы, чтобы Ваше Об[щест]во известило научный отдел наркомата просвещения (Москва, Арбат, Б. Левшинский пер. 4), что приняло Соболяковскую обсерваторию в свое ведение, и просит научный отдел выдать охранную грамоту на основании декрета об охране научных учреждений (изд[анного] 9.ХII.1918), и на

¹⁴²² Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. 1 ноября 1915 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 54 об.

¹⁴²³ Субботина Н. М. Письмо С. К. Костинскому. 31 декабря 1917 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 57.

¹⁴²⁴ Там же. Л. 57, 57 об.

¹⁴²⁵ Там же. Л. 57 об.

¹⁴²⁶ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 2 апреля 1919 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 10.

¹⁴²⁷ См.: Луцкий В. К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941). М.: Наука, 1982. С. 58.

¹⁴²⁸ Н. М. Субботина имела в виду членов «Трудовой коммуны», поселившихся в конфискованном у семьи Субботиных имении Соболяки. — О. В.

¹⁴²⁹ Субботина Н. М. Письмо Н. А. Морозову. 2 апреля 1919 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 10 об.

основании охранного удостов[ерения] научного отдела, выданного мне 14.XI.1918 за № 2633, где сказано, что обсерватория, состоящая из дерев[янного] павильона и квартиры из 6 комнат, с инструментами, книгами и личным имуществом наблюдателей, реквизиции и уплотнению не подлежит»¹⁴³⁰. И продолжала: «Надо просить, чтобы передавая квартиру эту н[аучный] о[тдел] подтвердил все наши права Р.О.Л.М., или взамен дал дачу в саду, (где Вы были в гостях у наших 2 сотрудников – ботанички и метеоролога), т[ак] к[ак] квартиру заняла коммуна, освободив дачу, где им показалось холодно и скучно! Дача эта была бы удобнее, как стоящая в стороне от коммунаров, очень грязных и неприятных соседей. Итак, мы не унываем, продолжаем свою работу временно в другом месте, надеясь на будущее, и преодолеваем невзгоды настоящего»¹⁴³¹. Пока продолжались хлопоты за Соболевскую обсерваторию, Н. М. Субботина обустроивала новую в Сормове. Она думала перевести туда телескоп из Соболев, если найдутся средства, но не теряла надежды на возвращение в Соболевки. «Так как Вы почетный член совета Соболевской обсерватории, то спешу Вас уведомить, в каком положении обстоит сейчас дело», – писала она Н. А. Морозову 14 мая 1919 года, подробно рассказывая далее о своей работе в Сормове¹⁴³² и своих планах: «Если будет ассигновка на обсерваторию, можно будет привезти 3-й большой телескоп, который стоял в башенке Соболевской обсерватории»¹⁴³³. Успехи, пусть и скромные, на новом месте радовали Н. М. Субботину: «Как видите, наше дело не погибло, дает новые ростки и с божьей помощью разовьется снова, – писала она. – Я твердо верю, что когда-нибудь мы снова вернемся с ним в Соболевки, ведь наша идея была научная и культурно-просветительная работа в деревне, а не в городе и на заводе, где и без того много культурных работников, пока же судьба привела именно сюда, м[ожет] б[ыть] лишь для того, чтобы расширить, упрочить нашу работу и тем поддержать и защитить. Ведь прямо-таки нелепо нас изгнали, пот[ому] чт[о] хулиганы нашли, что мы им мешаем. Это не может продолжаться очень долго и справедливость когда-нибудь сама восстановится!»¹⁴³⁴ Потому что, по твердому убеждению Н. М. Субботиной, «...под каким бы то ни было названием, Соболевки должны продолжать свою работу, было бы слишком печально, если бы они упали духом и прекратили ее!»¹⁴³⁵.

К 1920 году стало, однако, понятно, что надежды были напрасными, а планам исполниться, скорее всего, не суждено. 19 августа 1920 года Н. М. Субботина отправила обстоятельное письмо в адрес Второго съезда Всероссийского астрономического союза¹⁴³⁶ на имя С. К. Костинского, в котором, возможно в последний раз, пыталась обратить внимание коллег на судьбу своей маленькой обсерватории: «Мне хочется сказать еще несколько слов по поводу работы в деревне: все говорят о пользе и необходимости ее, и в то же время повторяются такие факты, как насильственное прекращение деятельности научных и культурно-просветительских учреждений в деревне, – писала она. – Яркий пример: Соболевская обсерватория, всего в 100 верстах от Москвы. Она возникла в 1900 году на мои личные средства, и поддерживалась моим трудом, в ней велись астрон[омические] наблюдения в связи с набл[юдениями] погоды и живой природы, отчеты о них, краткие сообщения, вы, тов[арищи] читали в специальных журналах, и знакомы с затруднениями научно-культурной работы в одиночку, самоучкой, в деревне, вдали от тов[арищеских] советов, примера, поддержки... И, все же, она существовала вплоть до 1918 г[ода], когда несмотря ни на какие хлопоты, убеждения и доказательства,

¹⁴³⁰ Там же. Л. 10 об., 11.

¹⁴³¹ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 2 апреля 1919 г. ... Л. 11.

¹⁴³² *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 14 мая 1919 г. ... Л. 13.

¹⁴³³ Там же. Л. 13 об., 14.

¹⁴³⁴ Там же. Л. 14.

¹⁴³⁵ Там же. Л. 14 об.

¹⁴³⁶ Второй съезд Всероссийского астрономического союза проходил в Петрограде с 23 по 27 августа 1920 г. (см.: *Луцкий В. К.* Указ. соч. С. 84–85).

ее понадобилось прекратить»¹⁴³⁷. И продолжала: «Плох тот работник, который, положа руку на плуг, озирается назад, и в Сормове поле благоприятное, работа м[ожет] б[ыть] более плодотворная, но мне жаль ту маленькую, запустевшую ниву, и я делюсь этим сожалением с вами, товарищи, надеясь, что эта нива когда-ниб[удь] получит нового работника и мой труд на ней не пропадет без следа. Иначе, ведь это было бы несправедливо, а мы, астрономы, с этим понятием не знакомы – его нет в небесах, в жизни Вселенной!»¹⁴³⁸ К сожалению, эта надежда на возрождение Соболевской обсерватории оказалась напрасной, но сама Н. М. Субботина продолжала работать практически до самой смерти в 1961 году.

Обсерватория Н. М. Субботиной была не единственной «женской» обсерваторией своего времени. Например, по сведениям К. Д. Покровского, А. И. Фрейберг, о которой мы упоминали выше, также купила астрономическую трубу. Оказалось, что ее вынужденная, определявшаяся местом ее службы жизнь за городом (в селе Александровском, расположенном в 15,5 километрах от С.-Петербурга) очень хорошо подходила для проведения астрономических наблюдений, чему способствовали, как писал К. Д. Покровский, «...вполне открытый горизонт с балкона, охватывающего со всех сторон высокое здание, сравнительная чистота воздуха и отсутствие яркого освещения улиц»¹⁴³⁹. К. Д. Покровский также назвал обустройство А. И. Фрейберг обсерваторией: «При своей обсерватории, – писал он, – А. И. [Фрейберг] могла устроить и темную комнату для наблюдений солнечных пятен»¹⁴⁴⁰. В своей обсерватории (на своем наблюдательном пункте) А. И. Фрейберг организовала систематические наблюдения солнечных пятен и, так же как и Н. М. Субботина, отсылала полученную информацию в Цюрих, профессору Вольферу. Она также занималась наблюдением падающих звезд и др.¹⁴⁴¹

Графиня Екатерина Павловна Шереметева (1849–1929), урожденная Вяземская, получила традиционное для девушки аристократического круга образование и вплоть до 90-х годов XIX века не была замечена среди женщин, интересовавшихся изучением естественных наук. В отличие от О. А. Федченко и Н. М. Субботиной ее интерес к естествознанию проявился, по ее собственным словам, когда подросли и приступили к серьезному обучению ее дети. Как она сама писала в короткой, написанной простым карандашом записке, посвященной истории ее увлечения естественными науками, «в начале 90 годов прошлого столетия Д. Н. Кайгородов¹⁴⁴² стал давать уроки естественной истории моим меньшим детям, на которых я всегда присутствовала и стала все более и более увлекаться изучением природы, которую, впрочем, всегда любила»¹⁴⁴³. Вслед за теоретическими уроками последовали сборы коллекций в «полевых» условиях, проводившиеся летом в семейной усадьбе Михайловское Подольского уезда Московской губернии: «Переехав в деревню, мы начали собирать все, что нам казалось более и менее интересным», – писала Е. П. Шереметева¹⁴⁴⁴. Сборы захотелось сделать более систематизированными, поэтому, как заметила Е. П. Шереметева, «в 1895 г[оду] я просила Д. Н. Кайгородова рекомендовать мне кого-нибудь для составления гербария, чем и занялся <...>¹⁴⁴⁵ Ф. Бухгольц, теперь проф[ессор] Рижского Политехникума»¹⁴⁴⁶.

¹⁴³⁷ *Субботина Н. М.* Обращение ко второму съезду Всероссийского астрономического союза. 19 августа 1920 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 113.

¹⁴³⁸ Там же. Л. 114.

¹⁴³⁹ *Покровский К. А. И. Фрейберг* (Некролог) // Известия Русского астрономического общества. 1909. Вып. XV. № 4. С. 102.

¹⁴⁴⁰ Там же.

¹⁴⁴¹ Там же. С. 101.

¹⁴⁴² Кайгородов Дмитрий Никифорович (1846–1924) – естествоиспытатель, профессор Петербургского Земледельческого института.

¹⁴⁴³ *Шереметева Е. П.* Собственноручная записка Екатерины Павловны Шереметевой об образовании у нее естественно-научных коллекций. Б.д. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1.

¹⁴⁴⁴ Там же.

¹⁴⁴⁵ Слово неразборчиво. — О. В.

Федор Владимирович Бухгольц (1872–1924) в середине 90-х годов XIX века был молодым выпускником Московского университета, который он окончил в 1893 году, оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию. В Рижском Политехническом институте он преподавал, занимая различные должности, начиная с 1897 года. По сведениям П. Сюзева, опубликовавшего в 1910 году заметку о деятельности графини Е. П. Шереметевой в «Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета», именно Ф. В. Бухгольц положил начало ботаническим коллекциям музея Е. П. Шереметевой: «Лет 15 тому назад графиню Е.П. [Шереметевой] в ее подмосковном имении – селе Михайловском, Подольского уезда, основан местный естественноисторический музей для собирания и разработки научных материалов по флоре и фауне Средней России. Первоначально в основание ботанических коллекций музея положен гербарий семенных и высших споровых растений местной флоры, собранных в 1895 г[оду] проф[ессором] Ф. В. Бухгольцом, наблюдению которого принадлежит вся последующая ученая деятельность музея»¹⁴⁴⁷. Сама Е. П. Шереметева писала об этом следующим образом: «Осенью (1895 года. — О. В.) мы начали собирать грибы, мало-помалу стали собирать и гнезда, яйца, окаменелости, насекомых. Стали накапливаться книги, определители разного рода и библиотека расширяясь достигла теперь более 2000 названий – сначала отведена была одна комната, потом другая, потом отняли часть у прилегающей ко флигелю оранжереи, а в 1902 пристроили большую комнату, в которую и перенесли все коллекции»¹⁴⁴⁸. Уже в 1897 году Ф. В. Бухгольц составил и опубликовал описание гербария из «естественно-исторической коллекции гр[афини] Е. П. Шереметевой»¹⁴⁴⁹, а также описание собрания грибов¹⁴⁵⁰.

Е. П. Шереметева определяла цели создания своих коллекций (по-видимому, помимо обучения своих детей) следующим образом: «Задача моя состояла в возможно более полном сборе всего, что растет и живет в Подольском у[езде] Моск[овской] губ[ернии]»¹⁴⁵¹. Руководствуясь этим принципом, Е. П. Шереметева на протяжении второй половины 90-х годов XIX века и в 1900-е годы поддерживала финансово работы по сбору, составлению и публикации научных описаний грибов, мхов и лишайников, жуков, перепончатокрылых, различных водорослей, ископаемых каменноугольных отложений и, наконец, пауков, собранных в Подольском уезде Московской губернии. Достаточно большая часть этих работ была выполнена Николаем Александровичем Мосоловым¹⁴⁵², о судьбе и другой научно-исследовательской работе которого обнаружить данных в настоящее время нам не удалось. Работы по сбору и описанию водорослей производились Александром Александровичем Еленкиным (1873–1942), впоследствии знаменитым отечественным ботаником, а в начале 1900-х годов – начинающим ученым, только что (в 1897 году) окончившим университет¹⁴⁵³. Еще одной протеже Е. П. Шере-

¹⁴⁴⁶ Шереметева Е. П. Собственноручная записка Екатерины Павловны Шереметевой об образовании у нее естественно-научных коллекций. Б.д. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1.

¹⁴⁴⁷ Сюзев П. Шереметева Е. П. // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1910. Т. XI. Вып. 1. С. 43–44.

¹⁴⁴⁸ Шереметева Е. П. Собственноручная записка... Л. 1.

¹⁴⁴⁹ Бухгольц Ф. В. Гербарий. М., 1897. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой. I).

¹⁴⁵⁰ Бухгольц Ф. В. Грибы. М., 1897. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой. II).

¹⁴⁵¹ Шереметева Е. П. Собственноручная записка... Л. 1.

¹⁴⁵² Мосолов Н. А. Мхи и лишайники. Список мхов и лишайников, собранных в Подольском уезде. М., 1902. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой); *Он же*. Жуки. Список жуков, собранных в Подольском уезде. М., 1902. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой); *Он же*. Перепончатокрылые (Hymenoptera). Список перепончатокрылых насекомых, собранных в Подольском уезде. М., 1905. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой); *Он же*. Список грибов, найденных в Подольском уезде / 2-е изд. доп. М., 1906. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой).

¹⁴⁵³ Еленкин А. А. Водоросли. Отд. 1: Список синезеленых водорослей (Schizophyceae), собранных в окрестностях села Михайловского. Юрьев, 1915. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой); Еленкин А. А., Лобик А. И. Отд. 2: Список десмидиевых водорослей (Desmidiaceae), собранных в окрестностях села Михайловское. Юрьев, 1916. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой).

метеовой стала Мария Александровна Болховитинова (1877–1957), в 1900-е годы начинающий палеонтолог, работавшая ассистенткой сначала при кафедре геологии Народного университета им. А. Л. Шанявского, позднее на МВЖК; впоследствии крупный отечественный палеонтолог. Работа, выполненная в рамках сбора коллекций для музея графини Е. П. Шереметевой, была одной из первых научных работ в ее жизни. Впоследствии М. А. Болховитинова писала в автобиографии: «С начала открытия университета им. [А.Л.] Шанявского в 1907 г[оду] поступила туда слушательницей на геологический цикл и, будучи студенткой, произвела по поручению проф[ессора] А. П. Иванова геологические исследования в Звенигородском и Подольском уездах Московской губ[ернии], а в 1911 г[оду] была оставлена ассистенткой по кафедре геологии в университете Шанявского»¹⁴⁵⁴. И продолжала: «В 1911–1916 г[одах] работала по сбору палеонтологических коллекций для Подольского естественноисторического музея Е. П. Шереметевой. Чрезвычайно богатая и разнообразная фауна, собранная для музея и переданная в настоящее время в Московский областной музей, послужила темой для трех моих печатных работ»¹⁴⁵⁵. Одна из этих работ, самая первая научная публикация М. А. Болховитиновой: «Ископаемые. Список ископаемых верхнекаменноугольных отложений», была опубликована в серии «Естественно-историческая коллекция гр[афини] Е. П. Шереметевой»¹⁴⁵⁶.

Таким образом, Е. П. Шереметева поддерживала молодых, начинающих ученых-естествоиспытателей, что, по-видимому, отвечало ее намерениям и целям. Как она писала в своей записке, «желая дать возможность молодым людям, посвятившим себя науке и обреченным жить в городах, чтобы иметь возможность пользоваться книгами и изучать природу не только по книгам, но и в [природе], мне пришла мысль отдать свой музей Моск[овскому] университету и основать станцию, в которой учащиеся могли бы [изучать природу, имея под руками библиотеку, коллекции и прочие пособия]»¹⁴⁵⁷, пользуясь живыми пособиями. При этом было бы очень желательно и устройство Заповедника в месте, которое более или менее мало затронуто культурой, каковое и находится в так называемом <...>¹⁴⁵⁸,¹⁴⁵⁹. Возможно, именно потому, что в собрании коллекций музея участвовали разные люди с совершенно различными интересами, состав этих коллекций оказался таким пестрым. Как писала современная исследовательница Л. М. Карнишина, опубликовавшая небольшую заметку, посвященную истории музея Е. П. Шереметевой, «раздел фауны состоял из коллекции семенных и высших споровых растений и из коллекции низших растений. <...> Кроме гербария в музее имелась коллекция семян. Коллекция низших растений включала грибы, мхи, лишайники и водоросли. <...> Раздел фауны содержал коллекции паукообразных, насекомых, рыб, птиц и млекопитающих. <...> Особую коллекцию составляли гнезда с яйцами разных птиц. Кроме флоры и фауны в музее были представлены и археологические находки <...>, найденные близ усадьбы Михайловское»¹⁴⁶⁰.

Е. П. Шереметева, однако, не только финансировала научное изучение Подольского уезда Московской губернии. Она принимала в нем личное участие. Как отмечал П. Сюезев, «выпустив несколько печатных списков научно-обработанных коллекций музея, в сборах и разработке которых графиня лично принимала деятельное участие, она предприняла затем на свои средства издательство новых научных трудов некоторых специалистов наших по флоре споро-

¹⁴⁵⁴ Болховитинова М. А. Жизнеописание Марии Александровны Болховитиновой. [Не позднее 20 января 1930 г.] // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 85.

¹⁴⁵⁵ Там же.

¹⁴⁵⁶ Болховитинова М. А. Ископаемые. Список ископаемых верхнекаменноугольных отложений Подольского уезда Московской губернии. М., 1912. (Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой).

¹⁴⁵⁷ Фраза добавлена в виде сноски на нижнем поле листа. — О. В.

¹⁴⁵⁸ Далее неразборчиво. — О. В.

¹⁴⁵⁹ Шереметева Е. П. Собственноручная записка... Л. 1.

¹⁴⁶⁰ Карнишина Л. М. Уникальный музей Е. П. Шереметевой // Остафьевский сборник. Вып. 1. М., 1993. С. 16.

вых и цветковых России»¹⁴⁶¹. Первые издания по этой тематике были представлены работами Ф. В. Бухгольца: «Материалы к морфологии и систематике подземных грибов»¹⁴⁶², А. А. Еленкина: «Флора мхов Средней России»¹⁴⁶³ и Б. Б. Гриневского: «Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг.»¹⁴⁶⁴. Но Е. П. Шереметева, как упоминал П. Сюзев, была не только наблюдательницей. Как пишет Л. М. Карнишина, «наряду с систематизацией собранных объектов в музее отрабатывалась методика их хранения в коллекции. Особенно это касалось шляпочных грибов. Екатерина Павловна сама препарировала их. Она выполняла, по существу, ювелирную работу, которая заключалась в выскабливании внутренних мягких частей гриба до наружной кожицы. Последняя потом наклеивалась на бумагу, приготовленную особым способом»¹⁴⁶⁵. Однако препарированием дело не ограничивалось. К 1908 году Е. П. Шереметева подготовила к печати работу под названием «Иллюстрированный определитель грибов Средней России. I. Hymenomycetinae. – Составила на основании сочинения Р. Hennings'a Hymenomycetinae в Engler und Prantl. Natürliche Pflanzenfamilien, I Teil, 1 Abt.**», р. 105–276, графиня Е. П. Шереметева». Книга состояла из двух частей и была опубликована в 1908–1909 годах¹⁴⁶⁶. Как видно из названия, работа базировалась на известном определителе грибов, который, однако, мало подходил для видов, произраставших в Средней России. П. Сюзев отмечал в своем очерке, который фактически являлся рецензией на публикацию Е. П. Шереметевой: «Графиня, интересуясь микологией, обладая специальными познаниями и достаточным опытом в этой области, не только деятельно собирала коллекции грибов, но и сама обработала их для печати под руководством проф[ессора] Бухгольца. Определениями многих своих микологических коллекций графиня обязана недавно умершему берлинскому специалисту Р. Hennings'у¹⁴⁶⁷», – добавлял он¹⁴⁶⁸. Заметив, что на русском языке ранее не существовало описания семейств и родов местных Hymenomycetinae, П. Сюзев объяснял, что Е. П. Шереметева взялась перевести, дополнить и в целом приспособить для отечественных нужд раздел одного из самых известных энциклопедических изданий. «Исполненный графинею Шереметевой перевод сочинения Hennings'a, переработанный и дополненный для целей русской микологии, – писал П. Сюзев, – не есть определитель видов наших грибов в том смысле, как это принято для цветковых растений – это лишь определитель для семейств и родов с указаниями на важнейших их представителей. При переработке сочинения Hennings'a включены некоторые виды, которые как раз в России имеют наибольшее распространение, при этом добавлены указания на нахождение данного гриба в Средней России»¹⁴⁶⁹. Отметив, что книга вызвала интерес, П. Сюзев завершал свой разбор следующим образом: «“Иллюстрированный опреде-

¹⁴⁶¹ Сюзев П. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁶² Бухгольц Ф. В. Материалы к морфологии и систематике подземных грибов (Tuberaceae и Gastromysetes gr. p). С приложением описания видов, найденных до сих пор в пределах России. Рига, 1902. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып. 1).

¹⁴⁶³ Еленкин А. А. Флора мхов Средней России. Ч. 1. Юрьев, 1909. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып. 6).

¹⁴⁶⁴ Гриневский Б. Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. (с 8 табл., 1 рис. в тексте и 2 картами). [Б.м.], 1903.

¹⁴⁶⁵ Карнишина Л. М. Указ. соч. С. 16.

¹⁴⁶⁶ Шереметева Е. П. Иллюстрированный определитель грибов Средней России. 1. *Hymenomycetinae*: Ч. 1–2 / составила на основании соч. Р. Hennings'a "*Hymenomycetinae*" в Engler und Prantl, *Natürliche Pflanzenfamilien*, I. Teil, 1. Abt.** р. 105–276 графиня Е. П. Шереметева; под ред. [и с предисл.] проф. Риж. политехн. ин-та Ф. В. Бухгольца. Рига: Художественные графические заведения Александра Гроссет, под фирмой Дейтш, 1908–1909. 25 см. (Издание естественно-исторического музея гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып. 5–7). Ч. 1: *Hypochmaceae*, *Thelephoraceae*, *Clavariaceae*, *Hudnaceae*, *Polypograceae*: с 158 рис. в тексте. 1908. V. 145 с. (Вып. 5). Ч. 2: *Agaricaceae*: с 97 рис. в тексте. 1909. [2], 147–426, [4] с. (Вып. 7).

¹⁴⁶⁷ Hennings Paul Christoph (1841–1908) – немецкий миколог, один из самых ярких специалистов своего времени.

¹⁴⁶⁸ Сюзев П. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁶⁹ Там же.

литель грибов Средней России” графини Е. П. Шереметевой пробудил большой интерес к изучению грибов, в особенности шляпных, и, несомненно, в результате русская флора обогатится новыми видами и родами, до сих пор ускользавшими от пытливого взора ботаников-любителей. От души желаем, чтобы эта полезная книга, изданная так изящно и богато иллюстрированная, получила самое широкое распространение»¹⁴⁷⁰. Это единственное известное сегодня естественно-научное сочинение самой Е. П. Шереметевой. Всего в этой серии и под эгидой «Естественно-исторического музея графини Е. П. Шереметевой» было опубликовано восемь научно-исследовательских ботанических трудов, которые не только представляли интерес в научном отношении (в той или иной степени), но и способствовали развитию и продвижению молодых ученых.

О личном интересе Е. П. Шереметевой к естественным наукам, помимо единственной публикации, свидетельствует также то, что она являлась, например, почетным членом Общества акклиматизации животных и растений¹⁴⁷¹, что среди ее документов можно найти приглашение на заседание ОЛЕАЭ: «Ее сиятельству графине Екатерине Павловне Шереметевой. <...> В понедельник, 14 ноября, в 7 ½ вечера, в большой аудитории Зоологического музея <...>, имеет быть публичное заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, соединенное с 200-тым заседанием его Зоологического отделения, на которые Вы, м[илостивая] г[осударыня] сим приглашаетесь»¹⁴⁷². Е. П. Шереметева была знакома с О. А. и Б. А. Федченко. Б. А. Федченко привозил ей из своих экспедиций редкие виды растений. Например, Е. П. Шереметева писала О. А. Федченко 17 августа 1907 года из Михайловского: «Вчера получила присланные Вами *Eremurus robustus* и мы сегодня посадили их. Тот *Eremurus*, который мне привез несколько лет тому назад Борис Алексеевич (Б. А. Федченко. — О. В.), до сих пор жив, листья на нем очень могучие, но, к сожалению, не цветет»¹⁴⁷³. О. А. Федченко, в свою очередь, посылала свои книги. «Искренне благодарю Вас многоуважаемая Ольга Александровна за присылку интересной книги Вашей. Преданная Вам, Екатерина Шереметева», — писала Е. П. Шереметева О. А. Федченко 31 декабря 1909 года, благодаря ее, видимо, за присылку недавно вышедшей монографии об эремурусах¹⁴⁷⁴.

Деятельность самой графини Е. П. Шереметевой и ее коллег-сотрудников благодаря изданиям музея стала достаточно широко известна в научном мире. Как отмечала Л. М. Карнишина, «созданный Екатериной Павловной музей был уникальным, подобного ему не было ни в одной усадьбе России. Это было настоящее научное учреждение, в котором работа осуществлялась на высоком профессиональном уровне»¹⁴⁷⁵. И это был еще один пример частного научного учреждения, созданного и руководимого женщиной, которая одновременно являлась и его научным сотрудником. После революционных событий 1917 года Естественно-исторический музей графини Е. П. Шереметевой разделил судьбу Ольгинского акклиматизационного ботанического сада и Соболевской обсерватории. Его владелица, по-видимому, так же как О. А. Федченко и Н. М. Субботина пыталась его сохранить. По информации О. И. Шевелевой, в имении Михайловское даже был организован музей, правда просуществовавший меньше года. В 1923 году в имении был открыт дом отдыха политкаторжан¹⁴⁷⁶. Коллекции были вывезены.

¹⁴⁷⁰ Там же. С. 45–46.

¹⁴⁷¹ Шереметева Е. П. Членский билет № 22 Шереметевой Е. П. Почетного члена Общества акклиматизации животных и растений. 1916 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 18.

¹⁴⁷² Приглашение и повестка дня заседания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 9 ноября 1916 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 20, 21.

¹⁴⁷³ Шереметева Е. П. Письмо О. А. Федченко. 17 августа 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 280. Л. 2.

¹⁴⁷⁴ Шереметева Е. П. Письмо О. А. Федченко. 31 декабря 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 280. Л. 4 об.

¹⁴⁷⁵ Карнишина Л. М. Указ. соч. С. 16.

¹⁴⁷⁶ Шевелева О. И. Жизнь городской и загородной усадьбы во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Воздви-

Об их дальнейшей судьбе сохранились только отрывочные сведения. Л. М. Карнишина в работе «Послереволюционная судьба: Естественно-ист[орический] музей графини Е. П. Шереметевой в с. Михайловском» утверждала, что до 1924 года коллекции оставались в имении. Далее были отправлены в Областной музей Московского края, а после его закрытия частично в Биологический музей им К. А. Тимирязева¹⁴⁷⁷.

Таким образом, русские женщины, серьезно интересовавшиеся наукой и имевшие независимые средства, создавали собственные научные учреждения, которые при удачном стечении обстоятельств постепенно становились небольшими центрами научно-исследовательской деятельности не только для них, но и для их менее состоятельных коллег. Эти учреждения были включены в деятельность научного сообщества на профессиональном уровне, о чем свидетельствуют публикации в профессиональной прессе, участие в крупных российских и международных научных проектах, издание научных монографий. Однако в глазах государства они не существовали, и, возможно, благодаря этому их деятельность была такой успешной. Сохранились в Российской империи прежняя система государственного устройства, и некоторые из этих учреждений могли бы со временем дать начало серьезным научным центрам. Но вмешавшиеся в жизнь политические перемены сделали подобное развитие событий невозможным.

В целом начало 1900-х годов стало переломным временем в борьбе женщин за равный доступ к профессиональной научной деятельности. Мы можем наблюдать дам, как правило начавших свою карьеру еще в 60-е годы XIX века, продолжавших свои научные занятия независимо от кого-либо, на равных общавшихся с маститыми учеными; мы видим, как правило, более молодых женщин, стремившихся получить не только образование, но и работу по научной специальности, попадавших неизбежно в зависимое положение от своих наставников и руководителей. Эти две группы существовали параллельно в одном пространстве и времени. Любопытным и очень наглядным проявлением этого дуализма стало присуждение Русским астрономическим обществом «Премии государя императора за выдающиеся работы по астрономии, географии и соприкасающимся с ними наукам, произведенные русскими учеными и изданные в России» нескольким женщинам. В 1904 году РАО присудило половинную премию Е. А. Максимовой на основании отзыва О. А. Баклунда за работы «Bahnbestimmung des Planeten 209 Dido» и «Angenäherte absolute Dahn des Planeten 209 Dido»¹⁴⁷⁸. В 1905 году премия была присуждена М. В. Жиловой, также на основании отзыва О. А. Баклунда, за предвычисление движения трех малых планет, опубликованное в четырех различных статьях¹⁴⁷⁹. Обе девушки – уже упоминавшиеся нами выше выпускницы Бестужевских Высших женских курсов и одни из первых женщин, официально принятых на работу в Пулковскую обсерваторию, – представительницы первого поколения женщин – «профессиональных» ученых. В 1908 году половинная премия была присуждена Л. П. Цераской, выдающемуся астроному, открывшей более 200 переменных звезд, – достижение, которым не многие в мире могли похвастаться¹⁴⁸⁰. Наконец, в 1913 году половинную премию присудили Н. М. Субботиной на основании отзыва С. К. Костинского и она стала четвертой женщиной-лауреатом. Отзыв этот начинается словами: «... следует в высшей степени приветствовать тот факт, что совет Русского астроном[ического] общества обратил свое внимание на работы такой искренней *любительницы* ¹⁴⁸¹ аст-

женского дома и усадьбы Михайловское Шереметевых // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999. С. 209.

¹⁴⁷⁷ Карнишина Л. М. Послереволюционная судьба: Естественно-исторический музей графини Е. П. Шереметевой в с. Михайловском [Моск. обл.] // Мир музея. 2000. № 5. С. 8–11.

¹⁴⁷⁸ Журнал Общего собрания Русского астрономического общества 18 марта 1904 г. // Известия РАО. 1904. Вып. 10. № 6–7. С. 190.

¹⁴⁷⁹ Баклунд О. А. Отзыв о работах М. В. Жиловой // Известия РАО. 1905. Вып. 11. № 2–3. Апрель–май. С. 78–82.

¹⁴⁸⁰ Дубяго Д. Отзыв о трудах Л. П. Цераской по открытию переменных звезд // Известия РАО. 1908. № 6. Ноябрь. С. 129–207.

¹⁴⁸¹ Курсив наш. — О. В.

рономии, как Нина Михайловна Субботина, уже много лет бескорыстно и преданно служащей науке о звездах и принесшей ей немалую пользу...»¹⁴⁸² Несмотря на свое профессиональное образование, Н. М. Субботина была занесена в разряд «любительниц», поскольку занималась наукой частным образом. Л. П. Церская, конечно, также была «любительницей», не имея не только должности, но и какого-либо профессионального образования. Таким образом, с 1904 по 1913 год РАО присудило две из своих премий представительницам нового племени женщин-профессионалов и две – всем давно уже знакомым и привычным дамам-любительницам. Ничья!

Рис. 24. Медаль Русского астрономического общества, врученная женщинам – лауреатам премии РАО (Известия Русского астрономического общества. СПб., 1900. Вып. VIII. № 4–6. С. [6 – вклейка])

¹⁴⁸² Костинский С. К. Отзыв о работах Нины Михайловны Субботиной // Известия РАО. 1913/14 гг. Вып. XIX. № 5. С. 143.

Глава 4

«Поехали!» – Изменения законодательных оснований профессионального научного труда женщин в России в начале XX века

...Министерство народного просвещения находит безотлагательно необходимым в скорейшем времени разрешить вопрос о порядке получения лицами женского пола дипломов, которые могли бы удостоверить их научную подготовку и дать им права на ученую и учебную службу.

Шварц А. Н. Законопроект «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». 27 марта 1910 г.

Несомненно, что с конца 90-х годов XIX века женщины начали играть все более заметную роль в жизни научного сообщества. Имена дам, известных своими научными трудами, все чаще и чаще украшали собой списки членов различных научных обществ. Выходили в свет научные труды, подписанные женскими именами, а некоторые из них даже удостоивались различных премий. На страницах научных журналов время от времени появлялись дискуссионные заметки, в которых дамы не стеснялись отстаивать свое мнение по тем или иным научным вопросам. Научные общества в своих заседаниях предоставляли слово докладчицам. Наконец, в научных журналах иногда стали появляться некрологи женщин-ученых, в которых научное сообщество в полной мере отдавало им дань уважения, как, например, в небольшой заметке о Е. А. Фоминой-Жуковской: «28 сентября 1894 г. скончалась Е. А. Фомина-Жуковская. В ее лице мы потеряли одну из героинь-девушек¹⁴⁸³, которые несмотря на преграды добились высшего образования, и одну из немногих русских женщин, имевших высшую ученую степень, степень доктора химии»¹⁴⁸⁴. Таким образом, профессиональное научное сообщество демонстрировало свою солидарность.

За научной деятельностью женщин пристально следили общественные периодические издания, и особенно журналы, ориентированные на женщин. Например, только в одном (августовском) номере журнала «Женское дело» за 1899 год содержится информация об: 1) открытии новой переменной звезды Л. Цераской в Москве¹⁴⁸⁵; о 2) выступлении О. С. Лебедевой в качестве оппонента на диспуте, посвященном защите магистерской диссертации в Казани¹⁴⁸⁶; и о 3) присвоении первой в Брюссельском университете женщине степени доктора общественных наук, нашей соотечественнице, – С. А. Вайнштейн¹⁴⁸⁷. Одновременно в прессе поднимался вопрос о необходимости присвоения женщинам научных степеней. Речь, конечно, шла прежде всего о врачах, поскольку женщин, занятых в официальных научных исследованиях, было, как мы видели, все еще слишком мало. Примером подобной публицистики может служить статья журналиста и педагога М. Л. Песковского «Ученые права женщин» (1895 год), в которой автор безапелляционно утверждал: «...раз высшее образование дает женщинам какое-либо общественное положение, какую-либо роль в общественной деятельности, то для разум-

---

¹⁴⁸³ Курсив наш. — О. В.

¹⁴⁸⁴ *Мещуткин Н. А.* [Е. А. Фомина-Жуковская] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

¹⁴⁸⁵ Смесь // Женское дело. Ежемесячный литературный журнал. 1899. № 8 (август). С. 128.

¹⁴⁸⁶ Там же. С. 128–129.

¹⁴⁸⁷ Там же. С. 140.

ной, справедливой утилизации этой “роли” в практическом житейском обиходе решительно невозможно даже обойтись без предоставления женщинам также и прав на ученые степени»¹⁴⁸⁸, попутно замечая, что свою способность к научному труду женщины уже вполне доказали: «Как известно, даже в области общего высшего (университетского) образования, не имеющего еще у нас должной полноты, по сравнению с соответствующей ступенью мужского образования, русские женщины давно уже заявили себя длинным рядом трудов по всевозможным отраслям знания, оказывающихся вполне достойными научными трудами, по мнению людей, компетентных в науке. Что же касается русских женщин-врачей, то вскоре же после первых выпусков их в жизнь, началось уже довольно видное, в общем, участие их в ученой врачебной литературе и настолько удачное, что даже в капитальнейших трудах некоторых из европейских врачебных светил есть ссылки на ученые работы русских женщин-врачей. Вообще же говоря, нет такой врачебной специальности, в которой бы русские женщины-врачи не заявили себя более или менее крупными научными исследованиями»¹⁴⁸⁹. И, конечно, не забыв упомянуть Европу, которая давно «...наградила уже этими степенями целые десятки русских женщин, признав их, безусловно, равноправными с мужчинами в научном отношении»¹⁴⁹⁰. Завершается статья кратким, но емким резюме: «Очевидно, мы совершенно ошибочно затрудняем получение русскими женщинами ученых степеней дома, у себя. Не только желательно, но и необходимо, чтобы Россия было родиной для русских женщин и в смысле высшей науки, и в смысле всевозможных ученых степеней, до академика включительно»¹⁴⁹¹.

Стоит заметить, что упоминание здесь звания академика не было голословным. В конце 80-х – 90-е годы XIX века Императорская Академия наук, не опускаясь до участия в журнальных дискуссиях, все же довольно ясно обозначила свое мнение по вопросу о возможности и целесообразности участия женщин в научной работе: с 1889 по 1907 год в члены Академии впервые в ее истории было избрано семь женщин (правда, никто из них не стал действительным членом Академии). В 1889 году избрана математик С. В. Ковалевская (иностранный член-корреспондент); через пять лет, в 1894 году, – археолог, графиня П. С. Уварова (почетный член); затем в 1895 году – минералог, принцесса Е. М. Ольденбургская (почетный член) и лингвист О. И. Срезневская (член-корреспондент); в 1898 году – литератор, королева Румынии Елизавета Полина Оттилия Луиза, известная под псевдонимом Кармен Сильва (почетный член). Наконец, 2 декабря 1906 года общее собрание Императорской Академии наук утвердило избранного по биологическому разряду физико-математического отделения члена-корреспондента – Ольгу Александровну Федченко¹⁴⁹². Как сообщал 4-й выпуск «Трудов Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» за 1906 год, «О. А. Федченко избрана в члены-корреспонденты Императорской Академии наук за ее многочисленные работы по флоре Средней Азии»¹⁴⁹³. Таким образом, О. А. Федченко стала седьмой женщиной в истории Императорской Академии, удостоившейся чести быть избранной. Это было, безусловно, признание.

23 января 1908 года О. А. Федченко выступала на заседании физико-математического отделения Императорской Академии наук. Позднее она опубликовала текст этого выступления в виде небольшой заметки: «О некоторых растениях Памира»¹⁴⁹⁴. Заметка содержала критиче-

¹⁴⁸⁸ Песковский М. Л. Ученые права женщин // Образование, педагогический и научно-популярный журнал, посвященный вопросам женского и мужского воспитания и обучения. 1895. № 11. Ноябрь. С. 73.

¹⁴⁸⁹ Там же. С. 75.

¹⁴⁹⁰ Там же.

¹⁴⁹¹ Там же.

¹⁴⁹² Протокол общего собрания Императорской Академии наук. 2 декабря 1906 г. // Известия Императорской Академии наук. V Сер. 1906. Т. XXV. № 5 (декабрь). С. XXX.

¹⁴⁹³ [Без назв.] // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 4. С. 257.

¹⁴⁹⁴ Федченко О. А. О некоторых растениях Памира // Известия Императорской Академии наук. 1908. Сер. VI. № 3. С. 275–280.

ские замечания о некоторых памирских растениях из семейства губоцветных и норичниковых, собранных О. Паульсеном и описанных им и И. Брике в качестве новых видов, с чем О. А. Федченко была категорически и строго обоснованно не согласна. Но помимо тщательного разбора нескольких спорных случаев, в своем выступлении и позднее, в статье О. А. Федченко сформулировала задачи, стоящие перед исследователями, изучающими флору Памира. Она не могла не упомянуть тот факт, что некоторые важнейшие гербарии, содержащие образцы памирской флоры и принадлежащие Академии наук, в частности гербарии Коржинского и Алексеенко, длительное время оставались необработанными, в то время как эти ученые посетили местности, никем другим не обследованные. (В предисловии к первому изданию «Флоры Памира» О. А. Федченко не раз отмечала, что не могла использовать тот или иной гербарий, принадлежавший Академии наук, что не могло ее не расстраивать.) Вообще изучение местностей Памира, еще не затронутых исследователями, по мнению О. А. Федченко, безусловно, стояло на повестке дня: подобная работа должна была принести «некоторое число форм еще не известных из этой области»¹⁴⁹⁵, однако не это было главным. «Дальнейшая задача исследования Памира в ботаническом отношении... – писала О. А. Федченко, – состоит, главным образом, в более детальном изучении растительных формаций или сообществ, по местностям различного характера: каменистые пустыни, горные склоны, берега рек, альпийские лужайки, солонцеватые болота, песчаная пустыня. Для этого необходимы, кроме сборов, возможно детальные записи на месте»¹⁴⁹⁶. Как раз для того, чтобы облегчить возможность предварительного определения живых растений на местности, О. А. Федченко и предназначала свой «Определитель Памирских растений». Подобное определение прямо на местности, по мнению О. А. Федченко, могло избавить от сборов излишних экземпляров уже известных видов, облегчить изучение географического распространения этих видов, а также выделить то, что может оказаться новым для Памира. Далее О. А. Федченко считала необходимым «установить точнее границы области, занимаемой флорой Памирского характера», поскольку граница, которую Ольга Александровна сама нанесла на карту, «является лишь предварительной»¹⁴⁹⁷. Наконец, она считала, что «очень важно выяснить более детально экологические условия растительности Памирских хребтов, сравнивая их, по растительности, с высокогорными областями Бухары, Алая и Гиндукуша, а для полного изучения Памирских долин необходимо сравнивать их с Монголией и Тибетом»¹⁴⁹⁸. Таким образом, научному сообществу была представлена целая программа подробного исследования растительности Памира, частично исполненная самой О. А. Федченко в последующие годы, частично выполнявшаяся ее более молодыми коллегами во время их экспедиций в указанные районы.

Последней женщиной, удостоенной чести избрания в ряды Императорской академии наук, стала избранная в 1907 году М. Скловская-Кюри (иностраннный член-корреспондент). Конечно, никто из вышеперечисленных женщин не был избран действительным членом Императорской Академии наук и не получил соответствующее должностное жалование и служебные привилегии. Тем не менее, за исключением принцессы Е. М. Ольденбургской, информация о научной деятельности которой на сегодняшний день чрезвычайно скудна, и королевы Елизаветы Полины Оттилии Луизы, прославившейся благодаря своим литературным, а не научным трудам¹⁴⁹⁹, все остальные дамы являлись признанными членами научного сообщества, известными своими научными трудами не только в России, но и за рубежом, участием в научно-исследовательских экспедициях и научно-организационной работе. Академия не могла зйти

¹⁴⁹⁵ Федченко О. А. О некоторых растениях Памира. 1908. ... С. 279.

¹⁴⁹⁶ Там же.

¹⁴⁹⁷ Там же. С. 279–280.

¹⁴⁹⁸ Там же. С. 280.

¹⁴⁹⁹ Конечно, когда речь идет о членах императорской семьи или королевских домов Европы, нельзя не учитывать и политические аспекты.

настолько далеко, чтобы поделиться дефицитными местами академиков, тем более что ни у кого из вышеперечисленных не было не только научных степеней, но и дипломов о высшем образовании (кроме, конечно, С. В. Ковалевской и М. Склодовской-Кюри), но все-таки Академия посчитала нужным заявить о признании научного авторитета целого ряда женщин, работавших в различных отделах научного знания, одобрив и «утвердив» таким образом коллективную точку зрения научного сообщества.

Наконец, правительство было вынуждено обратить внимание на вопрос, решение которого оно откладывало под разными предлогами более пятидесяти лет. 19 января 1900 года Департамент промышленности, наук и торговли в присутствии министра народного просвещения обсуждал возможность открытия в Москве Высших женских курсов (через 11 лет после их закрытия в 1886 году под предлогом необходимости реформы). В ходе этого обсуждения было признано, что, несмотря на то что «при учреждении <...> Высших женских курсов¹⁵⁰⁰ правительство имело в виду преимущественно идти на встречу проявляющемуся в русском обществе среди лиц женского пола стремлению к изучению наук общеобразовательного характера», поскольку «стремление это заслуживает всяческой поддержки, ибо развитие просвещения русской женщины не может не отразиться на возвышении умственного уровня общества и тем содействовать достижению общих культурных задач нашего отечества», однако, несмотря на это, «десятилетний опыт существования С.-Петербургских Высших женских курсов доказал, что наряду с указанною задачею они преследуют и утилитарные цели, и в частности удовлетворяют в немалой степени потребности нашей школы во всесторонне образованных деятельницах на педагогическом поприще»¹⁵⁰¹. По сведениям Министерства народного просвещения, «...более 30 % окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы женщин состоят либо учительницами в учебных заведениях, как средних, так и низших, либо начальницами их, причем, деятельность их не уступает по своей плодотворности деятельности бывших слушательниц специальных педагогических курсов. Окончившие высшие курсы женщины не лишены, кроме того, возможности применять полученные ими познания и на иных поприщах. Среди бывших слушательниц курсов многие с успехом занимаются литературным трудом, окончившие физико-математическое отделение охотно принимаются секретарями и ассистентами в учебные и ученые учреждения, как, например, в лаборатории университетов и астрономические обсерватории, а на специалисток по химии существует большой спрос в различного рода фабриках. Одним словом, слушательницы курсов заявили себя с прекрасной стороны и вполне оправдали доверие, оказанное им правительством»¹⁵⁰².

Таким образом, была официально признана полезность женского труда в научной сфере. В качестве чернорабочих, разумеется. Заметим, однако, что, несмотря на это признание и заявление о том, что выпускницы курсов «охотно принимаются» на работу в научные учреждения, каждый подобный случай все еще требовал личного рассмотрения министра соответствующего ведомства. Тем не менее с конца 90-х годов XIX века правительство постепенно начинает смягчать ограничения, наложенные на высшее женское образование, а также на работу женщин в сфере интеллектуального труда, требовавшего этого образования. В 1895 году в С.-Петербурге открыт Женский медицинский институт, правда, не имевший права присваивать научные степени, а всего лишь дававший квалификацию: «женщина-врач»¹⁵⁰³; 1 апреля 1900 года принимается решение об открытии в Москве Высших женских курсов¹⁵⁰⁴, хоть и в соответствии с теми же правилами, что были разработаны в 1889 году для Бестужевских курсов, то есть с

¹⁵⁰⁰ Имеются в виду С.-Петербургские (Бестужевские) Высшие женские курсы в С.-Петербурге. — О. В.

¹⁵⁰¹ Выписка из журнала Департамента промышленности, наук и торговли от 19 января 1900 г., за № 74 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 745–746.

¹⁵⁰² Там же. С. 746.

¹⁵⁰³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 15. 1895. СПб., 1899. С. 364–367.

¹⁵⁰⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 742.

ограничениями по приему студенток и без выдачи дипломов. В 1903 году принято решение о создании в Москве Женского медицинского института¹⁵⁰⁵; тогда же открыт Петербургский женский педагогический институт, а в 1904 году – Женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге¹⁵⁰⁶. Вообще в последующие революционные годы не только на какое-то время открываются для девушек двери российских университетов (и некоторых других сугубо мужских высших учебных учреждений), но и быстрыми темпами растет число специализированных высших женских учебных заведений и их студенток¹⁵⁰⁷.

В 1898 году, после года ходатайств и интенсивной бюрократической переписки, даровано право государственной службы женщинам-врачам: «...за исключением производства в чины, разряда по шитью на мундире и награждения орденами»¹⁵⁰⁸. 10 июня 1900 года получили право на пенсию женщины, служившие в женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. Таким образом, их права были почти уравнены с правами их коллег-мужчин. 9 марта 1902 года обладательницы дипломов докторов медицины зарубежных университетов получили официальное право на сдачу экзаменов в государственных испытательных комиссиях при Императорских университетах и Петербургском Женском медицинском институте¹⁵⁰⁹.

Наконец, 30 декабря 1911 года был опубликован принятый Государственным советом, Государственной думой и утвержденный императором Николаем II закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими учебных степеней и звания учительницы средних учебных заведений»¹⁵¹⁰.

В соответствии с ним женщины, окончившие курс в высших учебных заведениях, программа которых приравнивалась к университетской, получали право сдать государственные экзамены в специально создаваемых для этой цели министром народного просвещения комиссиях (при университетах, Медико-хирургической академии, Женском медицинском институте в Петербурге) наравне с мужчинами. Члены комиссий выбирались из числа лиц, имевших право на занятие должности профессора в высшем учебном заведении. Особо оговаривалось, что «членами комиссии могут быть и лица женского пола, с таким же ученым цензом»¹⁵¹¹. Выдержавшие экзамены получали дипломы, указанные в уставе их учебных заведений, и вместе с этими дипломами права, в которых так долго отказывали женщинам. Однако с некоторыми оговорками: «Получившие один из указанных в предыдущей (9) статье дипломов или званий, за исключением звания лекаря, пользуются всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответственных мужских учебных заведений, кроме прав служебных и сословных, а приобретающая звание лекаря – всеми правами и преимуществами, предоставленными окончившим курс С.-Петербургского Женского медицинского института»¹⁵¹². Таким образом, наиболее важная из привилегий, даруемых университетским дипломом, – привилегия поступления на государственную службу, а также возможность получения соответствующих чинов и перехода в высшее сословие, осталась чисто мужской привилегией без каких-либо объяснений и комментариев. Зато женщинам было даровано право реализовывать полученные знания и навыки, занимаясь профессиональной деятельностью, и возможность продвинуться в этой деятельности несколько дальше самых низших служебных позиций, поскольку в соответствии с 12-й статьей настоящего документа, «лица, выдержавшие успешно

¹⁵⁰⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 16. 1899 г. СПб., 1903. С. 336–337.

¹⁵⁰⁶ Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 110.

¹⁵⁰⁷ Подробнее об этом см.: Там же. С. 111–147.

¹⁵⁰⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–1898 гг. СПб., 1902. С. 1294.

¹⁵⁰⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 30 апреля 1902 г. № 40. Ст. 449.

¹⁵¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300 (ст. 36226).

¹⁵¹¹ Там же. С. 1299.

¹⁵¹² Там же.

испытание в знании университетского курса (ст. 9), могут приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим званиям на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних»¹⁵¹³. Таким образом, была наконец-то поставлена точка в вопросе, впервые поднятом в 1861 году (почти). При этом законодатель смог сохранить статус-кво в юридическом положении женщины: новый закон не противоречил старому семейному законодательству, так же как и имущественному праву, закреплявшему зависимое положение женщины, и не вел к его пересмотру.

История принятия такого долгожданного (50 лет!) закона вполне типична для Российской империи. В течение 50 лет правительство всеми способами затрудняло доступ женщин к официальному образованию и особенно к получению государственного сертификата об этом образовании. И вдруг, без общественного обсуждения, в разгар признававшейся всеми политической реакции, в разгар печально известного университетского дела Кассо, приведшего к массовому выходу в отставку профессоров Московского университета, принимается один из самых либеральных законов об образовании из числа когда-либо принятых имперским правительством. Даже в разгар внезапных (и кратковременных) политических свобод 1905–1907 годов принятие подобного закона даже не обсуждалось, хотя, конечно, требовалось обществом. Так откуда он вдруг взялся? Ответ до смешного прост и не имеет ничего общего с не существовавшим даже в страшных снах его создателей либерализмом. Законопроект, разработанный в недрах Министерства народного просвещения, подписанный министром народного просвещения Александром Николаевичем Шварцем (1848–1915) 27 марта 1910 года, был внесен в Государственную думу 30 марта указанного года и достаточно быстро (по законодательным меркам) прошел все стадии согласований вплоть до утверждения императором и опубликования 30 декабря 1911 года. В преамбуле к законопроекту, содержащей краткую историю развития женского образования в России и характеристику современного положения дел в этой области, объяснялись также причины, по которым министерство решило вдруг отойти от своей многолетней политики. Они были очень просты – удобство. Не больше и не меньше.

«Число лиц, допускаемых к преподаванию (имеется в виду школьное преподавание. — *О. В.*), ежегодно увеличивается, а с тем вместе все определеннее выясняется вопрос о необходимости установить порядок приобретения лицами женского пола документов, удостоверяющих, что полученное ими образование вполне соответствует университетскому и может быть признано высшим. Высшие женские курсы как С.-Петербургские и Московские, так и все остальные суть “частные учебные заведения”, а потому свидетельства, выдаваемые ими, не могут иметь силы официального документа. Сверх сего высшие женские курсы весьма различны по своим программам, по научной подготовке преподавателей, полноте учебно-вспомогательных установлений, а потому и свидетельства, выдаваемые курсами о прохождении в них наук, не могут быть равноценны. Нет достаточных оснований и нежелательно стеснять тех лиц и общества, благодаря энергии коих курсы возникали и развивались, но, с другой стороны, необходимо гарантировать и правительству и обществу, что полученное данными лицами образование действительно отвечает требованиям высшей школы», — указывалось в преамбуле к законопроекту¹⁵¹⁴. Неудобно. Неудобно чиновникам от образования проверять уровень подготовки женщин, которых они вынуждены нанимать на работу в средние учебные заведения, поскольку количество этих последних как-то незаметно увеличилось и преподавателей-мужчин не хватает, да они и не идут работать на скромную зарплату. Но, конечно, чиновники не

¹⁵¹³ Полное собрание законов Российской империи. ... С. 1299–1300.

¹⁵¹⁴ Шварц А. Н. Законопроект «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». Изложение дела. 27 марта 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235. Л. 4.

были бы чиновниками, если бы не вспомнили и о нуждах имперских подданных: «В этом нуждаются и те лица женского пола, которые проходят высшие женские курсы: им тоже необходимо иметь о своих знаниях документ, который был бы достаточно авторитетен и для них, и для общества, и для правительства»¹⁵¹⁵. Правда, как видим, это обращение к нуждам женщин оказалось очень коротким и лаконичным и далее речь снова пошла о нуждах ученого начальства: «Учебное начальство поставлено в необходимость назначать учительницами в женские и в мужские учебные заведения лиц женского пола, получивших высшее образование. Не имея объективных данных в каждом отдельном случае для решения вопроса, насколько то или иное лицо, получившее свидетельство от высших курсов, может быть признано получившим действительно высшее образование, учебное начальство легко может впасть в ошибки, вредные для учебных заведений»¹⁵¹⁶.

И дальше разработчики закона написали фразу, которой, зная многолетнюю политику правительства по данному вопросу, практически невозможно поверить: «В виду только что изложенного Министерство народного просвещения находит безотлагательно необходимым в скорейшем времени разрешить вопрос о порядке получения лицами женского пола дипломов, которые могли бы удостоверить их научную подготовку и дать им права на ученую и учебную службу»¹⁵¹⁷.

Последующее изложение посвящено объяснению методов, избранных министерством для решения «неожиданно», всего-то пятьдесят лет тому назад возникшей проблемы. При чем дело, естественно, следовало организовать таким образом, чтобы особо не затруднять ни чиновников, ни Высшие женские курсы, ни даже университеты. О затруднениях женщин, разумеется, никто не беспокоился: «Не имея законного права и вообще достаточных оснований на присвоение выпускным свидетельствам всех высших женских курсов значения официального документа, Министерство народного просвещения не могло найти в законе также и права на допущение лиц женского пола к экзаменам в испытательных комиссиях при университетах, в уставе коих хотя и имеются в виду экстерны, но исключительно лица мужского пола. <...> К числу таких экстернов лица женского пола, очевидно, не могли быть отнесены, а потому, когда лица женского пола начали подавать прошения о желании получить диплом о знании университетского курса, – возникла проблема для министерства, – Министерство народного просвещения вынуждено было испрашивать в каждом отдельном случае высочайшие разрешения на допущение таких лиц к экзамену в испытательных комиссиях при университетах»¹⁵¹⁸. Но эта тактика оказалась затруднительной как для самого министерства, так и для университетов: «Так как число желающих получить университетский диплом с каждым годом увеличивалось, а в интересах средних учебных заведений было иметь большее число лиц, получивших законом установленные дипломы, то 19 марта 1908 г. испрошено было высочайшее соизволение на предоставление министру Народного просвещения права не только определять условия, на которых лица женского пола, получившие высшее образование в заграничных и русских учебных заведениях, могли бы, по роду своей специальности, подвергаться в той или иной комиссии, но и допускать к означенным испытаниям. Это право испрошено было в виду создания какого-либо выхода из того положения, в котором Министерство народного просвещения находится в вопросе об определении, кто из лиц женского пола получил высшее образование в объеме университетского курса. Опыт, однако, показывает, что экзамены в комиссиях при университетах представляют значительные неудобства, особенно в таких многолюдных университетах, как С.-Петербургский, Московский и некоторые другие в таких городах, где и на Выс-

---

¹⁵¹⁵ Шварц А. Н. Законопроект «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». ... Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235. Л. 4.

¹⁵¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁵¹⁷ Там же.

¹⁵¹⁸ Там же. Л. 5, 6.

ших женских курсах обучается весьма значительное число слушательниц»¹⁵¹⁹. Соответственно, было придумано решение: «В виду этого министерство пришло к заключению о необходимости устройства особых испытательных комиссий для лиц женского пола. Представляемый при сем проект правил об испытании лиц женского пола в знании высшего курса наук, о приобретении ученых степеней и звания учительницы гимназии предполагает устройство комиссий на тех же основаниях, как и для лиц мужского пола, но допускает некоторые отступления, вызываемые положением Высших женских курсов»¹⁵²⁰. Казалось бы, вопрос решался вполне справедливо, хотя почему было не принять закон, допустивший бы девушек в университеты на общих основаниях, вместо того чтобы создавать новые бюрократические структуры, не очень понятно. Однако новые требования скорее только казались справедливыми и соответствовавшими тем, которые предъявлялись к молодым людям. Министерство беспокоило, чтобы стандарты образования поддерживались на должном уровне; количество сил, времени и средств, которые понадобятся женщинам в случае, если они пожелают воспользоваться новым законом, их не беспокоило. Поэтому «от допускаемой к испытанию требуется представление свидетельства не только от среднего учебного заведения, но и удостоверения о прослушании некоторого цикла наук в высшем учебном заведении (русском или заграничном). Это требование будет служить гарантией, что приступающая к испытаниям прошла необходимые практические занятия; но такое удостоверение до устройства женских университетов не может быть принимаемо комиссией к зачету, к освобождению экзаменуемой от испытания по тем или иным наукам, как то делается в комиссиях для мужчин, прошедших университетский курс. Экзаменуемая должна подвергнуться испытаниям по всем предметам факультетского курса и того отделения, которое избирает экзаменуемая», – писали они¹⁵²¹. И поясняли свою задумку: «Такое требование дает учебным заведениям преподавательниц, хорошо подготовленных по общему научному курсу и побудит Высшие женские курсы обратить внимание на полноту факультетского преподавания»¹⁵²². И подчеркивали еще раз: «Без сомнения, признавая желательность допустить к ученой и учебной деятельности лиц женского пола с высшим образованием наравне с лицами мужского пола, надлежит поставить и равные для тех и других требования знаний и общего образования – и требовать от приступающих к экзамену знания курса мужских гимназий. <...> Требовать, чтобы Высшие женские курсы все и по всем кафедрам имели преподавателей, вполне отвечающих указаниям устава университетов, едва ли было бы уместно, но требовать, чтобы желающие получить удостоверение о знании курса университета действительно его знали, необходимо в интересах как испытуемых, так и тех учебных заведений, куда они будут назначаемы учительницами. Представляется вполне справедливым допустить лицам женского пола в общем порядке приобретать ученые степени»¹⁵²³. Подобное требование обрекало девушек, окончивших Высшие женские курсы и уже один раз сдавших все экзамены, вновь сдавать экзамен по каждому предмету, когда-либо прослушанному на курсах. Затраты времени на это мероприятие должны были быть огромными. А поскольку все время подготовки к дополнительным экзаменам надо было где-то и на что-то жить, а значит, как-то работать, то, как быстро выяснилось впоследствии, процесс растягивался на несколько лет. Конечно, в основном новый закон касался будущих учительниц. Это ради них и было задумано его принятие. Именно вопросы их пенсионного обеспечения и прочие вызвали наибольшие споры при обсуждении законопроекта в Государственной думе. В особенно печальном положении оказались женщины, к моменту принятия закона уже проработавшие несколько лет,

¹⁵¹⁹ Шварц А. Н. Законопроект «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». ... Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235. Л. 6.

¹⁵²⁰ Там же.

¹⁵²¹ Там же. Л. 6, 7.

¹⁵²² Там же. Л. 7.

¹⁵²³ Там же.

потому что для продолжения службы им тоже необходимо было сдавать экзамены, хоть и в несколько усеченном виде.

Вопрос о возможности присуждения женщинам ученых степеней почти никак не обосновывался. Простое утверждение присутствует в преамбуле к закону, и даже не совсем понятно, как и, главное, зачем оно туда попало: «Так как в среде лиц женского пола есть и такие, которые, помимо педагогической и врачебной деятельности, стремятся вообще к занятиям науками и не только теми, которые входят в историко-филологический, физико-математический и медицинский факультеты, но и в юридический факультет и в курс технических высших учебных заведений, то представляется желательным в законодательном порядке сохранить за министром Народного просвещения право допускать лиц женского пола, в случае необходимости, к экзаменам и в комиссиях, образуемых при мужских учебных заведениях». И уточнялось: «Такой порядок может иметь место как в тех городах, где курсы многолюдны, так и в тех случаях, когда число экзаменуемых в той или иной комиссии лиц мужского пола не велико. Лица, получившие диплом 1 или 2 степени и приобретшие педагогические знания, весьма желательны для преподавания в средних учебных заведениях», – возвращались законодатели к своей изначальной теме¹⁵²⁴.

Закон имел несколько серьезных подводных камней, о которых мы поговорим ниже, но тем не менее отрицать его революционное значение невозможно. Очень скоро женщины, уже имевшие научную репутацию и (или) официальное подтверждение полученной квалификации от иностранных университетов, но еще достаточно молодые, чтобы беспокоиться об официальном статусе в России, начали предпринимать попытки воспользоваться им. Например, в 1915 году доктор чистой математики Геттингенского университета Н. Н. Гернет защитила в Московском университете диссертацию на тему «Об основной простейшей задаче вариационного исчисления», получив степень магистра математики¹⁵²⁵. Вообще следует отметить, что отношение к научной работе женщин среди профессорского состава Московского университета 1900-х годов сильно отличалось от того непроницаемого консерватизма, который большинство московских профессоров демонстрировало в 60-е годы XIX века. Так, первая в России степень магистра математики, присвоенная женщине, была присвоена Московским университетом еще в 1906 году, то есть до принятия закона, разрешающего это. 8 марта 1906 года доктор философии Геттингенского университета, автор недавно опубликованной монографии «Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени»¹⁵²⁶ Любовь Николаевна Запольская (1871–1943), как сформулировал ее биограф А. М. Павлов, «... первая русская женщина защитила в русском университете диссертацию на соискание ученой степени магистра чистой математики»¹⁵²⁷. Защита Н. Н. Гернет стала второй в отечественной истории женской «математической» защитой.

26 марта 1916 года совет Московского университета рассматривал вопрос о «...возведении Марии Васильевны Павловой в ученую степень доктора зоологии *Honoris causa*»¹⁵²⁸. Предварительно профессора университета А. Н. Северцов, Г. А. Кожевников и Н. В. Богоявленский составили подробную записку, характеризующую научную работу М. В. Павловой. Они начали ее с утверждения: «Приступая к обзору научных трудов Марии Васильевны Павловой

¹⁵²⁴ Шварц А. Н. Законопроект «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». ... Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235. Л. 7, 8.

¹⁵²⁵ Никольская Н. А. Н. Н. Гернет, В. И. Шифф // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. С. 204.

¹⁵²⁶ Запольская Н. Л. Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени. М.: Унив. тип., 1905.

¹⁵²⁷ Павлов А. М. Первая русская женщина – магистр математики // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 239.

¹⁵²⁸ Повестка заседания совета Московского университета. Не позднее 26 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

и оценке их научного значения, отметим, прежде всего, что эти труды и по своему характеру и по предмету исследования помимо своей палеонтологической ценности, признаны наиболее выдающимися специалистами, имеют весьма большое значение также и для зоологии»¹⁵²⁹. Отметили и разобрали последовательно научные труды М. В. Павловой, имевшие, по их мнению, наибольшее значение для развития палеонтологии, и перешли к выводам и оценкам: «Оценивая многолетние труды М. В. Павловой как нечто цельное, – писали авторы записки, – мы должны признать, что имеем перед собою ряд замечательных исследований, свидетельствующих об из ряду вон выходящих дарованиях их автора. Переходя к характеристике М. В. Павловой как ученого, мы видим, что в лице М. В. Павловой мы имеем необычайно счастливое сочетание смелости и широты мысли, эрудиции и способности к необыкновенно детальному и тщательному наблюдению. Эти способности позволили исследовательнице достигнуть коротко очерченных нами выше блестящих результатов»¹⁵³⁰. Рецензенты также отметили, что все перечисленные в их критическом разборе работы были «... произведены на основании личных наблюдений, причем для того, чтобы делать эти наблюдения, исследовательница не жалела ни сил, ни времени. Она и производила сама раскопки и объездила все русские музеи и собрания западной и восточной Сибири, посетила все главные музеи и частные коллекции западной Европы и Америки, причем в виду ее известности как знатока млекопитающих она получила в дар и обмен весьма богатые и ценные материалы для исследования: благодаря этому через ее руки прошел громадный и весьма интересный палеонтологический материал»¹⁵³¹. Само исследование, по мнению московских профессоров, отличалось «... чрезвычайной обстоятельностью: только благодаря большому умению исследовательницы наблюдать и могли быть получены упомянутые нами результаты на таких объектах как ископаемые лошади и их родичи, т[о] е[сть] на объектах, которые подвергались исследованию наиболее выдающихся палеонтологов Европы и Америки, – писали они и добавляли: – Этот поистине громадный личный опыт дополняется весьма большой эрудицией, позволяющей М. В. Павловой широко обобщать получаемые ею выводы»¹⁵³².

---

¹⁵²⁹ Северцов А. Н., Кожевников Г. А., Богоявленский Н. В. Докладная записка о научных заслугах М. В. Павловой. 2 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 1.

¹⁵³⁰ Северцов А. Н., Кожевников Г. А., Богоявленский Н. В. Докладная записка о научных заслугах М. В. Павловой. 2 марта 1916 г. ... Л. 5.

¹⁵³¹ Там же.

¹⁵³² Там же. Л. 5, 5 об.

Рис. 25. Портрет М. В. Павловой (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

Заключительный вывод звучал следующим образом: «Мы уже не раз замечали, что труды М. В. Павловой пользуются широкой и почетной известностью среди русских, западноевропейских и американских ученых, о чем свидетельствует и интерес, возбуждаемый появлением каждой ее работы, и печатные отзывы наиболее выдающихся специалистов (назовем такие имена, как Годри, Циттель и Осборн). Нам думается, что Московскому университету, в стенах которого она много сделала, вполне уместно с своей стороны также по достоинству оценить ее крупные научные заслуги, и поэтому, в виду многократно отмеченного нами значения работ ее для зоологии, мы имеем честь предложить физико-математическому факультету Императорского Московского университета войти в совет с ходатайством о присуждении Марии Васильевне Павловой степени доктора зоологии *Honoris causa*»¹⁵³³.

2 марта 1916 года состоялось заседание физико-математического факультета Московского университета. По сообщению одной из газет (вырезка из которой сохранилась в архиве М. В. Павловой), «было заслушано представление профессоров зоологии об избрании М. В.

---

¹⁵³³ Там же. Л. 5 об., 6.

Павловой доктором зоологии *Honoris causa*. В представлении приводится большой перечень ее трудов по палеонтологии и палеозоологии. Ее теории нашли и критиков, и приверженцев среди европейских ученых. В настоящее время М. В. Павлова работает в Московском университете и читает лекции в университете Шаняевского»¹⁵³⁴. Коллеги и ученики тут же начали присылать поздравления М. В. Павловой, не дожидаясь принятия официального решения. Например, представители кафедры палеонтологии Университета им. А. Л. Шаняевского писали М. В. Павловой уже 2 марта 1916 года: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Васильевна, группа Ваших учеников по кафедре палеонтологии университета Шаняевского с глубокой радостью спешит поздравить Вас с долгожданным признанием Ваших научных заслуг со стороны официальных представителей науки. Все мы гордимся Вами и тем, что можем назвать себя Вашими учениками, и радуемся, что имеем возможность первыми поздравить Вас доктором *Honoris causa* – редчайшей, почетной наградой для русской женщины. Мы просим Вас, дорогая Мария Васильевна, принять от нас, геологов, докторский знак, как символ той тесной духовной связи, которая всегда была у нас с Вами, и, верим, будет»¹⁵³⁵. 7 марта 1916 года М. В. Павловой писала Л. П. Цераская: «Спешу поздравить нового доктора, и принести наши горячие пожелания дальнейших успехов. Искренно радуюсь за Вас, дорогая Мария Васильевна, и очень сожалею, что не могу выразить этого лично... <...> В[итольд] К[арлович] [Цераский] просит передать его поздравления и горячие пожелания; мы оба приветствуем Вас и Алексея Петровича»¹⁵³⁶.

26 марта, как мы упоминали выше, состоялось заседание совета Московского университета, а уже 26 и 27 марта сразу несколько газет поместили сообщения о присвоении М. В. Павловой ученой степени доктора. Внешне все эти отзывы были благоприятными. Например, газета «Русское слово» сообщала своим читателям: «Физико-математический факультет Московского университета вошел в совет профессоров с представлением о присуждении М. В. Павловой *Honoris causa* ученой степени доктора зоологии»¹⁵³⁷. И далее: «М. В. Павлова – жена известного геолога, профессора Московского университета А. П. Павлова. Перу ее принадлежит много ценных научных работ»¹⁵³⁸. «Совет профессоров единогласно присудил М. В. Павловой степень доктора зоологии»¹⁵³⁹. Еще одно издание озаглавило свою статью: «Женщина – доктор зоологии». В ней сообщалось: «По представлении физико-математического факультета, советом единогласно возведена супруга академика Павлова Мария Васильевна Павлова в степень доктора зоологии *Honoris causa*»¹⁵⁴⁰. То есть сообщения были очень лаконичными. Помимо самого факта и того, что совет университета проголосовал единогласно, сообщалось только о том, чьей женой была М. В. Павлова, таким образом напоминая читателям, что не только по закону юридическая идентификация женщины все еще производилась по положению, занимаемому ее мужем, но что и широкая общественность была привычна именно к такому порядку вещей.

Однако для российских женщин, активно боровшихся в этот период за политическое равноправие, присвоение М. В. Павловой докторской степени воспринималось как победа: «Московское отделение Лиги равноправия женщин приветствует Вас по поводу получения ученой степени *Honoris causa* и твердо верит, что Ваш пример послужит залогом дальнейшего преуспе-

¹⁵³⁴ [Вырезка из газеты о выдвижении М. В. Павловой на степень доктора зоологии]. [3 марта 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 8.

¹⁵³⁵ Болховитинова М., Мирчинк М., Обручев С. и др. Письмо М. В. Павловой. 2 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 7.

¹⁵³⁶ Цераская Л. П. Письмо М. В. Павловой. 7 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 267. Л. 1 об., 2.

¹⁵³⁷ Вырезка из газеты «Русское слово». 27 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

¹⁵³⁸ Там же.

¹⁵³⁹ Там же.

¹⁵⁴⁰ Вырезка из газеты о присвоении М. В. Павловой докторской степени. 26 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

яния женщин на научном поприще», – писала М. В. Павловой председательница Московского отделения Лиги равноправия женщин М. Бурлакова от имени своей организации 26 марта 1916 года¹⁵⁴¹.

6 июня 1916 года министр народного просвещения П. Н. Игнатьев утвердил решение совета Московского университета. Но этот факт получил широкую известность не сразу. Только 10 июля 1916 года газета «Русское слово» опубликовала статью, озаглавленную «Женщина – почетный доктор», в которой сообщала: «Министр народного просвещения гр[аф] П. Н. Игнатьев утвердил постановление совета Московского университета о присуждении жене заслуженного профессора университета А. П. Павлова М. В. Павловой ученой степени доктора зоологии *Honoris causa* за выдающиеся научные заслуги»¹⁵⁴². И сообщала далее короткую биографию М. В. Павловой: «Первая женщина почетный доктор Московского университета, уроженка Киевской губернии, окончила Киевский Институт благородных девиц и прослушала курс в парижской Сорбонне. М. В. Павлова с 1910 года состоит преподавательницей палеонтологии в народном университете имени Шаняевского в Москве. Перу М. В. Павловой принадлежит ряд научных исследований, напечатанных в изданиях Академии наук и Московского общества испытателей природы. М. В. Павлова состоит почетным членом многих научных учреждений»¹⁵⁴³. Однако самой М. В. Павловой Московский университет сообщил о состоявшемся утверждении только 5 сентября 1916 года: «Милостивая государыня Мария Васильевна, физико-математический факультет считает своим приятным долгом уведомить Вас, что г[осподин] министр народного просвещения 6-го июня сего года утвердил постановление совета Московского университета о возведении Вас в степень доктора зоологии», – писал на официальном бланке с соответствующим делопроизводственным номером декан физико-математического факультета¹⁵⁴⁴. Наконец, 9 сентября 1916 года был напечатан, подписан, заверен печатью и выдан М. В. Павловой диплом: «Совет Императорского Московского университета <...> определением от 26 марта 1916 года возвел в степень доктора зоологии Марию Васильевну Павлову, приобретшую учеными трудами почетную известность без испытания и представления диссертации. В удостоверение чего от совета Императорского Московского университета выдан доктору Павловой этот диплом, с приложением университетской печати. Москва. Сентября 9 дня 1916 года»¹⁵⁴⁵.

После принятия закона другие научные и высшие учебные учреждения и организации также стали чувствовать себя свободнее в принятии на работу и назначении на более продвинутые должности женщин. Например, в 1911 году С. С. Салазкин¹⁵⁴⁶ был уволен из Женского медицинского института. Совет института предложил назначить на его должность заведующего кафедрой его сотрудницу Е. Ф. Ковалевскую. Как писала биограф Е. Ф. Ковалевской Н. Н. Романова, «для получения женщиной звания приват-доцента опять нужно было испросить “высочайшего соизволения”. Лишь 14 января 1912 г. совет Медицинского института избрал Ковалевскую приват-доцентом, а 1 марта она была в этом звании утверждена. Первая официальная лекция, посвященная вопросам обмена вещества, состоялась 26 января 1912 г. Ей был придан торжественный характер»¹⁵⁴⁷. В своем исследовании Н. Н. Романова также остано-

¹⁵⁴¹ Бурлакова М. и др. Письмо М. В. Павловой. 26 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 9.

¹⁵⁴² Вырезка из газеты «Русское слово». 10 июля 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 11.

¹⁵⁴³ Там же.

¹⁵⁴⁴ Письмо декана физико-математического факультета Императорского Московского университета М. В. Павловой. 5 сентября 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 12.

¹⁵⁴⁵ Диплом доктора зоологии М. В. Павловой. 9 сентября 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 15.

¹⁵⁴⁶ Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932) – биохимик, в 1898–1911 гг. профессор Женского медицинского института.

¹⁵⁴⁷ Романова Н. Н. Е. Ф. Ковалевская-Зазерская – первая русская женщина – профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции. Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 88.

лась на том, как было воспринято избрание Е. Ф. Ковалевской приват-доцентом: «Избрание первой женщины на профессорскую должность было воспринято передовыми кругами русской интеллигенции как важная победа борцов за женское равноправие. Газеты от либеральных “Русских ведомостей” до реакционного “Вечернего времени” уделили внимание этому событию: сообщения об избрании и о первой лекции Е. Ф. Ковалевской вышли под заголовками “Первая лекция женщины-профессора”, “Первая женщина – приват-доцент”. Ее приветствовали деятельницы женского движения в России»¹⁵⁴⁸.

После защиты магистерской диссертации летом 1915 года профессором С.-Петербургских Высших женских курсов была избрана Н. Н. Гернет¹⁵⁴⁹.

Некоторые научные учреждения вносили изменения в свои уставные документы, которые позволили бы им принимать женщин на штатные научные должности. Одним из таких учреждений была Главная физическая обсерватория. Руководство и сотрудники Главной физической обсерватории работали над созданием нового устава и штатов обсерватории начиная с 1908 года. Рассмотрение проекта документа длилось несколько лет. Наконец, проект был одобрен в декабре 1912 года и подписан Николаем II 24 декабря 1912 года¹⁵⁵⁰. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что Главная физическая обсерватория сотрудничала с женщинами, начиная как минимум с 1900-х годов. Например, Н. М. Субботина писала О. А. Федченко 29 июля 1902 года: «Мне хотелось рассказать Вам, что 5 и 7 июля я видела снова <...>¹⁵⁵¹ солнца, и 7-го над радугой стояла другая <...>¹⁵⁵² параболического вида, и над всем этим большая электрическая радуга до 60° над горизонтом. Все это я наблюдала над окном вагона около Шелковки. Интересно было бы знать – видели ли Вы что-нибудь». И рассказывала далее: «Ваше сообщение о первой радуге и свои я послала в Главную физическую обсерваторию – мне кажется, что это лучше чем Фламариону – и уже гораздо серьезнее примут к сведению»¹⁵⁵³. 11 августа 1902 года Н. М. Субботина снова писала О. А. Федченко по поводу метеорологических наблюдений: «Вчера, с 1h 45ти по Петерб[ургскому] вр[емени] я видела яркую кольцевую радугу вокруг солнца, она держалась не больше 20 минут и исчезла. <...>¹⁵⁵⁴ в 4 верстах от ст[анции] Можайск, т[о] е[сть] в 10 верстах от нас тоже ее видел. М[ожет] б[ыть] и у Вас она наблюдалась? Очень интересная была!»¹⁵⁵⁵ И продолжала: «Сережа¹⁵⁵⁶ еще видел тоже вчера в 5 ч[асов] веч[ера] смерч в верхних слоях атмосферы. В Можайске говорят, народ высыпал на улицу и наблюдал это явление. К сожалению я его не заметила т[ак] к[ак] сидела в комнате. М[ожет] б[ыть] Вы видели эту воронку из туч и длинную спираль?»¹⁵⁵⁷ И снова Н. М. Субботина сообщала о своей переписке с Главной физической обсерваторией: «Я получила ответ от Главной физической обсерватории. Очень благодарят за сообщение о <...>¹⁵⁵⁸ солнца т[ак] ч[то] и Вас тоже благодарят и предлагают мне делать для них наблюдения. Хотят выслать кое-какие инструменты, но надо ведь делать наблюдения круглый год и, следовательно, прежде чем согласиться, надо приискать заместителя на зиму, а это ужасно

¹⁵⁴⁸ Романова Н. Н. Е. Ф. Ковалевская-Заверская – первая русская женщина – профессор химии... С. 88.

¹⁵⁴⁹ На Высших женских курсах // Новое время. 1915. 7 июня. С. 5; [Без заглавия] // Женский вестник. 1915. № 7–8. С. 148.

¹⁵⁵⁰ Об этом см.: Селезнева Е. С. Первые женщины – геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. С. 56–57.

¹⁵⁵¹ Слово неразборчиво. — О. В.

¹⁵⁵² Слово неразборчиво. — О. В.

¹⁵⁵³ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 29 июля 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 8, 9 об.

¹⁵⁵⁴ Имя неразборчиво. — О. В.

¹⁵⁵⁵ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 10, 10 об.

¹⁵⁵⁶ С. М. Субботин, младший брат Н. М. Субботиной. — О. В.

¹⁵⁵⁷ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 10 об.

¹⁵⁵⁸ Слово неразборчиво. — О. В.

трудно. Т[ак] ч[то] пока еще ничего не отвечала на их предложение»¹⁵⁵⁹. Однако в штатах Главной физической обсерватории женщин не было. Новый устав, вступивший в силу с 1 января 1913 года, как пишет историк науки XX века Е. С. Селезнева, «... определил деятельность ГФО на следующие годы и позволил весьма существенно расширить научные исследования и сеть подведомственных ей метеорологических станций и обсерваторий»¹⁵⁶⁰. Новый устав также содержал отдельную статью, касающуюся женщин. Пункт 1 V статьи устава Главной физической обсерватории гласил: «На перечисленные штатные должности (имеются в виду должности научных сотрудников. — О. В.) могут быть допущены лица женского пола, обладающие тем же образовательным цензом, который требуется от лиц мужского пола»¹⁵⁶¹. Пункт 2 той же статьи свидетельствовал: «Лицам женского пола присваиваются те же оклады содержания, как и мужчинам, за исключением прав на чинопроизводство и награждения орденами»¹⁵⁶².

Однако всерьез возможностью, предоставленной новым уставом обсерватории (в отношении женщин – научных сотрудников), начали пользоваться только с 1914 года. Е. С. Селезнева называет две причины массового приема женщин на работу в обсерваторию после 1914 года: 1) начавшаяся война, вынудившая принимать женщин на должности ушедших в армию мужчин, и 2) либеральные взгляды нового директора Б. Б. Голицына, преподававшего на С.-Петербургских Высших женских курсах в 1909–1916 годах и лично знавшего многих студенток и выпускниц¹⁵⁶³. По сведениям Е. С. Селезневой, в 1914 году в Главную физическую обсерваторию было зачислено 3 женщины: В. Н. Тихомирова, Е. С. Рубинштейн, Е. К. Шишакова; в 1915 году – 6 женщин: Н. Ф. Накоренко, И. В. Смирнова, Н. Е. Малинина, Е. А. Леонтьева, Э. С. Лир, М. В. Ловейко; в 1916 году – 6 женщин: А. Э. Берг, Е. Х. Бурковская, О. В. Воронина, Б. П. Кароль, Е. К. Нечаева, М. С. Пенкевич¹⁵⁶⁴. В общей сложности за три года (1914–1916) в штаты Главной физической обсерватории было зачислено 15 женщин – все недавние выпускницы либо С.-Петербургских Высших женских курсов, либо Высших женских естественно-научных курсов (также располагавшихся в С.-Петербурге).

С 1908 года женщины принимали участие в ботанических экспедициях, организованных Переселенческим управлением (1908–1914), в том числе в качестве руководительниц экспедиций. В период с 1908 по 1914 год они возглавили 17 таких экспедиций (таблица 14)¹⁵⁶⁵.

Таблица 14. Женщины – самостоятельные участницы ботанических экспедиций Переселенческого управления (1908–1914)

¹⁵⁵⁹ Субботина Н. М. Письмо О. А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 11.

¹⁵⁶⁰ Селезнева Е. С. Указ. соч. С. 57.

¹⁵⁶¹ Цит. по: Там же.

¹⁵⁶² Там же.

¹⁵⁶³ Там же. С. 59.

¹⁵⁶⁴ Там же.

¹⁵⁶⁵ Составлено по материалам: Шербакова А. А., Базилевская Н. А., Калмыков К. Ф. Приложение 1. Ботанические экспедиции в азиатской части России, организованные Переселенческим управлением (1908–1914 гг.) // Шербакова А. А., Базилевская Н. А., Калмыков К. Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1983. С. 277–281.

Год	Ф.И.О. женщины-участницы	Место назначения экспедиции
1908	Минькиц З. А., Кнорринг О. Э.	Чимкентский уезд Сырдарьинской области
1909	Минькиц З. А., Кнорринг О. Э.	Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области
1910	Минькиц З. А., Кнорринг О. Э.	Перовский уезд Сырдарьинской области
1910	Кучеровская С. Е.	Каркалинский уезд Семипалатинской области
1911	Кучеровская С. Е.	Ангаро-Ленский край Иркутской губернии
1911	Минькиц З. А., Кнорринг О. Э.	Андижанский уезд Ферганской области
1912	Кнорринг О. Э.	Наманганский уезд Ферганской области
1912	Кучеровская С. Е.	Мариинский уезд Томской губернии
1913	Поплавская Г. И.	Верхнеудинский уезд Забайкальской области
1913	Кнорринг О. Э.	Ошский уезд Ферганской области
1913	Минькиц З. А.	Кокандский уезд Ферганской области
1913	Деслятова Н. А.	Скобелевский уезд Ферганской области
1913	Кучеровская С. Е.	Павлодарский уезд Семипалатинской области
1914	Кучеровская С. Е.	район Баян — аул Каркаралы Семипалатинской области
1914	Минькиц З. А.	Ташкентский уезд Сырдарьинской области
1914	Десятова Н. А.	Иргизский уезд Тургайской области
1914	Кнорринг О. Э.	Ходженский, Джизагский, Самаркандский уезды Самаркандской области

Еще в пяти экспедициях Переселенческого управления (1908–1914) женщины участвовали в роли помощниц (таблица 15)¹⁵⁶⁶.

Таблица 15. Женщины, участвовавшие в ботанических экспедициях Переселенческого управления в статусе помощниц руководителя экспедиции (1908–1914)

Год	Руководитель экспедиции	Женщина — помощница руководителя экспедиции	Место назначения экспедиции
1909	Савич В. И.	Кучеровская С. Е.	Первая Наурузумская волость Тургайской области
1912	Кучеровская С. Е.	Некрасова В. Л.	Мариинский уезд Томской губернии
1913	Кроткий М. Ф.	Лебедева З. Ф.	Кустанайские степи Тургайской области
1914	Десятова Н. А.	Триполитова Т. К.	Иргизский уезд Тургайской области
1914	Пташницкий М. И.	Смирнова О. А.	Нурынский район Акмолинской области

Наиболее активно спешили воспользоваться новыми возможностями, которые предоставлял женщинам закон 1911 года, недавние выпускницы различных Высших женских курсов и девушки, все еще только проходившие обучение, то есть самая молодая часть живших в Российской империи женщин-ученых. Хотя точнее будет сказать, что это были женщины, еще только собиравшиеся стать учеными. Те из них, кто уже работал какое-то время лаборанткой или ассистенткой, те, кто надеялся в дальнейшем получить работу в научных и высших учебных учреждениях, начали активно готовиться к сдаче государственных экзаменов. Именно так поступила А. А. Глаголева. Она готовилась к сдаче экзаменов в Государственной испытательной комиссии при Московском университете, не прекращая работы ассистентки на МВЖК. Эти экзамены были ею выдержаны в 1913 году¹⁵⁶⁷. Однако, получив наконец диплом об университетском образовании, она продолжала работать в прежней должности. А через год, в 1914 году, началась Первая мировая война и внесла свои коррективы в жизненные планы множества людей, в том числе и А. А. Глаголевой. Именно тогда произошло ее первое соприкосновение с медициной. В 1930 году А. А. Глаголева писала: «Среди многих самых существенных задач того времени была задача по спешной организации сети рентгеновских кабинетов при военных госпиталях. [Исследование раненых с помощью лучей Рентгена представляло

¹⁵⁶⁶ Составлено по материалам: см. предыдущую сноску.

¹⁵⁶⁷ В цитируемой выше автобиографии, озаглавленной «Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой», А. А. Глаголева писала, что сдала экзамены в 1914 г. (Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 36). Однако в нескольких других источниках упоминается 1913 г. См.: [Глаголева-Аркадьева А. А. Ответы на вопросы анкеты Организационной комиссии по подготовке конференции женщин-ученых]. 12 ноября 1936 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 78; Основные даты жизни и деятельности А. А. Глаголевой-Аркадьевой. Б.д. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 1226. Л. 7.

собой мощнейший метод, дающий возможность врачу даже в трудных условиях военно-полевой обстановки быстро ориентироваться в положении раненого и тем самым сохранить не только его жизнь, но и трудоспособность]. В то время, как за границей имелась готовая, хорошо развитая сеть рентгеновских кабинетов и институтов [к услугам которых была продукция мощных фабрик и заводов по этой специальности, у нас в те годы эта сеть была представлена лишь очень ограниченным числом рентгеновских кабинетов, главным образом в столицах]; нам надо было не только спешно организовывать рентгеновские кабинеты, но организовывать их при минимальных возможностях, т[о] е[сть] почти из ничего. В таких именно условиях мне удалось [очень быстро] организовать рентгеновский кабинет для большого военного госпиталя при Моск[овских] ВЖК, работа в котором велась мною с кружком студенток до конца войны»¹⁵⁶⁸.

С. С. Зильберштейн достаточно подробно рассказала об этом начинании А. А. Глаголевой, участницей которого она была. По ее воспоминаниям, уже перед началом нового, 1914 учебного года помещение физической лаборатории профессора А. А. Эйхенвальда в здании МВЖК было отдано под лазарет для раненых. Самого А. А. Эйхенвальда объявление войны застало за границей, и ему пришлось потратить немало времени на возвращение в Россию. А. А. Глаголева взялась за организацию рентгеновского кабинета в его отсутствие, получив, однако, разрешение директора курсов С. А. Чаплыгина. Кроме нее в создании кабинета принимало участие несколько студентов, работавших под ее руководством, в том числе С. С. Зильберштейн, В. А. Изволенская, в то время студентка четвертого курса¹⁵⁶⁹, и лаборант А. Б. Млодзеевский¹⁵⁷⁰. Вся работа по «добыче» необходимого оборудования легла на плечи Александры Андреевны. Студентам приходилось налаживать оборудование, о работе которого они мало что знали. «Работали мы главным образом по вечерам, когда у всех заканчивалась своя текущая работа, работали с увлечением до поздней ночи», – писала С. С. Зильберштейн¹⁵⁷¹. Через два месяца оборудование рентгеновского кабинета было завершено и начался прием раненых. Однако А. А. Глаголева и члены ее команды продолжали по очереди (через день) дежурить в кабинете. Дело усложняло еще и то, что часть приборов должна была использоваться для демонстраций во время лекций. Их приходилось снимать и затем вновь устанавливать в рабочее положение. Профессор А. А. Эйхенвальд, вернувшийся к этому времени из-за границы, по словам С. С. Зильберштейн, «был очень недоволен, что Ал[ександра] Андр[еевна] нарушила обычный порядок в лаборатории. Он довольно часто давал это знать и почти целый год не разговаривал с Ал[ександрой] Андр[еевной]...»¹⁵⁷².

Однако работа в кабинете была налажена хорошо, а врачи – довольны снимками. Отношение профессора А. А. Эйхенвальда также постепенно изменялось. Как-то раз он попросил Александру Андреевну и ее команду провести демонстрацию во время лекции о рентгеновских лучах: «Ал[ександра] Андр[еевна] предложила нам тщательно подготовиться, – писала С. С. Зильберштейн. – Мы должны были в аудитории просветить руку и снять ее, просветить грудь какой-нибудь студентки и снять ее и сейчас же показать результаты снимков всей аудитории. Приготовить диапозитивы рентгеновских снимков раненых и показать их на экране. Надо было уложиться в определенный отрезок времени и дать хорошего качества работу. С увлечением принялись мы за подготовку. Демонстрация для большой аудитории на 1000 человек, приблизительно, прошла безукоризненно»¹⁵⁷³. С этого времени профессор стал относиться к

¹⁵⁶⁸ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой. 12 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 35 об.

¹⁵⁶⁹ В 50–60-е гг. XX в. В. А. Изволенская – старший преподаватель кафедры физики МВТУ им. Н. Э. Баумана. — О. В.

¹⁵⁷⁰ Впоследствии – профессор физики. — О. В.

¹⁵⁷¹ *Зильберштейн С. С.* Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой. 24 февраля 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134. Л. 2 об.

¹⁵⁷² Там же. Л. 3 об.

¹⁵⁷³ Там же. Л. 4 об.

деятельности А. А. Глаголевой в рентгеновском кабинете более благосклонно: купил для нее новую рентгеновскую установку за 5000 рублей, добился выделения под кабинет специального помещения¹⁵⁷⁴.

В 1916 году в этом кабинете по просьбе правления Общества изучения и распространения физических наук им. Н. А. Умова А. А. Глаголева впервые вела практические занятия по рентгенологии¹⁵⁷⁵. Помимо этого А. А. Глаголева во время войны работала в рентгеновском кабинете при военном госпитале для тяжелораненых в Павловской общине¹⁵⁷⁶.

Работа в рентгеновских кабинетах привела А. А. Глаголеву к ее первому крупному научному достижению: «На почве совместной работы моей с военными врачами-рентгенологами в рентгеновских кабинетах, – писала она, – у меня возникла идея [работы] прибора, вылившаяся сначала в теоретическое исследование по рентгеностереометрии; на основании этого исследования вскоре мною же был выработан тип точного измерительного прибора – рентгеностереометра, дающего возможность вполне точно измерять глубину залегания пуль и осколков внутри живого человеческого организма»¹⁵⁷⁷. С. С. Зильберштейн, присутствовавшая при создании прибора, так описывала этот процесс: «Александра Андреевна предложила сделать стереоскопический снимок с больного, совместить оба изображения и передвигая [указатель] по двум взаимноперпендикулярным направлениям вдоль линейки, совместить его с пространственным изображением инородного тела. Я помню, как Ал[ександра] Андр[еевна] часами упражнялась совмещать оба изображения в одно, глазами без помощи призм. Мы так часто и так долго упражнялись, что потом пространственная картина появлялась без особого усилия. Так началась ее¹⁵⁷⁸ работа с рентгеностереометром, прибором, получившим впоследствии широкое применение в медицине»¹⁵⁷⁹.

В 1916 году А. А. Глаголева выступила на I Всероссийском съезде рентгенологов и радиологов, проходившем в Москве¹⁵⁸⁰, с описанием своей работы по рентгеностереометру. Позднее она писала, что ее выступление вызвало искренний интерес врачей-рентгенологов, работавших в прифронтовых лазаретах¹⁵⁸¹. Позднее, в 1920–1922 годах, она помимо устных выступлений, посвященных данной теме, опубликовала несколько научных статей по этому предмету¹⁵⁸².

С окончанием войны рентгеновский кабинет при госпитале МВЖК был переоборудован для учебных целей II Московского Государственного университета, в который были переименованы Московские Высшие женские курсы в 1918 году. В 1920 году А. А. Глаголева получила право самостоятельного преподавания и начала читать свой первый приват-доцентский курс «Физические основы рентгенологии», а также вести практические занятия по рентгенографии. «Этот курс читается мной до сих пор и охотно посещается студентами. Со времени основания рентгеновского кабинета, в течение 16 лет, я состою заведующим им; работу в нем в военное время, также и работу по заведыванию им, ведение практических занятий и т[ак]

¹⁵⁷⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵⁷⁵ Там же.

¹⁵⁷⁶ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35 об.

¹⁵⁷⁷ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35 об.

¹⁵⁷⁸ Далее зачеркнуто: «первая». — О. В.

¹⁵⁷⁹ Зильберштейн С. С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой... Л. 4.

¹⁵⁸⁰ Съезд проходил 16–19 декабря 1916 г. — О. В.

¹⁵⁸¹ Глаголева-Аркадьева А. А. О применении стереометрии в рентгенографии // Глаголева-Аркадьева А. А. Собрание трудов. М.; Л., 1948. С. 36.

¹⁵⁸² См.: Глаголева А. А. Работы по рентгеностереометрии // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 1. М., 1920. С. 6; Она же. О стереорентгенограмметрических измерениях // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 3. М., 1920. С. 173–174; Она же. Приложение стереорентгенограмметрического метода в медицине // Вестник рентгенологии и радиологии. 1921. Т. 1. № 3–4. С. 301–320; Она же. О применении стереометрии к рентгенографии // Академический центр Наркомпроса. Научные известия. Сб. 3: Физика. М., 1922. С. 292–319.

д[алее] выполняла и выполняю бесплатно», – писала она в 1930 году¹⁵⁸³, накануне присвоения ей звания профессора уже II Московского Государственного медицинского института (выделенного из состава II Московского Государственного университета).

В 1917 году А. А. Глаголева была секретарем физического отделения Всероссийского совещания преподавателей физики, химии и космографии, проходившего с 5 по 9 июня в Москве; в 1918 году участвовала в редактировании «Трудов Всероссийского совещания преподавателей физики, химии и космографии» и др. Можно предположить, что выступления на научных съездах и совещаниях, активное участие в организационной работе не только сделали ее имя известным в академической среде, но и упрочили ее связи с Московским университетом (после 1918 года – I Московским государственным университетом). Во всяком случае, уже в 1918 году А. А. Глаголева-Аркадьева была зачислена преподавателем физико-математического факультета I МГУ¹⁵⁸⁴. А в 1920 году она начала регулярно работать в лаборатории электромагнетизма им. Максвелла, организованной в 1919 году при I МГУ ее супругом, В. К. Аркадьевым, над проблемой получения миллиметровых электрических волн, проблемой, вот уже более 20 лет мучившей физиков. В 1922 году она добилась полного успеха в этой области, создав так называемый массовый излучатель, с помощью которого ей удалось впервые получить короткие электромагнитные волны от 0,08 до 50 мм. Как писал профессор Н. Н. Малов, «...наибольшую известность Александра Андреевна приобрела своими исследованиями в области микроволн, где ей удалось заполнить пробел между кратчайшими электромагнитными волнами, получаемыми электрическими методами, и инфракрасными лучами, возникающими в результате молекулярных колебаний. Этот пробел охватывал интервал от 6 мм (волны Лебедева, 1895 г.) до 343 микрон (волны Рубенса, 1911 г.) и долго не поддавался заполнению»¹⁵⁸⁵. В том же 1922 году А. А. Глаголева-Аркадьева выступила с докладом о своем открытии на III съезде Российской ассоциации физиков, проходившем с 17 по 21 сентября в Нижнем Новгороде. В 1923 году этот доклад был опубликован в «Трудах» съезда¹⁵⁸⁶, в 1924 году ее статью поместил журнал «Nature»¹⁵⁸⁷.

Эти публикации мгновенно сделали имя А. А. Глаголевой-Аркадьевой известным во всем мире. Как отмечали в своей совместной статье, посвященной биографии А. А. Глаголевой-Аркадьевой, С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе, «массовый излучатель А. А. Глаголевой-Аркадьевой в Германии был предметом ряда докторских диссертаций. Он нашел применение для измерений в области миллиметровых волн, которых не дают другие генераторы электрических колебаний»¹⁵⁸⁸.

Будущий доктор и профессор В. А. Варсанюфьева очень лаконично писала в своем «Curriculum vitae»: «В сентябре 1907 года поступила на М.В.Ж.¹⁵⁸⁹ курсы и окончила их в 1915 г[оду] по циклу геологии. В том же году была оставлена на курсах для подготовки к проф[ессорскому] званию. Осенью 1916 года сдала экзамен в государственной испытательной комиссии при М.В.Ж.К.»¹⁵⁹⁰ В результате ей был выдан диплом: «Предъявительница сего, окончившая Московские Высшие женские курсы, Вера Александровна Варсанюфьева, вероисповедания православного, дочь генерал-майора, была допущена, согласно ее прошению, в

¹⁵⁸³ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А. А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35 об., 36.

¹⁵⁸⁴ Основные даты жизни и деятельности А. А. Глаголевой-Аркадьевой. Б.д. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 1226. Л. 7.

¹⁵⁸⁵ Малов Н. Н. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945) // Успехи физических наук. 1946. Вып. 5–6. С. 214.

¹⁵⁸⁶ Глаголева-Аркадьева А. А. Метод получения наиболее коротких электромагнитных волн // Труды Третьего съезда Российской ассоциации физиков в Н.-Новгороде 17–21 сентября 1922 г. Н. Новгород, 1923. С. 39–40.

¹⁵⁸⁷ Glagoleva-Arkadieva A. A. Short electromagnetic waves of wavelength up to 82 microns // Nature. 1924. № 113 (2844). P. 640.

¹⁵⁸⁸ Вавилов С. И., Иоффе А. Ф. Профессор А. А. Глаголева-Аркадьева // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 132. Л. 4.

¹⁵⁸⁹ Московские Высшие женские курсы. — О. В.

¹⁵⁹⁰ Варсанюфьева В. А. Curriculum vitae. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1.

апреле, мае, октябре и ноябре месяце 1916 г[ода] к испытаниям в Физико-математической Испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах...»¹⁵⁹¹ Далее было указано, что В. А. Варсанюфьева получила оценки «весьма удовлетворительно» по следующим предметам «полукурсового испытания»: по физике, неорганической химии, аналитической химии, кристаллографии и минералогии, анатомии и морфологии растений, систематике растений, анатомии человека и гистологии, зоологии и сравнительной анатомии позвоночных, физической географии с метрологией и также оценки «весьма удовлетворительно» по предметам «комиссионного испытания»: по органической химии, геологии с палеонтологией, физиологии растений, зоологии беспозвоночных, физиологии животных, географии. А также представила «весьма удовлетворительное» сочинение¹⁵⁹². Поэтому «...на основании пункта 9-го утвержденных 19 декабря 1911 года “Правил об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений” и согласно ст[атьи] 81 Устава Государственных Российских университетов 23 августа 1884 года, она, Варсанюфьева, в заседании названной Физико-математической испытательной комиссии 3 декабря 1916 года удостоена диплома первой степени, с правами и преимуществами, предоставляемыми таковым дипломам согласно пунктам 10, 11 и 12 вышепоименованных Правил 19 декабря 1911 года»¹⁵⁹³.

В. А. Варсанюфьева поступила на МВЖК в 1907 году, а уже с 1911 года она участвовала в полевых геологических экспедициях (таблица 16)¹⁵⁹⁴.

Таблица 16. Экспедиции В. А. Варсанюфьевой (1911–1917 гг.)

Год	Экспедиционные исследования В. А. Варсанюфьевой
1911	«...самостоятельно работала в пределах северной части Уфимского плоскогорья (в Красноуфимском и Кузгурском уезде Пермской губернии), изучая каменноугольные и третичные отложения этой области».
1912	«...продолжала начатые в предыдущем году исследования в той же области, специально остановившись на изучении развитых там карстовых явлений».
1913	«...экскурсовала в Соликамском уезде Пермской губернии и дополнила исследования предыдущего года в Уфимском плоскогории».
1914	«...исследовала южную часть Уфимского плоскогорья (в Златоустовском и Юирском уездах Уфимской губернии)».
1915	«...в качестве помощника участвовала в геологических исследованиях по линии проектированного туннеля в нижегородском косогоре».
1916	«...имела командировку от Рудной секции Химического отдела Главного по снабжению армии комитета для изучения залежей огнеупорных глин в Пермской губернии».
1917	«...участвовала в качестве самостоятельного геолога в экскурсии по изучению естественных богатств и геологического строения Тимана».

В более поздней по времени автобиографии В. А. Варсанюфьева указывала, на какие средства велись эти исследования: «1911–1914 гг. Производила на средства М.В.Ж.К., Моск[овского] о[бщест]ва испытателей природы и Моск[овского] о[бщест]ва любителей естеств[ознания], антропологии и этнографии геологические исследования на Западном склоне Среднего Урала (бассейн рек Сыквы, Уфы, Юрезани). 1916–1917 гг. Производила исследования условий залегания и изучения огнеупорных глин на Западном склоне Северного Урала по заданию Рудной секции Главного по снабжению Армии комитета (с целью изыскания глин обогащенных алюминием). Эти исследования велись летом 1916 г[ода] и зимой 1917 г[ода]. Летом 1918 г[ода] принимала участие в экспедиции по изучению геологического строения и полезных ископаемых Тимана (бассейн Цыльмы)»¹⁵⁹⁵.

¹⁵⁹¹ Диплом В. А. Варсанюфьевой о сдаче экзаменов в Испытательной комиссии. [1916 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 4719. Л. 3.

¹⁵⁹² Там же.

¹⁵⁹³ Диплом В. А. Варсанюфьевой о сдаче экзаменов в Испытательной комиссии. [1916 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 4719. Л. 3.

¹⁵⁹⁴ Таблица составлена на основании: *Варсанюфьева В. А. Curriculum vitae*. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1, 1 об.

¹⁵⁹⁵ *Варсанюфьева В. А. Автобиография*. 12 декабря 1945 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 13.

Результаты, полученные во время экспедиций, были доложены В. А. Варсанюфьевой на заседаниях географического и геологического отделений Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также Московского Общества распространения естественно-научных знаний в 1912, 1913, 1915, 1916 и 1917 годах. Краткие отчеты об этих выступлениях публиковались в ежегодных отчетах ОЛЕАЭ и МОИП. Ко времени написания первой из процитированных нами автобиографий (написанной около 1917 года) В. А. Варсанюфьева уже состояла членом ОЛЕАЭ и успела получить «... большую серебряную медаль за изучение приуральского карста и участие в работе общества»¹⁵⁹⁶ от геологического отделения ОЛЕАЭ. Также начиная с 1913 года В. А. Варсанюфьева начала публиковать результаты своих исследований в научной периодической печати¹⁵⁹⁷. Одновременно уже в 1915 году она была оставлена при геологическом кабинете МВЖК в качестве временной ассистентки и в это же время «... вела практические занятия по геологии в отделениях Московского Археологического института в Нижнем Новгороде, Ярославле и Смоленске»¹⁵⁹⁸. В более поздней по времени автобиографии (1945 года) В. А. Варсанюфьева писала: «1916 г. Оставлена при кафедре геологии М.В.Ж. Курсов для подготовки к научной деятельности и профессорскому званию; 1917 г. Избрана ассистентом кафедры геологии М.В.Ж.К.; 1918 г. Читала по поручению факультета курс динамической геологии на М.В.Ж.К.»¹⁵⁹⁹

Таким образом, В. А. Варсанюфьева начала принимать участие в научно-исследовательской работе в период обучения на МВЖК как при поддержке профессоров и преподавателей (прежде всего А. П. Павлова и А. А. Чернова), так и при финансовой и научной поддержке ОЛЕАЭ и МОИП. Далее она получила государственный диплом об окончании университета, была оставлена при кафедре МВЖК для подготовки к профессорскому званию, затем стала ассистенткой, и, наконец, ей было предложено прочитать свой первый курс студентам. Благодаря закону 1911 года ее карьера с самого начала могла развиваться в соответствии с традиционными этапами, присущими карьере любого начинающего ученого, у нее не было формальных, юридических причин останавливаться, достигнув должности ассистентки, как это случалось с карьерами российских женщин, принадлежавших к старшим поколениям.

На два года моложе В. А. Варсанюфьевой была другая студентка Московских Высших женских курсов, Лидия Карловна Лепинь (1891–1985), впоследствии доктор химических наук, профессор, академик АН Латвийской ССР, автор более 200 широко известных трудов по химии. В 1902 году Л. К. Лепинь, дочь Карла Ивановича Лепиня (1864–1942), управляющего имениями князя Голицына, поступила в одну из самых известных московских гимназий: «Как видно из документов, дочь губернского секретаря, православного исповедания, имеющая от роду 17 лет (родилась апреля 22 дня 1891 года), поступила по экзамену в II класс частной женской гимназии Л. Ф. Ржевской, в Москве, в 1902–1903 учеб[ный] год. И, находясь в ней до окончания полного курса учения, в продолжение всего времени вела себя отлично и была переводима, по испытаниям в высшие классы», – записано в аттестате об окончании гимназии, выданном Л. К. Лепинь по окончании гимназии в 1908 году¹⁶⁰⁰. В этом школьном аттестате нет никаких оценок кроме отличных¹⁶⁰¹. Также отмечено: «Во внимание к постоянному отличному поведению и к отличным успехам в науках Педагогический совет частной женской гимназии Л. Ф. Ржевской в Москве, согласно ст. 96 “Положения о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения” постановил наградить означенную Лепинь

¹⁵⁹⁶ Варсанюфьева В. А. Curriculum vitae... Л. 1 об.

¹⁵⁹⁷ Там же.

¹⁵⁹⁸ Там же.

¹⁵⁹⁹ Варсанюфьева В. А. Автобиография. 12 декабря 1945 г. ... Л. 11.

¹⁶⁰⁰ Лепинь Л. К. Аттестат об окончании частной женской гимназии Л. Ф. Ржевской. 30 мая 1908 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 69.

¹⁶⁰¹ Там же. Л. 69, 69 об.

Лидию Карловну золотой медалью»¹⁶⁰². Окончив дополнительный, VIII класс гимназии, 30 мая 1909 года Л. К. Лепинь получила звание «домашней наставницы русского языка и словесности, математики и французского языка»¹⁶⁰³, после чего подала заявление с просьбой принять ее на естественное отделение Московских Высших женских курсов.

В личном деле Л. К. Лепинь в фонде Московских Высших женских курсов (ЦГА Москвы) до сегодняшнего дня хранится записка, написанная К. И. Лепинем, с разрешением его дочери поступить на курсы: «Ничего не имею против поступления дочери моей Лидии Лепинь на Высшие женские курсы. <...> Коллежский секретарь Корпуса лесничих Карл Иванович Лепинь»¹⁶⁰⁴. Надо отметить, что в этом Лидии Карловне повезло, поскольку не одной и не двум из числа ее ровесниц приходилось сражаться со своими семьями, не понимавшими их желания продолжать образование. Но даже без дополнительных сложностей выбор будущей профессии часто бывает очень непростым для молодого человека, особенно если в его (или ее) юной жизни уживаются два одинаково страстных увлечения.

Именно так случилось с Л. К. Лепинь. Она увлекалась одновременно музыкой и естествознанием, ей хотелось заниматься и тем и другим. Историк химии XX века Я. П. Страдынь, имевший возможность познакомиться с личным архивом Л. К. Лепинь, писал: «Однако этот период, по воспоминаниям Л. К. Лепинь, в ее жизни был “эпохой страдания”, необходимости выбора, ибо параллельно учебе на курсах она собиралась поступить также в Московскую консерваторию, чтобы стать пианисткой, памятуя, что и А. П. Бородин был и композитором, и химиком одновременно. Первым ее учителем по музыке был профессор Московской консерватории А. А. Ярошевский. Музыкальные дарования Л. К. Лепинь были оценены окружением, даже А. Ф. Гедике и С. В. Рахманиновым, однако пришлось убедиться, что путем Бородина идти нельзя. Сейчас Лидия Карловна не жалеет о своем выборе»¹⁶⁰⁵.

Однако во время обучения на Высших женских курсах окончательный выбор, по-видимому, еще не был сделан и музыка занимала в жизни Л. К. Лепинь значительное место. Знаменитая советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) писала в своих воспоминаниях, посвященных С. В. Рахманинову: «Подруги мои по гимназии Л. Ф. Ржевской, особенно близкие – Е. П. Вельяшева (сейчас музыкальный педагог), Л. К. Лепинь (сейчас профессор химии в Риге), – учились в консерватории и отлично играли. Друзья по философскому факультету тоже выдались музыкальные, у многих дома были рояли (и даже два, чтобы играть оркестровые произведения, переложенные для фортепиано). Мы часто после семинаров по философии собирались друг у друга и до утра иной раз философствовали о музыке. Помню, тогда я впервые услышала о трагическом неуспехе Первой симфонии Рахманинова и разного рода объяснения этого неуспеха. <...> Еще не понимая целиком всей трагедии Рахманинова, но уже чувствуя ее инстинктом, я шла после всех этих философских споров к Лепинь или к Вельяшевой, и ночь заканчивалась для нас игрою ими в четыре руки Второго фортепианного концерта Рахманинова»¹⁶⁰⁶.

По каким-то неизвестным нам причинам Лидия Карловна пропустила 1914 учебный год и восстановилась на курсах только в сентябре 1915 года¹⁶⁰⁷. Может быть, начавшаяся война

¹⁶⁰² Там же. Л. 69 об.

¹⁶⁰³ Лепинь Л. К. Свидетельство об окончании VIII класса частной женской гимназии Л. Ф. Ржевской. 1 июня 1909 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 70, 71 об.

¹⁶⁰⁴ Лепинь К. И. Записка. [1909] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 74.

¹⁶⁰⁵ Страдынь Я. П. К 90-летию академика АН Латвийской ССР Л. К. Лепинь // Известия Академии наук Латвийской ССР. Серия Химическая. 1981. № 1. С. 4.

¹⁶⁰⁶ Шагинян М. Воспоминания о Рахманинове // URL: <http://www.senar.ru>.

¹⁶⁰⁷ Лепинь Л. К. Прошение на имя директора Московских [Высших] женских курсов. 9 октября 1914 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 76; Она же. Прошение на имя директора Московских [Высших] женских курсов. 19 сентября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 77.

помогла ей сделать окончательный выбор, мы не знаем. Но уже 1916 год застал ее, еще студентку, на фронте, в военно-полевой лаборатории. Знаменитый историк химии, доктор химических наук Николай Александрович Фигуровский (1901–1986) в «Очерке развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг.» упоминает о существовании мобильной химической лаборатории, одним из сотрудников которой была Л. К. Лепинь¹⁶⁰⁸. По сведениям Я. П. Страдыня, эта лаборатория была организована осенью 1915 года профессором Николаем Александровичем Шиловым (1872–1930) на Западном фронте. В интервью, данном предположительно в 1938 году, Л. К. Лепинь так рассказывала о начале своей научной работы: «Первые мои работы протекали в противогазовой лаборатории на фронте (я еще тогда была студенткой). <...> Эта лаборатория, в которой я работала, была военная. Она была вначале организована Земским союзом, а потом была военной организацией (противогазовой лабораторией). Она находилась на западном фронте. Там был целый поезд, специально организованный и один вагон был химической лабораторией. Мы испытывали качество противогазов»¹⁶⁰⁹.

По словам Л. К. Лепинь, в задачи лаборатории входило выяснение таких вопросов, как: «...насколько уголь может длительно защищать от такого газа, как хлор». Л. К. Лепинь объясняла: «Скажем, маски поступают на фронт осенью, мы их с течением времени испытываем – насколько они защищают от газов. Таким образом, был выявлен целый ряд вопросов, что позволило сказать, что, в общем, то утверждение, что уголь может дать защиту только на неделю, неверно». Также «стоял вопрос о старении угля. Или: насколько может в атаке быть применен повторно противогаз того времени (очень примитивный противогаз – уголь в коробке), возможно ли повторное применение в атмосфере хлора»¹⁶¹⁰. Л. К. Лепинь рассказывала, что результаты работ в виде рефератов поступали в военные организации¹⁶¹¹. Кроме того, по воспоминаниям Л. К. Лепинь, перед лабораторией ставились и аналитические задачи. К ним на анализ поступали самые разные, в том числе новые вещества. Сотрудники лаборатории также расшифровывали вещества, использовавшиеся немцами¹⁶¹². Биографы Л. К. Лепинь высоко оценивают значение этих работ как для развития научно-исследовательских способностей и навыков самой Л. К. Лепинь, так и для науки в целом. А. Я. Гроскауфманис, например, писал: «Упомянутое исследование можно считать первой научной работой Л. К. Лепинь»¹⁶¹³. Я. П. Страдынь характеризовал их следующим образом: «Эти работы имели большое значение и для практики, и для теории. Они позволяли сперва внести целесообразные изменения в пропитку марлевых защитных масок, а после введения угольного противогаза Кумманта–Зелинского – совершенствовать конструкцию последнего. Испытания противогазов и изучение защитных свойств активированного угля во фронтовой обстановке, естественно, обуславливались чисто практическими, патриотическими запросами – спасением жизни русских солдат. Однако под руководством такого глубокого и широко мыслящего химика, как Н. А. Шилов, они приобретали одновременно и характер фундаментальных научных исследований. <...> Исследованиями Н. А. Шилова, Л. К. Лепинь, С. А. Вознесенского были сформулированы основные положения теории действия противогаза. <...> Найденные закономерности сохранили свое

¹⁶⁰⁸ Фигуровский Н. А. Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 95.

¹⁶⁰⁹ Лепинь Л. К. Интервью. [1938 г.] / Публикация О. А. Вальковой // Социокультурные проблемы развития науки и техники: Сборник трудов. Вып. 5. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 123.

¹⁶¹⁰ Лепинь Л. К. Интервью. [1938 г.] ... М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 124.

¹⁶¹¹ Там же. С. 125.

¹⁶¹² Там же. С. 126.

¹⁶¹³ Гроскауфманис А. Я. Академик, профессор, доктор. Лидия Карловна Лепинь // Академик Л. К. Лепинь. Библиография / Сост. Е. Я. Пейле. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. С. 19.

значение до настоящего времени, составляя основу теории фильтрующих приборов (включая противогазы) и теории хроматографии»¹⁶¹⁴.

Судя по сведениям, сообщаемым А. Я. Гроскауфманисом и Я. П. Страдынем, помимо Западного, лаборатория (и вместе с ней Л. К. Лепинь) работала и на Юго-Западном фронте¹⁶¹⁵. Л. К. Лепинь вспоминала, что после революции 1917 года лаборатория была передана Тимирязевской сельскохозяйственной академии, потому что «она была довольно хорошо оборудована и организована»¹⁶¹⁶.

Л. К. Лепинь получила диплом об окончании МВЖК 29 сентября 1917 года. Как указано в тексте диплома, «предъявительница сего Лидия Карловна Лепинь <...> поступила в 1909 году по конкурсу на физико-математический факультет Московских Высших женских курсов по отделению естественных наук, прослушала курс на этом отделении в течение XIV семестров и выдержала все установленные испытания. <...> Сверх того Лидия Карловна Лепинь исполнила все требуемые факультетом практические работы, специально занималась химией и имеет зачеты за лабораторные занятия по этому предмету, а также за специальную работу по органической химии. В удостоверение сего постановлением Физико-математического факультета 1917 года, сентября 29 дня, ей выдан диплом первой степени»¹⁶¹⁷.

В личном деле Л. К. Лепинь в фонде МВЖК хранится ее дипломное сочинение (написанное от руки в обычной ученической тетради) на тему: «Каталитическое расщепление жиров сульфонафтеновыми кислотами»¹⁶¹⁸. В верхнем правом углу титульного листа сохранилась надпись, сделанная тогда еще совсем молодым Сергеем Семеновичем Наметкиным (1876–1950), впоследствии выдающимся химиком-органиком, членом АН СССР, а в 1917 году – деканом физико-математического факультета МВЖК: «Весьма удовлетворительно»¹⁶¹⁹. В интервью 1938 года Л. К. Лепинь дважды говорила о сдаче ею государственных экзаменов. Можно предположить, не потому, что экзамены оказались такими уж запоминающимися, а сделала она это, осознав (возможно, значительно позднее), когда именно это событие имело место. Вначале она говорила: «В 1917 году я кончила курсы, держала государственный экзамен в ноябре месяце 1917 г[ода]»¹⁶²⁰. И через несколько страниц повторяется: «Государственные экзамены я держала вплотную после октябрьской революции»¹⁶²¹. После получения диплома у Л. К. Лепинь, так же как и у В. А. Варсановичевой, не было проблем с поисками работы. В интервью 1938 года Л. К. Лепинь вспоминала: «После этого (после сдачи государственных экзаменов. — О. В.) я работала частью в Московском Высшем техническом училище, частью в Плехановском институте»¹⁶²². Я сразу после окончания (МВЖК. — О. В.) и попала в Плехановский институт в качестве преподавательницы»¹⁶²³. Уже в первые десять лет своей творческой деятельности, в 1917–1930 годах, Л. К. Лепинь работала в Институте народного хозяйства (впоследствии им. Г. В. Плеханова), где она преподавала аналитическую и неорганическую химию, и одновременно начиная с 1920 года в Московском высшем техническом училище (МВТУ им. Н. Э. Баумана), став там первой женщиной-преподавателем. Наверно, отчасти она была обязана этим Н. А.

¹⁶¹⁴ Страдынь Я. П. Указ. соч. С. 5.

¹⁶¹⁵ Гроскауфманис А. Я. Указ. соч. С. 18; Страдынь Я. П. Указ. соч. С. 4–5.

¹⁶¹⁶ Лепинь Л. К. Интервью... С. 126.

¹⁶¹⁷ Лепинь Л. К. Диплом об окончании Московских Высших женских курсов. 29 сентября 1917 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 3, 38.

¹⁶¹⁸ Лепинь Л. К. Дипломное сочинение. [1917] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 40–66.

¹⁶¹⁹ Лепинь Л. К. Дипломное сочинение. [1917] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 40.

¹⁶²⁰ Лепинь Л. К. Интервью... С. 123.

¹⁶²¹ Там же. С. 127.

¹⁶²² Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. — О. В.

¹⁶²³ Лепинь Л. К. Интервью... С. 127.

Шилову, под руководством которого работала во фронтовой лаборатории, которого считала своим учителем¹⁶²⁴, совместно с которым проводила свои первые исследования.

На примерах биографий А. А. Глаголевой и В. А. Варсанюфьевой хорошо видно, как начатая в высшем учебном заведении карьера еще во время обучения постепенно перерастала в научную карьеру. В случае с биографией Л. К. Лепинь мы также видим пример научной карьеры, начатой во время получения высшего образования. Эта карьера не была связана с высшим учебным заведением, в котором получалось образование, но ее начало было инициировано преподавателем высшего учебного заведения, предложившим своей студентке участие в работе, связанной с научными исследованиями. Все три приведенных нами примера являются образцами почти идеального начала профессиональной научной деятельности, несмотря на тяжелые внешние обстоятельства жизни в указанный период времени. Однако переход из положения студентки в положение «молодого ученого» не всегда получался таким гладким. Например, карьера Надежды Станиславовны Гаевской (1884/1889–1969), в будущем одной из первых в СССР женщин – докторов биологических наук, заведующей кафедрой, крупного гидробиолога, автора нескольких классических научных монографий и десятков научных статей, широко известных не только в России, но и за рубежом, основателя трофодинамического направления в гидробиологии, начиналась несколько иначе, чем карьеры ее ровесниц. Н. С. Гаевская получила диплом об окончании МВЖК 3 октября 1913 года¹⁶²⁵. В дипломе было указано, что Н. С. Гаевская «...прослушала курс на физико-математическом факультете по отделению естественных наук и выдержала все установленные факультетом испытания»¹⁶²⁶, в том числе с оценками «весьма удовлетворительно» по математике, физике, неорганической химии, аналитической химии, анатомии растений, морфологии и систематике растений, физиологии растений, зоологии, гистологии, физиологии животных, палеонтологии, эмбриологии¹⁶²⁷. В дипломе также было указано: «Сверх того Надежда Станиславовна Гаевская исполнила все требуемые факультетом практические работы, специально занималась зоологией и прошла большой зоологический практикум»¹⁶²⁸.

---

¹⁶²⁴ См.: Там же. С. 133.

¹⁶²⁵ Диплом Н. С. Гаевской об окончании Московских Высших женских курсов. 3 октября 1913 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 46.

¹⁶²⁶ Там же.

¹⁶²⁷ Там же.

¹⁶²⁸ Диплом Н. С. Гаевской об окончании Московских Высших женских курсов. 3 октября 1913 г. ... Л. 46.

Рис. 26. Портрет Н. С. Гаевской. 1938 г. (личный архив О. А. Вальковой)

Тогда же, во время обучения на МВЖК, она начала свою исследовательскую работу. В интервью 1938 года она говорила об этом¹⁶²⁹: «Первая моя работа была еще когда я была студенткой на Высших женских курсах. Еще будучи студенткой, я ездила летами в Севастополь на биологическую станцию академии наук. Это была зоология, потому что гидробиологии как специальности еще тогда не было»¹⁶³⁰. Автор биографической статьи о Н. С. Гаевской П. Л. Пирожников писал о начале ее научно-исследовательской карьеры: «Надежда Станиславовна начала вести научную работу в 1912 г[оду], т[о] е[сть] в студенческую пору своей жизни, будучи слушательницей Московских Высших женских курсов»¹⁶³¹. Сама она рассказывала следующее: «Первая моя работа появилась в 1916 году, когда я еще была студенткой 2-го курса

---

¹⁶²⁹ Забытое интервью: беседа с Надеждой Станиславовной Гаевской / Подготовка к печати и вступительная статья О. А. Вальковой // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 89–105.

¹⁶³⁰ Гаевская Н. С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 101.

¹⁶³¹ Пирожников П. Л. Профессор Н. С. Гаевская как ученый и педагог // Трофология водных животных. Итоги и задачи. Посвящается памяти профессора Надежды Станиславовны Гаевской. М.: Наука, 1973. С. 10.

и начала вести научную работу¹⁶³². И до окончания ВУЗ'а у меня уже была работа в издании Академии наук. Я с самого начала своей научной деятельности занималась вопросами экологии, т[о] е[сть] связи организма с факторами среды»¹⁶³³. И объясняла: «Меня интересовали, в первую очередь (собственно с этого я начала еще будучи студенткой 2 курса), вопросы влияния на организм фактора солености. И моя первая студенческая работа [стала] классической в этой области. Она вошла во все учебники. Она называлась “Вариации Артемия Солина”¹⁶³⁴. Эта работа была напечатана в издании Академии наук. Немцы по собственному почину ее перевели и напечатали у себя (хотя была война). Они напечатали в журнале, который является журналом международного порядка. Немцы ее перевели – Вольтерек¹⁶³⁵ перевел. И когда кончилась война, мне этот журнал был прислан и были присланы оттиски. Это было сделано по инициативе Вольтерека – мирового ученого»¹⁶³⁶. Характерно, что П. Л. Пирожников, рассказывая о научной работе Н. С. Гаевской в лаборатории МВЖК, писал: «Очевидно, под влиянием лекций проф[ессора] Н. К. Кольцова она занялась экспериментальным изучением изменчивости *Artemia Salina*, уже много лет привлекавшей к себе внимание зарубежных и русских зоологов. В качестве летней базы была избрана Севастопольская биологическая станция, которой в то время заведовал С. А. Зернов. <...> В зимнее время работы с артемией продолжались в зоологической лаборатории Высших женских курсов под непосредственным руководством Н. К. Кольцова, поскольку большие количества покоящихся яиц рачка в соленой рапе доставлялись в Москву»¹⁶³⁷. В то же время сама Н. С. Гаевская говорила: «Людьми, которые имели на моем научном пути непосредственное влияние, я считаю Кольцова Н. К. и Зернова С. А. У Кольцова, который был профессором на Высших женских курсах, я и научилась работать»¹⁶³⁸, однако при этом подчеркивала: «Я работала совершенно самостоятельно, даже первую свою работу выполнила самостоятельно. С. А. Зернов никогда мною не руководил. Он считал, что я могу сама это делать»¹⁶³⁹. И продолжала с грубоватой простотой и искренностью: «Первую свою работу я работала под руководством Кольцова Н. К., которому я, как и С. А. Зернову, по гроб жизни благодарна в том отношении, что оба они (с точки зрения идеологической установки на женский труд) никогда не делали никакой разницы между мной и мужской половиной своей лаборатории, и я бы сказала, что они так с особым удовольствием все-таки давали мне место и возможность заниматься¹⁶⁴⁰. Так что с этой стороны я считаю, что должна добрым словом упомянуть и того, и другого. И тот, и другой всегда были сторонниками выдвижения женщин. И никакого затора, тормоза я никогда не испытывала. Это было очень счастливое обстоятельство на моем жизненном пути».

Однако, несмотря на отличные оценки, научное сотрудничество с профессорами и успешно начатые научные исследования, по окончании МВЖК и получении диплома Н. С. Гаевской не было предложено остаться на курсах для «подготовки к профессорскому званию», не было предложено и место ассистентки на МВЖК. В настоящее время неизвестно, сразу ли по окончании курсов или через какой-то промежуток времени, но Н. С. Гаевская устрои-

¹⁶³² Гаевская Н. Изменчивость у *Artemia Salina* // Труды особой Зоолог. лабор. и Севастоп. биол. станции Акад. наук. 1916. Серия II. № 3. С. 1–40.

¹⁶³³ Гаевская Н. С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. ... С. 96.

¹⁶³⁴ Видимо, имеется в виду следующая работа: *Gaievskaja N. Über die Variabilität bei Artemia Salina* // Int. Revue ges. Hydrobiol. Hydrogr. 1922. Bd. 10. H. 1–2. S. 139–159; H. 3. S. 299–309.

¹⁶³⁵ Вольтерек Рихард (1877–1944) – немецкий зоолог.

¹⁶³⁶ Забытое интервью: беседа с Надеждой Станиславовной Гаевской / Подготовка к печати и вступительная статья О. А. Вальковой // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 96–97.

¹⁶³⁷ Пирожников П. Л. Указ. соч. С. 10.

¹⁶³⁸ Гаевская Н. С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. ... С. 101.

¹⁶³⁹ Там же. С. 98–99.

¹⁶⁴⁰ Кольцов Николай Константинович (1872–1940) преподавал на Московских Высших женских курсах и впоследствии во II Московском Государственном университете с 1903 по 1924 г.

лась работать ассистенткой на другие Высшие женские курсы. Справка, выданная ей 3 октября 1915 года, свидетельствовала, что она «...состоит с утверждения г[осподина] попечителя Московского учебного округа ассистенткой по зоологии при Московских женских педагогических курсах имени Д. И. Тихомирова»¹⁶⁴¹. В любом случае Н. С. Гаевская обратилась в физико-математическую испытательную комиссию для сдачи экзаменов на получение университетского диплома только в 1915 году, то есть через два года после окончания МВЖК¹⁶⁴². Однако у нее не получилось сдать все экзамены сразу. Вместо диплома об университетском образовании ей было выдано удостоверение, свидетельствовавшее, что «предъявительница сего Гаевская Надежда Станиславовна, прослушавшая полный курс наук Московских Высших Женских курсов по отделению естественных наук, подвергалась испытаниям в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах осенью 1915 года и получила нижеследующие отметки...»¹⁶⁴³ (см.: таблица 17)¹⁶⁴⁴.

В удостоверении также было указано, что «...для получения диплома Гаевская должна сдать не позднее осени 1917 г[ода] органическую химию, геологию с палеонтологией и физическую географию с метеорологией»¹⁶⁴⁵. Таким образом, уже сама процедура сдачи экзаменов параллельно с зарабатыванием на жизнь занимала непропорционально много времени. 24 марта 1916 года Н. С. Гаевская вновь обратилась в испытательную комиссию с просьбой разрешить ей досдать оставшиеся экзамены¹⁶⁴⁶. Она была допущена к сдаче экзаменов в апреле и мае 1916 года, сдав наконец все необходимое и получив диплом о том, что «...она, Гаевская, в заседании <...> Физико-математической испытательной комиссии 27 мая 1916 года удостоена диплома первой степени с правами и преимуществами, предоставляемыми таковым дипломам согласно пунктам 10, 11 и 12 вышепоименованных правил 19 декабря 1911 года. В удостоверение сего и дан ей, Гаевской, этот диплом за надлежащею подписью и с приложением печати Управления Московского учебного округа»¹⁶⁴⁷.

Таблица 17. Отметки, полученные Н. С. Гаевской во время испытаний в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах по окончании полного курса

Предметы полукурсовых испытаний		Предметы комиссионных испытаний	
Физика	Ву*	Органическая химия	—
Неорганическая химия	Ву	Геология с палеонтологией	—
Аналитическая химия	Ву	Физиология растений	Ву
Кристаллография и минералогия	Ву	Зоология беспозвоночных	Ву
Анатомия и морфология растений	Ву	Физиология животных	Ву
Систематика растений	Ву	Физическая география с метеорологией	—
Анатомия человека и гистология	Ву	Агрономия и техническая химия	
Зоология и сравнительная анатомия позвоночных	Ву	География	
		сочинение	

* Ву – весьма удовлетворительно. – О. В.

С момента окончания Н. С. Гаевской МВЖК до момента получения ею государственного диплома об окончании высшего учебного заведения прошло три года. Сама она, правда, если исходить из сохранившихся документов, не считала это чем-то особенным. В цитировавшемся

¹⁶⁴¹ Справка, выданная Н. С. Гаевской о том, что она состоит на службе при Московских Женских педагогических курсах имени Д. И. Тихомирова. 3 октября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 5.

¹⁶⁴² Гаевская Н. С. Заявление в Физико-математическую испытательную комиссию при Московских Высших женских курсах. 29 сентября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 42.

¹⁶⁴³ Свидетельство, выданное Н. С. Гаевской, о сдаче экзаменов в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах. [12] января 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 47.

¹⁶⁴⁴ Там же.

¹⁶⁴⁵ Там же.

¹⁶⁴⁶ Гаевская Н. С. Заявление в Физико-математическую испытательную комиссию Московских Высших женских курсов. 24 марта 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 43.

¹⁶⁴⁷ Диплом Н. С. Гаевской. 27 мая 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 6.

выше интервью 1938 года она говорила об этом: «Я рождения 1889 г[ода]. Я из Екатеринослава. Я – полу полька, полу украинка. Отец был скромный служащий сиротского суда. Из Екатеринослава приехала сюда в Москву учиться. Кончила Высшие женские курсы Герье в 1916 г[оду]. Сдала государственные экзамены. Тогда впервые были разрешены государственные экзамены. И я была в этой компании»¹⁶⁴⁸. Тем не менее через некоторое время после получения диплома профессора, с которыми работала Н. С. Гаевская во время обучения на МВЖК, помогли ей получить постоянное место. О том, как она получила должность в Петровской сельскохозяйственной академии, в которой она впоследствии проработала всю жизнь, какие бы преобразования ни претерпевало то структурное подразделение академии, в котором она работала, Н. С. Гаевская говорила следующее: «В 1917 г[оду] я была приглашена сюда в качестве преподавательницы – первая женщина-преподавательница в Петровской академии. Я была приглашена на кафедру зоологии к Кулагину, академику¹⁶⁴⁹. Пробыла у него три года. С. А. Зернов был заведующим станцией биологической в Севастополе. Я у него студенткой работала на станции. И когда он сюда перебрался в 1915 г[оду] на эту кафедру, он меня переманил к себе – к проф[ессору] Кулагину в ассистенты. Потом я была у него доцентом. В декабре 1930 г[ода] он был избран академиком в Академию наук, и тогда после него я заняла его кафедру»¹⁶⁵⁰. Таким образом, начало карьеры Н. С. Гаевской также было положено преподавателями, с которыми она познакомилась в студенческие годы и которые, как и в случае с Л. К. Лепинь, пригласили ее работать к себе, когда у них появилась такая возможность.

Таким образом, молодые женщины, к моменту принятия закона 1911 года только что закончившие обучение или еще учившиеся на Высших женских курсах, получили благодаря новому закону наибольшие преимущества (по сравнению со своими старшими современницами). Именно они спешили воспользоваться новым законом и новыми возможностями, которые он им предоставлял. Также, однако, нельзя не заметить, что большая часть их научных карьер развивалась уже после принятия законов 1917–1918 годов и, соответственно, совершенно в других условиях. К 1917 году закон, принятый в 1911 году, только-только начинал работать. Еще трудно было судить о его эффективности и о том, как заложенные в нем ограничения прав женщин могли бы сказаться в будущем.

Тем не менее там, где речь не шла о приеме государственных экзаменов или о более легком, чем раньше, приеме женщин на работу в качестве лаборанток и ассистенток, закон 1911 года приводился в действие не без труда и реально работал далеко не всегда. Со всей очевидностью это выяснилось достаточно скоро, когда несколько женщин попробовали получить работу в высших учебных заведениях. Как отмечал советский историк К. Т. Галкин в монографии «Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР», «Любовь Запольская, Мария Безобразова, Надежда Гернет, Екатерина Ковалевская, Мария Островская и Валентина Данчакова, получившие за границей в Бернском и Геттингенском университетах ученые степени доктора философии и медицины, несмотря на ходатайства видных русских ученых и советских университетов, не получили признания своей учености и права на преподавание в высших учебных заведениях своей страны»¹⁶⁵¹. Правда, здесь не уточняется, когда именно женщины обращались с подобной просьбой: до или после принятия закона 1911 года. Однако немного далее К. Т. Галкин цитирует документ, не оставляющий сомнений по поводу даты его создания: «...когда Валентина Данчакова¹⁶⁵² обратилась с жалобой на министерство народного про-

¹⁶⁴⁸ Гаевская Н. С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. ... С. 101.

¹⁶⁴⁹ Кулагин Николай Михайлович (1860–1940) – зоолог, энтомолог, член-корреспондент Императорской Академии наук (с 1913 г.). Помимо других своих должностей и занятий, с 1894 г. был профессором кафедры зоологии Московского Сельскохозяйственного института, впоследствии Тимирязевской академии.

¹⁶⁵⁰ Гаевская Н. С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. ... С. 101.

¹⁶⁵¹ Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958. С. 69.

¹⁶⁵² Здесь и ранее речь, видимо, идет о докторе медицины Вере Михайловне Данчаковой. Ее неудачная попытка занять

свещения в Правительствующий Сенат, то последний разъяснил ей 19 февраля 1914 года, “что лицам женского пола по действующим узаконениям не предусматривается присвоение ученых степеней и званий”, и что “лица женского пола не могут занимать должностей доцентов и профессоров университета”»¹⁶⁵³. Таким образом, принятие закона не гарантировало его скорейшего претворения в жизнь, а наличие права на научную карьеру еще не означало ее реальной возможности: ведь теперь женщинам приходилось вступать не только в борьбу с государственными чиновниками, к которой они за 50 лет уже успели привыкнуть, но и в конкурентную борьбу с мужчинами за более высокие, престижные и дефицитные должности. А мужчины все еще находились в привилегированном юридическом и экономическом положении. Не говоря уже о том, что именно они составляли большинство научного сообщества и занимали позиции, от которых зависело принятие решений, в том числе и кадровых.

Одним из наиболее серьезных недостатков закона 1911 года было то, что он касался только учреждений ведомства Министерства народного просвещения. Другим – то, что он был написан в основном в расчете на будущих учительниц средних учебных заведений, а не на будущих докторов наук и профессоров, поскольку в них нужды у империи все еще не было. Соответственно, вопросы получения женщинами ученых степеней, званий и далее должностей не были прописаны подробно. Как мы видели выше, проблемы возникли мгновенно, и вскоре нашлась группа депутатов, которая попробовала исправить ситуацию. 28 марта 1914 года, меньше чем через два месяца после отрицательного ответа Сената на жалобу Данчаковой, в Государственную Думу было внесено «Законодательное предположение о некоторых правах лиц женского пола по ученой и учебной части», подписанное 44 депутатами Думы¹⁶⁵⁴. Выступившие с инициативой депутаты объясняли причины своего поступка следующим образом: «Закон 19 декабря 1911 года об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительниц средних учебных заведений имеет в виду испытания только по ведомству Министерства народного просвещения, между тем, высшие курсы, на коих обучаются лица женского пола, и высшие правительственные учебные заведения, которые производят испытания в знании указанного курса, имеются и в Главном управлении землеустройства и земледелия, и в Министерстве торговли и промышленности. Нет никаких оснований лишать лиц женского пола возможности получать высшее, например, коммерческое, сельско-хозяйственное или вообще техническое образование, как нет оснований создавать иной порядок получения дипломов о знании этих курсов, порядок, несходный с тем, который установлен уже указанным законом»¹⁶⁵⁵. Депутаты предлагали следующий выход из создавшегося положения: «Те права, которые законом 19 декабря 1911 г. по вопросу об образовании испытательных комиссий, о допущении к экзамену и пр., присвоены министру народного просвещения, должны быть предоставлены и министру торговли и промышленности, и главноуправляющему землеустройством и земледелием по принадлежности. . . »¹⁶⁵⁶

По поводу ситуации, быстро сложившейся с присвоением женщинам ученых степеней и званий, законодатели писали: «Лицам женского пола разрешено получать степени магистра и доктора с правами, присвоенными сим званиям “на ученую и учебную должность, а также на службу в учебных заведениях, согласно устам сих последних” (ст. 12 правил закона 19 декабря 1911 г.). Основная мысль этого постановления ясна, – женщинам, приобретшим звание маги-

должность приват-доцента в одном из российских университетов получила широкий общественный резонанс. Об этом см.: Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. Иваново, 1996.

¹⁶⁵³ Галкин К. Т. Указ. соч. С. 69.

¹⁶⁵⁴ Законодательное предположение о некоторых правах лиц женского пола по ученой и учебной части. 28 марта 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 836. Л. 1–9 об.

¹⁶⁵⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶⁵⁶ Там же.

стра или доктора, должны быть предоставлены все виды деятельности, которыми пользуются мужчины магистры и доктора, а служба, т. е. порядок определения и увольнения, назначения вознаграждения и пенсий должны быть определяемы уставами подлежащих учебных заведений. Что женщины магистры и доктора, по силе ст. 12 правил 19 декабря 1911 г., имеют право на профессорскую деятельность, что оне могут занимать должности профессоров, приват-доцентов, адъюнктов, ассистентов, лаборантов и пр., видно как из приведенного текста ст. 12, так и из того, что лицам женского пола, приобретшим диплом высшего учебного заведения и звание учительницы средних учебных заведений, тем же законом 19 декабря 1911 г. предоставлено право преподавать не только в низших, но и в средних мужских и женских учебных заведениях. Если приобретшей диплом 1 и 2-й степени можно преподавать в средних, то естественно, – совершенно логично указывали депутаты, – приобретшей степень доктора можно преподавать в высших учебных заведениях, в мужских и женских. Ст. 12 не выразила этого категорическим постановлением, и это дает повод к неуверенности и ставит в зависимость от личных взглядов благополучие тех лиц женского пола, которые посвятили свои силы науке. Необходимо устранить повод к этой неопределенности, хотя бы он и казался неосновательным»¹⁶⁵⁷.

Законодатели также обратили внимание на некоторые проблемы, возникшие в связи с неясностями закона и касавшиеся учительниц специальных предметов, таких как рисование, и материального обеспечения учительниц различных типов низших и средних учебных заведений. В итоге интересующие нас пункты предполагаемого закона были сформулированы ими следующим образом: «4. Лица женского пола, приобретшие диплом от высшего учебного заведения, могут быть оставляемы для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности и получать стипендии из сумм, назначенных на сей предмет для лиц мужского пола, и по правилам, установленным для сих последних. Представления о назначении стипендий могут быть вносимы как советом курсов или высших учебных заведений, где обучалась кандидатка, так и теми комиссиями, которые производили испытания по правилам 19 декабря 1911 г.»¹⁶⁵⁸ Если бы этот пункт был принят, то послеуниверситетское образование женщин, являвшееся первой ступенью к профессиональной научной карьере, было бы уравнено с подобным же образованием мужчин, прежде всего в отношении финансовой поддержки, что, конечно, имело бы первостепенное значение. Следующий пункт должен был раз и навсегда рассеять все недоразумения по поводу службы женщин в высших учебных заведениях: «5. Лица женского пола, по правилам, установленным для лиц мужского пола, могут быть утверждаемы во всех должностях по учебной службе в высших мужских и женских правительственных учебных заведениях»¹⁶⁵⁹.

Документ подписали, как мы уже упоминали, 44 депутата, в том числе: Воронков, Милюков, Халамов, Титов, Тевкелев, Гладыш, Волков, Лебедев, Рамот, Родичев, Щепкин, Некрасов, Виноградов, Степанов, Алмазов, Бомаш, Орас, Гамов, Таскин, Пепеляев, Лашкевич, Иванов 1-й, Демидов, Черячукин, Савватеев, Павлинов, Тимофеев, Леванидов, Николаев, Челноков, Салазкин, Добровольский, Афанасьев, Евсеев, отец Попов 1-й, Катанский, Филатов, Ободовский, Ковалевский, Опочинин, Дрибинцев, Караулов, князь Мансырев. Одно имя разобрать не удалось¹⁶⁶⁰. Законодательное предложение было оглашено в заседании Государственной думы 15 апреля 1914 года. Сохранилось обращение нескольких депутатов на имя председателя Государственной думы с просьбой передать его на рассмотрение «по вопросу о желательности

¹⁶⁵⁷ Там же.

¹⁶⁵⁸ Законодательное предположение о некоторых правах лиц женского пола по ученой и учебной части. 28 марта 1914 г. ... Л. 8.

¹⁶⁵⁹ Там же.

¹⁶⁶⁰ Там же. Л. 12.

сти» в комиссию по народному образованию¹⁶⁶¹. Оно также было передано на рассмотрение министра народного просвещения¹⁶⁶². Однако поскольку на этот раз инициатива исходила не от министра народного просвещения, то на этом дело и закончилось. Со временем все еще сохранявшееся к 1914 году юридическое неравенство, конечно, было бы уничтожено окончательно, но вполне возможно, что для этого потребовалось бы еще 50 лет. Сослагательное наклонение, однако, не имеет силы в истории.

Несмотря на то что закон о присвоении женщинам ученых степеней и званий вступил в законную силу и несмотря на все его несовершенства, в период с 1912 по 1917 год целый ряд женщин успел в соответствии с буквой данного закона получить дипломы о высшем образовании, каких-либо значительных последствий он не имел, поскольку срок его жизни оказался очень короток. Уже в самом начале 1918 года пришедшее к власти правительство большевиков приняло целый ряд декретов, касавшихся реформы образования и высшей школы. Среди них было несколько постановлений, впервые предоставлявших женщинам, желавшим получить высшее образование и впоследствии стать профессиональными учеными, равные с мужчинами возможности без каких-либо условий и оговорок. Пункт № 1 Декрета о правилах приема в высшее учебное заведение Российской социалистической федеративной советской республики, подписанный В. И. Лениным 2 августа 1918 года, гласил: «Каждое лицо, *независимо от гражданства и пола*¹⁶⁶³, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы»¹⁶⁶⁴. Видимо, для того, чтобы у заинтересованных лиц не возникло искушения нарушить данное распоряжение, пункт № 3 того же декрета постановлял: «Все учебные заведения Республик на основании декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г. (Собрание Указаний № 38, ст. 499 – прим.), открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного декрета все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала»¹⁶⁶⁵. Еще более важным был декрет от 1 октября 1918 года «о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», в соответствии с которым отменялись ученые степени доктора, магистра, адъюнкта, а «все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества» отменялись. Право же «на занятие профессорской кафедры по всероссийскому конкурсу» впредь предоставлялось «всем лицам, известным своими учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью»¹⁶⁶⁶.

Этот декрет имел несколько последствий. Во-первых, исчезли все привилегии, связанные с учеными степенями, по закону 1911 года все еще недоступные женщинам. Во-вторых, благодаря этому декрету женщины-ученые приобретали юридические права, равные правам мужчин; права, теоретически открывавшие перед ними широкие перспективы карьерного роста, что было практически неосуществимо ранее. Те из них, кто уже обладал многолетним опытом научной работы, пользовался заслуженной известностью в научном сообществе, но, несмотря на это, из-за дискриминационной политики имперского правительства не имел возможности занимать ответственные и руководящие должности в научных и высших учебных заведениях,

¹⁶⁶¹ Обращение депутатов Государственной Думы на имя председателя Государственной Думы. Не ранее 15 апреля 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 836. Л. 16.

¹⁶⁶² Канцелярия Государственной Думы. Обращение к министру народного просвещения. 16 апреля 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 836. Л. 13.

¹⁶⁶³ Курсив наш. — О. В.

¹⁶⁶⁴ Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 138.

¹⁶⁶⁵ Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР... С. 138.

¹⁶⁶⁶ Декрет о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 381.

соответствовавшие их знаниям, умениям и навыкам, в одночасье получили такую возможность. И незамедлительно воспользовались ею. Например, уже 12 марта 1919 года физико-математический факультет I Московского Государственного университета избрал М. В. Павлову профессором по кафедре геологии и минералогии¹⁶⁶⁷. Декрет также предоставил благоприятные возможности и более молодым женщинам, только недавно завершившим свое образование и всего лишь начинавшим карьеру на профессиональном поприще. Так, В. А. Варсанюфьева уже в 1919 году читала доцентский курс неметаллических полезных ископаемых в I МГУ и одновременно состояла лектором Тверского пединститута, где читала курсы геологии и кристаллографии¹⁶⁶⁸. А. А. Глаголева-Аркадьева, окончившая физико-математический факультет Московских Высших женских курсов в 1910 году и проработавшая на них в должности ассистента по кафедре физики около 9 лет, осенью 1919 года объявила самостоятельный курс (рентгенологии) в I МГУ¹⁶⁶⁹. Однако, совершив столь решительный шаг, новая власть, казалось, потеряла всякий интерес к обсуждаемой нами проблеме. Нельзя сказать, что в последующие годы правительство обращало особое внимание на деятельность и успехи (или отсутствие таковых) женщин-ученых, хотя при случае не отказывалось использовать их в пропагандистских целях¹⁶⁷⁰. Например, в ноябре 1936 года в Москве была организована конференция женщин-ученых, сопровождавшаяся подробной выставкой их научных трудов. По решению Мособлкома Союза высшей школы и научных учреждений от 23 ноября 1936 года все материалы конференции были переданы в распоряжение Всесоюзного съезда Советов¹⁶⁷¹. Осенью 1937 года подобная конференция состоялась в Ленинграде¹⁶⁷². Сохранились свидетельства, что такие же конференции прошли и в других городах страны¹⁶⁷³. Данные о количестве в СССР женщин-студенток, женщин – преподавателей высшей школы и научных сотрудников регулярно включались в статистические сборники, носившие ярко выраженный агитационный характер и направленные не только на внутреннего, но и на внешнего (зарубежного) потребителя¹⁶⁷⁴. Известно также, что в течение 20–30-х годов различные правительственные структуры несколько раз собирали статистические сведения о женщинах-ученых. Так, в декабре 1929 года подобную информацию собирал Женотдел ЦК ВКП(б)¹⁶⁷⁵; в 1940 году эту же работу проделало Управление делами Московского областного комитета профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений СССР¹⁶⁷⁶. К сожалению, ни цель, ни результаты этой деятельности в настоящее время установить не удалось.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, более благоприятные, чем в предыдущие исторические периоды, условия, выражавшиеся как в юридическом равноправии, так и в некоторой поддержке правительства, статистические данные свидетельствуют о том, что количество женщин, вступивших на путь профессиональной научной деятельности в нашей стране в 20-е годы XX века, было меньше, чем в дореволюционный период, и постоянно уменьшалось на протяжении всех 20-х годов. Например, по данным ЦК профсоюза работников просвещения

¹⁶⁶⁷ Уведомление декана Физико-математического факультета Московского университета М. В. Павловой об избрании ее профессором по кафедре геологии и минералогии. 13 марта 1919 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 66.

¹⁶⁶⁸ Автобиография Веры Александровны Варсанюфьевой // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 11.

¹⁶⁶⁹ Автобиографии А. А. Глаголевой-Аркадьевой. 1921–1945 // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а. Л. 19а.

¹⁶⁷⁰ См., например, публикации, посвященные женщинам-ученым, в журнале «Огонек» за один только 1927 г.

¹⁶⁷¹ Протоколы заседаний президиума Мособлкома Союза высшей школы и научных учреждений с материалами // ЦГАМО. Ф. 6733. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.

¹⁶⁷² См., например, доклад, сделанный на этой конференции О. А. Добиаш-Рождественской (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л. 1–13 и др.).

¹⁶⁷³ Об этом см.: *Рохлина М. Л.* Смотр работы советских женщин-ученых // Фронт науки и техники. 1937. № 6. С. 107–113.

¹⁶⁷⁴ См., например: *Женщина в СССР. Статистический сборник.* М., 1936. С. 96–115; СССР – страна равноправия женщин. Альбом-выставка. М., 1938. С. 23, 34.

¹⁶⁷⁵ См., например, письмо М. В. Павловой от 2 декабря 1929 г. (Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 70).

¹⁶⁷⁶ См.: ЦГАМО. Ф. 6733. Оп. 2. Д. 14.

СССР от 1930 года, из 2716 опрошенных женщин-ученых 857 человек (или 32,2 %) начали свою профессиональную научную или академическую работу до 1918 года; 744 человека (или 28,1 %) – в 1918–1922 годах; 818 человек (или 30,8 %) – в 1923–1925 годах. и 232 человека (или 8,8 %) – в 1926–1928 годах (65 женщин из числа опрошенных не указали дату)¹⁶⁷⁷. Причины подобного положения пока что не исследованы.

Можно с уверенностью признать, что правительство Российской империи, безусловно, уделяло время и внимание положению и статусу ученых, относя их к числу наиболее привилегированных частей населения империи. Однако попытки женщин проникнуть в этот замкнутый круг в течение длительного времени не вызывали у него (правительства) интереса, поскольку ни в коем случае не были массовыми. Тем не менее стремление гораздо большего количества женщин к профессиональному занятию различными видами интеллектуального труда, выразившееся прежде всего в стремлении к получению высшего образования, не могло пройти незамеченным. Подобное намерение угрожало рано или поздно разрушить «крепостное» положение женщины в семье и в результате грозило стабильности как семьи, так и государства в целом. Исходя из подобных соображений, правительство последовательно, на протяжении многих лет, блокировало доступ российских женщин к получению дипломов высших учебных заведений и, соответственно, к требовавшим высшего образования профессиям, в том числе и к профессиональной научной деятельности. К сожалению, решить проблему, просто игнорируя ее, удастся далеко не всегда. Попытка законсервировать и сохранить в таком виде сословный, построенный по принципу жесткой иерархии социальный строй, при котором каждый гражданин живет в своей очерченной для него с самого рождения ячейке, не выходя за ее пределы, в условиях развивавшейся капиталистической экономики оказалась утопической. В 1900–1910-е годы мы можем наблюдать некоторые изменения, в том числе в законодательстве, сделанные под напором стремительно изменявшейся действительности и приведшие к постепенному увеличению количества женщин, занятых на работе в научных учреждениях и высшей школе, однако не устранившие неравенства и, следовательно, не решившие проблемы. Пришедшее к власти и боровшееся за сохранение этой власти в своих руках правительство большевиков искало союзников и, конечно, не могло обойти вниманием многочисленный, неплохо организованный и очень активный отряд женщин-студенток, чьи симпатии привлечь было так легко, всего лишь позволив им объединить их Высшие женские курсы с университетами. Это был, безусловно, блестящий тактический ход, ничего не стоивший новым властям, но разрубивший, однако, гордиев узел, за который имперское правительство упорно держалось более 50 лет, и привлечший на их сторону немало сторонников. Тем не менее у нас нет оснований утверждать, что новое правительство уделяло какое-то особенное внимание женщинам-ученым, хотя, разумеется, признание политических, экономических, юридических прав женщин одновременно с проводившейся реформой высшей школы дало им некоторые преимущества, которыми они не замедлили воспользоваться. Впоследствии правительство охотно использовало результаты этих усилий в пропагандистских целях, хотя женщина-ученый и была менее удачным объектом для пропаганды, чем, например, женщина-пилот или женщина – капитан дальнего плавания, просто потому, что объяснить смысл деятельности ученого широким массам гораздо труднее. И этим, как нам представляется на сегодняшний день, исчерпывался интерес нового правительства к проблемам женщин-ученых. Однако вполне возможно, что при более тщательном исследовании это утверждение изменится.

---

¹⁶⁷⁷ Научные кадры РСФСР. М., 1930. С. 44.

Часть 5

Немного статистики: данные о российских женщинах-естествоиспытательницах второй половины XIX – начала XX века по материалам съездов русских естествоиспытателей и врачей: 1867–1913 годы

Глава 1

Динамика посещения женщинами съездов русских естествоиспытателей и врачей в период с 1867 по 1913 год

В предыдущих главах мы разобрали многочисленные биографии российских женщин, занятых в естественно-научных исследованиях в XVIII – начале XX века, выявляя типологические признаки, характерные для них всех и (или), наоборот, индивидуальные. Настоящая глава написана на основе анализа статистических данных, извлеченных нами из опубликованных материалов съездов русских естествоиспытателей и врачей, проводившихся на территории Российской империи в период с 1867/1868 и вплоть до 1913 года, которые позволят оценить масштаб вовлечения российских женщин в изучение естественных наук в России во второй половине XIX – начале XX века. В списке официальных участников первого съезда, проходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 года в С.-Петербурге, не было женских имен¹⁶⁷⁸. Однако репортажи журналистов свидетельствуют о том, что женщины присутствовали если не среди участников, то среди зрителей: «Присутствовало с лишком 300 членов съезда, – писала «Московская медицинская газета» в № 1 от 1868 года, – и еще большее число посторонних посетителей, в числе которых до 10 рядов стульев занимали дамы»¹⁶⁷⁹. Где-то среди этих дам была, например, О. А. Федченко, в январе 1868 года вместе со своим супругом А. П. Федченко готовившаяся к их первой совместной экспедиции в Туркестан¹⁶⁸⁰. Однако были среди этих дам не только заинтересованные в успехах естественных наук. Кружок петербургских женщин, начавших борьбу за право российских женщин на высшее образование, апеллировал к съезду, прося у собравшихся поддержки в их начинании. На втором общем заседании съезда 2 января 1868 года делопроизводитель съезда профессор А. Н. Бекетов зачитал записку, присланную «из круга женщин», начинавшуюся словами: «Комитет Съезда русских естествоиспытателей, приглашая принять участие в предстоящих своих занятиях разрозненных деятелей наук, называет Съезд делом общим всем тем, кому дорого распространение естествознания в России. Слова эти позволяют надеяться, что почтенное собрание не откажется принять к сведению голос из той среды русского общества, которая, хотя до сих пор и не имела возможности заявить себя активно на поприще естествознания, но, тем не менее, имеет самые уважительные причины дорожить распространением этой важной отрасли образования, как во имя собственного умственного преуспеяния, так и во имя других, еще более священных интересов.

---

¹⁶⁷⁸ См.: Список членов и деятельных участников 1-го Съезда русских естествоиспытателей // Труды первого Съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб., 1868. С. XV–XXXIV.

¹⁶⁷⁹ Цит. по: *Погожев А. В.* Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России. 1861–1868 г.: Исторический обзор деятельности Съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. С. 70.

¹⁶⁸⁰ *Валькова О. А.* Ольга Александровна Федченко... С. 34.

Среда эта – русские женщины»¹⁶⁸¹. Съезд «выразил сочувствие» к «мыслям, выраженным в записке», однако не считал возможным ее обсудить¹⁶⁸².

Правила проведения съездов русских естествоиспытателей и врачей формально не препятствовали участию в них женщин, и не только в качестве зрительниц. На первый взгляд они были сформулированы таким образом, что пол участников не имел значения: «Членом съезда может быть всякий, кто научно занимается естествознанием; но правами голоса на съезде пользуются только ученые, напечатавшие самостоятельное сочинение или исследование по естественным наукам, и преподаватели сих наук при высших и средних учебных заведениях»¹⁶⁸³. Перечисленные выше условия кажутся вполне разумными. Тем не менее, давая им оценку, следует учитывать, что в конце 60-х годов, когда создавались эти правила, женщины не имели юридического права преподавать в высших учебных заведениях вообще и не имели права преподавать естественно-научные дисциплины в средних учебных заведениях. В то же время неписанные правила поведения благородных дам и девиц (из числа которых вышло большинство первых российских женщин-ученых) предписывали им скромность в поведении, препятствовавшую публикации чего бы то ни было под собственным именем.

Возможно, что именно эти формальные и неформальные ограничения стали причиной того, что среди участников второго съезда, проходившего с 20 по 30 августа 1869 года в Москве, также не было зарегистрированных участников-женщин¹⁶⁸⁴. Но уже в списках третьего съезда, проходившего с 20 по 30 августа 1871 года в Киеве, под № 42 значилось: «Волкова Анна Федоровна, С.-Петербург, химия»¹⁶⁸⁵. Об А. Ф. Волковой (?–1876) известно немного. Известно, что с 1869 года она работала в лаборатории А. Н. Энгельгардта в Петербургском лесном институте, с 1870 года – в лаборатории П. А. Кочубея. В 1870–1872 годах опубликовала целый ряд работ в «Журнале русского химического общества»¹⁶⁸⁶. Можно предположить, что к 1871 году ее имя и работы были хорошо известны в тесном кругу российских химиков, поскольку 23 августа 1871 года на соединенном заседании химической и физической секции съезда под председательством А. М. Бутлерова А. Ф. Волкова была избрана председателем секции на следующее заседание¹⁶⁸⁷. Третье заседание секции 24 августа 1871 года «было открыто А. Ф. Волковой, которая избрана в председатели на соединенном заседании (23-го августа) химической и физической секций»¹⁶⁸⁸. Это было, насколько известно на настоящий момент, первое в истории нашей страны научное заседание, открывшееся под председательством женщины-ученого (председательствовала ли в свое время в научных собраниях княгиня Е. Р. Дашкова, история пока умалчивает). На нем выступали: Д. И. Менделеев, Н. А. Бунге, Н. Н. Бекетов, В. В. Марковников, А. М. Бутлеров, Т. И. Лоначевский-Петруняк и другие¹⁶⁸⁹. На четвертом заседании съезда, 25 августа 1871 года, А. Ф. Волкова выступила с двумя науч-

¹⁶⁸¹ Протокол второго общего заседания. 2 января 1868 г. // Труды первого Съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге... С. 29.

¹⁶⁸² Там же. С. 30.

¹⁶⁸³ Правила для X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Киеве // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1898. № 1. 21 августа. С. 1.

¹⁶⁸⁴ См.: Список членов второго Съезда русских естествоиспытателей 1869 года в Москве // Труды Второго Съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871. С. 33–50.

¹⁶⁸⁵ Список членов третьего Съезда русских естествоиспытателей 1871 года, в Киеве // Труды третьего Съезда русских естествоиспытателей в Киеве, происходившего с 20 по 30 августа 1871 года. Киев, 1873. С. 13.

¹⁶⁸⁶ Подробнее об А. Ф. Волковой см.: *Мусабеков Ю. С.* Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12–13.

¹⁶⁸⁷ Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей / Под ред. проф. П. П. Алексеева. Киев, 1873. С. 7.

¹⁶⁸⁸ Там же.

¹⁶⁸⁹ Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 7–9.

ными докладами, тезисы которых были опубликованы в протоколах съезда¹⁶⁹⁰. Начиная с этого времени и вплоть до 1913 года число женщин – участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей постепенно увеличивалось. Ниже мы впервые приводим точные данные о количестве зарегистрированных женщин – участниц съездов на основе анализа доступных на настоящий момент источников (таблица 1).

Таким образом, начиная с 1871 года женщины были постоянными зарегистрированными участниками съездов русских естествоиспытателей и врачей. С течением времени происходило постепенное увеличение их количества, однако оно не было равномерным. Резкое уменьшение присутствия женщин на некоторых съездах отчасти объясняется географической удаленностью места проведения того или иного съезда, как, например, V Съезда (1876 год) в Варшаве или VII Съезда (1883 год) в Одессе и XIII Съезда (1913 год) в Тифлисе (очевидно, что съезды, проводившиеся в С.-Петербурге и Москве, собирали наибольшее число участниц), а отчасти политической ситуацией в тот или иной период. Так, А. В. Погожев объясняет общую «малоллюдность» V Съезда следующим образом: «Как бы то ни было, V Съезд нельзя не признать, по числу членов, весьма малоллюдным, при сравнении с другими съездами. Без сомнения, это объясняется лишь тем, что съезд происходил в самый разгар Сербской войны», – писал он¹⁶⁹¹. Несмотря на то что, по его собственным словам, А. В. Погожев не располагал всеми опубликованными материалами V Съезда: «К сожалению, мы не могли решительно *нигде*¹⁶⁹² узнать, сколько именно вышло всего выпусков трудов V Съезда и были ли изданы протоколы секционных заседаний»¹⁶⁹³, – его подсчеты количества участников V Съезда полностью совпадают с нашими, составляя 344 человека. Соответственно, V Съезд совсем не являлся самым малоллюдным (см. таблицу). Тем не менее политическая нестабильность, конечно, могла повлиять на уменьшение числа участников съезда обоего пола, и женщин даже в большей степени, чем мужчин. Это, однако, не объясняет почти полное отсутствие на съезде женщин – жительниц Варшавы, для которых посетить заседания съезда не составило бы труда, если бы подобное желание существовало. Возможно, конечно, что не все женщины, участвовавшие в работе Варшавского съезда, были включены в его списки. Так, например, Ю. С. Мусабеков в монографии, посвященной Ю. В. Лермонтовой, пишет: «Юлия Всеволодовна участвовала в съездах русских естествоиспытателей и врачей. Например, в сентябре 1876 года она работала в химической секции V Варшавского съезда»¹⁶⁹⁴. Однако в списках участников съездов ее имени нет. К сожалению, источник сведений Ю. С. Мусабекова в настоящее время неизвестен, но если Ю. В. Лермонтова принимала участие в работе V Съезда, не регистрируясь как его участница, то то же самое могли сделать и другие женщины. Тем не менее это только предположение.

Таблица 1. Женщины – участницы съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913)

¹⁶⁹⁰ «3. А. Ф. Волкова сообщила о новых амидокислотах, полученных ею при действии хлористого бензола на амиды сернокислот. <...>» (Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 9); «4. А. Ф. Волкова сообщила о хлорангидридах амидо-кислот, полученных при нагревании пайных количеств амидо-кислот с пятихлористым фосфором в водяной ванне <...>» (Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 9–10).

¹⁶⁹¹ Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России... С. 163.

¹⁶⁹² Курсив автора. — О. В.

¹⁶⁹³ Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России... С. 162.

¹⁶⁹⁴ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 47.

№ съезда	Дата проведения съезда	Место проведения съезда	Кол-во участников всего	Кол-во участниц-женщин	% женщин-участниц от общего числа участников
1	28.12.1867/4.01.1868	С.-Петербург	465	—	—
2	20.08.1869/30.08.1869	Москва	427	—	—
3	20.08.1871/30.08.1871	Киев	270	1	0,3 %
4	20.08.1873/30.08.1873	Казань	267	14	5 %
5	31.08.1876/9.09.1876	Варшава	344	2	0,5 %
6	20.12.1879/30.12.1879	С.-Петербург	1409	65	4,6 %
7	18.08.1883/28.08.1883	Одесса	674 ¹	21 ²	3,1 %
8	28.12.1889/7.01.1890	С.-Петербург	2210 ³	209	9,5 %
9	декабрь 1893 — январь 1894	Москва	1009 ⁴	90	8,9 %
10	август 1896	Киев	1694	103	6,08 %
11	20.12.1901/30.12.1901	С.-Петербург	4166 ⁵	679	16,3 %
12	28.12.1909/6.01.1910	Москва	5249 ⁶	1208	23,01 %
13	16.06.1913/24.06.1913	Тифлис	3457 ⁷	868	25,1 %

¹ Данная цифра приведена в работе А. В. Погожева. Он пишет, что число участников съезда составляло «около 674 чел[овек]», основываясь на «списке, выданном на съезде каждому из членов его» (см.: *Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России. 1861–1868 г.: Исторический обзор деятельности Съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. С. 231*); в исторической записке «Съезды русских естествоиспытателей и врачей» указана цифра 641 человек (Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1898. № 1. 21 августа. С. 15).

² Данные взяты из таблицы распределения участников VII съезда по профессиям в: *Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России... С. 23–232*, и могут быть неполными.

³ В исторической записке, размещенной в «Дневнике X-го Съезда...» (С. 15), приведена цифра 2224 участника VIII Съезда. К сожалению, нам не удалось обнаружить «9-е дополнение к списку гг. членов VIII-го Съезда», которое может содержать фамилии недостающих участников съезда, однако эта разница не должна значительно повлиять на общую картину.

⁴ Эти цифры получены в результате анализа «Списка членов IX Съезда (по 31 декабря 1893 г.)», опубликованного в: Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 22–55. Есть вероятность, что он является неполным. В исторической записке, опубликованной в «Дневнике X-го Съезда...», приведена цифра 2170 участников, однако обнаружить источник этих данных в настоящее время не удалось.

⁵ Н. Н. Тихонович в статье «Съезды русских естествоиспытателей и врачей» указывает цифру «3200 членов» со ссылкой на «Дневник» XI Съезда (*Тихонович Н. Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 108*). Тем не менее цифры эти не были окончательными. Точная фраза из «Дневника» звучит следующим образом: «Число членов по сегодняшний день достигло небывалой еще цифры: оно более 3200» (Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года). 1901. № 2. 21 декабря. С. 42). Таким образом, количество участников XI съезда, указываемое Н. Н. Тихоновичем, не было окончательным и полным.

⁶ Н. Н. Тихонович для XII Съезда называет цифру «5309 членов» со ссылкой на «Дневник» XII Съезда (*Тихонович Н. Н. Указ. соч. С. 112*). К сожалению, нам не удалось уточнить эту ссылку, поэтому мы не знаем, каким образом получены эти данные. Для нашего исследования мы будем использовать цифры, полученные нами при анализе «Списка членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей» (Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел III. Список членов в трех выпусках. М., 1910. С. 1–146).

⁷ Н. Н. Тихонович для XIII Съезда называет цифру «3522 человека» (*Тихонович Н. Н. Указ. соч. С. 115*). Однако опять-таки нам не удалось восстановить указанную им ссылку на

«Дневник» XIII Съезда и выяснить происхождение этих цифр. Так что, как и в предыдущем случае, мы возьмем за основу данные, полученные при анализе «Списка членов XIII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей» (Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (16–24 июня 1913 г.), издаваемый распорядительным комитетом Съезда. 1913. № 1. С. 1–52) и др.

Рис. 27. Женщины среди участников XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. 1901 г. (С.-Петербургский филиал Архива РАН)

Однако можно с большей долей уверенности допустить, что именно политические причины вызвали уменьшение количества женщин – участниц IX и X съездов (1893/1894 год, Москва и 1896 г., Киев соответственно), и прежде всего закрытие по всей стране в 1886 году Высших женских курсов, оставившее целое поколение девушек без малейшей возможности получить высшее образование на родине. (Исключение составили только Бестужевские курсы в Петербурге, слушательницам которых в результате беспрецедентных усилий попечителей было разрешено окончить курс обучения. Но и здесь прием новых студенток был закрыт вплоть до 1889 года.)

Мы также можем наблюдать постепенное увеличение процента присутствовавших на съездах женщин по отношению к проценту присутствовавших мужчин, однако устойчивый (и весьма значительный) рост этого показателя наблюдался только начиная с XI Съезда (1901 год, С.-Петербург).

Глава 2

Карта проживания участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей на территории Российской империи

Всего в заседаниях III–XIII съездов по данным, доступным на настоящий момент, участвовало в качестве зарегистрированных членов 3260 женщин. Из них только 483 человека (или 14,8 % от общего количества) не указали место своего проживания на момент проведения съезда. Таким образом, у нас есть вполне репрезентативные сведения о месте проживания 85,2 % участниц съездов. Анализ данных о местах проживания участниц съездов свидетельствует о том, что на протяжении III–XIII съездов на них присутствовали женщины из 284 населенных пунктов Российской империи. Из них 55 представляли собой села (18 названий), станции (7 названий), деревни (2 названия), частные имения, почтовые станции, а также другие населенные пункты, расположенные в сельской местности и отмеченные как «станция железной дороги» (в общей сложности 28 названий). Остальные 229 населенных пунктов представляли собой города и городские поселения. Таким образом, большинство женщин, имевших возможность принять участие в работе съездов, были городскими жительницами. Однако сельские территории были представлены более широко, чем мы предполагали предварительно. Особенно это касается XII и XIII съездов.

Ниже мы приводим сводную таблицу распределения географии проживания участниц съездов по городам Российской империи (таблица 2; полный список населенных пунктов, указанных зарегистрированными участницами съездов, см. в Приложении 5)¹⁶⁹⁵.

Верхние строчки в этой таблице занимают всего несколько городов (в хронологическом порядке присоединения их жительниц к участию в работе съездов) (таблица 3).

Из таблицы 3 хорошо видно, что жительницы С.-Петербурга являлись наиболее постоянными и, как правило, многочисленными участницами съездов. Следующей в списке городов по количеству участниц и постоянству их участия стоит Москва. Остальные места распределены между другими городами – хозяевами съездов, все из которых (кроме Тифлиса) являлись одновременно университетскими городами. Помимо городов, принимавших у себя съезды, в «короткий список» городов, чьи жительницы являлись постоянными участницами съездов, вошли Харьков, Воронеж и с 1896 года – Пулково.

Из таблицы также хорошо видно, что жительницы многих городов Центральной России, Юга России, Поволжья стали регулярными участницами съездов начиная с XI Съезда (1901 год).

Следует также отметить, что в целом география расселения женщин – участниц съездов охватывала почти всю территорию Европейской России, начиная от Польши и Прибалтики, за исключением северных районов, таких как Мурманск, Архангельск; Юга России, Кавказских территорий и Закавказья. Совершенно понятно гораздо более редкое участие представительниц различных районов Урала и Сибири как минимум из-за их значительной удаленности от мест проведения съездов, тем не менее жительницы Екатеринбургa, Иркутска, Перми, Томска в разное время участвовали в работе съездов. Нам не удалось обнаружить участниц, заявивших о своем проживании в Забайкальском крае, на Дальнем Востоке, Камчатке.

Города – хозяева съездов особенно интересны для нашего исследования. Число женщин – участниц съезда, проживавших в городе проведения очередного съезда, является одним из

---

¹⁶⁹⁵ Настоящая таблица является неполной. В нее включены населенные пункты, чьи жительницы участвовали хотя бы в трех съездах в числе больше чем один-два человека.

наиболее важных для нас показателей, поскольку в этом случае женщины-резиденты могли стать участницами съезда без значительных финансовых затрат, не отрываясь от работы или от семьи. То есть число ограничений, мешавших им принять участие в работе съезда, существенно уменьшалось. Можно допустить, что на момент проведения в том или ином городе съезда естествоиспытателей и врачей большинство жительниц данного города, заинтересованных в успехах естествознания, могли стать его участницами. Что, в свою очередь, позволит нам достаточно точно определить число женщин-резидентов, интересовавшихся естественными науками на момент проведения съездов. Приведем эти данные в таблице для удобства восприятия (таблица 4).

Таблица 2. Распределение местожительства участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей по территории Российской империи

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Всего участниц	1	14	2	65	—	205	90	103	679	1208	868
	Не указали	0	0	0	0	—	17	6	0	425	33	2
1	Баку									1	3	16
2	Белосток, Гродненский губ.									1	2	2
3	Брянск, Орловской губ.							1			2	1
4	Варшава			2	3				1	3	4	5
5	Владикавказ						1	2				4
6	Вологда							2			3	2
7	Воронеж						2	5	1	1	5	3
8	Екатеринбург, Пермской губ.									1	1	1
9	Екатеринодар, Кубанской обл.						1				2	5
10	Екатеринослав						1			1	2	6
11	Житомир										6	3
12	Иваново-Вознесенск, Владимирской губ.						1				1	2
13	Казань		12					1	1	1	8	7
14	Кауга										6	5
15	Киев						1		40	7	31	20
16	Кишинев								1	1	2	1
17	Козлов, Тамбовской губ.										3	3
18	Москва		1				10	35	9	6	780	95
19	Одесса						3	3	3	2	10	17
20	Пулково								2	3	3	4
21	Санкт-Петербург	1	1		60		139	17	10	198	114	79
22	Смоленск							2		2	1	1
23	Тифлис								1		2	326
24	Новоросийск									1	1	4
25	Нижний Новгород									2	3	
26	Кострома										5	4
27	Новочеркасск						1				1	3
28	Петровско-Разумовское										10	
29	Ревель						1		1			1
30	Рига									1	2	16
31	Рязань										6	6
32	Самара										3	2
33	Саратов										5	3
34	Ставрополь										3	2
35	Сумы, Харьковской губ.						1	2	2			
36	Сызрань, Симбирской губ.							1	1		1	2
37	Тверь							1			6	4
38	Томск										1	3
39	Торжок, Тверской губ.										2	2
40	Тула										5	2
41	Харьков				1		5	3	2		17	21
42	Чернигов						1		2		1	1
43	Эриван											4

Таблица 3. Города Российской империи, представленные наибольшим количеством участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
1	Санкт-Петербург	1	1		60		139	17	10	198	114	79
2	Москва		1				10	35	9	6	780	95
3	Казань		12					1	1	1	8	7
4	Варшава			2	3				1	3	4	5
5	Харьков				1		5	3	2		17	21
6	Киев						1		40	7	31	20
7	Воронеж						2	5	1	1	5	3
8	Пулково								2	3	3	4
9	Тифлис								1		2	326

Таблица 4. Женщины – резиденты городов – хозяев съездов русских естествоиспытателей и врачей

Место проведения съезда	Дата проведения съезда / № съезда	Число участниц съезда — местных резидентов
С.-Петербург	I съезд (1867/1868)	—
	VI съезд (1879)	60
	VIII съезд (1889/1890)	139
	XI съезд (1901)	198
Москва	II съезд (1869)	—
	IX съезд (1893/1894)	35
	XII съезд (1909/1910)	780
Киев	III съезд (1871)	—
	X съезд (1896)	40
Казань	IV съезд (1873)	12
Варшава	V съезд (1876)	2
Одесса	VII съезд (1883)	нет данных
Тифлис	XIII съезд (1913)	326

Наиболее репрезентативные данные содержат сведения, касающиеся С.-Петербурга: в этом городе было проведено четыре съезда русских естествоиспытателей и врачей, в среднем один раз каждые десять лет. Соответственно, у нас есть данные об изменении количества женщин-ученых, проживавших в городе, по десятилетиям на протяжении, в общей сложности, тридцати лет. Таким образом, за период с 1867/1868 по 1879 год число женщин, интересовавшихся (занимавшихся) естественными науками, проживавших в С.-Петербурге и готовых открыто заявить о своих занятиях, официально присоединившись к работе съезда, увеличилось с 0 до 60 человек. За последующее десятилетие с 1879 по 1889/1890 год это число изменилось с 60 до 139 человек, увеличившись более чем в два раза (2,3). В период с 1889/1890 по 1901 год количество петербургских женщин-ученых изменилось со 139 до 198 человек, увеличившись в 1,4 раза. Здесь мы видим значительное замедление роста количества женщин, вовлеченных в работу съездов, по сравнению с предыдущими десятилетиями. Однако эта последняя цифра может быть не совсем точной, поскольку именно большинство участниц XI съезда (62,6 %) не указали свое местожительство.

Москва – второй город по количеству женщин, участвовавших в работе съездов, и стабильности посещения ими съездов. В Москве было проведено три съезда, которые отделяли друг от друга значительные промежутки времени (15 лет и более), соответственно мы не можем получить таких репрезентативных данных, какие имеются в отношении С.-Петербурга. На съезде, проходившем в 1869 году, не было зарегистрированных участников-женщин. Через двадцать пять лет, на съезде 1893/1894 года, присутствовало 35 москвичек. Эти цифры значительно меньше, чем в С.-Петербурге, зато они хорошо коррелируются с 40 киевлянками – участницами съезда 1896 года в Киеве. Возможно, подобную разницу можно объяснить работой на протяжении всего периода в С.-Петербурге Высших женских Бестужевских курсов, привлекавших молодых, профессионально и социально активных женщин, в то время как Московские Высшие женские курсы и московские Лубянские женские курсы были закрыты по распоряжению правительства в 1886 году, так же как и все остальные Высшие женские курсы в стране.

Однако уже следующий проводившийся в Москве съезд является абсолютным рекордсменом по количеству участников из числа женщин – местных резидентов. За период с 1893/1894 по 1909/1910 год, то есть за последующие пятнадцать лет, это число возросло с 35 до 780 человек – в 22,3 раза. Это может быть связано как с открытием в 1901 году Московских Высших женских курсов (и целого ряда других в последующее десятилетие), что должно было притягивать в город молодых женщин, интересовавшихся образованием и наукой, так и с общим увеличением числа женщин – участниц съездов: с 679 человек в 1901 году в С.-Петербурге до 1208 человек в 1909/1910 году в Москве, то есть в 1,8 раза, что, безусловно, являлось отражением более общей тенденции.

Все вышеизложенное можно свести в следующую таблицу (таблица 5).

Таблица 5. Динамика количества женщин – местных резидентов в 1873–1913 гг.

Год	Число женщин — местных резидентов, участниц съездов				
	С.-Петербург	Москва	Киев	Казань	Тифлис
1873				12	
1879	60				
1889/1890	139				
1893/1894		35			
1896			40		
1901	198				
1909/1910		780			
1913					326

Таким образом, число жительниц столичного С.-Петербурга, интересовавшихся новыми научными достижениями в достаточной степени для того, чтобы принять участие в съезде естествоиспытателей, составляло около 60 человек в конце 70-х годов XIX века, приближалось к 150 к концу 80-х годов XIX века и к 200 к концу 90-х годов XIX века (хотя эта последняя цифра может быть занижена). Число их коллег из университетских городов Москвы и Киева к середине 90-х годов составляло около 40 человек в каждом, что, как нам кажется, можно экстраполировать на другие университетские города Российской империи.

В период с 1901 по 1909/1910 год, по-видимому, наблюдался резкий скачок числа женщин, заинтересованных в научной работе и образовании, что отчетливо видно на примере Москвы. Надо заметить, что этот вывод соотносится с данными, собранными в 1930 году ЦК профсоюза работников просвещения СССР, в соответствии с которыми на вопрос о том, когда они начали свою профессиональную научную или академическую работу, из 2716 женщин 857 ответили, что сделали это до 1918 года (что составило 32,2 % от всех опрошенных)¹⁶⁹⁶. Учитывая возрастной фактор, в соответствии с которым большинство женщин 1840–1850-х годов рождения должно было уйти из жизни к 1930 году или прекратить профессиональную деятельность по состоянию здоровья, а также повышенную смертность в период войн начала XX века, можно предположить, что большинство опрошенных вступили на путь профессиональной научной деятельности как раз в исследуемый нами период, то есть с 1901 по 1913 год.

Теперь, когда в нашем распоряжении появились количественные данные о числе женщин (пусть и приблизительном), интересовавшихся естественными науками в Российской империи в 60-е годы XIX века – 10-е годы XX века, а также их месте проживания, хотелось бы найти ответы на вопросы о том, кем они были, то есть об их социальном и профессиональном статусе.

¹⁶⁹⁶ Научные кадры РСФСР. М., 1930. С. 44. Следует отметить, что в это число вошли представительницы как естественных, так и гуманитарных наук.

Глава 3

Социальный и профессиональный статус участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

К большому сожалению, фактов, позволивших бы ответить на вопрос о возрасте участниц съездов, в нашем распоряжении нет. Что касается статуса социального и профессионального, то списки участников съездов русских естествоиспытателей и врачей могут предоставить некоторые данные об этом, хоть и ограниченные. Как мы упоминали выше, заполняя «формуляр» зарегистрированного участника съезда, женщина указывала (или могла указывать) данные о своем происхождении и (или) научном статусе. К сожалению, делали это не все. Данные об этом приводим в следующей таблице (таблица 6).

Таблица 6. Количество участниц съездов, указавших свой социальный/профессиональный статус

№ съезда	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали свой социальный статус/профессию	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
% указавших от общего числа участниц, %	0	100	50	80	80,9	19	26,6	46,6	7,8	62	0

Таким образом, наиболее полные данные о социальном/профессиональном статусе женщин – участниц съездов относятся к IV Съезду (1873, Казань), 100 % участниц которого предоставили подобную информацию, VI Съезду (1879, С.-Петербург) – 80 % указали статус/профессию и XII Съезду (1909/1910, Москва) – 62 %. Информация, касающаяся участниц VII Съезда, крайне ограничена, ее источник – сводная таблица, приведенная в монографии А. В. Погожева «Распределение участников съездов русских натуралистов по профессиям»¹⁶⁹⁷. Участницы XIII Съезда подобную информацию не предоставляли.

Социальное положение женщины в Российской империи изучаемого периода определялось по социальному и (или) профессиональному положению ее отца (для незамужней) или мужа (для замужней и вдовы). Это касалось всех официальных документов, от свидетельств об окончании учебных заведений до завещаний и протоколов полицейских допросов (если такие случались). Так, например, начинался официальный текст, помещенный в аттестат выпускницы гимназии (на примере аттестата В. А. Варсанофьевой): «Ученица Рязанской Мариинской женской гимназии дочь полковника Вера Александровна Варсанофьева при отличном поведении, оказала успехи...»¹⁶⁹⁸ Этому же порядку следовали биографические и энциклопедические издания. Например, биографическая статья, посвященная О. А. Федченко, в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона начиналась следующим образом: «Федченко (Ольга Александровна) – жена А. П. Федченко, дочь проф. московского университета А. О. Армфельда. Род. в 1845 г.»¹⁶⁹⁹

¹⁶⁹⁷ Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России... С. 380. В таблице приведено распределение всех участников съездов по профессиям (мужчин и женщин), к сожалению только для I–VII Съездов.

¹⁶⁹⁸ Варсанофьева В. А. Аттестат об окончании Рязанской Мариинской женской гимназии. 29 мая 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 4719. Л. 118.

¹⁶⁹⁹ Энциклопедический словарь. Т. XXXV / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. С. 421.

Единственный «собственный» документ, свидетельствующий о профессиональном статусе подданной Российской империи» (вплоть до 1909 года), – это свидетельство об окончании женского среднего учебного заведения и о присвоении звания «домашней наставницы» – единственного официального звания, которое присваивалось женщине при условии сдачи положенных экзаменов (еще было звание «женщина-врач», о котором мы будем говорить ниже). Поэтому было бы естественно предположить, что при отсутствии какой-либо собственной профессии и научного статуса женщины в качестве способа самоидентификации должны были указывать профессию и статус своего супруга (профессорша, генеральша), как они делали во всех официальных документах. Однако это предположение не оправдалось. Только ничтожное меньшинство женщин поступало подобным образом, что хорошо видно из нижеследующей таблицы (таблица 7).

Таблица 7. Социальный статус участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

Социальный статус / профессия (супруга)	Число участниц съездов											
	III	IV	V	VI	VII*	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868	
не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868	
указали дворянский титул							3			3		
жена статского советника										1		
жена дворянина										1		
жена личного почетного гражданина										1		
землевладелица								2		1		
жена преподавателя гимназии								1				
жена профессора										4		
жена врача										1		
жена инженера										3		
вдова профессора										1		

* Здесь и в последующих таблицах данные для VII Съезда взяты из: *Погожев А. В.* Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России... С. 231–232.

Таким образом, за все время проведения съездов всего 13 женщин указали, что они чьи-то жены (или вдовы). Казалось бы, из этого можно предположить, что большинство женщин, участвовавших в съездах, были незамужними, но ни одна из них не написала, что она «дочь такого-то». Соответственно, женщины в большинстве своем просто не хотели идентифицировать себя подобным образом. Рассуждая о причинах такой (как оказалось, очень редкой) самоидентификации, можно высказать несколько предположений. 1) Женщины таким образом хотели подчеркнуть свое высокое социальное положение (указание дворянского титула и звания, бюрократического ранга, статуса землевладелицы). 2) Женщины, поступившие подобным образом, всего лишь сопровождали своих супругов, не имея никакой или почти никакой личной заинтересованности в происшедшем событии, так что определить свое положение понятием «жена», в смысле – сопровождающая супруга, было для них естественно. 3) Женщины были раздражены существующим порядком вещей и делали подобную запись как бы «назло» государству, которое юридически рассматривало их как чье-то приложение, а не как самостоятельную личность, чтобы хотя бы косвенно привлечь внимание в данном случае научного сообщества к этой проблеме. Нам кажется, именно по этой последней причине М. В. Павлова (1854–1938) записала во время регистрации на XII Съезде (1909/1910, Москва): «Пав-

лова Мария Васильевна <...> ж[ена] проф[ессора]. Москва, университет»¹⁷⁰⁰, в то время как во время регистрации на других съездах она либо не указывала ничего (VIII, IX, XI Съезды), либо указывала свой научный статус (каким бы он ни был), например: «Д[ействительный] чл[ен] Общ[ества] испытат[елей] природы в Москве» (X Съезд)¹⁷⁰¹.

Возможно, именно желая подчеркнуть их собственное, личное увлечение (в отличие от профессионального или личного интереса их отцов, братьев и мужей) в отсутствие какого-либо официального личного статуса, 10 из 14 участниц IV Съезда (1873, Казань) написали «любительница естествознания». Это единственный съезд, 100 % участниц которого указали свое занятие или статус. Другие профессии участниц IV Съезда распределились следующим образом (таблица 8).

Таблица 8. Профессии участниц IV (1873, Казань) Съезда русских естествоиспытателей и врачей

«Научный» статус / профессия	Количество участниц съезда
любительница естествознания	10
учительница	2
акушерка	1
стенографистка	1

Таким образом, очевидно, что 10 из 14 участниц IV Съезда не имели оплачиваемой работы и (или) не нуждались в ней. Они имели полное право указать свой социальный статус традиционным (общепринятым) в империи способом: «жена...», «дочь...». Однако не сделали этого. Большинство этих женщин (12 человек) были жительницами Казани на момент проведения съезда. Даже самые младшие из них все еще могли принадлежать к тому поколению, в котором среди девочек высших сословий (дворянского, чиновного, военного) преобладало домашнее образование. Соответственно, они могли не иметь даже свидетельств об окончании женской гимназии или Института благородных девиц, не говоря уже о звании «домашней наставницы». (Не то чтобы это было им нужно, если в качестве единственно возможного достойного и успешного жизненного пути для них рассматривалось замужество.) Женские дипломы зарубежных университетов в 1873 году все еще исчислялись единицами. Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете было основано только в 1869 году. К лету 1873 года в его состав входило три женщины (таблица 9)¹⁷⁰².

Таблица 9. Женщины – члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете на момент проведения IV Съезда русских естествоиспытателей и врачей (1873, Казань)

Фамилия женщины — члена общества	Статус в обществе	Год избрания
Безман Юлия Федоровна	член-сотрудник	1870
Хомякова Анна Александровна	действительный член	1871
Красовская Екатерина Николаевна	действительный член	16 марта 1873

¹⁷⁰⁰ Список членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 53.

¹⁷⁰¹ Члены X Съезда // Дневник X Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 457.

¹⁷⁰² Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1894. С. 66, 68, 69; о баллотировке в члены общества А. А. Хомяковой и Е. Н. Красовской см. также: Протокол сорок пятого заседания Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 16 марта 1873 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Четвертый 1872/1873 год. Казань, 1875. С. 5; Протокол двадцатого заседания (Совета) Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 4 февраля 1871 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Казань, 1871.] С. 74.

Из этих женщин только одна – Е. Н. Красовская участвовала в работе IV Съезда¹⁷⁰³. Таким образом, если женщины стремились подчеркнуть свое *личное* желание, свой *личный* интерес, то им не оставалось ничего другого, как написать «любительница естествознания». Заметим в скобках, что Е. Н. Красовская также не сочла нужным указать на свой статус члена Общества естествоиспытателей, написав о себе «любительница естествознания», возможно из солидарности с другими женщинами – участницами съезда.

Однако, как упоминалось выше, для того, чтобы стать зарегистрированным участником съезда, надо было «научно заниматься естествознанием», а для того, чтобы получить на съезде право голоса, надо было либо «напечатать самостоятельное сочинение или исследование по естественным наукам», либо быть преподавателем «сих наук при высших и средних учебных заведениях»¹⁷⁰⁴. Поэтому женщины-участники должны были как-то подтверждать свой «научный» статус.

Надо отметить, что целый ряд участниц съездов указывал для подтверждения научного статуса свое членство в различных научных обществах (таблица 10).

Таблица 10. Членство в научных обществах, указанное для подтверждения научного статуса участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей

«Научный» статус	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
действительный член МОИП*								1		1	
член Варшавского и Петербургского Общества естествоиспытателей									1		
член-сотрудник Общества естествознания в Харькове				1							
член Русского злычического общества				1							
член Российского общества охраны народного здоровья				2							
член ученого отделения Общества распространения технических знаний										1	

* МОИП – Московское общество испытателей природы. — О. В.

Как видно из таблицы 10, большинство указаний на членство в научном обществе приходится на VI Съезд (1879 год, С.-Петербург), период, когда у большинства участниц, по-видимому, не было других способов доказать свою принадлежность к научному сообществу. С другой стороны, не все женщины чувствовали необходимость в подобном «суррогате». Напри-

¹⁷⁰³ Список членов IV Съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873. С. 11.

¹⁷⁰⁴ Некоторые данные о VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. // Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, 28 декабря 1889 г. – 7 января 1890 г. СПб.: СПб. ун-т, 1889. С. 68.

мер, О. А. Федченко, бывшая членом-основателем Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1864 год), его почетным членом (1874 год); членом Императорского Московского общества испытателей природы (1874 год – член-корреспондент, 1891 год – действительный член); Императорского русского географического общества (1877 год – член-сотрудник) и др., ни разу не указала этих фактов в анкетных данных участника съезда¹⁷⁰⁵. Не имея никаких официальных дипломов (кроме свидетельства об окончании Николаевского сиротского института и свидетельства «домашней наставницы»), никакой официальной, «оплачиваемой» работы, О. А. Федченко, принявшая участие в заседаниях как минимум пяти съездов русских естествоиспытателей и врачей (как мы помним, данных о VII Съезде не сохранилось, а на I Съезде О. А. Федченко присутствовала в качестве гостыи, без официальной регистрации), ни разу не указала никакой информации о своем социальном и (или) профессиональном статусе вплоть до XII Съезда, когда она, к этому времени давно уже всемирно известный ученый, впервые получив в 1906 году официальное подтверждение своего научного статуса, с полным правом написала: «Чл[ен]-корреспондент Имп[ераторской] Акад[емии] Наук»¹⁷⁰⁶.

В общем и целом количество упоминаний о членстве женщин в научных обществах в списках зарегистрированных участников съездов русских естествоиспытателей и врачей очень невелико. В этом случае изучаемые нами списки не могут предоставить репрезентативный материал по теме. Для получения информации о членстве российских женщин в научных обществах необходимо будет обратиться к спискам членов этих обществ (в случае их наличия и доступности).

Однако некоторая часть женщин – участниц съездов располагала вполне официальным подтверждением своего научного статуса, например в виде диплома доктора наук, свидетельства об окончании университета (как правило, зарубежного) или (в более поздний период) Высших женских курсов (таблица 11).

Таблица 11. Данные о научном и образовательном статусе участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

---

¹⁷⁰⁵ См.: Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 130; Список членов IX Съезда... С. 50; Члены X Съезда... С. 613; Список членов XI Съезда... С. 49; Список членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 75.

¹⁷⁰⁶ Список членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 75.

Официальный научный статус	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
член-корреспондент Академии наук										1	
доктор					2						
доктор математики				1							
доктор физики				1							
доктор химии						1				2	
доктор Женевского университета										1	
доктор Парижского университета										1	
кандидат С.-Петербургского университета										1	
окончила ВЖК*						8		5		39	
окончила университет								1			
окончила Московский императорский университет										1	
окончила естественный факультет										1	
окончила Парижский и Московский университеты										1	
окончила Парижский университет										1	
слушательница архитектурных курсов										1	
слушательница ВЖК										1	
слушательница Стебутовских высших с.-х. курсов										1	
«домашняя наставница»							1			74	
окончила гимназию										1	

* ВЖК – Высшие женские курсы. — О. В.

Таким образом, за все время проведения съездов, судя по информации, содержащейся в «Списках членов», в них приняла участие одна женщина – член-корреспондент Императорской академии наук; 9 женщин, имевших степень доктора по естественно-научным дисциплинам (за исключением доктора медицины, о чем мы скажем позднее); 52 выпускницы Высших женских курсов (причем это число значительно увеличилось к предпоследнему, XII Съезду); 3 (или 4) выпускницы различных университетов); 75 женщин, имевших звание «домашней наставницы»; несколько студенток различных Высших женских курсов. Эти данные, конечно, неполны.

Как минимум еще одна из участниц съездов – графиня П. С. Уварова – являлась почетным членом Императорской академии наук (с 1894 года), предпочитая, однако, указывать в анкете свой титул, а не научное звание.

Что касается женщин, получивших звание доктора различных естественных наук в зарубежных университетах, то вполне можно предположить, что их число было невелико и не увеличивалось значительно с течением времени. Получение степени доктора медицины имело

вполне практическое значение, чего нельзя было сказать о других естественно-научных дисциплинах. Женщины, нуждавшиеся в профессии, которая позволила бы им зарабатывать на жизнь, искали нечто более практичное, женщины, желавшие заниматься наукой (если они могли позволить себе это), не особенно нуждались в степенях и званиях. Использовать же подобную степень на родине не представлялось возможным вплоть до 1911 года. Примеры «беспольности» женских докторских дипломов были достаточно хорошо известны в обществе уже конца XIX – начала XX века. Пример доктора философии (1874 год), математика С. В. Ковалевской (1850–1891), которую не пригласили даже преподавать на Бестужевских Высших женских курсах в С.-Петербурге, в организации которых она участвовала, несмотря на ее диплом доктора, а также на то, что она нуждалась в постоянном заработке (о чем было известно), очень характерен. Елизавета Федоровна Литвинова (1845–1919) так писала об этой ситуации в 1894 году: «В 1878 году открылись Высшие женские курсы, в учреждении которых Ковалевская вместе с другими, получившими высшее образование за границей, принимала горячее участие. На первом же собрании она была выбрана в число членов комитета. К общему удивлению, ее однако не пригласили читать лекции на курсах, в которых тогда видели начало женского университета. Еще за год до того она заявляла желание читать на курсах бесплатно. Ее несправедливо обошли в этом отношении; она была огорчена и с грустью говорила, что если бы ей предложили занятия на курсах, то это тотчас вывело бы ее из круга житейских интересов, которыми она начинала тяготиться»¹⁷⁰⁷. Описанная история с С. В. Ковалевской, имевшая место в 1878 году, завершилась, как хорошо известно, научной эмиграцией (1884 год) и последующей, вплоть до самой смерти, работой в Стокгольмском университете. Другой доктор философии (около 1875 года, Цюрих), зоолог и эмбриолог Софья Михайловна Переяславцева (1849/1850/1851–1903), которая уже на рубеже XX века умирала с голоду (в прямом смысле слова) и не могла найти никакой работы, кроме случайных переводов, о чем сочувствующие ей не постеснялись напечатать в газете в 1903 году¹⁷⁰⁸, также могла послужить характерным примером абсолютной беспольности для женщин (с практической точки зрения) докторской степени по одной из естественных наук в Российской империи. В наиболее благополучных случаях женщина-доктор просто выходила замуж и постепенно отходила от научной работы, как, например, первая в нашей стране женщина – доктор философии и геологии Евгения Викторовна Соломко-Сотириадис (1862–1898). Она получила степень доктора в 1887 году в Цюрихском университете и в том же году вышла замуж. Как писал Ф. Ю. Левинсон-Лессинг в 1901 году в очерке, посвященном отечественным женщинам-геологам, «замужество Е. В. Соломко до известной степени приостановило ее научную деятельность. Правда, она по поводу случившегося в Греции землетрясения писала в местной периодической прессе о землетрясениях; правда, она собиралась продолжать свои палеонтологические исследования. Но обстоятельства в первые годы замужества складывались, по-видимому, неблагоприятно для этого, в 1898 г. преждевременная смерть положила конец научной деятельности первой русской женщины-геолога, получившей свое геологическое образование в России, благодаря С.-Петербургским Высшим женским курсам»¹⁷⁰⁹. Примером другого более или менее благополучного варианта являлась сама Е. Ф. Литвинова, слова которой о С. В. Ковалевской мы привели выше. Доктор математики, философии и минералогии (Бернский университет, 1878), она большую часть жизни преподавала математику в младших классах женской гимназии, публикуя параллельно статьи по методике обучения математике, очерки (биографические) по истории науки и пр.

¹⁷⁰⁷ Литвинова Е. Ф. С. В. Ковалевская (женщина-математик). Ее жизнь и ученая деятельность. СПб., 1894. С. 48.

¹⁷⁰⁸ О бедственном положении С. М. Переяславцевой см. заметку в газете «Одесский листок» № 272 предположительно за 1903 г. (Заметка из газеты «Одесский листок». [1903]. № 272 // ОР РГБ. Ф. 575. Карт. 2. Д. 14. Л. 9).

¹⁷⁰⁹ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 402.

Ни для того, чтобы быть женой, ни для того, чтобы преподавать в младших классах средней школы, диплом доктора был не нужен. Эта «ненужность» отражалась в посещении женщинами съездов естествоиспытателей. Из женщин, приведенных нами в качестве примеров, С. В. Ковалевская посетила только один, VI Съезд (1879, С.-Петербург), указав, что она «доктор математики Иенского университета»¹⁷¹⁰, так же как и Е. Ф. Литвинова (XI Съезд, 1901, С.-Петербург), не указавшая, что является доктором, не указавшая вообще никаких сведений о себе, кроме того, что собирается посетить заседания секции математики¹⁷¹¹. Е. В. Соломко-Сотириадис не посетила ни одного съезда, хотя в период после получения ею докторской степени и возвращения в Россию в 1887 году и смертью в 1898 году было проведено три съезда (VIII, 1890, С.-Петербург; IX, 1893/1894, Москва; X, 1896, Киев). Причины этого просты: С. В. Ковалевская жила и работала за границей; Е. Ф. Литвинова и Е. В. Соломко-Сотириадис обе, хоть и по разным причинам, фактически отошли от научных занятий в избранных ими в юности областях научного знания. Единственной из приведенных нами в пример женщин, посетившей заседания трех съездов, является С. М. Переяславцева. Она присутствовала на заседаниях VI Съезда (1879, С.-Петербург), VIII Съезда (1889/1890, С.-Петербург), XI Съезда (1901, С.-Петербург). Можно предположить (хотя данные отсутствуют), что она посещала также VII Съезд в Одессе (1883). В отличие от коллег по докторскому диплому С. М. Переяславцевой удалось получить работу по своей специальности в России. С 1878 (официально с 1880) по 1891 год она заведовала Севастопольской биологической станцией, принадлежавшей Новороссийскому Обществу естествоиспытателей¹⁷¹². Она была профессиональным ученым, и посещение съездов входило в круг ее профессиональных интересов. Хотя надо отметить, что, заполняя анкету участника съезда, она ни разу не указала своего «докторского» статуса: «преподаватель» (VI Съезд)¹⁷¹³, «Севастополь, зоологическая станция» (VIII Съезд), – написала она¹⁷¹⁴. Что касается участия в работе XI Съезда, то к этому времени С. М. Переяславцева была безработной, без какого-либо стабильного источника существования; она не числится в официальных списках участников съезда, хотя несомненно участвовала, была почетным председателем секции «зоологии и сравнительной анатомии», а также выступала с докладом¹⁷¹⁵. В отсутствие каких-либо личных документов С. М. Переяславцевой (местонахождение ее архива в настоящее время неизвестно) трудно судить о мотивах посещения ею XI Съезда после многолетнего перерыва. Известно, что она отчаянно пыталась найти работу по специальности, известно также, что научное сообщество старалось выказать свою поддержку и по возможности оказать помощь.

¹⁷¹⁰ Список Членов VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 13.

¹⁷¹¹ Дополнение к списку членов XI Съезда. Приложение к № 11... С. 74.

¹⁷¹² Бляхер Л. Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 181–184.

¹⁷¹³ Список членов VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 21.

¹⁷¹⁴ Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 116.

¹⁷¹⁵ Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 г.). 1901. № 9. С. 409; Указатель речей и докладов, сделанных на XI Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Там же. № 11. С. 745.

Рис. 28. **Портрет С. М. Переяславцевой** (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 гг.). Т. 1. М., 1888)

Об этих попытках помочь подробно рассказывает ученица С. М. Переяславцевой М. А. Кожевникова¹⁷¹⁶. Однако, к сожалению, сочувственное отношение коллег не могло изменить ситуацию кардинально. Как писала М. А. Кожевникова в 1905 году, вскоре после смерти С. М. Переяславцевой, «...затем наступил период такой острой нужды, что я не могу без волнения об этом вспомнить, – он едва ли не стоил жизни Софье Михайловне и отнял у нее большую долю здоровья. Несправедливо думать, что общество и друзья, а друзей у Софьи Михайловны было очень много, она обладала необыкновенным даром привлекать людские сердца, – не захотели помочь Софье Михайловне; нет, они хотели, но это было необыкновенно трудно по свойству ее характера. Дело в том, что она была абсолютно неспособна ни к какой другой деятельно-

---

¹⁷¹⁶ Кожевникова М. Софья Михайловна Переяславцева // *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1905 г. / При участии В. И. Покровского, А. М. Евреиновой, М. А. Кожевниковой. СПб., 1905. С. 386–387.

сти, кроме ученой, и найти ей заработок было крайне трудно. Она представляла собой редкий тип человека, всецело преданного науке, одержимого неутомимой жадой самостоятельного научного исследования и совершенно неспособного к другой работе. Единственно, что она еще могла делать, – научные переводы, но достать их было крайне трудно»¹⁷¹⁷. Помочь С. М. Переславцевой с получением научной оплачиваемой работы ее друзья и коллеги, по-видимому, не могли.

Рис. 29. Портрет М. А. Кожевниковой (Российской) (из книги: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 гг.). Т. 1. М., 1888)

Таким образом, бесполезность «женского» диплома доктора в естественно-научных дисциплинах в Российской империи с практической точки зрения была хорошо известна еще в начале XX века. Это позволяет предположить, что, несмотря на очевидную неполноту, данные о женщинах, имевших степень доктора по философии или какой-то из естественно-научных дисциплин и принявших участие в съездах русских естествоиспытателей и врачей, отражают существовавшую тенденцию. Подобных докторов, живших в России, было крайне мало, и на протяжении второй половины XIX века (начиная с 60-х годов) их число увеличилось незначительно.

---

¹⁷¹⁷ Кожевникова М. Софья Михайловна Переславцева. ... 1905. С. 386–387.

С медицинскими специальностями дело, по-видимому, обстояло иначе. Далее мы приводим таблицу, в которой указано количество женщин – участниц съездов, соотносивших себя с различными медицинскими специальностями (таблица 12).

Таблица 12. Медицинские профессии, указанные участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI*	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
доктор медицины				4		1	1			8	
врач				35	12	5	3	11	9	117	
лекарь										1	
женщина-врач						16		1		3	
военный врач										1	
зубной врач								1		4	
акушерка		1						1	1	2	
медик / ассистент лекаря				1				1		7	
провизор										1	
фельдшер										10	

* В данном случае наши данные расходятся с данными А. В. Погожева. Для VI Съезда он называет 42 женщины-врача (*Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов в России... С. 380*), в то время как, по нашим подсчетам, в VI Съезде приняло участие всего 40 женщин, профессия которых была связана с медициной. Мы предполагаем, что в этом случае в расчеты А. П. Погожева вкралась ошибка.

Первый диплом доктора медицины, хирургии и акушерства был получен русской женщиной, Надеждой Прокофьевной Суловой (1843–1918), по представлении диссертации на тему: «Прибавления к физиологии лимфатических сердец» в медицинский факультет Цюрихского университета в 1867 году. Насколько известно в настоящее время, это был первый в истории диплом «доктора», полученный подданной Российской империи. В 1868 году Н. П. Сулова подтвердила свой заграничный диплом в России, сдав необходимые экзамены на правах иностранного врача, и получила право медицинской практики¹⁷¹⁸. Через девять лет, в 1876 году, впервые в истории Российской империи прошла защита докторской диссертации женщины. Лекарь Варвара Александровна Кашеварова-Руднева (урожденная Нафанова) (1842/1844–1899) успешно защитила диссертацию и получила диплом доктора медицины. Как пишет об этом биограф В. А. Кашеваровой-Рудневой, д. б. н. С. М. Дионесов (1901–1984), «во вторник 25 мая 1876 г. в конференц-зале Медико-хирургической академии состоялся небывалый в истории России диспут: диссертацию на высшую ученую степень защищала женщина. <...> Конференция Академии на основании успешной защиты диссертации признала В. А. Кашеварову-Рудневу доктором медицины и выдала ей диплом. Это был первый диплом на высшую ученую степень, выданный женщине в России. Этим дипломом фактически утверждалось, что женщинам в равной мере с мужчинами доступны вершины науки»¹⁷¹⁹. Однако на этом дело и завершилось, по крайней мере на ближайшие десятилетия.

Как следует из приведенной таблицы, за все время посещения съездов русских естествоиспытателей и врачей в их работе участвовало только 14 женщин, имевших степень док-

¹⁷¹⁸ Подробнее об этом см.: *Тишкин Г. А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 168; Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 151–152.*

¹⁷¹⁹ *Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 68–72.*

тора медицины. Конечно, не все из участвовавших женщин указывали свой статус. Например, Надежда Кузьминична Скворцова-Михайловская (1852–1938), врач-психиатр, доктор медицины Ecole de Medicine (Париж, 1881 год), с 1885 года – врач психиатрической больницы Святого Николая Чудотворца в С.-Петербурге, участвовала только в одном, XI Съезде (1901 год, С.-Петербург) и не указала своего статуса доктора¹⁷²⁰. Ни Н. П. Суслова, ни В. А. Кашеварова-Руднева не участвовали в работе съездов. Фактически диплом доктора медицины с практической точки зрения был для женщины так же бесполезен в России, как и диплом доктора философии или естественных наук. Право медицинской практики можно было получить, имея диплом зарубежного университета, как это сделала Н. П. Суслова, сдав экзамены в качестве иностранного врача. После основания в 1895 году Женского медицинского института в С.-Петербурге, присваивавшего своим выпускницам квалификацию «женщина-врач»¹⁷²¹, в России появились женщины с отечественными дипломами врачей, имевшими право медицинской практики, пусть и с некоторыми ограничениями¹⁷²². Этого было достаточно для получения оплачиваемой работы. Как следует из вышеприведенной таблицы, за время проведения съездов в их работе приняли участие в общей сложности 214 женщин-врачей (не считая 14 докторов медицины). Степень доктора нужна была главным образом для преподавания в высшей школе, а женщины, даже имевшие необходимую степень, к этому допущены не были. Так, например, В. А. Кашеварова-Руднева не смогла получить место преподавательницы на значительно обновленных в 1876 году курсах ученых-акушерок: «Открытие женских врачебных курсов не привело еще женщин к преподаванию на них, – пишет С. М. Дионесов, – и Варвара Александровна после получения докторской степени так и не смогла занять место, на которое она как доктор медицины казалось бы имела право»¹⁷²³. История, идентичная истории С. В. Ковалевской и почти точно соответствующая ей по времени (с разницей около двух лет).

Остальные женщины, указавшие в анкетах съездов медицинские профессии, принадлежали к младшему медицинскому персоналу: зубным врачам, акушеркам, фельдшерам, провизорам. Как видно из таблицы, наибольшую группу из них составляли именно фельдшеры – 10 человек, однако они появились впервые только на XII Съезде. Следует отметить, что число женщин-врачей, участниц съездов, оставалось почти на одном уровне на протяжении всех съездов, с момента их первого появления на VI Съезде (1879 год, С.-Петербург), впервые резко увеличившись к XII Съезду (1909/1910 год, Москва), когда С.-Петербургский женский медицинский институт работал уже на протяжении 15 лет, а также был основан (в 1906 году) и успел начать работу медицинский факультет Московских Высших женских курсов.

В итоге число врачей и младшего медицинского персонала в общей сложности распределилось следующим образом (таблица 13).

Таблица 13. Соотношение представительниц старшего и младшего медицинского персонала среди участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
врачи				39	12	22	4	12	9	130	—
младший медицинский персонал		1		1				3	1	24	—

¹⁷²⁰ Дополнение к списку членов XI Съезда. Приложение к № 11 // Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 г.). 1901. № 11. С. 76.

¹⁷²¹ Впервые квалификация «женщина-врач» начала присваиваться выпускницам С.-Петербургских курсов «ученых акушерок» после 1877 г. с правом ношения специального значка; С. М. Дионесов называет дату 1880 г. (см.: Дионесов С. М. Указ. соч. С. 75–76). Однако уже в 1881 г. деятельность курсов была прекращена.

¹⁷²² 11760. Июня 1. [1895]. Высочайше утвержденное положение о С.-Петербургском Женском медицинском институте // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 15. 1895. СПб., 1899. С. 364–367.

¹⁷²³ Дионесов С. М. Указ. соч. С. 76.

Получается, таким образом, 228 женщин-врачей (включая докторов медицины) и 30 человек, владевших различными профессиями младшего медицинского персонала (в том числе зубных врачей), за все время проведения съездов.

Вторая профессия, представительницы которой принимали постоянное участие в работе съездов, – это профессия учительницы. Из таблицы, приведенной ниже, хорошо видно, что их участие в работе съездов началось раньше, чем участие женщин-врачей (таблица 14).

Таблица 14. Профессия преподавательницы, указанная участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
преподаватель ВЖК										1	
профессор ВЖК										1	
учительница/преподаватель		2	1	5	3	9	15	18	18	353	

Таким образом, впервые преподавательницы (и здесь имеется в виду преподавательница средней школы, народной школы, женских институтов и пансионов, младших классов женских гимназий) приняли участие в работе съездов в 1873 году в Казани. С этого времени их участие в работе съездов было постоянным, хотя и менее многочисленным, чем участие медиков, вплоть до XII съезда в 1909/1910 году (Москва), когда их количество выросло в 19,6 раза по сравнению с предыдущим, XI Съездом (1901 год, С.-Петербург). Подобная работа, однако, не требовала диплома высшего учебного учреждения и тем более ученой степени. Она также обеспечивала весьма скромное жалование, что может объяснить небольшое число женщин-преподавательниц среди участников всех съездов, кроме XII. Из таблицы также хорошо видно, что за все время проведения съездов только одна женщина указала, что является профессором Высших женских курсов, и только еще одна указала на свой статус преподавательницы подобных курсов. Обе – участницы XII Съезда. В целом за время проведения съездов в них приняли участие 424 женщины-преподавательницы. Это почти в два раза больше, чем число женщин-медиков. Однако, повторимся, все это увеличение произошло только к 1909/1910 году.

Можно было бы отметить, что образовательный уровень преподавательниц был ниже образовательного уровня медиков из-за различия в предъявлявшихся профессиональных требованиях. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что к 1909/1910 году немалое число преподавательниц окончило те или иные Высшие женские курсы и, следовательно, реальный уровень их образования соответствовал стандартам высшего (а не среднего) образования при отсутствии официального статуса. Это предположение подтверждается статистикой, собиравшейся Бестужевскими Высшими женскими курсами в С.-Петербурге, о профессиональной занятости их выпускниц. Их данные, привлекавшие внимание многих современников-журналистов, были тщательно проанализированы в 1913 году профессиональным историком, выпускницей Высших женских курсов профессора Герье в Москве, а также активной участницей женского движения Екатериной Николаевной Щепкиной (1854–1938)¹⁷²⁴. Е. Н. Щепкина пишет, что, по данным на 1912 год, «из числа 3995 окончивших <...> удалось собрать сведения о судьбе 3171-й слушательницы. .. Имена окончивших со сведениями о их деятельности разнесены на карточки; по этим карточкам занимающиеся в статистическом бюро, устро-

¹⁷²⁴ О Е. Н. Щепкиной см.: Успенская В. Предисловие (к сожалению краткое) о Екатерине Николаевне Щепкиной (1854–1938) // Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. С. 2–5.

енном на курсах проф. Кауфманом, составили таблицу и графики... Последние свидетельствуют, что главной профессией окончивших С.-Петербургские курсы является преподавание; им занимаются 1567 лиц, то есть 67 % всего числа тех, о ком имеются сведения»¹⁷²⁵. И уточняет далее: «834 лица преподают в женских и мужских гимназиях, коммерческих училищах, институтах и других средне-учебных заведениях»¹⁷²⁶; «614 лиц служат в городских училищах, начальных и высшего типа, технических и др., 76 – в сельских школах. Слушательницы первых ранних выпусков охотно принимали на себя тяжелый труд в деревнях; за последнее время этот род деятельности окончившие курсы берут на себя лишь в виде единичных исключений. 200 лиц довольствуются частными уроками и занятиями в семьях»¹⁷²⁷. Е. Н. Щепкина также отмечает, что 143 выпускницы преподавали в школах для взрослых: на воскресных и вечерних курсах, в классах для рабочих и прочее¹⁷²⁸.

В течение длительного времени профессии медиков и преподавателей являлись единственными указывавшимися женщинами – участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей. Однако среди участников VII Съезда (1883 год, Одесса), по сведениям А. В. Погожева, присутствовала «ассистентка клиники»¹⁷²⁹. Эти данные соответствуют фактам, приведенным в упоминавшейся нами выше работе С. М. Дионесова, посвященной биографии В. А. Кашеваровой-Рудневой. С. М. Дионесов со ссылкой на статью Г. М. Герценштейна «Женские врачебные курсы» в газете «Врач» за 1880 год (№ 34. С. 553; № 35. С. 569) пишет о том, что уже в 1880 году на курсах «ученых акушерок» в качестве ассистентов работало 10 врачей-женщин, ранее окончивших эти самые курсы¹⁷³⁰.

Однако следующее упоминание о женщине – участнице съезда, занимавшей должность ассистента или лаборанта, появляется только через десять лет. В анкете участника IX Съезда (1893/1894 год, Москва) впервые появляется новая для российских женщин профессия участницы съезда – лаборант. Евдокия Александровна Фомина-Жуковская (?–1894), первая россиянка, получившая степень доктора химии Женевского университета (1889)¹⁷³¹, указывает в качестве места своей работы «университет; химическая лаборатория»¹⁷³². Правда, название своей должности она не пишет. По сведениям Николая Александровича Меншуткина (1842–1907), она работала личным ассистентом профессора Владимира Васильевича Марковникова (1838–1904) в период его преподавания в Московском университете¹⁷³³. IX Съезд был единственным, в котором она принимала участие. Н. А. Меншуткин писал об этом: «Во время съезда, в январе 1894 г., хотя она посещала заседания съезда, но была уже серьезно больна. 28 сентября ее не стало»¹⁷³⁴.

Ниже мы приводим данные о женщинах – участницах съездов русских естествоиспытателей и врачей, указавших в анкете участника съезда в качестве своей должности «лаборант» или «ассистент» (таблица 15).

¹⁷²⁵ Щепкина Е. Деятельность окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы // Вестник Европы. Журнал науки – политики – литературы. 1913. № 8. С. 347.

¹⁷²⁶ Там же. С. 348.

¹⁷²⁷ Там же.

¹⁷²⁸ Там же. С. 349.

¹⁷²⁹ Погожев А. В. Двадцатипятилетие естественно-научных съездов... С. 232.

¹⁷³⁰ Дионесов С. М. Указ. соч. С. 76.

¹⁷³¹ Меншуткин Н. А. [Е. А. Фомина-Жуковская. Некролог] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

¹⁷³² Список членов IX Съезда (по 31 декабря 1893 г.) // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 г. М., 1894. С. 55.

¹⁷³³ В. В. Марковников являлся профессором Московского университета с 1873 г. (Марковников Владимир Васильевич // Волков В. А., Куликова М. В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолиграфия, 2003. С. 151–152).

¹⁷³⁴ Меншуткин Н. А. Указ. соч. С. 386.

Таблица 15. Профессии младшего научного персонала, указанные участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
лаборант							1		4	10	
лаборант Палаты мер и весов								1	3		
лаборант (ассистент) В.Ж.К.								1	5	17	
лаборант университета										6	
лаборант Ботаническо го института (университет)										2	
лаборант земской почвенной лаборатории										2	
лаборант с.- х. химической лаборатории Лесного института										1	
лаборант химической лаборатории Технологиче ского (Техн) института										1	
ассистент					1				1	6	
помощник заведующего Зоологическ им музеем Академии наук										1	

Таким образом, мы видим единственную участницу VII Съезда (1883 год, Одесса); никого на VIII Съезде (1889/1890 год, С.-Петербург), вновь единственную участницу IX Съезда в 1893/1894 году (Москва); двух через 2 года на X Съезде (1896 год, Киев); 13 человек через 5 лет на XI Съезде (1901 г., С.-Петербург) и 46 человек еще через 9 лет на XII съезде (1909/1910 год, Москва). Соответственно, за 16 лет (начиная с IX Съезда) количество женщин – участниц съездов, занимавших должности лаборантов и ассистентов в научных и высших учебных учреждениях, выросло в 46 раз. При этом резкий скачок произошел в период между 1896 и 1910 годами. Эта группа женщин интересует нас в наибольшей степени, поскольку именно они не только *интересовались* естественными науками, но и пытались сделать *профессиональную* карьеру в науке.

Среди участниц съездов существовало также некоторое количество женщин, указавших место работы, но не свою должность. Приводим данные о них в нижеследующей таблице (таблица 16).

Таблица 16. Указанные участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей места работы в научных учреждениях

Название учреждения	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
Главная физическая обсерватория									1		
Зоологический музей Академии наук									1		
Лесной институт									1		
Пуджовская обсерватория									2	1	
сотрудник Ботанического сада										4	
сотрудник биологической станции										2	
сотрудник Константиновской обсерватории										1	

Как мы видим, они несколько дополняют информацию о женщинах, занятых в профессиональных научных учреждениях. Если допустить (что, как нам кажется, является вполне корректным), что они также принадлежали к вспомогательному (младшему) научному персоналу, то число женщин лаборантов/ассистентов, участвовавших в XI и XII Съездах, возрастает: до 18 участниц XI Съезда (1901 год, СПб.) и до 54 участниц XII Съезда (1909/1910 год, Москва).

Следует также отметить, что XI и XII Съезды – единственные (данных по XIII Съезду нет), на которых присутствовали женщины, занимавшие руководящие должности в различных учреждениях и организациях, хоть эти случаи и были единичными. Правда, на VIII Съезде (1889/1890 год, С.-Петербург) присутствовала С. М. Переяславцева, являвшаяся в то время заведующей Севастопольской биологической станцией. Однако в анкете участницы съезда она не указала не только своего статуса доктора, как мы упоминали выше, но и должности заведующей. Возможно, причина этого крылась в уже напряженных на тот момент отношениях с руководством Новороссийского общества естествоиспытателей, которому принадлежала станция. Во всяком случае, по словам современного историка биологии С. И. Фокина, уже «в начале 1891 г., – то есть через год после посещения съезда, – Переяславцева, должна была оставить заведование Севастопольской станцией, по-видимому, из-за разногласий по поводу реорганизации работы, возникших с директором станции академиком А. О. Ковалевским (1840–1901)»¹⁷³⁵. Таким образом, в соответствии с актуальными анкетными данными, XI Съезд (1901 год, С.-Петербург) является первым, на котором присутствовала женщина-руководитель. Распределение этих женщин по научным учреждениям приводится в следующей таблице (таблица 17).

Таблица 17. Руководящие должности, указанные участницами XI и XII съездов русских естествоиспытателей и врачей

¹⁷³⁵ Фокин С. И. Софья Михайловна Переяславцева (1851–1903) // Фокин С. И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетей, 2006. С. 217.

Занимаемая должность	Число участниц съезда	
	XI	XII
Всего участниц	679	1208
Не указали	626	457
зав[едующий] ВЖК (?)		1
заведующий губернской земской почвенной лабораторией		1
заведующий Центральной метеорологической станцией Новороссийска	1	
начальница женской гимназии, дворянского института, школы		12

Первой женщиной-заведующей – участницей XI Съезда была Александра Петровна Преображенская (?–1923), заведующая Центральной метеорологической станцией Новороссийска. К сожалению, упоминание о ней отсутствует в монографии Е. С. Селезневой «Первые женщины – геофизики и метеорологи»¹⁷³⁶, посвященной, как следует из названия, первым российским женщинам – профессиональным геофизикам и метеорологам. Нам также не удалось найти работ, специально посвященных ее биографии. В целом доступная в настоящее время информация об А. П. Преображенской крайне скудна. Из «Памятной книжки окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах» известно, что она окончила Физико-математическое отделение курсов с III выпуском, 1884 года¹⁷³⁷. Из этого же источника следует, что ее девичья фамилия была Потулова и что она в год издания книжки «заведовала метеорологической станцией»¹⁷³⁸. В кратком некрологе А. П. Преображенской упоминается, что она «...была одним из старейших работников по метеорологии. Свою работу она начала со времени открытия станции в 1891 и беспрерывно проработала на ней 32 года. Покойная была не только рядовой технической работницей, но известны также ее труды по изучению новороссийской боры»¹⁷³⁹. Одной из работ А. П. Преображенской по изучению новороссийской боры является статья «О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю)». Статья эта опубликована в «Записках Академии наук»¹⁷⁴⁰, отдельным оттиском¹⁷⁴¹, а также в составе книги Г. И. Вилюда «Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в Санкт-Петербурге»¹⁷⁴². То, что А. П. Преображенская занималась научными исследованиями, подтверждает также ее письмо к Еллию Анатольевичу Богданову (1872–1931), преподавателю, а впоследствии профессору Московского сельскохозяйственного института, от 7 января 1895 года, в котором она благодарит его «за присылку рецептов консервирования животных»¹⁷⁴³.

А. П. Преображенская посетила три съезда русских естествоиспытателей подряд: XI (1901 год, С.-Петербург), XII (1909/ 1910 год, Москва) и XIII (1913 год, Тифлис). В анкете участницы XI Съезда помимо того, что является заведующей метеорологической станцией, она указала, что состоит также корреспондентом Николаевской главной физической обсерватории¹⁷⁴⁴. В анкетах двух следующих съездов она указывала только место работы (возможно, в

¹⁷³⁶ Селезнева Е. С. Первые женщины – геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. 184 с.

¹⁷³⁷ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 39.

¹⁷³⁸ Там же.

¹⁷³⁹ А. П. Преображенская. [Некролог] // Метеорологический вестник. 1924. № 2. С. 2.

¹⁷⁴⁰ Преображенская А. П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю) // Записки Академии наук. 1893. Т. 72. Кн. 2.

¹⁷⁴¹ Преображенская А. П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю). СПб.: Тип. Акад. наук, 1893. 8 с.

¹⁷⁴² Преображенская А. П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю) // Вилюд Г. И. Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в Санкт-Петербурге. [СПб., 1893.] С. 8–15.

¹⁷⁴³ Преображенская А. П. Письмо к Е. А. Богданову. 7 января 1895 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 4а. Д. 70. Л. 1.

¹⁷⁴⁴ Список членов XI Съезда // Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). СПб., 1902. № 2. С. 37.

качестве адреса для корреспонденции), но не должность¹⁷⁴⁵. При каких обстоятельствах А. П. Преображенская получила должность заведующей станцией, остается неизвестным. Однако ее профильное образование, длительный стаж работы в указанной должности, а также научные труды свидетельствуют о том, что выбор ее для этой работы оказался удачным и вполне удовлетворял ее руководителей. Из информации, доступной в настоящее время, можно сделать вывод, что она была первой в Российской империи женщиной – заведующей метеорологической станцией.

Нам не удалось расшифровать первую строку таблицы 17: чем именно на Высших женских курсах заведовала женщина, указавшая в анкете «зав. ВЖК, СПб»¹⁷⁴⁶. Ее фамилия О. Б. Покровская¹⁷⁴⁷, и ее нет в известных списках ассистенток/лаборанток Бестужевских высших женских курсов.

Однако имя дамы – участницы XII Съезда, занимавшей должность заведующей губернской почвенной лабораторией города Пскова, известно в истории науки. Ею была Елена Александровна Домрачева (1887–1942/1943?)¹⁷⁴⁸. В биографическом словаре «Женщины-почвоведы», составленном С. А. Сычевой, указана Домрачева Елизавета Александровна¹⁷⁴⁹. Можно предположить опечатку в имени в «Списке членов XII съезда». В краткой биографической заметке, посвященной Е. А. Домрачевой, С. А. Сычева отмечает, что Е. А. Домрачева «работала почвоведом в Псковской губернии»¹⁷⁵⁰. Однако факт заведования лабораторией она не указывает. По сведениям С. А. Сычевой, уже в 1911 году (через год после посещения съезда) Е. А. Домрачева перешла на работу в С.-Петербургский сельскохозяйственный институт¹⁷⁵¹. Всю последующую жизнь она работала в научных и высших учебных заведениях, стала первой в СССР женщиной-профессором в области почвоведения (по данным С. А. Сычевой), заведовала лабораторией, публиковала научные труды в специализированных научных журналах, получила степень кандидата сельскохозяйственных наук¹⁷⁵². Однако заведование псковской лабораторией в первое десятилетие XX века было, по-видимому, кратковременным, и Е. А. Домрачева отказалась от него ради работы в столичном научном институте.

Таким образом, обе дамы, заведовавшие лабораториями к 1910 году, без тени сомнения являлись профессиональными учеными, сохранившими эту профессиональную ориентацию в течение всей жизни. Однако, как следует из таблицы 17, большинство женщин – участниц съездов, занимавшие руководящие должности к 1910 году, – 12 человек – работали в должности руководителей средних женских учебных заведений, что соответствует преобладанию на съезде женщин, являвшихся профессиональными учителями. Однако их процент от общего числа женщин – участниц съездов, заявивших о себе как о профессиональных преподавателях, составил всего 3,4 %.

Помимо указанных выше профессий, участницы съездов называли также некоторые другие занятия и места службы (таблица 18).

---

¹⁷⁴⁵ Список членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел III. Список членов в трех выпусках. Вып. 1. М., 1910. С. 58; Список членов XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (16–24 июня 1913 г.), издаваемый распорядительным комитетом съезда. 1913. № 1. С. 34.

¹⁷⁴⁶ Список Членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Вып. 2. М., 1910. С. 118.

¹⁷⁴⁷ Там же.

¹⁷⁴⁸ Список членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве... С. 22.

¹⁷⁴⁹ Сычева С. А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М.: НИА – Природа, 2003. С. 10, 81 и др.

¹⁷⁵⁰ Сычева С. А. Женщины-почвоведы. ... 2003. С. 81.

¹⁷⁵¹ Там же.

¹⁷⁵² Там же.

Таким образом, женщин, чьи профессии / места службы были никак не связаны ни с научно-исследовательской, ни с медицинской, ни с преподавательской деятельностью, среди участниц съездов были единицы, точнее 6 человек за все время проведения съездов. При этом большинство из них присутствовали на XI (1901 год, С.-Петербург) и XII (1909/1910 год, Москва) съездах.

Таблица 18. Места работы и профессии, не связанные с научной, преподавательской и медицинской деятельностью, указанные участницами съездов

Профессия/должность	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
стенографистка		1									
помощник архитектора										1	
помощница инспектора										1	
управление конной дороги									1		
сотрудник мастерской наглядных пособий по естествоведению при Лиговской народной бесплатной библиотеке-читальне										1	
завод									1		

Ниже мы приводим сводную таблицу наиболее распространенных среди участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей профессий (таблица 19).

Таблица 19. Наиболее распространенные профессии среди участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
преподавательница		2	1	5	3	9	15	18	18	355	—
медицинские профессии		1		40	12	22	4	15	10	154	—
лаборант/ассистент					1		1	2	18	54	—
другое		1							3	17	—

Таким образом, представительницы учительской и медицинской профессий появляются на съездах одновременно в 1873 году (IV Съезд, Казань). Далее преподавательницы присутствуют на всех последующих съездах. Их количество колеблется от 2 до 5 и снова до 3 человек на IV–VII съездах (1873–1883 годы); увеличивается до 9 человек (в 3 раза) на VIII Съезде (1890 год) и затем медленно, но стабильно увеличивается на 5–6 человек от IX к X Съезду (1893/1894–1896 годы); остается одинаковым между X и XI съездами (1896–1901 годы) и резко, в 19,7 раза, увеличивается к XII Съезду (1909/1910 год, Москва).

Представительницы медицинских профессий не участвуют в заседаниях V Съезда (1876 год, Варшава), но зато к следующему, VI Съезду (1879 год, С.-Петербург) их количество увеличивается до 40 человек, то есть в сорок раз по сравнению с IV Съездом. Однако медленного, но стабильного роста в данной профессии мы не наблюдаем. Число женщин-медиков, участниц съездов резко, в 3,3 раза, сокращается уже к VII Съезду (1883 год, Одесса), что, возможно, можно отнести на счет достаточно отдаленного географического места проведения

съезда. Вновь увеличивается до 22 человек на VIII Съезде (1889/1890 год, С.-Петербург), что опять-таки возможно отнести за счет места проведения, и снова резко, в 5,5 раза, уменьшается к IX Съезду (1893/1894 год, Москва), колеблясь в последующие съезды между 15 и 10 участницами. Возможно, одной из причин уменьшения числа представительниц медицинских профессий на съездах русских естествоиспытателей и врачей явилось закрытие в 1881 году единственных в стране курсов, готовивших женщин-врачей, – курсов «ученых акушерок». Число представительниц медицинских профессий среди участниц съездов резко увеличивается на XII Съезде (1909/1910 год, Москва) (так же, как и число преподавательниц): в 15,4 раза по сравнению с предыдущим, XI Съездом.

Женщины, занимавшие должности младшего научного/ вспомогательного персонала в лечебных, научных и высших учебных заведениях, впервые появляются на съездах в 1883 году – на десять лет позднее, чем преподавательницы и медики. И, как мы уже упоминали выше, их число резко увеличивается от X к XI Съезду (1896–1901 годы): от 2 до 18 человек (в 9 раз) и продолжает увеличиваться от XI к XII Съезду (1901–1909/1910 годы): от 18 до 54 человек (в 3 раза). И хоть рост этот достаточно значительный, он намного меньше, чем в двух других профессиях.

Таким образом, резкий скачок в увеличении числа представительниц «научных» профессий начался несколько раньше, в конце 1890-х годов, хоть и был меньше в процентном отношении, чем рост представительниц медицинских и учительских профессий. Резкий скачок в увеличении численности этих последних произошел в 1900-е годы.

На этом исчерпываются данные о количестве, географии проживания, социальном и профессиональном статусе женщин – зарегистрированных участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, которые могут предоставить в распоряжение исследователя «Списки участников съездов». Эти данные, хоть, к сожалению, и неполные, позволяют представить как количество женщин, заинтересованных в изучении естественных наук в Российской империи начиная с 60-х годов XIX века и вплоть до 1910-х годов, так и места их проживания на территории империи; получить представление об их социальном и профессиональном статусе, а также уровне образования.

Проанализировав таким образом, кем были женщины, участвовавшие в заседаниях съездов естествоиспытателей и врачей, сколько их было и где они проживали, мы можем перейти к анализу их научной активности, выяснив, насколько регулярным было посещение съездов женщинами, какие секции их интересовали, а также насколько активным и (или) пассивным было их участие: выступали ли они с докладами, в прениях, входили ли в состав организационных структур съездов.

Глава 4

Данные о регулярности посещения женщинами съездов русских естествоиспытателей и врачей

Сведения о том, насколько регулярно посещались съезды одними и теми же женщинами, должны помочь выявить тех из них, чей интерес к развитию естественных наук не был случайным и сохранялся на протяжении достаточно длительных периодов времени. К сожалению, неизбежно подобные сведения будут неполными, поскольку женщины меняли фамилии, выходя замуж, иногда неоднократно, и выявить эти изменения и даже оценить степень неполноты данных достаточно затруднительно. Из 3260 женщин – зарегистрированных участниц III–XIII Съездов нам удалось выявить 239 человек (приблизительно 7,3 %), которые посетили более одного съезда естествоиспытателей (таблицу выявленных женщин, посетивших более одного съезда, см. в Приложении 6). Из них 202 участвовали в работе 2 съездов; 25 – 3 съездов. Ниже мы приводим список женщин, участвовавших в работе 4 и более съездов (таблица 20)¹⁷⁵³.

Таблица 20. Список участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших по четыре съезда и более

№ п/п	Ф.И.О. участницы съезда	Количество посещенных съездов	Номера посещенных съездов
1	Павлова Мария Васильевна	6	VIII, IX, X, XI, XII, XIII
2	Вагнер Екатерина Николаевна	5	VIII, X, XI, XII, XIII
3	Дряглова Анастасия Степановна	5	VIII, IX, X, XI, XII
4	Максимова Евгения Александровна	5	IX, X, XI, XII, XIII
5	Федченко Ольга Александровна	5	VIII, IX, X, XI, XII
6	Антаева Екатерина Николаевна	4	IX, X, XI, XII
7	Вонгель-Свиндерская (Вонгель) Елена Францевна	4	VI, VIII, IX, XI
8	Новикова Елена Ивановна	4	VIII, IX, XI, XII
9	Жилова Мария Васильевна	4	X, XI, XII, XIII
10	Тихомирова Ольга Осиповна	4	VIII, IX, XI, XII
11	Цветаева Мария Кузьминична	4	VIII, IX, X, XI
12	Шифф Вера Иосифовна	4	VIII, IX, XI, XII

Таким образом, одна женщина – М. В. Павлова – посетила подряд шесть съездов, с VIII по XIII, без единого пропуска; четыре дамы посетили по пять съездов каждая и семь – по четыре съезда. Конечно, обстоятельства личной жизни вмешивались и временами сильно мешали участию в работе съездов несмотря на искреннее желание. Например, О. А. Федченко писала сыну, Б. А. Федченко, 24 октября 1909 года из своего подмосковного имения Ольгино: «Записалась в члены съезда и посылаю завтра 3 р.»¹⁷⁵⁴. Однако ее пожилая няня, вырастившая саму Ольгу Александровну, всех ее братьев и сестер и ее сына, была тяжело больна и нуждалась в постоянном уходе. Уже 30 октября О. А. Федченко писала сыну: «Сомневаюсь, чтобы мне выбраться отсюда (из Ольгино. — О. В.) раньше съезда, да еще попаду ли и на съезд? Сегодня няня неск[олько] раз покашливала и боюсь не простудилась ли...»¹⁷⁵⁵ В тот раз О. А. Федченко удалось «выбраться».

Конечно, говоря о «регулярности» посещения съездов женщинами, необходимо учитывать значительный временной интервал между XI и XII съездами (1901 год, С.-Петербург

¹⁷⁵³ Следует помнить о том, что данных по VII Съезду нет.

¹⁷⁵⁴ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 24 октября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 328 об.

¹⁷⁵⁵ Федченко О. А. Письмо Б. А. Федченко. 30 октября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 332.

и 1910 год, Москва соответственно). За этот промежуток времени, на который пришлось активное развитие высшего женского образования в стране, выросло целое молодое поколение женщин, интересовавшихся развитием наук и, возможно, стремившихся к профессиональной научной карьере. Многие из них физически, в силу своего возраста не могли посещать предыдущие съезды. Но перспектива участия в съездах будущих наполняла их энтузиазмом. Например, Н. М. Субботина писала своему старшему коллеге и другу Н. А. Морозову 12 сентября 1912 года: «И Вы помните ведь, что в августе 1913 г. будет съезд Естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (с 12 до 23-го) со многими интересными геологическими экскурсиями, на который мы собирались с Вами. Он ведь отложен был на год – как раз точно для Вас, и я надеюсь попасть на него с Вами и Кс[енией] Ал[ексеевной]!¹⁷⁵⁶ Как бы чудесно было!!»¹⁷⁵⁷ 25 марта 1913 года она с радостью сообщала Н. А. Морозову: «Получила приглашение на Съезд в Тифлисе. Если к этому времени получу премию, то вот и дело в шляпе!»¹⁷⁵⁸ И, наконец, по завершении работы съезда 3 июля 1913 года: «А я 3 дня назад приехала сюда¹⁷⁵⁹ из Тифлиса, со съезда, совсем там замоталась! Очень было интересно и жаль, что Вы не приехали!»¹⁷⁶⁰

---

¹⁷⁵⁶ Морозова Ксения Алексеевна (1880–1948) – журналистка, переводчица, супруга Н. А. Морозова.

¹⁷⁵⁷ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 12 сентября 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 35 об.

¹⁷⁵⁸ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 25 марта 1913 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 46.

¹⁷⁵⁹ В Евпаторию. — *О. В.*

¹⁷⁶⁰ *Субботина Н. М.* Письмо Н. А. Морозову. 3 июля 1913 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 49 об.

Глава 5

Секции, заседания которых посещали участницы съездов русских естествоиспытателей и врачей

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют также проследить, в работе каких именно секций женщины принимали участие и, соответственно, какие именно отрасли знания их интересовали в наибольшей степени. В нижеследующей таблице мы приводим распределение женщин – участниц съездов по секциям. Но прежде чем переходить к рассмотрению таблицы, необходимо отметить следующее: 1) нередко участники съездов (и женщины, и мужчины) записывались для участия в нескольких секциях, таким образом, число записавшихся на секции может превышать число зарегистрированных участников съезда; 2) секции несколько варьировали свои названия от съезда к съезду, что мы постарались учесть в таблице; 3) отдельные секции распадались на подсекции, что отражено в таблице; 4) количество секций постепенно увеличивалось с течением времени, что также отражено в таблице (таблица 21).

Как уже упоминалось выше, первая секция съезда, в работе которой участвовала женщина, была химической (Волкова А. Ф., III Съезд, 1871 год). Уже на IV Съезде женщины принимали участие в работе всех секций за исключением секции «математики, механики и астрономии». Однако наибольшее их количество участвовало в работе секций «научной медицины» и «антропологии и этнографии» – по 4 человека в каждой. Интерес к антропологии и этнографии может быть объяснен заинтересованностью общества в этих науках в указанный период времени и их возрастающей популярностью. Всего за несколько лет до IV Съезда, в 1867 году, в Москве с успехом прошла первая в стране Этнографическая выставка, материалы которой были опубликованы¹⁷⁶¹. Выставку организовало молодое и очень активное в этот момент Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое числило изучение антропологии и этнографии среди своих приоритетных задач. В печати начали появляться переведенные на русский язык зарубежные работы по антропологии и прочее¹⁷⁶².

Таблица 21. Распределение участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей по научным секциям

---

¹⁷⁶¹ См.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания при Московском университете в 1867 году. М., 1867. 114 с.

¹⁷⁶² См., например: *Вайц Т.* Антропология первобытных народов / Пер. А. П. Федченко. М., 1867. Вып. 1.

Название секции	Число участниц съездов										
	III	IV ¹	V	VI	VII ²	VIII	IX	X	XI	XII	XIII ³
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	0	0	0	4		25	37	22	21	216	280
% указавших от общего числа участников	100	100	100	93,8		87,8	58,9	78,6	96,9	82	67,7
математики, механики, астрономии	—	— ⁴	—	2 ⁵		12	2	1 ⁶ 1 ⁷	20 ⁸ 20 ⁹	131	50
физики	—	1 ¹⁰	—	3		10	2	10	116	223	49
физической географии и метеорологии, воздухоплавания							1 ¹¹	— 3 ¹² 3 ¹³	18 ¹⁴ 1 ¹⁵	278	18
химии	1	1	—	4		16	5	4	87	222	44
минералогии и геологии	—	1 ¹⁶	—	—		2 14	2 2	2 8	40 ¹⁷	138	34
ботаники	—	1 ¹⁸	—	4		23	9	6	66	222	64
зоологии	—	1 ¹⁹	1	2		15	5	2	54 ²⁰	216	66
анатомии и физиологии человека и животных, гистологии и эмбриологии	—	1 ²¹	—	5		15	6	7	84	279	39
географии, этнографии и антропологии и статистики	—	4 ²²	1 ²³			32 —	15 ²⁴ 1	14 ²⁵ 6	97 ²⁶ 2	274	115
географии, этнографии и антропологии и статистики				2 ²⁷		4 1	3 —	5 9	3 42 ²⁸		
агрономии ²⁹						5	2	8	28	51	22
научной медицины	—	4	—	36		44	6	19	159	212	65
научной гигиены ³⁰				5		5	9	7	48	159	16
научной ветеринарии ³¹											4
педагогических вопросов ³²											269

¹ На IV Съезде была организована секция «технологии и практической механики»; зарегистрированных участников-женщин на ней не присутствовало.

² Нет данных. — О. В.

³ Одна участница XIII Съезда указала секцию «биология», что, видимо, следует отнести к секции «ботаники»; еще одна – «естествознание». Эти записи не вошли в состав таблицы.

⁴ На IV Съезде – секция «математики, механики и астрономии».

⁵ На VI Съезде – секция «астрономии и математики».

⁶ На X Съезде – подсекция «математики».

⁷ На X Съезде – подсекция «астрономии».

⁸ На XI Съезде – секция «математики и механики».

⁹ На XI Съезде – секция «астрономии и геодезии».

¹⁰ На IV–VI Съездах – секция «физики и физической географии».

¹¹ На IX Съезде – секция «физической географии и метеорологии».

¹² На X Съезде – секция «метеорологии».

¹³ На X Съезде – подсекция «воздухоплавания».

¹⁴ На XI Съезде – секция «физической географии».

¹⁵ На XI Съезде – секция «метеорологии».

¹⁶ На IV Съезде – секция «минералогии, геологии и палеонтологии».

- ¹⁷ На XI Съезде – секция «геологии и минералогии».
- ¹⁸ На IV Съезде – секция «ботаники, анатомии и физиологии растений».
- ¹⁹ На IV–V съездах – секция «зоологии и сравнительной анатомии».
- ²⁰ На XI Съезде – секция «зоологии и сравнительной анатомии».
- ²¹ На I–XI Съездах – секция «анатомии и физиологии».
- ²² На IV Съезде – секция «антропологии и этнографии».
- ²³ На V Съезде – секция «антропологии и этнографии».
- ²⁴ На IX Съезде – секция «географии».
- ²⁵ На X Съезде – «географии, этнографии и антропологии».
- ²⁶ На XI Съезде – секция «географии».
- ²⁷ На VI Съезде – секция «антропологии».
- ²⁸ На XI Съезде – подсекция «статистики».
- ²⁹ Одна участница XIII Съезда указала секцию «биология», что, видимо, следует отнести к секции «ботаники»; еще одна – «естествознание». Эти записи не вошли в состав таблицы.
- ³⁰ На IV Съезде – секция «математики, механики и астрономии».
- ³¹ На VI Съезде – секция «астрономии и математики».
- ³² На X Съезде – подсекция «математики».

Интерес к научной медицине среди женщин – участниц IV Съезда (1873 год, Казань), однако, не уступал интересу к популярным антропологии и этнографии, хотя только одна из участниц съезда указала в анкете, что является акушеркой. На следующем, V Съезде (1876 год, Варшава) присутствовали всего две женщины, одна из которых также посетила секцию «антропологии и этнографии». VI Съезд (1879 год, С.-Петербург), однако, продемонстрировал огромный разрыв между женщинами, записавшимися для участия в секции «научной медицины», и всеми остальными: 36 человек из 65 – больше половины (55,4 %). Если добавить к этому числу участниц, записавшихся на секции «научной гигиены» и «анатомии и физиологии» – по 5 человек на каждую, то количество женщин – участниц VI Съезда, заинтересованных в науках медико-биологического цикла, увеличится до 46–70,7 % – от числа всех участниц съезда. Оставшиеся 19 участниц распределились почти равномерно между остальными секциями: от 4 человек на секциях «химии» и «ботаники», 3 человек на секции «физики и физической географии» до 2 человек на секциях «астрономии и математики», «зоологии» и «антропологии». Единственная секция VI Съезда, среди участников которой не было зарегистрированных женщин, – секция «минералогии и геологии». Можно предположить, что такое значительное преобладание на VI Съезде женщин, заинтересованных в медицинских науках, сложилось благодаря присутствию слушательниц курсов «ученых акушерок», о которых мы упоминали выше и которые в 1879 году все еще успешно работали, появлению первых российских «женщин-врачей», а также возвращению в страну женщин, получивших дипломы врачей в европейских университетах, чьи судьбы активно обсуждались в прессе.

Секция «научной медицины» продолжала присутствовать в списке лидеров по количеству женщин-участниц и на последующих съездах (хотя не всегда в его первой строчке), но такого значительного разрыва между ней и другими секциями, как на VI Съезде, больше никогда не повторялось. Медицинское образование – первое среди других научных образований в России, позволившее женщинам иметь не только *занятие*, но и *заработок*, но был ли этот «профессиональный» фактор решающим при выборе секции или речь идет о более глубоком (помимо реально доступной профессии) интересе? Ниже мы приводим таблицу соотношения между числом женщин, указавших в анкете участника съезда медицинскую профессию, и чис-

лом женщин, записавшихся для работы в секциях медико-биологического направления (таблица 22).

Таблица 22. Соотношение между числом участниц съездов, имевших медицинские профессии, и количеством женщин, записавшихся в медико-биологические секции

Профессия / название секции	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
имевших медицинские профессии	—	1		40	12	22	4	15	10	154	— ¹
записавшихся в медико-биологические секции ²	—	5		46	— ³	64	21	33	291	650	120

¹ Нет данных по профессиям. — О. В.

² Мы включили сюда секции «научной медицины», «научной гигиены», а также «анатомии и физиологии», на XII и XIII съездах получившей название «анатомии и физиологии человека и животных, гистологии и эмбриологии».

³ Нет данных по секциям. — О. В.

Таким образом, из таблицы хорошо видно, что число женщин, интересовавшихся медико-биологическими науками, было значительно большим, чем количество женщин – профессиональных медиков, присутствовавших на съездах.

Далее мы приводим список секций съездов русских естествоиспытателей и врачей, наиболее посещавшихся женщинами – участницами съездов, в процентах от общего числа женщин – участниц того или иного съезда (таблица 23).

Из таблицы 23 хорошо видно, что начиная с IV Съезда (1873 год, Казань) и вплоть до XI Съезда (1901 год, С.-Петербург) включительно секция «антропологии и этнографии» (с ее немного изменявшимся от съезда к съезду названием) и секция «научной медицины» попеременно (а иногда одновременно) занимали первое место в списке секций съездов, посещавшихся женщинами-участницами. При этом, даже уступив место лидера, секция «антропологии и этнографии» никогда (за исключением VI Съезда) не спускалась ниже второй строки списка. Разрыв между остальными естественно-научными секциями небольшой. Можно сказать, что интерес женщин – участниц съездов достаточно равномерно распределялся между всеми естественно-научными дисциплинами. Среди секций, постоянно присутствовавших во второй-третьей строках списка посещаемости женщинами, – ботаника, научная дисциплина, которая охотно преподавалась девочкам еще в 1-й половине – середине XIX века.

Официальная образовательная доктрина этого периода поощряла увлечение молодых девушек ботаникой: «Из всех естественных наук Ботаника есть та, которая наиболее свойственна для девиц. Они естественно должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и в особенности при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение», – писал принц П. Ольденбургский, автор официально одобренной концепции и программы среднего женского образования в России 1852 года издания¹⁷⁶³. Возможно, благодаря этому общество было несравненно благосклоннее к девочке и молодой девушке, пожелавшей изучать ботанику, чем к той, что увлеклась, например, математикой. По той же программе принца Ольденбургского, то есть с 1852 года, математика преподавалась в женских учебных заведениях следующим образом: «... сначала воспитанницы упражняются в умственном исчислении, и в изучении таблицы умножения; потом, узнав четыре правила с дробями,

¹⁷⁶³ Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 25.

переходят к именованным числам и к решению задач с применением тройного правила, и, наконец, упражняются в ведении приходно-расходных книг, столь необходимых для правильного и бережливого хозяйства, и знакомятся с определением и измерением главных плоскостей тел»¹⁷⁶⁴. Более глубокие знания в данной области для девушки считались излишними. В этом отношении О. А. Федченко повезло несравнимо больше, чем, например, ее младшей современнице С. Ф. Ковалевской. Когда она увлеклась ботаникой в раннем подростковом возрасте, ей не пришлось преодолевать предубеждение окружающих в самом начале своего пути. О. А. Федченко с благодарностью вспоминала помощь и поддержку, которую оказывали ей ее учителя в Николаевском сиротском институте (И. И. Бордюгов и И. Я. Ковалевский), в котором она училась, а также заведующий Зоологическим музеем Московского университета Н. К. Зенгер¹⁷⁶⁵. Ей также не пришлось преодолевать сопротивление семьи. Отец же С. В. Ковалевской, узнав об увлечении дочери алгеброй, счел его настолько неподобающим, что приказал ей немедленно прекратить всякие занятия математикой. «Так как целый день я была под строгим надзором гувернантки, – пишет С. В. Ковалевская в воспоминаниях, – то мне приходилось пускаться в дело хитрость. Идя спать, я, при тусклом свете лампы или ночника, зачитывалась по целым ночам. При таком положении вещей я, разумеется, не смела и мечтать о продолжении правильных занятий моим любимым предметом...»¹⁷⁶⁶ И только настойчивое вмешательство соседа-профессора смогло изменить эту ситуацию¹⁷⁶⁷. Одобрение и поддержка школы и общественного мнения не могли не сказаться на увеличении числа женщин, предпочитавших занятия ботаникой всем другим естественным наукам.

Таблица 23. Секции съездов русских естествоиспытателей и врачей, наиболее посещавшиеся женщинами

Съезд	Наиболее посещаемые секции в % от общего числа женщин — участниц съезда		
	I место по числу женщин-участниц	II место по числу женщин-участниц	III место по числу женщин-участниц
III, Киев 20.08.1871/30.08.1871	химии (100 %)	—	—
IV, Казань 20.08.1873/30.08.1873	этнографии и антропологии / медицины (28,6 %)	—	—
V, Варшава 31.08.1876/9.09.1876	этнографии и антропологии / зоологии (50 %)	—	—
VI, С.-Петербург 20.12.1879/30.12.1879	медицины (55,4 %)	гигиены / анатомии и физиологии (7,7 %)	химии / ботаники (6 %)
VII, Одесса 18.08.1883/28.08.1883	—	—	—
VIII, С.-Петербург 28.12.1889/7.01.1890	медицины (21,4 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (18 %)	ботаники (11,2 %)
IX, Москва декабрь 1893 — январь 1894	географии, этнографии, антропологии, статистики (21 %)	ботаники / гигиены (10 %)	анатомии и физиологии / медицины (6,7 %)
X, Киев август 1896	географии, этнографии, антропологии, статистики (33 %)	медицины (18,4 %)	физики / минералогии и геологии (9,7 %)
XI, С.-Петербург 20.12.1901/30.12.1901	медицины (23,4 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (21,2 %)	физики (17 %)
XII, Москва 28.12.1909/6.01.1910	анатомии и физиологии / физической географии, метеорологии и воздухоплавания (23 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (22,7 %)	физики / химии / ботаники (18,5 %)
XIII, Тифлис 16.06.1913/24.06.1913	педагогических вопросов (31 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (13,2 %)	зоологии / медицины / ботаники (7,6 %)

В третьей строчке списка также периодически появляется химическая секция. Химия, одна из дисциплин естественно-научного цикла (наравне с медициной), позволяла женщинам, в ней специализировавшимся, надеяться на получение оплачиваемой работы, хоть, как правило, и не в научных учреждениях. Этот факт был признан в 1900 году даже на правительственном уровне. В докладе Департамента промышленности, наук и торговли Министерства

¹⁷⁶⁴ *Ольденбургский П.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 27.

¹⁷⁶⁵ *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

¹⁷⁶⁶ *Ковалевская С. В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.; Л., 1945. С. 125.

¹⁷⁶⁷ Там же.

народного просвещения от 19 января 1900 года, зачитанном в присутствии министра народного просвещения, помимо прочего говорилось: «...на специалисток по химии существует большой спрос в различного рода фабриках...»¹⁷⁶⁸

Наконец, впервые в 1896 году (X Съезд, Киев) на третьем месте в списке наиболее посещавшихся женщинами секций съездов появилась физика. И оставалась там постоянно (за исключением XIII Съезда). Этот факт вполне соответствует стремительному развитию физики этого периода, увлекавшему за собой немало молодых ученых, по-видимому, и вопреки традиционному мнению, – обоего пола.

На последнем, XIII Съезде (1913 год, Тифлис) наиболее посещаемой, причем с достаточно большим отрывом, стала вновь созданная секция «педагогических вопросов», на заседаниях которой обсуждались проблемы преподавания естественных наук. О легитимности этого показателя судить трудно. С одной стороны, Тифлис – город достаточно отдаленный от многих территорий Российской империи, что, по нашему мнению, обусловило вообще меньшее количество участников съезда и, как следствие, присутствие большей доли местных жителей, для которых съезд являлся событием не только научным, но и светским. Так, из 868 женщин-участниц 326 (или 37,5 %) являлись местными жительницами. Если добавить к ним резидентов ближайших городков и районов, то это число еще увеличится. Трудно предположить, что все они с той или иной мерой профессионализма были вовлечены в занятия естественными науками. Но, без сомнения, большинство из них сталкивалось с проблемами образования. Кроме того, в нашем распоряжении, к сожалению, нет данных о профессиональной занятости участниц XIII Съезда, но мы знаем из приведенной выше таблицы, что на предыдущем, XII Съезде (1909/1910 год, Москва) учительские профессии преобладали среди всех женских профессий. Если тенденция увеличения числа женщин-преподавательниц сохранилась и на XIII Съезде, то это может объяснить их заинтересованность в секции «педагогических вопросов».

---

¹⁷⁶⁸ Выписка из журнала Департамента промышленности, наук и торговли от 19 января 1900 г., за № 74 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 746.

Глава 6

Женщины-докладчики на съездах русских естествоиспытателей и врачей

Таким образом, проанализировав данные о регистрации женщин на заседания тех или иных секций съездов русских естествоиспытателей и врачей, мы получили информацию о научных дисциплинах, которым отдавали приоритет российские женщины в период с 1871 по 1913 год, а также об изменениях, происходивших в данной области в указанный период времени. Нам осталось проанализировать последний аспект участия женщин в съездах, а именно характер их участия: принимали ли они участие в организации съездов; были ли они простыми зрительницами на заседаниях; выступали ли с докладами, и если да, то на заседаниях каких секций; участвовали ли в прениях, а также как их поведение воспринималось другими участниками съездов. Наш основной источник информации – «Списки участников съездов» – не содержит сведений по данным вопросам. Однако она может быть извлечена из других опубликованных документов съездов, прежде всего «указателей сообщений», сделанных на том или ином съезде. К сожалению, подобные указатели были выявлены не для всех интересующих нас съездов (то есть тех съездов, среди участников которых были женщины). Перечисленные нами документы содержат однотипную информацию, а именно фамилию, имя, отчество (в «алфавитных указателях» эти две последние характеристики, как правило, сокращены до инициалов) участницы съезда, название доклада, номер страницы «Дневника» съезда, на которой опубликован автореферат, что представляет устойчивый формуляр для сбора статистических данных. Таким образом, для выявления статистической информации о характере участия женщин в заседаниях съездов русских естествоиспытателей и врачей нами были проанализированы следующие опубликованные документы:

1) Указатель сообщений, сделанных на VI-ом съезде Русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 309–317;

2) [Программа заседаний VIII съезда] // VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. С.-Петербург: Тип. В. Демакова, 1890;

3) Список заявленных сообщений // Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18;

4) Алфавитный список докладов и речей, бывших на X Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Дневник X-го съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. 1898. № 10. 30 августа. С. I–XVIII;

5) Указатель речей и докладов, сделанных на XI Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XI-го съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). СПб., 1902. № 11. С. 739–748;

6) Указатель речей, докладов и рефератов, сделанных на XII Съезде Русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 722–734;

7) Алфавитный указатель речей, докладов и рефератов, сделанных на XIII Съезде Русских Естествоиспытателей и Врачей в Тифлисе // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. № 1–10. С. VIII–XXVII (оглавление).

На основании выявленных и проанализированных данных нами была составлена следующая таблица (таблица 24).

Таблица 24. Научные доклады, сделанные участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей

Съезд	Всего докладов	Женских докладов	% женских докладов	Фамилии докладчиц	Секции
III, 1871, Киев	146 ¹	2	1,4	Волкова А. Ф. Волкова А. Ф.	химии
IV, 1873, Казань	133 ²	—	—	—	—
V, 1876, Варшава	—	—	—	—	—
VI, 1879, С.-Петербург	219 ³	3	1,3	Ковалевская С. В. Манасина М. М. Переяславцева С. М.	астрономии и математики анатомии и физиологии зоологии
VII, 1883, Одесса	212 ⁴	—	—	—	—
VIII, 1889/1890, С.-Петербург	392 ⁵	6	1,5	Кальчикова А. М. Переяславцева С. М. Переяславцева С. М. Переяславцева С. М. Тихомирова О. О. Тихомирова О. О.	географии и антропологии зоологии
IX, 1893/1894, Москва ⁶	166 ⁷	3	1,8	Тихомирова О. О. Павлова М. В. Леонова О. В.	зоологии минералогии и геологии анатомии и физиологии
X, 1896, Киев	392 ⁸	3	0,8	Косач О. П. Потпер О. М. (совместно с Густавсоном Г. Г.) Кауфман Л. Э.	географии, антропологии и этнографии химии химии
XI, 1901, С.-Петербург	340 ⁹	9	2,6	Гернет Н. Н. Литвинова Е. Ф. Тихомирова О. О. Данненберг Л. А. Зибер-Шумова Н. О. Павлова М. В. Павлова М. В. Переяславцева С. М. Преображенская А. П.	математики и механики зоологии научной медицины геологии геологии ботаники физической географии
XII, 1909/1910, Москва	642	13	2,02	Аладина М. А. Бальц В. А. Васюнова М. М. Коновалова В. К. Платковская В. М. Гернет Н. Н. Данчакова В. М. Домрачева Е. А. Клепшина Н. Н. Миссуна А. Б. Павлова М. В. Павлова М. В.	анатомии и физиологии физической географии и метеорологии химии математики зоологии растениеводства географии геологии и минералогии 1. отдельная речь; 2. минералогии и геологии
XIII, 1913, Тифлис	386	6	1,55	Завалишина М. Д. Ковшарова Т. В. Нагибина М. П. Преображенская М. П. Субботина Н. М. Румянцева Н. П.	антропологии химии ботаники астрономии физико-математического отдела секции педагогических вопросов

¹ Данные взяты из: *Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 100.

² Данные взяты из: см. предыдущую сноску.

³ Н. Н. Тихонович пишет, что на съезде «было сделано 346 сообщений и предложений» (*Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 102). Он не указывает никаких источников этих данных. Можно предположить, что они заимствованы из монографии А. В. Погожева, который называет эту же цифру (*Погожев А. В.* Указ. соч. С. 170). Тем не менее для нашего исследования мы будем использовать результаты наших собственных вычислений, основанные на сведениях, извлеченных из «Указателя сообщений, сделанных на VI-ом Съезде русских естествоиспытателей и врачей» // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 309–317.

⁴ Данные взяты из: *Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 103.

⁵ Сведения взяты из: *Докучаев В. В.* Отчет о VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. С.-Петербург: Тип. В. Демакова, 1890. С. LXXVII.

⁶ Данные взяты из списка заявленных докладов. См.: Список заявленных сообщений // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18.

⁷ Н. Н. Тихонович пишет: «Число заслушанных докладов и сообщений достигло 395» (*Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 105). Но для нашего исследования мы будем использовать данные, полученные в результате анализа «Списка заявленных сообщений» (Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18). К сожалению, «Алфавитный указатель сделанных докладов» для этого съезда обнаружить не удалось.

⁸ Н. Н. Тихонович со ссылкой на «Дневник» X Съезда пишет, что было «заслушано 382 научных доклада» (*Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 107). Однако, как и в предыдущих случаях, эта цифра не является результатом личного анализа автора, поэтому для нашего исследования мы будем использовать собственные данные, считая их более точными.

⁹ Н. Н. Тихонович называет цифру «567 научных докладов» (*Тихонович Н. Н.* Указ. соч. С. 108). См. предыдущую сноску.

Из таблицы 24 хорошо видно, что процент женщин, выступавших с докладами на съездах русских естествоиспытателей и врачей, по отношению к общему числу докладчиков был очень маленьким и оставался таковым на всем протяжении исследуемого периода. Вместе с тем в период с VI (1879 год, С.-Петербург) по IX (1893/1894 год, Москва) Съезда этот показатель очень медленно, но стабильно увеличивался. X Съезд (1896 год, Киев), однако, продемонстрировал резкое уменьшение данного показателя. На XI Съезде (1901 год, С.-Петербург) процент женщин-докладчиц от общего числа докладчиков вновь увеличился, достигнув числа 2,6 %. Тем не менее это увеличение не превратилось в тенденцию: на последующих съездах данный показатель неуклонно снижался. Процент женщин-докладчиц от общего числа женщин – участниц съездов также был небольшим, как это видно из таблицы 25.

Таблица 25. Процентное соотношение женщин-докладчиц в общем количестве докладов, сделанных на съездах русских естествоиспытателей и врачей

№ съезда	Год проведения съезда	Место проведения съезда	% женщин от общего числа участников съезда	% женщин-докладчиц от общего числа докладчиков	% женщин-докладчиц от общего числа женщин – участниц съезда
III	1871	Киев	0,3 %	?	200 %
IV	1873	Казань	5 %	—	—
V	1876	Варшава	0,5 %	—	—
VI	1879	С.-Петербург	4,6 %	1,3 %	4,6 %
VII	1883	Одесса	3,1 %	?	—
VIII	1889/1890	С.-Петербург	9,5 %	1,5 %	2,9 %
IX	1893/1894	Москва	8,9 %	1,8 %	3,3 %
X	1896	Киев	6,08 %	0,8 %	2,9 %
XI	1901	С.-Петербург	16,3 %	2,4 %	1,3 %
XII	1909/1910	Москва	23,01 %	2,02 %	1,07 %
XIII	1913	Тифлис	25,1 %	1,55 %	0,7 %

Если не учитывать показатели III Съезда, то наибольший процент женщин, выступавших с докладами, по отношению к общему количеству женщин – участниц съездов был зарегистрирован в 1879 году на VI Съезде в С.-Петербурге. Далее почти без исключений (кроме IX Съезда 1894 года в Москве) этот показатель неуклонно снижался. Особенно хорошо эта тенденция заметна в период с XI по XIII Съезд, когда общий процент женщин – участниц съездов значи-

тельно вырос, составив на XIII Съезде (1913 год, Тифлис) 25,1 % от общего числа участников съезда. Объясняя причины этой тенденции, можно сделать два предположения. Во-первых, можно предположить, что число женщин – участниц последних трех съездов увеличивалось преимущественно за счет недавних выпускниц и отчасти слушательниц Высших женских курсов, большинство которых в силу своей молодости еще не имело ни материалов для серьезных научных докладов, ни уверенности в себе, необходимой для выступления на таком представительном форуме. Хотя необходимо отметить, что нами было выявлено несколько докладов, сделанных на поздних (по времени проведения) съездах слушательницами или выпускницами (предположительно недавними) Высших женских курсов, например доклад Т. В. Ковшаровой на XIII Съезде (1913 год, Тифлис), так же как и 2 доклада, сделанные совместно с профессорами. Это доклад О. М. Поппер совместно с Г. Густавсоном¹⁷⁶⁹ на X Съезде (1896 год, Киев) и доклад В. К. Коноваловой совместно с В. В. Челинцевым¹⁷⁷⁰ на XII Съезде (1909/1910 год, Москва).

Во-вторых, можно допустить, что значительное увеличение присутствия женщин сделало их заметными среди других участников съездов, что вызвало (возможно, подсознательное) сопротивление научного сообщества против намечавшейся угрозы конкуренции за рабочие места, особенно после принятия закона 1911 года, позволившего женщинам получать научные степени и звания и, соответственно, добиваться профессорских мест в высших учебных заведениях империи¹⁷⁷¹.

По отраслям научного знания доклады, сделанные женщинами на съездах русских естествоиспытателей и врачей, распределились следующим образом (таблица 26).

Таблица 26. Распределение докладов участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей по секциям съездов

Название секции	Количество «женских» докладов	№ съезда
анатомии и физиологии	3	VI, IX, XII,
ботаники	2	XI, XIII
географии, этнографии и антропологии	5	VIII, X, XII (2 доклада), XIII
зоологии	9	VI, VIII (5 докладов), IX, XI, XII
математики, механики, астрономии	5	VI, XI (2 доклада), XII, XIII
минералогии и геологии	6	IX, XI (2 доклада), XII (3 доклада)
научной медицины	3	IX, XI (2 доклада)
педагогических вопросов	1	XIII
растениеводства (агрономии)	1	XII
физической географии и метеорологии	2	XI, XII
химии	8	III (2 доклада), X (2 доклада), XII (3 доклада), XIII
Итого:	45	

Как видно из таблицы 26, первое место как по количеству сделанных женщинами докладов, так и по количеству съездов, на которых заслушивались эти доклады, занимает секция зоологии. Совсем немного отстает от нее секция химии. Третье место принадлежит секции минералогии и геологии. Если мы сравним эти цифры с данными из таблицы 25, то увидим, что все эти три секции никогда не входили в число наиболее посещаемых женщинами – участницами съездов и только иногда появлялись на третьей строчке этого списка. Таким образом, данные свидетельствуют о том, что научные интересы основной массы женщин, участвовавших

¹⁷⁶⁹ Густавсон Гаврил Гаврилович (1842–1908) – химик-органик, агрохимик, член-корреспондент Императорской Академии наук по физическому разряду физико-математического отделения с 3 декабря 1894 г.; преподаватель химии на Высших женских курсах в С.-Петербурге.

¹⁷⁷⁰ Челинцев Владимир Васильевич (1877–1947) – химик-органик, член-корреспондент АН СССР по отделению математических и естественных наук с 1 февраля 1933 г.

¹⁷⁷¹ Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений. 30 декабря 1911 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300 (Ст. 36226).

в работе съездов, и женщин, готовых публично озвучивать результаты своих научных исследований, несколько отличались. Анализируя информацию о женщинах, выступавших с докладами более чем на одном съезде, можно выявить небольшую группу наиболее мотивированных или, возможно, наиболее ориентированных на официальную научную карьеру женщин (таблица 27).

Всего нами выявлено четыре женщины за всю историю съездов, выступивших с докладами на двух или на трех съездах. Из них С. М. Переяславцева и Н. Н. Гернет выступали на всех съездах, в работе которых они принимали участие. О С. М. Переяславцевой мы упоминали выше. Надежда Николаевна Гернет (1877–1943) принадлежала к более молодому поколению, чем С. М. Переяславцева, но так же, как и ее старшая коллега, упорно пыталась сделать профессиональную научную карьеру. Она окончила Бестужевские Высшие женские курсы по математическому разряду физико-математического отделения в 1898 году. С 1900 года руководила занятиями слушательниц ВЖК по математике; получила степень доктора чистой математики Геттингенского университета¹⁷⁷². В 1915 году в Московском университете защитила диссертацию на степень магистра¹⁷⁷³ и была избрана профессором Высших женских курсов¹⁷⁷⁴. Впоследствии работала в Ленинградском государственном университете и Ленинградском индустриальном институте.

Таблица 27. Список участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших с докладами на двух и более съездах

Ф.И.О.	№ съезда	Год проведения съезда	Место проведения съезда	Название секции	Другие съезды, в которых участвовали докладчицы (без выступлений)
Гернет Н.Н.	XI	1901	С.-Петербург	математики и механики	—
	XII	1909/1910	Москва	1-я математики	
Павлова М.В.	IX	1893/1894	Москва	минералогии и геологии	VIII, XIII
	XI	1901	С.-Петербург		
	XII	1909/1910	Москва		
Переяславцева С.М.	VI	1879	С.-Петербург	зоологии	—
	VIII	1889/1890	С.-Петербург	зоологии	
	XI	1901	С.-Петербург	ботаники	
Тихомирова О.О.	VIII	1889/1890	С.-Петербург	зоологии	XII
	IX	1893/1894	Москва	зоологии	
	XI	1901	С.-Петербург	зоологии	

Надо также отметить, что некоторые женщины выступали на одном съезде более чем с одним сообщением. Далее мы приведем небольшую таблицу с именами женщин, выступивших с двумя и более докладами (таблица 28).

Таблица 28. Список участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших с двумя и более докладами

№	Ф.И.О.	Количество сделанных докладов	№ съезда
1	Переяславцева С.М. (1849/1850/1851–1903)	5	VI, VIII, XI
2	Павлова М.В. (1854–1938)	5	IX, XI, XII
3	Тихомирова О.О. (?–?)	4	VIII, IX, XI
4	Волкова А.Ф. (?–1876)	2	III
5	Гернет Н.Н. (1877–1943)	2	XI, XII

Таким образом, из 45 выявленных нами докладов, сделанных женщинами за всю историю проведения съездов русских естествоиспытателей и врачей, 14 докладов (или 31 %) приходится всего на трех женщин. Пять женщин из вышеприведенной таблицы, неоднократно выступав-

¹⁷⁷² Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 130.

¹⁷⁷³ Об этом см.: Без загл. // Женский вестник. 1915. № 4. С. 96.

¹⁷⁷⁴ См.: На Высших женских курсах // Новое время. 1915. 7 июня. С. 5; Без загл. // Женский вестник. 1915. № 7–8. С. 148.

ших с докладами на съездах, представляют по крайней мере два разных поколения российских женщин-ученых. Все они за исключением А. Ф. Волковой, по-видимому рано умершей, доступных сведений о биографии которой недостаточно для того, чтобы сделать какие-либо выводы, и О. О. Тихомировой, о которой известно еще меньше, были не просто известными и признанными учеными, а профессиональными учеными. С. М. Переяславцева – одна из первых женщин не только России, но и Европы, получившая степень доктора и первая в Российской империи женщина – заведующая научным учреждением; ее младшая современница М. В. Павлова, окончившая Сорбонну, остававшаяся в течение многих лет в статусе «любительницы», впоследствии – почетный доктор, профессор, заведующая кафедрой и, наконец, академик АН СССР; наконец, Н. Н. Гернет, также выпускница Высших женских курсов, доктор Геттингенского университета, далее магистр, профессор и преподаватель высших учебных заведений. Все они имеют опубликованные научные труды, научное значение которых признано как современниками, так и впоследствии историками науки. Про Ольгу Осиповну Тихомирову на настоящий момент известно, к сожалению, чрезвычайно мало. Она была супругой Александра Андреевича Тихомирова (1850–1931), доктора зоологии, ректора Московского университета. Андрей Белый в своих воспоминаниях мимоходом обронил о ней фразу: «... Ольга Осиповна, жена его (Тихомирова А. А. — О. В.) была милая дама...»¹⁷⁷⁵ В период с 1894 по 1916 год она опубликовала ряд работ по шелководству, начиная с небольшой брошюры «Как разводить шелковичных червей»¹⁷⁷⁶ и до трехтомного издания, посвященного тому же предмету, под названием «Практика шелководства»¹⁷⁷⁷. Одна из этих работ была опубликована совместно с ее супругом, занимавшимся изучением близких вопросов: «Учебная выкормка шелковичного червя»¹⁷⁷⁸. Тем не менее для того, чтобы судить о степени ее вовлеченности в научно-исследовательскую работу, информации недостаточно. В общем и целом ни одна из этих женщин не оказалась на трибуне съезда случайно. Их выступления были результатом полученной в молодости профессиональной подготовки и продолжительных научных исследований в избранных ими отраслях естественных наук и математики. Но достаточно ли в нашем распоряжении информации, чтобы оценить, как воспринимались их доклады другими участниками съездов? В некоторых случаях ответ на этот вопрос может дать изучение протоколов заседаний съездов.

Как уже упоминалось нами ранее, участие женщин в работе съездов русских естествоиспытателей и врачей началось на III Съезде (1871 год, Киев), на котором А. Ф. Волкова не только была избрана председателем секции, но и выступила с двумя сообщениями. Однако в нашем распоряжении нет информации о том, как были приняты ее доклады. Их рефераты были опубликованы в «Трудах третьего съезда...», но никаких сведений о состоявшихся прениях по докладам в этом источнике не публиковалось. Выдающийся историк химии советского периода, д. х. н. Юсуф Сулейманович Мусабеков (1910–1970) в статье «Первые русские женщины-химики» упоминает о выступлениях А. Ф. Волковой на «Киевском съезде естествоиспытателей и врачей», однако также не сообщает никаких подробностей¹⁷⁷⁹.

Следующее выступление женщин с сообщениями состоялось через восемь лет, на VI Съезде (1879 год, С.-Петербург), когда с докладами выступили сразу три женщины: С. В. Ковалевская, М. М. Манасеина и С. М. Переяславцева. Все три на момент выступления – доктора зарубежных университетов: два доктора философии (С. В. Ковалевская и С. М. Переяслав-

¹⁷⁷⁵ Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 393.

¹⁷⁷⁶ Тихомирова О. О. Как разводить шелковичных червей. М.: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1894. 36 с.

¹⁷⁷⁷ Она же. Практика шелководства. Т. 1–3. М.: Универ. типография, 1899–1900; 2-е изд. 1908.

¹⁷⁷⁸ Тихомиров А. А., Тихомирова О. О. Учебная выкормка шелковичного червя. М.: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1916. 44 с.

¹⁷⁷⁹ Мусабеков Ю. С. Указ. соч. С. 12.

цева) и доктор медицины, Мария Михайловна Манасейна (1843–1903)¹⁷⁸⁰. Сохранилось историческое свидетельство о подготовке к выступлению и о самом выступлении на съезде С. В. Ковалевской. Е. Ф. Литвинова в биографическом очерке, посвященном С. В. Ковалевской, пишет об этом событии, предположительно по воспоминаниям самой С. В. Ковалевской: «В начале 1880 года¹⁷⁸¹ был съезд естествоиспытателей, на котором она (С. В. Ковалевская. – О. В.) присутствовала по настоянию Чебышева, всегда принимавшего горячее участие в ее судьбе; по его же настоянию, она решилась прочесть на съезде одну из своих залежавшихся работ. Долго пришлось ей искать заветного ящика, где хранились ее математические рукописи и книги. Нужно сказать правду, что прежде чем добраться до них, много надо было снять пыли. На чердаке они успели отсыреть, но мысли, в них заключавшиеся, отличались новизной и свежестью и никем еще не были высказаны. С чувством радости и гордости Ковалевская в одну ночь перевела свою статью об Абелевских функциях на русский язык. Во время этой работы, в ночной тиши, перед нею вставал дорогой образ ее учителя – Вейерштрасса, и в ней оживал интерес к науке, а утром она прочла реферат на съезде, произвела общее впечатление, заслужила одобрение Чебышева и снова примкнула к ряду научных деятелей»¹⁷⁸².

---

¹⁷⁸⁰ Манасейна Мария Михайловна (1843–1903) – выпускница курсов «ученых акушеров», обладательница российского звания «женщина-врач», доктор медицины, физиолог. В настоящее время признана пионером в области экспериментальной науки о сне. О ней см.: *Kovalzon Vladimir M. A Portrait of: Maria Manasseina, pioneer sleep scientist // Sleep Research Society Bulletin. 2009. Vol. 15. № 2. P. 27–28; Idem. Some notes on the biography of Maria Manasseina // Journal of the History of the Neurosciences. 2009. Vol. 18. № 3. P. 312–319.*

¹⁷⁸¹ В данном случае Е. Ф. Литвинова немного ошибается: работа VI Съезда продолжалась с 20 по 30 декабря 1879 г. — О. В.

¹⁷⁸² Литвинова Е. Ф. Указ. соч. С. 49.

Рис. 30. Портрет С. В. Ковалевской. Открытка. Серия портретов деятельниц на научном поприще (из коллекции Иконотеки ИИЕТ РАН)

Таким образом, из утверждения Е. Ф. Литвиновой следует, что С. В. Ковалевская в период проведения VI Съезда (1879 год, С.-Петербург) не занималась научной деятельностью; приняла участие в работе съезда по настоянию (и из уважения) к Пафнутию Львовичу Чебышеву (1821–1894), в то время профессору Петербургского университета; прочитала на съезде в качестве доклада намного ранее, в период пребывания за границей, написанную статью, название которой по-русски звучало следующим образом: «О некоторых абелевских интегралах высшего порядка». Тем не менее, по мнению другого биографа С. В. Ковалевской, физика, академика АН СССР Пелагеи Яковлевны Кочкиной (1899–1999), участие в заседаниях VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей сыграло выдающуюся роль в жизни С. В. Ковалевской. И произошло это потому, что «на этот съезд приехали ученые со всех концов обширного Российского государства. В том числе из Финляндии прибыл профессор Гельсингфорсского университета Геста Миттаг-Леффлер, ученик Вейерштрасса. На этом съезде Миттаг-Леффлер и Ковалевская встретились второй раз»¹⁷⁸³. Так было возобновлено старинное знакомство, а уже летом 1881 года Г. Миттаг-Леффлер рекомендовал С. В. Ковалевскую для занятия места профессора в Стокгольмском университете: «Летом (19 июня 1881 г.) Миттаг-Леффлер сообщает Софье Васильевне, что с первого сентября открывается математическое отделение нового университета в Стокгольме, – пишет П. Я. Кочина, – и выражает надежду, что Ковалевская согласится занять место доцента или профессора этой кафедры, которое однако на первых порах

¹⁷⁸³ Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М.: Наука, 1981. С. 105.

не будет оплачиваться. Он уже разговаривал с друзьями...»¹⁷⁸⁴ С. В. Ковалевская приняла это предложение, что позволило ей вернуться к профессиональной научной деятельности.

Возвращаясь к заседаниям VI Съезда: протоколы заседаний VI Съезда не зафиксировали реакцию присутствовавших на доклады С. В. Ковалевской и М. М. Манасеиной¹⁷⁸⁵. Однако протокол заседания секции зоологии, на котором выступала С. М. Переяславцева, сохранил для нас следующее: «Сообщение это (сообщение С. М. Переяславцевой. — О. В.) вызвало долгие и единодушные аплодисменты всех присутствовавших в зале заседания. Г. Герценштейн сделал несколько замечаний по поводу этого сообщения»¹⁷⁸⁶. Протоколы заседаний VIII Съезда (1889/1890 год, С.-Петербург) не зафиксировали никаких комментариев или пожеланий в отношении докладов, сделанных женщинами, кроме доклада, сделанного С. М. Переяславцевой на тему «Сравнительный очерк развития Amphipoda». По завершении этого доклада, как свидетельствует протокол заседания, «проф. Н. П. Вагнер предложил секции выразить благодарность г-же С. М. Переяславцевой за ее неутомимую десятилетнюю зоологическую деятельность в качестве заведующей Севастопольской биологической станции. Секция выразила свою признательность г-же Переяславцевой рукоплесканиями»¹⁷⁸⁷. В протоколе IX Съезда (1893/1894 год, Москва) записано, что доклад М. В. Павловой на тему «Об ископаемых Mastodonta, найденных в России, и их географическое распространение» «вызвал замечания со стороны М. Д. Сидоренко и одного лица из числа присутствовавших на заседании»¹⁷⁸⁸. Никаких дальнейших пояснений, однако, нет. На X Съезде опять-таки только один из «женских» докладов вызывает зафиксированные в протоколе замечания. На сообщение Ольги Петровны Косач¹⁷⁸⁹ «О знахарстве в Малороссии» «проф. Ал. И. Маркевич делает замечание, что к несчастью не только в народе, но подобные же суеверия распространены и в интеллигентном обществе»¹⁷⁹⁰. На XI Съезде доклад А. П. Преображенской «О Новороссийской боре» был дополнен: «По поводу сообщения г-жи Преображенской А. И. Воейков сказал несколько слов о значении Новороссийской боры (Нордост) и об организации мин[истерством] пут[ей] сооб[щения] двух станций для ее изучения: на берегу бухты – ею заведует г-жа Преображенская – и на высоте Мархотского перевала, почти прямо над бухтой, в 400 метр[ах] над уровнем моря»¹⁷⁹¹.

Возможно, однако, что подобная скудость комментариев объясняется не отсутствием интереса слушателей, а чрезмерной лаконичностью протоколов съездов. Во всяком случае, ситуация с «женскими» докладами, сделанными на XII Съезде (1909/1910 год, Москва), была

¹⁷⁸⁴ Там же. С. 110.

¹⁷⁸⁵ См.: Протокол пятого заседания секции астрономии и математики, 29 декабря 1879 года // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. С.-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, 1880. Отд. I. С. 207; Протокол заседания секции по анатомии и физиологии, 28 декабря 1879 года // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. С.-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, 1880. Отд. II. С. 123.

¹⁷⁸⁶ Протокол четвертого заседания секции зоологии 27 декабря 1879 г. // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. С.-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, 1880. Отд. II. С. 70.

¹⁷⁸⁷ VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С. Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 5.

¹⁷⁸⁸ Секция геологии и минералогии. Заседание 8-го января // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1894. № 7. 10 января. С. 29.

¹⁷⁸⁹ Косач Ольга Петровна (1849–1930) – писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Пчилка Олёна, этнограф, с 1 мая 1925 г. член-корреспондент Украинской АН по специальности фольклористика, этнография (Національна академія наук України, URL: <http://www.nas.gov.ua/EN/Sites/PersonalSite/Pages/default.aspx?ffn1=Email&fft1=Eq&ffv1=KosachOP18491930>).

¹⁷⁹⁰ Протокол заседания секции географии, антропологии и этнографии 27 августа // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. 1898. № 10. 30 августа. С. 489.

¹⁷⁹¹ Секция физической географии. Протоколы заседаний 29 декабря // Дневник XI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... СПб., 1902. С. 462.

иной: многие из них вызвали оживленную дискуссию. Доклад М. А. Аладыной «Строение кости у костистых рыб» вызвал замечание и дополнение М. М. Новикова¹⁷⁹². Одновременно «председательствующий (председатель секции анатомии и физиологии. — О. В.) профессор А. А. Колосов выразил свое удовольствие по поводу очень обстоятельной и добросовестной работы докладчицы и отметил то, что будучи начинающей на научном поприще, докладчица дала больше, чем можно было ожидать»¹⁷⁹³. Доклад М. М. Васюхновой «О равновесии $\text{CuS} \leftrightarrow \text{Cu}_2\text{S}$ » вызвал замечание Ф. М. Флавицкого¹⁷⁹⁴; доклад В. М. Данчаковой «О кроветворении у высших позвоночных» – замечание А. С. Исаковича¹⁷⁹⁵; доклад Е. А. Домрачевой вызвал возражения со стороны С. А. Франкфурта, И. И. Дамберга, Фрейберга, Н. И. Прохорова, Зубчанинова, Филипповского, В. П. Кочеткова, А. П. Чернаго, А. Н. Минина, Н. А. Димо, Л. И. Прасолова¹⁷⁹⁶. По докладу Н. Н. Клепининой «Извержение грязевой сопки на Керченском полуострове в 1909 году» свои соображения высказали Стельман, Поддубный, Ордынский¹⁷⁹⁷. По поводу доклада В. К. Коноваловой «Влияние среды на образование оксониевых дибромидов простых эфиров», сделанного совместно с В. В. Челинцевым, выступили К. А. Красусский и Н. С. Курнаков, а «Ф. М. Флавицкий, указавши, что данная область является совершенно новой, высказал пожелание, чтобы она была исследована и дальше»¹⁷⁹⁸. Доклад А. Б. Миссуны, сделанный совместно с В. Д. Соколовым, «Следы эруптивизма на южно-крымском побережье», вызвал замечания профессора Н. И. Андрусова, А. П. Иванова, А. А. Борисяка, П. Н. Чирвинского, Н. Н. Тихоновича; дополнение В. В. Аршинова. На замечания по докладу отвечал В. Д. Соколов¹⁷⁹⁹. На доклад М. В. Павловой «О третичных млекопитающих Бессарабии, Херсонской и др[угих] губ[ерний]» сделаны замечания и указания профессором Н. И. Андрусовым, а также А. А. Борисяком и П. Н. Чирвинским. Подводя итоги дискуссии, профессор А. П. Павлов заметил по существу: «... что как выслушанный доклад, так и обмен мнений по поводу его, по-видимому, дают право сделать предположение о несколько большей древности фауны Гребенников, сравнительно с фауной Пикерми...»¹⁸⁰⁰. С замечаниями по поводу доклада В. Н. Харузиной «Участие детей в религиозно-обрядовой жизни» выступили С. К. Кузнецов, В. П. Налимов, С. А. Котляревский, Пацукевич; А. Н. Джавахов привел пример из жизни кавказских народностей; Рябков «предложил собирать все, что окажется на поле собирания, а разбирать это будут другие, кабинетные ученые»; Л. Я. Штернберг подтвердил мысль докладчицы;

¹⁷⁹² Секция 8. Анатомия и физиология. 3 января 1910 г. // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 552.

¹⁷⁹³ Там же.

¹⁷⁹⁴ Химия. 29 декабря, утром // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 136.

¹⁷⁹⁵ Зоология. Заседание 29-го декабря, 7 часов вечера // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 158.

¹⁷⁹⁶ 2 января. Вечернее соединенное собрание подсекции растениеводства с подсекцией почвоведения // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 653–654.

¹⁷⁹⁷ Соединенное заседание подсекций географии, этнографии и антропологии 29-го декабря // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 23.

¹⁷⁹⁸ Химия. 5-го января веч[ера] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 468–469.

¹⁷⁹⁹ Засед[ание] подсекции геологии 5 января в 9 ½ ч[ас] у[тра] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 497.

¹⁸⁰⁰ Минералогия и геология. 31 дек. В 10 ½ ч[ас] у[тра] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 265.

В. Г. Богораз сделал фактическое дополнение. После этого В. Н. Харузина «дала некоторые разъяснения». В завершение «собрание благодарило докладчицу за интересное сообщение и приветствовало в ее лице русскую женщину-этнографа и первую русскую преподавательницу этнографии в высших учебных заведениях»¹⁸⁰¹.

Пояснения и комментарии, опубликованные в протоколах XIII Съезда (1913 год, Тифлис), не столь обширны, но они есть. Так, профессор И. П. Осипов, зачитавший доклад Т. В. Ковшаровой «К вопросу о количественном определении алюминия», заметил, что «настоящим предварительным сообщением имеется в виду сохранить за собою право на исследование в ближайший учебный год»¹⁸⁰². Официальный оппонент по докладу М. П. Нагибиной «Несколько слов об опыте изучения вымирающей степной растительности путем культуры степных дерновин» Е. В. Иванов заявил: «Несомненно, подобное изучение заслуживает быть отмеченным, но мне бы казалось, что для полноты этой работы следовало бы привести статистическое обозрение встречающихся форм, тем более что условия, как описывает докладчица, вполне благоприятствуют. И потому, принося благодарность за доклад, пожелаю докладчице продолжать работать по намеченной ею программе»¹⁸⁰³. В обмене мнениями по докладу Н. П. Румянцевой «Об экскурсиях учащихся городских школ» приняли участие Резницкий, Медведков, Богаевский. По результатам обсуждения секция приняла следующую резолюцию: «Педагогическая секция при XIII съезде русских естествоиспытателей и врачей, принимая во внимание всю важность экскурсий, как для учащихся, так и для учащихся, считает необходимым не только широкое развитие их в школе, но и правильную их постановку в смысле точного задания экскурсии, а также возможное удешевление экскурсий, для чего считает необходимым войти с особым ходатайством о понижении тарифа на ученические и преподавательские экскурсии. Для лучшей постановки экскурсий, секция считает весьма желательным появление на книжном рынке особых научных путеводителей, которые могли бы издаваться особыми комиссиями так или иначе организованными»¹⁸⁰⁴.

Сами женщины – зарегистрированные участницы съездов также имели полное право выступать в прениях. Однако подобных выступлений нами практически не выявлено, хотя они, несомненно, были. Так, например, при обсуждении доклада М. С. Воронина «О пьяном хлебе из Уссурийского края» на заседании секции ботаники VIII Съезда (1889/1890 год, С.-Петербург) в прениях выступила О. А. Федченко, сообщив, что «... *“пьяный хлеб”*, собранный ею в Туркестане, содержал семена “плевела опьяняющего” — *Lolium temulentum*. В Туркестане же известен хлеб, совершенно чернеющий после печения, но ядовитых свойств не имеющий»¹⁸⁰⁵.

Подводя итоги изучению протоколов заседаний съездов, можно сказать, что женские научные доклады принимались на заседаниях съездов с достаточной степенью внимания. Некоторые из них вызвали оживленные дискуссии, по другим принимались резолюции, имевшие своей целью поддержать автора доклада, его личную научно-исследовательскую работу или направление его идей и его выводы.

¹⁸⁰¹ Этнография. 2 января в 10 ч[асов] утра // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 556–557.

¹⁸⁰² Секция химии. 19 июня утром // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис, 1914. № 1–10. С. 309.

¹⁸⁰³ Секция ботаники. Утреннее заседание 20 июня // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис, 1914. № 1–10. С. 344.

¹⁸⁰⁴ Заседание физико-математического отдела секции педагогических вопросов. 20 июня, 9 час[ов] утра // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис, 1914. № 1–10. С. 242–243.

¹⁸⁰⁵ Секция ботаники. Заседание 29-го декабря 1889 года // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 5. С. 2.

Глава 7

Женщины во главе научных секций съездов русских естествоиспытателей и врачей

Проявлением уважения к женщинам – участницам съездов служило также избрание их на должности почетных председателей и (или) секретарей секций, а также приглашение женщин к участию в других организационных структурах съездов. Необходимо отметить, что подобные случаи встречались, хоть и были чрезвычайно редки, как это видно из таблицы 29.

На протяжении всей истории съездов женщины 5 раз возглавляли работу секций, в том числе 3 раза секции зоологии и по одному разу секции химии и секции минералогии и геологии; 4 раза избирались секретарями секций; однажды – помощником председателя секции. Членом распорядительного комитета съезда женщина была лишь однажды. Начиная с XI Съезда (1901 год, С.-Петербург) не было ни одного съезда, на котором женщина не возглавляла бы секцию или не являлась ее секретарем либо помощником председателя. На наш взгляд, эти избрания можно трактовать как свидетельства поддержки научным сообществом усилий и трудов женщин-ученых. Например, протокол заседаний VIII Съезда (1889/1890 год, С.-Петербург) засвидетельствовал, что избрание С. М. Переяславцевой на роль председательствующего было бурно одобрено всеми присутствовавшими: «Проф[ессор] А. Ф. Брандт (председатель секции. — О. В.), указав в нескольких словах на заслуги г-жи С. М. Переяславцевой в области зоологии, предложил секции выбрать ее председателем на следующее заседание. Предложение проф[ессора] Брандта было покрыто рукоплесканиями»¹⁸⁰⁶. В свою очередь, С. М. Переяславцева в роли председателя секции не постеснялась пропагандировать усилия женщин на научном поприще, и протокол заседания секции зафиксировал, что «по предложению д-ра С. М. Переяславцевой, председателем на следующее заседание секции выбрана О.И.¹⁸⁰⁷ Тихомирова»¹⁸⁰⁸.

Таблица 29. Официальные должности, занимавшиеся участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей в организационных структурах съездов

№	Ф.И.О.	Съезд	Дата заседания	Председатель секции	Секретарь секции	Другие должности
1	Волкова А. Ф.	III	24 августа 1871 г.	химии		
2	Цветаева М. К.	VIII	29 декабря 1889 г.		геологии и минералогии	
3	Переяславцева С. М.	VIII	31 декабря 1889 г.	зоологии		
4	Тихомирова О. О.	VIII	3 января 1890 г.	зоологии		
5	Переяславцева С. М.	XI	28 декабря 1901 г.	зоологии и сравнительной анатомии		
6	Павлова М. В.	XII	—	—	—	член распорядительного комитета
7	Павлова М. В.	XII	1910	минералогии и геологии; подсекция палеонтологии		
8	Харузина В. Н.	XII	1910			товарищ заведующего (председателя) секции географии, этнографии и антропологии; подсекция этнографии
9	Бубнова Л. К.	XII	1910		географии, этнографии и антропологии; подсекция статистики	
10	Нагибина М. П.	XIII	19 июня 1913 г.		ботаники	
11	Пастернацкая В. Ф.	XIII	19 июня 1913 г.		ботаники	

¹⁸⁰⁶ Секция зоологии. Заседание 30-го декабря 1889 года в 7 ч. вечера // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 3.

¹⁸⁰⁷ Опечатка в тексте протокола: имелась в виду О. О. Тихомирова. — О. В.

¹⁸⁰⁸ Секция зоологии. Заседание 31-го декабря 1889 года // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 3.

Протоколы заседаний сохранили также официальные свидетельства того, что слушательницы Московских Высших женских курсов были вовлечены в работу по подготовке и проведению XII Съезда (1909/1910 год, Москва): «Ф. М. Флавицкий, констатируя, что занятия съезда приходят к концу, как старейший член секции химии, предлагает собранию выразить благодарность за понесенные по съезду труды заведующему секцией Н. Д. Зелинскому и бюро секции. Н. Д. Зелинский в ответ на эти слова указывает, что труды по съезду с ним разделяли секретарь секции В. В. Челинцев и студенты университета и слушательницы Моск[овских] Выс[ших] жен[ских] курсов. В трудах Бюро секции химии в течение всего съезда принимали участие слуш[ательницы] В.Ж.К.: Е. Ф. Введенская, Е. М. Иванова, Е. Н. Калашникова, О. П. Молчанова, А. Г. Новикова, Р. В. Фельзенгард...»¹⁸⁰⁹ Заседания секции химии XIII Съезда (1913 год, Тифлис) проходили в помещении Высших женских курсов¹⁸¹⁰.

Итак, опубликованные материалы съездов русских естествоиспытателей и врачей представляют собой уникальный источник статистических данных, впервые позволивших нам воссоздать численность корпуса российских женщин-ученых второй половины XIX – начала XX века; определить их распределение по территории Российской империи; составить представление об их социальном и профессиональном положении; выявить наиболее интересовавшие их отрасли знания. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), открывая общее собрание XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 28 декабря 1910 года в роли председателя распорядительного комитета съезда, сказал следующее: «Наш съезд <...> есть в одно и то же время и праздник, и дело: он осуществляет собою и возможность широкого товарищеского общения и всероссийскую высшую школу естествознания; но я позволю себе высказать мнение, что он, вместе с тем, и испытание, точнее смотр русской науки, русского естествознания перед наукой всего человечества, перед культурными задачами нашей собственной страны, перед нами самими – работниками на ниве русского просвещения. На съезде неизбежно должны найти себе выражение труды, мысли, наблюдения и опыты наших ученых за последние годы; он должен отразить на себе до известной степени современное состояние русского естествознания – в качественном и количественном отношении. Съезд, конечно, не обнимает собою всех деятелей в области соответственных наук: многие из них не могли, по разным причинам, прибыть на съезд, другие вообще не любят выступать на подобных собраниях. О многих ценных научных русских работах новейшего времени, вероятно, не будет упомянуто на съезде, тем не менее, принимая во внимание число участников съезда и перечень заявленных для него докладов, нельзя сомневаться, что он отразит на себе в большей или меньшей степени новейшее движение русской науки и даст возможность судить о степени его интенсивности и продуктивности, как по сравнению с движением русской науки в предшествовавшие десятилетия, так и с современным положением науки на Западе»¹⁸¹¹.

* * *

Завершая наше исследование, посвященное истории российских женщин-ученых, хочется сказать, что работа по изучению истории их жизни и творчества еще только в самом начале. Слишком много имен все еще остаются неизвестными, слишком много подробностей –

¹⁸⁰⁹ Химия. 5-го января веч[ером] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 469.

¹⁸¹⁰ Секция химии. 19 июня утром // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. № 1–10. С. 305.

¹⁸¹¹ Анучин Д. Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. Речь председателя распорядительного комитета XII Съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г. // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря по 6 января 1910 г. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 3.

утерянными. Хочется надеяться, что наша книга поможет рассеять хотя бы некоторые заблуждения, прижившиеся в исторической литературе, такие как то, что женщин-ученых не существовало в России почти до первой четверти XX века или хотя бы до 60–70-х годов XIX века. Что она поможет смотреть на женщин-ученых не только как на деятельниц общественного движения, но и как на ученых, заинтересованных прежде всего в развитии и распространении научного знания. Хочется надеяться, что хотя бы несколько имен будут возвращены из реки забвения и займут свое заслуженное нелегким трудом и многими жертвами, а иногда и героическими подвигами место в залах славы отечественной истории науки.

Список сокращений

- Архив РАН – Архив Российской Академии наук
ВЖК – Высшие женские курсы
Известия ОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
- МВЖК – Московские Высшие женские курсы
МОИП – Императорское Московское общество испытателей природы
ОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РАО – Русское астрономическое общество
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Императорское Русское географическое общество
РФО – Русское физическое общество
РФХО – Русское физико-химическое общество
С.-Петербургский филиал Архива РАН – С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
- Труды Р. Э.О. – Труды Русского энтомологического общества
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив Москвы
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦГИА С.-Петербурга – Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга
- Horae S. E.R. – Horae societatis entomologicae rossicae

Приложение 1

Женщины – члены Дома Романовых – почетные члены естественно-научных обществ и учреждений Российской империи

Ф.И.О.	Название общества	Дата избрания
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорское С.-Петербургское минералогическое общество	30 января 1868 г.
Ее императорское высочество государыня великая княгиня Екатерина Михайловна	Императорское Русское географическое общество	1882 г.
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорское Русское географическое общество	25 июля 1896 г.
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорский Ботанический сад	1898 г.

Приложение 2

Список научных обществ и учреждений, российских и иностранных, членом которых состояла О. А. Федченко ¹⁸¹²

Дата избрания/ вступления	Название учреждения	Статус
1864 г. 1874 г.	Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете	член-основатель; почетный член
1874 г. 1891 г.	Императорское Московское общество испытателей природы при Московском университете	член-корреспондент; действительный член
1877 г.	Императорское Русское географическое общество	член-сотрудник
1906 г.	Императорская Академия наук	член-корреспондент
1912 г.	Императорский С.-Петербургский Ботанический сад	почетный член
без даты	Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества	действительный член
без даты	Комитет шелководства Московского Общества сельского хозяйства	—
без даты	С.-Петербургское Общество естествоиспытателей	—
без даты	Académie Internationale de Géographie botanique a Le Mans (Sartre) (Франция)	—
без даты	Agassiz Association for Advancement of Science, Boston, Mass. (США)	—

¹⁸¹² По воспоминаниям коллег и друзей, О. А. Федченко состояла членом большого числа научных обществ, в таблице представлены те, которые удалось выявить.

Приложение 3
Список научных обществ, учреждений
и организаций, российских и иностранных, членом
которых состояла графиня П. С. Уварова ¹⁸¹³

---

¹⁸¹³ Таблица составлена на основании подлинных дипломов, выданных на имя графини П. С. Уваровой, хранящихся в: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 387. Л. 1, 2; Д. 388. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8; Д. 389; Д. 390; Д. 391; Д. 392. Л. 1; Д. 393; Д. 396; Д. 397; Д. 399; Д. 401; Д. 402.

Дата избрания/ вступления	Название учреждения	Статус
апрель 1864 г.	Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений	почетный член
январь 1865 г.	Российское общество любителей садоводства	почетный член
18 января 1888 г.	Эстонское ученое общество при Дерптском университете	почетный член
февраль 1889 г.	Саратовская губернская ученая комиссия архивная	действительный член
август 1889 г.	Владимирское православное братство	почетный член
октябрь 1889 г.	Московское нумизматическое общество	почетный член
ноябрь 1889 г.	Российский исторический музей	почетный член
ноябрь 1889 г.	Одесское общество истории и древностей	почетный член
декабрь 1889 г.	Берлинское общество антропологии, этнографии	почетный член
декабрь 1889 г.	Общество Нестора летописца	почетный член
1890 г.	Императорское Московское общество испытателей природы	почетный член
январь 1890 г.	Русское общество акклиматизации животных	почетный член
март 1890 г.	Французское археологическое общество	почетный член
март 1890 г.	Антропологическое общество Австрии	почетный член
май 1890 г.	Православное палестинское общество	почетный член
ноябрь 1890 г.	Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии	почетный член
1891 г.	Фино-угрское общество	почетный член
февраль 1891 г.	Музей древностей	почетный член
20 февраля 1891 г.	Археологический институт	почетный член
1891–1892 гг.	Французское национальное общество любителей древностей	почетный член
апрель 1892 г.	Русское археологическое общество	почетный член
октябрь 1892 г.	Судумская епархиальная церковноархеологическая комиссия	почетный член
ноябрь 1892 г.	Географическое общество (?)	почетный член
март 1893 г.	Итальянское общество	почетный член
январь 1894 г.	Общество истории и древностей остзейских провинций	почетный член
ноябрь 1894 г.	Прусское общество древностей	почетный член
3 декабря 1894 г.	Императорская Академия наук	почетный член
13 мая 1895 г.	Русский археологический институт в Константинополе	почетный член
июль 1895 г.	Свято-Владимирское братство	почетный член
январь 1896 г.	Псковское археологическое общество	почетный член
июнь 1896 г.	Археологическое общество при Пенсильванском университете	почетный член
октябрь 1896 г.	Курляндское общество литературы и искусства	почетный член
декабрь 1896 г.	Латвийское литературное общество	почетный член
январь 1897 г.	Уральское общество любителей естествознания	почетный член
январь 1899 г.	Пензенский губернский статистический комитет	почетный член
июль 1899 г.	Парижское общество	почетный член
ноябрь 1899 г.	Музей изящных искусств	член-учредитель
23 октября 1902 г.	Лазаревский институт восточных языков	почетный член
февраль 1904 г.	Пензенская архивная комиссия	действительный член
январь 1905 г.	Историко-родословное общество в Москве	почетный член
январь 1905 г.	Тульская епархиальная палата древностей	почетный член
март 1906 г.	Московский публичный и Румянцевский музей	почетный член
20 февраля 1907 г.	Императорский Харьковский университет	почетный член
1910 г.	Владими́ро-Вольнское братство	действительный член
апрель 1910 г.	Университет Святого Владимира	почетный член
май 1910 г.	Ставропольская ученая архивная комиссия	действительный член
26 мая 1910 г.	Императорский Московский университет	почетный член
29 мая 1910 г.	Императорский Казанский университет	почетный член
июль 1910 г.	Черниговское епархиальное древлехранилище	почетный член
июнь 1913 г.	Пруская Академия философии	доктор философии Академии
июль 1913 г.	Общество изучения Могилевской губернии	почетный член
январь 1914 г.	Новгородское церковно-археологическое общество	почетный член
ноябрь 1914 г.; февраль 1915 г.	Московская духовная академия	почетный член
февраль 1915 г.	Петроградская духовная академия	почетный член
октябрь 1917 г.	Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете	почетный член
без даты	Общество художников исторической живописи	почетный член
без даты	Императорская публичная библиотека	почетный член
без даты	Финляндское общество	почетный член
без даты	Литературное общество Италии	почетный член

Приложение 4
Список слушательниц физико-математического
отделения С.-Петербургских Высших
женских курсов, оставленных при курсах
для подготовки к профессорскому званию ¹⁸¹⁴

---

¹⁸¹⁴ Таблица составлена на основании: [Списки оставленных при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1896–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 91–95.

Ф.И.О.	Дата оставления при курсах
Петрушевская Анна Федоровна	в 1899 г. утверждена ассистенткой; в 1902 г., 27 марта, заграничная командировка; 20 марта 1907 г. заграничная поездка
Шумова Вера Дмитриевна	с 10 сентября 1902 г.; с 18 октября 1903 г. руководитель практических занятий при кафедре кристаллографии
Васильева Александра Теофилактовна	30 сентября 1902 г.; 14 января 1904 г.; 26 апреля 1906 г.; с 15 июня 1906 г.; 2 ноября 1906 г.; 10 мая 1908 г.; с 18 сентября 1910 г.
Леман Инна Николаевна	с 9 сентября 1903 г.; 21 марта 1906 г. заграничная командировка; 21 июля 1908 г. зачет заграничной поездки; 22 ноября 1911 г. оставлена при курсах
Гереньева (урожденная Тимофеева)	с 18 октября 1903 г. ассистентка при кафедре астрономии
Величковская Татьяна Дмитриевна	с 6 мая 1904 г.
Григорьева Ольга Семеновна	с 6 мая 1904 г.
Громова Татьяна Ивановна	с 6 мая 1904 г.; с 20 марта 1907 г. заграничная командировка; с 26 июня 1908 г. ассистентка
Красносельская Татьяна Абрамовна	с 6 мая 1904 г.; с 1909 г. ассистентка при кафедре ботаники
Александрова Варвара Александровна	с 12 мая 1904 г.
Истомина Нина Александровна	с 19 мая 1904 г.
Смирнова Юлия Александровна	с 8 июля 1904 г. утверждена руководителем практических занятий по математике
Воропонова Наталья Федоровна	с 15 сентября 1904 г.
Григорова Наталья Федоровна	с 15 сентября 1904 г.
Еремина (урожденная Черняева)	с 15 сентября 1904 г.; с 8 ноября 1905 г. ассистентка
Гулинова Елена Николаевна	с 16 декабря 1904 г.
Шишова Ольга Николаевна	с 16 декабря 1904 г.; с 21 августа 1908 г. ассистентка при кафедре физиологии
Егорова Вера Ивановна	с 8 ноября 1905 г. ассистентка органической химии
Лебедева Вера Евгеньевна	в 1906 г. 11 октября уехала за границу для защиты диссертации на степень доктора философии
Гернет Надежда Николаевна	с 27 апреля 1906 г. заграничная командировка; 3 марта 1907 г. заграничная командировка
Юницкая Надежда Александровна	с 12 октября 1906 г.; с 20 марта 1907 г. заграничная командировка
Мартьянова Евгения Сергеевна	с 28 ноября 1906 г.; с 23 ноября 1908 г. ассистентка при кафедре астрономии
Полосухина Ольга Андреевна	10 января 1907 г. заграничная командировка; 15 января 1908 г. продлен срок заграничной командировки, одно пособие в 1000 р.
Деменко Варвара Захаровна	5 сентября 1907 г. ассистентка по кафедре химии
Колотова Лидия Ивановна	с 9 января 1907 г.; с августа 1908 г. ассистентка при кафедре аналитической химии
Сакара Надежда Петровна	с 9 января 1907 г.
Левичкая Анастасия Николаевна	с 19 сентября 1907 г.; 18 ноября 1908 г.
Мотоилова Софья Николаевна	с 10 декабря 1907 г.; 9 октября 1909 г.
Ферингер Анна Богдановна	с 26 июня 1908 г. ассистентка при кафедре физики
Половцева Вера Викторовна	с 3 октября 1908 г. ассистентка по кафедре анатомии и гистологии
Умнова Анна Ивановна	с 3 октября 1908 г. ассистентка при кафедре органической химии
Градинская Анна Валентиновна	с 28 октября 1908 г.
Некрасова Мария Павловна	с 28 октября 1908 г.
Шапошникова Варвара Александровна	с 28 октября 1908 г.
Шерешевская Елена Григорьевна	с 18 ноября 1908 г.
Корсакова Мария Павловна	с 12 ноября 1909 г.; 2 ноября 1910 г.; 29 марта 1911 г.; с 11 сентября 1912 г. ассистентка по кафедре ботаники
Рихтер Анна Дмитриевна	с 12 ноября 1909 г.; 2 ноября 1910 г.
Смирнова Валерия Михайловна	с 17 декабря 1909 г.
Шалаурова Евгения Викторовна	с 17 декабря 1909 г.
Унковская (урожденная Бельская)	с 23 февраля 1910 г.; 4 октября 1911 г.
Шицловская Ванда Мясцлавовна	с 1 апреля 1910 г.; 4 октября 1911 г.; 11 сентября 1912 г.; 24 сентября 1913 г.
Гюббенет Елизавета Руд.	с 28 октября 1910 г.; 4 октября 1911 г.
Крестинская Варвара Николаевна	с 28 октября 1910 г.
Якоб Юлия Сергеевна	с 28 октября 1910 г.
Белянинова Александра Петровна	с 2 ноября 1910 г.
Кладо Татьяна Николаевна	с 2 ноября 1910 г.
Сорокина ныне Агафонова Мария Васильевна	с 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г. со стипендией; 22 ноября 1911 г. продолжение стипендии по 1 января; 26 марта 1913 г. заграничная командировка
Блумберг Ольга Константиновна	с 26 апреля 1911 г.; 11 сентября 1912 г.
Шелюмова Александра Михайловна	с 4 октября 1911 г.; с 22 ноября 1911 стипендия им. Лихачевой; 13 декабря 1912 г. продление стипендии; 6 февраля 1914 г.
Захарова Анна Васильевна	с 22 ноября 1911 г.
Полжкова (урожденная Войткевич)	с 22 ноября 1911 г.; 6 февраля 1912 г. по 40 р. и 12 апреля 1912 г. стипендия в 480 р. по 1 апреля 1913 г.; 26 марта 1913 г. продление остатка со стипендии по 1 апреля 1914 г.
Россовская Вера Александровна	с 22 ноября 1911 г.; 13 декабря 1912 г.
Рукавишников Анастасия Сергеевна	с 13 декабря 1911 года; с 6 марта <...>
Бриллиант Варвара Александровна	с 11 сентября 1912 г.; в феврале 1914 г.
Богданова Татьяна Николаевна	с 11 сентября 1912 г. по 24 сентября 1913 г.
Старынкевич Ада Дмитриевна	с 11 сентября 1912 г.
Шульгина Надежда Яковлевна	с 11 сентября 1912 г.
Нейман Ольга Федоровна	с 13 декабря 1912 г.
Бухалова Вера Ивановна	с 16 марта 1913 г., заграничная командировка
Крылова Татьяна Борисовна	с 26 марта 1913 г., заграничная командировка
Мутафова Римма* Карапетовна	с 30 апреля 1913 г.
Фермор Ксения Александровна	с 30 апреля 1913 г.
Венус Эльфрида-Шарль Давидовна	с 15 октября 1913 г.
Рубинштейн Геня Шмузлевна	с 24 сентября 1913 г.
Никольская Нина Александровна	с 5 декабря 1913 г.; с 10 февраля 1915 г. стипендия в 480 р.
Тильман Мария Юлия Фрицевна	с 6 февраля 1914 г.
Фрей Лидия Давыдовна	с 6 февраля 1914 г.; 10 февраля 1915 г. продлена стипендия на 1 год
Савкова Антонина Васильевна	с 10 февраля 1915 г. со стипендией в 480 р.
Штауде Нина Михайловна	с 10 февраля 1915 г.
Ангеницкая Лея Мовшевна	с 10 марта 1915 г.
Емельянова Александра Георгиевна	—

* Слово неразборчиво. – *О. В.*

Приложение 5
Данные о проживании участниц съездов
русских естествоиспытателей и врачей
на территории Российской империи

Название географического пункта	№ съезда										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	—	205	90	103	679	1208	868
Не указали	0	0	0	0	—	17	6	0	425	33	2
Александрия, Херсонской губ.						1					
Александров, Херсонской губ.							1				
Александровск, Екатеринославской губ.									1		2
Александровское, село									2		
Анапа, Кубанской обл.											3
Антоновка, село Воронежской губ.								1			
Арзамас											1
Армавир										1	3
Ахалцых											1
Баку									1	3	16
Балаково, Самарской губ.											2
Балта											1
Баняково, село Самарской губ.										1	
Бар, Подольской губ.											1
Бахмут											1
Бежица, Орловской губ.											1
Белая Глина, село Ставропольской губ.											1
Белая Церковь, Киевской губ.											1
Белград									2		
Белгород									1		
Белев, Тульской губ.										2	2
Белосток, Гродненской губ.									1	2	2
Бельий, Седлецкой губ.									1		
Беллев, Тульской губ.											1
Бердичев										1	
Бердянск, Таврической губ.						1					
Богородск, Московской губ.										4	2
Брест-Литовск						1					1
Бронницы, Московской губ.											1
Брянск, Орловской губ.								1		2	1
Бугульма, Самарской губ.											1
Бутенково, почтовая станция, ст. Кобеляки Харьковско-Николаевской ж. д.								1			
Буча, станция Киево-Ковельской ж. д.										1	
Варшава			2	3				1	3	4	5
Вачнадзани, село; станция											1

* Так в источнике. Возможно, имеется в виду Ялуторовск, Тобольской губ. – *О. В.*

Приложение 6

Список участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших более одного съезда ¹⁸¹⁵

№ съезда / Ф.И.О. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Акцифиева Анна Евдокимовна, Екатеринослав			Акцифиева Анна Евдокимовна	Акцифиева Анна Евдокимовна	
	Александрова Вера Владимировна, Харьков	Александрова Вера Владимировна, Харьков				
					Альбова Ольга Федоровна, Москва	Альбова Ольга Федоровна, Ростов
			Амалицкая Анна Петровна	Амалицкая Анна Петровна		
				Анисимова Евдокия Семеновна	Анисимова Евдокия Семеновна	
		Антаева Александра Николаевна	Антаева Александра Николаевна			
		Антаева Екатерина Николаевна	Антаева Екатерина Николаевна	Антаева Екатерина Николаевна		Антаева Екатерина Николаевна, Воронеж
	Антокольская Полина Павловна, СПб.			Антокольская Полина Ивановна		
					Арепьева Екатерина Николаевна, СПб.	Арепьева Екатерина Николаевна, СПб.
			Архимович Александра Эдуардовна	Архимович Александра Эдуардовна		
			Ахновская Анна	Ахновская Анна Александровна		
		Базилевич Анна Константиновна	Базилевич Анна Константиновна			
		Безваль Вера Антоновна		Безваль Вера Антоновна		Безваль Вера Антоновна, Кишинев
	Бек Клавдия Александровна, СПб.			Бек Клавдия Александровна		
	Бибикова София Илларионовна, СПб.	Бибикова София Илларионовна, СПб.				
					Бируля-Иванова Мария Андреевна, Житомир	Бируля-Иванова Мария Андреевна, Житомир
				Богословская Надежда Васильевна, Екатеринослав	Богословская Надежда Васильевна, Чернигов	Богословская Надежда Васильевна, Чернигов
					Болтина Мария Васильевна, Харьков	Болтина Мария Васильевна, Харьков
					Брушлинская Анна Платоновна, Белев, Тульской губ.	Брушлинская Анна Платоновна, Белев
					Буковская Зоя Иосифовна, СПб.	Буковская Зоя Иосифовна, СПб.
					Булгакова Елизавета Каллистратовна, СПб.	Булгакова Елизавета Каллистратовна, СПб.
				Бурдакова Мария Константиновна	Бурдакова Мария Константиновна	
	Вагнер Екатерина Николаевна, СПб.		Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна, Киев
					Вадбольская Анна Николаевна, Москва	Вадбольская Анна Николаевна, Бежиза, Орловской губ.
					Варсанюфьева Вера Александровна, Москва	Варсанюфьева Вера Александровна, Москва
				Васильева Александра Феофилактовна	Васильева Александра Феофилактовна (так в тексте источника. — О. В.)	Васильева Александра Феофилактовна, СПб.
	Вебер Мария Владимировна, СПб.	Вебер Мария Владимировна				Вебер Мария Владимировна, Тифлис
		Велчизна Анна Михайловна			Велчизна Анна Михайловна	Велчизна Анна Михайловна, Москва
					Велчизна Екатерина Михайловна	Велчизна Екатерина Михайловна, Балаково, Самарской губ.
					Воронина Мария	Воронина Мария
					Воронина Мария Павловна, Москва	Воронина Мария Павловна, Москва
					Ворошилова София Васильевна, Тульское	Ворошилова София Васильевна, Тульское
					Вонькина Елена Францевна	Вонькина Елена Францевна
		Вышинская Екатерина Романовна			Вышинская Екатерина Романовна	
	Гаген-Торн Елена Павловна, село Александровское			Гаген-Торн Елена Павловна, село Александровское		
					Ганенфельдт Елена Александровна, Москва	Ганенфельдт Екатерина Александровна, Москва

1815 Таблица составлена на основании изучения Списков участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867/1868–1913). Поскольку женщины, выходя замуж, меняли фамилии (событие, которое не всегда можно выявить в настоящее время), то эта таблица неизбежно является неполной. Также следует отметить, что Списки участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей, составлявшиеся, как правило, в большой спешке, содержат, по признанию их составителей, большое количество опечаток, в том числе и в написании имен собственных. В данной таблице мы сохраняем оригинальное написание имен собственных, что иногда приводит к небольшим расхождениям. В таблицу включены данные об участницах съездов с VI по XIII, за исключением VII Съезда. Первая зарегистрированная участница принимала участие в работе III Съезда. Однако ни она, ни участницы IV и V Съездов соответственно не принимали участия в работе последующих съездов. Списки участников VII Съезда в настоящее время являются утраченными.

Список иллюстраций

Часть 1. Глава 1

Рис. 1. Портрет княгини Е. Р. Дашковой. 1808 г. Неизвестный художник с оригинала 1790-х гг.

Рис. 2. Титульный лист журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». 1759. Май

Рис. 3. Первая страница статьи «Известие о некоторой ученой девице в Англии» (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Май. С. 470)

Рис. 4. Д. Г. Левицкий. Портрет Е. И. Молчановой (1758–1809). 1776 г. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Часть 1. Глава 4

Рис. 5. Титульный лист книги В. П. Желиховской «Мое отрочество». СПб., 1893

Рис. 6. Страница из книги В. П. Желиховской «Мое отрочество» с карандашным портретом Е. П. Фадеевой

Часть 1. Глава 5

Рис. 7. Портрет Е. И. Голицыной («Princess nocturne»). А. Е. Егоров. Начало 1810-х. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Рис. 8. Титульный лист книги Е. И. Голицыной «Анализ силы» (*Galitsina E. De l'analyse de la force / 1-ère partied u 1-er livre. St.-Petersburg, 1835*)

Рис. 9. Страница из книги Е. И. Голицыной «Анализ силы» (СПб., 1835. С. 59) с правкой. Из собрания Российской государственной библиотеки

Часть 2. Глава 1

Рис. 10. Портрет М. Н. Вернадской (из книги: *Вернадская М. Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862*)

Часть 3. Глава 2

Рис. 11. Портрет Е. К. Фреймут (из книги: *Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888*)

Часть 3. Глава 3

Рис. 12. Портрет А. П. Федченко (из книги: *Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888*)

Рис. 13. Портрет О. А. Федченко (из книги: *Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888*)

Рис. 14. Ригистан, главная площадь в Самарканде (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Рис. 15. Шах Зинда в окрестностях Самарканда (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Часть 3. Глава 4

Рис. 16. Билет О. А. Федченко для входа на Политехническую выставку. 1872 г. (С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808)

Часть 3. Глава 5

Рис. 17. Обложка книги А. П. Федченко «В Коканском ханстве» (Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2)

Рис. 18. Титульный лист монографии О. А. Федченко «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О. А. Федченко» (Путешествие в Туркестан А. П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования)

Рис. 19. Горы Аксай-тау, к югу от Самарканда (из альбома «Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко»)

Часть 4. Глава 1

Рис. 20. Портрет О. А. Старосельской (из коллекции Иконотеки ИИЕТ РАН)

Часть 4. Глава 2

Рис. 21. Портрет А. Е. Докучаевой («Ежегодник геологии и минералогии в России». 1898–1899. Т. III. Отд. 1. С. 45)

Рис. 22. Портрет Н. М. Субботиной. 1900-е гг. (из личного альбома Н. М. Субботиной)

Часть 4. Глава 3

Рис. 23. Титульный лист книги Н. М. Субботиной «История кометы Галлея» (СПб., 1910) – первой в России книги по астрономии, написанной женщиной

Рис. 24. Медаль Русского астрономического общества, врученная женщинам – лауреатам премии РАО (Известия Русского астрономического общества. СПб., 1900. Вып. VIII. № 4–6. С. [6 – вклейка])

Часть 4. Глава 4

Рис. 25. Портрет М. В. Павловой (из книги: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

Рис. 26. Портрет Н. С. Гаевской. 1938 г. (личный архив О. А. Вальковой)

Часть 5. Глава 1

Рис. 27. Женщины среди участников XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. 1901 г. (С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808)

Часть 5. Глава 3

Рис. 28. Портрет С. М. Переяславцевой (из книги: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

Рис. 29. Портрет М. А. Кожевниковой (Российской) (из книги: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888)

Часть 5. Глава 6

Рис. 30. Портрет С. В. Ковалевской. Открытка. Серия портретов деятельниц на научном поприще (из коллекции Иконотеки ИИЕТ РАН)